З.Х. ИБРАГИМОВА

ЦАРСКОЕ ПРОШЛОЕ ЧЕЧЕНЦЕВ

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

Академия наук ЧР
Комплексный НИИ РАН
Институт Востоковедения РАН

З.Х. ИБРАГИМОВА

ЦАРСКОЕ ПРОШЛОЕ ЧЕЧЕНЦЕВ

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

Историография и методология научного исследования

•

Формирование российского
административного аппарата на Кавказе

•

Проблемы становления и функционирования
военно – народной системы управления в Терской области

•

Результаты деятельности кавказской администрации к началу XX века

•

Библиография

Москва
“ПРОБЕЛ-2000”
2009

УДК 39(=351.42):31
ББК 63.5(2)
И 15

Книга издана при поддержке
“Благотворительного фонда имени Зии Бажаева”

И 15 **Ибрагимова З.Х. Царское прошлое чеченцев: власть и общество.** – М.: ПРОБЕЛ-2000, 2009. – 592 с.

ISBN 978–5–98604–149–0

Данная книга входит в серию монографических исследований кандидата исторических наук Ибрагимовой З.Х., посвященных развитию Чеченского региона в контексте формирования Российской империи. В книге предпринята попытка выявить особенности административно-экономического и культурного освоения Северного Кавказа, определить специфику взаимодействия власти и общества в этом процессе, установить основные этапы формирования Кавказского наместничества, Терской области, показать их специфические характеристики.

Книга посвящена историческим судьбам Кавказа XIX века, выдающимся россиянам того времени, деятельность которых предопределила развитие этого важного региона России.

Автор книги предлагает свежий взгляд на тему, все еще вызывающую споры в российской исторической науке и малоизвестную на Западе.

© Ибрагимова З.Х., 2009
© ПРОБЕЛ-2000, 2009

* * *

Там, где свистящие картечи
Метала бранная гроза,
Лежит в пыли, на поле сечи,
В три грани черная коса.

Она в крови и без ответа,
Но тайный голос произнес:
«Булат, противник Магомета,
Меня с главы девичьей снес!

Гордясь красой неприхотливой,
В родной свободной стороне
Чело невинности стыдливой
Владело мною в тишине.

Еще за час до грозной битвы
С врагом отечественных гор
Пылал в жару святой молитвы
Звезды Чир-Юрта ясный взор.

Надежда храбрых на Пророка
Отваги буйной не спасла,
И я во прах веленьем рока
Скатилась с юного чела!

Оставь меня!.. Кого лелеет
Украдкой нежная краса,
Тому на сердце грусть навеет
В три грани черная коса...

А.И.Полежаев

* * *

...Уже затихло все; тела
Стащили в кучу; кровь текла
Струею дымной по каменьям,
Ее тяжелым испареньем
Был полон воздух. Генерал
Сидел в тени на барабане
И донесенья принимал...

...Тянулись горы – и Казбек
Сверкал главой остроконечной.
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем?..

...Но я боюся вам наскучить,
В забавах света вам смешны
Тревоги дикие войны;
Свой ум вы не привыкли мучить
Тяжелой думой о конце;
На вашем молодом лице
Следов заботы и печали
Не отыскать, и вы едва ли
Вблизи когда-нибудь видали,
Как умирают. Дай вам Бог
И не видать: иных тревог
Довольно есть. В самозабвеньи
Не лучше ль кончить жизни путь?
И беспробудным сном заснуть
С мечтой о близком пробужденьи?..

М.Ю. Лермонтов

И устарела старина,
И старым бредит новизна.
А.С. Пушкин

ВВЕДЕНИЕ

Обращение к прошлому России не только обогащает знаниями, но и даёт великолепный материал для осмысления современности, позволяет построить действенную систему управления. Незатухающая дискуссии о специфике российской государственности придают дополнительную актуальность изучению истории высших государственных учреждений, а также системы управления России. Современная политическая практика свидетельствует, что на Кавказе приходится решать задачи, во многом схожие с теми, которые составляли предмет особых забот Российского государства на рубеже XIX – XX вв. (с учётом изменившихся исторических условий). А это означает, что в таком деле может быть обеспечен успех только на путях соединения опыта прошлого с настоящим.

Значительная часть проблем современного российского общества не может быть успешно разрешена при сохранении в массовом сознании негативных стереотипов и установок в сфере межэтнических отношений, а также при отсутствии устойчивых моделей толерантного поведения, предполагающих уважение, принятие и правильное понимание богатого разнообразия культур, форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности[1]. Отсюда вытекает необходимость детального исследования сложного процесса интеграции чеченского общества в новую государственную систему, изучения важных психоментальных проблем адаптационного периода.

История государственного управления в России представляет собой крупную научную проблему, интерес к которой был стабильно большим, а в последние годы, в условиях системных преобразований в государстве, наличие настоятельной потребности в оптимизации управленческой деятельности в государственных структурах и признания необходимости укрепления вертикали власти, заметно усилился. Современное общество заинтересовано в осмыслении накопленного опыта государственного строительства в нашей стране, чтобы перенять его достижения и не повторить совершённых ошибок. Исторический опыт региональной административной политики

и управленческой организации Российской империи, в арсенале которой были механизмы, позволившие ей просуществовать относительно стабильно, охватывая своими границами огромную полиэтничную и регионально разнообразную территорию, представляет несомненный интерес в условиях современной федеративной формы государственного устройства страны[2].

Актуальной представляется полная научная реконструкция региональных систем российского административного управления, установленных в присоединенных к России национальных окраинах и их взаимодействие (адаптация) с традиционными формами власти[3]. Научная постановка этой и других проблем возможна при реконструкции многоступенчатого механизма российской администрации на Кавказе. Без полной картины всех уровней властных структур, созданных на Кавказе, и определения их функциональных обязанностей невозможно было бы исследование других аспектов российско – чеченского взаимодействия[4].

Актуальность настоящей работы определяется необходимостью объективного анализа процесса распространения государственной структуры Российской империи на территорию чеченского народа в пореформенный период 60-90-х годов XIX века. Изучение исторического опыта развития региона после завершения войны не утратило научно-практического интереса в наши дни. После завершения Кавказской войны перед царским правительством встала исключительно сложная задача включения новых территорий в политико-административную структуру империи, что совпало притом с эпохой проведения буржуазных реформ в стране в целом. Во второй половине XIX века основной проблемой Российского государства на Северо - Восточном Кавказе явилось введение многочисленного чеченского народа, ранее воевавшего против России, и не входившего в систему её административных структур, под управление государственной власти, с возможно меньшим ущербом для казны и с перспективой прибыльности данного региона. Чеченцы столкнулись с необходимостью прохождения адаптационного периода в условиях единой российской экономики, социально-политической сферы и культуры, во время глобальных капиталистических реконструкций общественных моделей Российского государства.

Наиболее острыми проблемами для коренных жителей Терской области в XIX столетии являлись: установление военной диктатуры – связанное с этим отсутствие демократических начал, общественного самоуправления; неупорядоченность правовых отношений, вызванная созданием

«особого законодательства» для регионов Северного Кавказа, в условиях практически полного отсутствия контролирующих и апелляционных инстанций, разрушение устоявшегося уклада жизни и традиций народов, проживавших на территории области; санкционированное правительством переселение горцев в Турцию, результатом чего стали многочисленные жертвы среди мирного населения. Важнейшие административно-политические преобразования были произведены, без какого бы там ни было согласия с жителями (референдума или хотя бы простого опроса).

Мы далеки от того, чтобы проводить прямые параллели между днём сегодняшним и событиями более чем вековой давности, так как и Россия в целом и Северный Кавказ за этот период претерпели кардинальные изменения. Но не обращать внимания на исторический опыт организации государственной власти на территории, отягощённой последствиями длительного военного конфликта, не пытаться выяснить, каковы были механизмы, позволявшие объединить народы, стоявшие на разных стадиях экономического и политического развития, имеющие различные социокультурные и этноконфессиональные параметры, не учитывать какие средства приносили наибольший результат с точки зрения поддержания политической стабильности на Северном Кавказе после включения его территории в состав Российской империи так же неблагоразумно.

Проблема данного исследования актуальна и в том плане, что она составляет хотя и небольшую, но неотъемлемую часть такой крупной темы, как расширение Российского многонационального государства. Нельзя получить полного представления о процессе, путях и особенностях образования и развития многонационального государства, не зная истории сплетения в единую цепь подобной государственной системы отдельных её звеньев. Процесс духовного возрождения России, без развития которого невозможно экономическое процветание страны не существует изолированно от уважительного отношения к прошлому как всей страны, так и её регионов.

Начиная с середины XVI в. на протяжении трёх столетий Российское государство постоянно раздвигало свои пределы. По мере постепенного образования многонациональной державы русский народ расселялся в присоединённых владениях. В XVI – XX вв. многочисленное русское население мигрировало со своей первоначальной этнической территории в Поволжье и Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию, Прибалтику и Белоруссию, в Украину и на Кавказ. Пребывание русских в некоторых из этих регионов исчисляется уже столетиями. Так в нашем государстве по-

явились национальные окраины, то есть территории, не принадлежащие к зоне формирования великорусского этноса. Длительное существование местных и пришлых этносов привело к складыванию уникальной российской цивилизации, основанной на вкладе всех народов России.

При контакте различных народов нередко возникали сложные проблемы, и корни многих межнациональных конфликтов современности лежат в истории прошлых столетий. В конце XX века руководство Чечни поставило вопрос об отделении от России и получении политической независимости. Тот же вопрос поднял на восстание 1877 года сотни чеченцев. В сложившихся до присоединения Чечни к Российской империи конкретно-исторических условиях, чеченский народ мог или быть в составе России и тем самым обеспечить, вопреки политике царизма, объективно более прогрессивный и перспективный путь своего развития, или же остаться самостоятельным, но подвергаться постоянным угрозам со стороны иноземных поработителей. Этот тезис подтверждает современная история многих народов, входивших в состав Российской империи и СССР.

Актуальность предлагаемой работы состоит в том, что в ней анализируется характер и формы политики российского правительства в отношении иноязычных народов страны, их место в общей структуре государства и межэтнические связи. Это важнейшие направления исторических исследований, которые могут способствовать выработке новой общегосударственной идеологии, на деле объединяющей народы Российской Федерации.

Актуализация исторической памяти приводит к тому, что постановка ряда острых общественно-политических проблем в регионе в постсоветский период напрямую выводится из исторического прошлого. Масштабная переоценка фактов, явлений и процессов нашего исторического прошлого, политизация и идеологизация сферы исторического знания, откровенное манипулирование историко-политическими стереотипами массового сознания приводят к искажению образа Северного Кавказа, показывают его как региона исторически нестабильного и конфликтного. Гораздо меньше внимания уделяется тому, что Кавказ изначально являлся областью устойчивого взаимодействия многих этносов и культур[5]. Актуальным также является изучение ошибок, допущенных в прошлом, чтобы не допустить их повторения в настоящем и будущем. Так, например, если после окончания Кавказской войны у местных жителей просто отнимались земли без возмещения материального ущерба, то

после завершения Чеченской войны, жители, лишившиеся своих угодий в результате военных действий и военного строительства (гарнизонов), получили денежную компенсацию от правительства Российской Федерации[6]. Таким образом, определенные исторические выводы сделаны, и ошибки прошлого уже учтены.

Вопросы отношений живущих в единой социально-экономической и политической системе народов всегда были и будут одной из актуальных практических, а вместе с тем и теоретических проблем. В центре бурно развивающегося в современном мире общественного сознания встали две взаимосвязанные проблемы: а) где истоки межнациональных противоречий и конфликтов; какие объективные и субъективные факторы привели к их современному состоянию; б) что необходимо сделать для решения проблем национального бытия и достижения межнационального консенсуса и мира. На многие из этих вопросов отвечает историческая наука.

Проблема власти многогранна и многоаспектная. Она является одной из ключевых для характеристики человеческого сообщества любого уровня в той его части, которая относится к организованному взаимодействию субъектов исторического процесса, то есть к управленческой деятельности во всех её проявлениях. Взаимодействие власти и народа на разных этапах отечественной истории постоянно привлекало внимание как собственно историков, так и исследователей, занятых в других областях гуманитарного знания. Различные аспекты проблемы рассматриваются в традиционных для отечественной науки конкретно-исторических исследованиях и обобщающих трудах по социальной и политической истории, изучаются специалистами по истории государства и права. Она становится одной из центральных тем в новейших работах, в том числе по ментальной и интеллектуальной истории, культурологии. Изучение проблемы власти является важнейшей частью исторической науки, поскольку тема российской государственности, её эволюции, значения и роли в истории, имеет не только научный, но и общественно значимый характер.

Многоаспектная постановка проблемы, анализ сущности и специфика кавказской политики России во втор. пол. XIX века, позволяет сугубо с научной точки зрения сделать объективные обобщения и выводы о взаимоотношениях чеченцев с крупнейшей мировой державой, в состав которой они вошли[7]. Это дает возможность создать реальную и объективную картину в намеченных хронологических и методологических рамках научного исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Шарапов В.В. Межэтнические противоречия и проблема толерантности в межнациональных отношениях: Монография. – Самара,2005. – С.5.

[2] Любичанковский С.В. Структурно-функциональный подход к истории местного управления Российской империи (1907-1917 гг.). – Оренбург,2005. – С.6.

[3] Адаптация – взаимодействие социальной группы или личности со средой, включающее усвоение норм и ценностей этой среды в процессе социализации. Словарь современных понятий и терминов. – М.,2002. – С.12. Адаптироваться – приспосабливаться к изменяющимся внешним условиям. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.,1998. – С.35.

[4] Блиева З.М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е годы XIX века. Дис. …докт. ист. наук. – Владикавказ,2004. – С.3.

[5] Дзамихов К.Ф. Адыги в политике России на Кавказе (1550-е начало 1770-х гг.). Автореф. дис. …канд. ист. наук. – Нальчик,2001. – С.3.

[6] Сухов И. Для душевного спокойствия // Время новостей. – М.,2007. – С.4.

[7] Омаров А.И. Политика России на Северо – Восточном Кавказе в XIX – начале XX века. Дис. …докт. ист. наук. – Махачкала,2004. – С.14.

Посвящается дяде Каиму и дяде Хусейну,
безвременно ушедшим от нас в 2008 году

ГЛАВА I.
ИСТОРИОГРАФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

I. Историография

Евроцентристская и региональная этнография

Кризисные явления в сфере межнациональных отношений различных регионов Российской Федерации показали, что наименее изученным нашими учёными оказался региональный аспект межнационального вопроса[1]. Глобальная теория единой истории российской Евразии не представляет возможным увидеть своеобразные черты прошлого ряда регионов Российской Федерации. Это в первую очередь относится к Северному Кавказу. Традиционная история нашего региона была представлена как эпизоды в историях местных горских и степных народов, Турции и Ирана, а также как эпопея славянских народов на северокавказской земле. Такое представление рождалось идеей о «закономерном» движении на юг и расширении Российского государства, что уже не соответствует современной важности и актуальному характеру изучения структурных и социокультурных процессов в регионе. Последние десятилетия стали для академического сообщества временем, когда все явственнее стало ощущаться разрушение модернистского сознания, а вместе с ним проявление неприятия глобальных объяснительных схем. Происходит отказ от самого главного в историзме – представления о «заданности» истории как постепенном, неуклонном поступательном движении от низших форм – к высшим.

В настоящее время нас интересует социокультурная история региона в разнообразии и единстве его составляющих, его собственная идентичность и включенность в общероссийский и шире, в мировой исторический процесс. В качестве объекта изучения выступают зоны культурного обмена и контактов между коренными жителями Северного Кавказа и пришлым населением. Характер ландшафта, культурные,

хозяйственные и социально-психологические особенности народов Кавказа, предшествующий опыт взаимодействия с русскими и казаками превратили регион не в границу, разделяющую воюющие армии, а в территорию контакта, взаимопроникновения культур и формирования полиэтничного общества. К XIX в. этот процесс, благодаря государственной экспансии, перерос в жестокое противостояние, но даже в период наиболее активных военных действий взаимодействие носило разнообразный характер. В процессе контакта создавались новые социокультурные формы, и одновременно две общности укрепляли и развивали прежние социальные и культурные модели выживания.

Взаимодействие было многосторонним и многофакторным, поскольку происходило (как явно, так и скрыто, неосознанно) в различных сферах, принимало самые разные формы. Как любое социальное явление, взаимодействие происходило на макро – (национальном, государственном) и на микро – (личном, бытовом) уровнях. Все разнообразие взаимоотношений можно условно разделить на три группы: военно – политические, торгово-экономические и духовно-культурные. Формами контактов различных слоев населения становились и ассимиляция, и аккультурация, и кооперация, и этнокультурный изоляционизм. В качестве основных ресурсов выступали демографический потенциал и контроль над пространством[2]. В области культурной истории становятся приоритетными исследованиями региональные истории с многослойными контактными зонами. Исследовательское поле истории пограничных областей – своего рода лаборатория для мультикультурализма. Следует заметить, что в американской историографии можно встретить концепт «пограничная область», примененный к Кавказскому региону[3]. В современных условиях изучение северокавказского региона в рамках междисциплинарных исследований пограничных областей представляется чрезвычайно актуальным. Историки обязаны выявлять не столько типичные, сколько индивидуальные и уникальные черты, своеобразие исторических феноменов кавказских обществ. Сам же разговор о границах важен, в первую очередь, чтобы понимать, как эти границы естественные и мнимые, реальные и воображаемые осмысливались на психологическом уровне полиэтничного населения. Отрадно отметить, что современная отечественная гуманитаристика все чаще обращает внимание на феномен «культуры многообразия»[4].

Представляется важным исследовать не столько межнациональные конфликты, сколько опыт совместного проживания, хозяйствования, природопользования. Поэтому исследовательское поле истории пог-

раничных областей Северного Кавказа – своего рода лаборатория для мультикультурализма. Здесь проживают отличные от других регионов страны социокультурные сообщества, скомбинированные из черт горских, степных, земледельческих и индустриальных этносов и полиэтнических групп мусульман, христиан, буддистов и пр. Колонизационные процессы восточноевропейских этносов, искусственная политика русификации и т.п. только ускоряли старый конфликт между Севером и Югом и не привели, за редким исключением, к смешению коренных и пришлых народов, а локализовали их в этнические и социокультурные миры, в зону северокавказских пограничных областей.

Отношение к истории конфликтов между народами, к Кавказской войне до сих пор очень неоднозначно. Если следовать логике некоторых кавказоведов конца XX – начала XXI в., то получается, что Россия, исходя из своих геополитических интересов, преследовала, прежде всего, миротворческие и гуманитарные цели на Кавказе. Все время, подчеркивая геополитические аспекты происхождения Кавказской войны, эти авторы как бы снимают с России нравственную ответственность за кровопролитие. Они рассуждают следующим образом: «Этими войнами отстаивалась собственная государственность, национальное достоинство, раздвигались и защищались родные пределы… Славные «кавказские» страницы ратной летописи Российского государства не подлежат забвению, сомнениям или ревизии…». И не единого слова сожаления о десятках тысяч горцев, погибших в ходе этих войн. Видно они размышляют по принципу «лес рубят, щепки летят» и «война все спишет». По мнению видного кавказоведа Ш.А. Гапурова, по своей сути политика России на Кавказе в XIX веке была колониальной, но отличалась от «классической» колониальной практики западноевропейских держав[5].

По мнению О.Г. Ворониной, Россия, по сути, вела на Кавказе колониальную войну. Ожесточенность войны связана, прежде всего, с тем, что именно Чечня и Дагестан со своими землями были целью завоевания. Цели этой войны, на взгляд указанного выше автора, впрочем, как и средства и силы сторон, были неадекватными: для России, это была в некотором роде «война престижа», «карманная война», с различной степенью удач по «усмирению» горцев. Для горцев же вопрос стоял о независимости, сохранении национальных и религиозных устоев. Даже в самый разгар войны звучали слова о «гуманной миссии России», о том, что она должна стать источником света, культуры и просвещения для кавказских народов, что Россия «несет цивилизацию» на Кавказ. По

отношению к народам Востока, горцам, русские ощущали некое превосходство, выражавшееся в том, как будто они стоят на более высокой ступени развития. Это всегда задевало коренных жителей Кавказа[6].

Евроцентристская установка европейской, в том числе и отечественной историографии не могла поставить «другого» в одно историческое время со «своим», который представлялся совершеннее. Поэтому первый всегда мыслился как «пришелец из прошлого», из того прошлого, которое уже миновало для второго. В отечественной, как и в европейской исторической науке существовал психологический дефицит понимания истории «другого». Сегодня многие признают, что стандарты социального развития и прогресса различаются в зависимости от культурных и исторических условий. Процесс достижения модерности (современности) не шел по одной исторической магистрали, он следовал альтернативными путями и имел «региональный», «множественный» или вообще «другой» характер. Неслучайно, для определения региональных или локальных особенностей современности исследователи стали использовать понятия «альтернативные модерности», «параллельные модерности» и т.д.[7].

Европейская историография модерна всячески подчеркивала «инаковость» других народов, непохожих на европейцев, указывая, что европейцы приносят этим «варварским» или «диким» народам умиротворение и «порядок». Эту традицию поддержали и российские ученые. Так, например, С.Ф. Платонов отзывался о восточных обществах как о «некультурных» племенах, «прочный порядок» которым несет Россия. С.В. Фарфаровский описывая «трухмен», позволил себе следующее выражение: «И вот в массивах Кавказа мы видим осколки этих народностей, изолированные группы, сохранившие свои обычаи чуть ли не каменного и бронзового веков, говорящих на неисследованных языках седой древности». Влияние стадиальной теории, имеющей в основе своей представление о линейном развитии всех народов мира, проявилось и во взглядах Фарфаровского на духовную жизнь и культуру ногайцев и других жителей Кавказа[8].

Сторонники «симпатизирующей этнографии» вырабатывали образ чеченцев как гордых дикарей, сама природа которых противоречит и не подчиняется закономерностям развития общества, знакомым всему миру; как свободного народа, не идентифицирующего себя с государством и обществом, в котором они живут, более того – народа, созданного для войны с государством как формой организации общества, как этнической группы, не разделяющей и отвергающей ценности и ориентиры других групп, в частности, доминантной в общем для них государстве,

какой бы сферы жизнедеятельности они не касались. Мало того, что сконструирован ложный образ целого народа, этот образ удалось прочно поселить в общественном мнении мирового масштаба.… Как показывает практика, перечисленные постулаты были чужды этнической системе чеченцев. Напротив, история свидетельствует об их достаточно высокой восприимчивости к политическим и социальным реалиям и перипетиям, демонстрирует ясное и четкое понимание происходящего и адекватную реакцию на него; осознание и заявление желаемого в политических и социально – экономических плоскостях, анализ препятствий на пути достижения и выработку предложений по их устранению[9].

Одним из представителей «симпатизирующей этнографии» в начале XXI является И. Пыхалов. Он следующим образом высказался по поводу исторической судьбы Чечни и чеченцев: « Итак, включение Чечни в состав Российской империи было неизбежно: ни одно дееспособное государство не потерпит существования у своих границ «маленького, но гордого народа», чьими основными промыслами являются разбой и работорговля. После чего встал вопрос – что же делать с «дикими горцами?» К чести царского правительства, у него и мысли не возникло последовать примеру «цивилизованных наций» и истребить чеченцев поголовно, как поступили в те же годы англичане с коренным населением Тасмании, или же загнать их в резервации, как это сделали американцы с индейцами. Поскольку чеченцы, чье общественное устройство к сер. XIX века все еще оставалось на стадии родоплеменных отношений, как и положено «дикарям», понимали лишь язык грубой силы, для их «вразумления» рядом располагалось Терское казачье войско»[10]. Искажение и прямая фальсификация исторических фактов И. Пыхаловым не только вводят в заблуждение читателей, но и носят оскорбительный характер для чеченской нации, провоцируя конфликты, в условиях сложных межнациональных отношений как внутри страны, так и за ее пределами. Доктор философских наук, профессор В.Х. Акаев в своей работе «Ислам в Чеченской Республике» поясняет, что социально-экономические отношения в конце XVIII века среди чеченцев формировались не за счет набеговой системы и грабежей и уж тем более мюридизма, сформировавшегося в начале 30-х годов XIX века благодаря освободительному движению имамов Дагестана и Чечни Газимухаммеда и Шамиля. Социально-экономическое становление чеченцев без сомнения развивалось на основе аграрной и торговой деятельности чеченцев, производивших в большом количестве зерно и реализовывавших его на территории соседей[11].

В научной литературе о проблемах адаптации говорится скупо. Между тем не счесть косвенных упоминаний, опосредственных соображений, связанных с адаптацией. И это естественно, ибо адаптация – постоянный и важный фактор исторического процесса. В бесчисленных проявлениях: человек – и человеческий социум, и человек как индивидуум – сталкиваются с необходимостью адаптироваться в меняющихся условиях. При этом порой возникает удивительный кругооборот – человек сам меняет условия жизни и сам вынужден приспосабливаться к вызванным им же изменениям. Адаптация перманентна и присуща человечеству на всех этапах его развития. Проблемы адаптации поразительно многообразны. Социально-этническая адаптация означает приспособление отдельного человека или человеческой общности к изменениям социальной и этнической обстановки в результате эволюций, войн, завоеваний, миграций и т.д. Адаптация происходила на протяжении всей истории человечества, отличаясь осознанностью действий от происходившего и происходящего повсеместно в живой природе адаптациогенеза[12].

Кавказская война (1818-1864 гг.) завершила присоединение Северного Кавказа к России. Среди чеченцев распространено очень живое чувство истории, и, Кавказская война даже сегодня – была словно вчера. Особенно актуальна эта тема стала после окончания Чеченской войны. По мнению Галины Старовойтовой, необходимо признать, что государство уже который раз давало повод чеченцам искать путей независимости от этого государства[13]. Для значительной части народов Северного Кавказа и тот, и этот период стали тяжелой трагедией, связанной с массовой гибелью людей в результате военных действий, болезней, всяческих лишений. Фактически с горцами произошли катастрофические изменения. Были разрушены традиционные формы уклада жизни и хозяйствования, коренным образом изменилась этнодемографическая структура Северного Кавказа и в связи с внутри региональными миграционными процессами и с беспрецедентным переселением горских народов в Османскую империю в результате поражения в войне и политики Российской империи и других держав по отношению к коренным жителям стратегически важного района – Кавказа.

Еще одной послевоенной травмой для чеченцев стало то, что они были обмануты в своих ожиданиях принятых на себя властью обязательств по отношению к ним. С окончанием Кавказской войны главнокомандующий русской армией генерал – фельдмаршал А.И.

Барятинский обнародовал «Прокламацию чеченскому народу». В этом документе от имени императора России обещалось горцам немало льгот и привилегий. Нет необходимости подробно перечислять «все льготы», которые были обещаны чеченцам. По мнению осетинских историков А.А. Магометова и В.Д. Дзидзоева «…Прокламация представляла собой образец лицемерия и преступной колониальной политики»[14]. Во – первых, в документе закреплялось несправедливое перераспределение земли. Делалось это в пользу горской знати, которую хотели привлечь на сторону царизма. Во – вторых, «Прокламация» была двойственной. Ее можно было трактовать так, как было удобнее царскому правительству и чиновникам. «Все земли и леса на плоскости, где жил чеченский народ до возмущения 1839 года, – говорилось в «Прокламации», – будут отданы вам в вечное владение». Однако дальше идет существенное добавление: «исключая тех, которые заняты под укрепления с принадлежащими к ним плоскостными местами; эти земли навсегда останутся в собственности казны. Те же земли и леса в горной полосе, которыми народ до возмущения не пользовался и откуда вышел при нынешней покорности, останутся в запасе и распоряжении правительства, и каждому аулу будет дан акт и план на вечное владение землей». Можно предполагать, что на такие обещания царизм шел именно в то время, когда очень нуждался в доверии горцев, когда царская администрация уже утверждалась на Северном Кавказе, но еще не так прочно, как это хотели в столице империи. До Барятинского привлекательные обещания горцам раздавались неоднократно. Например, наместник М.С. Воронцов в «Прокламации горским народам» в 1845 году писал: «Земля ваша, именно ваша, а также все имущество, приобретенное трудами, будет неприкосновенною вашею собственностью и останется без всякого изменения…»[15]. Однако мало что из сделанных обещаний реально было выполнено.

Г. Старовойтова в своем интервью провела следующую аналогию между немецкой и российской истории: «…Помните, немецкий лидер Вилли Брандт, – говорит Галина Васильевна, – Посетивший территорию Варшавского гетто, перед сотней телекамер неожиданно опустился на колени и замер? Он выражал покаяние нации за зло, содеянное задолго до его правления. И цивилизованный мир принял покаяние Германии, позволил ей объединиться и стать сильнейшей державой Европы». «Только где он – наш Вилли Брандт?» – воскли-

цает далее Галина Старовойтова. Вместо покаяния общество начинает привыкать к войне, находить в ней даже пользу…»[16]. Путь к раскаянию после содеянного может быть долгим и трудным. Но как же украшает мужество признать свою вину – украшает и человека, и общество и государство.

Желание чеченцев услышать публичные, официальные извинения за геноцид, которому они подверглись в период 1944 –1957 гг. понятно и обосновано. Право на признание допущенной в отношении целого народа несправедливости, безусловно, имел как весь народ, так и каждый его представитель. Репрессии в отношении народов не были публично признаны. Чеченцы, как и другие депортированные народы, возвращались на родину не как пострадавшие от антиконституционной государственной политики. По меткому выражению Х. – М. Ибрагимбейли, в глазах советской общественности они были «помилованы» государством. Подобный взгляд на эту проблему широко распространен и сегодня. Что, в свою очередь, говорит о том, что реабилитация чеченцев должным образом не состоялась и по сей день[17]. В этих условиях закономерным и вполне прогнозируемым было начало рефлексии чеченской национальной элиты по поводу политической истории своей этнической общности[18].

Несмотря на все вынесенные тяготы, даже в крайне тяжелых послевоенных условиях горцы продемонстрировали свои превосходные адаптационные возможности. В результате диалога культур, обмена импульсами и достижениями в различных сферах возникает новое равновесие, которое определяется изменившимися соотношениями элементов и их модифицированной сопряженности[19]. Если народ действительно уважает себя, он застрахован от комплекса неполноценности и никогда не потеряется, не растворится среди других. Такова абсолютная истина: общение народов между собой способствует развитию их собственных культур. Культура представляет главный смысл и главную ценность существования, как отдельных народов, так и государств. Вне культуры самостоятельное существование их лишается смысла[20]. Многие межнациональные конфликты имеют ложные причины, поскольку в их основе лежат не объективные противоречия, а непонимание позиций и целей другой стороны, приписывание ей враждебных намерений, что порождает неадекватное чувство опасности, угрозы. Разумеется, эту благодатную почву всячески стараются в своих целях использовать политики, властные структуры[21].

Не только в России, но и во всем мире становится предпочтительным изучение имперских территориальных единиц с позиций полидисциплинарного подхода. Проблема прав народов все больше и больше дает о себе знать. Сложность и многогранность категории «права народов» делает ее объектом исследования различных наук: политологии, социологии, философии, истории и юриспруденции. Однако правовой аспект данной проблемы до недавнего времени полно и всесторонне не анализировался. Отмеченные факторы объясняют актуальность проблемы и необходимость ее углубления. Научные изыскания призваны акцентировать внимание на механизмах консолидации усилий государственной власти и институтов гражданского общества по формированию межнационального мира и согласия, обогащению многовековых самобытных культур и традиций народов нашей страны, упрочнению принципов взаимоуважения и веротерпимости[22].

Жанр исследования пограничных областей становится сейчас популярным в общественных и гуманитарных дисциплинах Европы и США. Полидисциплинарные и компаративные подходы, историческая и культурная антропология помогают обратить внимание на взаимовлияние народов, на историю диаспорных отношений и миграционных процессов, а также на историю перенимания экономических, политических, социальных, семейных, бытовых и пр. традиций и навыков, на прошлое и настоящее сельскохозяйственных типов, национальных предрассудков, научных и околонаучных стереотипов[23]. По версии С. Хантингтона Кавказ представляет собой зону контакта и столкновения цивилизаций. Согласно его версии, самые кровопролитные конфликты в мире возникают именно на разделительных рубежах цивилизаций, так как тут противостоят христианство и ислам[24]. Еще недавно в историографии существовала практически непроницаемая мембрана между континентальными империями, которые было принято описывать как «традиционные», и морскими империями, которые описывались как «модерные». В настоящее время эта позиция разрушается. Сегодня историки признают не только то обстоятельство, что «традиционные» континентальные империи в XVIII и особенно в XIX веке уже отнюдь не были вполне традиционными, но и то, что в морских империях этого времени сохранялось не мало традиционных элементов общественного устройства и форм контроля центра над периферией[25].

Пересмотр проблем и аспектов отечественной истории

Сегодня стоит вопрос о переосмыслении политики царизма на Кавказе. Было время, когда тот или иной народ историки с легкостью объявляли добровольно вступившим в российское подданство на основании первого же соглашения, договора местной знати с Москвой или же с провинциальным российским начальством. На самом деле картина была гораздо более сложной. Отношения подчинения и подданства русская сторона и ее партнеры зачастую воспринимали совершенно по-разному, и нужно тщательно проанализировать различия во взглядах на статус пребывания в составе России, с одной стороны, у русских властей и, с другой – у присоединенных народов.

В 2007 году вышла статья С.Л. Дударева, посвященная судьбе концепции «добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России», где автор задает своим оппонентам несколько вопросов: «Ну, положим, – пишет ученик В.Б. Виноградова, – растопчите вы окончательно «добровольное вхождение». А что признаете? Масхадовско – удуговскую идею о 400-летии противостояния России и Чечни? Или вернетесь к «задам» – включению Чечни в Россию в результате Кавказской войны? И что опять будет в основе такого «единения» – только борьба, кровь, смерть? На таком фундаменте, господа хорошие, общего будущего у России и Чечни нет»[26]. Таким образом, Дударев шантажирует общественность, грозя тем, что оглашенное истинное положение вещей может спровоцировать очередной конфликт и совсем не задумывается о том, что обычно все войны и противостояния возникают именно из-за заговоров, лжи и скрытых обид, что дорога в ад устлана именно «якобы благими» намерениями…

Сейчас в нашей науке происходит кардинальный пересмотр множества проблем и аспектов отечественной истории. Один из принципиальных вопросов – трактовка присоединения народов и территории к России, выстраивание отношений между ними и центральным правительством. Уходит в прошлое апологетический подход, ученые учитывают как добровольные, так и насильственные формы присоединения[27]. Необходимо называть вещи своими именами. Северный Кавказ был завоеван в XIX веке силой оружия. Только после упорной, долголетней борьбы России удалось сломить сопротивление горцев. Последствия войны ощущались на протяжении десятилетий. Только честно рассказанная правда снимет последние наслоения недоверия,

приведет к более глубокому межнациональному уважению и сотрудничеству[28].

Решение задач освоения Северо-Кавказского региона традиционно подразумевало высокую степень ответственности должностных лиц и неослабное внимание всего российского общества. В этих условиях роль ученых-кавказоведов неизмеримо возрастала. Разработка и накопление знаний о Кавказе, а также обобщение первого опыта управления «кавказской окраиной», решение проблем межэтнических и межконфессиональных отношений не могло происходить вне общего контекста осмысления в отечественной науке государственной проблематики. Анализ историографии второй половины XIX – начала XX вв. показал, что за этот период был накоплен обширный материал по различным проблемам русско-кавказских отношений. В дореволюционный период происходило развитие исторического кавказоведения, в рамках которого в той или иной мере находили свое отражение проблемы влияния внешнего фактора на обстановку среди кавказских этносов, внутреннего положения и преобразований в Кавказском регионе, управленческой деятельности имперских властей по обустройству горских народов и активному вовлечению его в сферу общероссийских интересов, то есть те проблемы, которые отражали сущность кавказской политики в Российской империи[29].

Во второй половине XIX века значительное внимание историки уделяли формированию новой социально – экономической структуры в исследуемом районе, анализировали поземельные и сословные отношения горцев Северного Кавказа, стремились показать характер и перспективы экономического взаимодействия с Россией. Однако даже те работы, которые были написаны на базе конкретного исторического материала, далеко не всегда полно отражали весь комплекс проблем социально – экономического и культурного развития Чечни. В начале XX в. характер исследований претерпел существенные изменения; первоочередными в работах историков становятся вопросы организации взаимоотношений всех коренных национальностей Российской империи, в том числе и народов Северного Кавказа. Накануне революции был дан мощный импульс дискуссиям на тему национально – государственного строительства. Проблема наилучшего устройства российского многонационального государства затрагивалась в программах различных движений и партий, возникших на политической арене России[30].

Утверждение исторической концепции марксизма и зависимость исследовательской деятельности от идеологических установок партии определяли подходы и направления развития исторического кавказоведения в советский период. Победители имеют свойство переписывать историю по своему образу и подобию. Они понимают, что контроль над информацией и ее интерпретация – это контроль над общественным мнением. Взгляды тех, кто не принимает ни одну из господствующих теорий, не выходят за пределы узких кругов и не становятся известными широкой общественности. Оппозиционные воззрения намеренно замалчиваются, с тем, чтобы максимально обезопасить влияние ортодоксальных теорий на массы людей. В связи с довлеющими идеологическими установками и государственной цензурой в первые годы советской власти практически прервалось дальнейшее развитие традиционного русского кавказоведения.

С октября 1917 года начинается качественно новый историографический период, особенностью которого являлась тесная связь исторической науки с идеологическими установками партии и советского правительства. Вслед за В.И. Лениным советские историки стремились показать негативную роль царского правительства в подавлении национальных интересов народов Северного Кавказа. Анализ историографии показывает, что в первые годы советской власти проблему взаимоотношения центральной власти и национальных регионов выдвигала не столько его недостаточная научная разработанность, сколько сам реальный процесс государственного строительства на национальных территориях. Этим объясняется интенсивный поиск оптимальной национально – государственной модели, осуществляемый большевистскими лидерами, нашедший отражение в многочисленных публикациях. Дабы не допустить в научный обиход противоречащие данные и удержать качающееся здание ортодоксальных построений, уже с первых революционных лет прибегали к двойным стандартам. Уничтожающей критике подвергался всякий, кто оказывался достаточно независимым – иначе говоря, достаточно честным в обращении с фактами. При такой позиции официальных научных кругов важные данные легко превращались в нечто малозначимое или вовсе устранялись из научного обихода[31]. Удивительно точно, в связи с этим подметил Карл Поппер, говоря, что книги это «третья реальность»; первая из которых – объективно существующая, а вторая – субъективная[32].

Толкование истории присоединения кавказских народов к Российской империи и связанных с этим «освободительных движений», оценка роли органов власти России по данной проблеме подвергались известной коррекции в угоду политической конъюнктуры: от концепции «абсолютного зла» до расширительного толкования тезиса о «наименьшем зле» и добровольном характере присоединения горских народов к Российской империи[33]. Поскольку колониальное правление с его высокомерными претензиями на культурное и политическое превосходство интерпретировались в научных кругах как противоречащее моральным принципам, – возможно, именно поэтому для изучающих историю колониализма в России всегда было естественным отыскивать примеры сопротивления местного населения колониальному правлению, чтобы подтвердить его незаконность и продемонстрировать неотъемлемо присущее угнетенным стремление к освобождению.. Исследование темы позволяет довольно точно выявить пределы имперского господства и дает возможность (хотя бы в принципе) наделять подданных империи сознанием и волей, не зависимыми от элитных слоев, а также самостоятельностью и самосознанием, которые позволяли им на определенном уровне «творить свою собственную историю». Возможно, именно по этой причине ученых так привлекали примеры оппозиционных движений, принимающих явно «политическую» форму, – например, националистические движения, поскольку ясное словесное выражение требований и стремлений, наличие представлений об источниках угнетения и способность поднять людей на рискованные действия для улучшения существующей ситуации – все это предполагает наличие высокого самосознания[34].

В первые годы советской власти было характерно безоговорочное и недвусмысленное осуждение царского колониального режима; в соответствии с этим сопротивление местного населения считалось полностью оправданным и поэтому оценивалось историками положительно. Ранняя советская историография 20-х – первой половины 30-х гг. XX века рассматривала включение Северного Кавказа в состав Российской империи как типичное колониальное порабощение, при котором классовые интересы царизма и его генералов сомкнулись с устремлениями местных феодалов. Набеги горцев на соседей стали объяснять географическим фактором, а именно нехваткой ресурсов в условиях чуть ли не нищенского быта.… В духе экономоцентричной марксистской схемы в ранней советской историографии понятие «хищничество» стало увязываться с экономической отсталостью горцев, задавленностью их двой-

ным гнетом российских и местных эксплуататорских классов[35].

С конца 1920-х гг. в историографии утверждается «партийно-классовый» подход к изучению всех явлений и событий прошлого, отодвигающий на второй план научно – историческое содержание и фактологическую сторону изучаемых проблем. Привлекая новые факты, исследователь всегда подспудно осознавал опасность быть обвиненным в «буржуазно – националистическом», или, в каком – либо другом «уклоне». Безоговорочно осуждая царизм и создаваемые им институты, советские авторы подчеркивали, что, например, государственная школа была все–таки лучше традиционной конфессиональной. При этом вопросы развития конфессионального образования разработаны в советской историографии крайне слабо, практически все авторы останавливаются на деятельности только государственных учреждений. Краеведческая литература советских времен, как правило, шла по пути сбора фактического материала на местах, стараясь не давать ему нового научно – теоретического обобщения[36].

В конце 30-х – 40-е гг. XX в. в советской политике и науке произошел резкий поворот. Официальный курс поздней сталинской эпохи заключался в признании объективной ценности государственных традиций царской России. Широкие завоевания XIX в. получили положительную оценку. Присоединение Северного Кавказа к Российской империи стало рассматриваться как «меньшее зло», открывшее путь к ускорению общественного развития региона, отмиранию в нем феодально – патриархальных «пережитков средневековья»[37].

В 1930-е гг., несмотря на жесткие идеологические ограничения, в развитии историографии вновь обострился интерес к политике России на Кавказе, что отчасти было связано с принятием Конституции 1936 г. и новыми веяниями в национальной политике советского государства. Важной частью историографии данного периода являются исследования, в которых содержалась критика не только имперской политики царизма, но и национализма малых народов Кавказа[38].

В тяжелые 40-е годы и сразу после Отечественной войны наблюдалась все более глубокая приверженность идее «дружбы народов»; эта идея стала проецироваться также и на дореволюционный период. Русская имперская экспансия, теперь понимавшаяся в основном как совокупность оборонительных операций или же попыток защитить нерусских соседей от внешних врагов или от междоусобных конфликтов, стала расцениваться как позитивное и прогрессивное явление; соответс-

твенно сопротивление нерусских народов русскому режиму вначале подверглось безоговорочному осуждению, а затем его одобряли лишь при условии, что в акциях сопротивления неоспоримо присутствовал «социальный аспект» или же в них принимали участие социальные низы. Это существенно обедняло тематику взаимодействия. С точки зрения П.В. Верта, «акции «сопротивления» имеют место лишь в крайних случаях (например, на самой ранней стадии установления имперского господства), тогда как мирная «подрывная деятельность» является характерной чертой повседневной жизни имперской провинции «даже в периоды кажущегося благополучия»[39]. Необходимо было больше уделять внимания пассивной оппозиционности местных национальных сообществ по отношению к разнообразным инициативам имперского центра, которая, несмотря на «мирный» характер, могла значительно «осложнять жизнь» и «портить нервы» властям. Если говорить в целом, то с начала 1940-х гг. и вплоть до XX съезда партии в 1956 году наблюдается заметный спад в исследовании кавказской темы. Объективное исследование взаимоотношений России и горских народов стало невозможным в силу политических обстоятельств, главным образом из-за проводившейся в 1940-е годы политики депортации ряда народов Северного Кавказа в Среднюю Азию.

В конце 1950-х – первой пол. 80-х гг. наиболее одиозные положения сталинской историографии были забыты. В рамках советской марксистской парадигмы кавказоведы послевоенных десятилетий выдвинули тезис о том, что накануне российского завоевания северокавказские народы стояли не на стадии первобытности, а относительно развитого феодализма[40]. В эти десятилетия советского правления наблюдалась постепенная историографическая «ревизия». Преобладающая тенденция теперь выражалась в том, чтобы подчеркнуть двойственный характер угнетения нерусских народов, отдавая при этом дань известной ленинской характеристике царской России как «тюрьмы народов» и в то же время, продолжая настаивать на исторически «прогрессивном» значении вхождения нерусских народов в состав России, поскольку социальный уровень развития местного населения обычно считался более отсталым, чем российский и, следовательно, более далеким от социализма. Советские историки обычно склонялись к романтизации сопротивления и пытались свести все причины недовольства к основным социально – экономическим факторам, даже когда материал источников явно указывал,

что на карту ставились иные вопросы. Наиболее вопиющим в этом отношении было толкование религиозного сознания, которое либо полностью игнорировалось, либо интерпретировалось исключительно как способ выражения социального протеста[41]. Вместе с тем существовала официальная установка о добровольном вхождении всех без исключения народов и окраин в Российское государство, дружбе народов и солидарности трудящихся, существовавших на территории Советского Союза во все исторические эпохи. От историков ждали обоснования этих официальных положений. Целый ряд тем, таких как колониальный характер российского продвижения на Северном Кавказе, оставались закрытыми для исследования[42].

В 60-е гг. наблюдался всплеск интереса к национально – освободительному движению горцев Северного Кавказа, который подкреплялся, главным образом, начавшейся с 1957 года политикой реабилитации депортированных сталинским руководством народов. Отличительной чертой созданных в 1960-е гг. работ, является пристальное внимание историков к проблеме культурного влияния России на Чечню и активной работой исторических школ в регионах[43]. В 1970-е – перв. пол. 1980-х гг. наиболее актуальной темой в исторических исследованиях становится проблема развития феодализма и этнокультурных особенностей горских народов[44].

С конца 80-х годов XX века сложились условия, позволяющие писать историю, не приукрашенную и усеченную, а такую, какой она была в реальности. Стало возможным устранить «белые пятна», пересмотреть оценки и сказать «всю правду». Выполняя эту роль, историческая наука вносит вклад в нравственное возрождение общества, ибо правда – высшая нравственная ценность. Острейшие практические проблемы современной общественной жизни (особенно в сфере межнациональных отношений) имеют глубокие исторические корни, без выявления которых их невозможно разрешить. Их питает пласт ошибок, несправедливостей, преступлений и умалчиваний, последствия которых копились десятилетиями и даже веками. Кроме того, главной тенденцией сдвигов в духовно-идеологической сфере стало возрождение национального самосознания, что вызвало резкое повышение общественного интереса к истории[45].

С конца 1980-х гг. исследование кавказского региона получает совершенно новое направление. Проблема национально – освободительного движения горцев Северного Кавказа становится наиболее популяр-

ной темой в национальных республиках, особенно в Чечне и Дагестане. Политика России на Северном Кавказе получает в работах исследователей в основном негативную оценку, а лидеры освободительных движений превращаются в национальных героев. Начиная с 1988 года, на страницах печати поднялась настоящая волна материалов, осуждавших политику насильственной депортации чеченцев в Казахстан и Киргизию в 1944 году.

В постсоветский период особенно стал актуален в историографии цивилизационный подход исследования исторических процессов. Под данным способом понимается сформулированная еще Н. Данилевским, а затем А. Тойнби необходимость исследовать историческое прошлое того или иного народа как часть общей истории человечества, являющейся результатом определенного взаимопроникновения и взаимодействия. Сравнительное исследование цивилизаций дает широкие возможности для изучения контактов различных культур во времени и пространстве. По мнению российских ученых, колонизация – один из основных факторов, позволивших России успешно справляться с масштабными проблемами. При этом колонизация рассматривается как сложное историческое явление. Ввиду того, что сам процесс колонизации того или иного социокультурного пространства представляет собой ни что иное, как своеобразную культурную интервенцию, неизбежно меняющую реальную действительность, применение цивилизационного подхода позволяет учесть ряд существенных факторов, определивших исторические условия развития страны в результате инкорпорирования в традиционную российскую среду носителей иных культурных традиций[46]. В целом в постсоветской историографии продолжают господствовать подходы поздней советской школы: Кавказская война предстает как разновидность национально – освободительного движения, дореволюционное общество изображается переходным от феодализма к капитализму, а российское завоевание и реформы – как мощный толчок к такому переходу. Отличительной чертой историографии эпохи перестройки является свободная трактовка известных исторических событий, в том числе и не профессиональными историками (энтузиастами-самоучками) и просто дилетантами. В это сложное и бурное время преобладали критические взгляды на национальную политику не только царской России, но и советского государства.

Заметные перемены в развитии отечественной историографии можно наблюдать в период с начала 1990-х по настоящее время. Осо-

бенностью данного периода является то, что исторические исследования постепенно стали приобретать относительную самостоятельность от любых видов идеологии и яркий индивидуальный почерк, стремление к неординарному историческому решению, поиску новых тем и открытий. Проделав огромную работу по изучению вновь открывающихся для исследователей баз архивных и литературных источников, ученые по – иному взглянули на многие факты истории российского освоения Кавказа[47]. Интерес к национальной политике Российской империи дополнительно актуализировался в связи с обострением комплекса национальных противоречий на постсоветском пространстве, длительной Чеченской войной[48].

К сожалению, приходится констатировать, что историография народов Кавказа всё ещё остаётся почти не исследованной проблемой. Немного и работ, посвящённых историческому анализу трудов даже видных учёных-кавказоведов. Современная историческая наука переживает кризис фундированности исследований. Между тем ссылки в тексте – это средство научной коммуникации и своеобразная валюта, которой современные исследователи оплачивают долг перед предшественниками. Они позволяют проследить ход получения данного научного результата, сообщают работе достоверность, обрисовывают круг литературы, содержащей необходимые сведения о проблеме, и создают контекст исследования[49].

Публикации о Чечне и чеченцах, подобно крошечным, но экзотическим «островам», разбросаны в великом безбрежном «океане» разновременных и многопрофильных изданий. Отыскать в нем эти заветные «острова», таящие крупицы знаний, – задача, посильная лишь многолетним и целеустремленным поискам историков – краеведов. Ввиду этого каждый новый исследователь, приступавший к изучению Чечни, вынужден был изучать ее как бы заново[50].

В данном исследовании не ставится задача дать общий историографический обзор всех работ, посвящённых истории Чечни второй половины XIX века. Это представляет собой самостоятельный предмет изучения. Поэтому в историографическом очерке затронуты лишь те работы, которые имеют принципиальное значение, а также труды, отражающие наиболее характерные с методологической точки зрения позиции авторов, или напротив, наиболее оригинальные концепции[51].

Информация о народах Кавказа, хранящаяся в библиотеках России

При исследовании настоящей темы, автором была привлечена литература по истории Кавказа, выходившая в свет с последней четверти XVIII века по 2008 год включительно. Условно её можно разделить на литературу, описывающую Кавказский регион, и общероссийскую. К последней относится, например, работа Ф.Н. Фадеева «Вооружённые силы России», где Кавказ затрагивается только в определённом военно – стратегическом аспекте. В работе «Письма с Кавказа» (СПб.,1865) Р.А. Фадеев отмечал: «Сравнивая то, что есть, с тем, что могло быть, я не боюсь и обвинения в преувеличении, когда скажу, что покорение Кавказа есть величайшее из внешних событий русской истории XIX века… Утверждение русского владычества на Кавказе должно оказать решительное влияние на всю сумму азиатских дел…»[52].

Для того чтобы охватить вниманием, в ходе исследования, как можно большее количество изданных работ по истории Кавказа, необходимо было в течение 16 лет работать не только в центральных, общеизвестных книгохранилищах, но и изучать литературу в уникальных библиотеках (например, научно-справочной библиотеке РГИА, Синодальной библиотеке), ведомственных (ЦНСХБ – Центральная научная сельскохозяйственная библиотека при Министерстве сельского хозяйства РФ) и специализированных (ЦНМБ – Центральная научная медицинская библиотека им. И.М. Сеченова, библиотека Германского Исторического института) хранилищах. Самыми крупными и известными библиотеками в нашей стране являются РГБ (г. Москва) и РНБ (г. СПб.). В Российскую государственную библиотеку (РГБ) поступают обязательные экземпляры всех изданий, но в силу её публичности и доступности, многие книги портят читатели, из-за чего данные издания становятся недоступными для изучения. В Российской национальной библиотеке (РНБ), находящейся в Петербурге, особенно интересен отдел периодики, богатейший по своему составу, т.к. в изучаемом нами XIX веке он был центральным, столичным хранилищем в Российской империи, в силу чего единичные издания газет и журналов сохранились только там.

Особое внимание кавказоведам стоит уделять Государственной публичной исторической библиотеке (г. Москва). Эта библиотека родилась из частных собраний (библиотеки А.Д. Черткова, А.И. Барятин-

ского и др.). На протяжении всей своей истории – и в стенах Исторического музея, и будучи самостоятельной Исторической библиотекой, основные свои фонды изданий XV – начала XX века она получала из «вторых рук». В 1887 году в библиотеку Исторического музея наследники фельдмаршала А.И. Барятинского передали на хранение его библиотеку[53]. Князь Барятинский скупал различные коллекции книг, особенно много у него было книг по истории кавказского края[54]. В ГПИБ долгие годы целенаправленно собиралась литература, освещающая историю Кавказа, благодаря чему библиотека имеет прекрасную коллекцию кавказоведческих изданий. Научно-справочная библиотека РГИА небольшая, но она располагает единичными экземплярами книг, которые не доступны для читателей в других книгохранилищах. Это одно из собраний дореволюционных официальных и служебных изданий. В состав библиотеки вошли книги из собраний архива и Департамента герольдии Сената, собраний Синода, Канцелярии е.и. в., библиотек министерств народного просвещения, путей сообщения, финансов, частных собраний[55]. В фондах ИНИОН (Институт научной информации по общественным наукам) хранятся депонированные рукописи, зачастую более нигде не изданные, благодаря чему приобретают особую ценность. В библиотеке Института Востоковедения РАН присутствует много интересной, редкой литературы по истории Востока, в том числе подаренные авторами экземпляры редких книг. Центральная научная сельскохозяйственная библиотека имеет большое хранение, где удалось обнаружить ценные материалы по истории развития сельского хозяйства на Кавказе, а также изучить флору и фауну Чечни. Данные издания уже давно исчезли из фондов других библиотек. Интересными и уникальными в своем роде являются фонды Российской государственной библиотеки по искусству (РГБИ), находящейся в центре культурной жизни страны. В библиотеках города Владикавказа находится много местных кавказских изданий, которые по тем или иным причинам не попали в центральные библиотеки страны. Они являются самобытным и очень интересным для исследователя материалом.

К сожалению, в ходе боевых действий в городе Грозном была уничтожена крупнейшая Республиканская библиотека им. А.П. Чехова, где хранились тысячи редчайших экземпляров монографий, сборников, статей по истории Чечни. В связи с печально известными событиями, поработать над темой там не удалось – все книги сгорели. Во время Чеченской войны в Грозном был уничтожен Научно-иссле-

довательский институт гуманитарных наук Чеченской Республики. В его библиотеке хранились труды всех известных кавказоведов, полевые материалы научных изысканий по языкам вайнахских народов и их этнографии, а в спецхранилищах НИИ находились оригинальные средневековые книги и рукописи. Полностью сгорели во время боев в г. Грозном Центральная научно-техническая библиотека, Республиканская детская библиотека, архивы творческих союзов. В Художественный музей угодило несколько бомб, артиллерийских снарядов, здание сложилось «книжкой», и под обломками оказалась вся коллекция (более 3,5 тыс. экспонатов). При обвале здания погибла и картотека, и книга поступлений, а в Москве учет ценностей этого музея никогда не велся, поэтому сказать, какие именно шедевры утрачены, сегодня нельзя. Под его обломками бесследно исчезло более 40 тыс. экспонатов уникальных археологических коллекций. Та же участь постигла произведения декоративно-прикладного искусства[56].

В Центральном государственном архиве ЧР сгорело почти 650 тыс. дел, отражавших историю чеченского, ингушского и славянских народов более чем за два столетия. Национальный архив располагался в нескольких помещениях. В здании бывшего горкома партии бомбоубежище, где находился архив, было рассчитано на атомный взрыв, тяжелая металлическая дверь закрывалась штурвалом. Во время Чеченской войны там ничего не осталось, все рухнуло. Металлические стеллажи спеклись, перекрутились. Подвалы всех зданий, где были рассредоточены архивы, оказались пробитыми, бумага рассыпалась по развалинам серым пеплом. 28 декабря, когда уже в Грозном шли бои, сотрудники архива собрались на работе. Всех охватило отчаяние: что делать? Забили окна и двери гвоздями и разошлись. Транспорта для вывоза архива не было. В короткие периоды перемирия сотрудники архивной службы возобновляли свою работу, пытаясь сохранить то, что осталось. Такого удара по национальной памяти, как сейчас, народ еще не испытывал. Во время Гражданской войны народ понес много потерь, но архив сохранился. Во время Великой отечественной войны, когда немцы подступали к Грозному, архив спасали – по частям вывозили за пределы Республики, кое–что уничтожили, боясь, что попадет в руки немцам. После выселения чеченцев и ингушей в Среднюю Азию тоже часть архива была уничтожена, но многое сохранилось, многое спасли простые грозненцы. В конце XX века в Чечне произошло самое страшное для исторической памяти народа – уничтожены национальные архивы, музеи и библиотеки[57].

Формирование отечественной литературы о горцах в XIX веке

Перейдём теперь к группировке материалов, отразивших в той или иной степени историю чеченского народа и взаимоотношений его с государственными структурами России во второй половине XIX века. Прежде всего, как наиболее ранние, следует выделить сведения путешественников и исследователей; сводные монографические работы, использовавшие неизданные источники, и не большую группу материалов, отразившую официальное изучение горцев царизмом. В 60-е годы XIX века на Кавказ устремились учёные, литераторы, деятели искусств, которые изучали этнографию, историю, природные богатства, хозяйственный быт населения. Большая часть этих работ публиковалась в газетах и журналах. Так, например, книга Маркграфа даёт чрезвычайно ценный материал о положении кустарной промышленности и отдельных групп кустарей и ремесленников не только в 70-х годах XIX века, в то время, когда собирался материал, но и значительно раньше[58]. На подготовку и составления очерка у Маркграфа ушёл один год. Работу эту он начал по инициативе Чаха Ахриева, Золотарёва и других лиц, проводивших в это время исследования в Терской области. В ходе работы О.В. Маркграф столкнулся с неожиданными для него препятствиями: «Промышленное исследование, – писал он, – на Кавказе весьма затруднялось тем, что у туземных племён значительное большинство производства составляет труд женский; спрашивать же магометанку в высшей степени затруднительно, а наблюдать её занятия и вникать в её домашний быт – сопряжено с опасностью для жизни»[59].

Довольно много свидетельств о путешествии на Кавказ сохранились еще с XVIII столетия. Достаточно интересным являлось путешествие по Кавказу ученого-любителя польского графа Я. Потоцкого в 1798 г. После его смерти, в 1829 г., было издано сочинение графа, первый том которого содержал общеисторические произведения Потоцкого. Второй том рассказывал о путешествии по Кавказу, о кумыках, чеченцах, ингушах, адыгах, кабардинцах и ногайцах[60]. В 1799 году увидела свет фундаментальная работа И.-Г. Георги, посвящённая изучению народов, населявших в то время Российскую империю. В данном энциклопедическом труде Иоганн – Готлиб Георги, немецкий учёный на русской службе, обобщает результаты собственных этнографических исследований, а также рассматривает работы известных российских ученых. Сам Георги

на Кавказе не бывал, но пользовался, очевидно, данными Палласа и, несомненно, данными ученого и путешественника А. И. Гюльденштедта. Иоанн – Антон (Антон Иванович) Гюльденштедт (1745-1781), академик, исследователь Кавказа, в юности учился в Риге, степень доктора медицины получил в Берлине[61]. По мнению другого исследователя, И.-Г. Георги, у чеченцев были князья, и существовало дворянство, но в 1773 году они «…умертвили своих владетельных князей». Работа И. – Г. Георги по праву признана мировым эталоном этнографического исследования[62]. Эркерт фон Рудольф Франц стал автором фундаментального труда «Кавказ и его народы» (1885), изданного на немецком языке. Эркерт провел антропологические измерения некоторых кавказских народов по системе Вирхова. Эркерт фон Рудольф Франц длительное время служил на Кавказе и имел чин генерал-майора Российской армии. Последние годы жизни он провел в Германии[63].

Описанию Чечни посвятил свою работу Иван Иванович Норденстамм. Он прибыл служить на Кавказ в 1829 г. и, участвуя в экспедиции 1832 г., составил «Краткое военно – статистическое описание Чечни», которое явилось первым специальным сочинением об этой части Северного Кавказа. Норденстамм дал не только географический обзор страны, но и попытался ответить на вопрос, связанный с происхождением чеченцев, их религиозных взглядах, языке, хозяйстве, военных силах[64]. Особенно следует выделить заслуги офицеров – разведчиков в годы Кавказской войны, которые проникали в глубь горских земель и тайно составляли их описание. За подписью барона Р.Ф. Розена от 31 июля 1830 г. вышло «Описание народов, принадлежащих правлению начальника войск Левого фланга Кавказской Линии и соседственных, покорных и непокорных», дающее сведения об аварцах, кумыках, чеченцах. Вероятнее всего, что автором «Описания» был кто-то из офицеров Генерального штаба, составившим этот документ по приказу начальника. Как писал в своем отчете А.А. Вельяминов, «…в 1832 году, в продолжение экспедиции против Кази-Муллы, предпринятой в восточной части Кавказа… собраны сведения о местах, чрез кои следовали войска, в землях Кистинцев, Назрановцев и в Чечне». Для того, чтобы правильно ориентироваться в северокавказской проблеме, российским властям было крайне необходима разносторонняя и объективная информация об этом регионе и, особенно о народах, его населявших[65].

Интересны записки о путешествии в зону недавних боевых действий на Восточный Кавказ двух англичан – Дж. Аберкромба и А. Кан-

нингема, которые больше интересовались этнографически-лингвистическими аспектами жизни местных горцев. Учитывая интерес Великобритании к этому региону, можно предположить, что данные путешествия и изданные впоследствии книги не прошли мимо британского правительства и спецслужб[66]. Среди путешественников было много людей, которые посещали Кавказ с определенными заданиями. К ним относился и Эвлия Челеби: находясь на службе у турецкого султана, он посетил в числе других территорий и земли горцев. Его произведение ценно тем, что в нем содержится очень много верных наблюдений, сведений, характеристик[67]. Однако Эвлия Челеби, как большинство путешественников, склонен был к всякого рода преувеличениям. Обаяние новых впечатлений во время путешествий зачастую приводят к неспособности понимать факты в другом культурном контексте. Поэтому его путевые заметки следует анализировать критично[68]. Значительное количество путешественников прибывало на Кавказ и из Западной Европы, не только с исследовательскими целями, но и как резиденты различных спецслужб. В кавказоведческой библиотеке Боннского университета хранятся уникальные книги: П. Кентманна «Кавказ», «Опыт справочного систематического каталога печатных сочинений о Кавказе, Закавказье и племенах, эти края населяющих» (Составил М. Миансаров), «Кавказ и его народы Р. Еркерта (1887), «Народы Кавказа и их освободительные войны против русских» Ф. Боденштедта (1859), «Античная литература и эпиграфика о Кавказе» и многое другое. В этих работах преобладает в основном описание кавказских народов, выявление их особенностей и отношение к окружающей среде и т.д., то есть тот незаменимый эмпирический материал, который необходим для понимания кавказских народов и дальнейшего осмысления причин происходивших на Кавказе событий[69].

Взгляд «извне» имеет свои достоинства и недостатки. Одним из главных достоинств является «свежесть» восприятия. Местные жители фиксируют, в основном «явления в каком-либо роде особенные, выходящие из ряда обыкновенных», но со временем в исторической науке особенно ценными становятся сведения о повседневной жизни, не вызывающие у них никакого интереса в силу своей обыденности. Для иностранца, напротив, именно отличающиеся от привычного, бросается в глаза и вызывает интерес, поэтому их материалы изобилуют этнографическими данными. Главный недостаток взгляда «извне» проистекает из указанного достоинства: человек другой культуры, не всегда способен

понять, правильно интерпретировать или уловить нюансы увиденного. Для этого могут быть разные причины: плохой перевод или полное его отсутствие, ограниченное время для наблюдения и изучения, предвзятое отношение. Но, в любом случае, этот опыт является бесценным и требует должного внимания, тем более для народов, утерявших свои собственные письменные источники из-за жизненных катаклизмов[70].

Среди работ, посвящённых Чечне, очень значительное место занимает работа чеченского автора У. Лаудаева, под названием «Чеченское племя». Автор её, чеченец, колоритная фигура. Учился он в кадетском корпусе и к моменту издания работы имел чин ротмистра царской армии[71]. Работа «Чеченское племя», как говорится в предисловии, представляет собой только выдержки из рукописи Лаудаева, что, разумеется, снижает её значение как исторического источника, так как редактирование, очевидно, изъяло не мало интересных мест. Но, не смотря на это, историк не может пройти мимо этой работы. Лаудаев хорошо знает чеченские отношения, он сообщает ряд весьма существенных данных по вопросу о родовых взаимоотношениях и, что особенно интересно, даёт возможность разобраться во внутритейповых отношениях, показывая, что и здесь царит тот же принцип эксплуатации, что и в отношениях междутейповых. Правда, эти данные Лаудаев приводит как бы нехотя, можно сказать, что он проговаривается, но тем интереснее его высказывания[72]. Историко-этнографическая статья У. Лаудаева вобрала лучшие черты российской буржуазной науки – историзм и подход к истории как к непрерывно развивающемуся объективному процессу, поиск закономерностей общественного развития, представления о государстве как высшей форме общественной организации, стоящей над обществом и действующей в интересах его в целом. Традиционнную для либеральной историографии схему борьбы «родового» и «государственного» начал У. Лаудаев насытил таким количеством бесценного этнографического и фольклорного материала – что статья «Чеченское племя» и по сей день остаётся важнейшим источником по истории дореволюционной Чечни[73]. Для исследователя также представляет интерес статья капитана К. Самойлова «Заметки о Чечне». Основное её содержание – состояние сельского хозяйства, промышленности и торговли у чеченцев[74].

Авторы историко-экономических очерков о горских народах Северного Кавказа – А.П. Ипполитов, Н.С. Иваненков, Г.А. Вертепов, Е.Д. Максимов, Н.П. Тульчинский были чиновниками областного правления и весьма успешно и плодотворно сочетали службу с публицистической

деятельностью, тем более, под их руками оказывался добротный статистический, исторический и этнографический материал. Они единодушно квалифицировали земельную недостаточность горцев на плоскости и в нагорной полосе[75]. Работа начальника Аргунского округа А.П. Ипполитова «Этнографические очерки Аргунского округа», содержит интересные данные о социальном строе Чечни. При всё стремлении этого автора представить чеченское общество обществом равных, у него встречаются знаменательные оговорки. Так, он пишет: «Впрочем, из того, что я сказал, касательно отсутствия в племенах чеченского происхождения всякого аристократического начала, не надо заключать, однако же, что стремление к нему в народе не существовало»[76]. Теперь остановимся на статье Н.С. Иваненкова «Горные чеченцы». Особенно большое, можно сказать, решающее значение для историка, изучающего социальное расслоение горского общества, имеют приведённые Иваненковым данные о земельных пожалованьях Шамиля, являющиеся бесспорным доказательством роста в горах новых групп феодалов[77]. Вопрос об уровне развития общественных отношений являлся спорным у авторов XIX, XX и XXI вв. Так М.К. Любавский, Н.С. Иваненков, М.М. Ковалевский, А.И. Ипполитов признавали наличие в XIX веке у вайнахов феодальных отношений, правда, обременённых сильными родовыми пережитками. Однако даже те авторы XIX в. (В.А. Потто, Р.А. Фадеев, Н.Ф. Дубровин, А.П. Берже), которые доказывали крайнюю «отсталость» горских народов, в своих трудах приводили материалы, свидетельствующие о сословном делении горских обществ, о социальных противоречиях и классовых столкновениях[78]. Указанные авторы имели воинские звания, были офицерами и, прежде всего, выполняли те функции в своей работе, на которые их толкал государственный интерес. Николай Федорович Дубровин (1837-1904) был генералом от артиллерии. Он окончил Михайловскую артиллерийскую академию. После непродолжительной службы Дубровин был прикомандирован к Главному штабу для выполнения военно-исторической работы (1869) и в 1882 году был назначен членом военно-ученого комитета[79].

В 1901 году в Тифлисе под редакцией известного историка Кавказской войны начальника военно-исторического отдела при штабе Кавказского военного округа и директора Кавказского военно-исторического музея генерал – майора В.А. Потто был издан «Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн кавказско – горских, персидских, турецких и в Закаспийском крае 1801-1885». Авторы

сборника под руководством А.Л. Гизетти проделали огромную работу по изучению архивных документов и подсчитали, что за 64 года войн на Кавказе (с 1801 по 1864 г) общие боевые потери составили 96 275 человек. Непосредственно в войнах с горцами с 1818 по 1864 г. потери русской армии составили 91 853 человека: убитыми 22 954 человека (732 офицера и 22 222 нижних чина), ранеными 63 340 человек (3 032 офицера и 60 308 нижних чина), пленными 5 559 человек (87 офицеров и 5 472 нижних чина)[80].

Антон Людвигович Гизетти родился 11 июня 1836 года. В 1863 г. окончил Николаевскую Академию генерального штаба. В 1882 г. прибыл для несения службы на Кавказ. Являлся начальником штаба местных войск Кавказского военного округа. В 1890 г. по состоянию здоровья Гизетти вышел в отставку, и все свободное время посвятил изучению истории Кавказа. В 1896 г. появился в печати его труд «Хроника Кавказских войск». Эта работа была сделана по первоисточникам и официальным докладам. Также были известны следующие работы А.Л. Гизетти: «Библиографический указатель напечатанных на русском языке сочинениям и статьям о военных действиях русских войск на Кавказе» (СПб.,1901) и «Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-Горской, Персидской, Турецких и в Закаспийском крае 1801-1885 гг.» (Тифлис,1901)[81].

Война не благоприятствует ведению точного учета и статистики потерь. С чисто военной точки зрения считалось, что командующему более важно знать численность бойцов, которыми он располагает для тех или иных боевых действий, чем дифференцированные причины выбытия бойцов из строя. Вместе с тем по самому характеру военных действий сколько-нибудь точная дифференциация неосуществима. Невозможно учесть во время происходящих военных действий, сколько из так называемых «пропавших без вести» убито, попало в плен, дезертировало, сколько из числа попавших в плен было ранено, сколько пленных умерло от ран, от болезней и сколько было убито в плену. Более или менее точно учесть все это обычно не удается, и после окончания войны. На точность данных о военных потерях в прошлых войнах в ряде случаев влияет также сознательная и намеренная фальсификация этих данных, как со стороны победителя, так и со стороны побежденного[82].

Россия заплатила очень высокую цену за присоединения Кавказа. До сих пор не представляется возможным произвести сколько-нибудь точные подсчеты людских потерь и финансовых затрат. Современные

историки по-разному оценивают количество погибших в годы Кавказской войны. Х.М. Абдуллин считает, что потери Кавказского корпуса составили 77 тыс. солдат и офицеров погибшими, пленными и пропавшими без вести[83]. В.В. Лапин предположил, что общие боевые потери за весь период завоевания Кавказа составили около 100 тыс. человек. Но, по его мнению, от болезней и разного рода лишений погибло около миллиона военнослужащих[84]. По нашему мнению, это цифра сильно преувеличена. С одной стороны, действительно, в любой войне (это доказано медицинской статистикой) смертность от болезней превышает количество смертей от ранений, но с другой стороны это происходит не в таком соотношении, какое приводит историк В.В.Лапин. Этот исследователь пишет также не только о числе погибших среди военных, но и показывает потери у мирного населения. Исследователь констатирует в своей работе: «Для того чтобы включить в состав империи еще четыре миллиона новых подданных, потребовалось погубить два миллиона таковых.… Как известно, давней и живой отечественной традицией является измерение воинских заслуг степенью жертвенности. Миллион русских, легших в завоеванную землю, становились гарантом того, что всякие попытки предложить «иной» взгляд на присоединение Кавказа представлял собой посягательство на один из устоев национального сознания с минимальными шансами на успех»[85]. Нам представляется, что огромные цифры, не подтвержденные документально официальными статистическими сведениями производят сильное впечатление на читателя, вводят его в заблуждение относительно реально произошедшей действительности и создают ярко негативное отношение к прошедшим событиям, мешают взглянуть на историю объективно.

В дореволюционных работах подход к оценке действующей системы местного управления обуславливался идеологическими позициями исследователей, подавляющее большинство которых не являлись профессиональными историками. Отсюда и различный уровень анализа изучаемых проблем. Нередко, вводя в научный оборот ценнейшие сведения конкретно – исторического характера, в своих теоретических построениях авторы этих работ были далеки от объективного объяснения основ происходивших в крае процессов. Дореволюционные авторы при освещении административной политики власти в регионе, зачастую вольно или невольно пытались завуалировать ее истинное содержание, представить устройство военно-административного управления на Кавказе, в том числе и в Чечне, только как несомненное достижение, благо

для коренных жителей. Изучая административную политику правительства в Чечне, современники смотрели на управление краем как на продолжение покорения чеченцев. Особенно явственно это видно из работ В.И. Иваненкова и Р.И. Фадеева. Своей прямотой и бесхитростностью они дают возможность четко уяснить, на каких именно принципах создавались органы местного управления, а также явно демонстрировали принятую в официальных кругах интерпретацию эволюции административной системы управления. Между тем содержащийся в их работах фактический материал, приводимые ими ценные данные делали данную работу познавательной и необходимой[86].

Ростислав Андреевич Фадеев (1824-1883) с 1844 года служил волонтером на Кавказе, получил два ранения. Известный в свое время публицист генерал Р.А. Фадеев, состоявший при наместнике «для особых поручений», подчеркивал необходимость управлять Кавказом «руками местной администрации», ибо, «по представлениям самих «азиатов» о власти, она должна заниматься лишь поддержанием «внешнего полицейского порядка и преследованием разбойников». «Преимущество разделения функций имперской и местной власти состояло также в том, что все очевидные населению злоупотребления остаются на совести местной власти, не бросая тени на авторитет верховных властителей: « …вся домашняя грязь, мелкое взяточничество и выжимание составляют для населения семейное дело.… Никакие нарекания не падают на европейскую власть; неотвратимая грязь азиатского управления не брызжет на священное имя владычествующего народа»»[87]. По просьбе князя Барятинского Фадеев написал три основных произведения о Кавказской войне. Однако вслед за этим в 1866 году из-за конфликта с военным министром Д.А. Милютиным был вынужден выйти в отставку. Его работы: «Вооруженные силы России», «Мнения о Восточном вопросе», «Чем нам быть?», «Письма о современном состоянии России» вывели Ростислава Фадеева в число ведущих политических мыслителей России. «Кавказская война, – подчеркивает Фадеев, – нанесла огромный ущерб России. Если бы во время Крымской войны кавказские батальоны появились под Севастополем, англо – французский десант был бы уничтожен. Но России приходилось держать на Кавказе 270 тыс. лучших солдат, способных сломить любого европейского врага». Невероятная продолжительность Кавказской войны объясняется, по мнению Фадеева, боевыми и нравственными качествами кавказских народов, а также воспламенявшим их фанатизмом. По мнению Фадеева, столь мощный

успех мюридизма был в значительной степени обусловлен направлением русской политики. Анализ причин возникновения Кавказской войны и первоначальных неудач России, проделанный Р.А. Фадеевым, остается актуальным и поныне[88].

Интеграция чеченского общества в российское происходила крайне сложно, трудно, с огромными издержками, с применением зачастую насильственных методов, и это обстоятельство вызывало сопротивление значительной части населения. На этом основании возник миф об особом «конфликтном» этносе, закрытом обществе, тейповой организации жизни, которая не поддаётся реформированию. Согласно теории «единого потока», взятой на вооружение дворянской историографией и чеченскими сепаратистами, чеченское общество в социально-классовом отношении было однородным, в этническом и религиозном плане – сплочённым, монолитным, и чуть ли не на ментальном уровне отторгало прогресс и отстаивало свою самобытность, приверженность к тейповой организации жизни, адату и шариату. В результате все попытки его модернизации не дали ощутимых результатов и породили многовековое противостояние с Россией. Таким образом, как представители дворянской историографии, так и чеченского сепаратизма склонны преувеличивать этнокультурные особенности вайнахского общества, ставшие якобы непреодолимым препятствием на пути модернизации общества. Причину этих явлений они ищут не в методах колонизации края, а в природе чеченского общества. Однако очевидные исторические факты не укладывались в эту схему. В конце XIX начале XX в. чеченское общество было далеко не однородным в социально-классовом отношении. Формировалась национальная буржуазия, рабочий класс, интеллигенция, появились сословия крупных землевладельцев. Заметным стало классовое расслоение горского крестьянства. Однако в Чечне сохранившиеся институты традиционной жизни, традиции вольных обществ позволяли регулировать, сглаживать возникающие социальные конфликты, снимать остроту классовых противоречий[89].

В дооктябрьской литературе широкое распространение получила точка зрения, что чеченцы, якобы, до позднейшего времени сохраняли «черты первобытной демократии», что у них не было сословий, они всегда пользовались землями с помощью общинно – передельной системы. Такое предвзятое представление о социальной и аграрной истории чеченцев вполне отвечало идейной направленности исторических работ: их авторы были призваны всей совокупности аграрных мероприятий

правительства придать форму законности. Е. Максимов, редактор областной газеты «Терские ведомости» по ряду принципиальных вопросов высказал ошибочные оценки и суждения. Так, он бездоказательно придерживается той точки зрения, что передельная форма землепользования была господствующей в крае вплоть до 60-х гг. XIX в. Здесь сказывалось стремление, во что бы то ни стало оправдать введенную в это время кавказской администрацией общинно – передельную систему землевладения[90].

Большой статистико – экономический материал сосредоточен в работе Е. Максимова. Однако, давая характеристику землепользования у чеченцев, он отрицал наличие у них частной собственности на землю, подчеркивая господствующее положение передельных форм землепользования. Эти ошибочные суждения были опровергнуты в работе Н.С. Иваненкова[91]. На конкретных полевых материалах он доказал наличие у чеченцев частной собственности, сыгравшей важную роль в развитии форм землепользования и социальных противоречиях в 60-70-х годах XIX в. Вместе с тем, поддерживая правительственную политику, он также стремился дать юридическое оправдание новому поземельному устройству горцев[92].

В 1912 г. в Петербурге вышла в свет единственная в дооктябрьской историографии книга П.И. Ковалевского, специально посвященная восстанию 1877-78 гг. в Чечне и Дагестане[93]. Автор книги, как и его предшественники, причину выступлений широких слоев населения видел не во внутренних социально – экономических процессах и политике правящих кругов страны, а во «врожденной воинственности» чеченцев, в субъективных устремлениях «выдающихся лиц» или представителей духовенства, в фанатизме или гипертрофированном свободолюбии горцев. Вместе с тем следует иметь ввиду, что, хотя у дореволюционных исследователей часто встречаются фактические неточности, обусловленные некритическим их отношением к имеющимся источникам и предвзятым подбором фактов, они сделали немало в деле изучения фактической канвы народного восстания 1877 – 78 г.г. Кроме того, справедливости ради надо отметить, что эти исследователи, призванные оправдать и восхвалять кавказскую политику правящих кругов империи, даже при желании не всегда могли отразить в своих работах реальную картину происходивших событий в Чечне в силу жесткого цензурного контроля[94]. В начале XX века профессор П.И. Ковалевский, по основной профессии врач-психиатр, живо интересовавшийся историей, выпустил

книгу «Завоевание Кавказа Россией». Непрофессионализм автора делает его восприятие сюжета особенно показательным – это взгляд типичного представителя патриотически и государственнически настроенной интеллигенции[95].

Существовавшие в горском обществе отношения не укладывались в привычную структуру европейского феодализма. Горский феодализм представлял собой самобытную социальную систему, кардинально отличающуюся от феодализма европейского типа. Для данного общества были характерны такие черты, как сохранение личной свободы основной массы крестьянства и их прав на землю, управленческий характер власти господствующего сословия и др. В то же время народам Кавказа были хорошо известны вассальные отношения. Интенсивная эволюция горского общества в конце XVIII – первой половине XIX вв. проявлялась в формировании частной собственности на средства производства, в том числе и на землю. Самоуправляющиеся горские общества представляли самобытный тип общественного устройства с, несомненно, более выраженными признаками демократизма по сравнению с крепостническим строем России. Сложившуюся у народов Северного Кавказа систему отношений можно считать оптимальной формой использования ограниченных природных ресурсов и организации хозяйственной деятельности горцев[96].

Развитие Чечни в пореформенный период представляло собой сложный и противоречивый путь вхождения в новый для них мир государственности и гражданских отношений, сочетавший в себе как положительные, так и отрицательные стороны проживания населения региона в составе полиэтнической и поликонфессиональной империи. Населению Чечни предстояло вживаться в экономические, социальные, идейно-нравственные и политико-идеологические процессы и явления, часто находившиеся за рамками их исторического опыта. Многозначность результатов присоединения Чечни к Российской империи не принимает однозначности оценок, их сугубой позитивности или резкой негативности. Чтобы избежать предвзятости, внимание историков должно обладать панорамным видением всей совокупности процессов и сил, их интересов и объективных требований и не зацикливаться на силах и действиях, имевших последствием единственно конфронтацию или отторжение[97].Многие современные исследователи отмечают, что уже в XVI – XVII вв. у вайнахов были свои феодалы. Доктор исторических наук Ш.А. Гапуров приходит к обоснованному

выводу, что к концу XVIII –началу XIX в. в Чечне были налицо все признаки складывающегося феодального общества. Заслуживает внимания точка зрения Э.А. Борчашвили, считавшего, что в начале XIX века термин «уздень», утратив своё первоначальное значение, закрепился за привилегированным сословием[98].

Имперская историческая школа, вместо того, чтобы осудить и признать порочными варварские методы колонизации края, пыталась обвинить чеченцев в неспособности и нежелании приобщаться к современной цивилизации (между тем чеченцы очень легко и быстро воспринимают и осваивают современные идеи и технологии)[99]. Изначально отрицательный образ кавказца в глазах этнополитического большинства явился результатом Кавказской войны (1817-1864). Это нашло своё отражение в публицистике тех лет, да и позже, когда кавказские сюжеты рассматривались не иначе, как в рубриках: «В стране абреков и воров», «В диком крае», «Варварские обычаи и нравы» и т.д., а также в творчестве М.Ю. Лермонтова, Л.Н Толстого, отчасти А.С. Пушкина и др. Именно в этот период появились крылатые выражения: «злая пуля осетина», «злой чечен ползёт на берег, точит свой кинжал», и «черкесы грозные», и «жажда брани» горцев и т.д. – всё достаточно и однозначно влиявшее на массовое сознание[100]. Но далеко не все российские авторы отзывались негативно о горцах. И. Березин, путешествуя по Кавказу, отмечал многие положительные качества чеченцев, прежде всего их мужество и стойкость в борьбе. «Не много я видел на Кавказе, – сообщал он своим читателям, – но и это не многое заставило меня убедиться в ложности иноземных повествований о Кавказе и в легкомыслии наших доморощенных рассказчиков и многосведующих политиков. Горец соединяет отвагу в битве с опытностью в нападении и отступлении; глубокое познание местности и неутомимость в походах. Кто поверит, что горец просиживает, не шелохнувшись, сутки и двое в камыше или где-нибудь за камнем, в ожидании врага, а между тем это правда. Кто поверит, что раненый смертельно горец не вскрикнет от боли, чтобы обнаружить своё убежище, а между тем и это правда. Я далёк от того, чтобы отрицать в горце присутствия какого-нибудь похвального качества: я признаю горскую храбрость, готов допустить небольшую долю и других добродетелей…»[101]. В 1820 г. в Москве вышла в свет книга Семена Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе». Книга Броневского стала первым «пособием» для офицеров, отправляемых на Кавказ. В ней подробно описывались нравы горцев и это люди, облада-

ющие несравненной храбростью, доблестью, стойкостью, умением сражаться, умением вести затяжные военные действия, и что, несмотря на сильнейшую племенную раздробленность, они способны объединиться против внешнего врага[102]

К числу исследователей конца XIX века, уделявших особое внимание вопросам земледелия у чеченцев и ингушей относятся, прежде всего, Г. Вертепов и Е. Максимов[103]. Основным хозяином земли, по их мнению, была «родовая» и «поземельная» община. Для оправдания введённой администрацией системы переделов земли оба автора утверждают, что передельная система была господствующей в землевладении горцев до присоединения края к России. Вместе с тем они вынуждены признать, что переделы земли не оправдали себя, ибо чеченцы всячески сопротивлялись переделам[104]. Несостоятельность взглядов Г. Вертепова, Е. Максимова выявляют исследования Н. Иваненкова, доказавшего существование в далёком прошлом у горцев частной формы землевладения. Вопросами землевладения много занимался в XX веке И.М. Саидов. Ему удалось доказать, что общинно – передельная система землевладения была для чеченцев давно изжившей себя формой землевладения, вновь навязанной царской администрацией во второй половине XIX века. Углубив мнение Н.Е. Иваненкова о частном характере землевладения в горах, И.М. Саидов доказал наличие частной формы собственности и на плоскости[105]. В работах С.Д. Максимова дана характеристика земельного положения горцев Терской области. Особенный интерес для историка представляет показанный в его трудах громадный арендный фонд, основу которого составляли излишки земель станичных юртов, казачьих землевладельцев, а также представлены различные формы собственности на Кавказе.

Первые российские историки, работы которых имели целью обосновать методы, средства и формы управления российских властей на Кавказе, относились к так называемой «военно-исторической школе» и представляли позицию высших правительственных кругов Российской империи. К их числу следует отнести работы Н.Ф. Дубровина, Р.А. Фадеева, А.Л. Зиссермана, С.С. Эсадзе. Данные авторы трактовали проблемы взаимоотношений между горцами и российскими властями, исходя из теории русоцентризма и цивилизаторской роли России в отношении «диких», «отсталых» народов Кавказа[106]. В сочинении Дубровина «История войны и владычества русских на Кавказе» собран обширный фактический материал об общественно-политическом устройстве, по-

земельных и сословных отношениях, религиозных верованиях горцев Северо – Восточного Кавказа, о российско-горских военно-политических отношениях в XIX веке. Данные сведения, по мнению автора, необходимы для руководства российским администраторам в деле управления племенами, находящимися в «патриархальном и первобытном устройстве»[107].

С позиции покровительственно – просветительской миссии российских властей на Кавказе трактует принципы деятельности российской военной администрации А.Л. Зиссерман. В книге «Двадцать пять лет на Кавказе» он указывает на недостатки в действиях русской администрации, которые привели к всеобщему восстанию в Чечне в 1840 году. Главные среди этих недостатков, по мнению Зиссермана, – отсутствие преемственности и системности в действиях часто менявшихся главных начальствующих лиц на Кавказе. Заметное место в работах А.Л. Зиссермана занимают вопросы, связанные с проблемой религиозного фанатизма горцев, который, по его мнению, являлся главным источником их враждебности по отношению к российской власти и для устранения которого «нужны многие годы настойчивой, систематической и энергичной политики»[108]. Особое место среди указанных авторов занимает Р.А. Фадеев, являвшийся в годы Кавказской войны одним из адъютантов фельдмаршала Барятинского, близким и доверенным наместнику человеком. Свою книгу он написал по поручению наместника. Есть основания полагать, что эта книга отражает взгляды самого князя Барятинского. Цель его работ – построение теории колониального управления России на азиатских окраинах и обоснование российских стратегических интересов на Кавказе[109]. Фадеев скептически относился к возможностям успешной просветительской миссии в Азии «посредством Европейского владычества» и делал на этой основе вывод о бесперспективности попыток уравнять российские азиатские окраины с остальной империей путём распространения на них общерусских форм администрации. Систему военно-народного управления, установленную у горцев Кавказа он рассматривает как искомый образец для новых потенциальных владений России в Азии, как залог спокойного и выгодного для российского государства обладания инородческими территориями. Фадеев проводит сравнительный анализ этой системы с колониальным управлением европейских держав в Азии[110].

Последовательное изложение механизма вовлечения народов Кавказа в сферу социально-экономического и политического развития

Российского государства дал С. Эсадзе – редактор военно-исторического отдела окружного штаба, один из последователей В.А. Потто. Достаточно обширный объём используемых им документов позволил показать всестороннюю картину управления краем[111]. Работы авторов, близких к правительственным кругам имели научную важность в связи с тем обстоятельством, что получали доступ к ценным архивным материалам, многим закрытым документам[112]. С.С. Эсадзе в своём двухтомном труде «Историческая записка по управлению Кавказом» использовал обширный фактический материал, изъятый из архивов кавказских наместников, архива Горского управления и других органов управления на Кавказе. По этому данный труд, не смотря на ряд субъективных выводов и оценок автора, как в отношении системы управления Кавказом в целом, так и отдельных направлений в деятельности властей, является важнейшим источником систематизированной информации о деятельности российских властей на Кавказе в XIX веке. В указанном труде Эсадзе предпринимает попытку обосновать закономерность установления на Северо – Восточном Кавказе военно-народной системы управления, исходя из особых политических и экономических условий, сложившихся в данном регионе. Большое место в его трудах уделяется организации судебной системы и причинам сохранения судопроизводства по адату и шариату. Эсадзе создал глубокие и верные исторические портреты представителей российской элиты на Кавказе, доказывая в своих исследованиях возможность сочетания в политике либеральных и реакционных тенденций. Общий недостаток работ представителей «военно – исторической школы» – чрезмерная идеализация созданной царизмом административно – судебной системы управления горцами.

Однако в то же время, некоторые историки излагали неожиданно прогрессивные для своего времени и положения взгляды. «Звание Наместника было учреждено при чрезвычайных обстоятельствах, которых более не существует»,– отмечал Р.А. Фадеев в 1880 годах, ратуя за гражданское управление, сходное с управлением во внутренних губерниях России[113]. Представители дворянско – монархического направления В.Н. Потто, М.Н. Караулов и другие полностью одобряли политику царизма во всех её проявлениях, воздавали ей хвалу. Само происхождение толкало их на это. В.А. Потто (1836-1911) например, был из дворян Тульской губернии, обучался в Орловском кадетском корпусе[114]. Симпатии этих монархистов были полностью на стороне казачества, которое изобра-

жалось верным и почти единственным защитником самодержавия, его надёжной военно-полицейской опорой[115].

Вторая половина XIX века – важный период в отечественной науке, связанный с дальнейшим, более широким включением края в сферу общероссийских научных интересов не только царских чиновников и официальных лиц, но и прогрессивных либеральных деятелей, учёных-естествоиспытателей, путешественников. Я.М. Абрамов, журналист – народник, придерживался в своих воззрениях буржуазно-либеральных взглядов. С переездом Абрамова на Кавказ большое место в его публицистике заняло описание горцев, их оригинальных традиций и обычаев. Проживая постоянно в Ставрополе, он часто выезжал в горные районы Северного Кавказа[116]. Я.В. Абрамов неоднократно выступал на страницах печати в защиту горцев, поднимал насущные вопросы горской жизни[117]. М. Владыкин много путешествовал по Кавказу. Результатом его наблюдений и изучений стал «Путеводитель и собеседник по Кавказу», выпущенный в 2-х частях. Книга настолько понравилась читателям, что была переиздана в 1885 году[118].

Из той части ссыльных поляков, которые решили навсегда остаться в России, особое место принадлежит известному кавказоведу Иосифу Викентьевичу Бентковскому. Не смотря на отсутствие специальной научной подготовки, он написал труды по статистике, краеведению, этнографии, географии, гидрографии, ирригации, лесоводству, рыболовству, коневодству, кустарной промышленности и транспорту на Кавказе. Глубокие исторические исследования на основе архивных материалов, почерпнутых как из местных архивохранилищ, так и из архива Министерства иностранных дел, проводил И.В. Бентковский[119]. Деятельный участник различных научных обществ И.В. Бентковский ещё при жизни заслужил авторитет и общественное признание. С 1871 года он являлся секретарём Ставропольского статистического комитета[120]. И.В. Бентковский создал атлас распространения русского владычества и колонизации на Северном Кавказе. Атлас состоял из 5 карт, показывающих населённые места в 1778,1803,1828,1853,1873 и в 1878 годах[121]. Краеведческой тематике посвящено около 200 научных работ И.В. Бентковского. Научный уровень ряда из них, особенно по проблемам статистики, картографии, метеорологии, не уступал трудам профессиональных столичных ученых. Большинство работ Бентковского представляют собой краеведческое описание. Им присущи междисциплинарный подход и комплексность различных сведений:

исторических, археологических, этнографических, правовых, статистических и географических[122].

Первая попытка сбора и записи адатов горских народов Северного Кавказа была предпринята в конце XVIII – начале XIX вв. в связи с учреждением в Кабарде так называемых «родовых судов» и «родовых расправ», в которых судебные разбирательства проводились по адату и шариату. В 1818 г. А.П. Ермолов поручил провести новый сбор сведений по обычному праву кочевых народов Кавказской области. В 40-е гг. XIX в. сбор и запись адатов велась по всем участкам Кавказской Линии. На основании этих материалов капитан генштаба М.Я. Ольшевский составил общий свод собранных адатов. В начале 80-х гг. секретарь Ставропольского статистического комитета И.В. Бентковский передал эти рукописные записи в дар Одесскому университету, где они были опубликованы профессором этого университета Ф.И. Леонтовичем, составив крупный вклад в изучение обычного права Кавказа[123].

Англичане и французы порой копировали методы изучения и применения адата в российской кавказской практике. В частности, французские военные, подобно русским офицерам, стали собирать и записывать обычное право кабилов в Алжире. Очевидно, правильно говорить о своего рода «обмене опытом» колониального управления между великими державами в XIX веке. Из переписки русских военных на Кавказе, известно, что опыт французов в Алжире в значительной мере подвиг их к решению использовать местный адат и сельскую администрацию для управления горцами[124]. Под внешним воздействием, и в силу складывающихся исторических причин, власть и ученые в Российской империи пришли к применению в государственном управлении и законодательном процессе результатов исследования обычного права. Большую роль здесь сыграли труды комиссии по изучению народных юридических обычаев, созданной в Петербурге при Географическом обществе. Одновременно с сюжетами обычного права власть и исследователи занимались анализом народной или традиционной юстиции. Были сделаны выводы, что, традиционная юстиция действует на основании обычного права и ставит своей целью не применение формальной законности, а, на поиск справедливости. К концу XIX в. российская юридическая и этнографическая науки накопили значительный эмпирический материал по адатскому праву и весьма преуспели в его теоретическом осмыслении[125].

В XIX веке большое внимание уделялось статистическим исследованиям. Сначала это было связано с военной необходимостью, а затем с

подготовкой реформирования и введением фискальной системы. Давно уже было замечено, что числа особым образом действуют на сознание людей, придают тексту большую значимость и достоверность. На читателей обычно воздействует уже сам вид числа. Число распространяет «очарование» на весь текст, который его сопровождает; число считается лучшим показателем научности информации. Сила языка чисел объясняется тем, что число «кажется» абсолютно беспристрастным и «не может лгать». «Сила» чисел «повышала уровень» многих докладов и отчетов кавказских чиновников в глазах вышестоящего начальства[126].

Большой вклад в дело изучения статистики региона внес Николай Карлович Зейдлиц. Известный кавказский статистик и переводчик немецких трудов о Кавказе на русский язык, Н.К. Зейдлиц родился 25 июля 1831 года в Риге. Он закончил физико-математический факультет Дерпского университета со степенью магистра. С 1858 года служил на Кавказе. В 1863 году начал работу в Главном управлении наместника кавказского. С 1868 года (31 год) стоял во главе Кавказского статистического комитета[127]. Особенно важной и необходимой для исследователей является работа Николая Карловича Зейдлица «Списки населённых мест Кавказского края», в которой показаны уникальные демографические данные[128]. Н.К. Зейдлиц (1831-1907) много путешествовал по Чечне, а потом делился своими наблюдениями с читателями[129].

Уже в ходе Кавказской войны ученые начали изучение чеченского региона, даже не смотря на смертельную опасность, которой они подвергались. В 1845 году состоялась первая командировка на Кавказ Г.В. Абиха. Знания учёного так поразили князя М.С. Воронцова, что он удержал Абиха и предоставил ему место чиновника особых поручений по горной части. В связи с этим назначением в 1847 году Абих отказывается от профессуры в Дерпте и начинается кавказский период его деятельности. Герман Вильгельмович Абих родился в Берлине 11 декабря 1806 года, а скончался в 1886 году в Вене. В 1831 году он получил звание доктора минералогии в Гейдельбергском университете. Изучению Кавказа Г.В. Абих посвятил более 42 лет своей жизни[130].

Адольф Петрович Берже родился 28 июня 1828 года в Петербурге, во французской дворянской семье, эмигрировавшей в Россию в 1805 году. А.П. Берже положил начало углубленному изучению вопроса мухаджирства. В работе «Выселение горцев с Кавказа», опубликованной в 1882 году в «Русской старине» он использовал многочисленные официальные донесения и статистические данные. Автор хотя и старался оп-

равдать завоевание Кавказа и вытеснение части его населения в Османскую империю, всё же не мог обойти молчанием жестокости царизма по отношению к переселяющимся горцам[131].

В российской историографии термин «колонизация» утвердился со времён В.О. Ключевского и М.К. Любавского[132]. В интерпретации названных учёных он не носит, как в более позднее время, идеологизированный характер, ибо основан на критерии цивилизационного характера, учитывающего природные и культурно-исторические особенности стран и народов[133]. Термин «колонизация» используется в данном исследовании в более широком смысле, свободном от идеологизации. Он включает в себя не только освоение, но и социокультурное содержание.

Следует также отметить, что в дореволюционном прошлом горские народы Северного Кавказа почти не имели своей интеллигенции. Подавляющее большинство работ по истории края принадлежало русским историкам и публицистам, большинство из которых являлись государственниками, что накладывало определённый отпечаток на их оценки деятельности русских властей. Поэтому особую ценность представляют немногочисленные работы местных авторов, которые стали появляться на рубеже XIX – XX веков, и представлявшие, хотя бы отчасти, голос той основной массы населения края, которая и была основным объектом «умиротворительной политики» и «цивилизаторской» деятельности правительства[134]. А.Х.Цаликов, Г.М. Цаголов, И.-Б. Саракаев, А.Г. Ардасенов и К.Л. Хетагуров, Мутушев А.М., Мутушев И.М. в своих работах выступали в основном с критикой действий властей по отношению к коренному населению[135].

Известный экономист и публицист А. Ардасенов будучи чрезвычайно тонким наблюдателем, не упустил ни один момент из происходящих социально-экономических изменений; попытался установить причины каждого и дать им свою оценку[136]. Одной из ценных работ в дореволюционной историографии является исследование А.Г. Ардасенова «Переходное состояние горцев Северного Кавказа», изданное в Тифлисе и показывающее социально-политические изменения, произошедшие в жизни народов Северного Кавказа в XIX веке. «Новые экономические отношения, в которых горцу приходится действовать, – писал Ардасенов, – волей или неволей, как более развитые и могущественные подвергают его хозяйственный быт, культуру, серьёзному испытанию, увлекая за собой и подчиняя своему влиянию». По мнению Ардасенова, представление горца о вещах, явлениях, даже изменение отношения к торговле,

к войне, увлечению вином, распространение воровства стали прямым или косвенным следствием того, что «горская культура не выдерживает борьбы с европейской торгово-промышленной культурой и уступает шаг за шагом на всех пунктах»[137]. Историко-этнографические работы А. Ардасенова и И.-Б. Саракаева дают достаточно деидеологизированное представление о некоторых элементах социальной организации горских обществ, особенностях менталитета различных народов, в том числе их поведение по отношению к соседям иных национальностей[138].

Чеченский офицер, писатель и публицист И.-Б. Саракаев (Сарокаев) прежде всего, указывает на то, что главной причиной недоверия населения Чечни по отношению к властям явилось отступление царской администрации, после того как «политическим соображениям не осталось места», от тех обещаний, которые были даны чеченцам в прокламациях наместников М.С. Воронцова и Барятинского, особенно в части неприкосновенности их земель[139]. Ибрагим – Бек Саракаев родился в 1883 г. в крепости Ведено. Окончил реальное училище во Владикавказе. В 1902 г. переехал в Тифлис, работал в популярном журнале «Кавказ». Опубликовал ряд рассказов и очерков. В 1907 г. переехал во Владикавказ, работал в газете «Терек», сотрудничал в других кавказских изданиях. Он является автором материалов по национальным и земельным вопросам Чечни, проблемам судоустройства, развития культуры и образования. И.–Б. Саракаев стал автором историко – философских исследований по мюридизму и движению под руководством Шамиля. В 1913 г. Саракаев издал книгу «По трущобам Чечни», в которой бичевал острые земельные, экономические и социальные проблемы чеченского народа.

Другой видный чеченский общественный деятель А.М. Мутушев родился в 1879 г. в семье офицера русской армии М. Мутушева. Ахметхан окончил Санкт – Петербургское артиллерийской училище, стал профессиональным военным. Дослужившись до капитанского чина, Мутушев вышел в отставку в звании подполковника. Затем окончил юридический факультет Харьковского университета и стал присяжным поверенным. Одновременно занимался публицистической деятельностью. Одна из первых публикаций А. Мутушева открыла в петербургской газете «Новая Русь» мусульманский отдел. В статье отмечалось, что это «…первая попытка солидной газеты послужить культурно – экономическим интересам мусульман России». Путь к решению национальных и социально – экономических проблем А. Мутушев видел в просвещении горского населения и в либеральных реформах. Мутушев критиковал членов му-

сульманской фракции Государственной думы за пассивность и предлагал выступить с требованием проведения сенатской ревизии кавказской администрации. Ахметхан Мутушев переводил на чеченский язык стихи русских поэтов, а также перевел на чеченский язык текст «Интернационала». Известным публицистом, просветителем, фольклористом был И.М. Мутушев. Исмаил окончил горскую школу и военное училище, а затем работал писарем в слободе Воздвиженской (Грозненский округ) и учителем. И.М. Мутушев был автором ряда статей в защиту интересов горского крестьянства от посягательств колониальной администрации. За критические публикации царской администрацией был занесен в категорию «неблагонадежных». Исмаил Мутушев являлся инициатором создания Общества распространения образования и технических знаний среди чеченцев Терской области, автором его устава[140]. Г.М. Цаголов подвергал глубокому и тщательному анализу земельные отношения у горских народов и аргументировано доказывал катастрофическое состояние земельной недостаточности, особенно у жителей Нагорной полосы Терской области. Глубокому исследованию Цаголов подверг процесс классовой дифференсации в горском селе[141].

Наиболее выдающимися представителями горской интеллигенции были поэт К. Хетагуров и богослов А. Гассиев. В публицистике Хетагурова (как в поэзии, так и в прозе) нашли своё отражение тяжёлое социально-экономическое и политическое положение, острота земельного голода, обусловленные, по его мнению, прежде всего жестокой колониальной политикой самодержавия в отношении горских народов[142]. К.Л. Хетагуров предлагал меры, которые могли бы ослабить остроту аграрного вопроса: покупка при помощи различных кредитных учреждений казённых и частновладельческих земель, организация более доступной аренды для бедных и др.[143] А.А. Гассиев был одним из самых образованных людей своей эпохи. Афанасий Гассиев родился в 1844 году в осетинской крестьянской семье. В 1858 году, в возрасте 14 лет поступил во Владикавказское духовное училище. В сентябре 1867 года он стал студентом Киевской духовной академии. На степень кандидата богословия А.А. Гассиев представил работу «Коран, его происхождение и образование». В 1871 году ему было присвоено звание магистра. С 1872 года он занимал должность смотрителя духовных училищ Моздока. А.А. Гассиев прекрасно владел французским и немецким языками. В своих богословских работах Гассиев стремился найти точки консенсуса между христианами и мусульманами, то общее, что способствовало их взаи-

мопониманию[144]. В публицистических работах А. Гассиев сравнивал земельное положение горцев и казаков, показывал и осуждал недостатки местной административной системы[145].

В начале XX века на фоне взрыва политической нестабильности в стране и на Кавказе появляется целый ряд работ, в которых авторы пытаются ответить на вопрос в чём причины «неурядиц» на Кавказе и что надлежит делать властям для исправления создавшейся ситуации в крае? Обсуждение данных вопросов стимулировала начавшаяся в крае разработка, по инициативе наместника Воронцова – Дашкова, реформ административного устройства на Кавказе. Ф.К. Гершельман, Г.А. Евреинов, Г.М. Туманов, А.Ф. Риттих, Н.М. Рейнке, Г.Г. Евангулов предлагают своё видение необходимых для умиротворения края реформ. Ф.К. Гершельман в книге «Причины неурядиц на Кавказе» отстаивает позицию сторонников сохранения исключительных форм управления горскими народами ввиду их неготовности к восприятию более сложных форм общественного устройства, как, например, земства или суды присяжных[146].

Г.А. Евреинов, Н.М. Риттих, Н.М. Рейнке, Г.Г. Евангулов выражали умеренную точку зрения, выступая за постепенное распространение в крае общероссийских форм правления[147]. Реформаторская деятельность администрации царского правительства в общих чертах освещена в брошюре Г.Г. Евангулова «Местная реформа на Кавказе», в которую вошли опубликованные им в 1913 году на страницах газеты «Кавказ» статьи и корреспонденции. В них заострено внимание на органах управления самой низшей инстанции, рассмотрены некоторые проекты, разработанные с целью организации участкового и сельского управления. Г.М. Туманов ратовал за скорейшее распространения на Кавказе земского самоуправления, что должно было, по его мнению, способствовать росту благосостояния и «культурности» населения[148].

Изучению обычного права кавказских горцев были посвящены труды видных русских социологов и юристов М.М. Ковалевского и Ф.И. Леонтовича[149]. Максим Максимович Ковалевский (1851-1916) – историк, социолог, правовед и этнограф являлся одним из самых выдающихся деятелей конца XIX – начала XX века. Отсутствие расовых и национальных предрассудков делало Ковалевского гражданином мира. Огромный международный авторитет Ковалевского – юриста, признала Англия, избрав его третейским судьёй в одном из конфликтов с Соединёнными Североамериканскими штатами. В обстоятельном труде «Закон и

обычай на Кавказе» он проследил древние обычаи и социокультурные институты горских народов. Ковалевский считал ошибочными и даже вредными действия царского правительства по восстановлению норм адатов вместо установления шариата. М.М. Ковалевский считал, что нормы шариата гораздо ближе к русским юридическим воззрениям и в отличие от адата, не поддерживают кровную месть. Так считали и многие другие русские учёные и политики того времени. Как известно, результатом стало внедрение шариатского законодательства на Северном Кавказе в первые годы советской власти (до сер. 20-х годов). Детально разбирая функции казачества, понимая сложность служивого человека – казака, М. Ковалевский писал: «Не зовите его погромщиком и палачом, как бы не было заслужено им это прозвище, пожалейте, наоборот, это послушное орудие чужой неправды»[150]. Кавказское право привлекало внимание М.М. Ковалевского не только своей экзотичностью или исключительностью. По мнению Ковалевского, от изучения этого вопроса зависит не только научное понимание «кавказского права» как такового, но и сама суть внутренней политики России на Кавказе. Работы М.М. Ковалевского и по собранным сведениям, и по поставленным проблемам существенно отличаются от всей литературы на эту тему и до сих пор стоят особняком. М.М. Ковалевский привлёк широкий круг источников, в том числе и зарубежных, поставив своей задачей взглянуть на правовые явления того периода с трёх сторон – европейской, российской и кавказской, чтобы найти параллели в развитии правовых идей, традиций разных государств[151].

Ковалевский был подготовлен к исследованию «юридического быта» кавказских горцев рядом предшествующих фактов своей биографии: специализацией по истории права в Харьковском университете; научной стажировкой во Франции и Англии, во время которой он знакомился с иностранной литературой по специальности, непосредственно общался с видными научными и общественными деятелями, а также осваивал литературу по новым направлениям в гуманитарном знании – этнографии, этнологии, сравнительной юриспруденции и юридической этнографии. Распространенную в гуманитарном знании XIX в. сравнительно – историческую теорию принадлежности кавказских этносов к народам «общеарийской культуры! (термин Ковалевского) ученый уточнял и конкретизировал с помощью сопоставления с эмпирико – описательными данными о ее исторических и современных представителях. Консервацию родового быта на Кавказе ученый связывал с тем, что

«…потомки Ариев были вытеснены на необжитые горные территории и там, сохранили не только в большей или меньшей неприкосновенности свою политическую независимость, но и особенности своей древней культуры»[152].

В 1875 г. на съезде русских юристов было принято решение о создании Правительственной комиссии по сбору и систематизации материалов по обычному праву. Таким образом, в российском гуманитарном знании возникло новое направление – юридическая этнография. Его специалисты были призваны собирать и обобщать материалы по обычному праву различных этнических групп России. Первоначально дело ограничивалось лишь использованием традиционных для юриспруденции схем и методик. М.М. Ковалевский вспоминал, что всякие попытки его или других исследователей использовать в этой теме исторические аналогии или социологические концепции вызывали яростный отпор их противников. Тему обычного права у народов Большого Кавказа Ковалевский предполагал разрабатывать с позиции социологического подхода. Для того времени это было новаторским делом. Во–первых, эмпирическую базу своего исследования Ковалевский определял стадиальной схемой развития гражданственности и различал в материале «пережитки», «заимствования» и иные напластования. Во–вторых, он соотнес факты обычного права кавказских горцев с верованиями и обычаями других народов на той же стадии развития. В–третьих, Ковалевский толковал обычное право как «зародышевую» форму права, первоначальное средство создания «замиренной среды». Отсюда, в–четвертых, он стремился получить эмпирические обобщения по обычному праву как исторически преходящей норме солидарности[153].

Другой видный правовед, Ф.И. Леонтович описал осуществление и взаимодействие российского и адатного права, шариата и был, по сути, близок к обоснованию популярной сегодня теории юридического плюрализма на Северном Кавказе в дореволюционный период[154]. Леонтович отмечал, что «…Адаты кавказских горцев представляют нередко целиком многие институты древнего германского или славянского права»[155]. Исследования М.М. Ковалевского и Ф.И. Леонтовича позволили ввести в науку самостоятельное понятие и термин «горский феодализм», указывающий как на общие, так и на специфические особенности содержания феодальных отношений. Вместе с тем во всех работах о Кавказе они подчёркивали, что феодальные отношения развивались в условиях сохранения (а у некоторых народов – господства) многих родовых институтов[156].

В трудах европейских, российских и мусульманских мыслителей XIX начала XX вв. были сделаны усилия по-новому, исходя из разных посылок, проанализировать как значение ислама в мировой истории, так и специфику психологии российских мусульман. В сочинении «Божья благодать всеобща» татарский философ и теолог М. Бигиев (1875-1949) призывал к очищению исламской религии от всего наносного. Мулла Аминов в 1909 году выразил мнение, что идеи и принципы национального развития, российские мусульмане позаимствовали, прежде всего, от русских и отчасти от западноевропейцев, с которыми они всё больше соприкасались. Положительно отмечал он и улучшение коммуникаций, благодаря чему и установился обмен идей между российскими мусульманами и мусульманами Турции и Туркестана.

О мусульманах в русском обществе, однако, в целом всё ещё были распространены смутные представления, как верно писал в 1910 году оренбургский публицист П. Зет. Большинство считало, что их сограждане остаются фанатиками, между тем, отмечал он далее, среди них началось сильное «культурное движение». О том, на каких принципах мусульманские исследователи изучали собственную историю, свидетельствует следующее признание. «История – есть биография народов, – писал один из авторов в 1916 году, – она занимается хладнокровно, не увлекаясь, близко не принимая к сердцу, занесением на своей бессмертной странице степени экономического, научного и политического здоровья или гнилости в жизни каждого народа, а также причин и решений, порождающих их..». Объясняя суть этой методологии, автор писал, что «..народы не могут укрыть свои национальные дела от расследований истории, не могут отвратить её решения, так как и история руководствуется больше мыслью, чем чувством, смотрит больше на дела, чем на слова, каждое национальное событие отмечает, как оно произошло в жизни, не обращая внимания ни на чьи слова, не склоняясь ни перед чьей бы то ни было силой»[157]. О критическом отношении к своему историческому труду говорил ещё О.Эйхельман: «Товарищей по предмету просить о снисхождении к моему незрелому труду, – не смею, но считаю себя вправе требовать от них внимания к вопросу и содействия к большему его выяснению. Пусть каждый даёт плод своего посильного труда; и слабый, но честный труд принесёт свою долю пользы»[158]. По мнению Д.С. Лихачева: «Отрицательный результат исследования – тоже результат, причем обычно самый бесспорный»[159].

В исследовании чеченской истории втор. пол. XIX века большое значение придано знакомству с теоретическими представлениями о национальном вопросе, бытовавшими в то время. Чтобы изучить данный аспект мы обратились к работам правоведов А.Д. Градовского, И.А. Ильина, В.С. Соловьёва[160]. Интерес к теории обусловлен тем, что, с одной стороны, она влияла на формирование этнической политики самодержавия, а с другой, создававшие её учёные сами опирались на существующую практику в этом вопросе[161]. Классические образцы историко-правового исследования сложились именно в 60-90-е годы XIX века и связаны с именами историков русского права – М.М. Ковалевского и Ф.И. Леонтовича. Эти выдающиеся учёные работали над разными периодами истории, в центре их внимания были различные проблемы, но их объединяло общее теоретическое и методологическое видение исторических особенностей России. Право для них стало инструментом, сквозь призму которого они надеялись «разглядеть» реальную историю России с точки зрения воплощения в ней идеи государства[162].

Созданная М.М. Ковалевским группа из числа выдающихся юристов (А.П. Чуприна, С.А. Муромеца, Н.О. Нарсесова и др.) и молодых этнографов, среди которых выделялся Н.Н. Харузин, развернула большую работу по сбору материалов на местах. На Северном Кавказе Ковалевсикй совершил несколько поездок с целью изучения феодального уклада горских народов. Результатом поездки Н.Н. Харузина на Северный Кавказ явились работы: «Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей», «По горам Северного Кавказа». Последняя, представляющая собой путевой дневник экспедиции, дает весьма ценные сведения по разным вопросам материальной и духовной культуры горцев[163].

Свидетельством признания научной значимости работ Градовского стали многократные их переиздания и постоянные ссылки на этого автора в трудах последующих исследователей истории государственного управления в России. До последнего времени А. Градовский оставался единственным ученым, предметно осветившим в своих трудах историю создания и становления института генерал – губернаторства[164]. Эта тема, как правило, проходила лишь сюжетом в более общих трудах по государственной тематике. Важной вехой в формировании современной историографии данной проблемы стал выход юбилейного двухтомного коллективного труда петербургских историков, довольно полно и предметно воссоздающего историю генерал – губернаторства и наместничества в России за весь период их существования[165]. Концепцию и фактический материал

А.Д. Градовского использовали и историки – государствоведы конца XIX – начала XX в., и советские и постсоветские исследователи[166].

Правовед Александр Дмитриевич Градовский родился 13 декабря 1841 года. В 1862 году закончил Харьковский юридический факультет, а уже 8 ноября 1866 года защитил магистерскую диссертацию. С 12 января 1867 года являлся штатным доцентом Петербургского университета. В возрасте 27 лет он защитил докторскую диссертацию, по своим взглядам был близок к славянофилам[167]. Интересной и поучительной для кавказоведов является работа А.Д. Градовского «Современные воззрения на государство и национальность», в которой он объективно освещает многие актуальные вопросы правосознания россиян[168].

В последнее время произошёл мощный всплеск интереса к обычному праву. В значительной мере он инициирован известными отечественными учёными Г.В. Мальцевым и Д.Ю.Шапсуговым, начавшими разработки теории обычного права[169]. В юридической науке получило распространение их воззрение на традиционную правовую культуру, в том числе народов Северного Кавказа, основанное на том, что обычное право – не атавизм из прошлого, а постоянный фактор правового развития общества[170]. Господствующее представление об обычном праве, как о совершенно неразвитой системе нормативного регулирования в обществе, представляющей интерес исключительно как явление прошлое, несостоятельно. В Чечне и поныне сильны позиции адатов в сфере брачно – семейных отношений, в регулировании наследственных межличностных споров. Отсюда следует, что обычное право является настоящим правом, нашедшим свое отражение в адатах, правах, привычках, традициях и этических нормах чеченцев. Обычное право занимает и поныне важное место в правовой истории народов Кавказа. Обычное право базируется на ряде общепринятых положений – своеобразных нормативных институтах и на множестве кратких, легко запоминающихся и в то же время выразительных изречений, содержащих основополагающие материальные и процессуальные нормативы, к примеру, пословицы и поговорки. Существует превратное мнение о том, что нормативные тексты после их создания затем уже не изменялись. В своем исследовании П.А.Абдуллаева справедливо указывает на то, что крайне важно отметить способность народного права горцев быстро меняться, гибко приспосабливаться к новым общественным условиям. Эту особенность исследователи нередко выпускают из виду, делая акцент на консервативности права[171].

Важнейшими для понимания нравственной сути происходивших событий на Кавказе являются работы известных философов В.С. Соловьёва и Б.Н. Чичерина. Владимир Соловьёв родился 16 января 1853 года в семье выдающегося русского историка Сергея Михайловича Соловьёва, закончил Московский университет и был вольнослушателем Московской духовной академии. В системе В. Соловьёва запечатлена тесная связь нравственности и истории, необходимая в его понимании для осуществления нравственной цели жизни не только отдельного человека, но и всего общества[172]. Написанные более 100 лет назад философские сочинения Б.Н. Чичерина, находившие живой отклик у его современников, они и сегодня сохранили актуальность для определения вектора общественного развития[173]. Для разработки политической истории Чечни втор. пол. XIX века особенно важной является работа Б. Чичерина «Курс государственной науки», в которой он раскрывает особенности общего государственного права Российской империи[174].

Во второй половине XIX века, после окончания Кавказской войны, в русской историографии значительно возрос интерес к кавказской проблематике. Особенное место в ней занимали вопросы о военном утверждении России на Кавказе и о деятельности главноуправляющих, наместников и наиболее известных русских генералов, служивших на Кавказе[175]. К сожалению, экономической истории края в дореволюционный период уделялось недостаточно внимания. Русский капитализм требовал рынка производства и сбыта товаров, поэтому царизму необходимо было соответствующим образом приспособить экономику окраин к задачам буржуазного развития России. Не смотря на требования жизни и достаточный объём источников, вопросы развития промышленности и сельского хозяйства в крае со второй половины XIX века не получили должного освещения[176]. Наличие богатого фактического материала и глубокий авторский анализ делают работы Ф.А. Щербины едва ли не единственными в дореволюционной историографии, где настолько полно рассматривались экономические сдвиги, произошедшие на Северном Кавказе в результате сооружения железнодорожной сети общества Владикавказской железной дороги. Ф.А. Щербина специально занимался экономико – статистическими исследованиями тех районов Северного Кавказа, по которым пролегла главная магистраль железной дороги и ее ветки. Проведение таких исследований было необходимо правлению дороги для определения направлений дальнейшего строительства и эксплуатации железнодорожной магистрали. Ф.А. Щербина великолепно справился с поставленной задачей и опуб-

ликовал результаты работ в 1892-1894 гг. под заглавием «Общий очерк экономических и торгово – промышленных условий района Владикавказской железной дороги». Итоги исследований отразились и в ряде других публикаций[177]. На основе анализа богатейшего массива статистических данных исследователь сформулировал интересные выводы об экономике Северо – Кавказского района и выделил ряд экономических изменений, вызванных функционированием Владикавказской железной дороги. В частности, он отметил увеличение доли товарного зерна в общем количестве производимой продукции и т.д.[178].

Развитие нефтедобычи в регионе вызвало необходимость накопления и анализа конкретного производственного материала. Ценные описания процессов нефтедобычи и переработки сырья содержатся в работах видного геолога Е.М. Юшкина[179]. На основе данных печати и собственных воспоминаний он впервые составил оригинальный очерк по истории добычи нефти. Этот очерк представляет немалую ценность для выяснения особенностей развития нефтяной промышленности г. Грозного и всего нефтедобывающего региона. Историко – экономической характеристике грозненской нефтедобычи посвящена также работа М.И. Ушакова, для которой по ряду вопросов характерны преувеличения или односторонние оценки (например, вопрос о значении откупной системы и влиянии иностранного капитала)[180].

Советская историческая школа кавказоведения

Советская историография кавказоведческих проблем имеет свои особенности. Очевидно, что приблизительно до конца 80-х гг. XX века советские историки слишком увлекались изучением социально-экономических явлений и уделяли недостаточное внимание исследованию надстроечных категорий (управления). Ещё одна отличительная черта исторических исследований данного периода – преувеличение в них степени национально-освободительной борьбы горцев после завершения Кавказской войны, степени их социальной активности и вовлечённости в революционное движение в начале XX века[181]. Межнациональное противостояние на Северном Кавказе имело под собой комплекс причин экономического, социально-правового, религиозно – культурного и исторического характера, которое в советское время рассматривалось исключительно с классовых позиций[182].

В рамках безраздельно господствовавшего в советской науке формационного подхода учёные столкнулись при изучении Кавказа с рядом сложных методологических проблем. Применительно к истории народов Северного Кавказа и Дагестана единый подход к определению типологии и уровня развития горских и кочевых обществ до присоединения к России выработать не удалось. Социальные отношения у горцев квалифицировали как родоплеменные, и феодально-рабовладельческие, и полуфеодально – полупатриархальные, и раннефеодальные, и развитые феодальные. Характеристика общественного устройства горских народов давалась во многих работах от противного: феодальные, т.к. не рабовладельческие, патриархальные, т.к. не феодальные и т.д.[183]. В 30-40-е годы XX века в исторической литературе господствовала точка зрения И.В. Сталина о патриархально-родовой общине отдельных кавказских народов в XIX – нач. XX вв., со временем эта теория трансформировалась, но не столь значительно и некоторые учёные придерживаются сталинской точки зрения до сих пор. Подготовленный в 1932 году «официальный список» культурно – отсталых народов содержал 97 национальностей (их представителям предоставлялись льготы для поступления в высшие учебные заведения). Народы, исповедовавшие ислам, также попадали в не слишком почетную категорию «культурно – отсталых». Религия в политико – идеологическом контексте правящего режима безусловно являлась фактором, консервировавшим «отсталость»[184].

На различных этапах развития советской историографии интерпретация вопросов истории мухаджирства (эмиграционного движения) зависела от «методологических» характеристик русско-кавказских отношений, последовательно сменявшихся в нашей идеологии и науке («Россия – тюрьма народов», « абсолютное зло», «наименьшее зло», «объективно-прогрессивные последствия присоединения» и «добровольное вхождение на основе вечной дружбы»), а также поворотов в развитии международных отношений и во внутренней политике нашей страны[185]. Долгое время промышленное развитие на Северном Кавказе не было предметом специального изучения, её история изучалась лишь в связи с революционным движением.

С середины 30-х годов до конца 40-х годов XX века вышло очень мало специальных работ по кавказоведению. В изданных работах общественный строй горских народов определялся как родовой с элементами рабства и феодализма. Немаловажное значение для историков имело положение в резолюциях X съезда РКП (б) о переходе горских народов к

социализму от патриархально – родового быта. Это осложняло научно-объективное определение характера аграрных отношений в целом[186]. А. Авторханов в 1930 году в Грозном констатировал: «История Чечни не написана, а проделана. Рутина исторической мысли в области кавказской историографии продолжает господствовать и поныне…. Такое впечатление, что тяжёлый генеральский сапог до сих пор продолжает беспощадно давить чересчур свободолюбивую голову чеченца»[187]. В работе Г.К. Мартиросиана «Терская область в революции 1905 г.», увидевшей свет в 1929 году, немного затрагиваются вопросы административного управления в Терской области в начале XX века. Автор приводит материалы работы комиссии Владикавказской Городской думы в 1905 году, в которых обстоятельно излагались отрицательные стороны административного управления областью[188].

В 30-40-х гг. XIX века выходит ряд работ, посвящённых крестьянской реформе, проводимой в Кабарде, Северной Осетии и других, отдельно взятых регионах[189]. Большое внимание уделяется национально-освободительному движению в Чечне и Ингушетии[190].

Только в XXI веке наши отечественные историки, занимающиеся историей Кавказа и проблемами народно-освободительного движения горцев Северо – Восточного Кавказа в 20-50-х годах XIX века, получили долгожданный доступ к труду крупного историка-кавказоведа Н.И. Покровского; спустя пять десятилетий после смерти автора он смог увидеть свет благодаря усилиям сына Покровского – академика Н.Н. Покровского[191]. В том, что, не смотря на весьма положительные отзывы таких специалистов, как академики И.Ю. Крачковский, Б.Д. Греков, Н.М. Дружинин, книга, принятая к печати тремя издательствами, пролежала в них с 1934 по 1950 год, но так и не была опубликована, – необычного мало. Удивительно то, что кропотливый исторический труд, и, не будучи изданным, довольно интенсивно использовался в советском кавказоведении. Движение под руководством Шамиля всегда было темой очень острой. Печатать книгу было страшно, но и не печатать – тоже: ещё не успела смениться официальная партийная идеология, призывавшая разоблачать колониальную политику царизма на окраинах. Как бы то ни было, издательским работникам удавалось отправить рукопись вместо типографии на новое рецензирование, а затем выставить новый список идеологических требований.

В своей работе Н.И. Покровский подчёркивал, что историку приходится, прежде всего, заниматься анализом действительных, а не изуро-

дованных официальными авторами общественных отношений в Чечне. Глубокое изучение наличного в то время фактического материала убедило исследователя в том, что в чечено-ингушском обществе выделялся верхушечный слой, который сосредоточил у себя довольно крупные земельные угодья и весьма интенсивно использовал общинные земли, владел рабами и держал в зависимости лично свободных крестьян. Если это так, то может ли речь идти о господстве здесь родоплеменных отношений? Не правильнее было бы оценивать сложившиеся в начале XIX века общественно-экономические отношения как раннефеодальные?[192] Кстати сказать, такого мнения, позднее, стали придерживаться большинство кавказоведов[193]. Монография Н.И. Покровского, рекомендованная к печати в 1946 году, тогда была высоко оценена академиком И.Ю. Крачковским как «исследование, равного которому нет в нашей литературе ни по объёму, ни по количеству использованного материала, ни по вдумчивости исторического анализа», остаётся в кавказоведении трудом большой научной значимости, ибо до сих пор мы не располагаем ни одним исследованием, где был бы дан основательный анализ внутриполитической истории движения горцев и проблем государственного и законодательного устройства, а также внешнеполитических отношений имамата Шамиля. И.Ю. Крачковский, отмечая в этом труде высокий уровень использования первоисточников, как архивных, так и опубликованных, ставил автору в особую заслугу то, что им был выполнен первый по времени обзор арабских источников «горского» происхождения. В этом плане труд Н.И. Покровского представляет большой вклад в арабское источниковедение. Анализ введённых им в научный оборот арабских рукописных памятников, среди которых немало собранных им лично, представляет образец источниковедческой методики, и его оценки источников сохраняют свою значимость и на сегодняшний день[194].

В 30-40-е годы XX века особенно стало актуально изучать роль личности в истории. В советской историографии работы, освещающие деятельность М.Т. Лорис – Меликова, можно разграничить на сферы: военную и политическую. В 1942 году, например, в Ереване вышла книга А. Эльчибекяна «Генерал-адъютант М.Т. Лорис – Меликов», в которой характеризуется только его военная деятельность, причём без ссылок на источники и публикации[195]. В 1947 году Н.В. Епанешников защитил докторскую диссертацию на тему: «Политический проект М.Т. Лорис – Меликова». В данном научном труде целый ряд важнейших аспектов его биографии, военной и административной, остаётся по прежнему не-

достаточно изученными[196]. В настоящее время много внимания уделяется изучению человеческого фактора в историческом процессе. Интересной, поучительной, неординарной и непосредственной в своём методологическом исполнении является статья известного кавказоведа В.В. Дегоева, посвящённая рассмотрению истории становления весьма неоднозначной личности – генерала Муссы Кундухова. Дегоев сумел увидеть в данном человеке не только отрицательные черты поведения, связанные с корыстью и карьеризмом, которые сильно бросаются в глаза и кажутся очевидными при исследовании, но и отметил положительные характеристики этого человека, его раскаяние и метания между службой интересам народа и Отечества, приказами руководства и долгом совести[197].

Роль личности в военной среде как нигде более значима и выпукла. Неординарные полководцы – победители и герои и до сего дня остаются объектом пристального внимания историографии, однако с начала XIX в. получил развитие новый подход к военной биографии, подход, который можно назвать «систематическим», то есть такой, когда форма биографического исследования становится не сводом биографий, а принципом определения персонажей, для помещения в текст избирается сплошной отбор военных деятелей по какому-либо формальному признаку (чину, должности, участию в конкретном историческом событии, службе в определенный период и т.д.). Расцвет российской военно – исторической науки во втор. пол. XIX – XX в., как ни странно, не привел к развитию жанра биографики военных деятелей. Объектом самого пристального внимания историков оставалась жизнь и деятельность единичных, наиболее ярких персонажей военной истории.

Слабая развитость биографического направления отмечалась уже современниками: так, например, видный военный историк А.З. Мышлаевский отмечал в 1894 году: «Мы крайне мало знаем личности нашего военного прошлого: несколько лучше полководцев, полсотни генералов, да те офицеры и нижние чины, которые послужили России подвигом небывалого мужества – вот, собственно, и все имена, которые мы помним, да и в тех нередко путаемся и смешиваем одно с совершенно с другим...»[198]. Сегодня много говорят о «персонифицированности» региональной истории, все чаще обращаются к реконструкции истории к биографическому методу. Рассказ о жизненном пути, коллизиях и обстоятельствах биографии дополняется серьезной попыткой анализа жизненных мотиваций и стратегий, социолагическими характеристиками времени и региона[199]. В этом плане, особенно хотелось отметить вышед-

шую в 2008 году монографию В.В. Лапина «Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв.». В книге приведены интересные биографические характеристики многих кавказских деятелей, широко и нестандартно анализируются их взгляды и поступки в сложный исторический период на Северном Кавказе[200].

Начиная с 40-х годов XX столетия история кавказского мухаджирства становится предметом специального исследования советских учёных. Историки пытались разрешить проблемы, связанные с переселением горцев в Турцию. М.С. Тотоев по существу был первым, кто дал развёрнутый анализ кавказского мухаджирства. В своих специальных работах (кандидатской диссертации «Переселение горцев Северного Кавказа в Турцию», защищённой в 1943 году и опубликованных статьях), а также в общих трудах по истории Северной Осетии, М.С. Тотоев рассматривал осетинское, кабардинское и вайнахское мухаджирство на фоне общекавказского переселенческого движения, явившегося, по его словам «всекавказским злосчастием, трагедией для горцев». Сформулировав основные причины переселения горцев, М.С. Тотоев рассматривал его как одну из форм протеста народных масс против колониального режима, насаждавшегося царизмом. В рупоре коммунистической пропаганды – газете «Молодой коммунист», Тотоев был обвинён в склонности «…не видеть враждебного влияния ислама как по отношению к горцам, так и к русским»[201]. Интерес к вопросам мухаджирства возрос в 50-60-е годы XX века. Анализ переселенческого движения на Северном Кавказе привёл Х.О. Лайпанова к выводу, что основной причиной ухода горцев был двойной гнёт – гнёт царизма и гнёт местных феодалов и князей[202]. Заслугой советской историографии можно считать разработку темы мухаджирства, не исследованную в достаточной мере в дореволюционный период.

В 50-60-е годы XX века продолжается регионализация исторических исследований, когда в рамках довольно большого исторического периода изучается отдельно взятый народ, его формационное развитие и борьба против царского правительства[203]. С 1959 года в Грозном выходили труды, известия, сборники статей Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. В этих изданиях печатались статьи, как местных учёных, так и исследователей из центральных регионов страны, которые освещали те или иные проблемные вопросы истории Чечни. Материалы ЧИНИИ явились большим подспорьем в разработке многих изучаемых тем[204]. Однако

в кавказской историографии не было обобщающих работ по административной деятельности царского правительства на окраинах, хотя в комплексных трудах эти вопросы затрагивались. Так, в 1965 году И.Ф. Мужев провёл исследование социально-экономического и политического положения горцев в интересующий нас период[205]. Его книга содержит главу «Аппарат колониального управления», в которой автор попытался дать характеристику царской администрации на Северном Кавказе. По его мнению, в основе её деятельности был произвол по отношению к местному населению, распространённым явлением были взятки и поборы с населения. Следует также отметить роль научных разработок Н.П. Ерошкина, который раскрыл основные принципы становления административного управления и его особенности. Отмечая прогрессивные стороны административных преобразований (ликвидация феодальной раздробленности), автор в то же время указал, что политические права местного населения были значительно урезаны[206].

Проблема национально-освободительного движения на Кавказе продолжала оставаться объектом пристального внимания исследователей. В трудах С.К. Бушуева, А.М. Дружинина, М.В. Покровского, А.В. Фадеева Кавказская война оценивалась как проявление завоевательной политики царизма, а движение горцев, как национально-освободительное, антиколониальное[207].

С ростом сельскохозяйственного и промышленного потенциала Северного Кавказа возрастал интерес и к его аграрной и индустриальной истории. Правда, основные усилия местных исследователей сосредотачивались главным образом на анализе сложных и противоречивых земельных отношений и развитии Грозненского нефтепромышленного комплекса. Наиболее капитальной работой по истории нефтяного дела в Терской области является книга Л.Н. Колосова (1962) и, хотя она не свободна от некоторых политических издержек, в целом это историко-техническое исследование изменений технических объектов в социально-экономической обусловленности выполнено на хорошем профессиональном уровне[208]. В 70-80-е годы Л.Н. Колосов продолжает вести работу по анализу развития Грозненской нефтяной промышленности в период империализма. Автор рассматривает процессы проникновения иностранного капитала в нефтяную промышленность, процессы концентрации производства, конкурентную борьбу. Отмечается им также важнейшая особенность Грозненской нефтяной промышленности по сравнению с российской – образование монополии синдикатского типа[209].

Исследователь П.В. Оль преувеличивал роль иностранных капиталов в нефтяной промышленности Кавказа. К примеру, из приводившегося перечня грозненских фирм некоторые неправомерно причислялись к иностранным. В исследовании А.Ф. Притулы о грозненской нефтяной промышленности, дается богатый статистический материал по распределению добычи нефти на фонтанную и тартальную, по районам, годам и фирмам. Другие исследователи до него, опирались главным образом, на данные по бакинскому нефтяному району. Автор делает попытку воссоздать на основе подсчетов по северокавказскому нефтяному району картину распределения общей суммы нефтяных прибылей между нефтепромышленниками, казной, землевладельцами и посредниками. А.Ф. Притула вычислил уровень рентабельности нефтяной промышленности в случае ее национализации, и определил, что она не может составлять больше 40%[210].

В 1968 году вышла монография Н.С. Киняпиной «Политика русского самодержавия в области промышленности (20-50-у годы XIX в.). В данной работе автор большое внимание уделяет выставкам и рассматривает их в качестве одного из важнейших элементов экономической политики правительства. В V главе дается анализ 12 всероссийских промышленных выставок 1829-1861 гг. и первой всемирной выставки 1851 года в Лондоне. В 1976 году была опубликована монография Ю.Я. Рыбакова о промышленной статистике России. В этой работе автор достаточно подробно охарактеризовал и проанализировал многочисленный первичный статистический материал по разным промышленным отраслям[211].

В 70-80-е годы XX века было написано достаточное количество работ по истории Терского казачества, истории развития городов Северо – Восточного Кавказа[212]. Также большое количество работ было посвящено исследованию материальной культуры различных народов[213]. Особенно ценным и оригинальным в своём исполнении стало исследование С.-М. А. Хасиева, проводившееся им в течение ряда лет (1968-1971), на полевом этнографическом материале в различных районах Чечено-Ингушетии. Хасиев впервые собрал и систематизировал все доступные на тот период орудия сельского хозяйства чеченцев. Свои научные открытия для широкой публики он представил в ряде научных статей и кандидатской диссертации, защищённой им в 1973 году[214]. Важным событием в научной и культурной жизни Чечни является выход первого обобщающего монографического исследования ученого этнолога Л.М. Гарсаева о вайнахской женской одежде. В ней изучены виды женской одежды и

их функциональная направленность, а также разнообразие тканей, в том числе и домотканое сукно, способы кройки и шитья. В работе описано много сопутствующих обычаев. Большой вклад в вопросы изучения народных промыслов вносят работы Абдулвахабовой Б. Б.-А., которые охватывают довольно давний и малоизученный период чеченской истории, начиная с XVI века[215].

Интерес к проблемам, связанным с административной деятельностью царских властей на Северном Кавказе заметно усиливается с конца 70-х годов. Таким образом, спустя почти более полувека на страницах исследований вновь появляется управленческая проблематика, касающаяся Северо-Кавказского региона в дореволюционный период. Естественно, что данный вопрос рассматривался уже с совсем иных методологических и идеологических позиций. Большая часть данных работ была создана в регионах, северокавказских научно-исследовательских центрах и учебных заведениях. В этот период встречаются как обобщающие труды, так и отдельные разделы в комплексных работах, а также публикуются разнообразные научные статьи. В работах А.И. Хасбулатова, К.С. Кокурхаева, Б.Х. Ортабаева исследуются: структура административной системы управления на Северном Кавказе, функционирование её отдельных элементов, административно-территориальные изменения на Северном Кавказе после Кавказской войны[216]. Ценность исследования К.С. Кокурхаева «Общественно-политический строй и право чеченцев и ингушей» заключается в том, что он первый, как среди дореволюционных, так и советских авторов, занимавшихся северокавказской проблематикой, подробно останавливается на том, как действовало низшее звено в системе управления краем – общественное управление сельских (аульных) обществ, какими полномочиями обладали сельский сход и сельские старшины. Он указывает, что традиционная демократичность сельских (аульных) обществ была сильно ограничена царской администрацией, сельский сход приобретал не свойственные ему прежде полицейско-фискальные функции, а старшины, будучи фактически ставленниками администрации, в первую очередь защищали её интересы и проводили угодную ей политику[217]. Многие положения об ограниченности полномочий общественного управления в сельских обществах в связи с введением «Положения об аульных обществах» в Терской и Кубанской областях в 1870 году, в работах А.И. Хасбулатова совпадают с мнением Кокурхаева. Но Хасбулатов, вместе с тем, считает нужным отметить один положительный момент, указывая на то, что с

введением «Положения» сельское горское население впервые получило единообразное устройство и стало регулироваться едиными юридическими нормами[218].

Северокавказский историк Н.Г. Гриценко в монографии «Горский аул и казачья станица Терека накануне Великой Октябрьской социалистической революции» сосредоточил своё внимание на социально-экономической проблематике. Но в работе также затронут и вопрос о роли царской администрации в сложном процессе развития капиталистических отношений в регионе, во взаимоотношениях между горцами и казаками. По мнению автора, самодержавие укрепляло колониальный режим в крае, опираясь на донское, кубанское и терское казачество. Указывает автор и на то, что обычным методом подавления непокорности горцев были полицейские преследования и расправы без суда и следствия. Вывод Н.Г. Гриценко о том, что одной из главных задач политики царизма на Кавказе было экономическое и политическое угнетение местного горского населения достаточно распространён в исторических исследованиях этого периода[219]. Н.П. Гриценко, вплотную обратившись к конкретным вопросам экономической истории, в том числе земельных отношений чеченцев и ингушей в пореформенный период, пришел к бесспорному выводу, что российская администрация на Кавказе «внесла большую путаницу» в поземельные отношения горцев. Столь же основательно обосновано и его заключение о наличии у чеченцев института частной собственности[220].

Наличие условий для раннего развития наследственного землевладения и феодальных отношений у чеченцев первым из советских исследователей установил Б.В. Скитский. По его мнению, с давних времен в частном владении вайнахов находились пахотные и сенокосные земли, а пастбищные и лесные угодья составляли общинное владение. Вопросы землепользования и землевладения в Чечне стали предметом научных интересов И.М. Саидова, который также считал общинно – передельную систему землевладения навязанной чеченцам царской администрацией. В доказательство он приводит факты сопротивления чеченцев вводимой властями общинно – передельной системы землевладения, например, под разными предлогами оттягивались сроки переделов земли. И.М. Саидов, подтвердив мнение Н.С. Иваненко о том, что в прошлой истории землевладение в горной Чечне носило частный характер, убедительно доказал наличие частной собственности у чеченцев как в горных районах, так и на равнине[221].

В советской историографии интересующая нас проблема изучалась слабо, и к тому же ее освещение имеет ряд особенностей. В специальных исследованиях, о некоторых «неудобных» вопросах говорилось «вскользь», а другие и вовсе оставались в тени, в том числе вопрос о существовании у чеченцев накануне присоединения военно – феодального государства. В настоящее время большинство исследователей прекрасно понимают, что накануне присоединения Чечни к России, чеченцы и аварцы имели достаточно сильное военно – феодальное государство (1840-1859 гг.). В период существования объединенного государства чеченцев и аварцев особенно быстрое развитие получили социальные отношения. Исследование С.-А.А. Исаева показало, что в имамате заметно углубился процесс феодализации чеченского общества, в сельских обществах имелись территориальные в основе своей общины, выделялась сельская общинная верхушка и старшинская знать. Основными формами землевладения и землепользования были: феодальные землевладения, частнособственническая крестьянская земля и земля коллективной общинной собственности, которая в свою очередь разделялась на несколько видов. В чеченской сельской общине на пахотных и сенокосных участках земли безраздельно господствовала частнокрестьянская форма собственности. По мнению Исаева, установленный нормами обычного права, запрет на личное угнетение и реальное отсутствие крепостной зависимости не исключало развитие феодализма в дореформированной Чечне. Его элементы возникали на почве разложения сельской или территориальной общины. Существование в Чечне крепкой сельской общины ограничивало расширение здесь феодальных владений и выступало серьезным препятствием на пути закрепощения крестьян – землевладельцев. Эти мелкие земельные собственники являлись главной силой той перманентной борьбы, которая велась за независимость сельских общин. Частное землевладение в Чечне характеризовалось практическим отсутствием крупных латифундий, господствующим типом были мелкие частные собственники землевладений. Доктор исторических наук С. –А.А. Исаев дал критическую оценку концепции М.М. Блиева. По мнению Исаева, население Северного Кавказа не являлось однородной массой и попытка Блиева возродить представление о северокавказских народах и в первую очередь чеченцах, аварцах, как однородной массе с «имманентно присущими» ей агрессивно – грабительскими стремлениями заслуживает критики[222].

В отечественной науке при рассмотрении проблемы о путях возникновения классового общества доминировала точка зрения о связи этого процесса с разложением общины, появлением слоя частных собственников и создании ими аппарата управления как орудия угнетения и подавления эксплуатируемого населения. Традиционная точка зрения на генезис феодализма продолжает оставаться доминирующей. Однако, в определенной специфике политогенеза, в частности у народов Северного Кавказа, осталось немало нерешенных проблем. До настоящего времени не удалось достичь единства взглядов по вопросам механизма классообразования, формирования государственности и права, становления и развития относительно крупного землевладения. Между тем, эволюция общественного строя народов данного региона представляет значительный интерес как для выявления специфики политогенеза горцев мира вообще, так и для характеристики форм ранних государственных образований[223].

Критическое отношение к царской политике на Северном Кавказе было присуще ученым в советский период. Жёсткую оценку деятельности царской администрации даёт в своей статье Б.Х. Ортабаев. Уже само название «Усиление колониального режима царизма на Северном Кавказе на рубеже XIX – XX вв.» предполагает направленность выводов автора. Он считает, что основу всей политики администрации в горских районах Северного Кавказа составляли формировавшиеся в течение многих десятилетий представления о неполноценности, второсортности, дикости горских народов. Отсюда проистекали неограниченная военная власть начальников областей; военно-народное управление, которое, по его мнению, в конце XIX века скинуло всякую маску и стало олицетворением великодержавного шовинизма; грубая политика механического обрусения на Кавказе; крайне репрессивные методы управления и произвол властей. Таким образом, из статьи Ортабаева напрашивается вывод о том, что деятельность властей на Северном Кавказе постоянно и неуклонно двигалась в сторону ужесточения режима, никаких отступлений и, хотя бы, временных отклонений от этого курса не существовало. Думается, что реальная практика взаимоотношений горцев и официальных властей, при всей её драгматичности, а порой и трагичности, была гораздо более многообразной и сложной[224].

В большинстве работ советского периода давались негативные оценки системы «военно-народного управления» с точки зрения учёта политических и экономических интересов горского населения. Упор

делался на то, что основным содержанием «военно-народного» управления являлось усиление военно-фискальной эксплуатации горцев. При этом в работах данного периода разоблачение жестокой колонизаторской политики царского правительства соседствует с мотивами о дружеских отношениях России и Кавказа, основанных на классовой солидарности, взаимном хозяйственном, культурном и бытовом общении. Также вопросы административно-политической деятельности российских властей в Терской области получили освещение в целом ряде учебных пособий[225]. В этих коллективных трудах затрагивались вопросы административного, территориального устройства областей Северного Кавказа вплоть до 1917 года.

Было издано много книг, подробно рассматривавших социально-экономические и политические причины антиправительственных выступлений, имевших место на территории Терской области после завершения Кавказской войны, их ход и последствия. Особенную роль в этих исследованиях следовало бы отнести работам кавказоведа В.Н. Ратушняка. Научные работы, выполненные В.Н. Ратушняком, отмечаются новизной постановки проблем и новизной научных выводов. Учёный привлекал для исследования широчайший круг источников, в основном статистических, к которым применял математические методы исследования[226]. Специалист по аграрной политике, кавказовед В.Н. Ратушняк в Чеченском центральном государственном архиве выявил уникальные сведения о покупке «офицерских» участков в Терской области. Внимательно изучив пофамильную ведомость владельцев всех проданных участков и историю распределения всей приобретенной земли, он пришел к выводу, что рост бессословной собственности на землю вносил существенные коррективы в структуру частного землевладения на Кавказе. Исходя из общепринятого деления землевладения на мелкие (до 50 дес.), средние (51-500 дес.), и крупные (свыше 500 дес.), он сопоставил их соотношение в Европе и в России, и в четырех губерниях и областях Северного Кавказа в начале XX в. В результате Ратушняк пришел к выводу, что различия между ними в доле мелких владений были несущественными более высокий процент в исследуемом регионе составляли среднепоместные владения. По мнению Исаева С.– А.А., в Чечне каждая казачья семья, наделенная земельным участком от 57 до 90 десятин в среднем, по существу являлась средним феодальным владением. Они и должны были, по планам правительства и кавказской администрации, стать надежной и прочной социальной опорой России на Кавказе[227].

В работах 70-80-х годов XX века практически не освещались разногласия в правящих кругах России, возникавшие при формировании административной политики на Кавказе. Первым автором, обратившим внимание на необходимость исследования проблемы складывания правительственной программы деятельности по административному устройству Кавказа, выяснения общих принципов управления этой имперской окраиной, являлась Н.С. Киняпина. Её статья в журнале «Вопросы истории» за 1983 год заметно выделялась по своему содержанию на фоне тогдашних исследований административно – политической деятельности имперских властей на национальных окраинах. Проанализировав особенности российской административной политики на Кавказе, Киняпина отметила продуманность и постепенность внедрения новых институтов управления горскими народами, общую лояльность при проведении административных мероприятий[228].

Этапным в исследовании истории мухаджирства стал фундаментальный труд Г.А. Дзидзария, опубликованный в 1975 году. Монография Дзидзария представляет собой первый опыт комплексного исследования проблем переселенческого движения на Кавказе. Хотя работа и посвящена в основном абхазскому мухаджирству, автор рассматривает последнее в контексте общекавказского переселенческого движения на протяжении всего XIX века[229]. По точному замечанию Г.А. Дзидзария: «Нельзя считать освещенным прошлое кавказских народов без истории той их значительной части, которая оказалась по ту сторону Черного моря – в Турции, а также рассеялась частично по другим странам Ближнего Востока, входившим в состав обширной Османской империи»[230].

В советской историографии практически не было работ, за исключением немногих монографий и статей, освещавших позицию царских властей в отношении мусульманского духовенства, всегда оказывавшего огромное влияние на местное население[231]. Не затрагивался также вопрос, касавшийся попыток правительства поставить под контроль деятельность духовных лиц через её законодательную регламентацию. В трудах историков советского периода не получила достаточного освещения деятельность русско-мусульманских школ, церковно-приходских училищ, а также их роль в прогрессе народного просвещения. Историки советского периода, рассматривая политику царского правительства в области школьного образования, выпячивали лишь негативные стороны её влияния на развитие школы, не уделяли должного внимания показу объективно-исторических, позитивных последствий этой политики.

Многие авторы, рассматривая влияние России на становление светской школы, упускали из виду её воздействие на развитие традиционного мусульманского образования. Вне их поля зрения оказались и вопросы о том, в какой мере просветительские движения в разных регионах империи оказали влияние на религиозную школу кавказского края[232].

Решительный пересмотр методологических основ отечественной исторической науки, начавшейся, как известно, на исходе 80-х годов XX века, активизировал внимание исследователей и к истории российских мусульман. В результате многое было сделано для восполнения пробелов в историографии, появилась возможность извлечь из архивов целые пласты новых материалов, как по истории ислама, так и мусульманского населения России[233]. Работа одного из крупнейших исламоведов профессора М.А. Батунского (1933-1997) является до сих пор единственным широкомасштабным исследованием отношения России к исламу и мусульманам с X до начала XX века. Написанная в контексте опыта и достижений мирового социокультурного знания второй половины XX столетия, книга М.А. Батунского проливает новый свет на специфику национально-государственного, культурного и религиозного становления русского, а вместе с ним и многоэтнического российского народа на разломах географических зон, исторических эпох и цивилизаций, на взаимодействиях несхожих духовных, этнокультурных и идейных потоков[234].

Интерес к общественной жизни дореволюционной России проявлялся в советское время, главным образом, в изучении истории профсоюзных обществ и корпораций, а также в исследовании некоторых групп научных и сельскохозяйственных обществ. Многие проблемы общественной самодеятельности – история благотворительных организаций, правовое положение добровольных обществ, взаимоотношения общественных организаций и власти и т.п. практически полностью выпали из поля зрения историков. В советской историографии отношение к различным обществам дореволюционного времени было настороженным[235]. В «перестроечную эпоху» интерес к благотворительным и общественным организациям стал стремительно нарастать.

В конце 1980-х годов советское кавказоведение, как историческая наука в целом, вступило на путь преодоления ошибок и извращений периода «застоя», появились новые темы для исследования. Возник новый мотив в освещении деятельности государственных мужей, служивших в крае: А.П. Ермолова, Д.С. Старосельского и многих других. Активно

начал использоваться метод сравнительно-исторических параллелей не только в вертикальном срезе (хронологическом), но и в горизонтальном (географическом). Изучение народов Кавказа было направлено теперь к обобщению и переосмыслению накопленных знаний[236]. Исследования советского периода ценны содержащимися в них материалами фактографического характера, а также постановкой ряда новых исследовательских проблем, таких, как роль экономического фактора в социально-политических процессах; формы протеста населения против политики имперских властей; особенности функционирования низших звеньев в системе административного управления – общественного управления сельских (аульных) обществ. Вне поля зрения советских историков, по вполне понятным причинам, находилось взаимодействие двух цивилизаций – русско-православной и горско-мусульманской, в условиях распространения на Северном Кавказе российского государственного управления. Тенденция к деперсонализации истории в советский период обусловила отсутствие заметных работ, связанных с исследованием роли отдельных деятелей кавказской администрации в организации системы управления в регионе.

Возникновение тезиса о «наименьшем зле» и его влияние на историческую науку

Одним из обстоятельств, глубоко травмировавших национальное сознание чеченцев в начале 80-х годов XX века, стала концепция так называемого добровольного присоединения Чечни к России, подготовленная и широко разрекламированная В.К. Гардановым, М.М. Блиевым и В.Б. Виноградовым. Справедливости ради надо отметить, что научная несостоятельность концепции и политический вред её были доказаны ещё задолго до Чеченской войны. Но оскорбление, нанесённое неоднократно подвергавшимся геноциду чеченцам оставило после себя долгий и неприятный след и, возможно послужило толчком к появлению чувства несправедливости в отношении позорных характеристик всего народа, причем, абсолютно не аргументированных фактически, по сути заявленных голословно, выведенных под определенную «теорию»[237]. Безусловно, каждый историк, как и любой человек, имеет право на ошибку. Но заблуждение ученого, растиражированное, публичное, несет на себе мощный энергетический заряд, способный

привести к большим разрушениям, хотя даже и в нем есть некоторые положительные моменты.

В обществоведении применение категорий истина и заблуждение ограничено сферой рациональности. Здесь использование этих понятий и возможно, и необходимо. Заблуждение – необходимый компонент, атрибут научного познания с точки зрения внутренней логики его развития, непременное условие его существования, критерий его научности. Он выполняет в познании не только негативные, но и позитивные функции – стимулирующую, компенсаторскую, эвристическую и др. Заблуждение в социальных науках – не абсолютно негативный их момент, не досадная помеха в движении знания, а конструктивный элемент в общественных теориях «работающий» в них до тех пор, пока не находятся более точные сведения, отвечающие на поставленные вопросы. Истинное знание в общественных науках – это не только адекватное отражение объективного мира, но и определенных субъективных интересов, неверное понимание последних ведет к воспроизведению в знании несущественных сторон объекта (даже если оно и адекватно) и к обесцениванию добытой истины. Процесс преодоления заблуждений не только чрезвычайно сложен, но и далеко не всегда возможен. Для преодоления заблуждений первостепенное значение имеет своевременное их выявление, осознание их как таких образований и объективное доказательство альтернативной точки зрения на проблему[238].

С 40-х годов XX века начал формулироваться и обосновываться тезис о добровольном присоединении к России различных народов как «наименьшем зле» для них. Интересно, что данный тезис, будучи некорректным, по форме и по сущности, позволил советским историкам создать прекрасно документированные исследования, посвящённые национальной политике в различных регионах, дабы развенчать постулат о «наименьшем зле»[239]. Как мудро замечал ещё Владимир Соловьёв: «Обличение неправды не есть ещё её упразднение, но это последнее, не будучи в наших силах, не лежит и на нашей обязанности. Мы обязаны только не быть равнодушными и безучастными к борьбе правды с кривдой в доступной нам области действия»[240]. Формально же некорректность тезиса о «наименьшем зле» заключается в нарушении закона исключения третьего, путём введения в историческую науку много вариантности развития, т.е. осуществляется отрицание принципа детерминизма[241].

В советской историографии стали интенсивно складываться два главных направления в изучении истории российских народов дооктябрьской эпохи. Первая из них, постепенно отходя от теории «наименьшего зла», так и не смогло фактически преодолеть идеи и штампы колониальной экспансии царизма. Вторая тенденция, исходя из справедливой посылке о недопустимости изображения дореволюционной истории сплошной чёрной краской, приглушала и замалчивала антагонистическую классовую природу самодержавия. В дальнейшем на этой почве выросла политизированная концепция сплошного прогресса и добровольности вхождения народов в состав Российской империи. Таким образом, проблема вхождения народов Кавказа в состав России изучалась и эволюционизировала в контексте двух основных концептуальных построений: теории колониального завоевания и концепция мирного добровольного присоединения[242].

Своего апогея теория «добровольного присоединения» достигла в годы застоя, в условиях господства официальных установок по «воспитанию историей». В руках определённых кругов административно – бюрократического и партийно-пропагандистского аппарата тема присоединения стала одним из средств показной идеологической работы на местах. Обычно вне зависимости от реальной истории и характера вхождения проводили кампании всенародных юбилеев «добровольного» присоединения.… Столь громкие, шумные мероприятия нередко использовались местными правящими элитами для придания значимости своей власти, «выбивания» из центра новых бюджетных средств и др.[243]

Уже в 1960 году профессор В.К. Гарданов сформулировал и фактически обосновал идею, согласно которой «...вся территория Северного Кавказа вошла в состав Российской империи» в результате целой серии разнообразных политических акций во второй половине XVIII века. В 1970 году М.М. Блиевым была дана сущностная оценка процесса российско-северокавказских отношений в исторической науке. Он предложил выделить 2 этапа в периодизации истории взаимоотношений народов Северного Кавказа с Россией: 1) установление дружеских русско-кавказских связей и добровольное присоединение народов Кавказа к России (50-е г. XVI в. – нач. XIX в.); 2) утверждение на Кавказе царского военно-административного аппарата, развёртывание освободительной борьбы горцев против местных феодалов и насаждение самодержавных порядков (1813-1864 гг.)[244].

Вслед за М.М. Блиевым В.Б. Виноградов пишет, что «привычное употребление понятий колониальная политика, колониальный режим, колониализм в контексте исторической действительности нашего края в дореформенной, в докапиталистической ещё эпохе вызывает сегодня сомнение». Он утверждает, что действия царских войск имели оборонительный характер, а жестокости, применяемые к горцам – это дело рук лишь отдельных военных деятелей, которые якобы превышали свои полномочия. В публикациях В.Б. Виноградова подвергается сомнению сам факт наличия и проведения колониальной политики царизма на Северо – Восточном Кавказе в XIX веке, мотивируемый тем, что понятия и термины «колониальная политика», «колониализм» – суть категории капиталистической, буржуазной эпохи в истории человечества, а в России в указанный период развитие капитализма только начиналось, и, соответственно, «Кавказ, (и любой его отдельно взятый район) не был колонией России в том формационном понимании, которое только и могло бы пояснить правомочность термина «антиколониальная борьба» применительно к освободительному движению его народов». Конечно, можно согласиться с тем, что необходимо разборчиво употреблять термины «колониальная политика», «колонии», «колониализм» и т.д., а также и с тем, что даже капиталистическая колониальная политика существенно отличается от колониальной политики финансового капитала, а характер административной политики царизма не совсем укладывается в «колониальный стереотип», и в том, что колониализм – это система многосторонних (экономических, политических, национальных, социальных, идеологических отношений) и даже с тем, что колониализм – это не только и не столько политическое подчинение, а, прежде всего экономическая эксплуатация колоний, ее ресурсов и рабочей силы в интересах капитала метрополий. Однако элементы колониальной политики, особенно в сфере экономики, все же присутствовали и это уже было многократно доказано в исторических исследованиях[245].

Взгляды и «новые подходы» М.М. Блиева и В.Б. Виноградова широко и аргументировано критиковались большинством историков-кавказоведов[246]. Историк В.Н. Невская констатировала, что «нельзя согласиться с мнением М.М. Блиева, который на первое место ставит военную функцию сельской общины, организацию набегов, считая её более важной, чем хозяйственная.» По ее мнению это не только не подтверждается историческим и этнографическим материалом, но и противоречит ему. Концепцию В.П. Невской, высказанную в 1985 году

поддержали также М.А. Абдуллаев, А.И. Халилов, Г.Г. Гамзатов, Х.М. Ибрагимбейли и др.[247].

По идее М.М. Блиева и В.В. Дегоева, религия понадобилась набеговой системе, которую она снабдила недостающим идеалом – лозунгом борьбы против неверных и тем самым дала ей дополнительный морально-психологический импульс[248]. Один из учеников школы В.Б. Виноградова О.Ю. Клычников, в своей докторской диссертации делает вывод, согласно которому «набеги, являвшиеся своеобразным промысловым институтом у горских народов, одновременно использовались и как средство эффективной обороны собственной территории от внешней, в данном случае российской угрозы»[249]. О том, что казаки не пренебрегали грабежами и набегами отмечает в своей работе О.С. Мутиева. В ходе изучения данного вопроса она выяснила, что предания полны сообщений о том, что казаки «пускались на добычу в горы к лезгинам и другим народам и всегда возвращались не с пустыми руками, а с лошадьми, скотом, оружием…» Судя по преданиям и письменным источникам, казаки контролировали некоторые переправы и дороги, взимая дань[250].

По мнению О.Г. Ворониной «Чечня – своего рода «набеговая» цивилизация, которая породила в начале XX века абречество, а в конце XX столетия – чеченскую мафию и боевиков, известных далеко за пределами Чечни. Можно сказать, что здесь идет речь о национальных особенностях горцев, которые, конечно же, нельзя упускать из виду…»[251]. По словам А.Н. Рябикова некоторые авторы приходят к достаточно спорным выводам, в частности И.Куценко набеги определил как «привычное явление жизни народов приграничных районов», уточняя, что их «можно считать разновидностью соседских отношений», но считать их одной из причин Кавказской войны нельзя[252]. Многим конфликтам в регионе сопутствовало то, что можно назвать «войнами историков», когда ссылками на факты из минувших веков противоборствующие стороны стремились оправдать законность своих действий и придать историческое «обоснование» территориальным претензиям[253].

Х.М. Мусаева, кандидат юридических наук, считает, что в причинный комплекс состояния преступности на Северном Кавказе во второй половине XIX века наряду с причинами и условиями общего характера входили и специфические факторы. Во многом данная преступность была обусловлена тем, что горцы были вытеснены с исторически принадлежащих им земель. Естественно, горцы с этим не могли смириться. Незаконный оборот оружия на Северном Кавказе являлся одним из на-

иболее сильнодействующих криминогенных факторов. Объем незаконного оборота оружия значительно увеличивался во время обострения политических противоречий, т.к. служил одним из средств их решения. Ко времени Революции 1905 года, незаконно обращающегося на Кавказе оружия было так много, что, как следует из циркулярного сообщения помощника по гражданской части наместника на Кавказе от 15 февраля 1907 года «проживающие в Сибири уроженцы Кавказа, занимающиеся тайной покупкою для Кавказского края казенных винтовок, получили распоряжение прекратить высылку винтовок, так как в последнее время на Кавказ доставлено слишком много оружия и цена на него упала до ничтожной суммы». Существовала нелегальная торговля оружием и во время Кавказской войны[254].

В 1980 году вышла книга «Навеки вместе» (о добровольном вхождении Чечено-Ингушетии в состав России). Секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС М.О. Бузуртанов в данной работе обозначил 1781 год как дату, когда чеченцы «влились в состав единого Российского государства». Истоки процесса добровольного вхождения населения Чечено-Ингушетии в состав России, по его мнению, уходят своими корнями в эпоху Древней Руси. Далее он предупреждает: « Ни в коем случае нельзя смешивать такие неравнозначные, происходившие в разное время события, как добровольное вхождение чеченцев и ингушей в состав России и окончание так называемой Кавказской войны»[255].

Виталий Борисович Виноградов обличал дворянских историков в том, что благодаря их теории «насильственного присоединения диких и необузданных народов к цивилизованной державе» родился «...миф о Кавказской войне и присоединении Чечни в 1859 году к России, после поражения имамата Шамиля». Немалые усилия, по его мнению, приложили к этому и буржуазные националисты из числа горских народов (А. Авторханов и др.), в работах которых постулировались идеи о насильственном присоединении Чечено-Ингушетии к России[256].

Со стороны приверженцев теории «добровольного вхождения» полемика, как правило, велась в прежнем стиле теоретической схемы и «моральные» оценки преобладали над системой доказательств, стремление осудить или похвалить – над профессиональной готовностью понять суть явления. Так, по мнению В.В. Лапина, работы М.М. Блиева и В.В. Дегоева являются едва ли не единственным просветом в постсоветском отечественном кавказоведении. Прежде всего, ему показались «революционными» высказывания М.М. Блиева о том, что Кавказская война не

носила национально-освободительный, антиколониальный характер. Очень ценными, по мнению Лапина, были сделаны замечания М.М. Блиева о том, что в течение трех лет – с осени 1834 г. до весны 1837 г. – имам Шамиль не имел боевых столкновений с русскими «колонизаторами», он подчинял себе вольные общества Дагестана. По мнению В.В. Лапина, война на Кавказе была слишком сложным явлением, чтобы ее можно было отнести к какому-то определенному типу вооруженного конфликта. На Тереке и Кубани, например, он видит и элементы фронтира, неотъемлемой частью которого является, по его мнению, военная тревога, и элементы государственной экспансии. Подытоживает Лапин свою статью тем, что считает Кавказскую войну законченной после подавления восстания 1877-1878 гг. в Дагестане и Чечне[257].

Исследователь В.С. Дякин в своих работах стремился идти за историческим материалом, а не подбирать ссылки для подкрепления собственных построений, никогда не пытался следовать чужим, особенно официально одобренным концепциям. В своём исследовании «Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – нач.XX в.)» он прямо заявляет, что только к Грузии можно без натяжек применить «навязшую в зубах» формулировку о добровольном присоединении к России[258]. Г.Н. Малахова разделяет Кавказ по способу присоединения к Российской империи на несколько частей. По её мнению добровольно в состав России вошли: Кабарда, Осетия, Ингушетия. В результате военной экспансии были присоединены Чечня и Западный Кавказ[259].

С 90-х годов XX века начался новый этап изучения темы «истории народов России». В первую очередь это касается проблемы присоединения народов к России и последующего их существования в рамках империи. Отступает в сторону апологетический подход, активно развивается дискуссии вокруг актуальных проблем исторического исследования. Учёные стремятся объективно рассматривать военную сторону российской истории, учитывая как действительно добровольный характер присоединения, так и насильственный, сложный, противоречивый путь, когда в ходе этих процессов осуществлялись различные формы вхождения народов в состав России; существовали разные позиции и верхов и низов общества. Анализируется процесс складывания системы управления национальными окраинами России, которая имела не только противоречивый, насильственный, но и весьма гибкий, порой достаточно терпимый характер[260]. Историк В.В. Лапин в своей работе «Кавказская война – война взаимного непонимания», тем не менее, продолжал

настаивать навыводе, что существующая «традиционная» хронология Кавказской войны (1817-1864 гг.) ущербна. Этому способствовало, по его мнению,замалчивание или искажение отдельных страниц истории отношений России с народами Кавказа[261].

Применительно к истории российской империи, имперская перспектива оказалась достаточно новым подходом. Это объясняется господствовавшим в российской и западной историографии взглядам на российское прошлое как историю национального государства. Признание ошибочности такого подхода способствовало тому, что среди историков стали раздаваться обоснованные призывы к пересмотру российской истории под новым, имперским углом зрения. Ранее история России представлялась преимущественно как история её центра. Исследования же взаимоотношений с нерусскими подданными главным образом концентрировались вокруг проблемы экспансионизма: присоединения и завоевания. Серьёзной попыткой преодолеть «русоцентристскую оптику» и дать общую картину истории России как многонациональной державы, являются исследования конца 90-х годов XX века, а также многочисленные конференции и форумы, на которых открыто обсуждаются насущные проблемы исторических процессов[262].

Анализ содержания работ и выводов М. Блиева и его коллег в научных кругах вызвал дискуссию, обсуждавшуюся на проведенной в Махачкале Всесоюзной научной конференции. На ней практически единодушно была осуждена позиция ученых, в работах и исследованиях которых отрицался тезис национально-освободительной борьбы горцев Кавказа против России, и содержалась более сдержанная (корректная) оценка военной политики России на Кавказе[263].

А вот что отмечали участники военно-исторической конференции, посвященной 220-летию Азово-Моздокской укрепленной линии и 75-летию Краснознаменного Кавказского особого пограничного округа: «Цели, которые преследовались Россией при устройстве южной границы:

1. Предотвращать набеги на южные территории России; 2. Дать возможность подданным России калмыкам, ногайцам и туркменам безопасно кочевать в Предкавказье; 3. Под прикрытием линии осваивать земли Предкавказья, развивать здесь сельское хозяйство (хлебопашество, скотоводство, шелководство и т.п.); 4. Создание единых сообщающихся между собой рубежей против Турции и Ирана, чтобы в случае военной опасности быстро маневрировать на пространстве от Астрахани до

Крыма; 5. Этим самым создать плацдарм для присоединения Северного Кавказа с выходом в Закавказье через Дарьял (Военно-Грузинская дорога); 6. Закрыть неконтролируемый ввоз товаров из Закавказья, Турции и Ирана. Установить здесь таможенный контроль для получения доходов в казну; 7. Получить доступ к рудам и минералам предгорий и гор Северного Кавказа; 8. Превращение Моздока в торговый, а не военный центр…»[264].

В апреле 2005 года в Москве была проведена всероссийская научная конференция «Чеченская Республика и чеченцы: история и современность». Одним из актуальных тезисов, рассматриваемых на данной конференции, был вопрос о «добровольном вхождении» чеченцев в состав России. Доктор исторических наук, Ш.А. Гапуров в своём выступлении проанализировал некоторые работы М.М. Блиева и сделал доклад, освещавший правду и вымысел о набегах кавказских горцев. По мнению Ш.А. Гапурова, порожденные колониальной политикой царизма, взаимные набеги казаков и горцев во второй половине XVIII – начале XIX в. делали невыносимо тяжелой жизнь пограничного населения по обе стороны Кавказской военной линии.

Д.А. Милютин признавал еще в середине XIX века, очевидный факт, что Россия ставила целью покорить племена Северного Кавказа, отделявшие ее от Закавказья, входившего в состав русского государства[265]. Ф.А. Щербина, анализируя горские набеги, подчеркивал, что горцы угоняли скот, захватывали пленных, нападали на казачьи станицы, караулы и отряды и «вообще с ожесточением уступали каждую пядь своих владений, мстя колонизаторам края при всяком случае». Некоторые авторы XIX века понимали и суть борьбы горцев и методы их действий[266].

В Заключительной резолюции участники конференции решительно осудили теорию о «добровольном вхождении Чечни в состав России»», развиваемую некоторыми историками и ведущую к развязыванию межнациональной розни на Кавказе. Появление статей М.М Блиева, В.Б. Виноградова и его учеников явилось, по мнению многих специалистов «реанимацией концепции о реакционной сущности борьбы северокавказских горцев в XIX веке». Данная концепция была воспроизведена в труде, вышедшем в 1994 году, в котором говорилось: « Расширяющееся во втор. пол.XVIII века военное присутствие России на Северном Кавказе, с одной стороны, создавало препятствие на традиционных набеговых маршрутах, с другой – порождало новые соблазны в виде зажиточных станиц и укреплений по Кубани и Тереку, в результате чего постепенно

возобладало северное направление в промысловых рейдах горцев»[267].

11 апреля 2006 г. в Махачкале прошла Всероссийская научно – практическая конференция «Ислам на Северном Кавказе: история и современность». В работе Всероссийской конференции приняли участие более 250 человек. В докладах и выступлениях обсуждались сложные и злободневные проблемы истории и современное состояние ислама на Северном Кавказе: государственно – конфессиональные отношения и т.д. Конференция приняла конкретные научно обоснованные рекомендации и предложения, направленные на решение проблем сохранения межнационального мира, согласия и взаимопонимания между народами и конфессиями[268].

В настоящее время у многих историков и исламоведов вызывает удивление точка зрения В.А. Матвеева и Б.В. Виноградова на проблему «мухаджирства», под которым в кавказоведческой литературе подразумевается, прежде всего, переселение народов Северного Кавказа на территорию Османской империи по «принципам веры». Данные исследователи предложили, как одну из его составляющих, рассматривать и случаи «добровольного переселения тех или иных групп туземного кавказского населения» в границы Кубанско-Терской линии, в среду и под защиту линейных казачьих станиц»[269]. В исторической литературе давно принято считать мухаджирство «религиозной эмиграцией», поэтому сложно себе представить что чеченцы – мусульмане переселялись в пределы казачьих православных станиц и крепостей из-за религиозных принципов. И.Е. Дунюшкин, в своей кандидатской диссертации «Терское казачество в межнациональных отношениях на Северном Кавказе» дошёл до того, что объявил казаков, проживавших на Тереке, «коренным населением» этих мест, хотя даже царские генералы во время Кавказской войны, на картах обозначали эти земли, как «чеченские»[270].

Решить сразу же вопросы истории Кавказской войны оказалось чрезвычайно сложно. Часть учёных, увлекшись одной стороной вопроса, единственной причиной, вызвавшей эту борьбу, считали колониальную политику царизма. Другие, не критически заимствуя версии, доказывали, что война со стороны горцев велась для сохранения «набегового производства», которое горцы теряли с вхождением Северного Кавказа в состав России. Само собой понятно, что эта точка зрения, представляющая целые народы «разбойниками и грабителями», для которых набеги являлись хозяйственной схемой, «способом производства» была подвергнута резкой, но справедливой критике[271].

Одним из болезненно-дискуссионных в современном кавказоведении остаётся вопрос о горском «хищничестве» или о набегах горцев. Особую позицию в вопросе о горских набегах занимает М.М. Блиев. Как и российские авторы и военачальники XIX века, он считает, что все жители Чечни и горной части Дагестана занимались в основном набегами. Для российских властей набеги горцев были основным официальным поводом для военных экспансий против горцев. Вопреки утверждениям М.М. Блиева, большинство чеченцев, жившие в бассейне Терека и Сунжи, не занимались набегами, более того, они оказывались фактически заложниками, т.к. были не в состоянии воспрепятствовать горцам, совершавшим набеги на русскую пограничную линию, и в тоже время первыми подвергались карательным акциям казаков и царской власти[272].

Следует заметить, что далеко не всегда набеги казаков и регулярных российских войск на горские аулы, были «акциями возмездия». Нередко бывали случаи, когда они совершались без всякого повода со стороны жителей, ради добычи и наград, а то и просто ради своего корыстного интереса[273]. Неэффективность сети опорных пунктов и кордонных линий подталкивали кавказское командование к использованию стратегии набегов – экзекуционных и превентивных.Для того чтобы заготовить дрова, сено, пасти скот, доставлять провиант, солдаты должны были обеспечивать безопасность, так как именно во время хозяйственных работ они в большей степени чувствовали свою уязвимость. Наиболее надежным способом избежать нападения на лесосеке или при покосе была превентивная атака или «достойный» ответ на предшествующее нападение. Набеги вели к варваризации войск, поскольку именно при такой стратегии ни о каком соблюдении «цивилизованных» приемов не могло быть и речи. Такая стратегия вела к превращению войны в нескончаемую «средневековую междоусобицу»[274].

Набеговая система прижилась в русских войсках, прежде всего потому, что давала им возможность выживать в буквальном значении этого слова (в основном в материальном смысле). Логика войны подсказывала выход из ситуации, когда войска не могли обеспечиваться с помощью обоза – реквизиции, которые трудно было отделить от элементарного грабежа. В горных условиях, при ограниченности возможностей вьючного обоза, экспедиционный корпус мог взять продовольственных запасов не более чем на 12 дней. Трудности марша по пересеченной местности не позволяли делать суточные переходы более чем на 20 верст. Даже в европейской войне командование всегда учитывало риск деморализации

войск при использовании местных ресурсов, создавало специальные структуры (отряды фуражиров, команды, занимавшиеся заготовкой провианта). На Кавказе эти походы «за сеном» представляли собой настоящие военные экспедиции с обязательным привлечением боевых частей, а чаще всего заготовками занимались сами солдаты. Любая война вскрывает не только лучшие, но и худшие человеческие качества. Д.А. Милютин вспоминал, что «среди кровавого побоища, рядом с подвигом храбрости, самоотверженности, порождали, и самые отвратительные сцены в занятой части населения: некоторые из солдат обирали валявшиеся трупы убитых, вытаскивали из горевших саклей всякую всячину, даже вещи, ни к чему не пригодные»[275].

Мародерство – обычное явление войны. Мародерство часто смыкается с вандализмом, особенно когда разорение хозяйств и жилья неприятеля становилось важным элементом боевых действий. Имеются свидетельства о том, что часто добыча безжалостно уничтожалась или применялась не по назначению: восточные шали шли на обмотки, драгоценные ковры стелились в землянках, из сосудов устраивали мишени и т.д. Военное руководство, с одной стороны, боролось с такими явлениями, поскольку замечало, что нередко набеги организовывались в корыстных целях, с другой стороны, не могло не замечать повышения боеспособности войск, для которых война становилась личным делом. В 1843 г. Николай I строго запретил командирам частей «предпринимать экспедиции или поиски для наказания горцев», однако это распоряжение осталось на бумаге, т.к. никто не запрещал преследовать «хищников». В рапорте всегда можно было указать на вынужденность такой меры. А.А. Вельяминов не случайно назвал набеги – «частные экспедиции» средством, только «способствующим» покорению горцев. Он прекрасно понимал, что это – не более чем способ несколько «умерить» их воинственность. В тех случаях, когда отношения с горскими народами не были отягощены враждой, не оставлявшей надежды на мирный вариант развития событий, командование старалось демонстрировать свое миролюбие при первых контактах. Так, в 1838 г. при основании Вельяминовского укрепления расположенные поблизости от него брошенные горцами села были оставлены нетронутыми. Командиры строго запретили солдатам даже рвать фрукты в садах[276].

В ходе Кавказской войны многочисленные карательные экспедиции против мирного населения вносили полную деморализацию в части, вследствие того, что подрывали в подчиненных доверие к законности

действий их начальников; они вселяли в частях, благодаря легким «победам», повышенное представление об их боевой мощи; они развивали антагонизм между войсками и народом; действовали угнетающим образом на народ, и это угнетение духа народа не могло не передаваться и войску; они разрушали обычай войны и приучали смотреть на безоружного как на врага, которого можно убивать; они, наконец, отвлекали войска от прямого дела – подготовки к военным действиям и приучали их к тому, что в бою делать запрещено (разбой, грабеж, изнасилования, мародерство). Карательные экспедиции и участие в них войск могли сделать армию совершенно непригодной для исполнения своей единственной задачи – защиты родины и народа от иноземного ига[277]. Итоги карательных операций были трагическими для чеченского народа. Так, по свидетельству А.П. Берже, только за 3 года (1847-1850) народонаселение Малой Чечни уменьшилось вдвое, а с 1840 г. – вчетверо. Если в 1840 г. население Малой Чечни составляло около 8 000 дворов, то в 1847 г. уже – 4 000 дворов, а в 1850 г. – всего 2 000[278].

По современным понятиям, по отношению к мирному населению был применен военный террор. Военный террор, это умышленные насильственные действия, совершенные в условиях войны или вооруженного конфликта международного или немеждународного характера, направленные на лишение жизни, здоровья, жилья или имущества гражданского населения, с целью достижения военных успехов посредством создания обстановки страха среди гражданского населения. Террор предполагает массовое и существенное нарушение, ограничение и (или) лишение целого комплекса прав и свобод человека и гражданина. Это под силу только государственной власти, преследующей политические цели. Жесткая же цензура военных событий есть идеологический террор. Противодействие национально-освободительным движениям военными средствами – репрессивный или контрреволюционный террор. Случаи применения военной силы при репрессивном виде террора, как правило, носят ограниченный характер, поскольку военная сила применяется только в отношении противоборствующей стороны и в достаточных для преодоления сопротивления масштабах. Несоразмерность насилия, умышленное причинение страданий гражданскому населению, уничтожение гражданских объектов и т.п. должно расцениваться как преступная политика, выражением которой является военный террор[279].

Большинство чиновников царской администрации в Терской области не хотели замечать, что «злая воля и агрессивность» у горцев прояв-

ляется как форма протеста против насильственного захвата их исконных территорий, их эксплуатации, насилия, оскорбления и унижения их человеческого достоинства. В подобных случаях речь идёт о сопротивлении колониальным властям. На это обращали внимание К.Л. Хетагуров, Г.М. Цаголов, Чах Ахриев и многие другие. Негативные клише о «разбойном» Северном Кавказе помогали оправдывать жестокости и насилия, которыми полна история присоединения региона к Российской империи, особенно в эпоху кровавой Кавказской войны. Искусственный образ горцев Северного Кавказа, сложившийся в сознании российского общества колониальной эпохи в немалой степени определил не только методы покорения региона, но и способы управления им.

В 1917 году Российская империя прекратила свое существование, но в общественном сознании России надолго сохранился миф о Северном Кавказе как царстве благородных разбойников, живущих по неизменным дедовским обычаям. Миф этот основывается на двух весьма распространенных тезисах. Согласно первому любой горец по природе своей существо дикое и кровожадное. Это природный разбойник. Другое стереотипное представление заключается в убеждении, что на Кавказе все исконно живут по традициям. Между тем сменилось несколько поколений. Координально изменились условия существования и, частично мировоззрение людей. Сегодня миф о дикости и тотальном разбое на Северном Кавказе популярен в основном в российских и зарубежных средствах массовой информации, а также у далеких от Кавказа обывателей. Из ученых, занимающихся этим регионом, мало кто разделяет эти весьма сомнительные представления[280].

В. Немирович – Данченко в своей статье «Вдоль Чечни» писал: « Я только против огульных обвинений. Если бы они не вызывали разных мероприятий – Господь с ними – лайся, если есть охота. Говорят, что чеченец не трудится, а только ворует. Хорошо, а кто же ухитрился навезти с нечеловеческими усилиями землю из долин на каменные скалы недоступных гор, и часть даже не навезти, а нанести чуть ли не пригоршнями, укрепить эти клочки искусственно созданных полей каменною кладкою и разбить на них сады, где каждое дерево было лелеемо до тех пор, пока не пришли победители и не уничтожили этого? Кто же в поте лица своего трудился над рубкою вековых деревьев, которые едва-едва берет топор?»[281]. К голосу справедливости и разума руководство редко прислушивалось, у власти были свои задачи, которые требовали разумных объяснений своих действий в глазах общественности. Царские

власти, придерживаясь колониальной политики на Северном Кавказе, уже тогда вбили мощный клин в межнациональные отношения[282].

В статье « Об оценке Кавказской войны с научных позиций историзма» её авторы следующим образом объясняли причины появления «набегов горцев»: «Естественно, что при черкесской бедности и своеобразных взглядах на чёрный труд, хозяйственные недочёты, приходилось горцу пополняться военною добычею...». Также они приводят мнение М. Острогорского, который в своей книге «Завоевание Кавказа Россией», отмечал, что к набегам горцев побуждало «желание приобрести известность храброго джигита, прославиться удалью». То, что представители одной культуры рассматривали как доблесть, представители другой считали преступлением[283].

В своих «Исторических очерках» Ю. Клычников и С. Линец высказали идею, что именно природно-географические условия, отсутствие необходимых для развития любого общества излишков продуктов труда приводили к тому, что их горцы искали в набегах или наездничестве, выступавших в качестве компенсирующего экономического фактора. «И даже на равнинах Чечни, – восклицают авторы, – которая, казалось бы, самой природой была предназначена для получения обильных урожаев, земледелие становится доминирующей формой хозяйства лишь во второй половине XIX века после проникновения сюда товарно-денежных отношений. Активно осваивающие с конца XVIII века равнину чеченцы, переходили от эпизодических набегов к широкомасштабной, систематической экспансии на своих соседей…». Правда, далее в книге мы находим небольшое отступление, где авторы замечают, что российские власти также применяли традицию набегов с целью захвата добычи у горцев, так называемой «баранты», чтобы «возместить экономический ущерб, понесенный от их хищничеств». Иначе, как разжиганием межрелигиозной вражды не назовешь высказывание о том, что «…в исламе с его призывом к войне против неверных набеговая система нашла свою идеологическую базу». Ведь даже самому далекому от религии человеку известно, что ислам сурово осуждает кражи и грабежи и выступает за сохранение мира и благополучия[284]. Чеченский адат не делал никакого принципиального различия между кражей, разбоем и грабежом. Всякое похищение чужого имущества классифицировалось как воровство[285].

В.В. Дегоев в своей монографии выдвинул постулат, который касается признания экономической самодостаточности горских обществ[286]. Это, казалось бы, вполне невинное утверждение автора (со ссылкой на

английского учёного Л. Мозера) фактически разрушает концепцию М.М. Блиева о набеговой системе как об одном из средств экономического выживания горцев, которую, как представляется, автор сам разделял, будучи соавтором прежней книги о Кавказской войне, основанной именно на этой концепции. В чём же тогда видит автор сущность набеговой системы? Он относит её, в первую очередь, к проявлению ментальности горцев, оценивая её как своеобразный социально-культурный институт, некую общественную привычку[287].

В 2006 году была опубликована статья Л.С. Гатаговой и В.В. Трепавлова «Кавказская война». По мнению ее авторов, набеговая система «…это явление, обусловленное закономерностями общественного развития некоторых народов Северного Кавказа. Оно характерно для эпох и распада родового строя и формирования начальной государственности. Разрушение первобытных, архаичных социальных структур неизбежно сопровождается ростом набегов как средства добывания материальных благ. Именно такие процессы разворачивались в тейпах Чечни и многих «обществах» Дагестана, когда Россия своим проникновением на Кавказ вмешалась в естественный ход вещей. Имперская военная машина создала препятствия для практики набегов. Размах Кавказской войны, крупные походы горцев (которые пришли на смену мелким набегам и сделали широким военно-хозяйственным промыслом), оборона от русских войск требовали организации власти и управления по принципу единоначалия.»[288].

Можно было бы снисходительно отнестись к данному мнению, в вопросе изучения чеченского народа,указанных выше хороших специалистов в своих областях – истории кавказского образования и истории ногайского народа но, эти выводы предлагаются для преподавания в школах, воспитания учащихся, что вызывает недоумение, в связи с искажением исторической действительности, ведущей к разжиганию национальной розни. Направляя проницательный исследовательский взгляд на особо чувствительные и ранимые сферы общественной жизни, всегда полезно и даже обязательно предварить подобное вторжение благоразумным самоограничением, определив меру дозволенного проникновения в «ткани общества» и, тем более, всячески избегать бесцеремонности в обращении с фактами, быть может, только благодаря случаю приоткрывшимися терпеливому взору исследователя, и не всегда являющимися абсолютными, так как еще очень много скрыто от нашего ума[289].

Крупнейший русский историк конца XIX – нач.XX в В.О. Ключевский не подвергал специальному изучению тему исторических связей многочисленных народов и их включение в состав России. Но его концепция образования Российского государства приобрела характер комплексного исследования различных факторов, и это оказало большое влияние на методологию научных исследований не только его современников, но и представителей других поколений исследователей. Для нашей темы важны взгляды Ключевского на причины и пути расширения русской империи: «История России есть история страны, которая колонизируется, – писал ученый, – область колонизации в ней расширялась вместе с государственной территорией»[290]. Колонизационные движения, по его мнению, играли профилирующую роль в жизни русского народа. Они его привели в разные регионы, в том числе и на Кавказ. Завоевания Российского государства объясняются чисто государственными интересами[291].

«Свое» и «Чужое» противостоят друг другу как отображение реальной истории – в качестве противоборствующих позиций в историографии. Что касается противостоящих позиций, в которых выражена борьба «Своего» и «Чужого», то они относятся к целому ряду аспектов, связанных с Кавказской войной, и представлены, в частности: как разногласия в оценке набеговой системы и ее роли в экономике горцев; как противоборствующие подходы в оценке причин Кавказской войны и той стороны, которая являлась виновной в ее начале; как различия в отношении депортации горцев и т.д. Условно можно охарактеризовать позиции исследователей как «про – русские» и «про – кавказские», имея в виду не только связь этих позиций с этнической принадлежностью авторов (хотя в большинстве случаев есть и такая связь), а сущность позиций. Задача действительно научно-профессионального отображения истории состоит в том, чтобы совместить, соединить разные «правды», «Свое» и «Чужое» и вычленить вариант объективного отображения истории от имени науки – то есть от имени и по поручению всего человечества как всеобщего интеллекта, что, в свою очередь, требует повсеместного принятия научной этики и кодекса профессионализма и этичности, предполагающих высокую ответственность ученых-историков перед человечеством за верную реконструкцию его истории[292].

Создание образа врага как жестокого и коварного противника необходимо было в ходе Кавказской войны, чтобы обосновать убийство человека. Дегуманизация врага основана на представлении о чужих как

о «ненастоящих людях», поэтому законы и нормы морали на них якобы не распространяются. Враг должен быть плохим, поэтому отрицательные качества гипертрофируются (приверженность воровству, агрессии, и т.п.), а качествам положительным по обычным «мирным» меркам, придается негативный смысл (мужество оценивается как бездумный фанатизм или дикость). Таким образом, враг дегуманизируется, все связанное с ним упрощается до самых примитивных причинно-следственных объяснений. То есть, во всех бедах обвиняется противоположная сторона, которую и надо убрать – уничтожить, выселить, унизить, выставить в неприглядном свете и т.д. К сожалению, многие историки продолжают эти традиции военного времени, выступая в разрез с исторической памятью и, зачастую, с религиозной моралью[293].

«Чувство любви к иноверцам, – говорил в своем слове Преосвященный Иосиф, архиепископ Литовский, – есть обет всея моей жизни (несмотря на их ненависть к православным), и малодушная ненависть не коснется моего сердца даже тогда, если бы мне пришлось запечатлеть кровию это душевное расположение». В Библии говорится: «Любите враги ваша, благословите клянущие вы, добро творите ненавидящим вас и молитеся за творящих вам обиду и изгоняющим вы. – Если же не будите любить врагов ваших,… то и Бог не будет любить вас…. Какой меру мерите, возмерится и вам…. Сколько в речах людских бывает злорадства о грехах людских – сколько уничтожения других, самопрельщения, саморадования (радования о своих совершенствах мнимых, самовозвышения фарисейского). Какой обдающий холодом недостаток любви к ближнему виден в жизни людской! Сколько самолюбия и гордости! Кто раздражается на другого из-за чего-нибудь вещественного, тот ставит этот вещественный предмет выше брата. Но что выше человека? На земле – ничто. Знай: все, что покоит и оживляет сердце, есть истина; все, что беспокоит, мертвит – ложь, призрак»[294].

К числу новых тем, которые привлекли внимание современных авторов и имеют отношение к цели исследования можно отнести вопрос о степени влияния этноконфессиональных, психо-ментальных особенностей горских народов на интеграционные возможности вновь присоединённого региона, на уровень конфликтогенности в нём[295]. Национальная политика рассматривается нами как комплекс мер, проводимых властями в религиозной, образовательной и законодательной областях. Сегодня российская историческая наука базируется на многофакторном подходе к истории. Наряду с социально-экономическим, классовым под-

ходом, рассматриваются и иные подходы, иные факторы, которые помогают понять историю страны: географический и этнический; фактор взаимовлияния и синтеза различного рода цивилизаций; фактор демографический и личностно-психологический и др.[296].

Несомненным достижением современного этапа исследований российско-горских взаимоотношений после завершения Кавказской войны, является стремление к новому концептуальному освещению проблем, уже рассматривавшихся прежними поколениями историков, и расширению тематики исторических исследований. Сейчас уже едва ли кто из историков будет оспаривать тезис о том, что все народы горного Кавказа без исключения когда-то и в какой-то степени пережили феодальную ступень общественного развития. Да и сам формационный подход уже становится морально устаревшим[297]. Изучение современного источниковедения и историографии имеет специфические трудности, вытекающие из характера самого объекта изучения – его незавершенности, постоянной «текучести», отсутствии сколько-нибудь значительной временной дистанции между ним и его исследователем. До сих пор, в связи с актуальностью, небольшой давностью прошедших событий, многие документы засекречены, что серьезно усложняет исследовательскую работу. В то же время, в связи с Чеченской войной выходит большой поток исторических работ, исследующих кавказский регион. Весьма непросто за калейдоскопическим мельканием имен, трудов, точек зрения разглядеть тенденции, определяющие облик современной кавказоведческой историографии[298].

Современный этап исследования истории чеченского народа

За последние десятилетия в отечественной науке появились исследования, рассматривающие проблемы исторического прошлого, политико – правового устройства, духовно – культурного состояния чеченцев и роль религиозного фактора в нем. Прежде всего, это – труды Ш.А. Гапурова, Ш.Б. Ахмадова, Я.З. Ахмадова, М.Х. Багаева, В.Х. Акаева, Д.Д. Гакаева, А.И. Хасбулатова и др. Значительное внимание этими авторами уделено рассмотрению философии и идеологии национального вопроса в свете теории государственного устройства, становления российской государственности, национальных отношений, взаимоотношению России и коренных народов Кавказа[299].

В последние годы вышла в свет «История Чечни с древнейших дней до конца XVIII века», написанная профессором Я.З. Ахмадовым и «История Чечни в XIX – XX веках» написанная им же в соавторстве с Э Хасмагомадовым. Если первая публикация носит при всей своей концептуальности все – таки характер научного пособия, то вторая работа представляет собой серьезное научное исследование, отвечающее всем требованиям, предъявляемым к обобщающим работам по истории отдельных стран и народов[300]. В 2006 году был опубликован сборник работ по истории культуры Чечни[301]. 2006 год вообще оказался очень плодотворным для историографии Чеченской Республики: вышли в свет два школьных учебника по национальной истории и «История Чечни с древнейших времен до конца XIX века», написанные коллективом известных местных историков под эгидой Правительства ЧР и Академии наук ЧР. Помимо собственно тематики и содержания все три указанные издания объединяют практически одни и те же авторы и один ответственный редактор – доктор исторических наук, академик АН Чеченской Республики профессор Ш.Б. Ахмадов[302]. Надо отметить, что «История Чечни с древнейших времен до конца XIX века» – это только первый том обобщающей истории чеченского народа, написание которой еще предстоит завершить. Хорошим качеством отличаются и учебники, предназначенные для учащихся 5-х и 9-х классов. Но структура пособия и изложение материала довольно сложны для детей, в тексте очень однообразные иллюстрации и их явно недостаточно для детского издания[303]. В 2006 году впервые в Российской Федерации была опубликована авторская работа, посвященная всеобъемлющему статистическому исследованию одного из народов Российской империи (чеченскому) в период с 1860 по 1900 гг. Возможно, этому примеру последуют и представители других этнических групп. Помимо монографии «Чеченцы в зеркале царской статистики», у З.Х. Ибрагимовой в 2006 году вышла книга «Чеченский народ в Российской империи: адаптационный период». В мае 2007 года увидела свет монография З.Х. Ибрагимовой «Мир чеченцев. XIX век». На данную работу положительную и очень обстоятельную рецензию в газете «Вести Республики» опубликовал доктор исторических наук, декан исторического факультета ЧГУ М. Х. Багаев. Также рецензентом данной монографии выступил доктор исторических наук, Президент Академии наук Чеченской Республики Ш.А. Гапуров[304].

В одной из своих последних работ, С.Г. Агаджанов рассмотрел довоенную систему самоуправления чеченского общества. В ходе иссле-

дования он выявил, что федерации сельских общин представляли собой своеобразный тип политических объединений, имевших свои органы исполнительной власти и собственные военные силы. Система их управления отличалась многоступенчатостью и иерархией низших (джамаатских), общинных и межсоюзных (федеративных) структур. Ликвидируя в ходе Кавказской войны политическую автономию союзов сельских общин, самодержавие преследовало главную цель – установить твёрдый контроль над беспокойными горцами Кавказа[305].

Перестройка в исторической науке способствовала выходу современных учебников и учебных пособий для школ и вузов. Так, профессор Московского университета Л.И. Семенникова, ряд коллективов авторов подробно осветили события 70-х – начала 80-х годов и объективно рассмотрели деятельность М.Т. Лорис – Меликова и его намерения по реформированию государственного строя Российской империи[306]. По мнению исследователя Ю. Костаняна, Терская область, в целом, перед назначением Михаила Тариеловича Лорис – Меликова начальником области и командующим в ней войсками, представляла собой отсталую окраину Российской империи с расстроенной, примитивной экономикой и отсутствием власти. «Одним словом, – продолжает свою мысль исследователь, – цивилизация здесь сделала только первый шаг, завершив завоевание, правильнее сказать, освобождение всего Восточного Кавказа, теперь предстояло создание гражданского общества»[307].

Рассматривая научные изыскания постсоветского периода, сталкиваешься с проблемой чрезвычайной сложности переработки огромного и разнообразного потока информации, которая в них заложена. Разброс мнений и оценок действий российских властей в отношении горского населения Кавказа второй половины XIX века чрезвычайно велик: от тотальной негативации деятельности российской администрации в отношении горского населения Кавказа до идеализации. В конце 90-х годов XX века группа учёных – А.М. Авраменко, О.В. Матвеева, П.П. Матющенко и В.Н. Ратушняк разработали и опубликовали книгу: «Россия и Кавказ в новейших исторических публикациях», а также ряд других работ, в которых говорится о кавказском мухаджирстве. В ней отвергается наличие геноцида горцев на завершающем этапе Кавказской войны и после её окончания, и излагается иное понимание обстоятельств, влиявших на массовый исход горцев в Турцию. Прежде всего, авторами был сделан акцент на то, что переселявшимся оказывалась материальная помощь; для остановки переселения властью использовались «меры

строгости»; правительство показывало уважение к хаджу мусульман и на Восточный Кавказ приходилось только 5% мухаджиров[308].

В принципе, все приведённые факты действительно имели место, но специалистам известно, насколько важно не «вырывать» факты из общей картины и привязанности к определённым тенденциям, ведь изолированный от них, набор определённых действий может создать иллюзорную картину для читателя, прямо противоположную глубоко изложенному тексту. Так, нередко у кавказоведов и случалось, если они своими публикациями стремились достичь определённых целей, «жонглируя» некоторыми факторами исторического процесса. Безусловно, их желание «обелить» историю в какой-то степени должно вызывать положительный резонанс, но укрывание истинной, глубинной правды, которая рано или поздно откроется, приводит к обиде, непониманию и озлоблению, а самое главное – не даёт возможности чему-либо научиться на горьких ошибках прошлого и подтачивает веру в справедливость и моральные принципы.

Е. Бажанов, придерживающийся националистических взглядов, в 2006 году в Самаре издал книгу, в которой оправдывает «выдавливание» чеченцев с их исконных земель за пределы Российской империи «актом милосердия» со стороны правительства. Е. Бажанов констатирует: «…Если сравнивать с американским геноцидом индейцев и с бериевской депортацией казаков и ингушей, то эмиграцию в мандариновую Турцию можно признать фактом более гуманным…»[309]. Преподаватель Ростовского университета Владимир Матвеев в своей статье «Кавказская война минувшего века: итоги и уроки» теоретически доказывает (без приведения конкретных сведений по отраслям), что обогащения русского народа за счёт других вообще не происходило, так как иные территории в составе России по большинству признаков рассматривались как равноправные, а установленные для них налоговые повинности не имели каких-либо различий по этническим особенностям[310]. Формально В. Матвеев прав, т.к. действительно русский народ в своём большинстве сам сильно страдал от произвола властей. Однако русское правительство нередко имело немалый доход с вновь присоединённых территорий, взять хотя бы, к примеру, Владикавказскую железную дорогу, земельные наделы под постройку которой были в основном безвозмездно изъяты у горцев – даже члены царской семьи имели доходы с акций этого транспортного предприятия. И таких примеров довольно много. Далее В. Матвеев в своей статье утверждает, что «…включение

этого многонационального края (Кавказа) не только силой оружия, но и силой нравственного авторитета в границах России, политический компромисс и состоявшееся гражданское приобщение коренного населения к сотрудничеству – оставались в определённые периоды «незамеченными» историками, учёными». Насколько же надо быть циничным, чтобы многолетнюю войну и всё что её сопровождало, называть действием, вызывающим «нравственный авторитет» у уничтожаемого населения? И ещё упрекать при этом кавказоведов, что они этого не заметили.… Если преподаватель уважаемого учебного заведения приходит к таким выводам, то, что говорить о других людях, менее осведомлённых в исторических процессах? Неудивительно, что у нас до сих пор не изжита межнациональная рознь.

В Институте переподготовки и повышения квалификации историком И.Е. Дунюшкиным был прочитан спецкурс по теме «Российское казачество: история и современность», разработанный им на основе его диссертационной работы. В данном спецкурсе он утверждает, что на Тереке в экономической сфере для русского населения было характерно использование передовых по сравнению с горцами агротехнических методов ведения сельского хозяйства, основанных на интенсификации производства. Возможно, в единичных случаях это было и так, но в подавляющем большинстве именно казаки, в отличие от горцев, использовали экстенсивное земледелие из-за наличия большого запаса земель и соответственно отставали в агротехнике, т.к. предпочитали не заниматься сельским хозяйством, а сдавать землю в аренду, иметь доход с нефти и рыбных промыслов. Также И.Е. Дунюшкин утверждает, что для основной массы горцев было характерно «отсутствие стремления к работе в промышленности и традиционное желание заниматься скотоводством, что требовало увеличения пастбищ и усиливало земельный голод». В этом тезисе автор опять вводит в заблуждение читателей. Если брать во внимание Северо-Восточный Кавказ, то здесь подавляющее большинство населения составляли чеченцы. Данный народ издавна отдавал предпочтение земледелию. Даже если бы чеченцы и захотели перейти к экстенсивному скотоводству, после Кавказской войны они бы не смогли это сделать, т.к. в ходе реформы царское правительство таким образом распределило земли, что их с трудом хватало на ведение земледелия и содержания нескольких голов рогатого скота. Скотоводство как раз в пореформенный период начало активно развиваться на территории Терского казачьего войска, где земля была в избытке.

Чеченцев действительно было мало на нефтедобывающих и перерабатывающих предприятиях Грозненского района, но на то были свои причины. Прежде всего, это касается жёсткого паспортного режима, введённого в области – чрезвычайно трудно было отлучиться на заработки – требовалось собрать большое количество бумаг, подписанных от старшины села до начальника Терской области. Существовали и другие существенные причины, на которых мы сейчас не будем подробно останавливаться.

В 2004 году, в издательстве «Наука» вышел фундаментальный труд дагестанских учёных «История Дагестана с древнейших времён до наших дней». В одной из глав этой коллективной работы О.М. Давудов охарактеризовал зикризм. Его мнение по поводу данного религиозного течения, действующего на территории Чечни, Дагестана и поныне, оказалось, мягко сказать «неординарным», отличным от взглядов всех предшествующих ученых-кавказоведов, как девятнадцатого века, так и века двадцатого. О.М. Давудов охарактеризовал зикризм как «бесплодное, оторванное от жизни движение», которое даже в XIX веке не находило поддержки среди горского крестьянства и не отвечало чаяниям широких трудящихся масс. «Догмы зикризма, – пишет он далее, – отвлекая горцев от реальной действительности, препятствовали общественному духовному развитию общества. Зикризм не давал горцам ни оружия идейной борьбы, ни средств удовлетворения духовных потребностей. Таким образом, это движение было реакционным»[311]. В чём прав этот автор, это в том, что зикризм действительно не давал горцам оружия для борьбы, да и не мог и не хотел его давать, т.к. постоянно призывал к миру, самопожертвованию, терпимости и аскетизму. Даже начальники разных уровней в Терской области признавали веротерпимость данного учения, его благотворное влияние на массы. Возможная «реакционность» могла выражаться только в поступках людей, считавших себя зикристами, но на практике, не выполнявших многие требования этого учения и тем самым искажавших его в глазах других людей.

Весьма распространённым продолжает оставаться в литературе заблуждение о низком социально-экономическом уровне развития горцев Северного Кавказа. В действительности, когда в Чечено-Ингушетии местная аристократия стала сильно притеснять народ, он совершил, по сути, революцию, выгнав князей с их земель и установив демократические порядки, причём всё это произошло задолго до отмены крепостного права в России. Хотя чеченское население, пережившее «революцию

князей», и было ограблено в ходе земельной реформы 1865 года, тем не менее, во время Первой российской революции, оно вело себя спокойно, можно даже сказать консервативно, не желая разрушать устоявшиеся порядки[312]. Очень часто в последнее время приходится слышать высказывания и целые теории о том, что чеченский этнос исторически ни к чему другому, кроме войны (набегов) не приспособлен. Что вызывает, по крайней мере, недоумение, так как, например, многие чеченские кустарные промыслы имеют многовековую историю. Так, производство шелка и полотна из льна было известно в Чечне не позднее XVI века[313]. Книга И.А.–Р. Асхабова, вышедшая в свет в 2001 году, впервые открывает нам имена чеченских мастеров, их древнее забытое оружейное искусство. Автор книги с глубоким знанием, в научно – популярной форме повествует о старинном оружии как о произведении искусства, возникшего в ходе многовекового развития прикладных ремесел. Исследование автора знакомит читателя с неизвестными страницами исторического прошлого чеченского народа[314]

К концу XVIII века важное значение в экономике северокавказских народов стала приобретать торговля с Россией. Товары из Чечни шли не только в пограничные российские станицы, населённые пункты и крепости, но и в отдалённые районы Центральной России. В связи с этой экономической тенденцией интересную гипотезу в своей монографии «Россия и Чечня в первой четверти XIX века» высказал Ш.А. Гапуров. По его мнению, кровопролитную Кавказскую войну, принесшую неисчислимые бедствия и потери не только горцам, но и россиянам, можно было избежать, постепенно вовлекая северокавказские территории с помощью торгово-экономических рычагов в сферу Российской государственности. Однако новый курс в политике России, наметившийся с начала XIX века, особенно после победы над наполеоновской Францией, прервал это потенциально возможное направление в развитии русско-чеченских отношений[315].

К концу 90-х годов современной историографии, по мнению московского культуролога О.Ю. Бессмертной, стали присущи два основных подхода – «русский» и «мусульманский», согласно которым российским мусульманам всегда было присуще стремление к независимости. Всё это, по её мнению, не столько отражение реальной истории (отнюдь не такой однозначной), сколько результат заимствования мусульманами официозных русских представлений о них, в свою очередь, в большей мере является следствием политического манипулирования социальной памятью

мусульманских народов со стороны как их собственных лидеров, так и российских политиков. В результате, в наши дни в «мусульманской» историографии можно встретить как точку зрения, что мусульманам всегда лучше жилось в России (по сравнению с их единоверцами в других мусульманских странах), так и точку зрения (воспроизводящую один из аспектов советской историографии), что мусульман при царе угнетали, но им хорошо жилось при советской власти. Эти подходы, как следует из анализа научной литературы, распространяются всё больше[316].

Несомненным достижением современного этапа исследований российско-горских взаимоотношений после завершения Кавказской войны является стремление к новому концептуальному освещению проблем, уже рассматривавшихся прежними поколениями историков; к расширению тематики исторических исследований. К числу новых тем, которые привлекли внимание современных авторов и имеют отношение к цели данного исследования, можно отнести вопрос о степени влияния этноконфессиональных, психо-ментальных особенностей горских народов на интеграционные возможности вновь присоединённого региона, на уровень конфликтогенности в нём[317]. В.О. Бобровников, исследуя происхождение права в среде мусульман Северного Кавказа и его эволюцию под воздействием российского влияния, указал на один из факторов. По мнению исследователя, территориальные споры возникли с введением системы военно-народного управления, игнорировавшей местные адаты (системы права)[318]. В.О. Бобровников обратил внимание на то, что опыт Российской империи по использованию обычного права для управления своими подданными имел любопытные параллели за рубежом. Системы, подобные военно-народному управлению, существовали в XIX веке в английских и французских колониях в Индии, на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Архивные источники свидетельствуют, что при подготовке судебно-административной реформы 60-х годов российские чиновники тщательно изучали опыт Англии и Франции[319].

В своих многочисленных исследованиях В.О. Бобровников развенчивает миф о горцах как о благородных разбойниках, живущих в основном за счет грабежей. Автор замечает, что объективности ради необходимо признать, что в эпоху покорения Северного Кавказа Российской империей обе стороны применяли бандитские методы борьбы с противником, такие, как набеги на вражеские селения с грабежами и убийствами мирных жителей. Распространенный в дореволюционной науке и обществе взгляд на горцев, как на прирожденных разбойников,

еще в 1860-е годы остроумно раскритиковал крупнейший исследователь кавказских языков Петр Карлович Услар: « В эпоху романтизма и природа, и люди на Кавказе были непонятны… – писал он. – Горцев не могли мы себе представить иначе, как в виде людей, одержимых каким – то беснованием, чем – то вроде воспаления в мозгу, – людей, режущих налево и направо, пока самих их не перережет новое поколение беснующихся…» Истоки такого взгляда на северокавказских мусульман следует искать, по мнению П.К. Услара, в увлечении российской публикой восточной экзотикой. По утверждению Бобровникова, дореволюционные авторы чрезмерно преувеличивали значение профессионального разбоя на Кавказе[320]. Гатагова Л.С. считает, что конфликтогенность региона Большого Кавказа априорно была обусловлена комплексом факторов, среди которых был и психо-ментальный (чрезмерная пассионарность отдельных этносов, в значительной степени связанная с особенностями социо – и этногенеза)[321]. А.Я.Першиц, Я.С. Смирнова, З.Х. Мисроков обосновывают в своих работах идею о сознательном поддержании властями «юридического плюрализма» на Северном Кавказе после его включения в состав империи[322]. З.Х. Мисроков считает, что это был основной способ безболезненного внедрения российского имперского права среди местных народов[323].

Отойдя от простой констатации принятых решений по организации системы управления горскими народами, современные исследователи стремятся провести их всесторонний анализ, выявить степень учёта интересов властей и местного населения в рамках военно-народной системы, определить её сильные и слабые стороны. В.В. Дегоев рассматривает «военно-народную систему» управления как особую «региональную стратегию», свидетельство приспособительной политики центра по отношению к «периферийным» реалиям[324]. И.М. Сигаури утверждает, что управлявшая чеченцами государственная система полностью противоречила их народным традициям, препятствовала быстрой адаптации чеченцев в экономическую и культурную жизнь России[325]. С 1997 по 2005 год были изданы в Москве 5 томов «Очерков истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен» И. Сигаури. В этих книгах освещены многие вопросы чеченской истории, представленные в сопровождении оригинальной авторской трактовки.

В последние годы появились работы, в которых анализируется политика российского государства второй половины XIX – начала XX века по отношению к исламской религии и мусульманскому духовенству в

России[326]. Так, основной целью докторской диссертации С.М. Исхакова являлось обобщение и переосмысление накопленного фактического материала о позиции российских мусульман в ходе революции 1917 года в России и определение значения данного фактора в быстро изменявшихся общественно-политических условиях. Автор не только выявил этническую специфику жизни мусульман в России, но и охарактеризовал общие черты сознания и психологии мусульманских народов[327]. Не смотря на общероссийский контекст, основные положения приведенных работ учитывались при написании соответствующего раздела данного исследования.

Обращают на себя внимание существенные сдвиги, произошедшие в историографии, смысл которых заключается в том, что критериями профессионального исследования всё более становятся достоверность и доказательность, приближение к реальной, а не идеологически предписанной исторической картине. Увлечённость ранее не доступными материалами, обращение к новым для российских историков темам отразилось на уровне внимания историков – кавказоведов к тому, что одновременно делалось их коллегами в смежных областях, особенно в модусе так называемой локальной истории. Именно региональные исследования позволили заново рассмотреть и осмыслить социально-экономическую политику в Российской империи в целом, а также изучить такие «рутинные» стороны, как школьное строительство и судебная практика. На современном этапе обозначился интерес исследователей к изучению роли конкретных персоналий кавказской администрации в управлении краем[328]. Монография Д.И. Исмаил-Заде посвящена истории жизни и деятельности графа Иллариона Ивановича Воронцова – Дашкова, крупного государственного деятеля 2-й пол. XIX – начала XX века. Последние годы жизни он провёл на ответственейшем посту Наместника е.и.в. на Кавказе. Преобразовательная программа И.И. Воронцова – Дашкова охватывала широкий спектр реформ – практически во всех основных сферах деятельности народов Кавказа. Платформа национально-религиозной политики наместника на Кавказе И.И. Воронцова – Дашкова была следующей: «…Все народности Кавказа одинаково близки и дороги правительству. Необходимы свобода вероисповедания и покровительство духовной иерархии. Туземное происхождение само по себе ни в коем случае не может служить препятствием к приёму и успешному происхождению государственной и общественной службы». Данная программа существенно отличалась от взглядов других кавказских чиновников[329].

К числу новых сюжетов управленческой проблематики Кавказского региона в имперский период относятся предпринятые в последние годы попытки специального исследования деятельности высших государственных органов по управлению Кавказом[330]. Для нашей работы представляет интерес исследование В.А. Матвеева, который пытается оценить эффективность российской политики на Северном Кавказе с точки зрения достигнутого к 1917 году степени интеграции горских народов в число верноподданных российского императора. По мнению В.А. Матвеева, интеграция охватила значительную часть населения региона, но не достигла полноты и завершения. Ряд горских обществ сохранял предрасположенность к сепаратизму и иногда, при отсутствии продуманных многоплановых мер, намечалась даже тенденция расширения границ этого явления[331].

Чрезвычайно востребованными и необходимыми в ходе исследовательской работы являются диссертации. Эти научные публикации отражают новейшие достижения науки и показывают новые тенденции ее развития. В советское время диссертационные исследования должны были соответствовать определенным стандартам, больше идеологического характера. В соответствии с Положением 1975 г., в диссертациях по общественным наукам должны были в первую очередь разрабатываться «фундаментальные теоретические проблемы; всесторонне исследоваться закономерности современного общественного развития, опыт руководящей и направляющей деятельности партии, борьба народов за победу социализма и коммунизма; вопросы мирового революционного процесса; мировой экономики; международных отношений, внешней политики, и предлагаться конкретные пути совершенствования общественного производства и социального прогресса; разоблачаться враждебные марксизму – ленинизму буржуазные и ревизионистские политические концепции». В инструкции о порядке учреждения ученых степеней 1960,1966,1972 гг. говорилось: в диссертациях по гуманитарным наукам, представляемых к защите на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук, должны были разрабатываться в первую очередь такие темы, в которых обобщался опыт борьбы партии и народа за победу коммунизма и творчески разрабатывались коренные проблемы современности, основные закономерности перерастания социализма в коммунизм[332]. В силу того, что ученые вынуждены были соблюдать эти идеологические установки, многие диссертации той эпохи сейчас остаются мало востребованными. С другой стороны, жесткий государс-

твенный контроль не давал возможности проникнуть в научную сферу всяким околонаучным «проходимцам» и «фантазерам». Чтобы избежать необходимости идеологических трактовок событий, ученые старались привлечь как можно больше фактического материала, в связи с чем фундированность советских работ выгодно отличалась от уровня исследований их западных коллег. Советские историки заложили прочный фундамент в основу традиций современной исторической науки.

В этом ключе хотелось бы отметить хорошо выполненную докторскую диссертацию Элдара Абдуловича Борчашвили, в которой подробно отображены многие проблемные вопросы истории чеченского и ингушского народов в рамках XVIII – XIX вв. (демография, социальная история, политические движения и т.д.)[333]. Особенно большую ценность эта работа представляет в связи с привлечением широкого круга источников, извлеченных из Грозненских архивов, к настоящему времени навсегда утраченных. При написании своей докторской диссертации Борчашвили в основном использовал фонды Центрального государственного архива Чечено – Ингушетии (ЦГА ЧИАССР), архива Чечено – Ингушского научно – исследовательского института языка, литературы и экономики (АЧИНИИИЯЛЭ). Документы ЦГА ЧИАССР не часто привлекались исследователями к работе, хотя и хранили много уникальной и неповторимой информации, которую теперь уже не восстановить, т.к. отсутствуют копии документов. В фондах Управления межевой частью Терской области (Ф.12) и Грозненского полицейского управления (Ф.149) содержались интересные документы о землепользовании и земледелии, о подготовке и проведении крестьянской и административной реформ, о позиции царской администрации по вопросам наделения горцев землей. Много ценного материала извлечено было Борчашвили из неопубликованных посемейных списков (Ф.149,190), по вопросам имущественной дифференсации и классообразования, составленных по округам и участкам. В результате Чеченской войны все эти архивные документы сгорели и восстановлению не подлежат, поэтому диссертация Борчашвили имеет уникальное археографическое значение[334]. Особенно следует отметить и диссертацию В.В. Журавлева. Журавлев выделил этапы железнодорожного строительства в России во второй половине XIX – начале XX в., представил общую картину создания железнодорожной сети на Северном Кавказе, основываясь на обширном источниковом материале. В диссертации В.В. Журавлева Владикавказская железная дорога рассматривалась как транспортное средство и как Общество акционеров,

являвшееся монополистическим объединением, аккумулирующим в себе различные отраслевые и функциональные возможности[335].

Многие работы, защищенные в последние годы, разрабатывались еще в советское время и потому имеют капитальную основу. Так, основным источником диссертации Шавлаевой Т.М. является историко – этнографический материал, собранный автором с 1983 по 1992 годы преимущественно в горных районах Чеченской Республики. Удивительно, что собранный материал удалось сохранить в течение длительной, разрушительной Чеченской войны. Выявленный Шавлаевой этнографический материал позволил изучить более древние традиции рассматриваемого вопроса (шерстяного промысла), проследить некоторые особенности чеченского прикладного искусства, увидеть локальные варианты производства, исследовать влияние культур соседних народов, восстановить содержание многих прикладных терминов и мотивов орнамента, а также обозначить некоторые перспективы возрождения традиционных народных промыслов в современных производственных условиях[336].

По истории школы и народного просвещения в разное время были защищены диссертации (о научно – просветительской и педагогической деятельности) П.К. Услара (Т.А. Бекоева), Я.М. Неверова (И.Е. Хатаев), К.М. Атажукина (А.Г. Кудзаева), однако в этих диссертациях предметом исследования является научно – педагогическая работа этих личностей в крае, мы же подробно рассматриваем условия и факторы становления и развития просветительского и общественно – педагогического движения на Северном Кавказе и конкретно на территории Чечни. Частично затронуты проблемы нашего исследования в статьях В.Д. Магометовой «Роль передовой русской интеллигенции в просвещении и развитии культуры среди горцев Северного Кавказа во второй половине XIX века», Г.М. Мамбетова, Г.Ш. Каймаразова «Просвещение народов Северного Кавказа в конце XIX – начале XX века»[337]. Однако в вышеперечисленных изданиях, главным образом, рассматриваются лишь общественные или просветительские воззрения писателей и культурных деятелей Северного Кавказа второй половины XIX – нач. XX в., что в настоящее время уже не достаточно для полного и всеобъемлющего рассмотрения темы[338].

Интересная и актуальная работа Е.С. Арляповой «Этнополитические процессы в Чечне: 1917-2000 гг.», не лишена некоторых недостатков. Так автор сделал заключение о заметной приверженности чеченцев к архаичным формам ведения сельского хозяйства и трудности адаптации к его более прогрессивным формам. Хотя тут же автор акцентирует вни-

мание на традиционном культе земледелия, широком распространении кустарных промыслов, что, по мнению диссертанта, указывает на «несостоятельность в научном плане сентенции о природной (генетической) предрасположенности этноса к войне в виду неприспособленности к ведению мирной созидательной хозяйственной деятельности»[339]. По мнению диссертанта М.И. Алхазурова чеченское общество сумело успешно адаптироваться в новых условиях послевоенной экономики, хотя традиционный образ жизни, общественное устройство, внутриэтнические взаимоотношения подверглись значительным социально – политическим трансформациям. В Чечне сложилась новая политическая ситуация, возникшая на основе аграрной, судебной и административных реформ 60-70-х гг. XIX столетия. Цель этих преобразований, по мнению Алхазурова, состояла в том, чтобы найти механизмы устойчивой интеграции чеченского общества в социально – политическую модель Российской империи. Межнациональные, экономические, политические и культурные связи с соседними народами способствовали этническому обогащению и культурному развитию чеченцев[340]. Большой обзор работ, освещающих историю национальных проблем России в Internet представил в своей докторской диссертации Д.С. Ткаченко. Диссертант особо указал на то, что при работе с Internet, как источником непроверенных данных, исследование должно строиться, прежде всего, на материалах официальных порталов и сайтов[341].

Как известно, родной язык, устное народное творчество, мифология, символика, искусство, семейные традиции, обычаи, обряды, народные игры и другие средства являются могучим пластом для развития духовной культуры народа. Национальные духовно-нравственные ценности формируют качества патриота и гражданина, что прослеживается на тысячелетней истории чеченцев – народа древнейшей культуры. К сожалению, духовное наследие чеченцев слабо изучено и ещё менее используется в формировании мировоззрения, обогащении духовно-нравственной жизни населения республики[342]. С легкой руки представителей средств массовой информации за этнической группой чеченцев довольно прочно закрепилось определение «малый народ». Оперируют им как в масштабе России, так и в масштабе Северокавказского региона. Это неверно – немногие из населяющих Российскую Федерацию народов могут сравниться численностью с чеченской группой. Еще более неоправданна характеристика «малый народ» применительно к чеченцам в масштабе Северного Кавказа. Чеченская этническая группа

– традиционно одна из самых многочисленных в этом регионе. Она была бы еще больше, если бы не массовое выселение чеченцев в Османскую империю и Среднюю Азию, когда нация лишилась значительной части своих соплеменников[343].

Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин назвал Кавказскую войну «мужественной борьбой народов Кавказа не только за выживание на своей родной земле, но и за сохранение самобытной культуры, лучших черт национального характера…». В Майкопе в 1993 году впервые после изгнания горцев с Кавказа в результате Кавказской войны зарубежные черкесы, коих насчитывается по некоторым данным, около 3,5 млн., посетили землю своих предков. В Карачаево – Черкессии в 1994 году 21 мая объявлено ежегодным нерабочим Днем памяти жертв Кавказской войны. Стремясь восстановить историческую справедливость, черкесы считают необходимым признать на законодательном уровне, что адыги, ногайцы, чеченцы, ингуши и другие народы подверглись геноциду со стороны российского самодержавия[344].

Исследования зарубежных историков

В последние годы издана целая серия работ иностранных авторов северокавказского происхождения: «Черкесская интеллигенция в эмиграции» Иззета Айдемира (1991 г.) и две книги Сефера Берзега «Писатели в кавказской диаспоре» (Самсун,1995 г.) и «Выдающиеся деятели кавказской эмиграции» (Стамбул,1996 г.); рассказывающие о сложном и неоднозначном процессе мухаджирства кавказских горцев. К сожалению, многие из них носят библиографический характер и мало дают исторических фактов[345]. Благодаря исследованиям Ф. Бадерхана, С. – Э.С. Бадаева историография мухаджирства обогатилась характеристикой трудов арабских и турецких учёных, переведённых на арабский язык[346]. Ф. Бадерхан считает, что «нельзя считать познанной историю народов Северного Кавказа без изучения той её части, которая развивалась на чужбине», отсюда он выводит актуальность данной исследовательской темы[347].

Работы историков северокавказского происхождения, проживающих в Турции, Иордании и Сирии – Иззета Айдемира, Нихада Берзаджа, К.Т. Хайралла, Шевкета Хавжока, Хагандога, Тарик Гестепе и других не очень глубоки по уровню исследования темы, их нужно использовать

критически[348]. Все они внесли определённую лепту в исследование данной тематики. Однако нельзя преувеличивать их значение, прежде всего в силу их эклектичности и субъективизма, нежелания или неумения акцентировать внимание на выяснении основных причинно-следственных связей широкомасштабных переселений северокавказских горцев.

Некоторые зарубежные авторы косвенно касаются, в частности, жизни «черкесов» на чужбине. Сириец А.В. Закария в книгах «Племена Шама» (1984) и «Путешествие» (Дамаск,1986) отводит этой теме много места, затрагивают её и другие исследователи, пишущие о современных странах Ближнего Востока. В работах авторов кавказского происхождения проблеме жизни диаспоры посвящаются монографии, уделяется много внимания истории Кавказа. В этом ряду можно указать на книгу Иззет – паши Джунатока «История Кавказа» (1912), Берзеджа Нихади «Выселение черкесов» (1987), Р. Трахо «Черкесы», публициста М. Ечеруха «Роль кавказских горцев в политической и общественной жизни Турции» и другие работы[349]. Шавхат Ал – Муфти Хабажока в своей книге «Императоры и герои в истории Кавказа», в частности, писал: «Только глупое правительство поощряет переселение с такого столь важного стратегического района, как Северный Кавказ»[350]. Исследование израильского профессора М. Гаммера, посвящённое Кавказской войне и выполненное с привлечением российских и зарубежных архивов, помогло определить главную причину территориальных реформ на Восточном Кавказе во втор. пол.XIX в. Автор в своей работе опирается на малоизвестные и неизвестные в нашей историографии документы, хранящиеся в архивах Англии, Турции, Австрии, Германии, Франции, Финляндии и других стран. Это дало возможность ему увидеть движение Шамиля в контексте сложных противостояний и борьбы геополитических интересов Турции, Ирана, России, Англии, Франции, столкнувшихся на Кавказе в XIX веке[351].

Важная черта в современной историографии в нашем отечестве состоит в том, что попытка самоанализа связана и со стремлением взглянуть на себя со стороны. Об этом свидетельствует возросший интерес к зарубежной историографии, прежде всего западноевропейской и американской. Очевидно, что обогащение нашего знания об истории России тесно связано с полнотой, кругозором видения, т.е. изучением ее истории специалистами разных стран, историографических школ, философских воззрений, политических убеждений. Вместе с тем взаимодействие отечественной и зарубежной историографии открывают простор для

компаративного (сравнительного) изучения исторических судеб России и Запада. Сегодня эта вечная проблема наполняется особым смыслом «выбора пути». Только полное знание о полифонии мировой историографии (отечественной и зарубежной) позволяет увидеть истинный путь движения исторической науки – путь сложный, противоречивый, неоднозначный, но, хочется думать, прогрессивный[352].

Ориентализм западноевропейских ученых

Западные ученые в своих исследованиях пришли к необходимости разработки принципиально новой, пластичной методологии изучения Кавказской войны, способной вобрать и переплавить все ее на первый взгляд «невероятное», в том числе контрастное, многообразие. Они предложили выйти из круга традиционных объектов интереса историков, связанных с описанием необъятной фактографической картины войны в терминах «завоевательный» – «свободный»; «справедливый» – «несправедливый»; «прогрессивный» – «реакционный»; «отсталый» – «просвещенный»; «верный» – «ложный» и т.д. В отдельных американских исследованиях последних лет Кавказская война рассматривается не как поле классического вооруженного столкновения, а как процесс сложного и во многом плодотворного взаимодействия людей, представляющих разные культуры, идеи, традиции. Данная парадигма отражает сравнительно новое веяние западной гуманитарной мысли, получившее название «ориентализм».

Ориентализм воспитывает глубоко диалектический взгляд на межкультурные границы, не как на непроходимые барьеры, а как на стыковые зоны непростого, но все более интенсивного и благотворного общения, которое постепенно изменяет изначальный тип взаимонеприязненного восприятия, закладывая предпосылки для взаимопроницаемости, взаимообогащения и компромиссного сосуществования в рамках сверхструктур. Диалектика внутренней жизни этих сверхструктур выражается в сложном взаимодействии центробежных и центростремительных сил, образующих парадоксальное единство: чем больше разноименных элементов, заряженных энергией взаимоотталкивания, тем выше потребность в смягчении и примирении их с помощью емкой государственной оболочки, выполняющей функции третейской инстанции и плавильного котла. Этот подход открывает новые возможности постижения цивили-

зационной природы и особенностей эволюции Российской империи, включая ее высокую жизнеспособность[353].

Из работ западноевропейских и американских исследователей интересны статьи и монографии следующих авторов: Нормана Льюиса, де-Пру, Г. Шумахера, Г. Бела, В. Кюине, Анны Коле, Катру и других. В целом они носят описательный характер и не отражают роли северокавказских общин в социально-экономической жизни стран их проживания[354]. Английский историк А. Рибер в книге, посвящённой деятельности А.И. Барятинского на Кавказе, высказывал мнение, что русское управление Кавказом гораздо больше, чем британское владычество в Индии, строилось на учёте особенностей общественно-экономического уклада жизни других народов[355]. В 2002 г. вышла в свет статья Станислава Гизильского «Rosja – Czeczenia: powstanie Szamila», в которой автор подробно останавливается на сложных вопросах русско – чеченских отношений, начиная с XVI века и до завершения Кавказской войны. Существенным недостатком данной работы является полное отсутствие архивных источников, автор опирается на работы своих предшественников – кавказоведов. В 2006 году была издана книга известного ученого Моше Гаммера. Эта монография имеет хорошо фундированную основу, что в основном не свойственно для зарубежных исследователей. М. Гаммер привлек широкий круг первоисточников, работы российских исследователей. Книга оформлена поэтическими предисловиями и высказываниями известных деятелей. В конце монографии представлены документы, характеризующие изучаемую эпоху. На работы Моше Гаммера ссылаются не только почти все западные кавказоведы, но и российские исследователи[356].

В 1877 году на английском языке вышла книга Ж. Брамса «Закавказье и Арарат»[357]. Автор приехал в Закавказье через Россию и его сведения взяты в основном из официальных источников, что нашло своё отражение в оценке отдельных положений. По мнению автора, у племён Северного Кавказа нет оснований быть недовольными управлением царизма, хотя иногда он и замечает недостатки русских чиновников, как, например, взяточничество[358]. В 1915 году также в Лондоне была издана книга, которая называлась «Скиталец на Кавказе». В ней автор рассказывает читателям о своём путешествии по Тереку и Закавказью[359]. В 1987 году в Лейпциге вышла книга, в которой подробно рассмотрены пребывания многих европейских деятелей на Кавказе[360]. А. Герберт, работавший некоторое время в Российской империи, считал, что развитие ресурсов Кавказа тормозилось установившейся системой правления.

Тем не менее, в интересах власти он представлял эти действия оправданными, т.к. таким образом, опасность создания imperium in imperio, которая при определённых обстоятельствах могла бы взять курс на отделение и которая во все времена могла бы проводить собственную местную политику, не укладывающуюся в схему имперского правительства и не учитывающую международные осложнения, которые подобная политика может за собой повлечь, исключалась[361].

Стремления царизма не ограничивались присоединением Кавказа, они шли дальше, т.к. борьба России за мировые рынки, расширение своих владений вынуждала её создавать новый плацдарм для воздействия на Европу и добиваться повышения своих «акций» в Азии. Таким плацдармом, по словам немецкого историка О. Риттера, являлся Кавказ[362]. Россия обрела твёрдую почву в естественных укреплениях Кавказа и, в случае столкновения с другими державами, могла за ними укрыться, усилиться и вновь перейти в наступление. По утверждению Риттера, Кавказ настолько упрочил положение России, что нападение противника с южной стороны должно было неминуемо завершиться его поражением, благодаря наличию на Кавказе естественных и природных укреплений. О. Риттер, затрагивая впоследствии вопрос о взаимоотношениях России с народами Кавказа, объясняет поддержку России последними их слабостью. По его мнению, Россия, не встречая большого сопротивления со стороны противников, без всякого страха проводила агрессию на юге. Очевидно, Риттер просто «упустил» из виду, что именно за усмирение Кавказа Россия вела полувековую борьбу[363].

Европейская идея о «русском варварстве»

Именно на Западе широко распространена геополитическая традиция, в основе которой лежит вера в изначально присущее России стремление расширяться и «порабощать» присоединённые территории. Среди ключевых понятий этого направления – русская колониальная «экспансия», «наступление» на Азию и противостоящий этому северокавказский «щит» или «барьер»[364]. Особенность данных работ – игнорирование российских архивных источников. Классическим трудом этого направления считается вышедшая ещё в начале века работа Дж. Бэддли «Завоевание Россией Кавказа». Из современных работ самой яркой можно считать «Большую игру» Питера Хопкирса, в которой автор

включает Кавказ в гигантское «поле битвы» великих держав за влияние в Центральной Азии[365]. В 1990-2000-х годах особенно много вышло монографий, посвященных истории Кавказа[366]

Известный специалист в области российской истории профессор Геттингенского университета (ФРГ) Дитрих Гайер в своих работах предполагает, что российская завоевательная политика являлась своеобразным компенсаторным механизмом экономической слабости России. Д. Гайер считает, что экспансия в так называемые внутренние колонии способствовала интеграции периферии в российскую экономику, расширяла возможности источников сырья и рынков сбыта. В Российской империи методами раскола или интеграции общества, по мнению ученого, выступали война и экспансия. Признавая необходимость некоторой корректировки тезиса немецкой историографии о «традиционной тяге Российской империи к гегемонии, а российского народа – к объединению славян и ортодоксальных христиан», Д. Гайер тем не менее весьма определенно указывает на связь политики верховной власти с националистическими интересами, рассматривая российскую завоевательную политику либо как «следствие заявления идеологии национализма», либо как «стремление политической элиты к международному престижу»[367].

Безусловно, прав был профессор И.А. Ильин, писавший в статье «Мировая политика русских государей», что в «Европе не нужна правда о России, ей нужна удобная для нее неправда. Европейцам нужна дурная Россия: варварская, чтобы «цивилизовать ее по – своему»; угрожающая своими размерами, чтобы ее можно было расчленить; реакционная, чтобы для нее можно было сделать революцию и требовать для нее республики; религиозно – разлагающаяся, чтобы «вломиться» в нее с пропагандой реформации или католицизма; хозяйственно – несостоятельной, чтобы претендовать на ее сырье или, по крайней мере, на выгодные торговые договоры и концессии»[368]. Западная пропагандистская машина действовала, отлажено по всем направлениям. Так, в Лондоне вышла серия карт, на которых Россия изображена в форме гигантского спрута, протянувшего свои щупальцы по всей Европе[369].

Концептуальной основой западной публицистики, посвященной России, служила идея о русском варварстве. Английский дипломат Спринг – Райс настойчиво писал о «варварской душе» России. Русских он считал азиатами, только несколько изменившими свой облик, «слегка облагороженными». В этом с ним соглашался и Теодор Рузвельт. Рузвельт разделял мнение некоторых немецких ученых о славянах как

«неисторическом племени». Многие западные мыслители придерживались мнения, что русские – отсталый народ, и им еще предстоит немало пройти, чтобы избавиться от «последствий» татаро – монгольского ига. Особенно, по их мнению, варварство проявляется у русских по отношению к подчиненным народам – кавказцам, евреям, немцам. Представление об изначальной неполноценности русских было настолько глубоко укоренено в мысли Запада, что в тоне авторов, с похвалой отзывавшихся об успехах экономического развития России на рубеже XIX – XX вв., чувствуется удивление способностью русских двигаться по пути прогресса[370]. Пауль Рорбах в своей работе, изданной в Лейпциге в 1904 году указывает на русское ведущее положение в международной политике в Средней и Восточной Азии. Он описывает природу и этнографию Кавказа, рассказывает о взаимоотношениях России с Турцией[371].

В 1953 году вышел труд американского историка В. Аллена «Кавказский театр войны»[372]. Книга сугубо военного характера. В ней описаны события на Кавказском театре в ходе войн 1828-1829, 1853-1856 и 1877-1878 годов. В исследовании К. Акара представлено описание Кавказа и горцев в российских военных и общественно – политических источниках в период Русско – турецкой войны 1877 – 1878 гг.[373]. В своей работе, вышедшей в свет в 1975 году, Г. Райнлендер политику России на Кавказе определяет как «регионализм». Историк М. Эткин обращает внимание на постепенность мер в организации управления на Кавказе, считая это особенностью политики России[374].

В 1988-89 гг. вышел на Западе ряд изданий, в которых подробно рассматривается история империй и противостоящих государственных интересов и прав определенных групп населения[375].Авторы книги «Северный Кавказ: народы на перепутье» сознательно не встают на позиции ни одной из сторон в политической игре. Их задачей было подчеркнуть важность прав человека, прав этнических меньшинств в государстве [376]. Традиции консолидации и сепаратизма в социальных институтах и исторической памяти народов проанализированы в исследовании В.Снирелмана[377]. Подробно рассмотрена история фронтира, ислама на Кавказе, начиная с IV в. до 1917 г., в монографии М. Фироузи, увидевшей свет в 2006 году[378]. Интересным и редким изданием является книга, посвященная жизни и деятельности министра народного просвещения России П.Н. Игнатьева (1870-1926), вышедшая за границей в 1987 году [379]. Теме Кавказа в русской литературе XIX века были посвящены некоторые издания, вышедшие в Кембридже и других интеллектуальных центрах Европы[380]

Среди зарубежных работ следует также отметить издание в 1996 году в России перевода книги швейцарского специалиста по национальным проблемам А. Каппелера. Его труды по истории России и Украины, по проблемам национального самосознания и национальных движений народов, входивших в состав Российской империи, на протяжении последних двух десятилетий формирует концептуальные основы интерпретации российской истории в европейской исторической науке. Эта книга представляет исключительно важную по значению, научной новизне и актуальности попытку показать процесс формирования многонациональной Российской империей, выявить специфику российского колониализма и исследовать эволюцию российской имперской национальной политики на протяжении нескольких столетий. А. Каппелер считает, что с методологическими и теоретическими проблемами тесно взаимосвязаны и вопросы терминологии. Поскольку развивающаяся в Западной Европе модель колониализма не может быть просто перенесена в Россию, постольку и такие понятия, как «колония», «колониальная зависимость» и т.д. не могут использоваться без детального и точного анализа соответствующей ситуации. Характерное, прежде всего для американских исследований, сплошное и огульное перенесение понятий «колониализм» и «империализм» на Россию и на Советский Союз более запутывают, чем разъясняют суть дела[381]. Однако и у данного фундаментального исследования есть свои недостатки. А. Каппелер, как и многие его предшественники, полагает, что с конца 1917 года якобы усилились центробежные тенденции в мусульманских регионах, и в результате была провозглашена независимость в Туркестане, в Казахстане, в Башкирии, в Закавказье и на Северном Кавказе. Данная точка зрения стала тиражироваться многими постсоветскими авторами, игнорирующими общеизвестный факт, что до разгона Учредительного собрания, а в отдельных случаях даже после этого события, никакого отделения от России мусульманские республики не декларировали[382].

Изучение истории Российской империи за границей имеет достаточно давние традиции и значительные достижения. Однако, в настоящее время вырос научный уровень зарубежных работ, и связано это, прежде всего, с более широким, чем прежде, использованием архивных материалов не только центральных, но и местных архивов, и новыми методологическими подходами исследователей[383]. Определяющая роль в разработке методов изучения национального опыта

на российском материале принадлежит Ричарду Уортману и Марку фон Хагену. Ими был разработан новый курс по истории империи и нации в России и Советском Союзе («Empire and Nation in Russian and Soviet History»), включенный с 1999 года в учебную программу Колумбийского университета. Следует согласиться с М. Фон Хагеном и Р. Уортманом в том, что и российские, и американские историки – слависты оказались мало подготовленными предшествующим развитием историографии и господствовавшей в науках парадигмой модернизации к столкновению с проблемой империй, национализма и многонациональности России[384].

Проблемы, поднятые в книге А.Э. Каррера, входят в число наиболее актуальных для геополитики ближайших десятилетий. Автор начинает свою работу с теоретической части, выясняя, что значит слово «империя» и какова его история. Автор справедливо замечает, что Российская империя – одна из самых обширных и долговечных в истории, поэтому изучение ее длительного исторического пути и успеха «стойкости» – наиболее интересны для исследователя. Интерес к истории Российской империи выявляется и на государственном уровне, так издание монографии А.Э. Каррера было осуществлено при поддержке Национального центра книги Министерства культуры Франции[385]. Книга Доминика Ливена, лектора Лондонской школы экономики и потомка русских офицеров, позволяет прочесть российскую историю в общем контексте судьбы империй. Особый интерес представляет предпринятая Ливеном попытка проследить распад империи и его эффекты в длительной перспективе. Сравнительно – исторический подход автора к сложной теме империй, сплав научной дистанцированности и эмоциональной привязанности автора к стране своих предков придает книге особую привлекательность. В своем исследовании Д. Ливен опирается на обширный исторический материал и им освоено множество источников. Основная цель этой книги – уложить историю России в международный контекст. По мнению Доминика Ливена русские, в отличие от многих других народов, не стали безропотным объектом приложения западноевропейской и американской мощи. С безграничной храбростью, упорством и самопожертвованием они сражались за свою особую, независимую нишу в современном мире[386]. Д. Ливен, осознавая неоднозначность своего труда, сделал следующее примечание для своего читателя: «Страшно подумать, – пишет он, – у скольких людей эта книга вызовет раздра-

жение. При таком объеме в ней неминуемо отыщутся фактические ошибки, которыми не преминут воспользоваться рьяные критики. В панораме такого масштаба легко упустить какие – то нюансы и тонкости. Еще проще будет обвинить автора в том, что он оставил без внимания или неполно осветил какие – то важные аспекты этой необъятной темы. Временами книга задевает больные места в истории,… Что тоже не добавит ей друзей. Ученые не всегда терпимы к мнениям своих коллег: если речь заходит о чужих методиках, они могут превратиться в «настоящих тигров»[387].

Зарубежные авторы часто прибегают к сравнительно – историческому методу изложения материала и часть в этом ключе рассматривают процессы колонизации в российской истории и аналогичные процессы в американской истории. Практически всегда сравнение завершается выводом о большей терпимости, толерантности и готовности к диалогу русских людей и других народов[388]. В очерке «Покорение Кавказа» в фундаментальной американской энциклопедии российской истории содержится утверждение, что присоединение региона в чем–то сравнимо с борьбой «белых людей» с индейцами при освоении западных районов американского континента. Американский историк Роберт Хьюсен в энциклопедической статье подчеркивал исключительно уважительное отношение русских к лидеру движения сопротивления на Северном Кавказе – имаму Шамилю[389]. Американский историк Марк фон Хаген анализирует в своих работах разнообразные причины, вызвавшие в последнее десятилетие рост интереса к проблематике имперской истории вообще и к Российской империи в частности. Ученый пишет о необходимости компаративистского подхода и подчеркивает, что наряду с необходимостью сравнивать Российскую империю с другими империями едва ли не более важно уметь сопоставлять взаимоотношения империи с разнообразными подвластными ей сообществами, выделенными по религиозному, сословному или же этнолингвистическому принципу. Эти идеи нашли в последние годы широкий отклик среди историков и в России и за рубежом[390].

Во многом, вследствие взаимодействия с российскими историками, работающими в направлении понятия «контактных зон», появилась работа американского историка Томаса Баррета о терских казаках. В ней автор выступил против восприятия границ России и Северного Кавказа как постоянной и исключительной линии фронта, по разным сторонам которой историки разводят горцев и казаков. Томас Баррет

считает необходимым видеть движение народов, появление селений и общин, преобразование ландшафта, а главное – взаимодействие соседних народов в повседневной жизни[391]. Очень большой интерес западных издателей вызывает история казачества, сыгравшего выдающуюся роль в формировании и защите Российской империи, сословия, принявшего на себя, по словам историка Корнилова, роль «живой изгороди» государства. Этимология слова «казак» в западных работах по версии зарубежных изданий, означает, «свободные люди», «авантюристы», «любители приключений», «участники бандитских отрядов», «грабители» (free men, adventure, freebooters, vagrants). Среди образных оценок этого сословия и этно – социальной группы самые популярные в западных изданиях – «русские сорви – головы», «русские янычары», «шакалы» и т.д.[392].

Историей российской колонизацией на Кавказе и в Средней Азии занимался Калпан Сани. Он много внимания уделял в своих работах имперской политики России[393]. В монографии Роберта Джераси исследуется одна из наиболее актуальных для американской историографии проблем истории России XIX – начала XX в.: осознание современниками этнического многообразия Российской империи и предпринимавшиеся в этот период меры по ассимиляции нерусских народов[394].

Развитие теории «фронтира»

Работа Томаса Барретта «Линии неопределённости: северокавказский «фронтир» России» предлагает больше исследовать сотрудничество и содружество народов на Северном Кавказе. В основе работы лежат труды дореволюционных и советских историков, опубликованные этнографические и статистические материалы[395]. Автор доказывает, что российское продвижение через Северный Кавказ было чем-то большим, чем просто завоевание, и включало в себя внутреннюю и внешнюю миграцию населения, образование новых отношений. Барретт является специалистом в двух относительно новых областях исторической науке, известных как история окружающей среды и история «фронтира» (приграничной зоны). История окружающей среды особенно важна для понимания своеобразия зоны «фронтира», где переселенцы пытались построить новое сообщество в незнакомой экологической обстановке. В рамках «истории фронтира» исследова-

тель рассматривает, так называемый, «пограничный обмен», куда входит торговля и другие экономические отношения между русскими и местными народностями[396]. В своих исследованиях Кавказа и Средней Азии Томас Баррет и Натаниэль Найт показали, что намечавшиеся программы этнической ассимиляции часто шли ко дну из-за этнических предрассудков, отсутствия взаимопонимания между разными культурами и практических трудностей, прежде всего нехватки денежных средств на образование и культурное развитие. В целом американские исследователи сегодня сходятся во мнении, что Российская империя не была в состоянии проводить по-настоящему активную национальную политику[397].

Эмигрантская литература

Несомненно, что большое количество эмигрантов из России оказало серьезное влияние на развитие заграничной исследовательской практики. Политические деятели и историки «русской белой эмиграции» (П.Милюков, А. Керенский), как правило, использовали в своих сочинениях отдельные факты из истории народов различных регионов в качестве веских доказательств неправомерной большевистской национальной политики. Однако эмоциональные попытки представителей нерусских этнических групп привлечь к себе внимание зачастую вызывали отторжение. Поэтому, с точки зрения известного чеченского историка А. Авторханова, в Америке советское направление исследований монополизировала узкая группа профессионалов нескольких университетов, «плотно закрывая туда дверь для посторонних», особенно эмигрантских исследователей[398]. 24 апреля 1997 года в Мюнхене скончался Абдурахман Геназович Авторханов. Он родился 7 ноября (25 октября) 1908 г. в Терской области. В 1937 году окончил институт Красной профессуры, специализировался по русской истории. В 1937 году был арестован и провел в заключение 5 лет. Эмигрировал на Запад. В издательстве «Посев» вышли его главные книги: «Технология власти», «Загадка смерти Сталина», «Мемуары». «Технология власти» была переиздана секретным малым тиражом в аппарате ЦК КПСС для собственного пользования. Абдурахман Авторханов был решительным сторонником единения Чечни с Россией. Одна из его последних статей была озаглавлена «Только Россия!»[399].

Проблематика американских исследований по новой культурной истории очень разнообразна. Тем не менее, можно выделить несколько проблемных областей, в которых ведущий – историко – антропологический подход оказался в последние десятилетия особенно плодотворным. Это, в первую очередь, культурная антропология, рассматривающая народные обряды, верования, а также политическая антропология – исследующая подходы к изучению вопросов власти и права. Такое понимание культуры получило отражение в сборнике Марка Стейнберга и Стивена Френка «Культура в развитии: ценности и существование низшего класса в России позднеимперского периода». Авторы сборника ставят своей целью исследовать разнообразие структур, ценностей, отношений, ментальностей, а также тождества в культурной среде низшего класса города и деревни[400]. Заслуга американских исследователей культурной истории состоит, прежде всего, в том, что они в своих работах перешли от этнографических описаний к аналитическому изучению демографических, психологических и культурных аспектов жизни общества, использовали комплексный подход при изучении жизни человека и общества. Тем не менее, надо признать, что исследователям не всегда удается избежать крайностей новой культурной истории, например, чрезвычайного внимания к психологическим, физиологическим особенностям человека, концентрации на обыденных, тривиальных вещах.

Интересны взгляды О. Шпенглера на развитие культурно – правовой среды различных народов. Одной из отличительных особенностей выдвинутой им теории является обоснования существования в ней замкнутых, неповторимых культур, которые развиваются, расцветают и угасают, что свидетельствует не о едином процессе мировой истории, а о единстве проявлений жизни во Вселенной. Он заявлял: «Человечество для меня лишь зоологическая величина. Я не вижу ни прогресса, ни цели, ни пути человечества.…Только в истории отдельных культур вижу я осмысленное направление жизни на цель, вижу я единство души, воли и переживания»[401]. О. Шпенглер видел и рассматривал восемь типов культур, причем наиболее подробному анализу он подверг три: античную, арабскую, которую он трактовал довольно широко, и западноевропейскую. В конце XX – начале XXI в. правовые взгляды Шпенглера, названного известным российским теоретиком права С.С. Алексеевым «выдающимся мыслителем», все больше стали привлекать внимание исследователей[402].

Сьюзан Лайтон исследует тему культуры, империй и национальностей в своей работе «Русская литература и империя: завоевание Кавказа

от Пушкина до Толстого». Автор демонстрирует, что по мере того, как в XIX веке русские войска продвигались через горы, писатели создавали собственное литературное видение Кавказа, которое влияло на развитие национальной идентичности и определяло восприятие русской элиты событий XIX века. Лайтон показывает, что в популярной литературе прослеживались традиции романтизации русско – кавказских отношений, восхваления империализма и русского колониального опыта[403].

Достаточно много материала по истории мусульман издается на Западе. Заметный интерес представляет вышедшая в 2003 г. обзорная статья американского исследователя Р. Круза «Империя и конфессиональное государство: ислам и религиозная политика России XIX в.». В этом своего рода компаративном исследовании автор сравнивает политику царизма по отношению к исламу с решениями властей о других неправославных религиях (особенно иудаизме). Любопытна и требует отдельного обдумывания идея автора о взаимной «трансформации» взаимоотношений царской власти и исламских институтов[404]. В статье доцента истории Стенфордского университета Роберта Крюса на основе различных архивных документов рассматриваются взаимоотношения власти и мусульман европейской, юго-восточной части России и на Кавказе. В вводной части автор высказывает несогласие с позицией большинства публикаций на эту тему, в которых концентрируется внимание на негативных моментах действия власти в отношении своих подданных – мусульман. Автор приводит свидетельства того, что правители, стремясь прежде всего обеспечить защиту интересов единоверцев, предпринимали определенные усилия по сглаживанию противоречий и трений между основной и иными религиозными конфессиями. Именно терпимость, по суждению автора, объясняет долговечность и относительную силу империи. Разумеется, для национального меньшинства эта терпимость означала определенные ограничения при решении конфессиональных споров, но в то же время обеспечивала определенную государственную защиту[405]. В 2001 году вышла монография Р. Сейли, посвященная русско – чеченскому конфликту. Автор в своем исследовании уделяет большое внимание исламскому фактору в истории чеченского народа, приводит интересные статистические данные, характеризующие русскую армию, и ее действия в ходе Кавказской войны[406]. В августе 2007 года в Берлине состоялся Конгресс, на котором большое внимание было уделено истории российских мусульман и в целом Российской империи (секторы «Islam in Europe», «Russian History», «19 th and 20 th Century» и др.[407].

Современные исследования западных ученых

С 1994 года очень много публикаций появилось в России и за границей, посвященных Чеченской войне. В этих работах помимо современных событий рассматривалась и Кавказская война, а также ее последствия. Так А. Ле Юэру в своей работе большое внимание уделяет анализу причин возникновения Чеченской войны, рассматривая и положение чеченского народа после окончания Кавказской войны в составе Российской империи. И здесь, по мнению автора, нельзя игнорировать долгую и плодотворную историю взаимоотношений между чеченцами и русскими[408]. В 2003 году в Берлине кавказскими эмигрантами была издана богато иллюстрированная работа, показывающая историю чеченского народа начиная с XIV по XXI век[409]. Много изданий, посвященных истории чеченского народа за последние годы вышло в Германии, приведем для примера некоторые из них: Wagner K. «Ruslands Krige in Tschetschenien. Politische Transformation und militarische Gewalt»; Vodicka K. «Politische System Tschechiens. Vom kommunistischen Einparteiensystem zum demokratischen Verfassungsstaat»; Kirke R. (Hrsg.) «Identitat, Integritat, Integration. Betrage zur politischen Ideengeschichte Tschechiens»[410].

Чечня, история ее народа, современные события в Чеченской Республике стали темой многих монографических исследований, научных конференций, круглых столов[411]. В 1988 году в Лондоне состоялся международный симпозиум на тему «Национальные отношения на Северном Кавказе. XVI – XX вв.». В 1996 году в г. Лейдене (Нидерланды) была проведена конференция по изучению кавказских языков. На этих международных собраниях в той или иной степени всегда затрагивалась история чеченского народа. В последнее время много внимания уделяется истории взаимоотношений России и Чечни. При этом многие исследователи видят причины современного чеченского конфликта в историческом прошлом, в незавершенности модернизационных процессов, как в Чечне, так и в России. Одним словом чеченская тема стала чрезвычайно актуальной[412]. В 2001 году была издана монография Джона Данлопа, повествующая о чеченской истории с IV века н.э. – времени появления на Северном Кавказе далеких предков современных чеченцев, до конца 1994 года, когда началась Чеченская война. В фокусе исследования – русско – чеченские отношения. Данная книга представляет собой попытку научного исследования причин и факторов, приведших к войне[413].

Таким образом, изучение истории российских мусульман, кавказских горцев и, в частности, чеченцев проводилось отечественными и зарубежными исследователями с давних времён по теоретическим и конкретно-историческим вопросам, с привлечением обширного архивного и библиографического материала. Исторический обзор позволяет сделать вывод, что в исторической литературе накоплен весомый фактический материал, касающийся отдельных аспектов рассматриваемых нами проблем.

Заслугой дореволюционных авторов, многие из которых были непосредственно причастны к организации управления на Северном Кавказе, является попытка теоретического обоснования принципов имперского управления в регионе, описание механизма взаимодействия традиционных и имперских правовых систем в крае. В советский период историки основное внимание сосредоточили на исследовании структуры и функционирования административной системы на Северном Кавказе. В целом же до 70-х годов управленческая тематика была в тени социально-экономических исследований и работ по истории антиколониальных и революционных движений.

Постсоветский период в историографии ознаменован всплеском интереса к различным аспектам управленческой деятельности имперской администрации на Кавказе, новым концептуальным подходам в их освещении, постановкой целого комплекса новых исследовательских проблем. Разрушение границ между российской и западной наукой наиболее активно проявилось в изучении имперской истории, национальной политики и национальных движений. Между учеными Запада и России осуществляется интенсивный научный обмен, что проявляется в совместных проектах и работах, рабочих поездках в местные архивы, встречах на научных конференциях, чтении лекций во время визитов в исследовательские центры и университеты. В результате складывающегося международного взаимодействия, проблематика имперской истории, истории национальных движений и становления национальных образований сформировала одно из наиболее плодотворно развивающихся направлений современной историографии[414].

В целом, анализируя использованную в работе историческую литературу, хотелось бы отметить, что в историографии, касающейся истории Терской области, чеченцев, нет работ, посвящённых всеобъемлющему исследованию всех отраслей хозяйствования, жизнедеятельности населения, функционирования административной структуры за

период, насыщенный пореформенными изменениями. Правоведческим, теологическим вопросам уделяется внимание только в специальной литературе. Исследование истории Кавказа требует привлечения как можно большего числа законов, актов, положений и т.п., обосновывающих или противодействующих действиям населения и администрации края. В связи с тем, что Северо – Восточный Кавказ располагался в зоне так называемого «временного права», созданного во многом исключительно для данного региона, правовым вопросам следовало уделять особенно пристальное внимание. Большим недостатком практически всей литературы является её описательный характер, в ней отсутствует значительное количество нового статистического материала, карт, таблиц, наглядно иллюстрирующих текст.

Малый тираж большинства дореволюционных изданий делает их по недоступности равными рукописным материалам, на долю которых приходится значительная часть архивных документов. Это, прежде всего разнообразные обзоры путешествий по Кавказу, воспоминания, исследования, работы российских учёных, имеющие непосредственное отношение к истории и краеведению Северного Кавказа. Несомненный интерес представляют труды по экономике, военному и статистическому обозрению Кавказского края и Терской области[415]. С падением государственной социалистической системе во всех библиотеках и архивах страны для читателей открылись материалы, ранее засекреченные. Так, в Библиотеке иностранной литературы им. М.И. Рудомина стал доступен целый спец. фонд, содержащий не только запрещённые иностранные книги, но и издания на русском языке, например, редкий экземпляр Корана. Все эти источники можно с успехом применять для дальнейшего исследования темы.

II. Источники

Данное историческое исследование опирается на обширный и разнообразный корпус источников. Цельность и единство этого корпуса определяется не только приращением научного знания, но и значимостью для научного сообщества, общественности. Плачевное состояние источниковедческой основы некоторых работ давало повод к искажению или незнанию действительного хода исторического процесса, поэтому автор особое внимание в своей работе уделил привлечению нового, не

исследованного научным миром массива архивной базы. С позиции структуралистской методологии, степень доверия к историческим оценкам, концепциям трактуется в связи с приближенностью исследователя к источнику, а источника – к событию. Длина цепи рассуждений, присутствие вне источникового знания усиливает вероятностную природу, т.е. гипотетический характер рассуждений, негативно воздействует на истинность заключений и выводов[416].

В трудоемком, и мучительном поиске источников информации не обойтись, очевидно, без попыток постигнуть истоки, причины и черты своеобразия в формировании дошедшего до нас наследия – всего корпуса источников, глыбам разностороннего материала, в целостном виде – со всеми его изломами. И что тут выяснилось? Сокровища открыты и доступны, «а историки, – как подметил К.Ф. Шацилло, – туда не идут. Люди отвыкли работать в архивах!» Добывать там информацию по уцелевшим осколкам минувших веков трудно – задача со многими неизвестными, для решения которой нужно перевернуть тонны руды, чтобы получить что-то поистине ценное. А потому иные и предпочитают делать свои сенсационные «открытия» умозрительно. Переоценку судеб народов и лиц в давние и нынешние времена строят не на новом документальном материале, а на «субъективных умозаключениях», вследствие чего одну крайность судорожно подменяют другой. Нас должен насторожить тот факт, что «многие историки забыли, – по справедливому замечанию журнала «Вопросы истории», – дорогу в архивы, утратили вкус и навыки работы с историческими документами». В результате широкое распространение получили компилятивные сочинения, в которых материал излагается по заранее заданной схеме»[417].

Известия о вайнахах (чеченцах и ингушах) отражены в русских архивных фондах с 80-х годов XVI в., когда в царствование Федора Иоановича и Бориса Годунова начала оживленный обмен между посольствами между Москвой и Кахетией и, когда в 1588 – 1589 гг., была основана в устье р. Терека русская крепость – Терский город, просуществовавший до 20-х годов XVIII в. Документы Посольского приказа о сношениях России с Кавказом в 80-е – 90-е годы XVI в. и в начале XVII в. (по 1613 г.) были изданы еще в 1888 – 1889 гг. С.А. Белокуровым. В них имеются ценные сведения о чеченцах и ингушах. В литературе первым документом, в котором упоминается этноним «чеченцы» обычно считаются договорные статьи 1707 г. калмыцкого хана Аюки[418].

Для разработки вопросов, вытекающих из изучаемой проблемы, нами был использован большой фактический материал, в том числе, архивные документы, опубликованные источники и периодика. Самая большая и наиболее значимая группа источников – неопубликованные материалы, хранящиеся в ряде центральных и местных архивов и музеях. Только из-под седых покровов архивной пыли мало – помалу возникают образы, сочетанием и группировкою которых восстанавливается истинный смысл, определяется правдивая характеристика событий. Работа в архиве весьма привлекательна. Сравнить ее можно разве что с проведением археологических раскопок, ибо в обоих случаях в душе исследователя постоянно гнездится ощущение возможного чуда (чуда необычайной находки), и даже если этого не происходит, многочисленные найденные факты, в конце концов, складываются в интересную и незнакомую до этого систему, рисующую канувшее в Лету времени, что доставляет автору истинное удовлетворение[419].

Архивные документы по исследуемой теме извлечены из фондов: Российского государственного исторического архива в Санкт – Петербурге (РГИА – 68 дел); Российского государственного Военно – исторического архива Российской Федерации (РГВИА – 50 дел); Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ – 15 дел); Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ – 25 дел); Архива Российского этнографического музея (А РЭМ – 5 дел); Государственного Центрального музея современной истории России (ГЦМСИР – 1 дело); Российского государственного архива кинофотодокументов (РГА КФД – 1 дело); Архива Востоковедов Петербургского филиала Института Востоковедения РАН (АВ СПб. ФИВ РАН – 2 дела); Архива Российской Академии наук (А РАН – 1 дело); Государственного архива Ставропольского края (ГАСК – 7 дел); Отдела письменных источников Государственного исторического музея (ГИМ ОПИ – 9 дел); Государственного Политехнического музея (ГПМ – 2 дела); Отдела Кавказа Музея антропологии и этнографии им. П. Великого РАН. (ОК МАЭ РАН – 3 дела); Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ – 7 дел); Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ – 4 дела); Отдела рукописных фондов Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра Российской Академии наук и Правительства Республики Северной Осетии – Алании (ОРФ СОИГСИ – 31 дело); Российского государственного архива древних актов (РГАДА – 55 дел); Рос-

сийского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ – 6 дел); Российского Федерального геологического фонда (РГФ – 14 дел); Северо – Осетинского государственного объединённого музея истории, архитектуры и литературы (СОГОМИАЛ – 1 дело); Центрального государственного архива республики Северной Осетии – Алании (ЦГА РСО – А – 43 дела); Центрального исторического архива г. Москвы (ЦИАМ – 1 дело). В течение 16 лет была проведена исследовательская работа в 22 архивохранилищах Российской Федерации, расположенных в городах: Москве, Красногорске, Петербурге, Владикавказе и Ставрополе. В ходе научной работы было использовано в общей сложности 350 архивных дел. Большая часть указанных документов впервые вводится в научный оборот. Для исследования представленной проблемы было привлечено к работе 99 фондов. Эти фонды содержат исключительно важный и интересный материал, полнее раскрывающий избранную тему.

Все имеющиеся в нашем распоряжении источники можно разделить на следующие группы: 1) актовые; 2) материалы текущего делопроизводства; 3) статистические; и 4) описательные.

1) Актовые документы

К актовым источникам относятся государственные законы и указы, законоположения Сената, распоряжения Главного управления казачьих войск, наместника на Кавказе, Министерства земледелия и государственных имуществ, начальников областей, постановления областных правлений, решения начальников округов, приговоры сельских сходов. Ценность актовых документов в отражении ими действительного положения. Они характеризуют политику царизма, центральных и местных органов власти в отношении горского населения[420]. Самыми содержательными, интересными, наиболее полно раскрывающими тему работы оказались фонды, хранящиеся в архивах: РГИА, ГА РФ, ЦГА РСО-А. Уникальным и единственным в своём роде для кавказоведов является Центральный государственный архив Республики Северной Осетии – Алании (ЦГА РСО-А). Исключительность его заключается, прежде всего, в том, что здесь собраны не только материалы общего, всероссийского значения – в силу того, что Владикавказ являлся центром самого стратегически важного после Кавказской войны региона Терской области, но и в том, что в этом архиве, под одной крышей помещены уни-

кальные региональные источники, повествующие о жизни, быте, нравах чеченцев, кабардинцев, осетин и других народов. Из всех Российских архивов, только ЦГА РСО-А и РГИА обладают достаточным количеством документов по чеченской истории второй половины XIX века. Из фондов РГИА, прежде всего, следует назвать Ф.1268 (Кавказский комитет). Актовые источники – дела Кавказского комитета содержат проекты всех законоположений, сведения об их подготовке и обсуждении на самом высоком уровне. Однако по своему характеру эти источники в основном проективны, то есть, будучи изданы к исполнению, проекты далеко не всегда осуществлялись в соответствии с первоначальными замыслами их авторов.

К нормативным документам следует отнести законодательные акты, исходящие из высших, правительственных инстанций, а также положения и инструкции, авторство которых принадлежало высшей кавказской власти. Различные законодательные акты, положения, инструкции создавали нормативную базу для деятельности всех органов власти на Кавказе и определяли полномочия начальствующих лиц различных уровней. Для нашего исследования нормативные документы представляют особый интерес, так как в них фиксировались наиболее существенные черты, способы и методы управления на Северо – Восточном Кавказе. В связи с этим не случайно наибольший интерес в правоведческом исследовании уделяется фондам Кавказского комитета – высшего государственного учреждения по управлению Кавказом. Кавказский комитет был создан в 1845 году, при императоре, с законосовещательными и административными функциями для управления Закавказским краем и Кавказской областью. Кавказский комитет был учреждён вместе с наместничеством Кавказским и служил связующим звеном между местным управлением на Кавказе в лице наместника, высшими государственными структурами и лично императором[421]. Дела фонда 1268 РГИА составляют 20 обширных описей, в которых хранится материал о политике царизма на Кавказе – проекты всех законоположений, сведения об их обсуждении, запросы кавказской администрации и разъяснения по ним, отчёты начальников областей, кавказского наместника.

Для рассмотрения правовой базы кавказского управления наиболее ценными являются фонды РГИА: Ф.1149 – Департамент законов; Ф.1284 – Департамент общих дел МВД; Ф.1152 – Департамент экономий. В фонде 1149, описи 7, деле 95 представлен подробный проект положения о Терской постоянной милиции; в деле 112, той же описи, даётся

интересный закон об образовании двух областей: Терской и Кубанской. Также в этом фонде представлено много законодательных актов, касающихся учебной части на Кавказе и налогообложения населения.

Ценную информацию о политике, проводимой Россией на Кавказе, можно почерпнуть из фонда Д.А. Милютина (Ф.169. ОР РГБ), бывшего в исследуемый период министром внутренних дел России. В фонде содержится переписка Милютина с наместником Кавказским и другими должностными лицами, а также приведены проекты некоторых законоположений, касающихся горцев Терской области.

В фонде №4 СОГОМИАЛ хранятся приказы по Терскому казачьему войску за разные послевоенные годы. Интересен, в законодательном отношении, Ф.11. ЦГА РСО-А (Фонд Терского областного правления); Ф.53 (Штаб войск Терской области) и Ф.262 (Комиссия для разбора сословных прав туземцев). В фонде 11 ЦГА РСО-А мы нашли «Положения», ограничивающие права евреев в торговле на территории Терской области, а также циркуляр, запрещавший казакам переселяться из станиц. Также этот фонд содержит приказы по войскам Терской области.

Архив внешней политики Российской империи содержит большую часть документов дореволюционного МИДа и его предшественника – Коллегии иностранных дел, датируемых с момента её образования Петром I в 1720 г. и до 1917 г., а также документы многих российских посольств, миссий и консульств за рубежом. Часть фондов представлена трофейными документами из Польши, Германии, Румынии, Югославии и других государств. В архиве имеются несколько специальных коллекций, большая часть которых сгруппирована по географическому принципу[422]. В АВПРИ законодательным актам, циркулярам целиком посвящаются документы довольно редко, чаще это случается фрагментарно, для объяснения сложившейся ситуации. В фонде Персидский стол (№144) полностью приведено «Положение об управлении Кавказским краем». Фонд № 149 АВПРИ повествует о мухаджирском движении и приводит некоторые циркуляры, касающиеся лишения и получения подданства Российской империи. В фонде 249 (Генконсульство в Константинополе) представлены циркуляры Азиатского департамента о высланных за границу горцах.

Фонд № 649 ГА РФ имеет приказы, циркуляры по Кавказской армии, в период с 1861 по 1881 год, а в фонде № 730 хранится интересный документ – Проект резолюции / Комитета министров/ «О реорганизации местного управления на Кавказе» с пометками Н.И. Игнатьева. Николай

Павлович Игнатьев (1832-1908) являлся директором Азиатского департамента МИД.

Фонд №37 ОРФ СОИГСИ интересен тем, что здесь имеются материалы, описывающие права высших сословий в Кубанской и Терской областях.

Опись № 1 фонда 330 РГВИА представляет Временный комитет для пересмотра законоположений (1865-1872 гг.) Главного управления казачьих войск. Фонд № 1308 РГВИА имеет дела, касающиеся Кавказского военно-окружного суда. Очень важным для нашего исследования является Ф.14505 (Чеченский Конно-Иррегулярный полк) в РГВИА. Здесь приведены приказы по назначению и награждению чеченцев.

2) Материалы текущего делопроизводства

Ко второй группе архивных источников относятся разнообразные документы, связанные с текущим делопроизводством учреждений и деятельностью должностных лиц. Значительный корпус такого рода документации составляют отчёты начальника области и наместника на Кавказе о проделанной работе. Материалы официального делопроизводства раскрывают внутриструктурные связи и отношения, свойства и состояние всей системы управления в регионе. Это, прежде всего, документы высших государственных учреждений, содержащиеся в фондах 1268 (Кавказский комитет), 1276 (Совет министров), 565 (Департамент государственного казначейства), 1287 (Хозяйственный департамент), 1291 (Земский отдел) Российского государственного исторического архива, содержащие переписку ведомств по вопросам управления, различные ведомственные распоряжения.

Такие материалы официального делопроизводства как отчёты, рапорты, служебная переписка, докладные записки различных должностных лиц, ответы административных начальников на прошения, жалобы сельских обществ на притеснение или произвол властей, приказы по Терской области и т.п. содержатся в фондах № 400 (Министерство военное. Главный штаб. Азиатская часть) и № 1300 (Штаб Кавказского военного округа) Российского государственного Военно-исторического архива. Эти документы воссоздают подробную картину управления на местах, стиль и методы управления местного кавказского чиновничества. РГВИА содержит, главным образом, ценнейшие документы по исто-

рии казачьих областей Предкавказья. Это связано с тем, что Кубанское и Терское казачество через войскового атамана Кавказских казачьих войск было подчинено военному министру, в составе которого находилось Главное Управление казачьих войск. Больше того, всё население Кубанской и Терской областей, за исключением горских народов; все города, находящиеся на их территории, состояли в ведении Главного Управления казачьих войск[423]. Для нашего исследования наиболее интересными оказались следующие фонды РГВИА: Ф.ВУА – Военно-учётный архив; Ф.330 – Главное управление казачьих войск, опись 1. – Временный комитет для пересмотра законоположений (1865-1872); Ф.400 – Главный Штаб, опись 12 – Наградное отделение; Ф.482 – Кавказские войны 1735-1879, опись 1 – Материалы о горских народах; Ф.485 – Русско – Турецкая война 1877-78 гг., опись 1 – Переписка Александра II с наместником Кавказским; Ф.1047 – Штаб местных войск Кавказского военного округа; Ф.1329 – Войсковое правление Терского казачьего войска.

Большое количество материалов текущего делопроизводства нами также было извлечено из фондов ЦГА РСО-А: Ф.11 (Терское областное правление); Ф.12 (Канцелярия начальника Терской области); Ф.53 (Штаб войск Терской области). Всеподданнейшие доклады первых начальствующих лиц на Кавказе (наместников, начальников областей), послужили отправной точкой этого исследования. Доклады позволяют выявить общие направления государственной политики в отношении коренного населения, оценить состояние социально-экономического и политического развития региона на том или ином историческом этапе. В основном всеподданнейшими докладами располагают местные архивы – ЦГА РСО-А и ОРФ СОИГСИ.

Для написания военной истории чеченского народа особо ценными являются фонды РГВИА: Ф.3640 – Чеченский Конный полк (1914-18); Ф.14505 – Чеченский Конно-Иррегулярный полк и ЦГА РСО-А: Ф.104 – Штаб Чеченского отряда (1846-1861); Ф.83 – Терско-горский Конно-Иррегулярный полк. В Российском государственном военно – историческом архиве имеется фонд Военно – цензурного комитета, насчитывающий всего 55 дел (Ф.494). Это небольшой, но очень информативный фонд, который еще ждет своего исследователя[424]. В нем хранятся журналы исходящих и входящих документов, журналы заседаний комитета, реестры рассмотренных сочинений, переписка, дела о рассмотрении конкретных сочинений. Эти документы представляют несомненный интерес, поскольку многие рукописи, рассмотренные в комитете, не были

опубликованы, и теперь только из дел комитета мы можем узнать об их существовании.

Государственный архив РФ располагает ценными документами, собранными в фонде 109 – Третьего отделения собственной его Императорского величества канцелярии. III Отделение было образовано 3 июля 1862 года, а ликвидировано – 3 марта 1880 года. 4 экспедиция III Отделения осуществляла сбор информации обо всех важных событиях в стране. В документах данного фонда хранятся сведения, касающиеся усиления жандармского надзора на Кавказе в 80-х годах XIX века, данные о нераспространении на Кавказское наместничество мнения Гос.Совета относительно временного изменения подсудности. Фонд 110 ГА РФ располагает архивными материалами Штаба отдельного корпуса жандармов. Отдельный корпус жандармов – специальное воинское формирование, военные чины которого составляли основу штата жандармо – полицейских учреждений Российской империи с 1826 по 1917 гг. (губернские жандармские управления, охранные отделения и т.д.). По инспекторской, строевой и хозяйственной части отдельный корпус жандармов входил в систему Военного министерства. По «наблюдательной части» – подчинялся III Отделению. В данном фонде хранятся дела, имеющие руководящие инструкции по Кавказскому и Варшавскому жандармским округам.

301 569 единиц хранения содержит фонд № 102 ГА РФ (Департамент полиции МВД). Этот департамент стоял во главе политического и уголовного розыска Российской империи с 1846 по 1917 год. Данный фонд богат документами, описывающими мухаджирское движение кавказских горцев. Однако самый большой архивный материал, характеризующий переселенческое движение, удалось обнаружить в фондах архивов: Внешней политики Российской империи (Ф.180 – Посольство в Константинополе), ОРФ СОИГСИ (Ф.17) и ЦГА РСО-А (Ф.19 – Временная канцелярия по переселению туземцев Терской области в Турцию).

Уникальные документы, не имеющие дубликатов в других архивных хранилищах, содержат фонды Российского государственного исторического архива (г. СПб.) – Ф.821 (Департамент духовных дел иностранных исповеданий) и Ф.1022 (Личный фонд начальника отделения Департамента духовных дел иностранных исповеданий). Документы из этих фондов дают возможность не только выяснить позиции властей в отношении мусульманской религии и исламского духовенства на Северном Кавказе, но и содержат проекты организации духовного управления мусульман Терской и Кубанской областей[425].

Фонд 866 РГИА (Фонд М.Т. Лорис – Меликова (1844-1913)) представлен официальной перепиской начальника Терской области с вышестоящими инстанциями, черновиками его проектов по различным преобразованиям административного управления области, которые позволяют оценить личную позицию политического деятеля, сыгравшего важную роль в вопросах выработки основных принципов управления горцами Терской области в первое послевоенное десятилетие. В РГИА для нашего исследования интересен также фонд № 547 – Придворная контора великого князя Михаила Николаевича (1834-1910), хранящий ценные документы по истории наместничества на Кавказе. Особенно большим количеством фондов личного происхождения располагает ГА РФ. Здесь находится фонд 649 – Михаила Николаевича, сына Николая I, Наместника на Кавказе, содержащий 792 единицы хранения; фонд 601 – Николая II (1868-1918); фонд 569 – М.Т. Лорис – Меликова; фонд 677 – Александра III (1845-1894) и фонд 678 – Александра II (1818-1881) – составляющий 1 177 единиц хранения. В фонде 649 имеются личные дневники Михаила Николаевича за 1840-1898 годы; а в фонде 678 хранятся документы, относящиеся к военной и государственной деятельности Александра II. Фонд наместника на Кавказе содержит большое количество докладов, приказов, рапортов, ведомостей и других материалов, касающихся Северного Кавказа.

3) Статистические документы

Документы статистического характера можно почерпнуть в различных архивах. Первые официальные статистические сведения появляются на Северо – Восточном Кавказе в начале XIX века. С 1834 по 1839 г., после занятия чеченских сёл русскими войсками была сделана первая перепись числу домов и жителей в каждом селении и показано краткое статистическое описание всех народов на левом фланге военной линии[426]. Важным статистическим источником в РГВИА является фонд 330 (Главное управление казачьих войск), в котором хранятся ведомости, сметы доходов и расходов Терского казачьего войска. Фонд 644 (Штаб командующего войском Терской области) содержит архивные дела, являющиеся и актовыми и статистическими источниками по истории всего населения Терской области. В фонде № 330 РГВИА хранится дело, описывающее «…квартирное положение и числительное состояние Терского казачьего войска».

Очень ценным является фонд № 400 РГВИА, располагающий списком чеченских военнослужащих и каталогом наградного отделения. Важным является также фонд № 14 505, в котором представлен послужной список рядового состава Чеченского полка.

К важным статистическим источникам можно отнести и карты, которые в основном и составлялись под руководством статистических комитетов. В фондах государственного исторического музей (ГИМ) имеются карты Кавказского края. Интересной по содержанию является «Генеральная карта Грузинских царств Кахетии, Карталинии, и Царства Имеретии с Его княжествами Гуриею и Мингрелею с окрестными областями, и народами обитающими в горах Кавказа. Сочинена полковником и кавалером Бурнашевым в 1784 году в Тифлисе» (ГИМ ОК. ГО –2958). Карта рукописная, с утратами. Народы на карте показаны в местах их расселения. При изучении населения, этнической истории недостаточно используются эти материалы. Старые карты, наряду с данными статистики, исторической географии, археологии, этнографии и других смежных наук, могут быть достаточно успешно привлечены для разрешения некоторых вопросов этнической истории народа, путей миграции, экономики и т.д.[427]. Территориально – административное устройство Кавказа и этнографические карты, изменявшиеся со временем, дают яркое представление об объекте и результатах проведения национальной политики в XIX веке. Важнейшим источником, например, являются уникальные карты школьной сети Кавказского учебного округа, составлявшиеся его администрацией для внутриведомственного использования. Карты дают четкое представление не только о количестве и локальном размещении школ на Северном Кавказе, но и их типе, ведомственной принадлежности и источнике финансирования. Этот картографический источник являлся одним из самых объективных, так как составлялся для совершения инспекторских проверок учебных заведений, искажение сведений о которых могло привести к ведомственным ошибкам[428].

Годовые отчёты начальников Терской области, содержащие обобщённые областным статистическим комитетом материалы по социально-экономическому состоянию области дают возможность оценить степень эффективности деятельности местной администрации в регионе. Особенно большим числом таких материалов располагает Центральный государственный архив республики Северной Осетии – Алании. Фонд 12 (Канцелярия начальника Терской области) и фонд 19 имеют необходимые статистические материалы. Фонд 262 (Комиссия для разбора

сословных прав) имеет статистические сведения о лицах привилегированного сословия горцев Кубанской и Терской области.

После того, как был безвозвратно потерян Чеченский республиканский архив, посемейные чеченские списки сохранились только в ЦГА РСО-А. Хотя и здесь списки далеко не всех сёл сохранились, но они уникальны по своей сути, т.к. содержат не только сведения о жителях, но и показывают их материальное благосостояние. Особенно скудны наши сведения о поселениях и жилище населения горной Чечни. Фактически здесь приходится более оперировать аналогиями и догадками, чем точными данными. Причина этого заключена в недостаточной археологической изученности горных районов и почти в полном отсутствии письменных известий. Так, например, сирийский церковный писатель Захарий Ритору (VI в. н.э), утверждал, что в его время на Северном Кавказе имелась развитая городская жизнь, несмотря на то, что большая часть земель на равнине принадлежала кочевым скотоводческим племенам[429], но археологических подтверждений этому до сих пор не найдено.

Волна уничтожения документальных материалов в мечетях, примечетских библиотеках и частных коллекциях, касающихся прошлой истории, пришлась на 1918-1938 годы. Многие хранители документов, будучи муллами, кадиями, вероучителями, подвергались преследованиям органами ВЧК. В период массовых беззаконий, особенно тюремного заключения мусульманских священнослужителей высылке кулаков из Чечено-Ингушетии, исторические документы частью прятались, частью попадали в руки блюстителям порядка, а частью просто сжигались. В результате массового переселения горных аулов на равнины и депортации чеченцев в Среднюю Азию, большая часть уникальных документов утеряна безвозвратно[430].

Государственный архив Ставропольского края представил в 80-м фонде Всеобщую перепись населения, проводившуюся на Кавказе. Здесь можно ознакомиться с образцами переписных листов и циркулярами, касающимися специфики местной переписи. В 302 фонде ГАСК имеются именные списки воспитанников Ставропольской гимназии.

Фонд 1290 РГИА целиком посвящён деятельности Центрального статистического комитета МВД Российской империи. В данном фонде Центральным статистическим комитетом Терской области представлен «Список волостей по Терской губернии».

Интересным для нашего исследования является фонд №5 ОРФ СОИГСИ, в котором находится «Алфавитный список населённых мест Терской области».

4) Описательные источники

Описательные архивные материалы большей частью хранятся в архиве литературы и искусства (РГАЛИ). Так, фонд № 191 содержит ценные материалы (статьи, заметки), характеризующие М.Т. Лорис – Меликова. Архивные описательные источники широко представлены и в Государственном архиве Российской Федерации. В фонде 569 (фонд М.Т. Лорис – Меликова) хранятся его записные книжки, во многом раскрывающие как личные качества, так и его, далеко не простые взаимоотношения с коллегами, во время прохождения службы на Кавказе. В фонде № 569 содержится обширная переписка М.Т. Лорис – Меликова с Александром II. Тёплые, доверительные отношения между этими людьми сыграли немаловажную роль в судьбе М.Т. Лорис – Меликова и всей России.

К описательным материалам в основном относятся отраслевые источники. Редкими, неповторимыми и неиспользованными историками делами располагает Российский Федеральный геологический фонд. Он был образован в 1937 году как Всесоюзный геологический фонд (ВГФ) в составе Главного геологического управления Наркомата тяжелой промышленности СССР в целях объединения и эффективного использования материалов о результатах работ в области поиска, разведки и изучения месторождений и промышленного освоения природных ресурсов. До 1937 года сбором документов по геологии занимались несколько учреждений, в том числе так называемый Геологический комитет (Геолком,1882-1931). Центральное управление промышленных разведок (ЦУПР, с 1918 г.), профильные научно – исследовательские институты, Центральная геологическая библиотека Главного геологоразведочного управления ВСНХ (ГГРУ, с 1930 г.) и др. В 1973 г. на базе ВГФ и подчиненных ему организаций было образовано Объединение «Всесоюзный геологический фонд» (Союзгеолфонд). В декабре 1991 г. объединение Союзгеолфонд было передано в ведение Государственного комитета РФ по геологии и на его базе образован Росгеолфонд.

Росгеолфонд имеет сеть территориальных геологических фондов на местах (республиканских, краевых и областных), которые собирают и хранят профильную документацию. Архивохранилища Росгеолфонда содержат неопубликованную геологическую документацию по истории развития геологии и геологических работ в Российской империи, СССР с 1745 по 1992 гг. Архив насчитывает 3453500 единиц хра-

нения. Здесь концентрируются все материалы по геологоразведочным, геологическим, инженерно – геологическим и гидрогеологическим работам, относящиеся к поискам, разведке и изучению всех месторождений независимо от времени производства этих работ, а также данные о запасах полезных ископаемых по месторождениям (отчеты, рапорты, картографические материалы)[431]. В настоящее время Росгеолфонд представляет из себя тематическую коллекцию документов по геологическому изучению недр на территории России[432]. Из-за недостатка служебных помещений Росгеолфонд вынужден был уничтожить часть архивов, касающихся развития нефтяного дела на Кавказе. В данной работе впервые в исторической исследовательской практике приводятся ценные архивные документы Росгеолфонда, описывающие чеченские нефтяные месторождения, процесс разведки и нефтедобычи не только в районе города Грозного, но и в высокогорных, труднодоступных местах Чечни.

Почти в каждом фонде РГИА можно обнаружить описательные источники, но особенно много их в фонде № 20 (Департамент торговли и мануфактур) и фонде № 565 (Департамент государственного казначейства). Много статистических, экономических, этнографических сведений о Российской империи и Северном Кавказе можно почерпнуть из фонда № 414 РГВИА. Огромной коллекцией редких кавказских карт располагает Военно-исторический архив. Картографическому материалу посвящён не только целый фонд (423) РГВИА, но также большое число карт представлено в фонде ВУА, например, одной из них является Карта Астраханской губернии, Каспийского моря, Большой и Малой Кабарды (1765 г.), а также Карта земель Чеченских (1825 г.).

В документах архива Российского этнографического музея удалось обнаружить описание народного искусства Северного Кавказа и исследовать способы получения предметов кустарных промыслов чеченцев, собранных в данном музее[433]. Уникальными личными фондами, мало использующимися в своих работах историками, располагает Государственный исторический музей. В данном хранилище удалось обнаружить документы по истории развития учебного дела на Кавказе в фонде № 371 (Зайцева А.П. – директора учебных учреждений Терской области) и фонде № 372 (Неверова Я.М. – попечителя Кавказского учебного округа). Интересным для исследования чеченских кустарных промыслов является фонд № 227 (фонд Комитета для устройства в Москве музея прикладных знаний) Центрального исторического архива г. Москвы. В

одном из дел данного фонда удалось выявить переписку организаторов выставки с наместником на Кавказе об устройстве отделения Кавказской коллекции при Московской Политехнической выставке 1872 года.

В музее антропологии и этнографии им. П. Великого (МАЭ РАН), в отделе Кавказа хранится фонд, в котором собраны редкие фотографии чеченцев и чеченок (№121-105, 136-22, 1403-23). Уникальными фотографическими снимками, ярко иллюстрирующими историю Кавказа, обладают Государственный Центральный музей современной истории России (ГЦМСИР) и Российский государственный архив кинофотодокументов (РГА КФД). Здесь представлены и фотографии горцев и казаков во время встречи с императором во Владикавказе и редкое фото казни горца[434]. Фотография, появившаяся в конце XIX в., представляет самостоятельный вид исторического источника, фиксирующего события или явления. Кроме систематизированных фотофондов, существует обширный корпус разрозненных фотоматериалов, содержащихся в фондах, посвященных разным темам. Так, отдельные фотографии раскрывают некоторые стороны жизни горских народов намного ярче других источников. Сами по себе фотографии не содержат каких либо исторических обобщений, являясь «моментальным слепком» – фиксируя в мельчайших подробностях детали давно ушедшей жизни. Однако эта группа источников хорошо дополняет и подтверждает выводы, сделанные на основании текстовых документов[435].

Рукописный отдел Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН хранит самое крупное в России собрание восточных рукописей и ксилографов на 45 языках, начиная с самого раннего египетского папируса X в. до н.э. и бронзовой таблички с Южно-Аравийского полуострова[436]. Для нашего исследования особенно интересными являются материалы по географии, истории и этнографии Кавказа и сохранившиеся фрагменты Словаря чеченского языка, представленные во II Разряде данного архивохранилища.

В проведённой исследовательской работе нами были изучены документы не только российских, но и зарубежных архивов. О пристальном внимании Великобритании к Кавказу и проникновению туда России сказано и написано много. Об этом же красноречиво свидетельствуют и документы английских архивов. Мы рассматриваем в своей работе один из них – доклад военного атташе Посольства Великобритании в Санкт – Петербурге, полковника Айвора Герберта, хранящийся в старейшем английском архивохранилище – Public Record Office[437].

Опубликованные источники, использованные при написании данной работы, могут быть разделены на следующие группы: 1) сборники законодательных актов; 2) сборники документов; 3) статистические сборники; 4) мемуары; 5) горские источники; 6) периодическая печать.

1) Сборники законодательных актов

Ценность законодательных актов, как исторических источников заключается в том, что они по своему назначению фиксируют наиболее существенные черты, способы и методы управления, а это позволяет проследить их эволюцию. Для более полного освещения истории края возникла необходимость особенно тщательного рассмотрения системы нормативных и законодательных актов правительства, регламентирующих правовое положение народов[438].

К первой группе опубликованных источников относится Полное собрание законов Российской империи. ПСЗ представляет собой свод законодательных актов, расположенных в хронологическом порядке, по номерам и датам утверждения каждого акта царём. Составлением и изданием ПСЗ занималось III отделение Собственной Е.И.В. канцелярии (1826-1882). Второе издание (собрание) ПСЗ выпускалось ежегодно с 1830 по 1884 гг. и охватывало более 60 тыс. законодательных актов с 12 декабря 1825 года по 28 февраля 1881 года[439].

В исследовании также использованы нормативные акты, принимавшиеся по вопросам административного управления, для регламентаций действия властей в других сферах управления на Кавказе, содержащиеся в самом обширном сборнике законодательных актов, каким является «Полное собрание законов Российской империи» (Собр. 2-е и 3-е) и в своде Законов Российской империи: Т.2. Ч.2. – Учреждения управления Кавказского края (СПб.,1886); Т.3. Кн.2. (СПб.,1896); Т.11. Ч.1. – Уставы духовных дел иностранных исповеданий (СПб.,1896).

Наиболее радикальными из законодательных актов правительства являются «Положения» об управлении Кавказом и указы, т.к. ими определяется политическое состояние края, связанное с окончанием Кавказской войны. Реформы, проведённые в 1880-х годах, отразившиеся в законодательных актах, ознаменовали следующий этап управленческой политики российского правительства. В числе наиболее важных для нас законодательных актов, имеющихся в данных собраниях законов,

«Положение об управлении Терской областью» от 29 мая 1862 года; Высочайше утверждённое мнение Гос.Совета «О преобразовании административных учреждений в Кубанской и Терской областях» от 30 декабря 1869 года, «Учреждение управления Кавказского и Закавказского края» 1883 года. Дополнением к «Полному собранию законов» являются сборники, своды узаконений, представляющих тематическую и региональную подборку указов правительственных учреждений, например, «Законодательные акты, касающиеся Северного Кавказа и в частности Терской области» (Владикавказ,1914), «Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам» (СПб.,1877). В 1899 году Я.А. Канторович составил сборник «Законы о вере и веротерпимости». В этом сборнике собраны и систематизированы все постановления действовавшего законодательства, касавшиеся веры, веротерпимости. Постановления эти ранее были разбросаны по разным томам и отделам Свода Законов и многие из них даже были едва знакомы юристам, не говоря уже о простых гражданах, которых эти законы касались[440].

2) Сборники документов

За короткое время (2 – 4 десятилетия) в Кавказском крае возник целый ряд научных учреждений, публиковавших источники по истории присоединения края к России[441]. Фундаментальным изданием документов, освещающих не только военную и политическую историю Кавказа, но и историю изучения его исторических и археологических памятников, являются АКАК – «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией»[442]. Кавказская археографическая комиссия была создана в Тифлисе, по инициативе начальника Главного управления Кавказского наместника, статского секретаря А.П. Николаи. 11 марта 1864 г. вышел Приказ (предписание) наместника на Кавказе № 114 (на имя начальника Главного управления Николаи) «Об учреждении при Главном управлении наместника на Кавказе археографической комиссии». Цель Комиссии – «разбор местных архивов» и издание материалов на восточных языках – « с русским переводом и критическими замечаниями»[443].

Архив наместника Кавказского увеличивался по мере расширения деятельности русской и грузинской администрации и со временем в нём отложилось такое количество документов, что с ними трудно стало работать, а тем более хранить. Поэтому возникла необходимость определить

ценность каждого документа и решить оставить его на постоянное или временное хранение, с последующим уничтожением. К 1866 году Архив главного управления наместника Кавказского состоял из 128000 дел и 877 переплетённых томов. Эти дела содержали огромную информацию и служили богатым источником разнообразных сведений об истории Кавказа. 26 апреля 1883 г. был издан Указ Александра III (мнение Гос. Совета, высочайше утвержденное) «О временном сохранении в Тифлисе археографической комиссии» – для окончания разбора архивов края.

Издание «Актов Кавказской археографической комиссии» – ощутимый результат деятельности комиссии и её председателя. Каждая книга «Актов» – монументальный труд, как по объёму, так и по содержанию. Все тома большого формата, в среднем включают в себя около 1800 документов на 1200 и более страницах. Каждый том имеет предисловие, написанное А.П. Берже. Специально для издания «Актов» были приобретены немецкие и американские печатные машины, что позволило издать книги в прекрасном полиграфическом исполнении. Деятельность Кавказской археографической комиссии даёт возможность уже 140 лет пользоваться документами Главного архива Кавказа, который находился в Тифлисе[444]. Издание охватывает период с 1799 по 1862 год, но в первых томах помещён ряд документов более раннего времени. «Акты» представляют собой публикацию документов, извлечённых из архивов наместничества Кавказского, и являются для историков наиболее ценным материалом. Их основной недостаток – подбор материала, произведённый почти исключительно с точки зрения военной истории. Правда, каждый том включает так называемую «гражданскую часть», но так как весь Северо – Восточный Кавказ находился под управлением военных властей, то в гражданской части «Актов» документов по социально-экономической истории Чечни, за единичными исключениями, не встречается[445]. В XII томе АКАК собраны документы, свидетельствующие о первых шагах властей по организации административно – территориального устройства Северо – Восточного Кавказа после завершения войны. Среди них приказ об образовании Терской области, об организации Терского казачьего войска. Содержащаяся в этом томе «Инструкция для начальников Левого крыла Кавказской линии» даёт представление о принципах системы «военно-народного» управления[446].

Число издававшихся на Кавказе сборников документов, периодических изданий нельзя не признать весьма внушительным. Ничего подобного в этом смысле не знали Средняя Азия, Сибирь, Поволжье,

Север[447]. Надо отдать должное некоторым начинаниям Кавказской администрации в изучении истории, природы и культуры народов Кавказа. Факт широкого развития в XIX веке в Кавказском крае печати представляет большой интерес. В 1892 г. всего на Кавказе выходило 34 периодических издания, в том числе: на русском языке – 21; армянском – 7; грузинском – 5; французском – 1. Ценность изданий правительственных учреждений многократно возрастает, если учесть тот факт, что в годы гражданской войны, в 1920 г. и в годы Отечественной войны, Чеченской войны, часть Кавказских архивов погибла, и многие утраченные ныне подлинно исторические документы имеются только в публикациях правительственных учреждений. Своей публикаторской деятельностью правительственные учреждения Кавказского края внесли определенный вклад в развитие русской дореволюционной археографии, разработав ряд вопросов методики публикации источников[448].

В 1864 году в Тифлисе была создана учёная комиссия по подготовке к изданию документов «Архива Главного управления наместника Кавказского»[449]. Военно-исторический отдел штаба Кавказского военного округа был учреждён в январе 1880 года. Назначение его состояло в следующем: 1) в сборе и издании материалов – для изучения истории Кавказской войны и истории частей войск Кавказской армии, а также для разбора архивов Кавказского военного округа. В дальнейшем задачи отдела и, прежде всего, издательские, значительно расширились. В разное время работой отдела руководили военные историки И.С. Чернявский, В.А. Потто, С.С. Эсадзе, сыгравшие большую роль в успешной издательской деятельности отдела. За 40 лет работы отдела было издано 32 тома «Кавказского сборника», статистические сборники и сборник фотодокументов[450]. Общий характер подбора документов в «Кавказском сборнике» был тот же, что и в «Актах»: уходит в тень сущность колониальной политики царизма, отбрасываются документы по внутренней истории горцев. И всё же, значительная часть документов очень важна и интересна для современного исследователя, прежде всего своей уникальностью[451]. В 1876 г. в Тифлисе увидел свет первый том «Кавказского сборника», собрания важнейших источников по истории Кавказской войны.

Цели и задачи сборника формулировались относительно узко: изучение военно-исторического материала Кавказской войны, сбор и публикация свидетельств, сохранившихся в архивах и в воспоминаниях очевидцев. Не последнюю роль играли также идеологические и «воспи-

тательные» цели, важнейшей из которых было сохранение и укрепление того особенного духа кавказских войск, который столь ярко проявился в войнах. «Кавказский сборник» издавался Военно-историческим отделом штаба Кавказского военного округа по указанию главнокомандующего Кавказской армией великого князя Михаила Николаевича. Редакция «Кавказского сборника» немало внимания уделяла работе с материалами из кавказских архивов. Благодаря Н.А. Волконскому, помощнику начальника штаба Кавказского военного округа, и Е.Д. Фелицыну, председателю Кавказской археографической комиссии, были подготовлены к печати и опубликованы многие документы из архивов края, многие из которых в настоящее время утрачены. В «Кавказском сборнике» также публиковались материалы, связанные с историей и этнографией народов Кавказа. Ценные сведения по этнографии содержатся в записках Ивана Загорского, студента Виленского университета, сосланного на Кавказ и попавшего в 1842 г. в плен к Шамилю[452].

Отбирая источники, в основном, правовые, могущие принести практическую пользу государственному управлению, составители мало обращали внимание на источники, освещающие историю культуры горцев. Если в «Кавказский сборник» и попадали источники по этой теме, то, как правило, они представляли горцев «отсталыми» и «темными». Очень мало публиковалось документов из центральных архивов, хотя в них и содержалось большое количество источников по истории Кавказа. Отбор источников часто был односторонним. Так, например, в «Кавказском сборнике» публиковались в основном документы о подвигах русской армии, и почти нет документов, свидетельствующих о героизме и самоотверженности горцев, защищавших свою родину. К положительным моментам можно отнести то, что в издание включены разнообразные виды источников, что выгодно отличает их от многих крупных серийных изданий России того периода[453].

Деятельность военно – исторического отдела по разработке истории Кавказской войны, забота о военных архивах края снискали отделу уважение и известность. Отдел руководил работой офицеров, составлявших историю войсковых частей, помогал в поисках необходимых для работы историков, писателей документов. Так, в 1902 году Военно-историческим отделом по просьбе Л.Н. Толстого была выполнена работа по выявлению архивных документов о деятельности наиба Шамиля – Хаджи – Мурата, которые были использованы писателем при написании его известной повести «Хаджи-Мурат».

К возобновлению издания «Кавказских сборников» приступил Центр Кавказских исследований МГИМО (У) МИД России совместно с издательством «Русская панорама». Структура нового «Кавказского сборника» задумана таким образом, чтобы отразить главную идею – открыть перед читателем широкую панораму кавказоведческих проблем в контексте органичной связи между настоящим и прошлым, а также осторожной проекцией на будущее[454].

В конце XIX века правительственным учреждением – Управлением Кавказского учебного округа – было предпринято ещё одно крупное издание – «Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа». Основной установкой издания было создание монографических описаний отдельных местностей Кавказа. Инициатором издания сборника был попечитель Кавказского учебного округа Кирилл Петрович Яновский[455]. С 1881 по 1915 год в Тифлисе вышло 44 выпуска «Сборника материалов для описания местностей и племён Кавказа». Кавказские учителя были преимущественно авторами статей[456].

Важное место среди источников занимают опубликованные в дореволюционный период официальные документы по учреждению и деятельности научных комиссий и обществ. Это такие издания, как «Сборник сведений о Северном Кавказе (Ставрополь), «Известия Кавказского отдела Русского Географического общества» (Тифлис), «Записки общества любителей Кавказской археологии», «Известия Кавказского общества истории и археологии» (Тифлис), «Известия императорской Археологической комиссии» (СПб.)[457].

Кавказское отделение Русского Географического общества издавало свои Учёные Записки (ЗКОРГО), авторы которых внесли существенный вклад в изучение Кавказа. Огромную работу провели русские ориенталисты, археологи, по изучению древних культур народов Северного Кавказа, Причерноморья, Средней Азии и других регионов с памятниками древних цивилизаций. Найденные ими материалы, выставленные в Эрмитаже и других крупных музеях России, описанные в монографиях и специальных трудах, стали достоянием мировой науки и открыли человечеству богатство ушедших культур[458].

Подведем итог. После завершения кровопролитной Кавказской войны, прежде всего, необходимо было идеологически обосновать (в глазах общественности и Запада) присоединение Кавказа к России и эта задача негласно была поставлена перед представителями науки и культуры. Значительную роль в выполнении этой цели играла публикаторская

деятельность правительственных учреждений. Действуя, ориентируясь на сугубо идеологические и практические задачи, правительственные учреждения Кавказа своей публикаторской деятельностью создали ценную источниковую базу для исследования истории Кавказского края[459].

Из публикаций, осуществлённых в советское время, следует указать, прежде всего, на «Материалы по истории Дагестана и Чечни», опубликованные в 1940 году в Махачкале. Они извлечены из центральных архивов, главным образом из Центрального военно-исторического архива. К сожалению, многие интересные дела, особенно из ленинградских архивов, не нашли себе места в публикации.

Из последних изданий сборников документов особенно любопытным для нашего исследования является работа «Граф М.Т. Лорис – Меликов и его современники», увидевшая свет в 2004 году. Данная книга – первое в нашей литературе собрание документов о генерале-реформаторе, включающее официальные материалы, российскую и зарубежную прессу разных направлений, дневники и письма современников, воспоминания его сторонников и недругов. В работе представлены также тексты докладов, служебных записок и личных писем М.Т. Лорис – Меликова, в абсолютном большинстве своём малоизвестных и впервые публикуемых. Одна из групп документов и материалов, особо актуальная для наших дней, рассказывает о сложной и тонкой, не сводившейся к военным и карательным действиям политика генерала, направленная на «замирение Чечни»[460]. Данный сборник документов и комментарии к нему были составлены В.А. Твардовской и Б.С. Итенбергом. Безусловно, ими была проделана большая и необходимая работа, однако она имеет и ряд существенных недостатков. Прежде всего, удивляет некомпетентность заявления авторов о том, что после 15-летнего вхождения Чечни в состав Российской империи она не была полностью включена в систему государственного управления. Для изучения этого вопроса составителям, по крайней мере, было необходимо ознакомиться полностью с цитируемыми монографиями по кавказоведению, а не «выдёргивать» из них лишь некоторые фразы и делать по ним обобщающие выводы. Понятие распространения государственного управления на разные области жизни чеченцев составители сборника подменяют понятием недостатков данной управленческой системы, что создаёт искривлённое понимание исторических процессов у читателей.

Составители также заявляют о действии на территории Терской области шариата, не уточняя при этом, что в 60-70-х годах XIX века в

данном регионе уже действовало в основном российское законодательство («гражданское» и военно-полевой суд), адаты рассматривали лишь небольшую часть дел, касающихся в основном семейной жизни горцев. Шариат вообще был практически вытеснен, в результате целенаправленной государственной политики, из сферы производства. Работа по составлению данного сборника документов велась на средства «гранта», что позволяло авторам собрать материалы о Лорис – Меликове не только в московских архивах, но и в хранилищах Осетии, Астрахани и, наконец Петербурга, где данный чиновник долгое время работал, однако дела РГИА использовались ими лишь фрагментарно, хотя данный архив хранит один из самых больших фондов в стране, посвящённых М.Т. Лорис – Меликову. Также настораживает пренебрежительное отношение к техническому оснащению работы, что мешает читателю полноценно её использовать. Речь идёт о том, что в конце сборника отсутствует полный список всех использованных архивных фондов и документов. Исследователю приходится тратить много времени на подстрочные поиски материалов.

В 2001 году Д.Ю. Араповым был опубликован сборник «Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика)», в который была включена наиболее полная на сегодняшний день подборка имперских законодательных актов о российской мусульманской общине, статистические материалы по отечественному исламу, истории мусульманских народов в Российской империи[461].

В 2005 году вышел в свет сборник документов под названием «Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля». Данный сборник составлен из документов, выявленных составителями в центральных и местных архивохранилищах России и частных коллекциях. Материалы сборника в основном составляют официальную переписку Кавказской администрации: отношения, рапорты, донесения, предписания, приказы по войскам, различного рода отчёты, обзоры, письма местным владетелям и др. Значительное число документов сборника составляют материалы, вышедшие из горского лагеря. Это письма Шамиля к наибам и жителям имамата, донесения, обращения к имаму и другие материалы. Сборник снабжён научно-справочным аппаратом, который состоит из приложения, развёрнутых указателей имён и географических названий, перечня публикуемых документов, терминологического словаря и списка сокращений[462].

3) Статистические сборники

Документы статистического характера присутствуют в опубликованных отчётах начальников Терской области и наместников на Кавказе[463]. В тоже время отчёты наместников и губернаторов страдают неточностями и субъективизмом из-за стремления местных чиновников приукрасить и возвысить или, наоборот, принизить те или иные черты народов Кавказа, в связи с чем, эти документы необходимо рассматривать в комплексе с другими текстами делопроизводственного характера[464].

К документам статистического характера относятся также материалы ежегодных «Кавказских календарей», куда включались статистические данные по различным сферам деятельности администрации Кавказского края. «Терские календари», включавшие, среди кратких сведений о Терской области, информацию о персональном составе административного аппарата управления, позволяют изучить состав чиновничества области. «Кавказский календарь» и «Терский календарь» являлись местным изданием «Адрес-календаря».

До 70-х годов XIX века редакторам «Кавказского календаря» не хватало в регионах профессионально подготовленных корреспондентов, которые могли бы обеспечивать издание качественной статистической и справочной информацией по каждому административному району. Как центр управления всем Кавказом, Тифлис испытывал постоянную потребность в информации о каждом регионе, входящем в Кавказское наместничество. Для реализации управленческих функций администрация нуждалась в том, чтобы в изданиях Кавказского статистического комитета публиковали данные по Тереку, Кубани, Дагестану. Тем не менее, таких публикаций практически не было. Только открытие областных и губернских статистических комитетов, формирование авторского корпуса на местах, наличие постоянно поступающей информации позволило составителям «Кавказского календаря» чаще обращаться к локально-территориальным темам[465].

«Терский календарь» издавался во Владикавказе Терским областным статистическим комитетом с 1890 по 1915 гг. «Терский календарь» был общественно-политическим и статистико-экономическим сборником. «Терский сборник» являлся литературно-научным приложением к «Терскому календарю» и в силу этого представляет большой научный интерес для исследователя[466].

Одним из самых важных источников по истории Чечни, являются материалы первой и единственной в своём роде переписи населения Российского государства, проведённой в 1897 году. Эти опубликованные в 89 томах итоги переписи являются единственным источником, который даёт сравнительное представление обо всём населении Российской империи и позволяет сопоставить друг с другом этнические и социальные факторы и характеристики. В плане задач и проблем нашего исследования особенно важным здесь является то обстоятельство, что данный источник включает в себя дифференцированные и детализированные этнические категории (родной язык, религия) и представляет их в связи с такими социальными категориями, как городское / сельское население, сословие, профессия и уровень образования. Таким образом, материалы переписи населения позволяют осветить и выявить существенные социальные, экономические и культурные аспекты многонациональной Российской империи. Хотя степень достоверности и точности, данных переписи населения 1897 года уже её современники постоянно подвергали сомнению, однако новейшие исследования показали, что данные этой переписи в основном можно считать достоверными[467].

Материалы первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года содержат данные о численном составе различных категорий населения Терской области, а также информацию о степени участия разных групп населения в той или иной сфере деятельности, в том числе и в сфере административного управления[468]. Ежегодно Терским областным статистическим комитетом публиковался «Обзор Терской области», где исследователь может почерпнуть много информации по самым разнообразным вопросам[469]. Попытки произвести перепись населения в той или иной части Чечни (да и всего Северного Кавказа) зачастую оканчивались неудачей, поскольку горцы с подозрением и откровенным неприятием относились к любым попыткам переписи («пересчёту голов»), предполагая, что делается это явно во враждебных целях – либо для установления налогов, либо для отправки в солдаты, либо для выселения в Сибирь. Считалось это «грехом» и с точки зрения религиозной. Ф.Ф. Торнау очень верно охарактеризовал эту ситуацию: «Все цифры, которые обозначали кавказское население, брались приблизительно и, можно сказать, на глаз,…так как по понятиям горцев, считать людей было не только бесполезно, но даже грешно: почему они, где можно было, сопротивлялись народной переписи, или обманывали, не имея возможности сопротивляться»[470].

4) Мемуары

Особую группу документов составляют мемуары, частные письма, дневники и воспоминания представителей русской администрации на Кавказе. Из опубликованных писем наибольший интерес представляют письма двух наместников – А.П. Ермолова и М.С. Воронцова. Письма Ермолова дают много ярких и красочных характеристик, вскрывающих характер кавказских деятелей и совершенно откровенно, без маскировки показывающих отношение официальных представителей власти к горцам. Из писем Ермолова видно, что «проконсул Кавказа» ясно и отчётливо понимал истинные цели завоевания и не стеснялся высказывать их вслух. Вряд ли можно найти в документации более откровенные высказывания, чем-то, что вышло из-под пера А.П. Ермолова. Отсюда ценность этой переписки для историка, занимающегося проблемами кавказской политики царизма. Письма Воронцова написаны в более дипломатичном стиле. Он тщательно прикрывает то, о чём Ермолов пишет не стесняясь. Поэтому переписка Воронцова часто оказывается только не лишенным значения дополнением к его официальным бумагам. Время от времени в его письмах проскальзывают детали, отсутствующие в опубликованных официальных документах[471]. Мемуарная литература способствует воссозданию социально-психологической обстановки, в которой происходило исследуемое событие, содержит яркие портретные характеристики деятелей кавказской администрации[472]. Многие из царских генералов, занимавших руководящие посты на Кавказе, писали мемуары[473]. Интересно большинство мемуаров главным образом теми бытовыми штрихами и характеристиками, которые ярко рисуют методы политики царизма и его отдельных представителей.

Дневники и воспоминания представляют собой одну из групп исторических источников. При всём субъективизме этой группы источников, а следовательно, при необходимости весьма критического подхода к ним, дневники и воспоминания представляют исключительную ценность, как содержащие материалы, не находящие отражения ни в официальных документах, ни в источниках других типов[474]. Дневники, а также воспоминания дают представление о другой – закулисной стороне изучаемого явления, позволяют уточнить приводимые в официальных материалах сведения[475].

Начальник штаба Кавказской армии Д.А. Милютин сыграл важную роль в окончании войны и покорении Кавказа. Изучение его деятель-

ности в этот период по сохранившимся воспоминаниям представляет особый интерес в современных условиях[476]. Д.А. Милютин предложил новые пути и методы решения проблемы мирного урегулирования кавказских конфликтных вопросов. Успех реализации военной политики России на Кавказе, по мысли Милютина, возможен лишь в том случае, если будут созданы и учтены уроки Кавказской войны. Суть их, по его мнению, сводилась к следующему:

1. Истинное покорение должно совершаться постепенно, можно сказать, само по себе. На первое время успокоить край и умы народов, населяющих Кавказ, установить с ними хорошие взаимоотношения.

2. Необходимо загладить те жестокости и несправедливости, которыми мы восстановили против себя кавказские народы. Перестав думать о покорении, необходимо и не требовать всего того, что сопряжено с безусловной покорностью горцев. Не облагать податью и повинностями, которые не обогатят государственной казны. Не вмешиваться в их внутренние дела, не действовать наперекор их обычаям и религиозным убеждениям. Привлекать к себе духовенство там, где оно имеет влияние на народы. Не стремиться к разоружению горцев, поскольку разоружение есть следствие, а не средство успокоения края.

3. Стараться постепенно формировать в народе уважение к власти и чувство гражданственности. Поддерживать местную власть, кроме той, которая ненавистна самому народу. Усиливать влияние старейшин, обращаясь к ним в налаживании отношений с горцами.

4. Необходимо принять все меры, чтобы войска не были в тягость местному населению, для чего они должны быть совершенно независимы от местных властей. Ни в коем случае не должно быть насильственных контрибуции, разорения края. Важно стремиться к тому, чтобы народ перестал смотреть враждебно на войска, а видел в них своих защитников.

5. Для наказания враждебных покушений силой оружия необходимо отличать враждебные действия народа от разбойничьих действий малых партий и не налагать на народ ответственности за поступки нескольких людей.

Эти взгляды выдающегося политического деятеля той эпохи злободневны, актуальны и поучительны не только для того времени, но и в наши дни[477].

5) Горские источники

Особенно ценными для нашего исследования являются местные горские источники. Работ этих очень мало и они просто тонут в груде материалов, оставленных нам русской стороной, но тем ценнее каждая запись, исходящая от лиц, близко стоявших к руководству мюридистским движением или проповедовавших тарикат[478]. Письменные памятники эпохи Шамиля, изданные в XX веке в оригинале, не превышали двух десятков; среди авторов публикаций были И.Ю. Крачковский, А.М. Барабанов, А.Н. Генко, Г.В. Церетели и Р.Ш. Шарафутдинова.

В 2001 году вышел в свет сборник «Арабоязычные документы эпохи Шамиля». Составитель сборника, Р.Ш. Шарафутдинова, считала своей главной задачей ввести в научный оборот сами документы на языке оригинала, предоставляя возможность исследователям использовать их уже в историческом контексте, одновременно обращаясь к другим источникам (русским, европейским, восточным) и к библиографии вопроса. Документы в сборнике представлены арабским текстом, филологическими примечаниями, переводом, кратким комментарием к тексту и ссылками на литературу[479]. Документами сборника представлены все разновидности эпистолярных памятников – распоряжения и наставления Шамиля наибам, воззвания к отдельным обществам, решения по тяжбам, наложение штрафов и наказаний, обмен информацией о внутреннем положении в имамате и ходе военных действий, жалобы и прошения к наибам и Шамилю, обмен посланиями с иностранными державами, переписка с официальными русскими властями[480].

6) Периодическая печать

Историю народов Кавказа отражает и периодическая печать. Это, в первую очередь, местные правительственные издания – «Кавказ», «Терские ведомости»; ведомственные общероссийские издания – «Журнал Министерства народного просвещения», «Журнал Министерства юстиции», «Горный журнал», «Правительственный вестник»; общегосударственные издания, выходившие с 1867 года отражали политику России в целом и на Кавказе – в частности[481]. Неуклонный рост изданий в России был обусловлен не только экономическими факторами. Это объяснялось в огромной мере общим политическим подъёмом, ростом культуры и

образования в пореформенный период[482]. В то же время в ходе исследовательской работы достаточно много внимания было уделено периодике русского зарубежья. Интересные материалы удалось обнаружить в следующих газетах и журналах: «Военная быль» (Париж), «Кавказ» (Париж), «Посев» (М., Франкфурт), «Русская мысль» (Париж).

Наибольшую ценность для исследователя представляют различные статьи и заметки, печатавшиеся в газетах «Русский инвалид», «Кавказ», «Северный Кавказ», «Ставропольские губернские ведомости», «Церковная старина на Северном Кавказе», «Краеведение на Северном Кавказе» (Р н/Д), «Северокавказский край» (Р н/Д), «Тифлисский Вестник» и «Кавказское эхо» – еженедельные литературно-политические издания; «Обзор» – ежедневная литературно-политическая газета; «Терские Областные ведомости» – ежедневная политико-литературная газета; «Новое Обозрение» – литературно-политическая газета[483]. Наибольшие по объёму данные, относящиеся к развитию исторических и археологических исследований на Северном Кавказе в XIX веке, можно найти в журналах: «Кавказский Вестник» – первый толстый русский журнал на Кавказе; «Юридическое Обозрение»; «Кавказская Старина» – ежемесячный журнал; «Казбек» – иллюстрированный журнал; «Отечественные записки» (СПб.); «Вестник Европы» (СПб.); «Вестник общества древнерусского искусства» (М.); «Труды общества для изучения Северо-Кавказского края» (СПб; Киев); «Журнал Министерства внутренних дел» (СПб.)[484].

Население Российской империи узнавало о событиях на Кавказе из публикаций в «Русском инвалиде» – официозе военного ведомства. В ходе Кавказской войны правительство следило за тем, чтобы Россия получала информацию только из этого источника: в октябре 1850 г. вышел запрет всем газетам публиковать какие то ни было известия о положении в крае до появления информации об этом на страницах «Русского инвалида». Практически во все публикации царь и цесаревичи вносили исправления. Из текстов изымались сведения, которые, по мнению августейших цензоров составляли военную тайну. Фактическими авторами сообщений о событиях 1853-1856 гг. на Кавказе были военный министр В.А. Долгоруков и его ближайший сотрудник Д.А. Милютин, готовившие официальные публикации на основе поступивших к ним донесений. Но даже таких официальных сведений публиковалось очень мало. В 1830 году «Русский инвалид» всего один раз упомянул о войне на Кавказе. Военная слава была едва ли не главной основой националь-

ного самосознания в XIX столетии, и любые сомнения в правомерности действий, эту славу составлявших, выглядели неуместно. Армия была «священной коровой» и не могла стать объектом жесткой критики на страницах печатных изданий. Какое – либо сомнение в правомерности действий России на Кавказе, в необходимости жестких мер по отношению к горцам, вообще любое негативное отношение к этой войне ставило человека в позицию очернителя священной памяти павших героев[485].

В ходе работы над исследовательской темой особенно широко использовались местные, кавказские издания («Терские ведомости», «Терек», «Терская жизнь», «Кавказ» и др.). В ряде газетных статей были представлены данные о деятельности местной администрации, её официальные и неофициальные оценки. Из всех опубликованных источников материалы периодической печати следует выделить особо. Особенность газет того времени состоит в том, что они помещали на своих страницах решения и постановления местных органов власти и общественных организаций, многие из которых не отложились в архивах[486].

Первые сведения о восстании чеченцев в 1860-61 гг. сообщила газета «Кавказ». Изначально враждебное отношение газеты к повстанцам привело к тому, что основное место в сводках сообщений отводилось описанию разгрома восставших. Тем не менее, сведения, появившиеся в шести номерах этого официозного печатного органа, являются важнейшими источниками по истории восстаний. Первые сведения о начале и ходе восстания 1877 года опубликовала все та же газета «Кавказ», являвшаяся органом Кавказского наместничества[487].

Газета «Терские ведомости» издавалась Терским областным правлением с 1868 по 1917 год. Газета была крупноформатной и состояла из 2-х частей – официальной и неофициальной. Официальную часть подписывали чиновники канцелярии начальника Терской области. Народный защитник и борец за свободу и справедливость Коста Хетагуров дал «Терским ведомостям» острую политическую оценку, назвав их «Мерзкими ведомостями»[488]. Молодая горская интеллигенция, сама того не замечая и не придавая особого значения своему труду и наблюдениям, по крупицам собирала и создавала богатейшую историю многоликого Северного Кавказа. Русский царизм, проводивший на Кавказе колониальную политику, для более прочного овладения и гибкого управления здешними народами, проявлял широкий интерес к их психологии, жизни, быту, культуре – всё это отражалось на страницах периодической печати. Историк М. Джанашвили в конце XIX столетия опубликовал в

грузинской прессе интересные статьи, посвящённые прошлым культурным связям грузинского, осетинского и чеченского народов, о которых свидетельствовали сохранившиеся памятники материальной культуры. Заголовки статей говорили сами за себя: «Влияние грузинской культуры в Чечне и Осетии», «След, оставленный грузинами в Чечне» и др.[489]. Видное место в «Терских ведомостях» отведено было отделу библиографии. Газета широко знакомила своих читателей с лучшими сочинениями по истории и этнографии народов Северного Кавказа, регулярно давала критические обзоры наиболее значимых работ по кавказоведению.

Первым редактором «Терских ведомостей» был назначен замечательный представитель коренной кавказской интеллигенции второй половины XIX века, адыгеец Адиль-Гирей Кешев. Факт, что первый редактор русской официальной газеты на Кавказе – не русский, действительно, знаменательный и говорит о многом, а именно: в середине XIX столетия и даже ранее у кавказских народов, имеющих «стремление к просвещению очень большое», появляется своя работоспособная интеллектуальная элита[490]. В газету «Терские ведомости» А.-Г. Кешев пришёл зрелым публицистом. Высокий пост, который занимал он в ней, являлся замечательным опровержением нелестного мнения о горцах, бытовавшего тогда в реакционных кругах, которые зачастую не прочь были высокомерно поговорить о невежестве и бездарности здешних народов. К заслугам Кешева относится и то, что он привлёк к участию в газете горскую интеллигенцию, её лучшие творческие силы: Ч. Ахриева, М. Баева, Б. Гатиева, Г. Шанаева и других. Г. Шанаев являлся воспитанником Харьковского университета, был членом Эриванского окружного суда[491].

Литературная, политическая и общественная газета «Владикавказ» выходила в свет с 1895 по 1906 год. В ней постоянно сотрудничала передовая терская интеллигенция. Газета «Терек» издавалась во Владикавказе с 1882 по 1884 год. Редактором данной газеты бы прогрессивный деятель того времени – Ипполит Александрович Веру. Газета обличала пороки общества: бюрократизм, обман, лицемерие, национальную дискриминацию. За публикацию крамольных статей газета находилась под особым надзором[492]. Состав редакции газеты «Терек» и её либеральное окружение властям до конца известны не были. Все эти люди держались в большой конспирации. Осенью 1883 года в «Тереке» появилась передовица под названием «Круговая ответственность горцев», в которой защищались права туземного населения. В ней осуждались безнаказанные убийства горцев казаками, которым всячески покровительствовала власть, желая при-

писать все преступления коренным жителям. Причину и следствие бед искали в них даже тогда, когда факты уличали вовсе не туземцев. Газета обличала подобную бесстыжую вероломность Терской администрации и её многочисленных прислужников на местах, культивировавших межнациональную вражду. Постоянные «дёрганья» редактора, отказ в публикации многим интересным материалам отрицательно сказались на газете. В результате тираж стал падать, а в 1884 году газета прекратила своё существование совсем. Такова судьба первой частной газеты на Кавказе[493].

В ходе работы над исследуемыми проблемами, автором впервые были введены и обобщены материалы, опубликованные в газетах и журналах, и касающиеся истории Терской области и чеченского народа в изучаемый исторический промежуток времени. Так, газеты «Кавказ» и «Терские ведомости» были полностью просмотрены за период с 1863 по 1900 год, благодаря чему удалось найти новые интересные сведения о событиях той эпохи. В целом при использовании периодики как исторического источника необходим критический подход к содержащимся в газетах и журналах сведениям. С одной стороны в Российской империи была развита цензура, что не давало возможности в полной мере раскрывать негативные стороны официальной политики. С другой – либеральные и оппозиционные издания в своем стремлении доказать правоту собственных политических убеждений, часто прибегали к явным натяжкам фактического материала, пользуясь неосведомленностью читателя о состоянии дел в далеких от него регионах. Многое в статьях зависело и от субъективных факторов – литературных способностей, добросовестности корреспондентов, политических и жизненных убеждений редактора и издателя и т.д.[494].

В процессе исследования были использованы публикации в следующих периодических изданиях:

1) **«Азия и Африка сегодня»** – М. – 1991 – № 10.
2) **«Антикварное обозрение»** – СПб. – 2006 – № 1.
3) **«Артиллерийский журнал»** – СПб. – № 5.
4) **«Архивно – информационный бюллетень»** – М. – 1998 – Историки мира. Вып.1. – № 4 (20).
5) **«Бакинские известия»** – Баку – 1903 – № 72.
6) **«Борьба классов»** – 1936 – № 8.
7) **«Братское слово»** – М. – 1894 – № 13.
8) **«Былое»** – М. – 1995 – № 2, 9.

9) **«Бюллетень Владикавказского института управления»** – Владикавказ – 2005 – № 13.
10) **«Вайнах»** – Грозный – 2004 – № 4, 7; 2006 – № 8, 9, 11, 12; 2007 – № 4.
11) **«Век»** – М. – 2002 – № 23.
12) **«Вести Республики»** – Грозный – 2007 – № 96 (570).
13) **«Вестник Академии наук Чеченской Республики»** – Грозный – 2006 – № 2.
14) **«Вестник архивиста»** – М. – 2003 – № 3-4 (75-76).
15) **«Вестник Восточного института экономики, гуманитарных наук, управления и права. Сер. История»**. – Уфа – 2000 – № 12/13; 2007 – № 31/32.
16) **«Вестник Евразии»** – М. – 2003 – № 2; 2004 – № 1 (24).
17) **«Вестник Европы»** – СПб. – 1876 – Кн. 1. – Кн. 5. – Кн. 10; – 1899 – Т.6. Кн.11.
18) **«Вестник института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН»** – Махачкала – 2005 – № 1, 2, 3; 2006 – № 1 (5).
19) **«Вестник Института цивилизаций»** – Владикавказ – 2000 – Вып.3.
20) **«Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки»** – Нальчик – 2003 – Вып.8;– 2004 – Вып.9.
21) **«Вестник ЛАМ»** – Грозный – 2003 – № 4.
22) **«Вестник молодых ученых Дагестана»** – Махачкала – 2006 – № 2-3.
23) **«Вестник молодых ученых. Серия: Исторические науки»** – СПб. – 2004 – № 1; 2006 – № 2, 4.
24) **«Вестник Московского государственного университета. Серия 13. Востоковедение»** – М. –1998 – № 4.
25) **«Вестник Московского государственного университета. Серия 8. История»** – М. – 2002 – № 3; 2008 – № 4.
26) **«Вестник Московского государственного университета. Серия 21. Управление»** – М. – 2004 – № 3.
27) **«Вестник Прикаспия: археология, история, этнология»** – Элиста – 2008 – № 1.
28) **«Вестник Российского гуманитарного научного фонда»** – М. – 2001 – № 4; 2004 – № 4 (37).

29) **«Вестник Российского Общества Красного креста»** – 1884 – № 4-7.
30) **«Вестник Российской академии наук»** – М. – Т.73. – № 4.
31) **«Вестник РУДН. Серия «История России»»** – М. – 2007 – № 1., Спец. выпуск № 2.
32) «Вестник Северо-Осетинского университета им. К. Хетагурова» – Владикавказ – 1999. – № 1; 2008 – № 3.
33) **«Вестник Ставропольского государственного педагогического института»** – Ставрополь – 2004. – Вып.39; 2005 – Вып.40; 2006 – Вып.7; 2007 – Вып.10.
34) **«Вестник Ставропольского государственного университета»** – Ставрополь – 2007 – Вып. 48-49.
35) **«Весть»** – СПб. – 1864 – № 23.
36) **«Вечерний Ставрополь»** – Ставрополь – 1990 – 23 октября.
37) **«Владикавказские епархиальные ведомости»** – 1895 – № 1, 8, 9; – 1896 – № 3; 1898 – № 3; 1899 – № 7; 1903 – № 1.
38) **«Военная быль»** – Париж – 1969 – № 98.
39) **«Военная мысль»** – М. – 2008 – № 2.
40) **«Военно-исторический архив»** – М. – 2004 – № 9 (57).
41) **«Военно-исторический журнал»** – М. – 1997 – № 2; 2003 – № 4 (516), № 9; 2008 – № 10.
42) **«Военный сборник»** – СПб. – 1859 – Т.7 – № 6, 9.
43) **«Вопросы гуманитарных наук»** – М. – 2005 – № 3.
44) **«Вопросы истории»** – М. – 1980 – № 1; 1983 – № 4; 2007 – № 9; 2008 – № 9, 11.
45) **«Восток. Афро – азиатские общества: история и современность»** – М. – 2006 – № 3.
46) **«Время новостей»** – М. – 2007 – № 122.
47) **«География в школе»** – М. – 2000 – № 1.
48) **«Гербовед»** – М. – 2007 – № 97.
49) **«Голос»** – СПб. – 1877 – № 210.
50) **«Голос Кавказа»** – Пятигорск – 2007 – № 1.
51) **«Голос Чечено-Ингушетии»** – Грозный – 1992 – № 76.
52) **«Голос Чеченской Республики»** – Грозный – 2007 – № 09 (21172).
53) **«Горская мысль»** – Владикавказ – 1922 – № 2.
54) **«Государственная служба»** – М. – 2007 – № 3 (47).
55) **«Гуманитарная мысль Юга России»** – Краснодар – 2006 – № 2 (03).

56) **«Гуманитарные и социально-экономические науки»** – Р н/Д. – 2000 – № 2; 2006 – № 4, 5, 7; 2008 – № 1 (38).
57) **«Дарьял»** – Владикавказ – 1995 – № 1, 2, 3.
58) **«Дело»** – СПб. – 1884 – № 1.
59) **«Диалог»** – М. – 2000 – № 6.
60) **«Диаспоры»** – М. – 2003 – № 1.
61) **«Дон»** – Рн/Д. – 2004 – № 11; – 2008 – № 2.
62) **«Донская археология»** – Р н / Д. – 2000 – № 3-4 (8-9).
63) **«Донская речь»** – Р н/Д. – 1902 – № 10.
64) **«Донской юридический институт: Ученые записки»** – Р н/Д. – 2001 – Т.15.
65) **«Железнодорожный транспорт»** – М. – 2007 – № 3, 9.
66) **«Живая старина»** – Нальчик – 1991 – № 1; 1993 – № 3.
67) **«Жизнь национальностей»** – М. – 2005 – № 3.
68) **«Журнал министерства народного просвещения»** – СПб. – 1869 – Ч. CXLVI.
69) **«Журнал Отдела философии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т. М. Керашева»** – Майкоп – 2006 – № 5.
70) **«Журнал сельского хозяйства и овцеводства»** – М. – 1848 – № 10.
71) **«Журналист»** – М. – 2002 – № 3.
72) **«Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества»** – Тифлис -1884 – Т.13. – №1; 1897 – Кн.19.
73) **«За семью печатями»** – М. – 2007 – № 1.
74) **«Звезда»** – СПб. – 2003 – № 9.
75) **«Знание – сила»** – М. – 1993 – № 4; 2001 – № 7.
76) **«Известия Академии наук Азербайджана. Серия истории, философии и права»** – Баку – 1991 – № 2-3.
77) **«Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества»** – Тифлис – 1902 – Т.XV – № 4.
78) **«Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки»**. – Р н/Д. – 2001 – № 3 – 4; 2002 – № 2; 2004. – № 1; 2006 – № 1; 2006 – Спецвыпуск «Вопросы филологии» 2006; 2008 – № 2.
79) **«Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества»** – Тифлис – 1873 – Т.II – №1; – 1902 – Т.XV – № 4, 5.

80) **«Известия Императорского Русского географического общества»** – СПб. – 1897 – Т.XXXIII. – Вып. III.
81) **«Известия Научного Общества Чеченской Автономной Области»** – Грозный,1929 – № 1; 1930 – № 2.
82) **«Известия Русского географического общества»** – СПб.– 2000 – Т.132; – Вып.1.
83) **«Известия Северо – Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки»** – Р н/Д. – 1989 – № 2 (66).
84) **«Иллюстрированная газета»** – СПб. – 1869 – Т.24 – № 33.
85) **«Имперское возрождение»** – М. – 2007 – № 2 (10).
86) **«Информационно-аналитический вестник»** – Майкоп,2001. – Вып.4.
87) **«Исламская Цивилизация»** – Махачкала – 2005 – № 1.
88) **«Исторические записки»** – М. – 1941 – № 10,12.
89) **«Исторический архив»** – М. – 2004 – № 1, 2; 2005 – № 6.
90) **«Исторический вестник»** – СПб. – 1891 – Кн.1; 1910 – Т.121.
91) **«История государства и права»** – М. – 2007 – № 7, 13.
92) **«История СССР»** – М. – 1985 – № 4; 1990 – № 6.
93) **«Источник. Документы русской истории»** – М. – 1999 – № 5; 2003 – № 2,5.
94) **«Кавказ»** – Тифлис –1863 – № 64; – 1866 – № 23; 1870 – № 57; 1874 – № 11,28; 1890 – № 302.
95) **«Кавказ»** – Париж – 1938 – № 8-9 (56-57).
96) **«Кавказский вестник»** – Тифлис – 1866 – № 22, 23. 1901 – № 3, 4, 5, 10-11.
97) **«Казачий вестник»** – Новочеркасск – 1884 – № 32.
98) **«Казбек»** – Владикавказ – 1896 – № 119.
99) **«Клио»** – М. – 2002 – № 4 (19); 2007 – № 1 (36).
100) **«Комсомольская правда»** – М. – 2008 – № 123-д (24 150-д).
101) **«Кубанский сборник на 1913 год»** – Екатеринодар – 1913 – Т.18.
102) **«Культура»** – М. – 1995; – 2000 – № 8.
103) **«Культурная жизнь Юга России»** – Краснодар – 2006 – № 3 (17).
104) **«Культурно – просветительская работа («Встреча»)»** – М.,2007 – № 7.
105) **«Литературная Россия»** – М. – 1992 – № 51.
106) **«Литературная Кабардино-Балкария»** – Нальчик – 1999 – № 1; 2006 – № 2.

107) **«Международная жизнь»** – М. – 2007 – № 1-2.
108) **«Мировая экономика и международные отношения»** – М. – 2004 – № 6.
109) **«Молодая гвардия»** – М. – 1999 – № 11-12; 2002 – № 10.
110) **«Молодой коммунист»** – Дзауджикау – 1953 – № 63.
111) **«Московские ведомости»** – М. –1864 – № 36.
112) **«Московский журнал»** – М. – 2000 – № 6; 2005 – № 11; 2008 – № 2.
113) **«Московский комсомолец»** – М.,1995. – № 47 (17059); 2008 – № 168 (24 826).
114) **«Московский университет»** – М. – 2005 – № 7 (4112); 2007 – № 17 (4208).
115) **«Мусульманская газета»** – 1913 – № 11,16.
116) **«Наука и религия»** – М. – 2002 – № 9.
117) **«Научная мысль Кавказа»**. – Р н/Д. – 1999 – № 4; 2000 – № 2; 2002 – № 3; 2005 – № 1, 4.
118) **«Наш Дагестан»** – Махачкала – 1994 – № 167-168.
119) **«Наша власть: дела и лица».** – М. – 2001 – № 2, 3; 2008 – № 3.
120) **«НГ Ex Libris»** – М. – 2007 – № 33 (430).
121) **«Неделя»** – СПб. – 1898 – № 44; – 1899 – № 33.
122) **«Независимая газета»** – М. – 1999 – 2 июня.
123) **«Независимое военное обозрение»** – М. – 2008 – № 23.
124) **«Нефть России»** – М. – 2005 – № 12.
125) **«Нива»** – СПб. – 1905 – № 45.
126) **«Новая и новейшая история»** – М. – 2005 – № 2, 4; 2006 – № 2.
127) **«Новая книга России»** – М. – 2004 – № 7 (67).
128) **«Новая Россия»** – М. – 2000 – № 1.
129) **«Новый исторический вестник»** – М. – 2005 – № 2 (13).
130) **«Новгородский архивный вестник»** – Великий Новгород – 2007. – № 6.
131) **«Новое обозрение»** – Тифлис – 1890 – № 2273, 2300; 1902 – № 6016.
132) **«Новый исторический вестник»** – М. – 2005 – № 1 (12).
133) **«Нохчи»** – Грозный,1999 – № 1.
134) **«Обозреватель»** – М. – 2003 – № 11; 2006 – № 6.
135) **«Общественные науки и современность»** – М. – 1998 – № 1; – 2006 – № 3.
136) **«Общество и право»** – Краснодар – 2007 – № 2 (16).

137) **«Ойла» (мысль)** – Грозный – 1998 – № 1.
138) **«Октябрь»** – М. – 2004 – № 3.
139) **«Ориентир»** -1998 – № 10; 1999 – № 11; 2001 – № 3,10; – 2002. – № 3.
140) **«Отечественная история»** – М. – 1998 – № 1; 2000 – № 3; 2002 – № 4; 2004 – № 1, 5; 2005 – № 2, 5; 2008 – № 6.
141) **«Отечественные архивы»** – М. – 2003 – № 2; – 2004 – № 1, 3; – 2005 – № 5.
142) **«Отечественные Записки»** – СПб. – 1843 – Т.31 – № 11.
143) **«Отечество»** – М. – 2004 – № 7 (50).
144) **«Пантеон»** – СПб. – Т.23 – Кн.10.
145) **«Парламентская газета»** – М. – 2000 – 30 июня.
146) **«Педагогика»** – М. – 2002 – № 7.
147) **«Пограничник»** – М. – 2002 – № 7.
148) **«Политический класс»** – М. – 2007 – № 8 (32).
149) **«Политическое обозрение»** – М. – 1989 – № 4.
150) **«Посев»** – М., Франкфурт на Майне. – № 4 (1438).
151) **«Правительственный вестник»** – СПб. – 1882 – № 216; 1884 – 21 апреля.
152) **«Преподавание истории в школе»** – М. – 2006 – № 1; 2007 – № 3.
153) **«Преподавание истории и обществознания»** – М. – 2007– № 3.
154) **«Преподаватель XXI век»** – М. – 2006 – № 4.
155) **«Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины»**. – М. – 1996 – № 3; 2000 – № 3; 2001 – № 6; 2007 – № 2; 2008 – № 2.
156) **«Революционный Восток»** – 1928 – № 3.
157) **«Революция и горец»** – Р н/Д. – 1929 – № 5.
158) **«Родина»** – М. – 1998 – № 4; 2000 – № 1-2; – 2004 – № 4, 5, 6; 2006 – № 12; – 2007 – № 10; – 2008 – № 2, 4, 10.
158) **«Российская археология»** – М. – 2008 – № 4.
159) **«Российские вести»** – М. – 1994 – № 170; 1996 – № 34.
160) **«Российский исторический журнал»** – М. – 2006 – № 1 (38).
161) **«Россия»** – М. – 1992 – № 37.
162) **«Россия XXI»** – М. – 1998 – № 11-12; М. – 2007 – № 6.
163) **«Россия и Азия»** – Киев – 1899 – № 12.
164) **«Русская Музыкальная Газета»** – СПб. – 1905 – № 12.
165) **«Русская мысль»** – Париж – 1995 – № 4059, 4062, 4084.

166) **«Русская старина»** – 1882 – Т.33; 1893 – Т.79 – № VII.
167) **«Русские ведомости»** – М. – 1888 – № 27, 32; 1902 – № 336.
168) **«Русский вестник»** – СПб. – 1894 – Т.234.
169) **«Русский инвалид»** – СПб. – 1846 – № 21; – 1852 – № 178-179; 1856 – № 160,166; 1870 . № 50.
170) **«Русь»** – 1884 – № 3.
171) **«Санкт-Петербургские ведомости»** – СПб. – 1900 – № 172.
172) **«Сборник научных трудов Северо-Кавказского государственного технического университета. Серия «Гуманитарные науки»**. Ставрополь,2005 – № 1; Серия «Право» – Ставрополь,2000. Вып.2.
173) **«Сборник Русского исторического общества»** – М. – 2003 – № 6.
174) **«Северный Кавказ»** – Ставрополь – 1888 – № 14, 18, 28, 37.
175) **«Северокавказский край»** – Р н/Д. – 1925 – № 1.
176) **«Северо – кавказский государственный технический университет»**. Сборник научных трудов. Серия «Гуманитарные науки». Вып.7. – Ставрополь,2002.
177) **«Северо-Кавказское краевое общество археологии, истории и этнографии»** – Р н/Д. – 1927 – Вып.1. Т.III. Кн.1. Записки.
178) **«Символ»** – Париж – 2005 – № 48.
179) **«Славяноведение»** – М. – 1994 – № 4.
180) **«Смена»** – М. – 1951 – № 8; 2008 – № 9.
181) **«Советская этнография»** – М. – 1961 – № 1; 1973 – № 1.
182) **«Советский Северный Кавказ»** -1926 – № 19-20; 1930 – № 1.
183) **«Советский спорт»** – М. – 2008 – № 117 (17 599).
184) **«Советское здравоохранение»** – М. – 1960 – № 5.
185) **«Современные гуманитарные исследования»** – М. – 2005 – № 1.
186) **«Современный листок»** – 1864 – № 24.
187) **«Соотечественник»** – Берген – 2007 – № 5.
188) **«Спорт-Экспресс»** – М. – 2008 – № 187 (4767).
189) **«Справедливость»** – М. – 2002 – № 16-17 (117-118); – 2003 – № 3-4 (125-126).
190) **«Ставропольские губернские ведомости»** – Ставрополь – 1858 – № 18; 1890 – № 28.
191) **«Терек»** – Владикавказ – 1883. – № 64-65; 1911 – № 3925.

192) **«Терские ведомости»** – Владикавказ –1875 – № 11,41; 1879 – № 26; 1880 – № 43; 1881 – 21 ноября; 1882 – № 36, 38; 1884 – № 9, 11, 85; 1887 – № 69; 1889 – № 98, 113; 1890 – № 11; 1894 – № 137; 1895 – № 107-109; 1896 – № 96;1897 – № 108, 148; 1898 – № 113; 1910 – № 254; 1915 – № 31.

193) **«Терский сборник»** – Владикавказ – 1890 – Вып.1 – Отд.1. – № 1.

194) **«Труды Грозненского Государственного нефтяного института им. академика Миллионщикова»** – Грозный – 2007 – Вып.7.

195) **«Ученые записки Северо-Осетинского государственного педагогического института им. К.Л. Хетагурова». Выпуск «Историко-филологический»**. – Дзауджикау – 1949 – Т.XVIII.

196) **«Христианское чтение»** – СПб. – 2006 – № 26.

197) **«Художественный журнал»** – СПб. – 1881 – № 2.

198) **«Цейхгауз»** – М. – 1999 – № 9; 2000 – № 1; 2001 – № 2.

199) **«Целебный Кавказ»** – Тифлис – 1915 – № 1-2, № 3-4, № 5-6; 1916 – № 3, 4 -5; 1917 – № 2.

200) **«Центральная Азия и Кавказ»** – Швеция – 2003 – № 5 (29); 2005 – № 6 (42).

201) **«Церковная летопись»** – 1874 – № 15.

202) **«Церковно – исторический вестник»** – М. – 2004. – № 11.

203) **«Человек и Закон»** – М. – 2007 – № 5.

204) **«Человек. Сообщество. Управление».** Приложение 2006. – Краснодар – 2006.

205) **«Черкесия»** – Черкесск – 2002 – № 1; 2004 – № 2.

206) **«Чеченское общество сегодня»** – М.,2007. – № 4 (12); – № 7 (15); – № 8 (16).

207) **«Щит и меч»** – М. – 1999. – № 31.

208) **«Эльбрус»** – Нальчик – 1999 – № 1 (10), № 2 (11); 2001-2002 – № 1 (13).

209) **«Этнографическое обозрение»** – М. – 1997 – № 3; 2006 – № 2.

210) **«Этнополитический вестник»** – М. – 1996 – № I (13).

211) **«Этносфера»** – М. – 2008 – № 5 (116).

212) **«Юный художник»** – М. – 2002 – № 10.

213) **«Юридическое Обозрение»** – Тифлис – 1883 – № 111-112.

214) **«Ab imperio»** – Казань – 2001 – № 1-2; 2002 – № 4; 2006 – № 2.

215) **«Mens Health»** – M. – 2007 – № 9.
216) **«Etudes»** – P. – 2005. – T.403. – № 3.
217) **«Slovansky prehled»** – Praha – 2000 – № 3.

Таким образом, использованный корпус источников позволил автору попытаться решить задачи, поставленные в ходе изучения темы. В то же время, источниковая база настолько разнообразна и обширна, что даёт возможность продолжить дальнейшие исследования данной темы. Мы попытались охарактеризовать те документальные материалы, которые представляют наибольший интерес для изучения поставленной проблемы и в основной своей части впервые вводятся в научный оборот[495]. В совокупности эти источники достаточно адекватно отражают реальное состояние административного управления в крае, развитие аграрных отношений, показывают социально – культурное развитие чеченского народа. Автор в своем исследовании попытался воссоздать реальную картину исторического процесса через критическое осмысление фактов и сопоставление данных различных источников.

III. Методология

Историческое исследование это не только творчество, но и мастерство осуществлять исследовательский поиск в соответствии с определенными методологическими предписаниями. Потрясения в обществе в корне изменили теоретико – методологическую основу исследований в рамках отечественной науки. То, что еще недавно считалось высшим достижением мысли, не может уже полностью удовлетворить новое поколение историков, поскольку процесс познания обогащается ранее неизвестными источниками и новыми идеями.

В исторической науке наметился переход от монистической интерпретации истории к плюралистической. В исследовательской практике утверждается принцип методологического плюрализма, в рамках которого, с одной стороны, идет разработка альтернативных способов познавательной деятельности и осуществляется поиск новых методологических ориентиров, а с другой – наблюдается мобилизация всего предшествующего исследовательского опыта. При этом широкое распространение получили утверждения о необходимости соединения в историческом познании формационного под-

хода с цивилизационным. Такое сочетание позволяет использовать наиболее ценные элементы познания прошлого в рамках обоих подходов. В силу этого в основе данного исследования лежит концепция цивилизационной преемственности и взаимопроникновения культур различных народов.

В качестве базового метода изучения заявленной темы необходимо отметить междисциплинарный подход к историческому исследованию. В данном случае он необходим, поскольку проблематика работы соотносится с несколькими научными дисциплинами: историей, философией, правом, социологией. В этой связи, методология исторического исследования должна быть дополнена знанием категориального аппарата, а также приемов изучения и осмысления, предлагаемыми этими научными дисциплинами. В отечественной науке с 70-х годов XX века стал применяться системный подход, основанный на анализе сложноорганизованных систем и на многосторонних междисциплинарных связях, в том числе между естественными и гуманитарными науками. Усиление междисциплинарного подхода позволило составить представление о глубинных процессах трансформации сознания чеченского этноса в период глобальных перемен послевоенного этапа развития общества. Особое внимание уделялось источниковедческому анализу, а также разработкам востоковедов, исламоведов и этнологов.

Возрастание интереса к человеку в истории способствовало распространение просопографического метода, с которым связано стремление к познанию прошлого через личность и судьбу отдельного человека. Этот метод заслуживает самого серьезного внимания и представляется перспективным. Рассмотрение устоявшихся фактов сквозь призму политической биографии, позволяет по другому взглянуть как в целом на отечественную историю, так и на истоки, механизм движущей силы общественно – политической борьбы на Кавказе во второй половине XIX века.

Методологической основой работы являются, прежде всего, общепринятые принципы научного историзма. Они предполагают, что суждения, оценки и выводы, содержащиеся в исследовании, должны строиться только на основе исторических источников, несущих информацию об изучаемой эпохе. Неисчерпаемость взаимосвязей исторических явлений, альтернативность, присутствующая в историческом процессе, делают невозможным всестороннее объяснение их в рамках одного исследования и исключают любые претензии на научную монополию.

Принципы исследования

Данное исследование основывается на следующих принципах: а) научность – построение заключений на строгой основе анализа документов и отражаемых в них событий и явлений; б) объективность – рассмотрение изучаемых участников исторического процесса, их политических действий, уровня социального и культурного развития без этнокультурных и политических пристрастий и предпочтений со стороны исследователя. Принцип объективности означает для исследователя необходимость выполнения правил работы. На эвристической стадии исследования к ним относится учет всех относящихся к проблеме источников и всей предшествовавшей литературы. На эмпирической стадии – изучение всех источников. На теоретической стадии исследования – при построении авторской концепции не должны игнорироваться, как противоречащие ей мнения предшествовавших исследователей, так и те факты, которые не вписываются в данную концепцию[496].

Также в исследовании желательно применять: 1) системность – учет одновременного действия в историческом процессе многообразных факторов: объективных и субъективных, внутри – и внешнеполитических, локальных, региональных, глобальных; 2) комплексность – опора на всю совокупность источников для выяснения причин и хода событий; 3) историзм – исследование исторических явлений в их постоянном развитии и видоизменении. Принцип историзма – с одной стороны, это способ мышления, позволяющий ощутить дух эпохи. С другой стороны это способ познания, требующий изучения исследуемых процессов и явлений в их конкретно – исторической обусловленности и развитии, т.е. объективно. В противном случае отдельные факты и явления, выхваченные из общего исторического контекста времени, могут превращаться в «идеологические булыжники»[497]. Историзм – показатель мастерства историка, выражающийся в степени его возможности донести дух того исторического времени и пространства, умении высказывать суждения по внутренним законам той эпохи, а не «жонглировать» категориями другого века. Следует обратить внимание и на принцип холизма – единство всякого изучаемого предмета. В начале XX века Дж. С. Холдейн раскрыл научное содержание холизма и обозначил такие уровни целостности мира, как физический, биологический и психологический. Это предполагает взгляд на объект, как на сложную систему саму по себе, как на часть иной системы, включающей изучаемый объект.

В основе всех принципов лежат: критерий объективности, соответствия истине и моральные критерии. Исследование бывает эмпирическое (наблюдение, сравнение), а также теоретическое (абстрагирование, анализ, синтез и моделирование). При исследовании в общетеоретическом плане часто используются методы дедукции – выведение частного на основе общего и индукция – совокупность общих суждений из комплекса частных. Метод измерения применяется исследователем в основном в статистических трудах, на основе собственных вычислений. Философской основой историко – сравнительного метода являются следующие категории: общее и особенное, индивидуальное и уникальное, аналогия и феномен, явление и сущность. Объективной основой для сравнений является повторяющийся, внутренне обусловленный, закономерный процесс. Изучение истории империй развивается в русле современной компаративистики. Сейчас уже признано, что увидеть все многообразие человеческой истории невозможно без применения историко – сравнительного метода, без сопоставления различных регионов и стран. И в этом сопоставлении существенное место занимает понимание синхронности и асимметрии в историческом развитии. Историко – сравнительный метод, таким образом, дает возможность проследить основные черты, особенности и типологию политико – административной системы России. Применение его позволяет определить уровни властных и управленческих структур в их вертикальном и горизонтальном срезах, механизм взаимодействия и субординации. Выявляются и главные тенденции становления, развития и эволюции исследуемой системы. Обозначаются пути исторической адаптации и синтеза традиционных и новых форм управления на окраинах Российской империи.

Научные методы

Историко – типологический метод помог рассмотреть основные формы торговли и промышленности, а также разграничить социальные группы предпринимателей на протяжении рассматриваемого периода. Если историк уделяет внимание проблемам политической истории, истории культуры и т.д., то он проводит типологизацию в рамках изучаемой проблематики, поскольку четко видит в истории определенные типы политических отношений и событий. Тип может быть представлен

в историческом исследовании как явление, имеющее совокупность определенных признаков. Исторический метод возвращает исследователя от общего к конкретно – историческому. Он позволяет составить наглядное представление о том, каким образом общая логика исторического процесса находила свое воплощение в конкретном объекте и предмете, которые составляют проблему данного исследования.

Научный метод – способ построения и обоснования научного знания, совокупность приемов и операций, при помощи которых достигается цель научного знания. Основополагающие принципы научности и объективности присутствуют фактически в каждом из методов. На принципе историзма напрямую основан историко – генетический метод. Основывая свое исследование на научных принципах, историк свободен в выборе методов научного познания. Описание – один из методов исторического исследования. Описание признавалось в историографии важнейшим методом, поскольку главная задача исторической науки всегда сводилась к описанию установленных фактов. Метод социального анализа находит тесную связь с психологическим методом познания общественных явлений. Психологическое направление объясняло особенности социального движения психологическими особенностями людей.

Из более частных, конкретных методов исследования следует назвать в первую очередь, региональный подход. В рамках этого метода при исследовании пореформенных изменений на Кавказе, следует отказываться от оценки реформ в целом по стране, т.к. это требует, с одной стороны, специального изучения, а с другой стороны, представляется во многом научно не обоснованным, т.к. в огромной империи, с различными условиями социально – экономической жизни, различным жизненным укладом, средние по стране показатели не дают реальной картины, не отражают процессов, происходивших на конкретных территориях. Общие показатели и средние индексы по стране годятся лишь для сравнения, выявления тенденций, но не для оценки происходящих процессов в целом[498]. При историческом исследовании часто применяется методика выявления сходств, разработанная В.М. Жирмунским и Э. Сервисом. Это генетическое родство, результаты длительного соседства – сродство и конвергенция. Немалое значение имеет и методика выявления различий – природных, исторических и др.[499] В современных исследованиях часто применяются следующие методы: генетический, сравнительный, системный, метод диахронного анализа и моделирования исторических ситуаций[500].

Автор, в зависимости от возникавших по ходу работы задач, опирался как на историко – генетический и историко – сравнительный, так и на историко – типологический, историко – системный и описательный методы, произведя для достижения истины и воссоздания целостной картины развития региона его описание в сочетании с анализом и синтезом выявленного документального материала[501]. С помощью историко – системного метода была дана обобщенная характеристика социально – экономических процессов, происходивших в Терской области и оказавших влияние на генезис торгово – промышленной деятельности в крае. Историко – правовой метод, основанный на анализе различных законодательных документов, позволил выявить основные тенденции в развитии торгово – промышленного права в России и, в частности, в Чечне. Количественные методы, например, корреляционно – регрессивный, позволили определить степень тесноты связи между факторами, оказавшими влияние на изменения, происходившие в торгово – промышленной деятельности и других сферах жизнедеятельности населения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Дунюшкин И.Е. Терское казачество в межнациональных отношениях на Северном Кавказе (1905-1917). Дис. …канд. ист. наук. – Екатеринбург,1996. – С.3.

[2] Ракачев Д.Н. Местное и пришлое население на Северо – Западном Кавказе в XIX веке: процессы социального взаимодействия. Автореф. дис. …канд. ист. наук. – Краснодар,2006. – С.3,15.

[3] Rieber Alfred I. Men of the Borderlands // The American Historical Review. 2001. Vol. 106. No.5.

[4] Колесникова М.Е., Маловичко С.И. Новые направления изучения региональной истории: История пограничных областей Северного Кавказа // Вестник Ставропольского гос. пед. института. Вып.39. – Ставрополь,2004. – С.50-51,55.

[5] Гапуров Ш.А. Чечня и Ермолов (1816-1827 гг.). – Грозный,2006. – С.29-30,473.

[6] Воронина О.Г. Из истории изучения национального конфликта (Чечня и развитие российско-чеченских отношений) // Universitas: Наука в контексте современной культуры. Сборник статей. – СПб.,2001. – С.246-247.

[7] Колесникова М.Е., Маловичко С.И. Новые направления изучения региональной истории: История пограничных областей Северного Кавказа // Вестник Ставропольского гос. пед. ин-та. Вып.39. – Ставрополь,2004. – С.54.

[8] Бережная Н.Н., Еремина А.В. Общее и особенное в текстах провинциальных историописателей Северного Кавказа (конец XIX – начало XX века) // Историк в меняющемся пространстве российской культуры: сборник статей. – Челябинск,2006. – С.460.

[9] Арляпова Е.С. Этнополитические процессы в Чечне: 1917-2000 гг. Дис. …канд. полит. наук. – М.,2006. – С.207-208.

[10] Пыхалов И. Северный Кавказ. Причины депортации 1943-1945 гг. // Молодая Гвардия. – М.,2002 – № 10. – С.72-73.

[11] Акаев В.Х. Ислам в Чеченской Республике». – М.,2008. – С.29.

[12] Поляков Ю.А. Адаптация и миграция в историческом контексте // Адаптация российских эмигрантов (конец XIX – XX в.). Исторические очерки. – М.,2006. – С.6.

[13] Г. Старовойтова Россия и Чечня: смертельное объятие // Московский комсомолец. – М.,1995. – № 47 (17059). – С.4. Старовойтова Галина Васильевна (1946-1998) – российский политический деятель. В 1973 г. стала аспирантом Института этнографии РАН и занималась темой адаптации иноэтнических групп. После защиты кандидатской диссертации она становится научным сотрудником Института этнографии. Галина Васильевна была избрана народным депутатом РСФСР от Ленинграда. На волне перестройки группа офицеров даже выступила с инициативой выдвижения ее на должность министра обороны. С 1991 по 1992 г. она являлась советником президента, а с 1995 г. – депутатом Федерального собрания Государственной думы. Г. Старовойтова отстаивала интересы национальных меньшинств, выступала против растущего влияния националистов. Была убита в С. – Петербурге в 1998 году (Первый толковый БЭС. – СПб., М.,2006. – С.1713.).

[14] Магометов А.А., Дзидзоев В.Д. Устройство поземельного быта горцев Северного Кавказа и их взаимоотношения с казачеством (вторая половина XIX – XX вв.) // Вестник Северо – Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. – Владикавказ,1999. – №1. – С.13.

[15] Там же. – С.13.

[16] Г. Старовойтова Россия и Чечня: смертельное объятие // Московский комсомолец. – М.,1995. – №47 (17059). – С.4.

[17] Ибрагимбейли Х. – М. Сказать правду о трагедии народной // Политическое обозрение. – М.,1989. – № 4. – С.63.

[18] Арляпова Е.С. Этнополитические процессы в Чечне: 1917 – 2000 гг. Дис. …канд. полит. наук. – М.,2006. – С.179,182.

[19] Новиков Д.В. Этнорелигиозный экстремизм на Северном Кавказе: методы противодействия: Политико-правовой аспект. Дис. …канд. юрид. наук. – Р н/Д.,2002. – С.58-59.

[20] Лихачев Д.С. Избранное: Мысли о жизни, истории, культуре. – М.,2006. – С.88, 138, 290.

[21] Бабаев Н.А. Межнациональные конфликты (причины возникновения и пути их разрешения) // Этнические проблемы в современной России: Международная научно – практическая конференция. Апрель 2007 г.: Сборник докладов / Под общ. Ред. Беловой Е.В. – М.,2007. – С.47.

[22] Права народов. Международные документы и российские законодательные акты: Сборник документов / М.И. Аушев, С.А. Глотов, О.О. Миронов, М.П. Фомиченко. – М.,2006.

[23] Маловичко С.И., Узденова Э.Б. Операционные возможности исследовательского поля «истории пограничных областей» (« the Borderlands history») и изучение контактных социокультурных зон Северного Кавказа // Кавказ между Западом и Востоком. Межвузовский сборник научных работ. – Карачаевск,2003. – С.44-45,47-49.

[24] Huntington S. P. The Clash of Civilizations and Remaking of the World Order / S. P. Huntington. – N. Y., 1996. – S.270-281.

[25] Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. – М.,2006. – С.49.

[26] Дударев С.Л., В.Б. Виноградов и судьба концепции добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России (рассуждения ученика и современника) // О компоненте добровольности в строительстве Российского Кавказа. – М.,Армавир,2007. – С.41-42.

[27] Трепавлов В.В. Особенности и закономерности «национальной политики» в России XVI – XIX вв. // История и историки: историографический вестник / Ин-т рос. истории РАН. – М.,2005. – С.175.

[28] Вивчарь Г.М. Только вместе, только в дружбе. – Майкоп,2006. – С.177-178.

[29] Новиков Е.В. Исторические аспекты деятельности государственных учреждений России на Северном Кавказе в 1864-1917 гг. Дис. …канд. ист. наук. – Воронеж,2006. – С.8.

[30] Утверждение русского владычества на Кавказе. В 12 т. Т.3. Ч.1. – Тифлис,1904. Гапуров Ш.А. Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XIX в. Дис. …докт. ист. наук. – М.,2004. – С.6-12.

[31] Бейджент М. Запретная археология. – М.,2006. – С.138,141-143,146..

[32] Лихачев Д.С. Избранное: Мысли о жизни, истории, культуре. – М.,2006. – С.36.

[33] Бейджмент М. Запретная археология. М.,2006. – С.13.

[34] Верт Пол В. От «сопротивления» к «подрывной деятельности»: власть империи, противостояние местного населения и взаимозависимость // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. – М.,2005. – С.48,69.

[35] Бобровников В.О. «Горское хищничество» в теории и практике российского ориентализма на Северном Кавказе в XIX в. // Меняющаяся Европа: Проблемы этнокультурного взаимодействия. – М.,2006. – С.378.

[36] Ткаченко Д.С. Национальное образование в Российской империи XIX – начала XX в. (на материалах Северо – Кавказского региона). Дис. …докт. ист. наук. – Ставрополь,2006. – С.74,85-86.

[37] Бобровников В.О. «Горское хищничество»… – С.379.

[38] Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. – Л.,1939. Сакс Г. Работа среди национальных меньшинств. – Л.,1931. Нугис А. Против великодержавного шовинизма и местного национализма. – Хабаровск, 1933.

[39] Пол В. Верт. От «сопротивления» к «подрывной деятельности»: власть империи, противостояние местного населения и их взаимозависимость // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. – М.,2005. – С.16.

[40] Бобровников В.О. «Горское хищничество» в теории и практике российского ориентализма на Северном Кавказе в XIX в. // Меняющаяся Европа: Проблемы этнокультурного взаимодействия. – М.,2006. – С.378-379.

[41] Пол В.Верт. От «сопротивления» к «подрывной деятельности»: власть империи, противостояние местного населения и их взаимозависимость // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. – М.,2005. – С.53.

[42] Бобровников В.О. «Горское хищничество» в теории и практике российского ориентализма на Северном Кавказе в XIX в. // Меняющаяся Европа: Проблемы этнокультурного взаимодействия. – М.,2006. – С.379.

[43] Гриценко Н.П. Социально – экономическое развитие Чечено – Ингушетии в XVIII – первой половине XIX вв. – Грозный,1961.

[44] Саламов Б. Горские народы: расцвет и сближение. – Орджоникидзе,1975. Османов А.М. Мой край Дагестан. – М.,1979. Гриценко Н.П. Города Северо – Восточного Кавказа. – Р н/Д.,1984.

[45] Боров А.Х. Национальные истории народов Северного Кавказа: проблемы концептуализма // Вестник Кабардино-Балкарского госуд. ун-та. Серия Гуманитарные науки. Вып.9. – Нальчик,2004. – С.7.

[46] Пасько Е.А. Колонизационная политика России: Вторая половина XVIII – первая четверть XIX вв. Дис. …канд. ист. наук. – Р н/Д.,2003. – С.6,8.

[47] Гапуров Ш.А. Россия и Чечня в первой четверти XIX века. – Нальчик,2003. Гапуров Ш.А. Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XIX в. Дис. …докт. ист. наук. – С.10-12.

[48] Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века – М.,1996. Ананичук В.Я. Закавказье и Северный Кавказ: истоки конфликтности и политика России. – М.,1997.

[49] Маркусова В.А. Цитируемость российских публикаций в мировой научной литературе // Вестник Российской академии наук. – Т.73. – №4. – С.292.

[50] Головлев А.А. Очерки о Чечне (природа, население, новейшая история). Монография. – Ульяновск,2007. – С.5.

[51] Невская Т.А. Проведение Столыпинской аграрной реформы на Северном Кавказе. (1906-1917). Дис. …докт. ист. наук. – СПб.,1998. – С.8.

[52] Маремкулов А.Н. Историко-правовые аспекты изучения политики России на Кавказе // Современные гуманитарные исследования. – М.,2005. – № 1. – С.23.

[53] Экслибрисы и штемпели частных коллекций в фондах исторической библиотеки. – М.,2001. – С.3.

[54] Каталог личных фондов отечественных историков. Вып.2. Первая половина XIX века. – М.,2007. – С.575.

[55] Архивы России. Москва и Санкт-Петербург. Справочник-обозрение и библиографический указатель. Русское издание. – М.,1997. – С.155.

[56] Мартовицкая А. Убить передвижника, или Еще раз об искусстве точечных ударов // Культура. – М.,2000. – №8. – С.3.

[57] Катышева М. Сердца трех // Вайнах. – Грозный,2006. – № 8. – С.51.

[58] Маркграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. – М.,1882. – С.28.

[59] Там же. – С.XI.

[60] Полиевкетов М.А. Европейские путешественники XVII – XVIII вв. по Кавказу. – Тифлис,1935. – С.162-168; Савельев А.Е. Народы Кавказа в русской историографии X – начала XIX вв. // Вопросы истории. – М.,2008. – № 11. – С.163.

[61] Несмачная С.И. История Кавказа в лицах: Биографический словарь. Т.IV. – Ставрополь,2000. – С.276.

[62] Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. / Переизд. С изд. 1799 г. с испр. и доп. – СПб.,2005. – С.175.

[63] Терещенко А.Г. Немцы в борьбе за Кавказ. – М.,2006. – С.266.

[64] Клычникова М.В., Клычников Ю.Ю. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777 – 1864 гг.): Монография. – Пятигорск,2006. – С.33.

[65] Клычников Ю.Ю. Сбор российскими офицерами сведений о Северном Кавказе в конце 20-х – начале 30-х годов XIX в. // Актуальные проблемы российской и мировой истории. Ученые записки. Вып.1. – Пятигорск,2—2. – С.59,62-63.

[66] Abercromby J. A trip through the eastern Caucasus with a chapter of the languages of the country. With maps and illustrations. – London,1889; Cunninqham A. Travels in the Eastern Caucasus, on the Caspian and Black seds, especially in Daghestan, and the frontiers of Persia and Turkey during the summer of 1871. – London,1872; Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней трети XVIII – начале XX в. – СПб.,2008. – С.38.

[67] Эвлия Челеби. Книга путешествия. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVIII века). Вып.1. Земли Молдавии и Украины. – М.,1961.

[68] Чеучева А.К. Северо – Западный Кавказ в политике Великобритании и Османской империи в последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX вв.: обзор исторических источников. – С.100-101.

[69] Шедже А. Кавказ: взгляд из Бонна. – Майкоп – Бонн,2002. – С.16.

[70] Цикушева С.Я. Становление адыгской историографии (перв. пол. XIX в.): Ш. Ногмов и Хан-Гирей. – Майкоп,2008. – С.31-32.

[71] Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.,2000. – С.38.

[72] Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып.6. – 1872.

[73] Айларова С.А. Северокавказское просветительство 60-70-х гг. XIX в. и статья У. Лаудаева «Чеченское племя» // Вопросы политологии, истории и социологии: Сборник научных трудов. Вып.3. – Владикавказ,2000. – С.91.

[74] Самойлов К. Заметки о Чечне. – М.,2002.

[75] Ортабаев Б.Х. Историография социально-экономических отношений у горских народов Терека в кон.XIX-нач. XX в. – Орджоникидзе,1988. – С.38.

[76] Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.,2000. – С.40.

[77] Иваненков Н.С. Горные чеченцы: (Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области) // Терский сборник. Вып.7. – Владикавказ,1910. – С.53-54.

[78] Гапуров Ш.А. Россия и Чечня в первой четверти XIX века. – Нальчик,2003. – С.32.

[79] Военная энциклопедия // Под ред. К.И. Величко. Т.9. – СПб.,1912.; М.,2007. – С.270.; Дубровин Н.Ф. История войны и владычества на Кавказе. Т.1. Очерк Кавказа и народов его населяющих К.1. Кавказ. – СПб.,1871.

[80] Гизетти А.Л. Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн кавказско – горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае. – Тифлис,1901. – С.127-129; Акимова А.И. «Сухарная оказия», или Страница из истории Кавказской войны // Victoria. Gloria. Fama. Материалы международной научной конференции, посвященной 300-летию Военно – исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ч.2. – СПб.,2003. – С.10.

[81] Военная энциклопедия. Т.VII. – СПб.,1911, М.,2004. – С.314-315.

[82] Каминский Л.С., Новосельский С.А. Потери в прошлых войнах (1756-1918). – М.,1947. – С.5.

[83] Абдуллин Х.М. Мусульманское духовенство и военное ведомство Российской империи (конец XVIII – начало XX вв.). Дис. …канд. ист. наук. – Казань,2007. – С.180.

[84] Лапин В.В. Кавказская война // Россия и Кавказ – прошлое и настоящее. История, обычаи, религия. Сборник. – СПб..2006. – С.11.

[85] Лапин В.В. Кавказская война // Россия и Кавказ – прошлое и настоящее. История, обычаи, религия. Сборник. – СПб.,2006. – С.11-12.

[86] Исаев С. –А.А. Присоединение Чечни к России (Аграрная политика царизма и народные движения в крае в XIX в.). Дис. …докт. ист. наук. – М.,1998. – С.9.

[87] Мелихов А. Россия и Кавказ – двести лет вместе // Октябрь – М.,2004. – № 3. – С.169.

[88] Р.А. Фадеев. 60 лет Кавказской войны; Письма с Кавказа; Записки о кавказских делах. – М.,2007. Бойко М. Гяур в поношенном мундире // НГ Ex Libris. – М.,2007. – № 33/430. – С.8.

[89] Гакаев Д.Д. Развитие гуманитарных наук как фактор политической стабильности // Академическая и вузовская наука – народному хозяйству Чеченской Республики: проблемы восстановления и развития. – М.,2004. – С.121-122.

[90] Исаев С. – А.А. Присоединение Чечни к России (Аграрная политика царизма и народные движения в крае в XIX в.). Дис. …докт. ист. наук. – С.13.

[91] Иваненков Н.С. Горные чеченцы // Терский сборник. Вып.7. – Владикавказ,1910. Максимов Е. Чеченцы // Терский сборник. Вып.2. Кн.2. – Владикавказ,1892.

[92] Борчашвили Э.А. Социально – экономические отношения в Чечено – Ингушетии в XVIII – XIX в. Дис. …докт. ист. наук. – Тбилиси,1988. – С.11.

[93] Ковалевский П.И. Восстание в Чечне и Дагестане в 1877 и 1878 гг. – СПб.,1912.

[94] Исаев С. – А.А. Присоединение Чечни к России (Аграрная политика царизма и народные движения в крае в XIX в.). Дис. …докт. ист. наук. – С.26.

[95] Гордин Я.А. Зачем был нужен России Кавказ? Иллюзии и реальность // Кавказ и Россия – прошлое и настоящее. – СПб.,2007. – С.3.

[96] Шеуджен Э.А. Зона ли фронтира Северный Кавказ? // Вопросы теории и методологии истории. Сборник научных трудов. Вып.5. – Майкоп,2006. – С.12-14.

[97] Батукаев М.Э. Особенности исторического развития Чечни и Ингушетии в пореформенный период. Автореф. дисс. …канд. ист. наук. – Пятигорск,2006. – С.3.

[98] Гапуров Ш.А. Россия и Чечня в первой четверти XIX века. – Нальчик,2003.

[99] Гакаев Д.Д. Развитие гуманитарных наук как фактор политической стабильности // Академическая и вузовская наука – народному хозяйству Чеченской Республики: проблемы восстановления и развития. – М.,2004. – С.122.

[100] Хадикова А.Х. Кавказцы в новейшей истории России: формирование негативного образа // История Северного Кавказа с древнейших времён по настоящее время. – Пятигорск,2000. – С.248.

[101] Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. – Казань,1850. – С.92-93.

[101] Максимов Е. Чеченцы // Терский сборник. Вып.2. Кн.2. – Владикавказ,1892.

[102] Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. – Нальчик,1999; Сегень А. Окончание бесконечной войны… // Новая книга России. – М.,2004. – № 7 (67). – С.7.

[103] Максимов Е. Чеченцы // Терский сборник. Вып.2. Кн.2. – Владикавказ,1892.

[104] Исаева Т.А. К историографии социального развития Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в. // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып1. – Грозный,1978. – С.129.

[105] Саидов И.М. Общественный быт вайнахов XIX и начала XX вв. Дис. …канд. ист. наук. – Махачкала,1970.

[106] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области). Дис. …канд. ист. наук. – М.,2004. – С.11.

[107] Дубровин Н.Ф. История войны и владычества на Кавказе. Т.1. Очерк Кавказа и народов его населяющих. Кн.1. Кавказ. – СПб.,1871.

[108] Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842-1867). – СПб.,1879.

[109] Фадеев Р.А. Собрание сочинений. Т.1. Ч.1. 60 лет Кавказской войны. Ч.2. Записки о Кавказских делах. – СПб,1889.

[110] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX начале XX века (на материалах Терской области). Дис. …канд. ист. наук. – М.,2004. – С.12.

[111] Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т.1-2. – Тифлис,1907.

[112] Дамения И.Х. Историография истории народов Кавказа XIX – нач. XX в. – СПб.,1996. – С.23.

[113] Там же. – С.21.

[114] Городецкий Б.М. Литература и общественные деятели Северного Кавказа // Кубанский сборник на 1913 год. Т.18. – Екатеринодар,1913. – С.380.

[115] Потто В.А. Два века Терского казачества (1577-1801). Т.1-2. Владикавказ,1912. Потто В.А. Памяти старых кавказцев. – Тифлис,1897.

[116] Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо – Западного Кавказа. – Нальчик,2001. – С.318.

[117] Абрамов Я. Одна из погрешностей нашей поземельной политики на Кавказе // Терек. – 1883. – №64,65.

[118] Владыкин М. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. Т.1,2. – М.,1874.

[119] Цифанова И.В. Польские переселенцы на Северном Кавказе в XIX веке: особенности процесса адаптации. Дис. …канд. ист. наук. – Ставрополь, 2005. – С.152.

[120] Некролог И.В. Бентковского (1811-1890) // Новое обозрение. – 1890. – №2300. – С.1.

[121] Бентковский И.В. Список населённых мест по сведениям 1873 г. – Ставрополь,1874.

[122] Колесникова М.Е. И.В. Бентковский – краевед и историк Северного Кавказа // Отечественные архивы. – М.,2004. – №1. – С.7.

[123] Бондарева О.А., Гайдабура И.Г. Административная система, сословный строй и сословное право Северного Кавказа (в источниках и исследованиях отечественных кавказоведов) // Вестник Ставропольского государственного университета. Вып.46. Ч.2. – Ставрополь,2006. – С.140.

[124] Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. – М.,2002. – С.172-175.

[125] Манкиева Х.М. Генезис правовой культуры народов Северного Кавказа. Дис. …канд. философ. Наук. – Р н/Д.,2006. – С.94-97.

[126] Белгородская Л.В. Образ Российской империи в зеркале англо – американских справочно-энциклопедических изданий XX в.: монография. – Красноярск,2006. – С.120.

[127] Городецкий Б.М. Литературные и общественные деятели Северного Кавказа // Кубанский сборник на 1913 год. Т.18. – Екатеринодар,1913. – С.375.

[128] Зейдлиц Н.К. Списки населённых мест Кавказского края. Т.1.Ч.1. – Тифлис,1879.

[129] Зейдлиц Н.К. Поездка в Чечню, к верховьям Аргуна, в Ичкерию и через Хасав-Юрт вверх по Тереку до Моздока // Известия Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Т.II. №1. – Тифлис,1873.

[130] Городецкий Б.М. Литературные и общественные деятели Северного Кавказа // Кубанский сборник на 1913 год. Т.18. – Екатеринодар,1913. – С.341.

[131] Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. – 1882. – Т.82.

[132] Ключевский В.О. Курс русской истории. Сочинение в 9 томах. Т.1. – М.,1987. Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времён и до XX века. – М.,1996.

[133] Борисов А.А. Социальная история якутов в XVII – 50-х гг. – XIX в. : общество, право, личность в условиях российской колонизации. Автореф. дис. …докт. ист. наук. – Якутск,2004. – С.6.

[134] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – началеXX века (на материалах Терской области). Дис. …канд. ист. наук. – М.,2004. – С.13.

[135] Ардасенов А.Г. По поводу лесных пожаров. – М.,1902.

[136] Ортабаев Б.Х. Историография социально-экономических отношений у горских народов Терека в кон.XIX– нач. XX в. – Орджоникидзе,1988. – С.48.

[137] Там же. – С.49.

[138] Дунюшкин И.Е. Терское казачество в межнациональных отношениях на Северном Кавказе (1905-1917). Автореф. дис. …канд. ист. наук. – Екатеринбург,1996. – С.7.

[139] Саракаев И.-Б. По трущобам Чечни (Жгучий и наболевший вопрос). – Грозный,1991.

[140] Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа,1917 – март 1918 г. – М.,2007. – С.20-21,448-449,451.

[141] Цаголов Г. Край беспросветной нужды (Заметки о Нагорной полосе Терской области). – Владикавказ,1912.

[142] Хетагуров К.Л. Собрание сочинений. Т.3. Публицистика, письма. – М.,1951.

[143] Ортабаев Б.Х. Историография социально-экономических отношений у горских народов Терека в кон.XIX– нач. XX в. – Орджоникидзе,1988. – С.46.

[144] Цаллаев Х. О жизни и деятельности Афанасия Гассиева // А.А. Гассиев. Избранные произведения. – Владикавказ,1992. – С.1,103.

[145] Гассиев А.А. Избранные произведения. – Владикавказ,1992.

[146] Гершельман Ф.К. Причины неурядиц на Кавказе. – СПб.,1908.

[147] Евреинов Г.А. Национальные вопросы на инородческих окраинах России. Схема политического прогресса. – СПб.,1908.

[148] Туманов Г.М. К введению на Кавказе земского самоуправления. Материалы, собранные Тумановым. – Тифлис,1905.

[149] Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т.1-2., Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып.1. – Одесса,1882.

[150] Матиева А.Х. Проблемы национальной политики царской России в исследованиях М.М Ковалевского // Кавказский сборник. Т.2(34). – М.,2005. – С.362.

[151] Мисроков З.Х. Адат и шариат в российской правовой системе: Исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. – М.,2002. – С.8.

[152] Левитский В.Ю. Кавказ в творческом наследии М.М. Ковалевского: историко – правовые взгляды. Дис. …канд. ист. наук. – Владикавказ,2007. – С.43,117.

[153] Левитский В.Ю. Кавказ в творческом наследии М.М. Ковалевского: историко – правовые взгляды. Дис. …канд. ист. наук. – Владикавказ,2007. – С.42.

[154] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в кон.XIX – начале XX века (на материалах Терской области). Дис. ...канд. ист. наук. – М.,2004. – С.13.

[155] Манкиева Х.М. Генезис правовой культуры народов Северного Кавказа. Дис. …канд. филос. наук. – Р н/Д.,2006.

[156] Ортабаев Б.Х. Историография социально-экономических отношений у горских народов Терека в кон.XIX – нач. XX в. – Орджоникидзе,1988. – С.20.

[157] Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). – М.,2003. – С.20-21,24-25.

[158] Эйхельман О. Военное занятие неприятельской территории. – Ярославль,1979. – С.241.

[159] Лихачев Д.С. Избранное: Мысли о жизни, истории, культуре. – М.,2006. – С.115.

[160] Градовский А.Д. Современные воззрения на государство и национальность. М.,1872., Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи. – М.,1993., Соловьёв В.С. Национальный вопрос в России. Т.1-2. – СПб.,1891.

[161] Шевкуленко Д.А. Межнациональные отношения в России (втор. пол. XVI – нач. XX в.). – Самара,1998.– С.3.

[162] Иллерицкая Н.В. Некоторые вопросы истории России в трудах В.И. Сергеевича, А.Д. Градовского и Ф.И.Леонтовича // История и Историки. – М.,2001. – С.149-150.

[163] Кабалоева И.М. Отражение вопросов просвещения, воспитания и образования горцев в периодической печати Северного Кавказа в XIX – нач. XX вв. Дис. …канд. пед. наук. – Владикавказ,2006. – С.21.

[164] Градовский А.Д. Историчееский очерк генерал – губернаторства в России // Собрание сочинений. Т.1. – СПб.,1868.

[165] Институт генерал – губернаторства и наместничества в Российской империи. В 2-х т. / Гл. ред. В.В. Черкесов. – СПб.,2001.

[166] Ерошкин Н.П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. – М.,1960. ЯренгинаВ.П. Из историографии проблемы генерал – губернаторства в дореволюционной России // Система государственной власти и управления в России: история, традиции и современность. – СПб.,2003. – С.80-81.

[167] Градовский А.Д. Собрание сочинений в 9 томах. Т.9. Краткий очерк жизни. – СПб.,1908. – С.3.

[168] Градовский А.Д. Современные воззрения на государство и национальность. – М.,1872.

[169] Мальцев Г.В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. – Р н/Д.,1999.; Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. – М.,1999.

[170] Мисроков З.Х. Адат и шариат в российской правовой системе: Исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. – М.,2002. – С.10.

[171] Абдуллаева П.А. Теоретико – исторические аспекты возникновения и развития обычного права народов Дагестана. Дис. …канд. юрид. наук. – Махачкала,2006. – С.96,151.

[172] Щетинина Г.И. Владимир Соловьёв: исторические взгляды // История и Историки. – М.,1995. – С.229,331.

[173] Мухаметшин Ф.М. Мусульмане России: судьбы, перспективы, надежды. – М.,2001. – С.66.

[174] Чичерин Б. Курс государственной науки. Ч.1. Общее государственное право. – М.,1894.

[175] Блиева З. М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е годы XIX века. Дис. …докт. ист. наук. – Владикавказ,2004. – С.6.

[176] Дамения И.Х. Историография истории народов Кавказа XIX – нач. XX в. – СПб.,1996. – С.32.

[177] Щербина Ф.А. Общий очерк экономических и торгово – промышленных условий района Владикавказской железной дороги. Хлебная производительность и торговля. – СПб.,1892.

[178] Калинина Г.К. Роль железнодорожного строительства в модернизации Северо – Кавказского региона: вторая половина XIX – начало XX вв.: На примере Владикавказской железной дороги. Дис. …канд. ист. наук. – Р н/Д.,2004. – С.12-13.

[179] Юшкин Е.М. Начало грозненской нефтяной промышленности в очерках. – Екатеринбург,1909. Юшкин Е.М. Обзор Грозненской нефтяной промышленности за 1900 год. Промысловое дело. – Владикавказ,1901.

[180] Ушаков М.И. Нефтяная промышленность России. – СПб.,1912.

[181] Мартиросиан Г.К. Терская область в революции 1905 года. – Владикавказ,1929., Бушуев С.К. Революционное движение в Чечено-Ингушетии в 1905-1917 гг. – Грозный,1941.

[182] Дунюшкин И.Е. Терское казачество в межнациональных отношениях на Северном Кавказе. (1905-1917). Дис. …канд. ист. наук. – Екатеринбург,1996. – С.3.

[183] Черноус В.В. Генезис кавказской горской цивилизации // De die diem: Памяти А.П. Пронштейна (1919-1998). – Р н/Д.,2004. – С.307.

[184] Лившин А.Я. Общественные настроения в Советской России в 1917-1929 гг. Дис. …докт. ист. гнаук. – М.,2004. – С.235.

[185] Пронштейн П.А., Патракова В.Ф. Советская историческая наука и вопросы изучения кавказского мухаджирства XIX века // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. – Нальчик,1994. – С.123.

[186] Тройно Ф.П. Поземельные отношения у горских народов Северного Кавказа (с начала пореформенного периода). Автореф. дис. …докт. ист. наук. – Белгород,1984. – С.8.

[187] Авторханов А.Г. К основным вопросам истории Чечни (к 10-летию Советской Чечни). – Грозный,1930. С.1,33.

[188] Мартиросиан Г.К. Терская область в революции 1905 года. – Владикавказ,1929.

[189] Кокиев Г. Крестьянская реформа в Северной Осетии. – Б.м.,1940.

[190] Иванов А.И. Национально-освободительное движение в Чечне и Дагестане в 60-70 г. XIX в. // Исторические записки. – 1941. – №12.

[191] Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.,2000.

[192] Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.,2000. – С.15-16.

[193] Исаева Т.А. Феодальные владения на территории Чечено-Ингушетии в XVII в. // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Грозный,1977., Скитский Б.В. К вопросу о феодальных отношениях в истории ингушского народа // Ингуши. – Саратов,1996. – С.72-76.

[194] Арабоязычные документы эпохи Шамиля. – М.,2001. – С.5-6.

[195] Эльчибекян А. Генерал-адъютант М.Т. Лорис – Меликов. – Ереван,1942.

[196] Епанешников Н.В. Политический проект Лорис – Меликова. Дис. …канд. ист. наук. – Б.м.,1948.

[197] Дегоев В.В. Генерал Мусса Кундухов: история одной иллюзии. (К проблеме национально-культурного самопожертвования в русско-кавказском мире) // Сборник Русского исторического общества. Т.7 (155). Россия и мусульманский мир. – М.,2003.

[198] Калашников Г.В. Проблема биографики военных деятелей России XVIII века // Источниковедческие и методологические проблемы биографических исследований: Сборник материалов научно-практического семинара (Санкт-Петербург, 4-5 июня 2002 г.) – СПб.,2002. – С.5-6.

[199] Тернавский Н.А. Вышли в свет // Новый исторический вестник. – М.,2005. – С.278-279.

[200] Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. – СПб.,2008.

[201] Тедтоев А. К вопросу о переселении части горцев в Турцию // Молодой коммунист. – 1953. – №63. – С.2. Тотоев М.С. К вопросу о переселении кабардинцев в Турцию // СОНИИ. Т.18. – Орджоникидзе,1949.

[202] Лайпанов Х.О. К истории переселения горцев Северного Кавказа в Турцию // Труды Карачаево-Черкесского НИИ. Вып.5. – Ставрополь,1966.

[203] Кочекаев Б. –А.Б. Классовая структура ногайского общества в XIX – XX в. – Алма-Ата,1969, Гриценко Н.П. Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в пореформенный период (1861-1900). – Грозный,1963.

[204] Гриценко Н.Б. Рабство и рабовладение в Чечено-Ингушетии (XV – первая половина XIX вв.) // Известия ЧИНИИ. Т.Х. – Грозный,1976.

[205] Мужев И.Ф. Горцы Северного Кавказа в период империализма (Социально-экономический очерк). – Нальчик,1965.

[206] Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М.,1968.

[207] Фадеев А.В. Формирование землевладельческого капитализма на Северном Кавказе в пореформенный период // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959. – М.,1961.

[208] Джафаров К.И. История техники и технологии нефтяного дела на Северном Кавказе. Дис. …докт. техн. наук. – М.,1999. – С.26.

[209] Колосов Л.Н. О степени изученности Грозненского нефтяного дела // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып. I. – Грозный,1978.

[210] Оль П.В. Иностранные капиталы в России. – Пг.,1922. Притула А.Ф. Грозненская нефтяная и терская горная промышленность перед национализацией. – М.,Л.,1925.

[211] Киняпина Н.С. Политика русского самодержавия в области промышленности (20-50-е годы XIX в.). – М.,1968. Рыбаков Ю.Я. Промышленная статистика России XIX в. Источниковедческий анализ. – М.,1976. Корепанова С.А. Промышленные выставки России XIX века: к 120-летию Сибирско – Уральской научно – промышленной выставки 1887 г. – Екатеринбург,2007. – С.11.

[212] Денискин В.И. Сельское хозяйство терских казаков в пореформенный период. Дис. …канд. ист. наук. – Грозный,1974.,Куприянова Л.В. Города Северного Кавказа во второй пол. XIX в.: К проблеме развития капитализма вширь. – М.,1981., Казаков А.И. Страницы истории г. Грозного: краеведческие этюды. – Грозный,1989., Гриценко Н.П. Города Северо – Восточного Кавказа и производительные силы края V – XIX в. – Р н/Д.,1984.

[213] Мамбетов Г.М. Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии (втор. пол XIX – 60-е годы XX в.). Дис. …докт. ист. наук. – Б.м. 1971., Гаджиева С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – нач.XX вв. – М.,1976.

[214] Хасиев С.-М.А. Земледелие чеченцев и ингушей в XIX – перв. четв.XX вв. (К проблеме истории земледелия народов Северного Кавказа). Дис. …канд. ист. наук. – М.,1973., Хасиев С.-М.А. О некоторых орудиях обработки почвы у вайнахов в XIX – XX в. // Советская этнография. – 1973. – №1. – С.139.

[215] Шавлаева Т.М. Из истории развития шерстяного промысла чеченцев в XIX – нач. XX вв.: историко – этнографическое исследование. Дис. …канд. ист. наук. – Грозный,2006. – С.13.

[216] Хасбулатов А.И. Сословный характер аграрно-административных реформ в 60-х г. XIX в. в Чечено-Ингушетии // Вопросы истории классообразования и социального движения в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI– XX в.) – Грозный,1980., Кокурхаев К.А. Правовая система и судопроизводство чеченцев и ингушей // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т.XI. – Грозный,1977., Ортабаев Б.Х. Усиление колониального режима царизма на Северном Кавказе на рубеже XIX – XX вв. // Проблемы истории и культуры народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе,1985.

[217] Кокурхаев К.-С. А.-К. Общественно-политический строй и право чеченцев и ингушей (втор. пол. XIX – нач. .XX в). – Грозный,1989.

[218] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX началеXX века (на материалах Терской области). Дис. …канд. ист. наук. – М.,2004. – С.16.

[219] Гриценко Н.П. Горский аул и казачья станица Терека накануне Великой Октябрьской социалистической революции. – Грозный,1972.

[220] Гриценко Н.П. Горский аул и казачья станица Терека накануне Великой Октябрьской социалистической революции. – Грозный,1972. Гриценко Н.П. К вопросу

о социально – экономических отношениях в Чечено – Ингушетии в пореформенный период (Поземельные отношения) // ЧИНИИ. Известия. Т.5.Вып.1. История. – Грозный,1964.

[221] Саидов И.М. Землевладение и землепользование у чеченцев и ингушей в XVIII – XIX веках // Известия Чеч – Инг. НИИ. – Грозный,1964. – Т.4. Вып.1 (История). – Грозный,1964.

[222] Исаев С. – А.А. Присоединение Чечни к России (Аграрная политика царизма и народные движения в крае в XIX в.). Дис. …докт. ист. наук. – М.,1998. – С.137-138, 310-311.

[223] Бондарева О.А. Сословный строй и сословное право народов Северного Кавказа в XIX веке. Дис. …канд. юрид. наук. – Краснодар,2006. – С.3.

[224] Ортабаев Б.Х. Усиление колониального режима царизма на Северном Кавказе на рубеже XIX – XX вв. // Проблемы истории и культуры народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе,1985.

[225] История народов Северного Кавказа (кон.XVIII в. – 1917 год). Т.1-2. М.,1988., История Кабарды с древнейших времён до наших дней. Т.1-2. – М.,1967., Очерки истории Чечено-Ингушетии. Т.1-2. – Грозный,1965.

[226] Ратушняк В.Н. Актуальные проблемы истории и историографии Северного Кавказа. – Краснодар,2000. – С.6-7.

[227] Исаев С. – А.А. Присоединение Чечни к России (Аграрная политика царизма и народные движения в крае в XIX в.). Дис. …докт. ист. наук. – М.,1998. – С.145-146. Ратушняк В.Н. Актуальные проблемы истории и историографии Северного Кавказа. – Краснодар,2000.

[228] Киняпина Н.С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX веке // Вопросы истории. – 1983. – №4. Киняпина Н.С. Политика русского самодержавия в области промышленности (20-50-е годы XIX в.). – М.,1968.

[229] Дзидзария Г.А. Мухаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми,1975.

[230] Дзидзария Г.А. Труды. Т.III. Из неопубликованного наследия. – Сухум,2006. – С.237.

[231] Авксентьев А.В. Ислам на Северном Кавказе. – Ставрополь,1973.

[232] Муслимова А.С. Народное образование в Дагестане во второй половине XIX – начале XX веков. Автореф. дис. …канд. ист. наук. – Махачкала,2002. – С.11.

[233] Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). Автореф. дис. …докт. ист. наук. – М.,2003. – С.15.

[234] Батунский М.А. Россия и ислам. Т.III. – М.,2003.

[235] Четверикова Е.В. Правительственные общества на юге России в конце XIX – начале XX в. (на материалах Ставрополья, Дона и Кубани).: Дис. …канд. ист. наук. – Ставрополь,2005. – С.54.

[236] Дамения И.Х. Историография истории народов Кавказа XIX – нач. XX в. – СПб,1996. – С.40-43.

[237] Заурбекова Г.В. Сепаратизм в Чечне. – М.,2000. – С.18.

[238] Тилинина Т.В. Особенности заблуждений в общественных науках // Общество и право. – Краснодар,2007. – № 2 (16). – С.21,23.

[239] Кумпан В.А. Национальная политика самодержавия на Северо – Западном Кавказе в пореформенный период (1864-1917). Дис. …канд. ист. наук. – Краснодар,2000. – С.10.

[240] Соловьёв В.С. Национальный вопрос с нравственной точки зрения. – М.,1917. – С.6.

[241] Кумпан В.А. Национальная политика самодержавия на Северо – Западном Кавказе в пореформенный период (1864-1917). Дис. …канд. ист. наук. – Краснодар,2000. – С.10.

[242] Дзамихов К.Ф. Адыги в политике России на Кавказе (1550-е – начало 1770-х гг.). – Нальчик,2001. – С.32.

[243] Агаджанов С.Г. Основные черты системы управления национальных окраин России (Опыт сравнительно-исторического анализа) // Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М.,1998. – С.8.

[244] Дзамихов К.Ф. Адыги в политике России на Кавказе (1550-е – начало 1770-х гг.). – Нальчик,2001. – С.8.

[245] Омаров А.И. Политика России на Северо – Восточном Кавказе в XIX – начале XX века. Дис. …докт. ист. наук. – Махачкала,2004. – С.31.

[246] Омаров А.И. Политика России на Северо – Восточном Кавказе в XIX – начале XX века. Дис. …докт. ист. наук. – Махачкала,2004. – С.30.

[247] Чжун Се Чжин. Кавказская война и Исламский фактор на Северном Кавказе (Первая половина XIX века). Дис. …канд. ист.наук.– М.,2005. – С.23.

[248] Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. – М.,1994. – С.583.

[249] Клычников О.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.). Дис. …докт. ист. наук. – Пятигорск,2004. – С.50-51.

[250] Мутиева О.С. Роль женщины-казачки в жизни населения Нижнего Терека в XIX – начале XX вв. Дис. …канд. ист. наук. – Махачкала,2004. – С.57.

[251] Воронина О.Г. Из истории изучения национального конфликта (Чечня и развитие российско-чеченских отношений) // Universitas: Наука в контексте современной культуры. Сборник статей. – СПб.,2001. – С.248.

[252] Куценко И. «Русские и адыги живут добрососедски, их отношения являют собой образец современного общежития народов, достойный для подражания не только в России, но и в мире. Однако память о Кавказской войне, затуманенная, сглаженная полуправда описаний наносит ущерб взаимоотношениям между людьми / И. Куценко // Черкессия. – Черкесск,2004. – № 2. – С.17-18. Рябиков А.Н. Военно – дипломатический аспект деятельности России на Кавказе в контексте международных отношений в первой трети XIX в. Дис. …канд. ист. наук. – Армавир,2007. – С.18.

[253] Карагезов Р. Коллективная память и «политика памяти» в странах Центрального Кавказа // Центральная Азия и Кавказ – Швеция,2005. – № 6 (42). – С.58.

[254] Мусаева Х.М. Проблема борьбы с преступностью на Северном Кавказе (региональный аспект). Дис. …канд. юрид. наук. – Краснодар,2004. – С.11,17.

[255] «Навеки вместе» (о добровольном вхождении Чечено-Ингушетии в состав России). – Грозный,1980. – С.17,78.

[256] Виноградов В.Б. «Российскость» как парадигма северокавказского историко-культурного единства в составе России // «Российскость» в истории Северного Кавказа. Серия «Вопросы Северокавказской истории». – Армавир,2002.

[257] Лапин В.В. К вопросу о хронологических рамках Кавказской войны XVIII – XIX вв. // Страницы российской истории: Проблемы, события, люди. – СПб.,2003. – С.94-95.

[258] Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – нач.XX в.) – СПб.,1998. – С.18.

[259] Малахова Г.Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII – XIX вв. – Р н/Д.,2001. – С.248.

[260] Сахаров А.Н. Россия: Народ. Правители. Цивилизация. – М.,2004. – С.704.

[261] Лапин В.В. Кавказская война-война взаимного непонимания // Россия и Кавказ: История. Религия. Культура. – СПб.,2003. – С.5.

[262] Воробьёва Е.И. Мусульманский вопрос в имперской политике Российского самодержавия : втор. пол.XIX в. – 1917 г. Дис. …канд. ист. наук. – СПб,1999. – С.7,9.

[263] Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50 гг. XIX в.: Материалы Всесоюзной научной конференции, 20-22 июня 1989 г. – Махачкала, 1989.

[264] История и основные этапы становления государственной границы на юге России и перспективы развития Краснознаменного особого пограничного округа. – Ставрополь,1997. – С.9.; Моренов И.С. Национальные интересы России на Северном Кавказе: исторический опыт и современная практика обеспечения (политологический анализ). Дис. ….канд. полит. Наук. – М.,2003. – С.53-54,57.

[265] Осипова М.Н. Великий русский реформатор фельдмаршал Д.А. Милютин. – М.,2005. – С.132.

[266] Гапуров Ш.А. Еще раз о горско – казачьих набегах // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 19-20 апреля 2005 года. – М.,2006. – С.208,214.

[267] Дамения И.Х. Историография истории народов Кавказа XIX – XX в. – СПб.,1996. – С.43.

[268] Ислам на Северном Кавказе: история и современность. Материалы Всероссийской научно – практической конференции. – Махачкала,2006. – С.3.

[269] Голованова С.А. Казачество Терека и Кубани: этнополитические и культурно-исторические особенности становления и эволюции (вторая половина XVI – XIX в.). : Дис. …докт. ист. наук. – Армавир,2005. – С.264.

[270] Дунюшкин И.Е. Терское казачество в межнациональных отношениях на Северном Кавказе. (1905-1917). Дис. …канд. ист. наук. – Екатеринбург,1996. – С.20.

[271] Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.,2000. – С.16-17.

[272] Гапуров Ш.А. Еще раз о горско – казачьих набегах //Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. Москва,19-20 апреля 2005 года. – М.,2006. – С.204.

[273] Гапуров Ш.А. Россия и Чечня в первой четверти XIX века. – Нальчик,2003. – С.61,81.

[274] Лапин В.В. национальные формирования в Кавказской войне XVIII – XIX вв. // Кавказ и Россия. Прошлое и настоящее. История. Обычаи. Религия. Сборник. – СПб.,2006. – С.21-22.

[275] Салчинкина А.Р. Специфика боевых действий на Кавказе в 1817-1864 гг. глазами офицеров Отдельного Кавказского корпуса // Клио. – СПб.,2007. – № 1 (36). – С.75.

[276] Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. – СП.,2008. – С.200-201,207,215.

[277] Военное законодательство Российской империи. – М.,1996. – С.369.

[278] Дикаев С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера (криминологическое и уголовно-правовое исследование). – СПб.,2006. – С.205.

[279] Дикаев С.У. Терроризм: феномен, обусловленность и меры противодействия (уголовно-правовое и криминологическое исследование). Дис. …докт. юрид. наук. – СПб.,2004. – С.112-114.

[280] Бобровников В.О. «Горское хищничество» в теории и практике российского ориентализма на Северном Кавказе в XIX в. // Меняющаяся Европа: Проблемы этнокультурного взаимодействия. – М.,2006. – С.372,380.

[281] Немирович – Данченко В. Вдоль Чечни Из летней поездки по Каспийскому морю // Русские ведомости. – М.,1888. – №27,32. – С.2.

[282] Дзидзоев В.Д. Национальная политика: уроки опыта. – Владикавказ,1994. – С.22-23.

[283] Авраменко А.М., Матвеев О.В., Матющенко П.П., Ратушняк В.Н. Об оценке Кавказской войны с научных позиций историзма // Кавказская война: уроки истории и современность. – Краснодар,1995. – С.29.

[284] Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (Исторические очерки) / Под ред. Академика В.Б. Виноградова. – Пятигорск,2006. – С.26,28,32-33.

[285] Сайдумов Д.Х. Обычное право чеченцев. Дис. …канд. юрид. наук. – Махачкала,2006. – С.76.

[286] Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. – М.,2001.

[287] Георгиев В.А. «В.В. Дегоев. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин». М.,2001. // Отечественная история. – 2002. – №4. – С.187.

[288] Гатагова Л.С., Трепавлов В.В. Кавказская война // Преподавание истории в школе. – М.,2006. – №1. – С.13.

[289] Веселие Руси. XX век. Градус новейшей истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». – М.,2007. – С.190.

[290] Ключевский В.О. Курс русской истории. Сочинение в 9 томах. Т.1. – М.,1987. – С.50.

[291] Дзамихов К.Ф. Адыги в политике России на Кавказе (1550-е г. – начало 1770-х гг.). – Нальчик,2001.

[292] Горбунов А.П. «Свое» и «Чужое» в истории Кавказской войны и ее отображении: преодоление противостояния // История Северного Кавказа: социально-экономические, национальные и политические процессы. – Пятигорск,2004. – С.3-4.

[293] Салчинкина А.Р. Кавказская война 1817-1864 гг. и психология комбатанства. Дис. …канд. ист. наук. – Краснодар,2005. – С.38-39.

[294] Святой праведный Иоанн Кронштадский. Творения. Дневник. Т.IV.,1862. – М.,2006. – С.156,418,430473-474.

[295] Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряжённости. – М.,1998., Черноус В.В. Кавказ – контактная зона цивилизаций и культур // Кавказ: проблемы культурно – цивилизационного развития. – Р н/Д.,2000.

[296] Сахаров А.Н. Россия: Народ. Правители. Цивилизация. – М.,2004. – С.699.

[297] Робакидзе А. И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. – Махачкала,1988. – С.8.

[298] Могильницкий Б.Г. К вопросу о теоретико – методологических основах немарксистской историографии // Современная зарубежная немарксистская историография. Критический анализ. – М.,1989. – С.8.

[299] Гапуров Ш.А. Россия и Чечня в первой четверти XIX в. – Нальчик,2003. Ахмадов Ш.Б. Культура чеченцев в XVIII веке // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М.,2006. Ахмадов Я.З. История Чечни с древынейших времен до конца XVIII века. – М.,2001. Акаев В.Х. Суффизм и ваххабизм на Северном Кавказе. – М.,1999. Багаев М.Х. Русская и советская историография древней и средневековой материальной и духовной культуры чеченцев // Культура Чечни. – М.,2002. Гакаев Д.Д. Очерки политической истории Чечни (XX век): В 2ч. – М.,1997.Хасбулатов А.И. К вопросу о феодальных отношениях в Чечено – Ингушетии // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. – Махачкала,1988. Алхазуров М.И. Становление и развитие Чеченской Республики: историко-политологический анализ. Дис. …канд. политол. Наук. – М.,2006. – С.8.

[300] Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. – М.,2001. Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М.,2005. Якубов А. Чеченская история: за и против // Голос Чеченской Республики. – Грозный,2007. – № 09 (211 72). – С.3-4.

[301] Культура Чечни: история и современные проблемы. – М.,2006.

[302] История Чечни (XIX век). – Грозный,2006. Якубов А. Чеченская история: за и против // Голос Чеченской Республики. – Грозный,2007. – № 09 (21172). – С.3.

[303] История Чечни (XIX век). – Грозный,2006. Рассказы по истории Чеченской Республики» – Грозный,2006.

[304] Багаев М.Х. Чеченцы XIX века // Вести Республики. – Грозный,2007. – № 96 (570). – С.4. Ибрагимова З.Х.. Мир чеченцев. XIX век. – М.,2007. Ибрагимова З.Х.Prospekt монографии «Мир чеченцев. XIX век» – М.,2007. Ибрагимова З.Х. Чеченский народ в Российской империи: адаптационный период. – М.,2006. Ибрагимова З.Х. Чеченцы в зеркале царской статистики (1860-1900). – М.,2006.

[305] Агаджанов С.Г. Основные черты системы управления национальных окраин России (Опыт сравнительно-исторического анализа) // Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М.,1998. – С.368-369.

[306] Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Учебное пособие для вузов. – М.,1995., История СССР. Учебник для педагогических институтов. 1861-1917. / Под. ред. В.Г. Тюкавкина. – М.,1990.

[307] Костанян Ю. Граф Михаил Тариелович Лорис – Меликов (1824-1888). – СПб.,2005.

[308] Матвеев В.А. Переселение горцев в Турцию: неучтённые детали трагедии и подлинные интересы России на Кавказе // Научная мысль Кавказа. – 1999. – №4. – С.35.

[309] Бажанов Е. Страна незаходящего солнца. Национальная политика Российской империи и самоназвание русского народа. – Самара,2006.

[310] Матвеев В. Кавказская война минувшего века: итоги и уроки // Ориентир. – 1998. – №10. – С.71.

[311] Давудов О.М. Дагестан накануне и в период русско-турецкой войны 1877-78 годов. Внутриполитическая обстановка. Обозрение классовой борьбы // История Дагестана с древнейших времён до наших дней. – М.,2004. – С.517.

[312] Исхаков С.М. Международная научная конференция «Национальный вопрос в интеграции и распаде СССР» // Отечественная история. – 2005. – №2. – С.212.

[313] Арляпова Е.С. Этнополитические процессы в Чечне: 1917 – 2000 гг. Дис. …канд. Полит. Наук. – С.65.

[314] Асхабов И.А.-Р. Чеченское оружие. – М.,2001.

[315] Гапуров Ш.А. Россия и Чечня в первой четверти XIX века. – Нальчик,2003. – С.31.

[316] Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). Автореф. дис. …канд. ист. наук. – М.,2003. – С.18-19.

[317] Черноус В.В. Кавказ – контактная зона цивилизаций и культур // Кавказ: проблемы культурно-цивилизационного развития. – Р н/Д.,2000.

[318] Бобровников В.О. Судебная реформа и обычное право в Дагестане (1800-1917) // Обычное право в России : проблемы теории, истории и практики. – Р н/Д.,1999.

[319] Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. – М.,2002.

[320] Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. – М.,2002. – С.21-24.

[321] Гатагова Л.С. Кавказ после Кавказской войны: этноконфликтный аспект // Вестник Института цивилизации. Вып.3. – 2000.

[322] Першиц А.И.,Смирнова Я.С. Юридический плюрализм народов Северного Кавказа // Общественные науки и современность. – 1998. – №1.

[323] Мисроков З.Х. Адат и Шариат в российской правовой системе: Исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. – М.,2002.

[324] Дегоев В.В. Об исторических аспектах взаимоотношений «Центр – периферия» в Кавказском контексте // Вестник института цивилизации. – Владикавказ,1998.

[325] Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – М.,2001.

[326] Воробьёва Е.И. Мусульманский вопрос в имперской политике Российского самодержавия : втор. пол. XIX в. – 1917 г. Дис. …канд. ист. наук. – СПб.,1999.

[327] Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918). Дис. …докт. ист. наук. – М.,2003.

[328] Итенберг Б.С. Военачальник и администратор на Кавказе // Отечественная история. – М., 2004. – №1.

[329] Исмаил-Заде Д.И. Граф И.И. Воронцов – Дашков. Наместник Кавказский. – М.,2005. – С.123.

[330] Лисицына Г.Г. Кавказский комитет – высшее государственное учреждение для управления Кавказом (1845-1882) // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. – СПб.,2001.

[331] Матвеев В.А. Сепаратизм на Северном Кавказе: границы явления на рубеже XIX – XX вв. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. – 2001. – №3-4.

[332] Казначеев А.А. Государственная политика в сфере присуждения ученых степеней в России (1802-1994). Дис. …канд. ист. наук. – Пятигорск,2004.

[333] Борчашвили Э.А. Социально – экономические отношения в Чечено – Ингушетии в XVIII – XIX в. Дис. …Докт. ист. наук.

[334] Исаев С. – А.А. Присоединение Чечни к России (Аграрная политика царизма и народные движения в крае в XIX в). Дис. …докт. ист. наук. – С.39.

[335] Журавлев В.В. Железные дороги Северного Кавказа в период капитализма. Дис. …канд. ист. наук. – М.,1964.

[336] Шавлаева Т.М. Из истории развития шерстяного промысла чеченцев в XIX – нач. XX вв.: историко – этнографическое исследование. Дис. …канд. ист. наук. – Грозный,2006.

[337] Магометова В.Д. Роль передовой русской интеллигенции в просвещении и развитии культуры среди горцев Северного Кавказа во второй половине XIX века». – Орджоникидзе,1981. Мамбетов Г.М., Каймаразов Г.Ш. Просвещение народов Северного Кавказа в конце XIX – начале XX века». – Р н/Д.,1980.

[338] Газзаева З.А. Школа, просветительская мысль и общественно – педагогическое движение на Северном Кавказе во второй половине XIX в. – Дис. …канд. пед. наук. – Владикавказ,2004.

[339] Арляпова Е.С. Этнополитические процессы в Чечне: 1917-2000 гг. Дис. …канд. полит. наук. – М.,2006.

[340] Алхазуров М.И. Становление и развитие Чеченской Республики: историко – политологический анализ. Дис. …канд. полит. наук. – М.,2006. – С.127.

[341] Ткаченко Д.С. Национальное образование в Российской империи XIX – начала XX в. (на материалах Северо – Кавказского региона). Дис. …докт. ист. наук. – Ставрополь,2006. – С.105.

[342] Ахмадов Ш.Б. Обычаи и традиции чеченцев как непреходящие ценности духовной культуры народов // Юг России: культурно-исторический феномен. Сборник научных статей. – Элиста,2004. – С.135.

[343] Арляпова Е.С. Этнополитические процессы в Чечне: 1917-2000 гг. Дис. …канд. политол. наук. – М.,2006. – С.93.

[344] Максаков И. Конец войны, не ставшей миром // Независимая газета. – М.,1999. – 2 июля. – С.5.

[345] Бадаев С.-Э.С. Вайнахская диаспора в Турции, Иордании и Сирии (История и современность). – Грозный,1998. – С.65.

[346] Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX – первая половина XX века). – М.,2001.

[347] Абдуллаева М.И. Переселение дагестанцев в Османскую империю во второй пол. XIX – нач.XX в. (Причины и последствия). Дис. …канд. ист. наук. – Махачкала,2000. – С.24.

[348] Izzet Audemir .Yoc. Ankara,1988 (на тур.яз); Барзадж Н.Тахджиру аш Щаракиса («Эмиграция черкесов»). – Amman,1987 (на араб. языке) Khairallah K. T. La Syrie. – Paris,1912. Хавжока Ш.Абитталь ва абаттыр фи тарихи аш Щаракиса. («Герои и императоры в истории черкесов»). – Бейрут,1972. (на араб.языке).

[349] Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX – первая половина XX века). – М.,2001. – С.7.

[350] Ибрагимова З.Х. Чечня после Кавказской войны (1863-75 гг.) (По архивным источникам). – М.,2000. – С.10.

[351] Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. – М.,1998.

[352] Селунская Н.Б. Россия на рубеже XIX – XX веков (в трудах западных историков). – М.,1995. – С.3-4.

[353] Дегоев В.В. Социально-политические вызовы XXI века и пути развития российского кавказоведения // Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы международной научной конференции Москва, МГИМО (У) МИД России 16-17 мая 2006 г. – М.,2007. – С.30-32.

[354] Lewis Norman. Nomads and settlers in Syria and Jordan (1800-1980). – Cambridge, 1987; de Proux. Les Tcherkesses // La Franse Mediterraneene et Africaine. – Paris, 1938. Fask.4; Schumacher Y. The Jaulan.– London, 1889; Bell Y. Syria. The Desert. The Sown. – London, 1919; Conflict. Cleavage, and change in Centrae Asia and the Caucasus. – Cambridge, 1997; Seibt W. Die Christi – anisierung des Kaukasus. – Wien, 2002.

[355] Киняпина Н.С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX веке // Вопросы истории. – 1983. – №4. – С.35., Rieber A. The Politics of Autocracy. Letters of Alexander II to Prince A.J. Bariatiski 1857-1864. – Mouton. 1966; Extending the borders of Russian history. – New York,2003; The Caspian Region. Vol. 2. The Caucasus. – New York, 2004; Osmanismus, Nationalismus und der Kaukasus. – Wiesbaden, 2005.

[356] Moshe Gammer. The Lone Wolf and the Bear. Three Centuries of Chechen Defiance of Russian Rule. – Pittsburgh,2006.

[357] J. Bruce Transcaucasia and Mount Ararat. – London, 1877; Reineggs J. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. – St. Petersburg, 1796.

[358] Мегрелидзе Ш.В. Закавказье в Русско-турецкой войне 1877-1878 гг. – Тбилиси,1972. – С.44; The Nations of to-day A New History of the World Edited by John Bughan. The Baltic and Caucasian states. – London,1923.

[359] Vagabond A. in the Caucasus. London. John Lane the bodeey Head. 1915.

[360] Reisen im Kaukasus: Ber. aus dem Jh. – Leipzig,1987

[361] Герберт А. «Развитие ресурсов этой области тормозится существующей системой» (Кавказ глазами английского полковника (1889) // Источник. – 1999. – №5. – С.34.

[362] Ritter O. Der Kaukasus und seine bedeutung fur Rusland. – Leipzig. 1877.

[363] Мегрелидзе Ш.В. Закавказье в Русско-турецкой войне 1877-1878 гг. – Тбилиси,1972. – С.6.

[364] Олейников Д.И. Теория контактных зон и диалога культур применительно к продвижению России на Северный Кавказ в 1810-1860-е гг. // Actio Nova. 2000. – М.,2000. – С.318.

[365] Baddley J.F. The Russian Conguest of the Caucasus. L.,1908.; Hopkirk P. The Great Game. On Secret service in High Asia. – Oxford, 1991.

[366] Dalhoff-Nielsen P. Krudttonden Kaukasus: Konflikter I tidligere sovjetrep. – K.,1992; Dumas A. Chamil et la resistance tchechene contre les Russes. – Paris,2001; Pe drumurile caucazului. – Bucuresti, 1990; Charachidze G. La memoire indo-europeenne du Caucase. – Paris,1987; Thual F. Le Caucase: Armenie, Azerbaidjan, daghestan, Georgie, Tchtchenie. – Paris,2001.

[367] Гайер Д. Российский империализм. Взаимосвязь внутренней и внешней политики.1860-1914. – Геттинген,1977. Geyer D. Russian Imperialism. N.Y. Englich translation,1987.

[368] Цит. по: Б.Башилов. Миф о русском «сверх империализме». – Буйнос Айрес,1952.

[369] Hill G. Cartographical curiosities. – London,1978.– P.48-49.

[370] Данилин С.А. Образ России и ее политики в англо – американской публицистике конца XIX – начала XX вв. Дис. …канд. ист. наук. – М.,2006. – С.31.

[371] Die Russische Weltmacht in Mittel – und Westasien von Dr. Paul Rohrbach. – Leipzig. 1904.

[372] Allen W. Caucasian battlefield. – Camrbrilge. 1953.

[373] Acar K. An examination of Russian imperialism: Russian military and intellectual descriptions of the Caucasians during the Russo – Turkish war of 1877-1878 // Nationalities papers – N.Y.,2004. – Vol. 32. – № 1.

[374] Rhinelander G.H. Russias Imperial Policy. Administration of the Caucasus in the First. Half of the XIX th Century. – Canalian Slavonic Papers, 1875. Atkin M. Russia and Iran 1780-1828. – Minneapolis, 1980.

[375] Seton – Watson N. The Russian empire, 1801-1917. Oxf.: Clarendon,1989. Hite I. Duscovering history: Tsarist Russia 1801 – 1917. – Ormskirk: Causeway,1989. Hoffmann P. Russland im Zetalter lts Absolutismus. – Vaduz,1988.

[376] Краг Х., Хансен Ларс Функ. Северный Кавказ: народы на перепутье. – СПб.,1996.

[377] Shnirelman V. The polities of a name Between consolidation and separation in the Northern Caucasus // Acta slavica iaponica. – Sapporo,2006 – T.23.

[378] Mostashari Firouzeh. On the religious frontier: tsarist Russia a. Islam in the Caucasus. – London, New York, Tauris,2006.

[379] Ignatieff M. The Russian album. – L.: Chatto,1987.

[380] Layton S. Russian Linerature and Empire. – Cambridge,1994; Magarotto L. I mito del Caucaso nella litteratura russa: (Saggi su A. Puskin e L. Tolstoj). – P.,1992.

[381] Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. – М.,2000.

[382] Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). Автореф. дис. …канд. ист. наук. – М.,2003. – С.20.

[383] Пол В. Верт. От «сопротивления» к «подрывной деятельности»: власть империй, противостояние местного населения и их взаимозависимость // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. – М.,2005. – С.9.

[384] Семенов А. Интервью Марка фон Хагена и Ричарда Уортмана о проблеме нового курса по истории России // Ab Imperio. Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. – Казань,2001. Бичерова Н.С. История России второй половины XIX – начала XX века в современной американской русистике. Дис. …канд. ист. наук. – Рязань,2003. – С.90-91.

[385] Каррер А.Э. Евразийская империя: История Российской империи с 1552 г. до наших дней. – М.,2007.

[386] Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. – М.,2007. – С.44.

[387] Д. Ливен Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. – М.,2007. – С.16.

[388] Pahl M. Kaukasus. – Paderborn,2008; Fikret A. Osmanismus und der Kaukasus Muslime und Christen, Turken und Armeier im 19. und 20. Jahrhundert – Wiesbaden.2005; Krisenherd Kaukasus / Uwe Halbach / Andreas Kappeler (Hrsg). – 1. Aufl. – Baden-Baden.1995; Sidorko C.P. Dschihad im Kaukasus Antikolonialer Widerstand der Dagestand

und Tschhetschenen gegen das Zarenreich (18. Jahrhundert bis 1859). – Wiesbaden.2007; Gumppenberg M.C. Der Kaukasus Geschichte. Kultur. Politik. – Munchen.2008; Dr. phie Jschchanian B. Nationaler Bestand. Berufsmosige Gruppierung und soziale Gliederung der kaukasiscchen Volker. – Berlin und Leipzig,1914.

[389] Белгородская Л.В. Образ Российской империи в зеркале англо – американских справочно – энциклопедических изданий XX в.: монография. – Красноярск,2006. – С.125-126.

[390] Марк фон Хаген. История России как история империи: перспективы федералистского подхода // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей / Под ред. А.И. Миллера. – М.,2004. – С.15.

[391] Barret T.M. At the Edge of Empire The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier. 1700-1860. – Westview Press, 1999.

[392] Белгородская Л.В. Образ Российской империи в зеркале англо – американских справочно – энциклопедических изданий XX в.: монография. – Красноярск,2006. – С.168-169.

[393] Kalpana Sahni. Crucifying the Orient : Russian Orienta lism and the Colonization of Caucasus and Central Asia. – Bangkok; Oslo, 1997.

[394] Geraci R. Windowon the East National and imperial identities in late tsarist Russia. Ithaca,2001.

[395] Барретт Т. Линии неопределённости: северокавказский «фронтир» // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период. Антология. – Самара,2000. – С.163-195.

[396] Бичерова Н.С. История России второй половины XIX – начала XX века в современной американской русистике. Дис. …канд. ист. наук. – Рязань,2003. – С.46.

[397] Большакова О.В. Власть и политика в России XIX – начала XX века: американская историография. – М.,2008. –
С.235,237.

[398] Авторханов А. Мемуары. – Франкфурт на Майне,1983. Матвеева Л.Д. Зарубежная историография национально – государственного строительства в Среднем Поволжье и Приуралье. – Уфа,2005. – С.8.

[399] Артемов А. Абдурахман Авторханов // Посев. – М., Франкфурт на Майне,1997. – №4(1438). – С.47.

[400] Culture in Flux: Lower – class values, practices and Resistance in Late Imperial Russia / Ed. By Stephen Frank and Mark Steinberg. – Princeton,1994. Бичерова Н.С. История России второй половины XIX – начала XX века в современной американской русистике. Дис. …канд. ист. наук. – Рязань,2003. – С.34.

[401] Шпенглер О. Пессимизм ли это? // Новые идеи в философии. – М.,1991. – С.84.

[402] Абдулаеева П.А. Теоретико – исторические аспекты возникновения и развития обычного права народов Дагестана. Дис. …канд. юрид. наук. – Махачкала,2006. – С.84-85.

[403] Susan Layton. Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy. Cambridge,1994. – P.76.

[404] Grews R. Empire and the Confessional State: Islam and Religious Politics in Nineteenth Russia // American Historical Review,2003. Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.). Дис. …докт. ист. наук. – М.,2005. – С.47.

[405] Crews R. Empire and confessional state. Islam and religious politiks in nineteenth – century in Russia // Amer. hist. rev. – Wash.,2003. – Vol.3. – P.34-50.

[406] Seely R. Russo – Chechen conflict, 1800-2000 a deadly embrace. – Cass (London),2001. – P.45-46.

[407] Ibragimova Z. The Russian – Chechen Relations as a Factor of Boundary Dialoque (19 th Centure) // ICCEES Regional European Congress. Programme/Abstracts. August 2-4, 2007, Berlin, Germany. – Berlin,2007. – P.144.

[408] Le Hueroy A. Le conflit tchetchene après la mont d Aslan Maskhadov // Etudes. – P.,2005. – T.403, № 3. – P.161-170.

[409] Maas E., Kubanek B. Chechnya. War and History. – Berlin,2003.

[410] LIT Verlag. Osteuropa. – Berlin,2007. – S.10.

[411] The Norht Caucasus barrier: The Russe, advance towards the Muslim world. – London,1992 Studies in Caucasian linguistics: selected papers of the Eighth Caucasian colloquium. – Leiden,1999.

[412] Гакаев З. Предисловие // Краткая аннотированная библиография чеченского конфликта / Отв. ред. д.ф.н., профессор А.Д. Яндаров. – М.,2002. – С.3.

[413] Даннлоп Дж. Россия и Чечня: история противоборства. Корни сепаратистского конфликта. – М.,2001.

[414] Сабирова А.И. Новейшая российская историческая периодика (1991-2005) как источник по изучению истории национальных отношений в Российской империи и СССР. Автореф. дис. …канд. ист. наук. – Казань,2006. – С.5.

[415] Колесникова М.Е. Источниковая база по историческому краеведению Северного Кавказа (нач. период) // Из истории народов Северного Кавказа. Сборник статей. Вып.4. – Ставрополь,2001. – С.59.

[416] Селунская Н.Б. Россия на рубеже XIX – XX веков (в трудах западных историков). – М.,1995. – С.10.

[417] Крикунов В.П. Краткий обзор указателей источников и литературы по истории Дона, Кубани и всего Северного Кавказа. – Отрадная,1999. – С.11-12.

[418] Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI – XVII в. Сборник документов. – М.,1997. – С.7,328.

[419] Виноградов П.Б. Страницы истории развития здравоохранения Чечено-Ингушетии в 1917-1937 годах. – Тверь,2003.

[420] Тройно Ф.П. Документальные источники об арендных отношениях у горцев Северного Кавказа в досоветский период // Источники и историография аграрной истории Северного Кавказа. – Ставрополь,1983. – С.66.

[421] Лисицына Г.Г. Кавказский комитет – высшее государственное учреждение для управления Кавказом (1845-1882) // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. – СПб.,2001. – С.154.

[422] Архивы России. Москва и Санкт-Петербург. Справочник-обозрение и библиографический указатель. Русское издание. – М.,1997. – С.226.

[423] Шацкий П.А., Шацкая С.П. Обзор архивных источников по истории аграрных отношений Предкавказья в пореформенный период // Источники и историография аграрной истории Северного Кавказа. – Ставрополь,1983. – С.94.

[424] Сапожников А.И. Из истории военной цензуры в России: деятельность военно – цензурного комитета (1835-1858 гг.) // Клио. – М.,2002. – №4(19). – С.55.

[425] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области). Дис. …канд. ист. наук. – М.,2004. – С.25.

[426] Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля. Сборник документов. – М.,2005. – С.221.

[427] Псянчин А.В. Материалы к истории отечественной этнической картографии XVIII – XIX вв. (по фондам центральных архивов) // Народы Урало – Поволжья: история, культура, этничность. Материалы межрегиональной научно – практической конференции. Уфа, 28 ноября 2003 г. – Уфа,2003. – С.254-255.

[428] Ткаченко Д.С. Национальное образование в Российской империи XIX – начала XX в. (на материалах Северо – Кавказского региона). Дис. …докт. ист. наук. – Ставрополь,2006. – С.51.

[429] Кобычев В.П. Поселения и жилища на Северном Кавказе (XIX – XX в.) Дис. …докт. ист. наук. – М.,1984. – С.10.

[430] Агаев А.Г. Магомед Ярагский: Мусульманский философ. Поборник веры, свободы, нравственности. – Махачкала,1996. – С.8.

[431] Государственное геологическое предприятие «Российский федеральный геологический фонд» // Архивы России. Москва и Санкт – Петербург. Справочник – обозрение и библиографический указатель. Русское издание. – М.,1997. – С.250-251.

[432] Архивы России. Москва и Санкт-Петербург. Справочник-обозрение и библиографический указатель. Русское издание. – М.,1997. – С.251.

[433] Народы Кавказа: Каталог – указатель этнографической коллекции (Государственный этнографический музей). – Л.,1981.

[434] ГЦМСИР. № А 21 804. РГА КФД. Ал. 568. Мн.4.5.8.

[435] Ткаченко Д.С. Национальное образование в Российской империи XIX – начала XX в. (на материалах Северо – Кавказского региона). Дис. …докт. ист. наук. – Ставрополь,2006. – С.52-53.

[436] Архивы России. Москва и Санкт-Петербург. Справочник-обозрение и библиографический указатель. Русское издание. – М.,1997. – С.311.

[437] Герберт А. «Развитие ресурсов этой области тормозится существующей системой» (Кавказ глазами английского полковника. 1889) // Источник. – 1999. – №5. – С.30.

[438] Дамения И.Х. Историография истории народов Кавказа XIX – нач. XX в. – СПб.,1996. – С.5-6.

[439] Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). Составитель и автор вводной статьи, комментариев и приложений Д.Ю. Арапов. – М.,2001. – С.33.

[440] Законы о вере и веротерпимости. – СПб.,1899. – С.1.

[441] Парова Л.М. Деятельность правительственных учреждений Кавказского края во второй половине XIX – начале XX вв. по публикации источников по истории Кавказа (Принципы и методы издания). Дис. …канд. ист. наук. – М.,1985. – С.35.

[442] Колесникова М.Е. Источниковая база по историческому краеведению Северного Кавказа (нач. период) // Из истории народов Северного Кавказа. Сб. статей. Вып.4. – Ставрополь,2001. – С.58.

[443] Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII и. – 1917 г.). – СПб.,1993. – С.179-180.

[444] Несмачная С.И. Первое издание архивных документов на Кавказе // Кавказский сборник. Т.№2(34). – М.,2005. – С.351-353.

[445] Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.,2000. – С.61.

[446] Акты Кавказской Археографической комиссии. Т. XII . Ч.1,2,3. – Тифлис,1904.

[447] Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Ч.II. // Кавказский этнографический сборник. Т.46. – М.,1958. – С.279.

[448] Парова Л.М. Деятельность правительственных учреждений Кавказского края во второй половине XIX – начале XX вв. по публикации источников по истории Кавказа (Принципы и методы издания). Дис. …канд. ист. наук. – М.,1985. – С.34-35,185.

[449] Авксентьев А.В., Шаповалов В.А. Этносоциальные проблемы России. – Ставрополь,1994. – С.42.

[450] Парова Л.М. Деятельность правительственных учреждений Кавказского края во второй пол. XIX – нач.XX в. Автореф…канд. ист. наук. – М.,1985. – С.17.

[451] Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.,2000. – С.65.

[452] Захаров В.А.; Кравцова Т.Ю. «Кавказский сборник» // Кавказский сборник. Т.1(33). – М.,2004. – С.322,325.

[453] Парова Л.М. Деятельность правительственных учреждений Кавказского края во втор. пол. XIX – нач. XX вв. Дис. …канд. ист. наук. – М.,1985.

[454] Дегоев В.В. К возобновлению издания «Кавказских сборников» // Кавказский сборник. Т.1(33). – М.,2004. – С.8.

[455] Парова Л.М. Деятельность правительственных учреждений Кавказского края во второй пол XIX – нач. XX в. Автореф. дис. …канд ист. наук. – М.,1985. – С.18-20.

[456] Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Ч.II. // Кавказский этнографический сборник. Т.46. – М.,1958. – С.187.

[457] Колесникова М.Е. Источниковая база по историческому краеведению Северного Кавказа (нач. период) // Из истории народов Северного Кавказа. Сб. статей. Вып.4. – Ставрополь,2001. – С.58.

[458] Авксентьев А.В., Шаповалов В.А. Этносоциальные проблемы России. – Ставрополь,1994. – С.42.

[459] Парова Л.М. Деятельность правительственных учреждений Кавказского края во второй половине XIX – начале XX вв. по публикации источников по истории Кавказа (Принципы и методы издания). Дис. …канд. ист. наук. – М.,1985. – С.183.

[460]Итенберг Б.С., Твардовская В.А. Граф М.Т. Лорис – Меликов и его современники. – М.,2004. – С.3-4.

[461] Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). – М.,2001. Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.). Дис. …докт. ист. наук. – М.,2005. – С.25.

[462] Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля. Сборник документов. – М.,2005. – С.7.

[463] Терская область. Начальник. Отчёт начальника Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1900 год. – Владикавказ,1901.

[464] Дамения И.Х. Историография истории народов Кавказа XIX – нач. XX в. – СПб.,1996. – С.7.

[465] Алиева Н.Э., Наменатов Р.А., Селиванова Н.А. Издания Кавказского статистического комитета как источник по истории книжного дела на Северном Кавказе // Книжное дело на Северном Кавказе. Вып.3. Сборник статей. – Краснодар,2005. – С.135-136.

[466] Хоруев Ю.В. 109 голосов. Справочник периодических изданий на Тереке. – Орджоникидзе,1966. – С.19.

[467] Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. – М.,2000. – С.209.

[468] Первая всеобщая перепись 1897 года. Терская область 1905 (4). Т.XVI. – СПб. Б.г.

[469] Терская область. Статистический комитет. Обзор Терской области за 1886 г. – Владикавказ,1886.

[470] Цит. по: Закриев Б.Б. Чечня в политике России в последней трети XVIII – начале XIX вв. Дис. …канд. ист. наук. – Грозный,2005. – С.37-38.

[471] Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.,2000. – С.69.

[472] Милютин Д.А. Воспоминания,1863-64 гг. – М.,2003.

[473] Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842-1867). – СПб.,1879.

[474] Витте С.Ю. Воспоминания. Т.1. – М.,1960.

[475] Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. – Махачкала,1995., Зайончковский П.А. История дореволюционной России в дневниках. Т.1. – М.,1976. – С.3.

[476] Милютин Д.А. Воспоминания. 1843-1856 гг. / Под ред. Л.Г. Захаровой. – М.2000.; Милютин Д.А. Воспоминания. 1856-1859 гг. / Под ред .Л.Г. Захаровой. – М.2000.;Милютин Д.А. Воспоминания,1863-64 гг. – М.,2003.

[477] Васильев А.М. Кавказская война во взглядах и деятельности Д.А. Милютина // Военная реформа в России : история и современность. – Екатеринбург,2002. – С.59-62.

[478] Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.,2000. – С.70.

[479] Арабоязычные документы эпохи Шамиля. – М.,2001.

[480] Шарафутдинова Р.Ш. Введение // Арабоязычные документы эпохи Шамиля. – М.,2001. – С.6.

[481] Дамения И.Х. Историография истории народов Кавказа XIX – нач.XX в. – СПб.,1996. – С.8.

[482] Хоруев Ю.В. Печать Терека и царская цензура. – Орджоникидзе,1971. – С.80.

[483] Султанов Ф. Периодическая печать на Кавказе. – Тифлис,1901. – С.6-12.

[484] Колесникова М.Е. Источниковая база по историческому краеведению Северного Кавказа (нач. период) // Из истории народов Северного Кавказа. Сборник статей. Вып.4. – Ставрополь,2001. – С.59.

[485] Лапин В.В. Кавказская война – война взаимного непонимания // Россия и Кавказ: История. Религия. Культура. – СПб.,2003. – С.13,16.

[486] Дунюшкин И.Е. Терское казачество в межнациональных отношениях на Северном Кавказе (1905-1917). Автореф. дис. …канд. ист. наук. – Екатеринбург,1996. – С.11.

[487] Исаев С. –А.А. Присоединение Чечни к России (аграрная политика царизма и народные движения в крае в XIX в.) Дис. …докт. ист. наук. – С.29

[488] Хоруев Ю.В. 109 голосов. Справочник периодических изданий на Тереке. – Орджоникидзе,1966. – С.15.

[489] Гудушаури Г.А. Грузино-Северокавказские культурные взаимоотношения в XIX – нач. XX в. Дис. …канд. ист. наук. – Тбилиси,1985. – С.27.

[490] Хоруев Ю.В. История печати на Тереке (1863-1907). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Махачкада,1966. – С.6-7.

[491] Шанаев Г. Кое-что о горцах. – Тифлис,1888.

[492] Хоруев Ю.В. 109 голосов. Справочник периодических изданий на Тереке. – Орджонтктдзе,1966. – С.18.

[493] Хоруев Ю.В. История печати на Тереке (1863-1907). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Махачкала,1966. – С.9-10.

[494] Ткаченко Д.С. Национальное образование в Российской империи XIX – начала XX в. (на материалах Северо – Кавказского региона). Дис. …докт. ист. наук. – Ставрополь,2006. – С.46-47.

[495] Исаев С. – А.А. Присоединение Чечни к России (Аграрная политика царизма и народные движения в крае в XIX в.). Дис. …докт. ист. наук. – М.,1998. – С.36.

[496] Мининков Н.А. Методология истории. – Р н/Д.,2004. – С.173.

[497] Авраменко А.М., Матвеев О.В., Матющенко П.П., Ратушнык В.Н. Об оценке Кавказской войны с научных позиций историзма // Кавказская война: уроки истории и современность. – Краснодар,1995. – С.24.

[498] Невская Т.А. Проведение Столыпинской аграрной реформы на Северном Кавказе (1906 –1917). Дис. …докт. ист. наук. – СПб.,1998. – С.11.

[499] Тайсаев К.У. Этнография традиционного спорта у народов Северного Кавказа. Дис. …докт. ист. наук. – М.,1997. – С.6.

[500] Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. – М.,1994. – С.12.

[501] Крайнюченко П.В. Рыбные промыслы на Юге России во втор. пол. XIX – начале XX века. Дис. …канд. ист. наук. – Р н/Д.,1998. – С.33.

ГЛАВА II.
ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО АППАРАТА НА КАВКАЗЕ

Расширение Российской империи

На страницах великой нетленной книги под названием «История России» запечатлелось множество сюжетов, отражающих жизнь огромной страны на протяжении столетий. Эти удивительные повествования проникнуты настоящим пафосом и глубоким драматизмом; наполнены разнообразными историческими персонажами, проявивших себя в делах государственного служения, в ратных подвигах, на ниве просвещения и культуры. И время той России оборвалось с падением монархии в 1917 году. Быстро затем выяснилось, что в тот судьбоносный год рухнула не только коронованная власть; распалась связь времен, ушел в небытие уникальный социокультурный феномен, имя которому – Россия. Гибель исторической России на взлете индустриального развития, на пике культурного цветения до сих пор завораживает внимание, удивляет и потрясает, заставляет людей снова и снова всматриваться в ушедшую даль; искать там, за историческим горизонтом, разгадку причин грандиозной трагедии, которая очень много определяет и сегодня.

Писатель Иван Бунин через два года после революции, в апреле 1919 года, произнес горькие, пророческие слова: «Наши дети, внуки не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, в которой мы когда-то (то есть вчера) жили, которую мы не ценили, не понимали, – всю эту мощь, сложность, богатство, счастье». В советской России, в царстве «серпа и молота» дозволено было изображать монархическую Россию лишь в густо – черных тонах. Насаждаемая «цветовая гамма» так прижилась, так «вошла в плоть и кровь» нескольких поколений соотечественников, что после падения социализма все еще продолжала господствовать в душах людей. Россия, конечно же, не была неким мифическим конфетно-бисквитным царством. Это был огромный и сложный социальный организм, где большое и малое, передовое и отсталое, великое и ничтожное, богатое и нищее соседствовали и сосуществовали. Это была действительно «цветущая сложность». Здесь каждый эпизод из необозримой череды их достоин отдельного внимания, требует особой палитры. Но не только. Помимо исторического знания, вкуса и ответственности – всего того,

что можно назвать «инструментальным мастерством», необходима еще и любовь к истории страны, родного края, искреннее уважение к делам своих предков[1].

Россия, добиваясь признания в Европе, смогла завоевать его, наращивая могущество, основанное на единстве, достигнутом между европейским наследием Руси и ее азиатским предназначением, проистекающим из территориальной непрерывности континента. Н. Алексееву удалось сформулировать властно-политическое измерение «русской идеи». Он считал, что: «…вся наша история и есть, прежде всего, борьба с Азией, приспособление к Азии и ассимиляция Азии». Далее он писал: «Государство наше родилось в процессе суровой долголетней борьбы с азиатскими кочевниками, которые были сначала победителями, а потом постепенно стали побежденными. Государство наше, выросшее в этой борьбе, типично имело характер военного общества, построенного как большая армия по принципу суровой тягловой службы»[2].

В 1864 г., завершив военные операции на Северном Кавказе, российские власти направили часть войск в Среднюю Азию, начав новую фазу в продвижении империи на Восток[3]. В 1880 г. командующим русскими войсками назначили генерала М.Д. Скобелева, непримиримого сторонника наступательной тактики в Средней Азии. Ему приписывают слова: «Дайте мне сто тысяч верблюдов, и я завоюю Индию». Однако были и те, кто скептически относились к пользе для России Средней Азии и призывали, пока не поздно, «Бросить этот заколдованный край». К середине 70-х гг. XIX в. большая часть территории Средней Азии прочно вошла в сферу геостратегических интересов России. Британский премьер-министр Р.А. Солсбери примирительно заявил в парламенте, что в Азии достаточно места и для русских и для англичан.

Присоединение Средней Азии получило широкий отклик в российском обществе и повлияло им на осознание им особой роли России в качестве евразийской державы. Царившие тогда настроения, пожалуй, лучше всех сумел передать в январе 1881 г. в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевский. Он признался, что почти два века русские стесняются своих симпатий к Востоку из-за боязни, что Европа сочтет их азиатами. Ф.М. Достоевский усматривал в Азии возможный «наш исход» в будущем как духовный, так и «цивилизаторский», ибо там «наши богатства» и там «у нас океан». По мнению писателя, двигаться в этом направлении было необходимо: «Англии бояться – никуда не ходить». К началу XX в. Российская империя по размеру территории – 22,2 млн. кв. км. – за-

нимала второе место в мире, уступая лишь Британской империи (31,9 млн. кв. км.). По численности населения – 185,2 млн. человек – Россия была третьей после Британской империи и Китая[4]. Кавказ по величине составлял лишь 48 часть Российской империи, по площади был почти равен Франции. Население Кавказа насчитывало 7-8 млн., из них русских было 2,5 млн. человек[5].

Без сомнения, расширяясь, России предстояло столкнуться с другими империями, которые заставили бы ее остановиться. Но помимо этого ее останавливали и естественные границы, например, тихоокеанское побережье и Северный Ледовитый океан. На протяжении почти трех веков великие европейские державы «мирились» с ростом могущества Российской империи и с процессом ее расширения. Но по окончании этого процесса они заставили ее принимать в расчет «равновесие сил». Без сомнения, империя принесла России огромные материальные выгоды, значительное расширение территории, рост населения, экономические ресурсы, тем более важные, что с конца XIX века быстрые темпы индустриализации требовали все больше сырья – все это давало большой государственный доход, ускоряло темпы развития производства и потребления. Мощный индустриальный рывок позволил ввести Россию в круг великих держав и даже занять там ведущие позиции[6].

Осмыслению роли империй в мире уже в XIX столетии уделялось много внимания. Очень точную константу империи сформулировал Н. Бердяев: «Лишь свободные граждане могут быть опорой империи. Большое количество бесправных, гонимых и всячески озлобляемых, представляет опасность». Иными словами, империя немыслима без правового сознания, немыслима при националистическом пафосе. Разумеется, имперская идея не есть нечто универсальное, не есть панацея, помогающая «здоровому» становлению человечества, иначе такая империя была бы создана раз и навсегда[7]. Российская империя хотя и подчинялась тем же законам государственно-правового развития, что и другие мировые империи, но, в то же время, имела свои индивидуальные особенности. А.М. Горчаков доносил до мира: «Политика нашего августейшего государя имеет национальный характер, она ни в коем случае не является эгоистичной, и, ставя интересы своих народов на первое место, его величество не допускает мысли о том, что этими интересами может быть оправдано нарушение прав других. В настоящее время Россию часто упрекают в излишней подозрительности и в не проходящем синдроме «осажденной крепости». Наверное, такая точка зрения имеет право на

существование, но надо учитывать и факт трагической истории Российского государства»[8].

Сложная диалектика федеративного и имперского, присущая властным отношениям в современной России и унаследованная ею из богатого исторического опыта противоборства, выражаясь словами А.Н. Радищева «вольности и деспотизма», часто воспринимается сегодня общественным сознанием односторонне и прямолинейно. Для определенных сил внутри страны характерно «жонглирование» понятием «имперская политика» как орудием политической борьбы, своего рода жупелом с приданием этому понятию исключительно негативного оттенка и с апелляцией к «проклятому советскому прошлому» как к «империи зла». На концептуальном, понятийном уровне ответ дает нам современный философ и политолог М.В. Ильин: «Настала, видимо, пора освободить это достойное слово (империя) от чисто пейоративного употребления, восстановить в отечественной традиции политическое понятие империи, питающееся как фактически автохтонной идеей царства – государства; так и более непосредственно связывающую нашу культуру с латинским источником – идеей империи в ее исходном вергилиевском смысле установления «обычаев мира» с помощью «милости и силы». Термин «империя» в таком его понимании оказывается коррелированным с отечественным понятием «держава»»[9]. Чтобы понять многообразие значений и нюансов слова «империя», необходимо проследить его эволюцию на протяжении тысячелетия. Понятие «империя» происходит от латинского слова «imperium», которое точнее всего переводится как «законная власть». Слово «император» в его первичном римском смысле переводится как «успешный полководец». И хотя даже в римские времена это слово должно было обозначать монарха, оно всегда сохраняло совершенно недвусмысленный военный оттенок[10].

В последнее время в современной западной и отечественной историографии активно развивается «новая история империй». В отличие от «старой», где основное внимание уделялось понятию империализма и милитаризма, в центре исследования нового направления находится взаимодействие национального и имперского. Приоритетными стали такие темы, как история элит, административное управление окраинами, взаимоотношения центра и периферии. Повышенное внимание к этим сюжетам во многом объясняется самим феноменом империй, объединявших в течение длительного времени огромные территории, населённые различными по своей культуре народами [11].

Одним из главных символов Российской империи было ее знамя, в истории которого отражается как в зеркале и история всей великой державы. В 1742 году было дано первое официальное подробное описание Государственного знамени Российской империи. На полотнище знамени положено было размещать изображение герба Российской империи: двуглавого орла и гербов территорий, входящих в ее состав. Гербы территорий России, размещенные на государственном знамени 1742 года, соответствовали титулу императрицы Елизаветы Петровны. В центре полотнища был изображен двуглавый орел с Московским гербом. Вокруг центрального изображения по периметру полотнища своеобразную кайму составил тридцать один герб царств, княжеств и областей в овальных щитках, в том числе и указаны на нижней кайме – Черкасские и Горские земли. Успехи внешней политики во втор. пол. XVIII – первой трети XIX столетия привели к значительному увеличению территории Российского государства. За этими территориальными изменениями следовало и изменение титула российских правителей. При Павле I было вставлено в титул: «Государь Иверских, Карталинския, Грузинския и Кабардинския земли». В соответствии с титулом к коронации императора Николая I, происходившей 22 августа 1826 года, государственное знамя было «исправлено»: на каждой стороне полотнища некоторые гербы закрасили и вместо них поместили гербы территорий, вновь вошедших в состав Российского государства[12].

Завоевание Кавказа произошло постепенно, по частям – восточный Кавказ был «замирен» в 1859, а западный в 1864 гг. По мере покорения кавказских народов и присоединения к России занимаемых ими территорий, здесь развивались и государственные учреждения. Еще до полного присоединения Кавказа было образовано кавказское наместничество. Для решения вопросов, превышавших власть наместника, в 1842 году был образован Кавказский комитет, в качестве органа верховного управления[13].

Особенно тяжелым для горцев был период адаптации к новым условиям жизни и новой власти. Полковник генерального Штаба Романовский отмечал, что в начале Кавказской войны все население Кавказа, за исключением Грузии и некоторых народов в Предкавказье, т.е. более 4/5 жителей Кавказа, враждебно встретило русские войска[14]. В ходе многолетней, затяжной войны местное население понесло значительные потери. Все это не могло не сказаться на отношении народа к установившимся после войны органам управления в регионе. Современные

исследователи вполне отдают себе отчет в том, что у нас «строилась империя, а не рай на земле». Вошедшие в состав России народы подвергались различным видам притеснений и эксплуатации, страдали от административного произвола и т.д. В то же время историками отмечается удивительная пластичность восточных славян вообще, их способность к вживанию в чужие этносы, приводившая порой к ассимиляции не русскими, а русских. Так было и на Кавказе[15].

Политика имперских властей по отношению к «инородцам» в России и на Западе

Важнейшей функцией империи в процессе расширения ее территории, включения в свой состав инокультурных компонентов является поиск оптимального режима их интеграции в общеимперский организм. Правительство стремилось сохранить здесь существовавшие до вхождения в состав России местные законы, учреждения, культуру. Как правило, избирался адаптивный способ управления территориями, осторожное и гибкое сочетание сохраняемых традиционных для автохтонного населения норм и порядка жизнедеятельности сложившейся системы отношений с военизированной и жесткой административной системой[16]. В широком плане адаптационные процессы, как действие и как состояние, охватывают едва ли не все социальные группы населения и многие сферы жизнедеятельности. Устойчивое развитие регионов в немалой степени зависит от качества, масштабов и глубины восприятия людьми ценностей и новшеств, привносимых модернизацией их традиционной жизни. Отсутствие концептуального понимания и надежной правовой основы адаптационных процессов, как свидетельствует история Императорской России, создавало искушение использовать насилие для создания и применения адаптационных механизмов. Навязанные сверху реформы в основном сопровождались болезненной ломкой традиционного образа жизни, психологическим напряжением, а, в конечном счете, серьезными потерями в деле консолидации общества и снижения отрицательных последствий социальной дифференциации[17].

Существует множество проблемных аспектов при вхождении новой группы людей в уже сложившееся сообщество. В любой теории противоречий существуют традиционные утверждения о «поляризации». Иохан Галтунг, основатель и первый директор Стокгольмского инсти-

тута исследований проблем мира, так характеризует данную проблему: «Конкретным выражением поляризации, конечно, является формирование союзов и блоков. Как группа реагирует на нового партнера? Отрицательно, если присоединятся сразу многие, нужно время, чтобы приспособиться к новым членам и новым условиям сосуществования»[18]. Адаптация к новым социокультурным условиям требует определенной гибкости, известного отказа от ряда традиционных представлений и норм. Это – необходимое условие эффективной совместной деятельности представителей разных культур. Одновременно с этим надо понимать, что модернизированность внешне наблюдаемого поведения, адаптированность к нормам нового сообщества и требованиям другого этнокультурного окружения ничуть не означают отказ от традиционных ценностей, традиционных представлений – эстетических, духовных, религиозных, социальных, психологических. Интеграция характеризуется идентификацией, как со старой, так и с новой культурами. Для достижения интеграции требуется взаимное приспособление. Эта стратегия требует от интегрирующейся общины адаптации к основным ценностям доминирующего общества[19].

Империя – это сложносоставное государство, в котором метрополия, так или иначе, отличается от периферии, а отношения между ними задаются метрополией и воспринимаются периферией как оправданное или неоправданное неравенство, субординация и эксплуатация. В ходе исследований выяснилось, что эти вопросы – одни из ключевых в изучении империй. Ментальное, смысловое значение империи порождается не только военно-политической экспансией, являющейся ее обоснованием и катализатором в аспекте реально-политическом, но и «имперской идеей» – продуктом мифологического сознания. Этнокультурные мифы начинают строить черты концепта, иногда они принимают рациональную оболочку, утрачивая самодостаточность и, все отчетливее соединяются с историей, в качестве ее первоначала. Мессианская ориентация, универсализм представлений о судьбе русского народа и государства предполагают именно имперский способ достижения цели – совершенного миропорядка. Из глубин общественного сознания рождается представление о неизбежности имперского пути России, об естественно – историческом характере возрастания ее пространств и народов. Н.А. Бердяев, например, писал о том, что «мессианская идея, заложенная в сердце русского народа, была плодом страдальческой судьбы русского народа, его взысканий Града Грядущего»[20].

Однако в Европе о России складывалось прямо противоположное мнение, зачастую редко подкрепленное весомыми доводами, но полное необъяснимого страха перед могущественной, постоянно расширяющейся и «непонятной» страной, отличной от всего мира и живущей только по своим правилам. В конце 1903 года на Западе появилась статья Дайси с мрачными взглядами на состояние России. По мнению публициста «… русские остаются нецивилизованным народом с варварской моралью. Неспособность русских к учению приводит к тому, что представители образованных народов набираются почти исключительно из евреев. Ведя постоянные завоевания, Россия не прививает покоряемым племенам высокие культурные идеалы, потому что сама воплощает бескультурье: моральная тьма русского правления непрерывно распространяется по всему земному шару»[21]. Генералу де Кастельбажаку, возглавлявшему посольство Франции в Санкт-Петербурге и считавшемуся знатоком России у себя на родине, принадлежат следующие слова: «…Россия чужда всякой логике. В самом деле, нет логики в этой империи – ни в народе, ни в дворянстве, ни в правительстве, ни даже у самого государя; нельзя о них судить по нравственным нормам нашей западной цивилизации… Будущее этого 60-миллионного народа, энергичного и смышленого, невежественного и легкомысленного, приверженного фанатизму и суеверию, лишенного моральных принципов, представляется мне пугающим как для него самого, так и для Европы» (1853 г.)[22].

Русские болезненно относились к тому, что Европа смотрела на них свысока и считала лишь «полуцивилизованным» народом. Лорд Керзон, например, утверждал, что завоевание Россией Средней Азии было «завоеванием одних восточных народов другими». По мнению Д. Ливен «наиболее радикальной реакцией россиян на пренебрежительное отношение европейцев была гордость своими полуазиатскими корнями и татарской наследственностью, а также осознанием «отдельности» от европейской цивилизации». Российское государство, безусловно, стало гораздо богаче и сильнее в результате если не всех, то большинства своих территориальных приобретений. Без этих завоеваний оно не стало бы великой державой[23].

Негативная информация о России издавна легче усваивалась в Западной Европе, чем позитивная. Недоверие веками составляло почву отношений. За злободневными придирками, поучениями и «причитаниями» скрыты фундаментальные недоразумения, конфликт архетипов, культурный диссонанс. Давнее соседство и смутно ощущаемое дальнее

родство (в широком смысле слова) только усиливали раздражение. Выдающийся американский политический мыслитель Джордж Кеннан писал: «Пути, которыми народы достигают достойного и просвещенного государственного строя, представляют собой глубочайшие и интимнейшие процессы национальной жизни. Иностранцам эти пути часто не понятны, и иностранное вмешательство в эти процессы не может принести ничего, кроме вреда». Тем не менее, на протяжении столетий Россию учили строить свое общество и свою историю западные политики, навязывая в этих поучениях свои идеалы и свои принципы, зачастую совсем не приемлемые здесь и вызывающие только раздражение и обострение взаимоотношений[24].

Политика царского самодержавия по отношению к «инородцам», национальным окраинам была направлена на укрепление унитаристских тенденций. Это явно противоречило не только российскому менталитету, но и европейским традициям либерализма. Именно в таких условиях сформировались позиции различных политических партий по национальному вопросу, в том числе российских социал – демократов, а затем и большевиков[25]. Н.Я. Данилевский в своем знаменитом трактате «Россия и Европа», обосновывая право России на «обуздание» горцев, писал: «В Шотландских горах, с небольшим лет сто тому назад, жило несколько десятков, а может, и сотен тысяч таких рыцарей свободы; хотя те были христиане, и пообразованнее, и посмирнее, – да и горы, в которых они жили, не Кавказским чета, – но, однако, Англия нашла, что нельзя терпеть их гайлендеровских привычек, и при удобном случае разогнала их на все четыре стороны»[26]. Разумеется, есть и будут оставаться государственные интересы держав, но они могут находить свое решение не путем диктата, силой оружия, методами давления, скрытой формой угроз и т.п., а цивилизованными методами, учитывая национальные интересы и достоинство тех или иных народов, сообществ, государств[27].

Из-за того, что в 1801 г. Ирландия стала частью Соединенного Королевства, историки Британской империи обычно выпускают ее из вида. Хотя еще в шестнадцатом веке именно в Ирландии были заложены основные принципы британского имперского правления. Они подразумевают идеологию цивилизационной миссии – глубокое (и, как правило, пренебрежительное) чувство культурного превосходства над аборигенами, а также доктрину «terra nullius» (ничейная территория, область, не подлежащая под сюзеренитет какого – либо государства). Как отмечал еще Гуго Гроций (1583-1645), «ничья земля» приравнивается к терри-

тории противника по праву вести на ней военные действия; предполагающую, что земля (и, как следствие другие экономические ресурсы), которую плохо обрабатывают отсталые местные жители, может быть законно экспроприирована более сильным и развитым захватчиком. Только в XIX веке британцы перестали рассматривать Ирландию как колонию, и точно так же поступили историки Британской империи[28].

У. Черчилль[29] так объяснял изменения в политике Британии в отношении Ирландии: «Отношения между Британией и Ирландией складывались в те столетия, когда независимость враждебной Ирландии угрожала самой жизни Британии. Всякий политический шаг, всякая перемена политики, всякая форма гнета, к которым прибегала более сильная островная держава, объяснялись именно этим основным фактом. Только в XX столетии эта угроза уже перестала быть реальной. Когда Британия с ее 12 млн. населения была зажата в тиски между Францией, имевшей 20 млн. жителей и являвшейся в течение тысячи лет наследственным врагом и возможным завоевателем, и враждебной Ирландией с ее 7 млн. населением, опасения этих 12 млн. покажутся нам извинительными, и мы поймем принимавшиеся ими меры. Но ситуация совершенно изменилась, когда Францию далеко перегнала ее вековая соперница Германия, когда население Ирландии сократилось до четырех с четвертью миллионов (без Ольстера до трех) и когда население Британии, не считая ее колониальных владений, достигло сорока трех миллионов»[30].

Специфика колонизации англичанами Ирландии была такова, что в южной части острова заселение не носило массового характера, в то время как северо – восток захлестнула мощная волна эмиграции. Ольстер становился центром развития капиталистической промышленности, остальная Ирландия оставалась аграрной. Первоначально английское правительство вместо урегулирования этнополитического конфликта предпочло силовое решение ирландской проблемы. Восстания и протесты подавлялись, коренное население подвергалось дискриминации. Крупное восстание произошло в 1641-1652 гг. в ответ на земельные конфискации, оно было подавлено. Постепенно Великобритания стала применять более демократичные методы во взаимоотношениях с населением Ирландии[31].

Мысль о превосходстве английской нации являлась общепринятой во втор. пол. XIX в. Так, лорд Солсбери заявлял: «Там, где появляются власть англичан и английское влияние, восстанавливаются мир и порядок, увеличиваются процветание и богатство, и поэтому перспектива ус-

тановления британского правления приветствуется людьми каждой расы и каждой веры». «Я утверждаю, что мы – лучшая нация в мире, и чем большую часть мира мы заселим, тем лучше будет для человечества», – писал ярый приверженец и активный создатель Британской империи Сесиль Родс[32]. Имперское сознание было полезно для правящих кругов тем, что все недовольство населения метрополии нередко направлялось на «ленивых и враждебных нахлебников» в колониях. Тем самым народ самоутверждался в ощущении своего превосходства. Так, в частности, английский обыватель полагал, что «… индийцы лгут, полагая, что англичане ограбили Индию, захватив в свои руки торговлю хлопком; на деле они сами наплодили столько ртов, что те все пожирают…». В Первую мировую войну пропаганда впервые целиком формировала умонастроение солдат, им внушалось: «Англия всегда права, а раз она объявила войну Германии или кому-то еще, то эти страны и виноваты…»[33].

Окрепшая промышленная буржуазия Англии требовала свободного доступа к рынкам новых колоний, к их естественным, прежде всего сырьевым, богатствам. Отсутствие или недостаточность собственного производства сырья заставляли обращаться за ним на обычных коммерческих условиях к государствам, имеющим излишки сырья (например, экспорт хлопка из США), или вывозить его из тех стран Азии, Африки, Латинской Америки, которым можно было навязать неравноправные условия торговли. Кроме выкачивания богатств из колоний, промышленный капитал преследовал и другую цель – включение в сферу сбыта его продукции новых стран и регионов. В 1833 г. Англия навязала Османской империи конвенцию, по которой турецкое правительство обязалось не вводить на территории империи торговой монополии и установить заниженные (5 %) пошлины на английские товары. Еще ранее, в 1828 г., Россия и Англия добились от иранского шаха снижения таможенного тарифа до 5 % и наводнили города Ирана своими товарами[34].

На территориях нынешних западноевропейских государств жило ко времени создания этих стран великое множество различных народов. От наиболее значительного (с точки зрения исторической воли, культуры) балтийского народа – пруссов – осталось одно название, которое к тому же – как это ни парадоксально – перешло на часть немцев (Пруссия), и нет никакого сомнения, что если бы в состав Германии вошли тогда же литовские и латышские земли, от населяющих их народов точно так же не уцелело бы ничего, процесс ассимиляции сделал бы свое дело…[35]. Русский народ не уничтожал целенаправлен-

но местное население, что резко отличает колонизацию в России от колонизации на Американском континенте. В Америке индейцы большей частью были вытеснены со своих земель и истреблены. В итоге из 10 млн. индейцев, проживавших к XVII в. на территории современных США, к 1880 г. их осталось около 200 тыс.

Русские смогли быстро охватить огромную территорию, поставить опорную сеть острогов и заградительных Линий, но из-за недостатка людских и организационных ресурсов, суровости природно – климатических условий медленно осваивали новый край, запаздывая по сравнению с американцами почти на полвека в формировании условий для его интенсивного развития и по его результатам (таким показателям, как железнодорожное строительство, земельная политика, продуктивность производства и т.д.). Российская империя могла продолжать экстенсивное развитие, сохраняя при этом свое экономическое могущество, что было, конечно, естественно и оправданно, хотя стратегически и неправильно. Ничто не вынуждало ее искать новых способов интенсификации развития. С другой стороны, именно здесь коренится объяснение замедленных темпов и своеобразного характера русской модернизации. В России социальное развитие, появление и распространение современных идей и техники сдерживались ее огромными, еще не освоенными, тяжелыми в климатическом смысле пространствами. Впрочем, недостаточно благоприятные природно – климатические условия могут и стимулировать интенсификацию труда, создавая таким образом предпосылки для социального и экономического прогресса[36].

Кавказ как объект геостратегических интересов великих держав

В отличие от колониальной политики стран Западной Европы, в основе деятельности России на Северном Кавказе лежали не столько экономические причины, сколько факторы стратегического, геополитического характера. В этом смысле политику Российской империи на Кавказе нельзя назвать в полной мере колониальной. В силу исторически сложившихся обстоятельств Россия приступила к экономическому освоению Северного Кавказа лишь со второй половины XIX века, после завершения Кавказской войны. Однако природные богатства региона, особенно полезные ископаемые: рудные материалы, нефть, селитра

и др., а также возможность развития здесь производства с широким привлечением дешевой рабочей силы привлекали Россию еще со времен Петра I[37]. Поиск источников сырья, дешевый рынок рабочих рук, пространство сбыта товара – все это создавало не только благоприятные условия для государств в тот колониальный период, но и закладывало крепкий фундамент для благополучия будущих поколений. Так, в настоящее время Сила Запада – в дешевизне производства в «третьем мире», именно поэтому Запад так боролся за влияние в «третьих странах». Сейчас английский банкир переводит сбережения английского рабочего на другой конец света, в страны с низкими издержками, и на эти деньги строит там фабрики. В результате английские рабочие теряют рабочие места на производстве, хотя порой находят их в сфере обслуживания, и получают проценты по вкладам. Этот процесс получил название «глобализация экономики», основы ее закладывались в XIX веке[38].

Преимущество Кавказа в военно – стратегическом отношении состояло в том, что он служил очень удобным плацдармом для усиления влияния царизма на Ближнем и Среднем Востоке. Составляя неотъемлемую часть Восточного вопроса, Кавказ служил удобным барьером для защиты южных границ России от султанской Порты и шахской Персии[39]. Как показало исследование, царское правительство понимало, что Кавказ играл чрезвычайно важную роль в установке стабильных границ на юге России, в проведении всей его восточной политики. Исследователи неоднократно и вполне справедливо отмечали, что Россия боролась за Кавказ как за исключительно важную стратегическую позицию. В обстановке нарастающего международного соперничества значение этой позиции все нарастало. Она обеспечивала обладание Каспийским и Черным морями и юго – восточными территориями России. На этой позиции защищались жизненные интересы российского государства[40]. Британский путешественник Эдмонт Спенсер, побывавший на Кавказе в 1830 году, в своих письмах, размышляя о геополитическом значении Кавказа для России писал: «…Мы можем быть уверены, что когда Россия будет полностью обладать кавказскими ущельями, мы в течение нескольких лет увидим Турцию и Персию, включенными в ее и без того уже разросшуюся империю и ее победоносное оружие, диктующее условия нам самим, в Калькутте»[41].

В 1885 году император Александр III говорил князю В.П. Мещерскому: « С минуты, как Павел I выронил слова «Поход на Индию», слова эти засели в англичанах навсегда. И отсюда неприязнь к России». Су-

ществует мнение, что поход в Индию при участии русских войск являлся одной из целей, которые наполеон ставил перед собой, начиная войну с Россией. Об этом хорошо знали в Петербурге. Я.И. де Санглен описывает «странный случай», имевший место в начале войны 1812 года. Однажды к нему привели пленного французского офицера, который после допроса якобы сказал: « Долго ли вы будете играть эту комедию?». «Какую комедию?» – «Будто вы не знаете? Так я вам скажу по секрету: вся эта война с Россией притворная, скрывается от англичан. Мы вместе с Россиею идем в Индию, выгнать оттуда англичан». Что этот слух был не на пустом месте, свидетельствует Е.В. Тарле. В разговоре с британским генералом Р. Вильсоном, Александр I прямо заявил, что, отвергнув мир с Наполеоном, он спас для Англии ее главную индийскую колонию[42].

В современной исторической литературе есть сведения о том, что Николай I планировал использовать Кавказ и Закавказье для продвижения российских войск вдоль ирано – турецкой границы с целью выхода к Персидскому заливу. Существуют косвенные сведения о планах России захватить Мекку и Медину с целью лишить османских султанов легитимной власти. Подобный оборот событий крайне тревожил Англию, опасавшуюся дальнейшей экспансии России на юг и юго-восток, сознававшую реальность русской угрозы в отношении Индии[43].

На Кавказе перекрещивались и сталкивались экономические и политические интересы России, Турции, Англии, Германии. Кавказ, находясь на пути России к приобретению преобладания – экономического и политического над жизнью и судьбами народов Ближнего Востока, на пути стремления России к достижению берегов южного теплого Индийского океана, – занимал особо важное место во внешней политике России. Но Кавказ и сам по себе был чрезвычайно дорог России. Природные богатства Кавказа очень велики: Грозненская и Бакинская нефть, марганец, шерсть, кожа, овощи и фрукты, зерно, вина шли не только на внутреннее потребление огромной державы, но и приносили большие доходы при экспортировании их за рубеж. Русская индустрия на том временном этапе не могла нигде получить такого богатства и необходимого ей сырья, как на Кавказе. Недаром в России сложилось мнение, что «Кавказ самый драгоценный перл в короне русских царей»[44].

В своей политике проникновения на Восток не малую роль играет вековое соперничество Англии и России. Русские высшие политические круги всегда держались мнения, что наиболее уязвимая точка английского империализма, его «Ахиллесова пята» – Индия, а потому надо всеми

мерами и способами проникнуть и получить преобладание прежде всего в соседних с Индией странах: в Афганистане и Персии. Интерес Англии и Франции к положению на Кавказе достаточно четко сформулировал К. Оммер де Гель в своем труде, посвященном его геологической экспедиции, предпринятой в этом районев 40-х годах XIX века. «Понятно, – пишет он, – с каким ревнивым недоверием должна смотреть Англия на движение русских за Кавказом и насколько она заинтересована в том, чтобы воспрепятствовать любому завоеванию, способному закрыть для нее большую торговую дорогу, которую она открыла себе через Эрзрум и Тавриз. Поэтому она может быть индифферентной к независимости Кавказа, который, служа защитой границ Персии и Турции помогает еще … торговым операциям трапезундкого рынка. Может быть, скажут, что это чисто английский вопрос, очень важный для фабрикантов Лондона им Манчестера, но имеющий очень посредственный интерес для Франции. Но там, где наши соседи находят возможность ежегодно помещать более чем на пятьдесят миллионов промышленных товаров, нам кажется, что там тоже затронуты наши политические и экономические интересы»[45].

Англо-турецкая агентура «по-свойски» орудовала на Кавказе, готовя почву для колонизации территорий, привлекавших и природными богатствами, и стратегической выгодой. Англичане Уркварт и Белл, турецкий полковник Сефер-бей вошли в историю мировых разведок как легендарные политические авантюристы, шпионы и русофобы XIX столетия, по мере сил пытавшиеся поссорить кавказские народы с могучим северным соседом[46]. Джеймс Белл, контактировавший с британским правительством, жил в Черкессии с 1837 по 1840 гг., вел дневник и, опубликовав его, отмечал возможную роль Кавказа, как берега, защищавшего Азию от российского агрессивного продвижения на юг. Он подчеркивал: «Если Британия или любая другая сила, противостоящая российским агрессивным действиям, решила воздвигнуть здесь эффективный барьер, она бы устроила это легко, объединив под общим флагом все народы Кавказа, благодаря их общим интересам, религии…». Россия, безусловно, преследовала свои цели в Азии, используя Кавказ, как базовый лагерь, с помощью которого можно осуществить свои амбициозные проекты. Так, например, вся российская политическая активность в Персии начиналась с Кавказа. По соглашению между правительствами в Петербурге и Лондоне от 31 августа 1901 г. Персия была разделена между двумя империями. К России отходили Тегеран и Северная Персия, а Британия – Шираз и южные провинции[47].

Генри Джон Темпл Пальмерстон (1784-1865) – английский государственный деятель, премьер-министр Великобритании (1855-1865) довольно открыто обосновывал свою неприязнь к России: «Мы знаем, что наши взгляды и интересы диаметрально противоположны русским… Россия – великий враг Англии; это утверждение исходит не из личных чувств, а потому, что ее интересы и цели несовместимы с нашими интересами и безопасностью; главной задачей нашей политики на предстоящие годы является противодействие ей». Пальмерстона называли, обыгрывая его фамилию, лорд Пемза (Lord Pumice Stone), намекая на его «негладкое» обращение. Своих соотечественников он раздражал неадекватным поведением. Даже королева Великобритании с трудом выносила его[48].

В западной и, в частности, британской, литературе муссировались идеи о незаконности и недопустимости притязаний России на Кавказский регион. В их обоснование приводился целый ряд доводов: геополитические (угроза британским национальным интересам на Востоке, включая Индию; нарушение англо – русского и многостороннего международного баланса сил в пользу России); экономические (закрытие для Англии доступа к потенциальной колонии, источнику сырья и рынку сбыта); идеологические (неспособность «деспотической», «варварской» России цивилизовать кавказские народы, привить им либерально – демократические ценности; «бремя белых» в данном случае, как и во всех остальных, должна нести Англия); нравственно – филантропические (защищать население Кавказа от военной и морально – растлительной агрессии могущественной, циничной власти и духовной деградации)[49].

При поддержке Англии в 40-е годы XIX в. аристократический центр национального совета польского национально – освободительного движения (Жанд Народовый) во главе с князем А. Чарторыйским (бывшим видным членом Негласного комитета Александра I), размещавшийся в «Отеле Ламбер» в Париже разрабатывал геополитические проекты, направленные на отторжение части территории Российской империи. Польская эмиграция планировала привлечь на свою сторону южных славян, казаков, горцев Северного Кавказа и в результате вторжения вызвать в России революцию. В дальнейшем планировалось образование Польши в границах 1772 г. с включением донских и черногорских казаков, а на Кавказе: Грузии, Армении и Федерации мусульманских народов в вассальной зависимости от Турции.

Особенно обострилась геополитическая ситуация в период Восточной (Крымской) войны 1853-1856 гг., когда Кавказский вопрос стремились использовать для реализации казавшихся тогда фантастическими планов расчленения России. Еще в начале XIX века Понсонби Джон (1770-1855) – английский дипломат, посол в Константинополе в 1832-1841 гг., составил «Особое теоретическое обоснование о положении Кавказа», где в качестве первоочередной задачи правительства Великобритании ставилось оказание помощи адыгам в прокламировании своей независимости, после чего Англия должна была признать независимость Черкесии[50]. Лорд Пальмерстон разработал свой план «раздробления» Российской империи, который называли «Планом тридцатилетней войны»[51]. Обосновывая задачи войны, английский премьер-министр Пальмерстон писал: «Моя заветная цель в войне, начинающейся против России, такова: Аландские острова и Финляндию отдать Швеции; часть остзейских провинций России у Балтийского моря передать Пруссии; восстановить самостоятельное королевство Польское как барьер между Германией и Россией. Валахию, Молдавию и устье Дуная отдать Австрии. Крым и Грузию отдать Турции, а Черкесию либо сделать независимой, либо передать под суверенитет султана». Пальмерстон при заключении Парижского мира (1856) пытался настоять на провозглашении независимости Черкесии, однако позиция французской дипломатии позволила России уклониться от этого требования[52]. Заслуживает внимания факт острых англо – французских противоречий, не дававших главным врагам России последовательно выступать против нее единым фронтом. Не будет преувеличением сказать, что от потери Кавказа Россию спасли не только штыки и пушки русской армии, но и вражда в стане ее врагов. Франция не видела смысла в том, чтобы передавать российские владения на Кавказе англичанам и тем самым усиливать британские позиции в районе Ближнего и Среднего Востока[53].

Пальмерстон, не сдержав своего гнева, даже отчитал российского посла Поццо ди Борге за «желание России захватить Кавказ» и пригрозил, что Англия «поставит предел системе захватов, которую русский император намерен осуществить…»[54]. Бурная реакция Англии на присоединение Кавказа подталкивала Россию к форсированию установления контроля над регионом и введению здесь военной и гражданской администрации Российской империи, установлению постоянных государственных границ. Одновременно были блокированы попытки Англии добиться пересмотра торгового и таможенного законодательства России, что позволило бы

усилить экономическое влияние Великобритании в регионе[55]. Великобритания старалась всякими способами помешать России укрепиться на Кавказе. Даже в конце Кавказской войны, когда исход ее был уже предрешен, Англия продолжала свою целенаправленную подрывную деятельность, не оставляя надежды «сделать горцев независимыми и свободными». Весной 1857 г. в Турцию прибыл английский корабль «Африканец», груженный закупленным в Англии и предназначенным для горцев оружием, по настоянию посланника России в Османской империи А.П. Бутенева, он был задержан, а груз конфискован в присутствии российского консула[56].

В Англии окончание Кавказской войны было воспринято как национальная трагедия. На улицах Лондона и других городов Великобритании проходили массовые митинги, требующие наказать правительство, не сумевшее спасти Шамиля и Кавказ. Через пять дней после царского манифеста о полном победоносном окончании Кавказской войны от 21 мая (2 июня) 1864 года, лорд Пальмерстон в присутствие полного парламента объявил, что «Англия не признает русского владычества на Кавказе!»[57] Но дело было сделано. Кавказ стал частью Российской империи. И после ожесточенной «подковерной» схватки России с Западными державами, прежде всего Великобританией, «потрясать воздух» было уже бесполезно. Кавказ принял свою судьбу и уже вовсю шел адаптивный процесс горцев к новой жизни.

В XIX веке вместо существовавших в Кавказском регионе подвижных границ начали появляться постоянные, закрепленные межгосударственными договорами. Это вызвало необходимость надежного войскового прикрытия и таможенного надзора. К середине 1850-х годов таможенная (пограничная) стража, бывшая в ведении Министерства финансов, обосновалась в восстановленных и вновь возведенных вдоль Кавказской линии крепостях и в населенных пунктах. Однако, еще долго система оборонительных сооружений и очертания границ видоизменялись – в зависимости от политической ситуации, результатов военных действий и усилий дипломатов. 15 (27) октября 1893 года вышел Указ Александра III об образовании внутри департамента таможенных сборов Отдельного корпуса пограничной стражи (ОКПС), который оставили в ведении Министерства финансов[58]. Первым его командиром был назначен генерал-лейтенант А.Д. Свиньин – профессиональный военный, активный участник Русско – турецкой войны 1877-1878 годов.

Спустя некоторое время, учитывая особо тяжелые условия охраны границы на Кавказе, Николай I разрешил пограничникам в случае крайней

необходимости – при преследовании нарушителей «по горячим следам» – переходить границу на участках с Персией и Турцией. Им были предоставлены особые права и по применению оружия. Переход стражи к военной организации был завершен к 1899 году созданием семи пограничных округов, в том числе и на Кавказе. 7 мая 1899 года высочайшим приказом было определено, что штат 6-го пограничного округа будет дислоцироваться в Тифлисе и в его состав войдут Черноморская, Карская, Эриванская, Елисаветпольская и Бакинская бригады. Первым начальником округа был назначен генерал – майор барон Нольде. Протяженность границ на Кавказе к 1880 году по патрульным дорогам превысила 3000 верст[59].

В условиях ожесточенной борьбы между крупнейшими странами за Кавказ малые кавказские народы не могли сохранить самостоятельность, и на определенном этапе неизбежно должно было последовать либо «добровольное», либо насильственное присоединение их к одной из борющихся мировых держав. Такая судьба была уготована и для чеченцев. Конец 50-х гг. XIX века явился заключительным этапом присоединения Чечни к России и включения ее в систему административного управления. В эти годы наместник приступил к качественно новой форме борьбы с движением сопротивления в Чечне. Воронцов понимал, что попытка обращения чеченцев к покорности только силой оружия не приведет к успеху, во всяком случае, не обеспечит прочного мира в Чечне. Особая роль в агитации стала отводиться обращениям к народу с обещаниями «даровать милость». Прокламации и различного рода воззвания к чеченскому народу регулярно читались во всех аулах и хуторах, и именно они сыграли главную роль в прекращении борьбы народными массами Чечни. Народ поверил обещаниям. Откуда чеченцам было знать, что это хитрый политический маневр и большинство обещаний так и не будут реализованы[60].

Присоединение Чечни к Российской империи

Не смотря на прокламационные обещания, после включения Чечни и других районов Северного Кавказа в общероссийскую административно – политическую и правовую системы местному населению без обиняков было объявлено, что все равнинные земли края «приобретены правительством оружием и ценою крови, а потому считаются исключительным его достоянием…». Из этого следовало, что теперь земля

становилась собственностью государства, завладевшего ею в результате войны, а не народов Северного Кавказа, которым она исторически и фактически ранее принадлежала. Так понимали ситуацию и органы центральной власти, и чиновники аппарата местной администрации. Отныне чеченское население становилось только пользователем своей земли. Таким образом, по мнению доктора наук Исаева С-А.А., «..в Чечне автоматически вводилась система государственного феодализма, т.е. создавалась система феодальной эксплуатации и чеченских земель, и чеченского населения со стороны российского государства»[61]. В ходе земельной реформы существовавший институт частной собственности фактически был ликвидирован. Все земли были заново перераспределены, господствующей стала общинная собственность.

Казалось бы, самодержавие, не доверяя буржуазным предпринимателям и страшась появления в России «чумазого» пролетариата, всемерно вознесло сельскую общину, возложив на нее функции регулирования всех сторон крестьянской жизни: бытовой и социальной, хозяйственной и административной, фискальной и правовой. Но именно этот подход стал бедствием для российской сельской общины, поскольку доводил до крайности сословную обособленность крестьянства, глуша позитивные и развивая отрицательные черты общинного уклада. Как считало правительство, общинное устройство было необходимо для России, т.к. только в этом случае государство могло бы исправно получать подати и повинности. Была жестко ограничена открытость крестьянской общины для выхода из нее и вступление в нее новых членов. Первые десять лет крестьянин не имел права отказываться от надела, а свобода его передвижения была ограничена паспортным режимом. В декабре 1893 г. выход крестьян из общины был совсем запрещен. В итоге установилось положение, когда «общинное право» оказывается, в сущности, эквивалентом крепостного права в части прикрепления крестьян к земле и локализации их места жительства[62].

Частые обострения послевоенных российско – вайнахских отношений создавали у властных структур впечатление о не полной покорности чеченцев, о формальном («наружном») характере их подданства России, которое зиждется только на страхе перед российским оружием, что заставляло руководство сохранять в крае повышенную боеспособность в рамках военно – народного управления. Но в то же время, как показало восстание 1877 года, в Чечне подавляющее большинство представителей общин и духовенства вполне искренне считало себя в российском

подданство. Горцы уже интегрировались в новую систему, стремились улучшить свое социально – экономическое положение, но выступали против грубого вмешательства в их внутренний мир[63].

Опасаясь новых восстаний, Петербург рекомендовал местной власти применять гибкую политику, дифференцированный подход к разным горским народам. Один из чиновников царской администрации замечал: «Инородческое население судит как о самом правительстве, его целях и задачах, так и вообще о господствующей в государстве народности по тем представителям власти, которые поставлены для управления ими»[64]. В послевоенные десятилетия шел активный процесс взаимопознания и взаимовлияния соседствующих народов, ослаблявший вражду и недоверие. Ошибочно полагать, что горцы пребывали в добровольной или вынужденной изоляции от политической, экономической и культурной жизни остальной страны. Не следует умалять уровня их вовлеченности в общественно – политические перипетии того времени – ни в силу солидарности с мнением об их политической неграмотности, ни в силу видения о равнодушии, безразличии и исторической чуждости чеченцев всему, так или иначе связанному с Российской империей, включая происходившие в ее пределах события.

Чеченцы были представлены в Государственной Думе первого и второго созывов. Причем, эта представленность не ограничивалась пассивным присутствием. С думской трибуны озвучивались наиболее злободневные проблемы народа, отстаивались национальные интересы в рамках Российского государства[65]. Уже в первые дни работы Думы депутат от Терской области Т.Э. Эльдарханов в своем выступлении подчеркнул приоритет защиты национальных прав «маленьких народностей, у которых нет культуры, нет, кроме свободной прошлой жизни, ничего для борьбы с темной силой, которая надвинулась на нас». И дальше депутат отметил: «Счастье и мир для нас будут тогда, когда нам дадут устроить свою жизнь самим»[66]. 15 мая 1906 г. 151 депутат Думы внесли законопроект о гражданском равенстве, предполагавший отменить «все ограничения в правах, обусловленные принадлежностью к той или иной национальности или вероисповеданию». Мусульманский союз также потребовал уравнения своих народов во всех политических, гражданских и религиозных правах. Депутат от Терской области П.П. Маслов в целом поддерживал в Думе позицию Т. Эльдарханова по отношению к горцам, характеризовал поведение чеченцев с положительной стороны: «…люди в высшей степени нетребовательные, не пьют, не курят…».

Зато казаков с думской трибуны он часто критиковал, представлял в негативном свете[67]. Революционные события показали, что политическая зрелость масс на Северном Кавказе и, конкретно, в Чечне были изрядно недооценены. Представляется, что идентичность происходивших в чеченском обществе процессов общероссийским очевидна. Иначе и быть не могло – процессы, происходившие на территории Чечни являлись неотъемлемой частью общеимперских процессов[68].

В территориальном отношении Российская империя эволюционировала, проходя через три фазы: расширение, неустойчивое равновесие и сжатие. В фазе расширения (XVIII – первая половина XIX в.) экспансия была чрезвычайно активна и осуществлялась по всем географическим направлениям. Согласно «Уставу об управлении инородцами» (1822 г.), земля была объявлена собственностью Русского государства и передавалась «инородцам» только во владение. После 1863 г., под влиянием европейской модели решения национального вопроса, национальная политика царского правительства стала склоняться к последовательной интеграции всех частей империи в цельное национальное государство[69]. Суть поиска путей имперского строительства отразил крупнейший мусульманский публицист И. Гаспринский: «Каковы бы ни были отношения и системы политики, они преследуют одну цель – единство государства. Пути к этому двояки: или стремление к кровному, так сказать, к химическому единению данной народности с господствующей – отсюда система ассимиляционная, русификационная; или стремление к единению нравственному, так сказать, к нравственной, духовной ассимиляции на принципах национальной индивидуальности, свободы и самоуправления»[70].

Общественное сознание весьма часто к признакам империй относит факторы господства и подчинения, насилия и подавления. В более широком и методологическом плане стоит вопрос о взаимодействии центробежных и центростремительных тенденций в историческом развитии. С этой точки зрения история всех империй являлась классическим проявлением подобного взаимодействия на стадиях формирования, эволюции и распада. История империй включает в себя и вопрос о национальных отношениях, ибо едва ли не главная проблема всякой империи – это проблема национальная, этническая, очень часто – конфессиональная[71].

Решение национальных проблем в значительной мере зависит от обоснованного государственно-правового регулирования этой сферы жизнедеятельности общества и, поскольку межнациональные отноше-

ния – это разновидность общественных отношений, их регулирование осуществляется на основе тех общих положений, которые используются при регулировании общественных отношений в целом. Вместе с тем, специфика этих отношений (их духовная, территориальная и другая направленность) требуют при подходе к ним особой осторожности, деликатности, как со стороны законодателя, так и со стороны правопреемника. А в условиях многонационального государства значимость рационального правового регулирования этих отношений многократно усиливается, что обуславливает необходимость создания постоянного совершенствования теоретической концепции, позволяющей согласовывать национальные и государственные интересы на том или ином этапе развития общества. Из многочисленных государственных учреждений в Российской империи не было единого органа власти, ответственного за выработку и осуществление политики в национальных окраинах. Как правило, для решения конкретных вопросов в разное время создавались различные высшие комитеты и совещания[72].

На протяжении веков государственная власть в России обладала монопольным правом выбора путей социально-экономического, политического и даже культурного развития ее народов. В эпоху существования империи о реальном партнерстве между обществом и администрацией не могло быть и речи. Высшим достоинством неограниченного самодержавия считалась его внутренняя стабильность[73].

Национальный вопрос, понимаемый как состояние межнациональных отношений, всегда имеет конкретно-историческое содержание, включающее совокупность национальных проблем, среди которых можно выделить: национальное неравноправие, неравенство уровней экономического и культурного развития различных народов, атмосферу национальной розни и вражды и др.[74]. Политическим идеалом устройства империи было установление, насколько это возможно, одинакового строя жизни подданных империи – прообраза, модели унифицированного сообщества народов в «должном состоянии мира». Оптимальный путь строительства империи – мирный.

Социальное устройство Российской империи было уникальным. В условиях империи «корпоративность» и «коммунальность» как принципы русской жизнедеятельности не подавляли самобытность нерусских народов, поскольку в Российской империи в полиэтническом сообществе ни одна из религиозных и этнических групп (в т.ч. и русские) не могла монополизировать и осуществлять власть только в соответствии

с собственными интересами. Тождество принципов становилось основой диалога культур и вместе с тем этнических конфликтов[75]. Российское государство свои функции осуществляло не столько в отношении подданных, сколько в отношении корпоративных объединений разного вида, занимавших собственное место в социальной иерархии: родовыми корпорациями, посадскими общинами, купеческими сотнями, крестьянскими, казачьими, горскими общинами и т.п.

Государство своими законодательными актами закрепляло корпоративное устройство социального организма[76]. В то же время государство, как организация политической власти, также выступало носителем правового нигилизма. Государственный правовой нигилизм проявлялся в пренебрежении правами народа, гражданина, личности; проведении реформ вне правового поля, принятии и реализации не правовых нормативных актов[77]. Известный немецкий философ Ф.В. Ницше называл государство «самым холодным из всех холодных чудовищ». «Холодно лжет оно, – продолжал он далее, – и эта ложь ползет из уст его: «Я государство, есть народ». Государство лжет на всех языках о добре и зле: и что оно говорит, оно лжет – и что есть у него, оно украло…»[78]. Конечно, великий философ несколько утрировал положение дел, но во многом его замечания очень метко характеризовали жизненные реалии.

Российская империя являлась уникальным государством в истории человеческой цивилизации. Растянувшись главным образом по широте, она вобрала в себя всю восточную часть Европы и северную часть Азии. Ее территория составляла 42% площади этих двух материков. Она занимала 1/22 долю всего земного шара и около 1/6 части поверхности суши. Площадь территории равнялась 19 709 224 кв. версты (22 430 004 кв. км.). Население России к концу царствования Николая II достигло 170 млн. человек[79]. В царской России европейская часть страны определялась в 50 губерний Европейской России. В отношении Кавказа Центральный статистический комитет занимал сбивчивую позицию: в одних случаях весь Кавказ относился им к Азии, в других случаях Кавказ делился на Предкавказье (т.е. до главного хребта), относившееся к Европе, и Закавказье, относившееся к Азии. Терская область в этом случае причислялась к Европе, а Дагестанская область – к Азии, хотя она частично была расположена севернее хребта. В международной статистической практике к Европе обычно причислялось лишь 50 губерний Европейской России. В СССР Северный Кавказ относился к европейской части страны (Южная часть РСФСР)[80].

В 1888 году в газете «Северный Кавказ», с цензурными сокращениями была опубликована статья В. Немирович – Данченко, в которой он охарактеризовал расширение империи со своей точки зрения: « Странствуя по России, я всегда поражался нашею страстью лезть вширь и даль, совсем не думая о том, чтобы сначала по-человечески устроиться у себя дома. В самом деле, по карману ли нам расползаться так, думая об отдаленных экспедициях, присоединениях и присовокупленьях, когда у самих в доме холодно и голодно, и стены сквозят, и кровля разваливается, и в выбитые стекла свободно дует обмораживающий ветер. Как бы мы посмотрели на человека, который, оставив свое жилье в невозможном положении, стал бы захватывать все больше и больше земли у окружающих и, нисколько не думая о ее обработке, все бы пыжился да ширился.… А там, где мы тратимся широкою рукою, – на строительство крепостей и военных сооружений, на что идет большая часть наших доходов, чего мы достигли? Кавказ управляется в каком-то угаре, в вечном колебании между теми и другими системами, без всяких руководящих начал и при полном отсутствии общей государственной идеи. Для меня Кавказ не чуждый край, я там родился и вырос и потом не раз и подолгу посещал его. Я знаю, что мои наблюдения дадут повод некоторым упрекнуть меня в желании бросить тень на наше положение в этом крае, но молчать о сложившейся ситуации я тоже не могу…»[81]. Исследователь В.А. Пьецух придерживается того же мнения: «…Временами тревожит мысль: ну зачем нам понадобилось разбухать за счет территориальных приобретений на западе и востоке, что мы потеряли в Сибири, на Кавказе, в Закавказье, Средней Азии и прочая, если загодя было ясно, что выгоды от этой экспансии гадательны, а различного рода неудобства потом будет не сосчитать. Сколько крови было пролито ради того, чтобы расширить Российскую империю за счет мусульман Кавказа, таким образом положить предел глобальным амбициям англичан.… Куда было бы лучше, если бы чеченскую кашу сейчас расхлебывали англичане, а мы делали бы нагоняи за нарушение фундаментальных гражданских прав…»[82].

Уникальное географическое положение испокон веков являлось для Северного Кавказа и благословением и проклятьем. Находясь в зоне умеренно континентального климата, отличаясь сбалансированным сочетанием гористо-лесистой местности, плодородной низменности и степного ландшафта, регион был почти идеальным местом для всех видов традиционного хозяйствования. Кавказ, как лакомый кусок

сам по себе и перекресток торговых, переселенческих и культурных дорог, в истории всегда был яблоком раздора между его могущественными соседями[83].

Российская экспансия на Кавказ была предопределена экономическими и идеологическими интересами, а также соображениями безопасности[84]. После завершения войны на Кавказе с 1870 по 1880 год по данным Ставропольской казенной палаты, излишки доходов от Северного Кавказа составляли 16 млн. рублей, т.е. в среднем 1,6 млн. рублей в год. Тем не менее, налоговые сборы неуклонно продолжали увеличиваться. С 1887 по 1905 гг. сумма налогов выросла с 228,1 до 678,8 тыс. рублей, то есть увеличилась за эти годы почти в три раза. В переводе на землю подымная подать в Терской области достигла в 90-х гг. до 70 коп. за десятину, а в это время во внутренних губерниях страны она была не более 17 коп., или в 4 раза меньше. По мере расширения аппарата колониального управления все более возрастали сборы: дорожные, квартирные, воинские и другие. С 1892 по 1904 год они увеличились почти в 2,5 раза, достигнув огромной суммы – 3,9 млн. рублей. Очень выросли также недоимки – от 245,8 тыс. в 1896 до 623,7 тыс. рублей в 1905 г., т.е. увеличились за десять лет более чем в два раза[85].

Кавказская война (1817-1864 гг.), продолжавшаяся 47 лет, была связана с присоединением Чечни, Дагестана и Северо – Западного Кавказа к царской России в ходе её борьбы против турецкой и иранской экспансии, поощряемой Англией и другими западноевропейскими державами. Но её истоки следует искать в середине XVI века, когда Россия приступила к серьёзным внешним территориальным завоеваниям. Пётр I был первым из российских царей, кто по-настоящему оценил стратегическое и экономическое значение Кавказа в деле создания и укрепления Российской империи. Именно в эпоху Петра I Россия в борьбе за Северный Кавказ стала серьёзно и активно вступать в военные конфликты с Турцией, Ираном и горцами. Активизация колониальной экспансии России в XVIII веке стала возможной благодаря росту её военного и экономического потенциала.

Русская военная разведка очень активно начала действовать на Северном Кавказе с начала 60-х гг. XVIII в. с того времени, когда правительственные круги в России начали предпринимать активные и тщательно продуманные действия по приобретению выхода к Черному морю. Военное руководство через своих сотрудников (так ранее назывались разведчики), приступает к организации разветвленной агентурной сети на

местах и вербовке лазутчиков для сбора необходимых сведений. Агенты или сотрудники, как правило, были кадровыми военными офицерами с хорошим уровнем образования. Как исключение такая работа возлагалась и на представителей Российской Академии наук. Много ценных сведений предоставили командованию представители разведки на Кавказе – И. Бларамберг, И. Гастотти, И.А. Гюльденштедт, Тебу де Мариньи, А.А. Кучеров, Г.В. Новицкий, К.И. Сталь, И.В. Шаховский, Ф.Ф. Торнау, Хан-Гирей и др. Работали они независимо друг от друга. Каждый из них не знал, что подобную работу выполняет некто другой. Дальше собранные сведения обобщались и анализировались руководством[86].

Локальный уровень формирующегося геополитического пространства Северного Кавказа был обусловлен промежуточным положением местного населения между воюющими державами, что заставило их занимать более или менее четкие политические позиции. Северный Кавказ представлял собой крайне важный стратегический узел, т.к. народы, его населяющие, обладают огромной социальной динамикой, древнейшими геополитическими традициями[87]. Покорение северокавказских земель оказалось для России делом чрезвычайно сложным и длительным. Такого сопротивления, какое оказали русским войскам горцы, российским правителям ещё не приходилось встречать при подчинении тех или иных территорий[88].

Проекты интегрирования Кавказского региона в общеимперскую структуру управления

Расширение пространства империи и включение в её состав стратегически важных областей было психологическим императивом для русского дворянина, императивом, не требующим, как правило, морального оправдания. В «Русской Правде» декабриста П.И. Пестеля преобладают два важных тезиса по поводу положения на Кавказе: во-первых, «буйство и хищничество», представляющие опасность для сопредельных областей, и, во-вторых, экономическая нецелесообразность существования плохо хозяйствующих горцев в потенциально богатом крае. Пестель предлагал разделить кавказские народы на два разряда, мирных и буйных. Первых предполагалось оставить в их жилищах и дать им российское правление и устройство, а вторых силой переселить во внутренние губернии России, раздробив их малыми количествами,

по всем русским волостям. Также предполагалось раздать русским переселенцам отнятые у прежних «буйных жителей» земли…[89]. У другого автора декабристской конституции – Никиты Михайловича Муравьева, либерала и гуманиста, подход к национальному строительству вполне соответствует основополагающему постулату Пестеля «Все племена должны быть слиты в один народ»[90].

Записки о кавказских делах, написанные различными людьми, раскрывали суть происходившего во время Кавказской войны и, возможно, заставляли задуматься над альтернативными путями решения конфликта. Некоторые авторы осмеливались выражать замечания по поводу политики, проводимой на Кавказе, которые явно не соответствовали официальным взглядам. Один из таких документов был составлен флигель-адъютантом князем Г.Г. Гагариным (1810-1893). Он принимал участие в Кавказской войне и составил собственное представление об этом крае и его жителях. В 1844 году он написал письмо военному министру князю А.Ч. Чернышёву, которого знал лично, с изложением своих мыслей и оценок по поводу политики России в отношении народов Кавказа. В письме Г.Г. Гагарин рассматривал целесообразность присоединения Кавказа к России и то, какие экономические выгоды может извлечь государство, обладая этим краем. Здесь же Гагарин даёт нелестный отзыв о русской администрации в крае, считая многих чиновников виновными в том, что горские народы считали для себя большим злом находиться в их подчинении.

С письмом князя ознакомился лично Николай I , о чём в своём ответе уведомил его (Гагарина) военный министр А.И. Чернышёв[91]. Приведём небольшую выдержку из письма Гагарина: «…Я часто спрашивал себя: с какой целью наши первые завоеватели проникли в этот лабиринт бездонных пропастей и скал? На это возражают обыкновенно: горец разоряет равнину и заслуживает наказания. Положим так. Но что значит грабительство редких набегов, воровство лошадей и скота в сравнении с грабительством наших собственных чиновников, которые беспощадно и безнаказанно грабят во все стороны? Правосудие, кажется, требовало, чтобы с них начать.… При всём недостатке к нам уважения и доверчивости, не можем ли мы привязать к себе кавказские племена, заставив их найти собственную очевидную выгоду в нашем владычестве…»[92]. Князь Г.Г. Гагарин стремился представить Кавказ в роли колонии Российской империи, которая приносила бы экономические выгоды. Г.Г. Гагарин явно желал, чтобы край был бы не объектом растрат России, но источником её обогащения, как, например, Индия для Англии. Рассматривая эту

сторону вопроса, он писал: «…Находясь между двумя морями, Кавказ по самому положению своему, не создан ли для произведения и вывоза? Огромные предприятия, руководимые правительством или преданные частным обществам под надзором правительства, занимали бы и содержали целые населения…»[93].

Главной и наиболее прочной опорой государственного единства Ф.Ф. Кокошкин считал осознание всем населением общности его политических интересов. «Для того чтобы такое сознание могло развиваться и крепнуть, – писал он, – не нужно ни этнографической, ни культурно-бытовой однородности всего государства, но необходимо, чтобы интересы одних его частей не приносились в жертву интересам других, чтобы объединение было выгодно для всех и чтобы оно не препятствовало широкому удовлетворению местных нужд. А там, где местные нужды могут быть удовлетворены лишь путем местного законодательства, правильное отношение между государством и его частями может быть достигнуто лишь установлением автономии, и она в этом случае является необходимым средством для сохранения и упрочения государственного единства». По мнению Ф.Ф. Кокошкина, как бы ни была широка автономия какой-либо подчиненной области, законодательная власть русского монарха стояла выше этой автономии, и в этом заключалось достаточное обеспечение преобладания общерусских интересов, над какими бы то ни было местными, партикуляристическими стремлениями. Таким образом, автономия в России всегда играла особую роль, поскольку служила своеобразным способом сохранения ее единства[94].

Идея разделения России на самоуправляющиеся области вовсе не была такой уж неожиданной и в среде русских консерваторов. Нечто подобное предлагал в своих дневниковых записях и Меньшиков, указывавший на то, что в идеале еще при Александре II следовало бы разделить Россию на самоуправляемые области по образцу Соединенных Штатов… «На месте царя, – писал Меньшиков, – я строго отделил бы царские обязанности, от – не царских. Разделил бы Россию на сто автономных земель – штатов и возложил бы на них всю ответственность за их судьбу.… На себя возложил бы только защиту государства, но зато работал бы как неукротимый лев в погоне за добычей». А другой националист, Строгонов, советовал «расчленить территорию империи на более мелкие административные единицы, предоставить местным органам большую инициативу, сократить штаты чиновников, выдвинув молодых и перспективных начальников взамен старых»[95].

Характерно, что такой известный националист как Меньшиков, критиковал насильственную русификацию, считая, что Россия должна заботится не об обрусении и обращении в православие инородцев, а о самосохранении, и, полагая, что Российская империя нежизнеспособна в том виде, в котором она сложилась к началу XX века, и ей придется избавиться от «бунтующих» окраин во имя сохранения славянского ядра. «Я… – писал Меньшиков, – считаю вполне справедливым, чтобы каждый вполне определившийся народ, как, например, финны, поляки, армяне и т.д., имели на своих исторических территориях все права, какие сами пожелают, вплоть хотя бы до полного их отделения. Но совсем другое дело, если они захватывают хозяйские права на нашей исторической территории…». Князь Меньшиков также возражал против насильственного наступления на права национальных меньшинств, считая, что это бумерангом ударит по власти ростом политической оппозиции и недовольства на окраинах.

Насильственная русификаторская политика, проводимая правительством, привела в итоге к ослаблению империи. Об этом предупреждал К.Н. Леонтьев, правда его критика русификации объяснялась своеобразно: «когда у России будет все или хоть очень многое свое, хотя бы и вовсе не демократическое, но свое, тогда русификация будет победоносна и естественна. А теперь, что это такое? Обыкновенная, очень жидкая, бледная и нивелирующая европеизация – больше ничего». В. Строганов с иронией отмечал несоответствие между предлагаемыми консерваторами направлениями национальной политики: « И что курьезнее всего, что мы, проповедуя ненависть к инородцам, тем не менее, требуем от них пламенной любви, потому – де, что «они вскормлены и вспоены на груди России». Пора бросить эту хамскую манеру попрекать куском хлеба – она не достойна великого народа. Силой никого не заставишь любить. Это надо заслужить»[96].

По сравнению с присоединением к России Закавказья включение в состав Российской империи Северного Кавказа имело свои особенности. Царизм не опасался здесь прямого иностранного вмешательства и надеялся быстро подчинить своему владычеству разобщённое и политически расчленённое до крайней степени местное население. Поэтому, на Северном Кавказе более резко выявлялся завоевательный характер политики царизма и принимал более грубые формы колониальный произвол царской администрации[97]. Россия, заинтересованная в утверждении за собой земледельческих окраин и выгодного владения ими, пополнения

народонаселения, создания новых отраслей труда в народном хозяйстве и внедрения новых технологий в обрабатывающей промышленности, считала, что наилучшим средством для этого является их колонизация, по возможности, одновременно: военная и земледельческая. Это, в свою очередь, порождало экспроприацию земель у местного населения, что неизбежно вело к возникновению конфликтных ситуаций[98].

Военные поселения на Кавказе не составляли округов и создавались как отдельными селениями, так и при постоянных штаб – квартирах полков и батальонов. Первые подчинялись командирам ближайших линейных батальонов, вторые – командирам тех полков и батальонов, «коим штабы принадлежат». Для «непосредственного надзора» в поселения назначались смотрители из обер-офицеров. Поселяне рассматривались законодателями не как собственники, а только как пользователи всем тем, что они получили при водворении. Только в 1839 году, по настоянию Е.А. Головина, наконец был введен принцип добровольности при переводе в военное поселение на Кавказе. По – видимому, императора убедили слова Е.А. Головина, что «оставление выслуживших 25 лет солдат на Кавказе противу желания их, может иметь и на молодых солдат невыгодные впечатления и породить в них уныние, представляя в будущем всегдашнюю разлуку с родиною». При водворении каждый поселянин получал пару волов, корову и 6 овец; земледельческие орудия, а также семена и домашнюю утварь стоимостью 320 рублей. В поселениях при штаб-квартирах эта цифра составляла 160 рублей. В течение полутора лет, которые отводились для налаживания хозяйства, поселяне и их семьи получали казенный провиант. Кроме того, во время работ на строительстве домов, расчистке и вспашке полей они получали мясную и винную порции. Был декларирован принцип лишения звания «военный поселянин» только по суду[99].

К середине 1840-х годов руководство убедилось в бесплодности попыток расширить и укрепить сеть военных поселений на Кавказе. В январе 1846 года было высочайше объявлено «зачислить в казачьи поселения находящихся вблизи их военные поселения на Кавказе». Сравнивая военные поселения на Кавказе с поселениями и округами пахотных солдат в других регионах страны, необходимо отметить их значительные отличия. Во-первых, поселения создавались не во внутренних губерниях, а на окраинах и были призваны играть роль опорных пунктов при колонизации края. Во-вторых, учитывая эту особенность, правительство освободило военных поселян от уплаты оброка или продовольственного

снабжения войск. Следовательно, в сословной стратификации государства они ближе всего находились к казачеству. Не случайно, что некоторые военные поселения на Кавказе со временем были присоединены именно к казачьим станицам. В-третьих, поселялись отставные нижние чины, а не регулярная армия или крестьяне. В-четвертых, поселения на Кавказе довольно быстро возникали и также быстро ликвидировались, т.е. не отличались стабильностью функционирования, как в других регионах страны. История военных поселений свидетельствует, что руководство достаточно четко контролировало обстановку в крае. Можно предположить, что государственная система не утратила возможностей определенных корректировок и совершенствования методов управления в рамках самодержавия[100].

Повышенная нестабильность и конфликтогенность присоединённого к Российской империи региона во второй половине XIX – начале XX века была обусловлена сочетанием следующих основных факторов: 1) инерцией и последствиями Кавказской войны (эта война, как и любая другая, помимо непосредственных трагических итогов, имела и более отдалённые негативные следствия – она на многие годы породила отчуждённость и недоверие между бывшими противниками); 2) конфессиональными, культурными, психоментальными различиями между коренным населением региона и представителями метрополии; 3) столкновением на Кавказе интересов России с интересами других государств, например, Турции, не терявшей надежд на укрепление своего влияния в регионе, направлявшей сюда своих эмиссаров для антироссийской агитации и деятельности; 4) неразрешённостью земельного вопроса, крайне обострённого ввиду недостатка плодородных земель, необоснованным привлечением властями в край значительного числа переселенцев из центральных губерний, конфискацией в пользу казны лесов и земель, часть которых была отведена русским офицерам, местной знати и, главным образом, казачьим войскам; 5) внутриполитической нестабильностью в самой России, любое усиление социально-политического напряжения в центре империи (например, события 1905-1907 гг.) неминуемо откликались волнениями на периферии, в частности – на Кавказе)[101]. Политика инкорпорации земель в состав России столкнулась с различной степенью экономического, политического и культурного развития народов. Инкорпорация понимается в данном случае как более полное объединение под началом центральной власти, включение национальных окраин в единую систему правления, характерную для внутренних губерний России[102].

Европейский пример формирования государства – нации, не имеет объективных оснований для утверждения в России. Насильственные методы в политике царского правительства встретили отпор со стороны кавказских горцев. Можно выделить некоторые направления в политике самодержавия в национальных районах: во-первых, унификация системы управления; во-вторых, формирование государственного языка в стране и вытеснение, в связи с этим из школ, прессы, местных языков и замена их русским; в-третьих, конфессиональные ограничения[103]. Религия сохраняла своё значение в качестве главного критерия отличия русских от «инородцев». Считалось, что тип вероисповедания говорит многое об основных качествах народа и позволяет предсказать его поведение. Русская «цивилизация», обычно считавшаяся отсталой по сравнению с Западом, воспринималась «передовой» по отношению к «диким» кавказским горцам[104]. Инородцы и иностранцы являлись особыми категориями жителей Российской империи. Неравенство прав подданных империи и иных категорий лиц, к коим относились инородцы и иностранцы, было достаточно велико. Так называемое исключительное положение обязывало административную власть (государственные учреждения) устанавливать определенные пределы гражданской свободы. Ограничению подлежал целый ряд прав и свобод. Увеличивались сроки задержания и заключения под стражу. Ограничивалась свобода передвижения и т.д.[105].

Государство состоит из народа и ведётся правительством; и правительство призвано жить для народа и черпать из него свои живые силы, а народ должен знать и понимать это, и отдавать свои силы общему делу. Обычное государство разрешает: думай сам, веруй свободно, строй свою внутреннюю жизнь, как хочешь; тоталитарное государство требует: думай предписанное; строй свою внутреннюю жизнь по указу[106]. Народ – не любое соединение людей, а соединение многих людей, связанных между собой согласием в вопросах права и общностью интересов[107]. Главная задача любого государства – обеспечение достойного человеческого существования своих граждан. Премьер-министр Великобритании Бенджамин Дизраэли часто говорил: «Power has only one duty – to secure the social welfare of the People» («Власть имеет только одну обязанность – заботиться о благосостоянии народа»)[108]. Объективное существование государства как политической формы организации общества и машины для подавления воли отдельных индивидов предполагает ограничения их прав, так как невозможно добиться должной реализации

прав одновременно всех лиц и прав государства[109]. «Национальная политика» в Российской империи была полностью подчинена интересам государства, осуществлялась в целях обеспечения государственной безопасности – как внутренней (сохранение стабильности и порядка), так и внешней[110].

В жизни любого государства могут возникнуть такие моменты, когда спокойствие признается недостаточным и поэтому, в основном восполняется временными исключительными мерами. Сущность последних заключается в расширении пределов власти административных учреждений и в ограничении гражданских свобод. Однако в России эти чрезвычайные меры становились на окраинах постоянным атрибутом властных структур, что только частично снимало напряжение в обществе, но порождало глухое и нарастающее сопротивление, которое выливалось в целую череду актов неповиновения, выраженных в разных формах, вплоть до крупных восстаний и требований отделения от государства.

В дореволюционной России широко практиковалось предоставление законодательством особых полномочий отдельным органам административной власти. Из всех чрезвычайных полномочий, предоставляемых исключительным законодательством администрации, на практике наиболее важное значение имели: право издания в порядке охраны обязательных постановлений; право административной высылки и ссылки, и, наконец, право производства арестов, обысков и выемок в порядке охраны общественного спокойствия[111]. Министерство внутренних дел сосредотачивало в своих руках самые разнообразные задачи внутреннего управления. По замечанию А.Д. Градовского, его вполне можно было назвать министерством полицейским, в широком смысле этого слова (область полиции благосостояния и полиции безопасности)[112]. Полицейское начальство на Кавказе все время добивалось узаконения применения телесных наказаний. В 1888 г. оно добилось даже «одобрения» их общественным приговором представителей ряда селений. Для убеждения народа в обоснованности применения телесных наказаний царская администрация прибегала к использованию религии и ее служителей. Начальник Грозненского округа в 1896 г. писал начальнику Терской области о том, что применение наказания розгами будто бы согласуется с правилами шариата и адата[113].

Всесторонне рассмотрев вопрос о характере интегрирования в состав дворянства горской знати, следует признать, что попытка взять в качестве образца решения данной проблемы уже имевшийся опыт Закавказья в

принципе оказалась неудачной. К середине 1890-х годов против широкого предоставления горской знати прав потомственного дворянства фактически высказались главы ведущих министерств – юстиции, внутренних дел и военного ведомства. Отличительной особенностью региона также был достаточно большой интерес к получению образования, проявившийся у представителей горской знати. Он был развит у них значительно сильнее, чем у мусульман Закавказья. Местная знать считала долгом содействовать распространению просвещения на Северном Кавказе[114].

Группа членов третьей Государственной Думы умеренно-правого направления (националисты), считала необходимым признание бесцельного притеснения инородческих элементов на окраинах, безусловно, вредным, высказывалась за предоставление хозяйственного самоуправления инородцам на окраинах…[115]. До 1906 года «инородцы» не имели законной возможности представлять на имперском уровне свои интересы. В связи с созданием российского парламента впервые регионы и народы страны получили выборное представительство, Государственная дума стала важнейшим фактором развития политической культуры народов Российской империи и способствовала формированию новых политических элит. С появлением Государственной думы политическая жизнь Российской империи приобретает новое, достаточно четкое оформленное региональное измерение. Проблемы национального равноправия гражданских свобод, вопросы, связанные с региональным демократическим самоуправлением, дискриминацией по религиозному признаку, все эти позиции отстаивали в Думе депутаты Т.Э. Эльдарханов (I и II созыв), И.П. Покровский (II и III созыв), М.А. Караулов (II и IV созыв) от Терской области; И.И. Гайдаров (III созыв), М.М. Далгат (IV созыв) от Дагестанской области и Закатальского округа.

Ярким представителем молодой горской интеллигенции явился депутат Т.Э. Эльдарханов. По своим взглядам он был близок к кадетам, открыто поддерживал в Думе их законопроект о гражданском равенстве и совершенно не желал никаких кровопролитий, и смуты. В III Думу, благодаря активной контрагитации администрации, Т.Э. Эльдарханов не прошел на выборах. Хотя ввиду своей малочисленности депутаты от Северного Кавказа не могли кардинальным образом влиять на ход парламентских дискуссий и результат голосования, их важнейшей заслугой стало привлечение внимания к проблемам северокавказских народов[116].

Бывший туркестанский генерал-губернатор Субботич, исходя из своего личного опыта деятельности в условиях чрезвычайных право-

вых режимов, отмечал: « Из своей административной службы я вынес на этот счет одно только впечатление: всякое чрезвычайное положение, кроме вреда для местного населения, для государства и для власти, ничего более не приносит. Оно дает простор произволу, оно вызывает чрезвычайное озлобление. Оно толкает всякого, даже самого благонамеренного обывателя в ряды недовольных. Оно ужасно еще и тем, что дает страшную силу в руки низших агентов администрации…»[117].

Гегель определяет государство, как осуществление нравственной идеи. Нравственная идея, представляющая высшее сочетание свободы с разумным порядком, составляет природу государства, или внутреннюю цель, которую оно осуществляет в своём устройстве. Нравственный закон, вообще, есть предписание делать добро. Этот закон, освящаемый религией, истекает из разумной природы человека. Коренное различие состоит в том, что нравственный закон обязывает, а не принуждает; государственный закон обязывает и принуждает. Нравственным же называется только то действие, которое исполняется свободно, а не то, которое вынуждают исполнять. Очевидно, следовательно, что государственный закон не может быть основан на чистом нравственном законе[118]. Необходимо понять, что справедливость не даётся в готовом виде, и не водворяется по рецепту, а творчески отыскивается, взращивается самой жизнью. Представителям различных народов Российской империи от законов следовало требовать: 1. Чтобы они не устанавливали несправедливых привилегий – бесправия, угнетения, уравнения. 2. Чтобы установленные привилегии заведомо не попирали справедливость. 3. Чтобы вводились такие способы применения права (в управлении, самоуправлении и суде), которые гарантировали бы ограждение от произвольного и не предметного применения закона[119].

Главное, что должно определять потенциал управленческой политики, то, что она даёт для развития свободы, какие возможности предоставляет отдельной личности, человеку. А уже как он реализует эти возможности, почему не всегда может ими воспользоваться – другая сторона проблемы, требующая специального рассмотрения[120]. Наиболее часто нарушение гражданских прав происходит в тоталитарных государствах. Тоталитарный режим – это политический строй, беспредельно расширивший свой вмешательство в жизнь граждан, включивший всю их деятельность в объём своего управления и принудительного регулирования. Слово «тотус» означает по-латыни, «весь, целый». Важна не государственная форма, а организация управления, обеспечивающая

всеобщий охват. Тоталитарный же режим держится не основными законами, а распоряжениями и инструкциями. Тоталитарный режим покоится на терроре, людям грозит: безработица, арест, тюрьма, унижение, ссылка. «Избранному» народу внушается нелепое чувство собственного превосходства над всеми другими народами; иными словами: гордыня собственного безумия и иллюзия собственного преуспеяния. Этот гипноз ин фильтрует и калечит их души, из поколения в поколение; они не понимают, откуда в них эта одержимость гордынею[121].

Российское государство, наряду со своими размерами, поражало тем, что увеличение его шло не столько за счёт планомерного расширения самого государства, сколько за счёт стихийного бегства от государства. Сопротивление государству в основном было пассивно, индивидуально и невероятно по масштабу[122]. Разбои на Северном Кавказе и все остальные отрицательные явления составляли прямое следствие неустройства области в экономическом, гражданском и административном отношении. Количество разбоев в данном регионе было немногим больше числа разбоев во внутренних губерниях России, но кавказские преступления более шумно обсуждались. На Кавказе в дело шли ружья, пистолеты, пули и кинжалы, а в центральной России их заменяли дубина, цепь и топор[123]. Грозный призрак «сепаратизма» и «крамолы» всегда выдвигался правительством, едва лишь общественное мнение пробовало робко заявить о необходимости для всех без исключения общегражданских и человеческих прав. Устанавливая единство, государство обязано было приобщить все свои окраины к общим благам Конституции и местного самоуправления, исключив из быта и организации окраины всё, что внушается идеей военной диктатуры, а также признать за местными языками права гражданства в школе, администрации и суде. Богатые силы, потенциал каждой национальности, гибнувшие доселе даром, должны были быть использованы для пользы и блага целых регионов, для общегосударственного блага, для человечества. Однако этого не произошло. Все окраины Российской империи тщательно «оберегались» от всего, что напоминало бы о местном самоуправлении, особенно это касалось Северного Кавказа. Вся административная власть в Терской области сосредотачивалась в одних руках. Начальник области пользовался правом губернатора с прибавкой ещё особых прав в управлении горским населением[124]. Даже по признанию наместника на Кавказе, данное сосредоточение власти хорошо только в теории, на практике качественное исполнение его практически неосуществимо из-за огром-

ного и разнообразного количества вопросов, которые безотлагательно необходимо решать[125].

Относительно правительственной власти, основное правило состоит в том, что суд и управление должны быть разделены. В Терской области данное правило не соблюдалось. Судья, как беспристрастный третий, должен быть независим от всяких посторонних влияний. Администратор должен быть погружён в общественные отношения, он является зависимой частью всей простирающейся на государство бюрократической машины. Когда эти две власти соединяются, водворяется произвол. Всякое посягательство на независимость суда искажает его значение, он перестаёт быть органом правосудия и низводится на степень простого орудия власти[126].

Очень интересны данные о расходной части бюджета Кавказской администрации. По сметам 1894-1900 гг. на дорожную часть приходилось 16% (большей частью в военных целях), на медицинскую помощь и местные хозяйственные нужды – 13%, на народное образование – 4%. Итого хозяйственно-культурная часть бюджета составляла 33%, а остальные 67% или 2/3 всех земских расходов шли на нужды военно-полицейского и чиновничьего аппарата царизма на Кавказе[127]. В 1856 году было решено вовсе освободить от ревизии Государственного контроля отпускаемые в распоряжение наместника на Кавказе средства на «чрезвычайные» и «полезные для края» мероприятия. В 1859 году в связи с реформой местной администрации и введением в действие Положения о Главном управлении наместника Кавказского Госконтроль был лишен возможности следить за деятельностью местных властей. В составе Главного управления наместника был учрежден особый контрольный департамент, не подчиненный центральному ведомству, а подотчетный начальнику Главного управления. Контрольному департаменту следовало проверять деятельность той самой администрации, частью которой он являлся. Созданная князем Барятинским система финансового управления практически освободила его от необходимости согласовывать действия с Министерством финансов: в своем распоряжении наместник имел всю совокупность доходов края, включая возможные остатки, а также гарантированные пособия на экстраординарные и «полезные» мероприятия. Контроль расходования средств бюджета практически отсутствовал. Этот аспект реформы управления краем вызвал больше всего недоумения у современников и исследователей [128]. В частных письмах Александра II к князю Барятинскому император всячески высказывал

ему свое расположение, называл «дорогой друг», но журил за увеличение бюджетных расходов на Кавказе[129]. В своих письмах Барятинскому император не раз сетовал на трудности начатого им дела проведения государственных реформ[130]. В целом между императором и наместником Кавказа было и взаимопонимание, и дружеское расположение. Барятинскому почти всегда удавалось убедить императора в реальности и осуществимости своих планов, подкрепляя свои всеподданнейшие проекты, записки, письма сообщениями о победах «несравненных Кавказских войск»[131].

А.И. Барятинский

Кавказ в заботах Александра II о границах империи занимал большое (в первые годы царствования даже особое) место, о чем свидетельствует и интенсивная переписка с князем Барятинским. Он предоставляет полную самостоятельность Барятинскому: «Решайте сами и на месте… ». 25 апреля 1857 года был издан указ, регламентировавший отношения наместника на Кавказе и Сената. Князь Барятинский получал право приостанавливать исполнение указов Сената по делам судебным, гражданским или уголовным в случае «местных неудобств, затруднений или вреда» для Кавказского края. При поступлении в Сенат дел, имевших отношение к Кавказу, Сенат лишался возможности направлять их для рассмотрения в министерства и мог обратиться только к наместнику. Получив должность наместника, но, еще не успев выехать из Петербурга, А.И. Барятинский уже предпринял первые шаги для полной своей независимости. 8 августа он подал Александру II докладную записку, в которой просил изъять все доходы и расходы по Кавказскому краю из ведомства Министерства финансов и предоставить их в полное распоряжение наместника, как это было до 1840 года. Таким образом, уже через 16 дней после назначения на Кавказ, А.И. Барятинский освободился от опеки министра финансов[132].

А.П. Берже отмечал, что назначение князя А.И. Барятинского главнокомандующим кавказским корпусом и выбор им в начальники штаба генерала Д.А. Милютина, сумевшего централизовать все самостоятельные действия отдельных начальников и направить их на исполнение из него общего плана покорения Кавказа, содействовало окончанию завоевания края. Но едва ли это привело бы к решительным результатам, если

бы не был совершенно изменен прежний образ ведения войны и принята система водворения прочных казачьих поселений в завоеванных местах, приведен в исполнение (с 1860 г.) графом Н.И. Евдокимовым[133].

Несмотря на твердое убеждение абсолютного большинства членов Кавказского комитета в отсутствии средств для активных военных действий в затянувшейся Кавказской войне, император, хотя и уделял этим соображениям свое внимание, все – таки прислушался к мнению князя Барятинского, который, как говорил Д.А. Милютин, «…считал еще в себе силы, чтобы плыть против течения». Барятинский писал в октябре 1857 г. своему начальнику штаба Милютину, посланному в Петербург с целью лично сообщить императору стратегические планы кавказского начальства: «Если государь желает воспользоваться теперешними обстоятельствами (т.е. восстанием в Индии, ослаблением Турции, дружественным расположением к нам Франции и Персии), то все–таки первым делом должно быть прочное утверждение на Кавказе. Когда эта цель будет достигнута, тогда явится само собою и преобладание наше на Востоке. Добиваться же того, минуя Кавказ, или перешагнув через него, также безрассудно и нелепо, как и естественно невозможно». И, действительно, благоприятный для России исход Кавказской войны актуализировал среднеазиатскую проблему в политике Александра II. Продвижение в этом регионе, развитие экономических связей с другими странами Востока в представлении значительной части правящих кругов России и общества, давали возможность укрепить военно – политический престиж России и создать предпосылки для нажима на основного соперника – Великобританию. Хотя окончательно границы империи определятся в Средней Азии к середине 1880-х годов, однако именно в царствование Александра II и уже к середине 70-х годов Россия укрепится в среднеазиатском регионе и решит многие проблемы освоения этого края[134].

Александр II был лично очень расположен к Барятинскому. Свое мужество и отвагу Барятинский проявил во время боевых действий. Князь Барятинский довольно много воевал на Северном Кавказе. В марте 1835 года Александр Барятинский участвовал в экспедиции генерала Вельяминова, где уже в первом бою был тяжело ранен пулей в правый бок, эта пуля так и осталась с ним до конца его жизни; также Барятинский в этом бою едва не попал в плен. Рана была настолько серьезна, что сослуживцы посчитали ее смертельной и, даже приготовили гроб двадцатилетнему корнету. Оставить Кавказ Барятинского заставило здоровье и, как считал Д.А. Милютин (и не он один), скандальный роман с

женой своего адъютанта, на которой он впоследствии женился[135]. А уже 20 июля 1856 года А.И. Барятинский был назначен командиром Кавказского корпуса и наместником Его императорского величества на Кавказе, что являлось давней его мечтой. В мае 1860 года он отбыл с Кавказа для поправки здоровья. Больше на Кавказ он не вернулся[136].

Князь Александр Иванович Барятинский был владельцем легендарной библиотеки, включавшей около 42 000 томов. Этот человек, дослужившийся до чина генерал-фельдмаршала, на протяжении многих лет был наместником Кавказа, поэтому стеснения в средствах не испытывал. Книги он покупал целыми библиотеками, иногда весьма значительными. На отдыхе он часто углублялся в чтение старинных фолиантов, много занимался самообразованием[137]. Барятинский был глубоко верующим человеком, в его библиотеке было много книг по истории религии. Князь А.И. Барятинский являлся одним из наиболее активных деятелей «Общества восстановления православного христианства на Кавказе». Барятинский надеялся, что «…со временем христианство обнимет собою все горы…»[138].

Александр Иванович Барятинский родился в селе Ивановское, Курской губернии[139]. В юности А. Барятинский не только много читал, но и лично общался с известными литераторами и поэтами. Ровесник и товарищ М.Ю. Лермонтова при Юнкерской школе, Барятинский вел жизнь, вполне достойную «золотой молодежи»: его кутежи и веселые проделки «шумели» по всему Петербургу. «Своим легкомысленным поведением, – сообщает современник, – он навлек, наконец, неудовольствие императора Николая Павловича, и ему пришлось серьезно задуматься над поправлением своей пошатнувшейся репутации. Князь А.И. Барятинский не долго колебался в выборе средств и заявил категорическое желание ехать на Кавказ, чтобы принять участие в военных действиях против горцев». Еще будучи в Петербурге, в доме братьев Трубецких, у Лермонтова и Барятинского произошел спор. «Лермонтов, – вспоминает современник, – настаивал на всегдашней его мысли, что человек, имеющий силу для борьбы с душевными недугами, не в состоянии побороть физическую боль. Тогда, не говоря ни слова, Барятинский снял колпак с горящей лампы, взял в руки стекло и, не прибавляя скорости, тихими шагами, бледный прошел через всю комнату и поставил ламповое стекло на стол целым; но рука его была сожжена почти до кости, и несколько недель носил он ее на привязи, страдая сильною лихорадкою»[140]. Князь Барятинский лично был знаком с Л.Н. Толстым и Александром Дюма.

Именно по совету А. Барятинского, оценившего храбрость и выдержку Л. Толстого, проявленных во время похода против горцев, тот принял решение остаться служить на Кавказе. Некоторое время спустя, когда надежды на помощь Барятинского не оправдались, Толстой в письме к нему резко высказал свою досаду на неудачи в получении отличий и производстве в офицерский чин. Письмо это, впрочем, по назначению отправлено не было.

Во время Кавказской войны князь Барятинский, даже занимая самую высокую должность (наместника), неоднократно лично объезжал действовавшие на Восточном Кавказе войска, всегда умел их воодушевить, настоятельно побуждал войсковых начальников к большей быстроте и энергии в их операциях[141]. Приведем для окраски личности князя, в тот период высшего карьерного достижения, свидетельство знаменитого иностранного гостя – А. Дюма, посетившего наместника в его тифлисском дворце: «Ровно в три часа мы явились к князю Барятинскому. Ему сорок два года, у него красивая внешность и чрезвычайно приятный голос, с помощью которого он очень остроумно рассказывает нам как свои собственные воспоминания, так и всякие анекдоты; он приветлив и милостив, хотя и очень большой боярин…. Эта кротость не исключает в нем громадной энергии, когда представляется к тому случай…». Но не все разделяли радужного мнения французского писателя о Барятинском. При всем желании быть объективным генерал Н.Н. Муравьев в своих записках дает Барятинскому просто убийственную характеристику: «Суживающаяся к макушке голова его с редкими волосами как-то не предупреждала в пользу его природных дарований; рыльце было у него красноватое, в чем признавали последствия разгульной жизни. Объяснялся он с некоторым замедлением и повторением слов, похожим на заикание, и гнусил. Вся наружность вообще не выражала того приличия, которое я ожидал найти в князе Барятинском, приятеле государя.… Хотя о нем судят вообще как о человеке ограниченном и невежественном в познаниях, но я с этим не согласен.… И в разговоре с ним нашел бы я приятного собеседника, если б было время у меня слушать его празднословие…»[142].

У наместника на Кавказе, князя А.И. Барятинского был свой штандарт (название знамени в кавалерии), расшитый золотой нитью с гербом князя, украшенным густой бахромой. Это знамя было выполнено в форме четырехугольника из желтой парчи. У имама Шамиля, против которого вел борьбу Барятинский, тоже было знамя. Во время сражений Шамиль всегда выезжал со своим знаменем, никогда не расставаясь с

ним. После падения Гуниба, когда Шамиль сдался, он это знамя в знак покорности передал князю Барятинскому. Вечером, позвав к себе Р.А. Фадеева (военного историка, публициста, адъютанта Барятинского), Барятинский сказал ему, что он дарит Фадееву это знамя, т.к. взятие Гуниба во многом обязано его советам…[143].

После подавления имамата Шамиля наместник Барятинский предельно четко выразил цели царской политики на Кавказе: «Избавить Кавказское плоскогорье от населения и открыть этим самым прекрасные и плодородные места для казачьего населения.… Без потери времени и насколько возможно выселять горцев в Турцию, а раз страна будет от них очищена, мы утвердим свое положение навсегда»[144]. Понимая, что методы колонизации были варварскими по отношению к местным народам, князь Барятинский был озабочен непременным предоставлением альтернативного пути к спасению горцев, изгнанных со своих мест. Он писал: «Колонизация европейцев в Америке повела за собой истребление почти всех первобытных там жителей; но в наш век обязанности к человеческому роду требуют, чтобы мы заблаговременно приняли меры для обеспечения существования даже и враждебных нам племен, которых по государственной необходимости вытесняем с их земель…»[145].

Проект по вопросам переформирования, размещения и подчинения войск Кавказского корпуса кн. Барятинского, представлявший собой программу будущих действий, предпринятых Барятинским на посту наместника России на Кавказе, появился в середине 1850-х гг. По мнению Барятинского, высказанному в этом документе, особое внимание должно быть обращено «на устранение медленности в делопроизводстве, а также необходимо бдительно наблюдать, чтобы казенные деньги, следующие, за что либо туземцам, были выдаваемы в срок, что теперь по сложности управления часто не исполняется и вселяет в Азиатцах невольную недоверчивость к нашей добросовестности…». А.И. Барятинский считал, что важно привлекать местное население материальными выгодами, в первую очередь деньгами, за выполнение казенных работ, например, перевозку войскового провианта. Следующим моментом умиротворения населения, по мнению князя Барятинского, являлось определение прав собственности и правильное размежевание земель, при котором необходимо закреплять участки с помощью официальных правительственных актов[146].

Барятинский отказался от односторонности прежнего курса на союз только со знатью. Критерием проводимой наместником социальной по-

литики служило отношение к России, независимо от принадлежности к тому или иному слою общества. Во время войны князь Барятинский с готовностью принимал всех бежавших от Шамиля, как рядовых, так и представителей «верхов», обеспечивая первым средства для жизни, а вторым – сохранение собственности. Отошедших от Шамиля видных деятелей мюридизма встречали без упреков и напоминаний о прошлом. Когда позволяла ситуация и когда это отвечало интересам России, наибов и кадиев привлекали на русскую службу, оставляя им прежние звания и полномочия. По словам русского публициста П. Алферьева, «Россия приняла уже граждан, воспитанных в известном порядке», и могла «не тратить сил на черновую государственную работу, всю тяжесть которой вынес на своих могучих плечах бывший имам Шамиль»[147].

Перспективной и в то же время жизненно необходимой и безотлагательной мерой А.И. Барятинский называл формирование постоянных воинских частей из горцев. Наместник был убежден, что «Россия должна держать открытым клапан этого парового котла», всегда готового взлететь на воздух. По мнению Барятинского, для удержания в повиновении горских жителей « не было ничего могущественнее постоянных дружин, составленных из самих горцев, так как между ними развился многочисленный класс людей, который умеет жить одним оружием и должен или продавать нам свое мужество, или обратить его против нас…». Получая достаточное жалованье, обладая правом в любой момент рассчитаться и выйти из дружины, «горцы служили верно и не щадили своих земляков»[148].

Князь А.И. Барятинский уже в ходе Кавказской войны преодолел односторонность прежнего курса Петербурга на союз только со знатью. Меняющиеся по ситуации приоритеты в его социальной политике обуславливались не классово – идеологическими мотивами, а поведением тех или иных горцев по отношению к России, независимо от их принадлежности к верхним или нижним слоям общества. Барятинского всюду сопровождал казначей, князь щедро награждал тех горских представителей, которые заступали на службу царю[149]. В конце Кавказской войны большое развитие получила система взяток, подкупа, шантажа, значительно возрос авторитет лазутчиков и информаторов. Была разработана «тарифная сетка» предательств. За информацию – одна сумма; за побег от имама – другая; за нейтралитет – третья; за сданную пушку – четвертая. Значительно возрос поток перебежчиков. Все это способствовало более быстрому завершению многолетней войны, от которой люди уже очень сильно устали[150]. Среди переходивших на сторону русских войск

было много славян, поляков, венгров, воевавших ранее на стороне Шамиля. Барятинский всегда выражал искреннее, глубокое уважение к Шамилю. Имам отвечал ему тем же, это были достойные противники, хорошо понимавшие друг друга люди. С сентября 1859 года и до своей кончины Шамиль вел теплую, дружескую переписку с Барятинским[151].

До конца первой половины 1840-х г. у имама Шамиля в Чечне не было постоянной резиденции, он вместе с чеченскими подвижниками днем и ночью ездил по Чечне. Первые упоминания о Дарго, как о постоянном месте нахождения столицы государства Имамат на территории Чечни, встречаются в источниках во втор. пол. 1840-х г. Резиденция Шамиля была построена на правом берегу реки Аксай. Как указывают источники, с разрешения белгатоевцев имам Шамиль основал свою столицу Дарго. Эта столица просуществовала до лета 1845 г. Потом столица имамата была перенесена на берег реки Хулхулау в Ведено и получила название Новое Ведено или Дарго – Ведено. Среди многонационального населения Дарго можно было встретить переселенцев из Закавказья, Адыгеи, Кабарды, из Табасарании, с Кумыкской плоскости и т.д. Резиденция Шамиля и само село Новое Дарго было построено по инженерным расчетам чеченца Хаджи Юсуфа – мухаджира, приехавшего из Египта. Ему помогали ученые, строители из Дагестана и мастера из Ичкерии и Большой Чечни. На заседании Государственного Совета был утвержден план – проект строительства столицы и резиденции Шамиля. В проекте были выделены жилые, административные, производственные кварталы. Новую резиденцию Шамиль назвал Дарго – Ведено. Дарго – Ведено было и остается самой многонациональной и многоконфессиональной столицей имамата Шамиля. Здесь не только функционировала мусульманская мечеть, но и была построена синагога, костел и церковь. Наиб Хату по поручению имама Шамиля ездил к барону Николаи в Герзель – аул вместе со священником отцом Алексеем, и они привезли разную церковную утварь и духовые инструменты для церкви в столице Дарго – Ведено. В Дарго – Ведено проживало около 800 русских, украинцев, поляков, венгров, финнов, которые чинили орудия, подковывали коней, исполняли другие работы, получая жалованье из казны Имамата[152]. Имеются сведения о том, что ближайшая охрана Шамиля и Гамзат-бека состояла из бывших чинов российской армии, принявших ислам и ставших самыми преданными мюридами.

Во время Кавказской войны значительную часть дезертиров составляли поляки. Генерал П.Х. Грабе сообщал военному министру А.Ч. Чер-

нышеву в рапорте от 07. 04. 1840 г.: «Поляки изобрели новый род оружия – длинный шест, к одному концу которого прикрепляется коса, чтобы колоть и рубить, а к другому крючья, чтобы влезать на крепостные верхи. Ныне это оружие находится у горцев в значительном количестве». Основную массу дезертиров, воевавших на стороне горцев, составляли русские. Около с. Ведено существовало целое отдельное селение беглых солдат, женатых на местных женщинах. Их главным занятием была «строительная часть», а также изготовление и ремонт артиллерийских лафетов и ящиков. Они же составляли расчеты орудий. Обучением солдат и надзором за порядком занимались два беглых офицера. Такая же слобода существовала и в Дарго. Для психологического воздействия на отряд гр. Воронцова, пришедший к этой резиденции Шамиля в 1845 г. был организован «парад»: дезертиры прошли церемониальным маршем под звуки оркестра на виду осаждавших.

Поскольку военные уставы предусматривали за переход на сторону врага смертный приговор, перебежчики почти всегда сражались до последнего, т.к. на пощаду не могли рассчитывать. Но все-таки исключительные случаи имели место после завершения Кавказской войны. В 1859 году около озера Кезеной-Ам были поселены «вернувшиеся с гор» беглые солдаты, которым «даровано было Всемилостивейшее прощение»[153]. В тяжелые военные годы рассчитывать на милость дезертирам не приходилось, работали законы военного времени. При штурме аула Гуниб в плен попал русский артиллерист, который огнем из своего орудия нанес тяжелые потери наступающим. Разъяренные солдаты забили его прикладами до полусмерти, а затем подожгли на нем одежду.

Важнейшей причиной такого явления, как активное участие дезертиров в боях на стороне горцев, был специфический характер этой войны. В отличие от Европы, где принуждение пленных к участию в боевых действиях запрещалось писанными и неписанными правилами, на Кавказе измена оказывалась единственной альтернативой невыносимого рабства или казни. При формировании пополнения Кавказского корпуса туда старались отправить нарушителей дисциплины, пьяниц и т.д. В результате в Тенгинском полку в 1837 году более половины солдат числились «ненадежными». Многие из этих лиц чувствовали себя наказанными несправедливо и искали способ на ком-то выместить свою обиду и переходили на сторону противника[154]. Кавказский корпус формировался по особым правилам. Сюда мало шли солдаты прямого призыва. На Кавказ по разнарядке направляли солдат и офицеров из воинских частей

со всей России. Естественно, командиры частей стремились избавиться от наиболее недисциплинированных. Вдобавок Кавказский корпус был местом ссылки для разжалованных офицеров и солдат, совершивших воинские преступления. В результате сюда направлялись дезертиры, пьяницы, дуэлянты. В свое время генерал Ермолов пытался прекратить такую порочную практику. Но это ему удалось только отчасти[155].

А.П. Ермолов

В Центральной России к Кавказу относились далеко не однозначно. В 1899 году И. Алексанов опубликовал свою статью в «Вестнике Европы», где он охарактеризовал Северный Кавказ как сырьевой придаток России: «В настоящее время весь Северный Кавказ – только производитель, – сообщал он, – поставщик сырья и производитель безгласный, бесправный, рабски подчинённый условиям, а очень часто и произволу эксплуатирующих его труд коммерческих центров. До сих пор Северный Кавказ служит ареной грубых эксплуататорских махинаций; край переполнен «пришельцами», нахлынувшими сюда, начиная с пятидесятых годов, в погоне за лёгкой наживой, млечными реками и простором»[156]. Пальм, в своей статье «Кавказские губернаторы о Кавказе» писал: « Послушать одних – Кавказ разлезся по швам, русская власть как бы способствует развитию мятежного брожения, русская государственность потерпела полное крушение. Послушать других – окраина спокойна, население лояльно, подвластные России мелкие кавказские народцы терпеливо сносят всевозможные обиды и притеснения как от русских окраинцев, угнетающих туземцев, так и от представителей русской государственной власти»[157].

Безусловно, понятие «народное» управление не оправдывало своего смысла на Северном Кавказе в имперский период. Необходимо было перестроить ближайшую к населению правительственную власть на новых началах. Генерал Ермолов постоянно напоминал народам Центрального Кавказа о том, что они российские подданные, поэтому все вопросы, выходящие за рамки предоставленного внутреннего самоуправления не могли, по его мнению, решаться вне рамок имперского политико – правового поля или хотя бы без санкции властей империи[158]. Нередко, бравируя тем, что является потомком Чингисхана, А.П. Ермолов в общении с «азиатами» представлял себя, как ему казалось, надлежащим

образом. Из письма В.Д. Давыдову от 6 января 1820 г. Ермолов писал: «Я приятное лицо мое омрачил густыми усами, ибо, не пленяя именем, небесполезно страшить наружностью. Здесь всякое безобразие у места… Я в числе многих, по необходимости, придерживался азиатских обычаев и вижу, что проконсул Кавказа жестокость здешних нравов не может укротить мягкосердечием. И я ношу кинжал, без которого ни шагу. Тебе истолкует Раевский слово «канлы», значащее взаимную нежность. Оно здесь освящено законом и утверждено временем, принято чистейшею нравственностью»[159]. Рассказывают, что, представляясь в 1831 г. в Москве императрице, он несколько минут не подходил к ее руке, опасаясь своею наружностью испугать императрицу, и приблизился лишь после того, как она несколько «привыкла» к его виду[160].

Дипломат и драматург А.С. Грибоедов считал генерала А.П. Ермолова практически неограниченным властителем Кавказа: «Ему дано право объявлять войну и мир заключать; вдруг придет в голову, что наши границы не довольно определены со стороны Персии, и пойдет расширять их на Аракс!»[161]. А.С. Пушкин и поэт-декабрист К.Ф. Рылеев считали А.П. Ермолова «военным гением». Известно, что декабристы предполагали включить Ермолова в будущее правительство. Являясь, прежде всего, военным деятелем и хорошим организатором, генерал Ермолов был одним из представителей «оппозиции Его Величества», представляя в России, так сказать, «дворянство чести», не подменяя при этом верную службу монарху «лизоблюдством»[162].

Ермолову было всего 19 лет, а он уже имел за персидский поход владимирский крест и чин подполковника. За Аустерлицкое сражение А. Ермолов был произведен в полковники[163]. Ермолов сыграл решающую роль в «покорении» Кавказа. После отъезда А.П. Ермолова с Кавказа система завоевания сильно изменилась, однако успеха русским войскам это не принесло. Как писал граф К.К. Бенкендорф: «…с увольнением из Кавказа Александра Петровича Ермолова, с 1862 года покорение Кавказа пошло по ложному пути…»[164]. Благодаря А.П. Ермолову была основана крепость Грозная, в настоящее время это столица Чеченской Республики – город Грозный.

Первым памятником в г. Грозном А.П. Ермолову служила заботливо сохраняемая землянка, в которой он жил при основании крепости Грозной. В начале XX века на одной из площадей этого города «покоритель» Кавказа появился в виде бронзовой фигуры[165]. До начала 90-х годов в Грозном стоял памятник А.П. Ермолову. Бронзовый бюст Ер-

молова, как считалось, напоминал самые трагические годы покорения Кавказа. Больше того, он был символом драматической судьбы горских народов. Памятник генералу, «с варварской жестокостью истреблявшим целые народы во имя завоевания Кавказа», был своего рода «бельмом на глазу» чеченцев. При советской власти его с завидной периодичностью взрывали по ночам и так же по ночам восстанавливали (благо бюст был отлит на местном заводе «Красный молот» не в одном экземпляре). В 1991 году командир Окружного учебного центра, бывшей учебной дивизии, генерал-майор Соколов предложил Завгаеву, возглавившему тогда руководство Республики, демонтировать памятник и перенести его на территорию одной из воинских частей. Однако Д.Г. Завгаев отказался это сделать[166].

Главным законом на Кавказе была сила, в чем признавался сам командующий Кавказским корпусом генерал Ермолов, которому, кстати, принадлежит приоритет в создании «мертвых зон» с тотальным уничтожением как самих горцев, так и их жилищ, садов, полей, запасов хлеба и фуража. «Здесь между народами, загрубелыми в невежестве, чуждыми общих понятий, первый закон есть сила. Один только страх русского оружия может удержать горцев в покорности». И далее Ермолов цинично заявлял: «нам нужны черкесские земли, в самих черкесах нет никакой надобности». Но иногда ретивость Ермолова сменялась милостью, ведь ничто человеческое и ему было не чуждо. Когда восставшие кумыки были разбиты, Ермолов приказал привести их предводителя Аммалат-бека к себе и после недолгой беседы приказал его повесить. Осужденный равнодушно выслушал приговор и в предсмертную минуту, не думая о своей участи, наклонился и стал гладить рукою любимую собаку Алексея Петровича, восхищаясь ей, и потом «смиренно отойдя от ставки Ермолова, пошел под конвоем на смерть, как на пир, без малейшего волнения, возводя только прекрасные черные свои глаза к небу». Это обстоятельство так поразило Ермолова, что он тут же сказал: «Да сохранит меня Бог лишить жизни человека с таким возвышенным духом». Казнь была заменена арестом[167].

Многие известные представители передовой русской мысли отзывались о «проконсуле» Кавказа в первое время в восторженных тонах, даже не смотря на всю жестокость его действий. На взгляд А.С. Грибоедова, генерал А.П. Ермолов – это «патриот, высокая душа, замыслы и способности точно государственные, исконно русская, мудрая голова». В письмах к своему другу С.Н. Бегичеву он даже писал, оправдывая Ер-

молова в его жестокостях: «…вешает, жжет их села – что же делать?»[168] Спустя некоторое время, по воспоминаниям М.С. Щепкина, А.С. Грибоедов, имея в виду жестокие и деспотичные меры А.П. Ермолова при управлении Кавказом, говорил ему лично: «Зная ваши правила, ваш образ мысли, приходишь в недоумение, потому что не знаешь, как согласить их с вашими действиями: на деле вы совершенный деспот». Эта противоречивость натуры генерала Ермолова, переплетение в одной личности стольких положительных и отрицательных качеств нашли отражение в оригинальном отзыве о нем его адъютанта П.Х. Грабе: «Он наделал ошибок: не сомневаюсь в этом. Но разве это мерило такого дарования?»[169]. Александр Полежаев сравнивал Ермолова с азиатской чумой в своей поэме «Чир-Юрт» (1832):

«Ермолов, грозный великан
И трепет буйного Кавказа!
Ты, как мертвящий ураган,
Как азиатская зараза
В скалах злодеев пролетал!
Ты скипетром мощным и свинцовым
Главы Эльбруса подавлял!»

В стихотворении «Валерик» (1840) М.Ю. Лермонтова Ермолов упоминается нарочито нейтрально, как будто бы «между делом»:

« Как при Ермолове ходили
В Чечню, в Аварию, к горам;
Как там дрались, как мы их били
Как доставалося и нам…»[170].

Из поколения в поколение песни и народные сказания чеченцев долгое время воскрешали в памяти Ермолова, жестокого московского генерала, прозванного «Людоедом». Вокруг имени Ермолова возникало много слухов. В горах говорили, что Ермолов приказал из пленных чеченок отбирать красивейших и выдавать их замуж в далекую Имеретию, а некрасивых и старых распродавать лезгинам «по рублю за каждую»[171]. В 1826 году Ермолов, перед тем как окончательно покинуть Кавказ, лично осуществил опустошительный рейд во главе своих войск против жителей Чечни, провоцируя ужасные репрессии. Его войска предали огню и

мечу Чечню, производя массовое истребление жителей и предав огню почти половину сел этого края. Фредерик Боденштедт в своем произведении «Народы Кавказа и их освободительная война против русских» объяснил неистовую злобу Ермолова желанием отомстить за смерть своих офицеров, убитых чеченцами…»[172]. Ермолов часто называл чеченцев «мошенниками», и это было одно из самых «мягких» выражений генерала по отношению к горцам. Иногда генерал старался сдерживать свои эмоции и действовать более дипломатично и порядочно, ведь он все-таки окончил Благородный пансион при Московском государственном университете и, воспитание его к этому обязывало[173].

Колонизаторы считали себя исключительными, избранными по сравнению с «народами-жертвами». Без такой, не всегда соответствовавшей истине самооценке, невозможно было захватывать, казнить и миловать, повелевать[174]. Очень часто в российской литературе освещались вопросы методов управления и их эффективности. Многие из публицистов придерживались мнения, что «добро надо делать насилием». В газете «Кавказ» писалось: «Незабвенный на Кавказе Ермолов наказывал хищников изгнанием и виселицею; потому горцы и говорили о нем, что горы дрожат от его гнева; что взор его рассекает, как молния…»[175]. Солдаты, часто понимая всю несправедливость уничтожения мирных сел и простых, как и они, чеченцев-тружеников, нередко перекладывали ответственность за бесчинства на полководцев, генералов. Так в одной из кавказских походно-боевых песен звучат следующие строчки:

«На Кавказе мы гуляли
И наделали-ж проказ:
Все аулы разбивали,
Потому что был приказ»[176].

В марте 1827 года, едва достигнув 50-летнего возраста, А.П. Ермолов был уволен со службы «по домашним обстоятельствам». Покинув Кавказ, Ермолов 15 июня 1827 года приехал к своему отцу в Орел и поселился в его доме. А.П. Ермолов за всю свою службу ни разу не брал денежных наград и отказывался от аренды имений, поэтому в отставке ему приходилось жить более чем скромно, на одно только жалованье. Лето Ермолов проводил в деревушке своего отца – сельце Лукьянчиково, где построил «маленькую хижину для себя и своей библиотеки». В течение всей своей жизни Ермолов собирал книги, выписывая в России

и за границей все примечательные издания. Его библиотека, насчитывавшая свыше 9 тыс. книг на русском, французском и латинском языках, считалась одним из самых лучших частных книжных собраний того времени. Ермолов обладал богатым по тому времени собранием топографических карт в количестве не менее 180 экземпляров. Книги в его библиотеке были в хорошем состоянии, большая часть их была переплетена самим А.П. Ермоловым. В переплетном деле Ермолов достиг большого совершенства и даже написал специальное руководство для переплетчиков[177].

Почему именно Ермолов стал «брэндом» Кавказской войны? Почему остальные генералы прикрыты дымкой забвения, несмотря на усилия официальной историографии и действительные заслуги в деле расширения имперских границ? В истории завоевания Кавказа «десятилетие Ермолова» (1816-1826) составляет довольно скромный временной отрезок. Он был одним из 13 главнокомандующих за период с 1802 по 1864 г. Формирование устойчивой точки зрения на Ермолова, как покорителя Кавказа, способствовал целый ряд обстоятельств. Миф о Ермолове вызывал своеобразную ностальгию кавказских солдат по тем временам, когда их походы имели видимый успех. А. Ермолов был героем Бородино, любимцем народной молвы, от него ждали больших подвигов и на затянувшейся Кавказской войне[178].

Образ Ермолова – кавказца появляется в русской литературе уже начиная с конца 1810-х годов. Однако с отставкой в 1827 г. Ермолов из-за подозрения в близости к декабристский кругам попадает в опалу, и с конца 1820-х годов в журналистике упоминание о генерале появляется весьма редко: имя его не то чтобы запрещалось, – просто писать о нем было не принято. Но между тем интерес к Ермолову-кавказцу не ослабевает до конца его жизни. При всем том, что русские литераторы о Ермолове писали весьма много, произведения о Ермолове-кавказце русскому обществу 1820 – 1830-х годов, и даже в более позднее время, известны не были. Пушкинское «Путешествие в Арзрум …» (1836) было напечатано с купюрами именно в той части, в которой говорилось о Ермолове. Та же судьба постигла повесть А.А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-бек» (1832): в первой публикации в «Московском телеграфе» (1832. № 1-5) «ермоловский эпизод», занимавший в оригинале несколько страниц сокращается до нескольких абзацев; при этом в нем упоминается «некий Главнокомандующий». Таким образом, Ермолов являлся неким негласно запрещенным генералом, из-за сочувствия к декабристам и другим

«антигосударственным» наклонностям. Но с другой стороны, многие декабристы также были недовольны деятельностью Ермолова. Декабрист Н.Р. Цебриков, не одобряя того, что Ермолов не выступил на стороне декабристов, писал: «…Ермолов мог предупредить арест стольких лиц, и потом смерть пяти мучеников.… Но Ермолов, еще раз повторяю, имев настольную книгу Тацита и Комментариев на Цезаря, ничего в них не вычитал, был всегда только интриганом и никогда патриотом…»[179]

Кавказская администрация, как высшая, так и областная, вполне сознавала недостатки местного управления, все неудобства, возникавшие из-за многосложности управления краем, не имеющим органов самоуправления, с местной инициативой, зачастую подавляемой властью[180]. Почва для восприятия земских учреждений среди горцев Терской области уже давно была подготовлена не только всей их прошлой общественно-исторической жизнью, но также и практикою управления после присоединения их к России. После отмены крепостного права общественное управление села стало крестьянским сословным учреждением. Его распорядительным органом являлся сельский сход, а исполнительным – старшина и другие должностные лица[181]. Терская область нуждалась в земском самоуправлении. На 500 тыс. горцев не было ни одной больницы, а 5 окружных врачей исполняли исключительно судебно-медицинские обязанности. На 200 тыс. чеченцев приходилась только 1 школа. Печальное положение хозяйственного управления на Кавказе усугублялось ещё тем обстоятельством в регионах с местным населением, что между администрацией и населением стоял класс переводчиков, на растлевающее влияние которого в кавказских административных и судебных учреждениях давно пора было обратить самое серьёзное внимание. Одним из сложнейших регионов империи фактически управлял класс переводчиков, введение земства во многом урезало бы его власть[182].

Российская политика на Кавказе до Ермолова носила двойственный характер. С одной стороны, периодические военные экспедиции в горы способствовали развитию враждебных отношений горцев к России. С другой – налаживались мирные отношения с горскими владетелями, они поступали на российскую службу, получали жалованье, будучи как бы представителями российской власти в своих владениях, в обмен на различные подарки и уступки; удерживали своих подвластных от нападений на укрепления и поселения на Кавказской линии. Вопрос о сотрудничестве с этническими элитами был одним из краеугольных камней не просто «национальной политики», но вообще государственного

управления Российской империи. Можно по-разному оценивать и определять эту практику – как социальную комплиментарность, классовую солидарность.… Но мы сталкиваемся с неоспоримым фактом: русские элитные структуры традиционно сотрудничали со своими иноэтничными «коллегами»[183].

Некогда грубый и грозный в обхождении с горцами, Ермолов накануне своей отставки в 1826 году в секретном предписании генералу Лаптеву советовал, что в отношении с чеченцами необходимо «…исполнение данного обещания.… Никогда не требуйте того, что для них исполнить трудно или чего они вовсе исполнить не могут.… Наблюдайте, чтобы никогда никто из подчиненных не позволял себе грубого обхождения с ними; чтобы никто не порочил веры мусульман, паче же не насмехался над ней». Тем не менее, практика взаимоотношений царских властей с горцами показывает, что заключавшиеся ими мирные соглашения и провозглашавшиеся петиции не имели большого значения и, в основном не соблюдались[184]. Ермолов во время войны по отношению к чеченцам проводил политику «кнута и пряника». С одной стороны он сжигал села, организовывал военно-экономическую блокаду чеченцев. Но в то же время в 1821 г. было объявлено «прощение по 1819 год всем виновным в воровстве, или других шалостях, кроме смертоубийства»[185].

К Ермолову всегда было неоднозначное отношение окружающих его людей. В «Записках» генерал Ермолов писал: «Я знаю, что про меня идет слава, будто жизнь людей для меня игрушка, кровь их – вода… Я умышленно создал себе такую славу, нарочно облек себя ужасом. Хочу и должен, чтобы имя мое стерегло страхом границы наши крепче цепей и крепостей.… Из человеколюбия бываю жесток неумолимо.… На глазах моих не видят слезинки, когда я подписываю смертные приговоры, но сердце мое обливается кровью!»[186].

Генерал Ермолов даже женился исключительно на горянках. И хотя эти браки не были освящены церковью, он до конца жизни помогал женам деньгами и официально объявил наследниками своих сыновей [187]. У Ермолова было три сына: Виктор (Бахтиар), Север (Алляхари) и Клавдий (Омар), получившие от Александра II права законных детей, и дочь София (Сатиат), которая осталась мусульманкой и вышла замуж за горца[188]. Сыновей Ермолов привез в Россию, добился признания их законными детьми, что было не так просто, учитывая его напряженные отношения с императором. Все сыновья Ермолова, окончив артиллерийское училище, получили офицерский чин, дворянство и служили в армии. Ермолов

был заботливым отцом, много помогал сыновьям и завещал им все свое имущество. После отъезда Ермолова в Россию его жены Сюйда, Тотай и Султан-Бамат-Кази остались на Кавказе, и вышли замуж. Тотай и ее дочь Сатиат, которая согласно договору при заключении кебина с Ермоловым осталась у матери, получали от Ермолова ежегодное содержание[189]. Во время Кавказской войны имам Шамиль демонстрировал всегда особое уважение к Ермолову и даже приказал пощадить аул, в котором жили родственники жен Ермолова. Когда Шамиля спросили в Москве, что он желает видеть, – он отвечал: «прежде всего, Ермолова». В альбоме князя Барятинского хранился рисунок, изображавший памятную встречу Шамиля и Ермолова, состоявшуюся в в Москве[190].

Рассмотрим биографию этой незаурядной и харизматичной личности. Алексей Ермолов родился в Москве. Его отец, Петр Алексеевич, принадлежал к небогатому, но старинному дворянскому роду из Орловской губернии. Современники называли его «замечательным стариком, умным и суровым». От отца Алексей унаследовал «серьезный, деловой склад ума», а от матери Марии Денисовны, урожденной Давыдовой, «живое остроумие и колкость языка» – качества, которые подарили ему громкую известность и вместе с тем наделали много вреда. Имя Ермолова было у многих на устах в силу присущего ему остроумия. Так, однажды его спросили об одном генерале, каков он в сражении. «Застенчив» – ответил Ермолов.

Историю Ермолова хотел написать А.С. Пушкин. В его письмах дважды встречается весьма характерное (хотя и косвенное) сопоставление Ермолова с Наполеоном. Ради двухчасовой встречи с отставным «проконсулом» Пушкин, направлявшийся в Грузию, проделал двести с лишним верст, чтобы заехать к генералу в гости. На родине своего отца Ермолов встретился с А.С. Пушкиным, который затем писал: «Ермолов принял меня с обыкновенной своею любезностью. С первого взгляда я не нашел в нем не малейшего сходства с его портретами, писанными обыкновенно профилем. Лицо круглое, огненные серые глаза, седые волосы дыбом… Голова тигра на Геркулесовом торсе. Улыбка неприятная, потому что неестественная. Когда он задумывается и хмурится, то он становится прекрасен… Он по – видимому, нетерпеливо сносит свое бездействие… Разговор несколько раз касался литературы.… О правительственной политике не было ни слова»[191]. Впоследствии, пережив какое-то разочарование, А.С. Пушкин от своих замыслов отказался и в дневнике 1834 года назвал Ермолова «великим шарлатаном»[192].

Д.А. Ровинский, видевший Ермолова в последние годы его жизни в Москве, говорил о нем: «Ермолов был значительно тучен; лицо у него было совершенно круглое; маленькие серые глаза; напоминавшие взгляд дикой кошки и неприятная, деланная улыбка, не сходила с его губ. Он жил одними воспоминаниями, желчно отзывался о военных современниках, и без злости не мог вспомнить имени Паскевича. Только разговор о женской красоте выводил его из желчного расположения и заставлял забывать о старости и немощи…»[193].

Во время Кавказской войны генерал Ермолов настаивал на том, чтобы с горцами старались наладить торговые отношения, организовывали меновые дворы[194]. В то время в чеченцах поощрялось корыстолюбие, это был один из способов завоевания края. Н.А. Добролюбов писал в своих заметках: «Мы необходимо должны были развивать в горских племенах и алчность к деньгам. Мы показали им, что деньгами можно покупать разные удобства жизни, и затем дали повод думать, что деньги можно приобретать не усиленным и честным трудом, а услугами нам во вред их единоплеменникам. Теперь, в мирное время, надо внушать им уважение к чужой собственности»[195].

В тяжелые годы Кавказской войны А.П. Ермолов запретил изнурять войска фронтовыми учениями, увеличил мясную и винную порции для солдат и офицеров русской армии[196]. Ермолов заботился и о здоровье своих войск. Он одним из первых понял большое значение минеральных вод не только для Кавказа, но и для России. Официально курорты Кавказских Минеральных Вод (КМВ) были основаны по указу Александра I от 24 апреля 1803 г., но, по существу, начали курорты развиваться лишь в годы правления Кавказом А.П. Ермоловым. По его распоряжению с 1816 г. жители Константиногорской крепости начинают переселяться ближе к водам, положив начало Пятигорску, Основываются станицы Кисловодская, Ессентукская и др. В 1822 г. Ермолову удалось добиться ассигнования на развитие Минеральных Вод в размере 550 тыс. рублей. Но поскольку и этих денег было недостаточно, генерал пожертвовал на строительство госпитального комплекса собственные средства[197].

Назначение Ермолова в стратегически важный регион было связано с изменением политики России на Кавказе – российский царизм вплотную приступил к завоеванию Кавказа, военные силы России не были отвлекаемы другими «театрами» стратегических действий[198]. После восстания на Сенатской площади по столице поползли слухи о желании Ермолова «отложиться от России», стать во главе самостоятельного

государства, составленного из покоренных областей. Продолжительное отсутствие сведений о присяге Кавказской армии императору еще больше встревожило Николая I. Следственная комиссия «по делу 14 декабря» усиленно искала прямые улики против Ермолова, но ничего не обнаружила. Это не успокоило Николая I, он продолжал считать, что на Кавказе действительно существует военный заговор. Однако попросту взять и арестовать Ермолова было невозможно. Государь знал, какой популярностью пользовался прославленный генерал, и поэтому было решено отправить его в отставку по причине «несоответствия служебной должности». За Ермоловым даже после его вынужденной отставки продолжали следить «компетентные органы». Так, например, переписка Ермолова с Командующим Кавказской линией и Черноморией П.Х. Грабе подвергалась перлюстрации, о чем свидетельствует не без иронии сам Грабе: «Оканчивая это длинное письмо, мимоходом замечу, что печать на Вашем конверте вовсе не была похожа на Вашу обыкновенную, всегда опрятную и щеголеватую. Это вероятно будет и с моею, хотя употреблю отличный сургуч и старание чисто запечатать. Видно, долго еще, несмотря на благонамеренность свыше, мы не выберемся из глубокой и грязной колеи, в которую издавна завязли»[199].

Другой не менее колоритной, но меньшей по историческому масштабу личностью в годы Кавказской войны был Яков Петрович Бакланов. Он родился 15 марта 1809 года в станице Гугнинской. Отец его был полковой хорунжий, выслужившийся из простых казаков и достигший впоследствии чина полковника. В течение своей военной службы Яков Бакланов показал себя столь пылким и храбрым офицером, что за излишнюю пылкость отец не раз его собственноручно «дубасил по спине нагайкой», как признавался сам Бакланов в своих воспоминаниях. У Я.П. Бакланова во время службы на Кавказе были верные ему чеченцы – проводники и переводчики, которые часто выполняли разведывательные функции в среде горцев. Особенно Бакланов дорожил двумя наиболее ценными агентами. Первый – Ибрагим, из конвоя Шамиля, жил в ауле Ведено; сам он появлялся редко, а информацию передавал через верных людей. Второго баклановского агента звали Али-Бей, он был родом из Большой Чечни, аула Гурдали-Юрт. Они работали на Бакланова из-за денег. Передав сведения, некоторые из лазутчиков на другой день выезжали на перестрелки со своими «тайными союзниками». Такая агентура стоила недешево, но окупала любые затраты. Лазутчики сильно рисковали. Чеченцы, узнав о предательстве, пытали не только виновных, но и

их родственников. Так, например в Герменчуке отцу лазутчика выкололи глаза. В Автурах брата изменника положили под доски и сидели на них, пока тот не умер[200].

Чеченцы дали Бакланову прозвище «Дад-жал», т.е. «дьявол». Бакланов знал об этом и всячески старался укрепить горцев в мысли, что «ему помогает нечистая сила». Даже имам Шамиль упрекал своих наибов за страх, питаемый ими к Бакланову. Очевидцы рассказывают, что однажды нападение чеченцев было столь неожиданно, что Бакланов не успел одеться и появился перед полком в одной бурке, одетой на голое тело, с шашкой через плечо. Такой вид Бакланова настолько смутил горцев, что они ретировались. Последние годы Бакланов провел в Петербурге и 18 октября 1873 г. он скончался. Бакланов умер в бедности и был похоронен за счет Донского войска. Бакланову был поставлен памятник, изображавший скалу, на которую наброшена бурка и папаха[201].

А.А. Вельяминов

Среди «устроителей Русского Кавказа» особое место занимает незаурядная личность генерал-лейтенанта А.А. Вельяминова, бывшего в 1831-1837 гг. командующим войсками на Кавказской линии и начальником Кавказской области. Близкий и доверенный соратник А.П. Ермолова, Вельяминов был жёстким и умелым военачальником и администратором, глубоким и тонким знатоком Кавказа. С его именем принято связывать разработку того плана «успокоения горцев», реализация которого в конце 50-х – начале 60-х гг. XIX века привела к завершению Кавказской войны. Предлагаемая Вельяминовым жёсткая «трёхуровневая» система назначения «сверху» духовных лиц не соответствовала мусульманским традициям, но отвечала «командно – административным» целям политики монархии Романовых на Кавказе [202]. При ведении боевых действий генерал Вельяминов, по свидетельству В.А. Потто, использовал систему, которая позволяла обучать войска в бою, в то же время сберегая личный состав. Система эта заключалась в следующем: Вельяминов намечал себе пункт, а, достигнув его, ставил укрепленный лагерь, откуда посылал войска небольшими партиями для штурма соседних поселений горцев. Когда окрестности были «очищены» от неприятеля, отряд переходил на новое место. При помощи этой системы достигались две цели: войска, вводимые в бой по очереди, приобретали опыт, а укрепленный лагерь

служил резервом для войск и угрозой для окрестных горцев. Войска при этом несли малый урон и встречали меньшее сопротивление. Позже этот способ был забыт, и войска, двигавшиеся в чеченских горах большими отрядами, несли огромный потери[203].

Генерал Вельяминов говорил: «Кавказ можно уподобить сильной крепости, чрезвычайно твердой по местоположению, искусно огражденной укреплениями, и обороняемой многочисленным гарнизоном. Одна только безрассудность может предпринять эскаладу против такой крепости; благоразумный полководец увидит необходимость прибегнуть к искусственным средствам, заложит параллели, станет продвигаться вперед сапой, призовет на помощь мины, и овладеет крепостью. Так, по моему, должно поступать с Кавказом, и если бы ход сей не был предварительно начертан, дабы постоянно сообразовываться с оным, то сущность вещей вынудит к сему образу действий, только успех будет гораздо медленнее, по причине частых уклонений от истинного пути». Такими средствами генерал Вельяминов надеялся покорить горцев за несколько лет[204].

Вельяминову приписывают слова, будто бы сказанные им государю: «Нашим внукам еще придется поработать на Кавказе; да и незачем дело у них отнимать: Кавказ хорошая военная школа»[205]. В путеводителе по Военно – Историческому музею в Тифлисе приводится перечень боевых заслуг Вельяминова в период Кавказской войны: «Друг и сослуживец А.П. Ермолова еще со времени наполеоновских войн, Вельяминов был при нем на Кавказе начальником корпусного Штаба. Он обладал обширными сведениями, ясным умом и непреклонною волею. В 1829 г. он писал, что Кавказ может быть покорен в течение шести лет, но для этого нужно две лишние дивизии и 14 млн. рублей ассигнациями».

А.П. Ермолов одним из первых обратил внимание на качественную работу Алексея Александровича Вельяминова и взял его к себе на службу. На посту начальника Штаба Вельяминов оставался 13 лет. Хотя характер его, по свидетельству Дениса Давыдова, был совершенно противоположен характеру Ермолова, но, отлично понимая друг друга, они находились в самых дружеских отношениях. Расточительный и избалованный по натуре, Вельяминов, любя и почитая Ермолова как отца, приноравливался к простому образу жизни Ермолова. Последний широко пользовался административными и военными талантами Вельяминова, его энергией, огромной трудоспособностью и, наряду с работой по Штабу, поручал ему командование отрядами в экспедициях[206].

С увольнением Ермолова он также покинул Кавказ и возвратился сюда в 1831 году в звании командующего войсками на Кавказской линии. «Алексей Александрович Вильяминов как нельзя больше соответствовал тому назначению, которое на него возлагалось, – пишет военный историк В.А. Потто. – Он был еще довольно молод, лет тридцати семи, но в закаленных чертах его рябоватого лица, с открытым челом и проницательным взглядом, выражалась какая – то жестокость характера и холодное равнодушие; про него недаром говорили, что он никогда не жалел о потерях, как бы велики он н были, лишь бы сделано было задуманное. Вид его был чрезвычайно суров, особенно когда он думал и начинал грызть ногти…»[207]. Строгость Вельяминова доходила до холодной жестокости, в которой была некоторая доля цинизма. Во время экспедиций он приказывал при нем бить палками или ногайками солдат, пойманных на мародерстве. Интеллект помогал Вельяминову удерживать в памяти множество имен и фактов, а методический ум давал возможность одинаково осветить всю эту крайне разнообразную кавказскую картину. Подчиненные и войска боялись Вельяминова. Среди горцев он был известен под именем Кызыл-Дженерал (т.е. рыжий генерал). Солдаты не любили его, прозвав «четырехглазым», из-за того, что в походах он носил «очки-консервы», но в то же время они питали к нему уважение и почтение[208]. Вельяминов плохо относился к царившей в армии муштре, не понимая, как он сам называл, «мелких штук парадных»[209].

Высшее чиновничество отдавало себе отчёт в том, что военная победа не решила задачу полного подчинения края. Александр II в 1860 году писал наместнику Кавказа: «Управление горцами должно стать главной задачей текущего момента, надобно смотреть на управление горцами как на продолжение их покорения»[210]. Наместник на Кавказе, Михаил Николаевич Романов, выдвигая лозунг о слиянии колонии с метрополией, высказывал надежду на то, что «облагодетельствованные народы будут прославлять меч, заставлявший их покориться»[211].

В период Кавказской войны петербургские власти и командование Отдельным Кавказским корпусом стремилось решить кавказскую проблему по возможности мирными способами, в том числе и с помощью переговоров. Николай I, например, возлагал очень большие надежды на свой Кавказский вояж, в ходе которого, как предполагалось, избранные представители горских племен изъявят желание покориться императору. Сначала А.А. Вельяминов в осторожных выражениях говорил о невозможности реализации на практике замысла Николая I о добровольном

вхождении всех горских народов в состав Российской империи. Позже, в своем докладе графу Чернышеву Вельяминов был вынужден достаточно четко высказать свое мнение, что все дипломатические усилия будут бесполезны… «Покорные племена, прислав своих представителей, подтвердят свое положение, но непокорные горцы никогда добровольно не подчиняться» – предупреждал Вельяминов. Чиновник настаивал на продолжении применения военной силы и разработал четкий и эффективный, хотя и длительный план покорения Кавказа.

Вельяминов справедливо предполагал, что значительно более реальным вариантом организации встречи горцев с императором будет тот, где императорский посланец будет действовать под видом частного лица и склонять местных жителей к добровольному изъявлению покорности, к ведению переговоров. Однако этот вариант не соответствовал взглядам Николая I, поэтому, учитывая данное обстоятельство, он вряд ли был реализуем на практике. После того, как в июле 1837 г. Шамиль был вынужден провести переговоры с генерал-майором Фези, едва не захватившего его в плен, и выдать аманатов, в Петербурге сочли это признанием Шамиля российского подданства и потребовали от генерала А.Е. Розена организовать его встречу с императором во время поездки последнего по Кавказу, чтобы имам «молил о Всемилостивейшем прощении». При этом совершенно не принималось в расчет, что в письмах Шамиля не было никакого признания российского подданства, а лишь согласие на временное прекращение военных действий, а к российскому императору имам Шамиль обращался как к равному себе. В результате генерал Розен был поставлен в крайне затруднительное положение. Переговоры с Шамилем по вопросу организации встречи с императором, которые вел генерал-майор Клюки-фон-Клугенау, разумеется, ни к чему не привели.

Вредное влияние имперского центра усилилось после поездки Николая I на Кавказ в 1837 году. «…Явилась целая система проектов военных действий для завоевания и покорения Кавказа; все это разрабатывалось в канцеляриях Военного министерства, представляя обширное поле соображениям офицеров Генерального Штаба, налетом бывших на Кавказе. Покойный государь, при всей своей прозорливости и высоких дарованиях, имел тоже слабость думать, что, раз окинув своим орлиным взором страну или какое-либо дело, он проникал во все подробности оного и лучшим был судьей при решении обсуждаемых вопросов: при характере Николая Павловича трудна была борьба с его убеждениями» – вспоминал один из современников[212].

Неудача посещения императором Николаем I Кавказа, очевидная еще до начала поездки для многих кавказских военачальников, хорошо знакомых с местной обстановкой, привела к тому, что большинство генералов было заменено новыми людьми, которые совершенно не были готовы к тому, что их ожидало на Кавказе. Эта история, прежде всего, наглядно показывает насколько высшее чиновничество российского правительства, и сам император были далеки от осознания истинного положения дел на Кавказе, также как и от понимания самосознания горских народов и их культуры. С одной стороны, к горцам относились как к «неразумным детям», не понимающим всех выгод «воспитания» со стороны «взрослых». Пожалуй, Николай I действительно полагал, что горским племенам достаточно лишь объяснить, как им повезло оказаться под покровительством России, чтобы те с радостью приняли свое новое положение. При этом совершенно не принималось в расчет, что от горцев требовали безоговорочно отказаться от большинства своих многовековых традиций и обычаев, что горцы не могли не расценивать как предательство памяти предков. Кроме того, удивляют требования, выдвигаемые императором по отношению к кавказским народам. Они имеют явно ультимативный характер и не предполагают возможность компромисса. Такой ультиматум мог бы быть предъявлен стороною, которая явно проигрывала боевые действия, но о горцах тех лет этого сказать было невозможно[213].

Николай I считал политику местного кавказского начальства в отношении горцев неправильной. Император, вернувшись с Кавказа, писал генералу Бенкендорфу: «Я много толковал об этом с Вельяминовым, старался внушить ему, что хочу не победы, а спокойствия; и что для личной его славы, и для интересов России надо стараться приголубить горцев и привязать их к русской державе. Я сам тут же написал Вельяминову новую инструкцию и приказал учредить в разных местах школы для детей горцев, как вернейшее средство к их обрусению и смягчению их нравов»[214].

Правительство видело свою главную задачу в «прочном замирении» региона, стабилизации обстановки во избежании новых антиправительственных выступлений горцев. В этих условиях административно-политическая сторона в деятельности имперских властей в регионе приобретала особое значение, выдвигаясь на первый план в ряду других мер правительства, направленных на упрочнение российской власти на Кавказе. Наместник, генерал-фельдмаршал князь А.И. Барятинский,

в отчёте на имя императора особо отмечал, что «..устройство окончательного управления горскими племенами – это краеугольный камень русского владычества..». Барятинский был убеждён, что «бунт в Чечне» в 1840 году, ставший сигналом общего восстания на Восточном Кавказе, был следствием «неустройства нашего управления» и злоупотребления, истекавшие из этого неустройства. «Но, – продолжал наместник, – чтобы покорение на этот раз было окончательным, необходимо основать народное управление на новых началах»[215].

Возникает вопрос о существовании у правительства концепции политики стабилизации на Северном Кавказе в указанный период. Какой-либо единый программный документ такого рода не обнаружен, но основные принципы и направления политики послевоенной стабилизации, на наш взгляд, можно реконструировать. Прежде чем переходить к анализу принципов управления горскими народами, инициированных высшими Кавказскими властями и получивших одобрение в центре, необходимо указать на существование в российских правящих кругах в XIX веке разных точек зрения на характер и возможные методы управления национальными окраинами. Высшее кавказское руководство с сожалением отмечало, что долговременный опыт показал отсутствие желаемого успеха « в водворении между горцами начал гражданской цивилизации и нравственности». Начальнику Терской области было предложено развивать среди чеченцев национальную грамотность, как единственно верный способ к образованию из горца «человека и гражданина»[216].

На тупиковость попыток подогнать самобытные отношения у горских народов Кавказа под стереотипы и штампы, выработанные на основе изучения явлений западноевропейской и российской истории, осторожно указывал в одной из своих статей А.П. Пронштейн[217]. Один из не установленных авторов проекта «О покорении Кавказа» отмечал, что покорение это ещё не то, всего лишь занимается место, ставится крепость и военные ходят, под прикрытием пушек и батальонов, надеясь на повиновение местных жителей. «Желая покорить людей, – писал он, – нужно же подумать и о том, чтобы они видели в покорности образованной завоевателями и пользу… Необходимо определить точно – чего мы хотим от народа. Должна существовать ясно определённая система последовательных действий, как то: 1) хорошая администрация; 2) хорошие школы; 3) хорошие дороги. Не всякий полковой командир может быть хорошим администратором. Нужно завести особое

училище – собрать там 3-4 десятка способных молодых офицеров. В течение 2-3 лет они должны изучать местные языки и все сведения, относящиеся к Кавказу. Тогда из них получатся хорошие администраторы для Кавказа»[218].

Умиротворение края только силой оружия было поставлено под сомнение в 1860 году. Возникла необходимость склонить народное мнение в пользу новой власти. Взгляд этот послужил основанием изменения прежде предложенных мер и, было решено: ограничиться занятием только главных стратегических пунктов, остановить постройку мелких укреплений, отменить водворение тех станиц, которые стесняют чеченцев в земельном отношении и приводят их к негодованию. Приняли решение образовать из самих жителей земскую стражу, с хорошим содержанием и отпустить домой Донские казачьи полки. Результатом предпринятых правительством шагов стало улучшение ситуации в регионе[219].

К 1830-1844 гг. относятся поиски правительством политико-административных подходов и путей реформирования системы управления Кавказом, разработки и обсуждения проектов будущих преобразований в Закавказье и на Северном Кавказе. Решением именно этих вопросов занимались специально сформированные в Петербурге временные комитеты – Комитет об устройстве Закавказского края, Комиссия под руководством сенатора П.В. Гана и VI отделение Собственной е.и.в. канцелярии. Высшими чиновниками были определены два возможных направления в «гражданском обустройстве» Кавказа. Первое – «централистское», его ярым пропагандистом являлся П.В. Ганн, предлагавший установление общероссийских бюрократических органов и административное слияние Кавказского региона с Россией; сторонники второго направления – «регионализма» – признавали необходимость учета социально-экономической и политической специфики Кавказа и выступали за введение в крае особого управления. Большая реалистичность пути, обозначенного «регионалистами», стала очевидной после полного провала кавказской реформы П.В. Гана. В 1844 году Николай I поддержал идею установления на Кавказе специальной, отличной от российской формы управления – наместничества. 27 ноября царским Указом М.С. Воронцов был назначен наместником на Кавказе, а немного позже в Тифлисе при наместнике были учреждены общекавказские центральные органы власти, по своим функциям приравненные к министерствам[220].

Во второй половине XIX века различные подходы в организации управления на окраинах предлагались так называемыми «колонистами», «регионалистами», «централистами». Колониалисты считали, что окраины не могут и не должны иметь русского управления, т.к. это колонии. Не следует их превращать в часть России или, как писал Н.Я. Данилевский «…уподоблять себе включённые в её государственные границы инородческие поселения». И регионалисты и централисты в качестве стратегической цели управления окраинами видели полицейскую и экономическую интеграцию России с её национальными «периферияими», установление социальной, правовой, административной однородности империи. Средства и темпы достижения данной цели у сторонников регионализма и централизма существенно разнились. Первые считали, что в силу национально-культурной самобытности каждой окраины на них невозможно в полной мере распространить российскую администрацию, законодательство и суд. Централисты, т.е. приверженцы политики унификации и русификации системы управления, суда, образования национальных окраин на российской правовой основе, считали необходимым и вполне реальным проводить интеграцию более ускоренными темпами. Регионалисты придерживались принципа постепенности в проводимых на вновь присоединённых окраинах политико-административных преобразований[221].

На Кавказе во второй половине XIX века, как правило, одерживали верх регионалистские тенденции в управлении. Регионализм в практике российского управления Кавказом означал не только существенную степень автономности управления от центральной власти, но ещё и значительные отступления от общеимперских образцов в законодательстве и структуре власти и допущение различных «особенностей» в административно-политическом устройстве на местах. Последнее обстоятельство имело особое значение для Чечни и Дагестана, где управление, как указывал военный министр Д.А. Милютин, «требовало осторожности и строгого надзора за населением, в среде которого не могли так скоро исчезнуть все следы недавней ещё смуты»[222]. Регионализм на Кавказе в целом выразился в существовании института наместничества (1844-1882; 1905-1917 гг.), специального регионального комитета в центре по делам Кавказа – Кавказского комитета (1845-1882 гг.). В этот период в основном возобладала деконцентрация управления[223].

Наместничество

В общероссийской системе политико-административного устройства немалую роль сыграло так называемое наместническое управление. Хотя генезис и конкретные подтипы российского наместничества мало изучены в современной исторической науке, можно, тем не менее, утверждать со всей определённостью, что одной из важных причин развития этой формы административно-ведомственного управления стало расширение империи за счёт новых территорий[224].

Общим признаком «окраин России управляющихся на особых основаниях» было наличие там генерал – губернаторов или наместников[225]. Важнейшим элементом российской государственности был институт генерал-губернаторства. Что касается трех основных функций местной власти – административно – полицейской, финансовой и судебной, то губернатор осуществлял лишь первую из них; в то время как наместник (генерал-губернатор) – все три. Б.В. Межуев называет такую структуру властвования «комиссарским режимом», при котором система местного управления оказывается в подчинении у проводников политических решений, т.е. у лиц, ориентирующихся «не на нормы, а на предпочтения и устремления политического центра». Допуская возможность сопоставления, и компаративного анализа властных прерогатив института генерал – губернаторства и полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах, исследователь видит функциональное сходство. Подобные административные преобразования осуществляются в периоды серьезной идеологической переориентации государства, причем во многом с целью недопущения вероятной политизации органов местной администрации, а также силовых структур. Иначе говоря, государство, реализующее «комиссарский эксперимент», пытается закрепить за собой монополию на принятие политических решений [226].

Своего рода асимметрия государственного устройства, выражавшаяся в особенностях управления национальными окраинами, в сочетании с эффективной инкорпорацией местных элит в общероссийскую, в течение долгого времени поддерживала целостность Российской многонациональной империи. Тенденции к унификации местного управления, ставшие преобладающими в пореформенной России, наряду с «национализацией» внутренней политики и сохранением чрезвычай-

ного режима в отдельных регионах, усиливали опасные для империи центробежные устремления[227]. Интересно отметить, что в манифесте Петра I, датированном 1702 г., по существу, не проводится различие между наместничеством и губернаторством. В дальнейшем термин «наместник» продолжает существовать наравне с должностным званием губернатора и генерал-губернатора, но фактически выступает в качестве освящённого исторической традицией почётного титула[228]. В царствование Екатерины II по мере увеличения числа провинций зарождается практика объединения нескольких губерний в одно наместничество. В качестве наместников обычно назначались видные сановники и вельможи, пользовавшиеся доверием императрицы. Нередко им давались чрезвычайные властные полномочия для рассмотрения гражданских и иных дел. Государство отпускало значительные денежные средства на содержание наместников, предоставляло им стражу для почётных случаев и личной охраны.

Наместническая форма правления имела своей главной целью укрепление государственной власти на местах путём централизации административной системы. В большинстве своих конкретно-исторических проявлений эта система была направлена также на подрыв основ местного сепаратизма и национальных движений. Фактически наместники оказались неподвластны Сенату и подчинялись лично царю[229]. Наместничество как форма политико-административного устройства существовало в целом ряде окраин Российского государства. Помимо Украины, Белоруссии, Молдавии оно было введено в Прибалтике, Великом княжестве Финляндском и Царстве Польском. В XIX – начале XX в. режим особого наместничества с элементами административной автономии был установлен в Сибири, на Дальнем Востоке и на Кавказе. Своё наиболее яркое проявление эта форма управления нашла в Кавказском наместничестве.

В историко-типологическом плане можно выделить два подвида наместнической формы управления на Кавказе: первый хронологически относится к более раннему, а второй к более позднему периоду. В конце XVIII в. на Северном Кавказе и в Закавказье начинается крупная политико-административная перестройка. Начало имперского административного устройства на Кавказе было положено в 1785 году образованием Кавказского наместничества[230]. Интересен факт, что двумя годами ранее, в 1783 году губернии Лифляндия и Эстляндия были также объявлены наместничествами.

Первое Кавказское наместничество функционально и структурно почти не отличалось от общероссийской системы провинциального управления, однако имело характерные черты военно-пограничного режима. Сенатским указом административным центром Кавказского наместничества был определён Екатеринодар. В наместничество вошли не только кавказские территории, но и оказавшиеся ещё в XVI в. в составе империи земли бывшего Астраханского ханства. Кавказский наместник имел звание «главнокомандующего войсками» и осуществлял всё руководство над гражданской властью[231].

В 20-30-х годах XIX века в условиях Кавказской войны происходит смена гражданской и военной администрации в крае. Вся полнота власти сосредотачивается в руках Главноуправляющего (одновременно главнокомандующего русскими войсками на Кавказе). 27 декабря 1844 года эта должность упраздняется и образуется второе Кавказское наместничество с центром в Тифлисе. Очевидно, потерпев неудачу в деле централизации местного управления, царское правительство взяло тогда курс на предоставление некоторой политико-административной самостоятельности на Кавказе[232].

После тяжёлых военных неудач 1843 и 1844 года император Николай Павлович признал необходимым дать главному начальнику обширного Кавказского края особые полномочия, как по гражданской, так и по военной части. Один из крупных деятелей наполеоновской эпохи, герой Бородино и Парижа, наместник М.С. Воронцов управлял на Кавказе 10 лет[233]. Михаил Семенович Воронцов воспитывался в Англии под руководством своего отца, бывшего там чрезвычайным посланником Российской империи. В 1801 г. Воронцов был зачислен на службу поручиком, в 1803 г. по собственному желанию был командирован на Кавказ. Будущий генерал-фельдмаршал участвовал во многих военных экспедициях против горцев, получал боевые награды[234]. М.С. Воронцов был женат на Елизавете Ксаверьевне (1792-1881) Воронцовой (урожденной Браницкой)[235]. Князь Воронцов был высокого роста, стройный, с очень тонкими чертами лица, с седыми, под гребень стриженными волосами, тщательно выбритым лицом. Михаил Семенович был похож скорее на дипломата, если бы не мундир Куринского полка и большой крест Св. Георгия, напоминавшие о воинском звании и боевых заслугах[236].

М. С. Воронцов

В 1844 году назначен был наместником на Кавказе князь М. С. Воронцов (с неограниченными полномочиями)[237]. Проводы Воронцова на Кавказ проходили в Петербурге, в английском клубе, куда были приглашены более 200 человек. Граф Воронцов произнес следующую речь: «Полагаю, что, видя мои престарелые лета, видя седину или, лучше сказать, белизну, покрывающую мою голову, вы похвалите меня за то, что я не отказался от тяжелой службы; но в этом, господа, нет моего достоинства. Облагодетельствованный двумя Монархами, награжденный и отличаемый в течение 40 лет службы, как верноподданный и как солдат, я должен был повиноваться, а как русский дворянин не мог ни на минуту усомниться выполнить Высочайшую волю, по примеру наших предков, идти, куда Царь велит»[238]. Необходимо отметить, что у Воронцова давно сложились теплые отношения с Александром II. Цесаревич в юности много общался с графом М.С. Воронцовым. Во время путешествия Александра по Европе, из Лондона, он в своем письме к отцу (Николаю I) очень лестно охарактеризовал графа: «.. во все мое здешнее пребывание я не могу довольно нахвалиться нашим почтенным графом М.С. Воронцовым, который… во всех случаях старался нам помогать как своими советами, так и опытностью в сем крае, где его все уважают и любят, и потому буду просить Тебя, милый Папа, по возвращении его в Петербург, куда он, вероятно, прежде меня будет, лично поблагодарить его за его благородное и милое обхождение со мною…»[239].

Свою деятельность на Кавказе Воронцов начал с попытки внести раздор в группу ближайших соратников Шамиля, пытался перетянуть на свою сторону Хаджи-Мурата и, наконец, сделал предложение Шамилю о прекращении военных действий. Получив отказ, Воронцов во главе нескольких полков начал весной 1845 года Даргинскую экспедицию, поход на аул Дарго – резиденцию Шамиля, который и был взят после нескольких кровопролитных сражений. Однако при отходе из Дарго российские войска подверглись беспрерывному нападению горцев и понесли большие потери. Отступив из Дарго на Герзель-аул, войска, обремененные большим числом раненых и обозом, с трудом пробивались через лесные завалы, со всех сторон подвергаясь нападениям. Даже сам князь Воронцов вынужден был взять солдатское ружье для собственной защиты. Горские артиллеристы, выпустив по лагерю русских до 100 снарядов, нанесли ему незначительный урон, убив только

двух рядовых и несколько лошадей. Главной целью их выстрелов была выбрана палатка главнокомандующего. Однако на предложение лиц, окружавших Воронцова, перенести палатку на более спокойное место, не подвергая себя напрасной опасности, князь не согласился, чтобы этим не произвести неблагоприятного нравственного впечатления на те части войск, которые по необходимости, должны были оставаться под артиллерийским обстрелом. Он ограничился тем, что приказал неподалеку от своей палатки устроить себе шалаш, в котором проходил день[240]. Только прибытие подкрепления под командованием генерала К.Р. Фрейтага спасло российские войска и самого Воронцова от неминуемой гибели. Согласно официальным данным, во время Даргинской экспедиции российские войска потеряли 4 генералов, 168 офицеров и 3433 солдата. Несмотря на потери в Петербурге сочли, что цель экспедиции – взятие Дарго – достигнута, и поэтому главнокомандующий получил высокую награду. Даргинский поход многому научил Воронцова. Наместник понял, что путь к победе ведет через медленную войну[241].

Начало деятельности Воронцова в качестве наместника на Кавказе не внушало особого оптимизма: провал Даргинской экспедиции стал большим конфузом. Один из офицеров-участников войны отметил в своем дневнике, что на счету каждого кавказского генерала было около 7 000 погубленных солдат, а разница в их полководческих талантах заключалась в том, что одни делали это в течение нескольких лет, «…а князь Воронцов сумел уходить семь тысяч своих же людей в один прием»[242]. Во время Даргинской экспедиции 1845 года один чеченец, выдавая себя за перебежчика, проник в расположение отряда, выведал все, что ему надо, и бежал к Шамилю, угнав при этом лучшего личного коня главнокомандующего князя Воронцова. Умение незаметно проникнуть в логово врага и вернуться с добычей считалось не меньшей доблестью, чем налет с пальбой и рукопашной схваткой.

На Кавказе Воронцов провел закатные годы своей жизни – от шестидесятилетнего до семидесятилетнего возраста[243]. Во время зимних операций в Чечне немолодой генерал сжег свое походное имущество и по-суворовски спал вместе с солдатами на земле. Его обожали и под его началом готовы были идти в любую схватку с врагом[244]. М.С. Воронцов зарабатывал и поддерживал расположение к себе мерами, которые сейчас принято называть популистскими. Он снисходительно относился к офицерским «гуляниям», даже если они несколько превосходили меру, не гнушался беседовать с простыми обывателями, раздавал пособия

вдовам и сиротам. Феноменальная память на лица и имена создавала иллюзию, что он знаком со всем Кавказом.

Воронцов очень внимательно относился к вопросам просвещения и науки на Кавказе. При нем была предпринята попытка создания сети государственных школ для мусульманского региона с целью обучения детей горцев русскому языку. Первая подобная школа была открыта в Дербенте в 1849 году. Наместник также способствовал отправлению детей знатных горцев на обучение в кадетские корпуса. Осознавая особенность края, он стремился привлекать в качестве учителей выпускников Казанского университета. Основополагающими чертами образовательной политики Воронцова были не только обучение горцев русскому языку, но и обратное – знакомство русских с хотя бы одним языком местного населения. Помимо этого, основной позицией наместника было убеждение в том, что успех политики по управлению краем напрямую связан с наличием в администрации чиновников с высшим образованием из представителей местных народов[245]. При содействии М.С. Воронцова, в Тифлисе 10 марта 1851 года был открыт Кавказский отдел Русского Географического общества, который сразу же начал энергичную и весьма плодотворную деятельность по изучению Кавказа[246].

Воронцова очень любили в войсках. В кавказских походно-боевых песнях, сочиненных простыми солдатами в тяжелые военные годы, Воронцов был самым упоминающимся полководце. В одной из песен были следующие строчки:

« Остановка была с час,
Прибыл Воронцов тотчас;
Все войска ура вскричали,
Князя милого встречали

Улыбнулся добрый князь, –
Отдал всем войскам приказ, –
Будьте дети веселее,
Вступим в Салты посмелее!»[247]

Хотя официальной причиной отставки Воронцова с поста главнокомандующего в 1855 г. называлась болезнь, ходили упорные слухи, что император недоволен тем, что за 10 лет командования князя – Чечня и Дагестан не были покорены[248]. Император, видя, что наместника на

Кавказе пора заменить, поручил полковнику Генерального штаба А.Е. Попову, человеку со способностями аналитика, подготовить характеристику генералов, способных, по его мнению, управлять действующими войсками в Крыму и на Кавказе. Свои соображения он должен был представить на рассмотрение лично императору. А.Е. Попов со всей прямотой и ответственностью за порученное дело докладывал монарху: «Из всех генералов, известных мне лично или по репутации их, по глубокому моему убеждению, один только соответствует потребностям нашим – это Николай Николаевич Муравьев.… Если он остановится на каком-либо решении, то ни окружающие его, ни неприятель своими демонстрациями не в силах даже малейше уклонить его от предпринятых им действий, и он умеет подчинить действия других своей воле…»[249].

Н. Н. Муравьев-Карский

Следующий главнокомандующий, Николай Николаевич Муравьев-Карский (прибавку к фамилии – «Карский» Муравьев получил после взятия крепости Карс), имел хорошее образование, военные заслуги и очень тяжелый характер, дважды ломавший ему карьеру. Его приезда с трепетом ожидали и «прикормившиеся» казенными деньгами, и не преуспевшие в этом, поскольку Муравьев определял виновность исключительно по своему усмотрению. Николай Николаевич всегда особенно строг был к интересам казны. Во время своего управления Кавказом Муравьев, несмотря на войну, не только обошелся бюджетными средствами мирного времени, но еще и уплатил около ½ мил. руб. долга, сделанного его предшественниками и сдал 1 мил. руб. золотом экономии в государственную казну.

Когда пришла весть, что в Ставрополе после первого свидания с Муравьевым скоропостижно умер начальник резервной дивизии генерал-лейтенант Варпаховский, чиновный мир края оказался на грани паники. Тревожные ожидания в целом оправдались. Первые шаги на Кавказе были отмечены, по его собственному признанию, «маленькой нетактичностью»: он написал Ермолову письмо, в котором резко отозвался о порядках, воцарившихся в Кавказской армии: «лени, усыплении и роскоши»[250]. Письмо это получило огласку, вызвало в рядах армии раздражение и резкую отповедь со стороны одного из офицеров – князя Д.И. Святополк-Мирского, также в форме письма, широко распространившегося по всей армии.

Осознав свою нетактичность, Муравьев быстро загладил ее приказом по армии, в котором отметил доблесть и боевые ее качества[251].

Николай Николаевич Муравьев-Карский являлся наместником Кавказа, главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом с 1854 по 1856 г. Воевать с горцами он не любил и за долгую кавказскую службу не разорил ни одного аула, употребив свои воинские таланты на борьбу с беспокойными и опасными южными соседями России. В ноябре 1854 года русское командование в лице генерала от инфантерии Н.Н. Муравьева вынуждено было признать право горских народов на независимость под протекторатом России. В следующем году с имамом Шамилем было заключено перемирие и торговое соглашение[252].

Н.Н. Муравьев-Карский состоял в родстве со святителем Игнатием (Брянчиновым). С годами их отношения переросли в глубокую дружбу, оказавшую влияние и на их жизненные пути. Принимая пост наместника на Кавказе, и нуждаясь в моральной поддержке, Н. Муравьев обратился к святителю Игнатию, в то время архимандриту Сергиевской Пустыни под Петербургом, с письмом, в котором высказывал свои сомнения по поводу принятия такой должности. С этого времени начинается их наиболее интенсивная переписка. «Молю Бога, – пишет святитель Игнатий Н.Н. Муравьеву, от 31 июля 1855 года, – чтобы благословил труды Ваши по внутреннему управлению краем и благословил подвиг Ваш на поле ратном для истинного блага Отечества». Из последующих писем видно, с каким вниманием архимандрит Игнатий в своей монастырской келье следил за событиями тех дней: «Все Ваши донесения, печатаемые для публики, читаю с величайшим вниманием и участием; с таким же чувством читаю статьи о Ваших действиях…».

Зная высокую нравственность и организаторские способности архимандрита Игнатия, Н.Н. Муравьев вышел с ходатайством перед Святейшим Синодом о назначении его правящим архиереем Кавказской епархии. Хиротония святителя Игнатия в епископа Кавказского и Черноморского состоялась 27 октября 1857 года, т.е. уже после выхода Н.Н. Муравьева в отставку. 7 декабря 1858 г. из Ставрополя святитель Игнатий отправляет Муравьеву письмо, в котором сообщает о чудесах иконы Божьей Матери Иверской, находившейся в церкви Успения в Моздоке. Он сообщает Муравьеву о том, что мусульмане из Большой и Малой Чечни ходят на поклонение к этой святыне[253].

Николай Муравьев в юности увлекался идеями Ж.Ж. Руссо, познакомился с масонами и их учением. Это так подействовало на юношу, что

он решил бросить службу, чтобы поселиться на Сахалине и образовать там коммунистическую республику, но начавшаяся Отечественная война 1812 г. изменила его планы,он пошел служить родине. У Н.Н. Муравьева был брат Александр Николаевич Муравьев (1792-1863 гг.), декабрист, генерал-лейтенант, сенатор, мемуарист, публицист. Из-за политических взглядов брата у Муравьева возникали некоторые препятствия в продвижении по карьерной лестнице.

Николай Николаевич Муравьев – человек обширных познаний, справедливо имевший репутацию одного из самых образованных генералов русской армии. Он владел европейскими и восточными языками. Говоря уже на десяти восточных и европейских языках, он продолжил их изучение, взявшись за штудирование латинского и еврейского языков[254]. Николай Николаевич руководил экспедициями по исследованию побережья Каспийского моря. По результатам проведенной научной работы им была создана рукописная книга: «Извлечения из официальных сведений, доставленных по исследованиям восточного берега Каспийского моря после путешествий в 1819-1821 годах Н. Муравьева»[255].

23 сентября 1818 г. недалеко от Тифлиса состоялась дуэль А.С. Грибоедова с А.И. Якубовичем. Секундантом Якубовича был Н.Н. Муравьев, офицер Кавказского корпуса, ставший позднее наместником на Кавказе. «Я встал рано, – писал Н. Муравьев, – и поехал за селение Куки отыскивать удобное место для поединка. Я нашел Татарскую могилу, мимо которой шла дорога в Кахетию, у сей дороги, был овраг, в котором можно было хорошо скрыться. Тут я назначил быть поединку». Якубович выстрелил первым и попал в левую руку противника. Грибоедов выстрелил мимо. Несмотря на принятые предосторожности, скрыть дуэль не удалось. Узнали о ней и друзья писателя, он поспешил их успокоить. 27 января 1819 г. Грибоедов писал из Тифлиса: «Объявляю тем, которые во мне принимают участие, что меня здесь чуть не лишили способности играть на фортепьяно, однако, теперь вылечился». Узнал о дуэли и А.П. Ермолов, который, однако, замял это дело, хотя и прогневался на противника Грибоедова. Как это ни удивительно, но музыкальный инструмент Грибоедова достался именно Н.Н. Муравьеву. Весной 1823 г., уезжая в длительный отпуск в Петербург и вынужденный уступить свой музыкальный инструмент Н.Н. Муравьеву, Грибоедов с сожалением писал: «Я только что упаковал в ящик свое фортепьяно, проданное Муравьеву; можно было подумать, что я друга в гроб укладывал, так у меня теснилось сердце»[256].

Современники утверждают, что за время своего командования на Кавказе Муравьев не подписал ни одного смертного приговора. Вызвав неудовольствие императора Николая I, он выдержал долгую, почти одиннадцатилетнюю отставку. По мнению военного историка В.А. Потто: «Н.Н. Муравьев, при большом уме, обширном образовании и исключительной твердости воли, был строг и требователен до педантизма, до последних мелочей, и потому тяжел и далеко не всегда симпатичен… Честность и бескорыстие Муравьева вошли в поговорку. Генерал Муравьев – хотя и не единственный для нас образец подвижнического служения Отечеству, но слишком редкий, увы, в нашей истории пример человека, поднявшегося к самым вершинам государственной власти, но оставшегося вполне равнодушным к ее соблазнам…» [257]. По словам очевидца, кавказский наместник « …избежал всякой роскоши, спал обыкновенно в своем кабинете, на соломенном тюфяке, накрываясь шинелью». Проникнутый отеческой заботой к войскам, он часто повторял, что легче одерживать победы, чем обеспечивать армию продовольствием и устраивать госпиталя. Николай Николаевич Муравьев – Карский отдал Кавказу двадцать лет своей жизни и, как отмечал его брат Александр, «несмотря на те слабости и недостатки, каким подвержен каждый человек… во всех обстоятельствах своей жизни он был всегда рыцарем чести»[258].

Генерал Д.Е. Сакен, бывший при Муравьеве начальником штаба Отдельного Кавказского корпуса, оставил самые теплые, даже несколько восторженные воспоминания о личности главнокомандующего русскими войсками на Кавказе. В 1874 году в журнале «Русская старина» он писал: «Всегда любовался я блистательною неустрашимостью Николая Николаевича Муравьева, невозмутимым спокойствием и стройностью действий состоявших под начальством его войск, которые имели к нему полную доверенность. В минуту самой жестокой бойни – под картечным огнем, в штыковой работе, был он весел и любезен более, нежели в другое время.… Прибыв в 1855 г. на Кавказ, он собрал там 16 тыс. войск, не потребовал от казны ни денег, ни оружия, ни пороху, довольствуясь тем, что застал». Полковник князь А.М. Дондуков-Корсаков выразился более кратко и емко: «Под суровою оболочкою его скрывалось самое теплое и сострадательное сердце. В мерах взыскания он всегда отклонял все, что могло уничтожить будущность виновного. В командование свое на Кавказе он не решился подписать ни одного смертного приговора и не сделал никого несчастным»[259].

Сравнивая управление Кавказского края с государственным управлением близкими ему по своей значимости национальными окраинами (Великим княжеством Финляндским, Варшавским генерал-губернаторством), можно прийти к выводу, что оно имело наиболее чрезвычайные формы. В законодательстве полномочия генерал-губернаторов были определены мало. С одной стороны, это не сковывало их в своих действиях, что было крайне необходимо для более гибкого и оперативного управления обычно неспокойной окраины государства; но с другой стороны, создавало достаточный простор для злоупотреблений[260]. Кавказское население было перегружено в земельном тягле по сравнению с внутренними губерниями России. Казна проявляла весьма умеренную щедрость в удовлетворении насущных нужд Кавказа. Допускалось заселение региона даже без всяких преднамеренных задач, иногда совершенно нежелательным элементом, в уступку политической необходимости[261]. Значительная часть расходов по управлению Кавказом шла на содержание государственного аппарата. Для того чтобы охарактеризовать непомерную бесхозяйственность, следствием чего являлось беззастенчивое казнокрадство, достаточно привести следующий факт: весь значительный доход Закавказского края не покрывал собой даже расходов на его гражданское управление[262].

Наместник одновременно являлся главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом, а с 1860 года также Наказным атаманом Кавказских казачьих войск, обладающий всей полнотой военной и гражданской власти на Кавказе. Наместнику, по отношению ко всем отраслям управления в крае, были присвоены власть и права министров[263]. Кавказский наместник, например, мог разрешать вопросы, относящиеся по общему правилу к компетенции министров. Также генерал-губернаторы имели право представлять доклады о делах управления непосредственно императору и получать от него распоряжения. Наиболее важные представления, как министров, так и губернаторов направлялись только через генерал-губернаторов. Любое новое распоряжение или закон, касающийся данного края, не мог быть введён в действие без предварительного заключения от генерал-губернатора[264]. Кроме того, наместнику предоставлялось право лично разрешать дела, превышавшие министерскую власть, вносить их в Комитет министров.

По представлению наместника на Кавказе, был издан весьма важный указ (№ 45270), позволявший ему корректировать распространение на край общих для империи административных мер: они могли быть

приняты лишь при соответствии их условиям края, в противном случае наместнику предоставлялось право самому решать, целесообразно ли их применение, о чём он докладывал Председателю Кавказского Комитета. Тем самым была достаточно широко очерчена независимость наместника по отношению к этому центральному правительственному органу. Указ предоставлял также наместнику право вводить «постепенно, по ближайшему его усмотрению и по мере имеющихся средств» общие для империи законоположения[265].

Специфика управления отдельными национальными окраинами определялась местными задачами царизма[266]. В Кавказском наместничестве сочетались властные гражданские и военные прерогативы управления под верховным контролем царского правительства. В этой своеобразной форме правления причудливо сливались принципы единоначалия, элементы административной автономии и высшего бюрократического органа типа центрального министерства. Однако автономные начала власти наместника оказывались сильно ограниченными, поскольку существовавшие при нём Особый совет и канцелярия были подконтрольны императору и подотчётны Государственному Совету. В идеале кавказский наместник как бы выполнял функции «коллективного министерства», но в реальности должен был подчиняться центральному правительству. Император дал право наместнику «в виде опыта» образовать Главное управление делами Кавказа, а также других учреждений; эти временные полномочия периодически продлевались, но в то же время заставляли наместника «не расслабляться» и следить за ситуацией в крае[267].

В середине XIX века внешнеполитическая ситуация для России стабилизировалась и она могла уже все свои усилия направить на улучшение внутриполитической ситуации. Внешнеполитическая программа русского правительства конца 50-60 г. XIX века была сформулирована А.М. Горчаковым в циркулярной депеше русским послам за границей (для передачи соответствующим правительствам) от 21 августа 1856 года. В ней содержалось облетевшее мир выражение: «Россия не сердится, она сосредотачивается». Это означало, что Россия собирается с силами, сосредотачивает внимание на экономических и политических вопросах, связанных с внутренним развитием государства[268]. В этом же году Отдельный Кавказский корпус был преобразован в Кавказскую армию с большим аппаратом управления[269]. Учреждение Кавказского наместничества повлекло за собой изменение в порядке управления краем со стороны правительственной власти. IV Временное отделение

было закрыто, а Комитет по делам Закавказского края с 3-февраля 1845 г. получил название Кавказского. Создание подобных комитетов (оба Сибирских комитета, Комитет по делам Царства Польского и т.д.) являлось известным компромиссом между окраинной автономией и централизаторскими тенденциями абсолютизма.

Кавказский комитет

Кавказский комитет был создан на правах особого министерства, входившего в Государственный Совет[270]. Являясь для Кавказа органом высшего управления и надзора за местной администрацией, он нередко выполнял и законодательные функции. В 1845 году высочайше было приказано вносить в Кавказский комитет все дела по законодательной части и по устройству Кавказского края, которые превышали власть министров и главноуправляющих. Однако крайне редко законодательные проекты кавказских военных управленцев не визировались данным комитетом. В большинстве случаев проекты «региональных законов» составлялись кавказскими чиновниками, зачастую не имевших юридического и даже высшего образования, но комитет их поддерживал, в связи с тем, что они «лучше ознакомлены с бытом и нравами управляемого ими населения»[271]. Контроль над кавказской администрацией со стороны Петербурга был весьма слабым. В середине XIX в. центральные органы, в том числе и Кавказский комитет, не располагали экспертами, знакомыми с кавказской проблематикой и способными профессионально оценить деятельность региональной администрации. Министрам – членам комитета просто не хватало времени и сил на то, чтобы глубоко вникать в вопросы управления Кавказом. В связи с этим деятельность Кавказского комитета зачастую приобретала сугубо формальный характер. Один из современников оставил такое описание его заседаний: «Что такое этот комитет? Тот же Комитет министров, за исключением нескольких министров, без единого специалиста,…с канцелярией из лиц, не бывших на Кавказе. С самого учреждения оного заседания происходили так, что иногда после Государственного Совета или Комитета министров объявлялось заседание Кавказского комитета. Утомлённые члены снова усаживались, и Бутков (управляющий делами Кавказского комитета) приносил груду накопившихся дел и с величайшим цинизмом и ловкостью дьячка «на почтовых», бормотал заглавие дел и проекты резолюций,

а иногда и прочитывал некоторые представления наместника, причём, к удовольствию членов, перескакивая целые страницы. Затем заседание объявлялось конченным, и канцелярия облекала в форму журнала проекты резолюций, всегда согласных с мнением наместника»[272].

Среди центральных учреждений, в функции которых входило обустройство жизни населения на окраинах империи, имелись различные управления Министерства внутренних дел: Переселенческое управление (с 1905 г. вошло в состав самостоятельного Главного управления землеустройства и земледелия), Управление по делам о воинской повинности, Главное управление по делам местного хозяйства, Главное управление духовных дел иностранных исповеданий (1810-1817, 1824-1832), а с 1832 по 1917 г. – Департамент духовных дел иностранных исповеданий. Ряд территорий на окраинах Российской империи находился в ведение военного ведомства. В 1866 г. в составе Главного штаба Военного министерства для военно-административного управления территориями Кавказа было образовано Азиатсткое отделение (в 1867-1903 и 1910-1918 гг. – Азиатская часть, в 1903-1910 гг. – Азиатский отдел). В функции этого структурного подразделения входило управление военными округами азиатской части России, устройство здесь укреплений и путей сообщения, охраны границ России, организация военно-народного управления на Кавказе, в Казахстане и Средней Азии, сбор сведений о военном и политическом положении сопредельных с Россией азиатских государств и т.п. Близкие задачи решал Департамент таможенных сборов (1864-1917), Отдельный корпус пограничной стражи, находившийся в ведении Министерства финансов, а также Азиатский департамент Министерства иностранных дел, ведавший управлением народами пограничных районов Кавказа, Казахстана и Астраханской губернии до середины XIX века[273].

6 января 1846 года высочайше утверждённые особые правила сформулировали права кавказского наместника. Во всех случаях, когда власть считалась превышенной, и требовалось разрешение или утверждение царя, наместник должен был обращаться к председателю Кавказского комитета. Последний, в зависимости от характера дел, докладывал их царю либо вносил на предварительное рассмотрение комитета. В данном случае известное совпадение прирегатив наместника и функций Кавказского комитета нейтрализовалось тем, что циркуляры и распоряжения комитета должны были быть санкционированы наместником, без согласия которого не могло действовать на территории края ни одно

из предписаний комитета. Тем не менее, на протяжении всего времени существования шло подспудное, а подчас и явное противодействие двух сил – централистской и региональной[274].

Постепенно происходит сокращение военных и гражданских функций кавказского управления. После разгрома мюридизма царское правительство взяло курс на ликвидацию Кавказского наместничества, утратившего своё прежнее значение, и в 1882 г. его упразднят вместе с Кавказским комитетом[275]. По мнению краеведа В.П. Погожева, «...Метрополия невежественно трактовала Кавказ, как доступного для разных опытов клинического больного, как в известном анекдоте о не державших тела лошадях, где остроумные естествоиспытатели пичкали их разной аптекой, забывая простое средство – овёс»[276]. Видный государственный деятель России периода либеральных реформ 60-70 гг.XIX в. Д.А. Милютин рекомендовал проводить на Кавказе такую политику, при которой горцы были бы «…убеждены в неприкосновенности их религии, обычаев, образа жизни. Мы должны всеми силами стараться согласовать наше владычество с интересами самих горцев – как материальными, так и нравственными»[277]. Интересно, что Милютины были выходцами из Сербии, отличавшиеся благородством и любовью к просвещению. Вырос Д.А. Милютин в небогатой дворянской семье; с самого детства он не был избалован и знал цену многим вещам[278].

В 1866 году в Терской области горцев обложили земскими сборами, хотя сами земства на областной территории не были введены. В России земские учреждения были созданы ещё в 1864 году. Для того, чтобы земства стали функционировать на Северном Кавказе, необходимо было местных князей в официальном порядке приравнять к русскому дворянству, а это принесло бы государственной казне немалые расходы на льготные выплаты, также боялись и усложнения политической обстановки в крае, если власть, хоть и частично, окажется в руках у горцев, поэтому с открытием земств затягивали.

И.И. Воронцов-Дашков

Будучи наместником на Кавказе, князь Барятинский приблизил к себе молодого графа И.И. Воронцова-Дашкова, которому давал ответственные поручения; помимо военных дел, вменял разработку разных

вопросов, связанных с политико-экономической жизнью богатой окраины. И.И. Воронцов-Дашков родился 27 мая 1837 г., в 1855 г. поступил в Московский университет, откуда в 1856 г. перешел на военную службу. В 1867 г. Воронцов-Дашков женился на Елизавете Андреевне Шуваловой, внучке первого кавказского наместника князя Михаила Семеновича Воронцова, приходившегося Иллариону Ивановичу троюродным дядей; так вновь соединились две ветви Воронцовых. Мать Елизаветы Андреевны (теща Воронцова-Дашкова), Софья Михайловна Воронцова (1825-1879), по существующей в пушкиноведении гипотезе, была дочерью А.С. Пушкина[279].

По своему личному желанию Воронцов-Дашков отправился на Кавказ, воевал в Туркестане[280]. Он быстро успел завоевать себе на Кавказе прочную популярность. Не раз военным на Кавказе приходилось слышать от горцев пожелания о назначении к ним наместником князя И.И. Воронцова-Дашкова, о чем сохранились документальные свидетельства. Сослуживцы по Кавказу, безразлично – чиновники или горские милиционеры – были всегда у Воронцова особо желанными гостями. Они очень часто находили в нем ходатая, заступника, а нередко – и материальную поддержку. «Кунак» он был искренний, верный. Супруга главноначальствующего гражданской частью на Кавказе княгиня Надежда Андреевна (урожденная Кологривова) на Кавказе много занималась благотворительностью. Н.А. Дондукова-Корсакова занимала должность председателя Тифлисского благотворительного общества. Княгиня лично принимала неимущих и больных, оказывала им посильную помощь[281].

Хорошо лично знавший Воронцова-Дашкова князь В.П. Мещерский вспоминал, что тот сделал блестящую военную карьеру «отчасти благодаря его замечательно изящной и обаятельной наружности и отчасти благодаря его широкой, доброй и размашистой натуре…. При своей доброте и мягкости, граф Воронцов был и умен». С.Ю. Витте, также знавший графа с юности, считал, что И.И. Воронцов-Дашков «очень хороший человек, среднего образования». В министерском кабинете графа Витте висело на стене всего два портрета, один из них графа Воронцова-Дашкова. Указывая на него, С.Ю. Витте любил говорить: «С молодых лет питаю к нему особую симпатию, а с годами еще более стал очарован его рыцарской натурою»[282].

В своих отчётах императору И.И. Воронцов – Дашков высказывался за большее доверие местному населению со стороны центральной власти. Он считал недопустимым затягивать далее введение в

регионе земского самоуправления. И.И. Воронцов – Дашков придавал большое значение созданию условий приёма на государственную службу (военную и гражданскую) местных уроженцев. Речь идёт о применении единых требований к отбору кандидатов независимо от национальной принадлежности. Он справедливо замечал, что отказы от приёма или даже увольнение со службы, воспринимаются единомышленниками кандидата или уволенного всегда остро, затрагивая национальное самолюбие[283]. По своим политическим взглядам это был один из самых прогрессивных управленцев на Кавказе. Наместник и его окружение не считали, что в кавказской администрации должны быть только русские. Более того, они признавали, что «туземцы в составе администрации, особенно на низших должностях не только полезны, но, безусловно, необходимы «знание условий края, бытовой стороны и местного языка делают их назначение неизбежным». Суть вопроса, по мнению местных властей, заключалась в том, чтобы вести отбор и контроль над лицами, допущенными к административной деятельности, найти оптимальное соотношение в кавказской администрации русских и представителей местного населения. Это соотношение должно быть таково, чтобы не было преобладания коренного населения, чтобы его представители не допускались к высшим должностям. Но, такая точка зрения не встречала одобрения в Петербурге. Требовалась полная русификация аппарата. На этой почве накануне Первой мировой войны возникало масса трений между кавказской администрацией и высшими государственными учреждениями Российской империи[284].

Военный министр Д.А. Милютин

Первым наместником на Кавказ был назначен Воронцов М.С. в 1844 г., затем Муравьёв Н.Н. в 1854 г., Барятинский А.И. в 1856 г., великий князь Михаил Николаевич в 1862 году[285]. Назначение на пост военного министра (9 мая 1861 г.) дало возможность Д.А. Милютину приступить к составлению подробной программы реформы армии[286]. Александр II был в основном согласен с главными положениями военно-окружной реформы, предложенной Милютиным, однако военно-административная верхушка, воспитывавшаяся в дореформенный период, буржуазные реформы считала ошибкой и временной мерой

для успокоения общественного мнения, нередко она саботировала проведение реформ на местах.

Д.А. Милютин родился в 1816 г. в небогатой дворянской семье. Первоначальное воспитание получил в университетском пансионе в Москве, где у него рано заметили большие способности к математике. Уже в 16 лет в 1833 г. он составил и издал «Руководство к съемке планов». В 1833 г. он был произведен в офицеры. В 1839 г. Милютин закончил Военную Академию и в это время написал ряд статей по военным и математическим проблемам, перевел с французского языка записки Сен-Сира. С 1839 по 1844 гг. он служил на Кавказе, принимал участие во многих операциях и был тяжело ранен. В 1856 г., по желанию князя Барятинского, он был назначен начальником штаба Кавказской армии. В 1861 г. Милютин занял пост военного министра. В 1866 г. Петербургский университет присвоил Милютину ученое звание доктора русской истории. Указом от 30 августа 1878 г. Милютин был возведен в графское достоинство. В 1881 г., вскоре после отставки М.Т. Лорис-Меликова, из министерства вышел и Милютин. Оставшись членом Государственного Совета, он почти безвыездно жил в Крыму[287].

Работая в министерстве, для подготовки проведения военной реформы Д.А. Милютин поручил отчитаться о проделанной работе всех крупных военных чиновников, чтобы получить общее представление о состоянии дел и наметить план конкретных дальнейших действий. Однако, все члены императорской фамилии, занимавшие крупные посты в военном аппарате (великие князья Михаил Николаевич и Николай Николаевич), а также единственный тогда фельдмаршал, главнокомандующий Кавказской армией князь А.И. Барятинский – не прислали своих отчетов[288].

Хотя и сам Милютин, занимая в те годы должность военного министра, «играл свою партию» по принятым тогда бюрократическим правилам и нормам поведения при Дворе, России повезло, что в этот важный исторический период он находился на посту, который традиционно занимали военачальники – консерваторы. Либералы в армейской сфере, всегда считались «белыми воронами», не случайно в среде генералитета и высшего офицерского корпуса у министра-реформатора имелась влиятельная оппозиция, которую возглавлял его бывший непосредственный начальник генерала-фельдмаршала князь А.И. Барятинский, являвшийся близким другом императора. Это, безусловно, тормозило и затрудняло преобразования в армии[289].

Катализатором военной реформы 1874 года стала франко-прусская война. Впечатляющие победы германского оружия произвели сильное впечатление на русскую военную элиту и общество. Для России важным побочным результатом этой войне стала отмена ограничительных статей Парижского договора 1856 г., но теперь даже далекие от военной сферы сановники, не говоря уже о профессионалах, трезво отдавали себе отчет в том, что со временем возросшая мощь Германской империи может быть направлена против России. «В русском обществе, – писал об этом Милютин, – большинство людей мыслящих сознавало опасность, грозящую нам в будущем». Такую потенциальную угрозу видел и Александр II, несмотря на явные и выраженные симпатии к своему дяде – германскому императору Вильгельму I. Окончательное мнение царя-освободителя поставило точку в ожесточенных спорах военного министра со своими многочисленными оппонентами и предопределило проведение военной реформы по его замыслу[290].

Реализуя идеи о необходимости преобразований, правительство Александра II провело серьезную перестановку кадров в высшем эшелоне кавказской администрации. В управлении Кавказским наместничеством на место старых боевых генералов, искавшим по отношению к горцам «в одной только силе опору», пришли более умеренные чиновники, которые «хотели достичь цели правительства (т.е. замирения края и установления гражданской системы управления на Кавказе) другими, сообразно с духом времени и христианской цивилизации, методами». В 1862 г. ушел в отставку наместник Кавказа фельдмаршал А.И. Барятинский.

Крупный военный деятель, профессор Военной Академии генерал-фельдмаршал Д.А. Милютин в записке «О средствах и системе утверждения русских владений на Кавказе» указывал, что, если «…война делается народною, никакие усилия материальные, никакие армии и победы не могут одолеть великой силы, нравственной и материальной, целого народа: …точно в таком же положении находятся в отношении России кавказские горные племена». Поэтому он предлагал не применять силу, но «убедить их, что Россия так могущественна и велика, что не имеет никаких притязаний на их ничтожное достояние, что спокойствие и благо края – единственная цель их стремлений». Это мнение несколько отличалось от взглядов, на методы ведения завоевания края князя Барятинского[291].

Н.И. Евдокимов

Ближайшим сподвижником князя Барятинского был Н.И. Евдокимов. Главнокомандующий всегда отличал и ценил заслуги Евдокимова. Даже когда поднимался вопрос о злоупотреблениях и казнокрадстве в соединениях, подчиненных последнему, князь Барятинский всегда брал под свою защиту исполнительного подчиненного. В 1850-е годы Евдокимов имел стойкую репутацию казнокрада, вызывая неудовольствие, как у непосредственного начальства, так и у императора. О Евдокимове стали говорить как о «нечистом на руку» после назначения его на должность пристава. Действительно, заведование горской милицией являлось одним из наиболее гарантированных «левых» источников дохода пристава или местного начальства. Небогатый Евдокимов, долгие годы вращавшийся в подобной среде, не мог отказаться от такого несложного способа обогащения. Позже, уже имея такого могущественного покровителя как князь Барятинский, Евдокимов уже не так подвергался нападкам со стороны своих коллег за пагубную страсть к деньгам. В конце концов, все обвинения, которые поднимались на самом высоком уровне, в частностях в письмах императора и военного министра, снимались, так как Барятинский старался замять такого рода истории в армии. Также не стоит исключать вероятность того, что подобные слухи могли подогреваться завистью со стороны других представителей генералитета и офицерского корпуса к Евдокимову[292].

Евдокимов, грубоватый по натуре, легко наживал себе врагов. Своей популярностью в войсках и своим появлением во главе полков, предназначенных для нанесения главного удара, он наносил непростительные уколы самолюбию многих лиц, видевших себя в этой роли. Недоброжелатели не прощали Евдокимову его низкое происхождение, считая «выскочкой», другие – отсутствие коммуникабельности и его враждебное отношение к «фазанам» (так называли охотников за наградами, приехавшими из столицы), которые, в свою очередь, отвечали ему той же монетой, рассказывая о нем все что угодно после возвращения в Петербург.

Евдокимов, безусловно, был очень храбрым человеком. На Кавказе генерал имел больше шансов сложить голову, чем в европейских кампаниях. В условиях «малой войны» генерал разделял опасность наравне с офицерами и нижними чинами, поскольку тыла как такового на Кавказской войне не было. Более того, генерал имел больше шансов получить

пулю, благодаря своему мундиру, который не мог не привлекать внимание стрелков-горцев. Так, во время экспедиции 1845 г. в Дарго процент потерь среди генералов был намного выше, чем среди офицеров и нижних чинов. Из 6 участвовавших в походе генералов живыми вернулись только трое[293]. Во время Кавказской войны Евдокимов часто рисковал своей жизнью. В одной из стычек пуля прошла ему через голову навылет, а несколько лет спустя кинжал пробил ему насквозь грудь. То, что Евдокимов, получив смертельные раны, оба раза остался в живых, принесло ему славу «заговоренного» не только от пули, но и от клинка. Генерал носил на щеке черную мушку, прикрывающую шрам[294].

Конфликт между начальником Терской и Кубанской областей, «покорителем» Кавказа Н.И. Евдокимовым и его помощником князем Д.И. Святополк – Мирским был разрешен императором в пользу последнего, назначенного начальником Терской области. Командующий войсками Терской и Кубанской областей генерал Н.И. Евдокимов и его сторонники считали, что земельную проблему необходимо решать немедленно административным путем, «пусть даже произволом». Помощник же Евдокимова Святополк – Мирский имел на этот счет иную точку зрения. Он предлагал создать комиссию во Владикавказе, которая бы выяснила личные и поземельные права горцев. Его мнение и получило одобрение императора Александра II[295]. В конце 1864 г. граф Н.И. Евдокимов был отправлен в отставку и с должности начальника Кубанской области, а вместо него назначен Ф.Н. Сумароков – Эльстон – администратор более либеральных взглядов.

Важно также отметить и следующий факт: «исходным пунктом» массового переселения горцев в Турцию была, по существу, канцелярия командующего войсками Левого крыла графа Евдокимова. Именно он, пользуясь глубоким недовольством горцев новыми порядками, как писал А. Берже, «придумал очень правильный исход из этого трудного для обеих сторон положения, а именно: выселение в Турцию». Замысел Евдокимова был полностью одобрен царским правительством. Руководство смотрело на переселение горцев, как на течение, способное «сплавить» «нежелательные элементы» в Турцию[296].

Уроженец станицы Наурской на Тереке, сын простого казака – Николай Иванович Евдокимов (1804-1873) начал ратую службу рядовым, а закончил генералом от инфантерии. В самом начале своей военной службы Евдокимов поступил вольноопределяющимся в Тенгинский пехотный полк и свыше 3 лет прослужил нижним чином. Случай помог

ему выдвинуться. Однажды Евдокимов провинился и ожидал строгого наказания. Удрученный этим, Евдокимов решил искупить ее отчаянным подвигом. Не говоря никому ни слова, Евдокимов переоделся нищим и самовольно ушел в горы, где пробыл около 2 дней. На 3 день он явился с повинной к ротному командиру и доложил ему о местонахождении и силах черкесов. Евдокимову было поручено вести отряд, который, и нанес горцам поражение. Позднее руководство по достоинству оценило способности Евдокимова, его знание горских устоев[297].

Главными отличительными чертами Евдокимова в ходе продвижения по службе стало отменное здоровье, знание местных языков и обычаев, сноровка и регулярно пополняемые практические знания в столкновениях с горцами. Именно это спустя десятилетия службы привело Николая Ивановича на высшие посты кавказской администрации, превратив в главного специалиста по войне в горах. За годы своей военной карьеры генерал Евдокимов был неоднократно награжден. За свои подвиги Евдокимов удостоился графского титула и по окончании войны был награжден военным орденом Георгия 2-й степени. После завершения Кавказской войны продолжать военную службу в другом регионе империи Евдокимов не мог и не хотел, поэтому и отказался от места командующего военным округом, предложенного ему Александром II. Оставшиеся 8 лет жизни генерал провел в своем имении Новый Ведень[298]. Император пожаловал ему обширное землевладение под Железноводском, где генерал построил хутор, назвав его «Новый Ведень» в память о взятии штурмом резиденции имама Шамиля Старый Ведень в Чечне. В своем имении и в Пятигорске, где у Н.И. Евдокимова был дом, герой Кавказской войны провел остаток своих дней[299].

В новый, послевоенный период, были назначены: начальник Главного штаба Кавказской армии генерал Карцов, начальник Горского управления Кавказского наместничества полковник Старосельский, начальник Терской области генерал М.Т. Лорис – Меликов. Именно они и стали «проводниками» политики реформ на Северном Кавказе[300].

Когда император назначил своего брата Михаила Николаевича наместником, тот был в явном смущении от столь ответственной предстоящей работы. Будущий наместник в приватном разговоре говорил министру внутренних дел, что не готов к той задаче, которую исполнять призывается. По свидетельству министра, великий князь Михаил Николаевич «…сидел, как обречённая жертва, безмолвно. Два раза обнимал меня со слезами на глазах при прощании..»[301]. М.Т. Лорис – Меликов,

служивший на Кавказе под руководством Михаила Николаевича, отмечал его слабые организаторские способности. «Не доверяя собственным способностям, – писал Михаил Тариелович в одном из своих писем, – Великий Князь Михаил Николаевич охотно подчинялся влиянию всех окружающих докладчиков своих, адъютантов и прочее. А так как все эти лица руководствуются различными убеждениями и домогаются разных и часто противоположных целей, то можно представить себе тот сумбур и ту непоследовательность, которыми отличаются все действия августейшего князя...»[302].

В то время Кавказ был как бы государством в государстве. В его столице Тифлисе вокруг наместника формировались группы, старающиеся подражать стилю жизни императорского окружения. Существовал свой двор, приемы, система дворцовых должностей, свита, выезды по парадным дням. Члены Совета наместника в шутку любили называть себя «министрами»[303]. Царские власти считали, что «Кавказ не может окупить роскошь Наместничества в Тифлисе и особого министерства в Санкт – Петербурге» [304]. Специальным Указом царя от 29 января 1882 года Кавказское наместничество было упразднено, а в следующем году введено в действие «Учреждение управления Кавказского края» от 23 апреля 1883 г., вновь подчинившее отдельные отрасли управления этой окраиной ведению надлежащих министерств. Управление всем краем было вверено Главноначальствующему гражданской частью на Кавказе, который вместе с тем был и командующим войсками Кавказского военного округа и являлся войсковым атаманом Кавказских казачьих войск [305]. Упразднение наместничества означало признание достижения достаточно высокой степени интеграции данного региона в систему общеимперского законодательства и общеимперских учреждений[306]. Правительство страны рассудило, что «...Ставить весь Кавказский край вне общих законов, существующих в государстве, едва ли было бы справедливо. В случае необходимости достаточно было ходатайствовать об объявлении той или иной местности в положении усиленной охраны»[307].

Высшее общее руководство всеми подразделениями военно-народного управления в период преобразований 1883 года временно оставлялось за военным министерством; затем было переведено в министерство внутренних дел и в конечном итоге снова возвращено в военное министерство[308]. С 1 июля 1887 года военный министр признал возможным согласиться на возвращение в своё ведение всего горского населения, живущего в Кубанской и Терской области из МВД, под управление Во-

енного ведомства, располагавшему большим числом войск для усиления надзора за горцами[309].

Во времена наместничества Кавказ, по существу, не входил в ведение центральных государственных учреждений. Наместник обладал особыми правами в законодательной, административной и финансовой сферах. Теперь же законодательные инициативы, касавшиеся Кавказа, должны были в общем порядке вноситься в Государственный Совет. 26 апреля 1883 года было утверждено «Учреждение управления Кавказского края». Все должностные лица и установления Кавказского края должны были руководствоваться в своих действиях общеимперскими законами в части, не противоречащей «Учреждению управления Кавказского края». Однако все действия административных и общественных учреждений и должностных лиц подлежали надзору со стороны Главноначальствующего на Кавказе[310]. Только по делам пограничным и международным главноначальствующий должен был руководствоваться особыми наставлениями, полученными непосредственно от императора. Несогласие министерства с мнением главноначальствующего не имело решающего значения, т.к. в этом случае дело поступало на разрешение Комитета министров. Главноначальствующему принадлежало право проводить ревизии всех организаций на Кавказе, в т.ч. и судебных учреждений[311].

В 1882 году главную должность на Кавказе занял А.М. Дондуков – Корсаков, в 1890 году его сменил С.А. Шереметев, с 1896 года должность Главноначальствующего досталась Г.С. Голицыну. В 1887 году Главноначальствующему на Кавказе была возвращена часть полномочий упразднённого наместника. В1897-1898 гг. правомочия Главноначальствующего в самой сложной своей части были приравнены к полномочиям наместника на Кавказе. Кавказское наместничество было восстановлено Указом от 26 февраля 1905 года[312].

В 1905 году наместником был назначен И.И. Воронцов – Дашков, а в 1916 году его на посту сменил великий князь Николай Николаевич. После прокатившейся по стране революционной волны 1905 года в Государственной Думе выступил с докладом о положении на Кавказе представитель И.И. Воронцова – Дашкова, барон Нольде, который с высокой трибуны заявил, что прошедшие события показали кавказских мусульман, как наиболее стойких и верных правительству на Кавказе. «Если на Кавказе русской власти нужно на кого-нибудь опираться, – то только на мусульман, – заявил представитель наместника»[313].

Александр Михайлович Дондуков-Корсаков родился в 1820 году в селе Полоная (ныне Псковская область)[314]. В 1841 году он поступил на военную службу. В 1844 г. Дондуков-Корсаков был переведен на Кавказ, в боях получил два ранения. Осенью 1858 г. Дондуков-Корсаков из-за столкновения с генерал-адъютантом Евдокимовым, незаслуженно оскорбившим одного из офицеров полка, исходатайствовал себе увольнение. В 1882 год он вернулся на Кавказ.

Назначенному в 1882 году Главноначальствующему Кавказом князю Дондукову-Корсакову было поручено упростить систему правления краем и сократить расходы. Однако проекты реформ, намеченных Главноначальствующим, как то: упразднение военно-народного управления, переустройство сельского управления, не получили в Петербурге дальнейшего движения и под тем или иным предлогом возвращались обратно, зачастую в силу защиты государственного казначейства от излишних расходов, но в явный ущерб действительным потребностям коренных жителей Кавказа. Подобное отношение центрального правительства привело к возникновению в крае некоторых сепаратистских тенденций[315].

Александр Михайлович Дондуков-Корсаков (1820-1893), князь, генерал от кавалерии, окончил юридический факультет С. – Петербургского университета, получив степень кандидата прав[316]. Генерал являлся потомком знаменитого калмыцкого хана Дондука – Омбо Ионы, которому в 1802 году было разрешено именоваться князем Дондуковым – Корсаковым. А.М. Дондуков – Корсаков принадлежал к знатному «инородческому» роду, успешно вписавшемуся в ряды российской имперской аристократии. В 1844 году Дондуков-Корсаков поступил на военную службу[317]. В 1882-1890 гг. он командовал войсками Кавказского военного округа и был Главноначальствующим гражданской частью на Кавказе. По отзывам современников, Дондуков – Корсаков считался знающим и опытным, но в то же время крайне амбициозным, честолюбивым администратором[318].

Революционный подъём 1879-80 гг. в России сменился реакцией, которая в центре проявилась в политике контрреформ, на окраинах страны – в усилении колониального гнёта[319]. В рамках известной политики «контрреформ», в целях дальнейшего усиления контроля над многочисленным горским населением, сохранившим стремление к сопротивлению чуждым для него законам, был применён режим полицейского надзора. Вместо упразднённого Ставропольского губернского

жандармского управления, под надзором которого находилась и Терская область, учреждалось Терское областное жандармское управление, которое располагалось в г. Владикавказе[320]. Смена курса национальной политики была окончательно закреплена при Александре III, в виде политики «русификации». Подводя политические итоги его царствования, председатель Комитета министров Н.Х. Бунге писал: «Император Александр III резче прежнего поставил начало "Россия должна принадлежать русским". В этом проявилось без сомнения одно из стремлений не только русского общества, но и нашего времени.

Во второй половине XIX века космополитические взгляды конца XVIII и первой половины XIX столетия постепенно уступали сначала идее национальности, а потом стремлению преобладания одних племён над другими или поглощению слабейших племён господствующими…». На первый план в государственной идеологии, потеснив «имперскую» политическую идею, которая требовала, прежде всего, лояльности всех подданных без различия национальности и веры своему императору, вышла идея «национальной монархии», где русский царь должен править русскими подданными. В правительственных кругах многие понимали значение произошедших изменений, но не все их одобряли. Спустя некоторое время после своей отставки М.Т. Лорис – Меликов в беседе с А.Ф. Кони вспоминал: «Я говорил новому государю: "Под знаменем Москвы вы не соберёте всей России, всегда будут обиженные. Разверните штандарт империи, – и всем найдётся равное место"…Опасна возможность разложения на составные части России. Прежние государи это понимали и щадили окраины…»[321].

Колониализм был неизбежен. Потому как неизбежна страсть человека к открытию окружающей земли. Чаще всего эта страсть изначально соединялась с государственным расчётом на приобретение новых владений и грабёж их, как это было, например с Колумбом. Иногда вначале следовало открытие, а потом завоевание и грабёж. Затем сочиняются «сказки» про мужественных первопроходцев – романтиков и кровожадных дикарей – аборигенов. Затем – про бремя белого человека и дикарей, которые не понимают собственного счастья от принесённой им цивилизации. И, как правило, никто себя не спрашивает: а нас просили?… В общем, колониализм есть колониализм. Однако, как бы жестоко ни строились империи, на какой-то длинный период они становились оплотом мира и добрососедства[322].

Г.С. Голицын

Политика воинствующего национализма, презрительного, высокомерного отношения к горским народам, варварские методы борьбы для их успокоения приняли невиданные масштабы и глубину в конце XIX века[323]. Наиболее точно это время могли бы охарактеризовать стихи А.С. Пушкина:

«…Так буйную вольность законы теснят,
Так дикое племя под властью тоскует,
Так ныне безмолвный Кавказ негодует,
Так чуждые силы его тяготят…»[324].

Бурное время второй половины 90-х совпало с «царствованием» на Кавказе недалёкого и самонадеянного, каких еще не знал край, ставленника царя, князя Г.С. Голицына. Немало претерпело кавказское население бед и унижений от этого самодура, ненавидевшего нерусские народы. По мнению Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, желательно было ограничить число дворян из туземного населения Кавказа. Также князь Голицын предлагал никому из горцев не присваивать княжеского титула, или присваивать в крайнем случае «Монаршей милостью»[325]. В конце концов и в Петербурге обратили внимание на полную невозможность дальнейшего пребывания князя Голицына у власти. В особенности боролся с «самовар-пашой» (так за глаза называли Голицына) и высмеивал его граф Витте[326].

Рассмотрим биографию этого кавказского деятеля. Григорий Сергеевич Голицын (1838-1907) – князь, генерал от инфантерии (1896), генерал-адъютант (1890), сенетор, член Государственного совета – являлся представителем древнего княжеского рода Голицыных, родоначальником которого был Гедемин, князь Литовский, то есть князь Голицын по своему происхождению также не являлся русским, что не мешало ему, тем не менее, третировать представителей других не русских народов[327]. Голицын окончил Пажеский корпус (1856), Николаевскую академию Генштаба (1860). На военной службе он был с 1856 года. Неоднократно участвовал в экспедициях против горцев[328]. По отношению к коренным жителям Кавказа проводил жесткую реакционную, нередко шовинистическую политику.

Г.С. Голицын в своих взглядах был не одинок на Кавказе. Его политический двойник в Терской области С.В. Каханов (начальник области с 1889 по 1900 гг.) не отличался ни большим умом, ни большим уважением к горцам[329]. Необходимо заметить, что голицынское управление краем являет собой модель того, как не надо управлять Кавказом. Именно с этим администратором связаны наиболее дискриминационные меры в отношении населения края, затрагивавшие их религиозные и национальные чувства. Тем не менее, кавказская администрация не была удовлетворена мизерностью своих полномочий. Г.С. Голицын не раз поднимал перед правительством вопрос о предоставлении ему прерогатив, свойственных кавказским наместникам, по управлению краем. Настойчивость князя Г.С. Голицына привела к утверждению 3 марта 1897 года новых правил о правах и обязанностях Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе. Акцент в них делался на административные функции в области управления – практически неограниченное право ревизии и надзора, использование в необходимых случаях «силы закона».

Характерно, что выдвигавшиеся в правительственных сферах в 1890-х и 1900-х гг. проекты жесткой и быстрой «русификации» национальных окраин обычно встречали сопротивление, как в Комитете министров, так и в различного рода Особых совещаниях. Но, несмотря на это, сторонники прагматичного подхода к решению проблемы укрепления единства Российской империи не смогли изменить жесткий, прямолинейный характер национальной политики правительства. Став министром и получив от императора определенный «карт-бланш» на проведение реформ-уступок благонамеренному обществу, П.Д. Святополк – Мирский естественно попытался в числе прочего пересмотреть принципы политики правительства в отношении нерусского населения национальных окраин. В изданном 12 декабря 1904 г. по его инициативе указе «О предначертаниях и усовершенствованию Государственного порядка» содержалось обещание в ближайшее время пересмотреть правовое положение «инородцев» и «иноверцев». Довольно быстро петиционная кампания охватила весь Кавказ. В петиции кавказских мусульман, представленной в Комитет министров в начале 1905 г., говорилось о необходимости уравнения в правах с остальным населением России, о свободе образования и печати на родном языке, введении земского самоуправления, ликвидации остатков крепостной зависимости крестьянства, выборности духовенства и возвращения церковных имуществ (вакуфов)[330].

Поставив в августе 1904 г. перед императором вопрос об изменении политики правительства в отношении населения национальных окраин, Святополк – Мирский не смог проигнорировать сложившуюся на Кавказе критическую ситуацию. «Насчет Кавказа был разговор, – записала в дневнике Е. Святополк – Мирская, – он (император) все не может решиться Голицыну сказать. Пепка (П.Д. Святополк – Мирский) посоветовал ему написать: «А то он вас перекричит». Государь сказал: «И я умею кричать, а что же я ему напишу? Что я не хочу, чтобы его там убили? А он мне ответит, что он хочет пожертвовать жизнью». В конце сентября 1904 г. докладывая «об ужасном положении Кавказа» министр, получил согласие Николая II о замещении Г.С. Голицына, который после покушения на него армянских революционеров фактически покинул свой пост и уехал в Петербург. Наконец 19 ноября Николай II сообщил П.Д. Святополк – Мирскому, что «…сказал Голицыну, чтобы он больше не ехал на Кавказ и… что Голицын ужасно обрадовался».

В конце 1904 года Николай II согласился на отставку П.Д. Святополк – Мирского с поста министра внутренних дел, предложив ему должность наместника на Кавказе. Однако, чуть позже, Святополк – Мирский не только не получил обещанного ему назначения на Кавказ, но даже не услышал традиционной благодарности царя за верную службу государю и отечеству. Николай II расстался с ним более чем сухо. Несомненно, события 9 января 1905 г. послужили поводом для отставки П.Д. Святополк – Мирского, официально последовавшей 18 января 1905 г. Скорее всего, Николай II ждал подобного предлога, чтобы уничтожить политические перспективы Святополк – Мирского[331].

Обострение ситуации на Кавказе убедило Николая II , наконец, принять решение. 25 февраля 1905 г. император подписал Указ «О восстановлении должность наместника Кавказского». На должность Наместника был назначен граф И.И. Воронцов – Дашков, который наделялся особыми полномочиями, как в гражданской, так и в военно-полицейской сфере управления. Предложение Святополк – Мирского назначить на Кавказ Воронцова – Дашкова, вероятно, было обусловлено тем, что он принадлежал к тому же кругу петербургской «либерально настроенной» сановной бюрократии, куда входил и сам министр[332].

Наместник, в силу своих полномочий, брал на себя большую ответственность за дальнейшую судьбу многочисленных народов, населявших Кавказ. Как писал в последствии граф И.И. Воронцов – Дашков, «…опыт централизации управления Кавказом из С. –Петербурга, с уч-

реждением на месте должности Главноначальствующего гражданской частью с расширенной несколько властью обычного генерал-губернатора, длившейся свыше двадцати лет, дал довольно печальные результаты. Кавказ, вместо того чтобы идти по пути развития за центром империи, отстал от него, и вина в этом лежит не на местной кавказской власти, а на центральных учреждениях»[333]. Резкие попытки местного начальства привлечь внимание Петербурга к нуждам Кавказа встречали явное недовольство. «Только благодаря личной настойчивости, – писал позднее И.И. Воронцов-Дашков, – некоторым Главноначальствующим удавалось доводить свои предложения до высших законодательных учреждений, и то, по преимуществу, в сфере усиления той же власти их по общему надзору и сохранению порядка»[334].

Воронцов – Дашков выступал за проведение на Кавказе земской реформы, в ходе которой должно быть введено земское самоуправление. Кавказское руководство решило создать в Закавказье и Дагестане земства. С этой целью разрешалось провести окружные и земские сходы. Однако произошел бойкот выборов в земские учреждения крестьянскими сходами. Они мотивировали свой отказ бесполезностью земских учреждений с точки зрения действительных народных нужд и отсутствием в среде местной интеллигенции людей, пользовавшихся доверием сельского населения[335].

Граф И.И. Воронцов – Дашков, обвиняя своих предшественников в том, что единственным средством борьбы с беспорядками и преступностью в крае они избрали «крайнее усиление карательных мер», которые не уменьшили преступность в крае, считал, однако, что в сложившихся условиях репрессивные и охранительные меры неизбежны. В планах его ближайших действий значилось: широкое применение административной ссылки; поголовное разоружение населения; ассигнование средств для вознаграждения лиц, выдавших преступников. Наместник выступал с требованием увеличения контингента войск на Кавказе, где, как он считал, «мирное развитие можно поддерживать только при наличии достаточного числа войск». Воронцов – Дашков требовал вернуть выведенные на западные границы с Кавказа три пехотные дивизии или заменить их другими.

Рассматривая в 1898 г. в своей работе «Средства для борьбы с разбоем на Кавказе» причинный комплекс преступности на Кавказе, А.С. Френкель особо затронул вопрос о взаимоотношениях судебных следователей и полиции. Должностные лица царской администрации

на Кавказе (в частности, князь Дондуков – Корсаков) в записках, направленных в Министерство юстиции, и донесениях Императору, вошедших в труды Комиссии по преобразованию судебной части на Кавказе, отмечали, что следователи держали на свободе обвиняемых в преступлениях, «вследствие чего эти обвиняемые, пользуясь свободою, или подготавливают ложных свидетелей для обмана суда, или бегут, – и тем увеличивают контингент разбойников». А.С. Френкель указывал на необъективность подобной оценки: «Часто бывает весьма сомнительною правильность ареста полицией подозреваемых в грабежах и пр. Полиция, нередко, чтобы лишь показать свою энергию, расторопность и полезность, арестовывает на право и на лево, – совершенно невинных людей. Но может ли судья – следователь, видя, что против задержанного нет ни доказательств, ни серьезных улик, томить такое лицо под стражею только потому, что полицейскому чиновнику было угодно арестовать его, дабы отличиться в глазах начальства?» Говоря о качестве полицейского дознания, необходимо заметить, что оно во многих случаях оставляло желать лучшего, что отмечали и современники той эпохи своевластия[336].

В Российской империи правила оборота оружия среди населения разрабатывались и принимались высшими должностными лицами. Так, 17 августа 1884 года Главноначальствующим гражданской частью на Кавказе было утверждено «Обязательное постановление о продаже, хранении и ношении боевого огнестрельного оружия в Кавказском крае». В указанном постановлении о продаже, хранении и ношении боевого огнестрельного оружия говорилось, что всем, за исключением тех, кому это особо разрешено, воспрещено хранение и ношение боевых ружей усовершенствованных систем. Продажа и покупка огнестрельного оружия, состоящего на вооружении войск, запрещалось. Ввоз в пределы Кавказского края оружия целыми транспортными средствами разрешался каждый раз соответствующим губернатором или начальником области. Торговцам оружием не разрешалось продавать боевое огнестрельное оружие усовершенствованных систем лицам, не предоставившим разрешительных свидетельств на право иметь такое оружие, выданных полицией. Для провоза в Кавказский край партии оружия, помимо получения по месту отправки свидетельства о неимении препятствий к его отправке, требовалось, в соответствии с циркуляром Департамента Полиции №2732, от 16 июля 1892 года, разрешение соответствующего губернского начальства Кавказского края[337].

Главноначальствующим гражданской частью на Кавказе 1 июля 1899 года было издано новое Обязательное постановление (в дополнение к Обязательному постановлению от 17 августа 1884 года). Его целью было установление «надлежащего контроля за торговлей боевым огнестрельным оружием и уменьшением, по возможности, количества оружия, обращающегося в руках неблагонадежных лиц». В соответствии с данным Обязательным постановлением все ранее выданные разрешительные свидетельства на право продажи, хранения и ношения боевого огнестрельного оружия с 1 сентября 1899 года признавались недействительными. Содержатели оружейных магазинов, оружейники, продавцы и все лица, владеющие оружием, обязаны были до 1 декабря 1899 года получить новые разрешительные свидетельства, действующие в течение одного года и подлежащие ежегодному возобновлению. Выдавались свидетельства губернаторами, либо по их поручению, уездными и окружными начальниками и полицмейстерами. Свидетельства должны были содержать в себе сведения о том, кому именно, в каком количестве и какого рода оружие разрешается иметь (с указанием системы и № оружия), а также боеприпасов.

После 1 декабря 1899 года огнестрельное оружие, хранящиеся у кого-либо без соответствующего разрешительного свидетельства, боеприпасы и принадлежности к нему, должны были изыматься и реализовываться с обращением вырученных средств в доход государства. Предписывалось вести строгий учет в специальных книгах выданных разрешительных свидетельств на право продажи, хранения и ношения оружия. По окончании каждого календарного года копии с этих книг должны были представляться в канцелярию Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе.

Следует особо подчеркнуть, что в Российской империи достаточно тщательно и строго подходили к выдаче свидетельств на право торговли, приобретения и ношения оружия. Таким образом, на Кавказе, как и по всей Российской империи, в конце XIX века была создана достаточно эффективная система контроля за оборотом оружия, являвшаяся одним из главных средств предупреждения тяжких преступлений[338]. С конца 1905 г. большая часть губерний и областей Кавказа были объявлены на военном положении. Главным средством восстановления порядка являлось подавление волнений военной силой[339].

Реакционная политика царизма на Кавказе

1881 год обозначен в нашей отечественной истории в качестве рубежа, разделившего вторую половину XIX века на две исторические эпохи. В правительственной политике усиливается тенденция к централизации управления, и потому поднимается вопрос о допустимости такой формы управления, как Кавказское наместничество. Берёт верх стремление нейтрализовать излишнюю самостоятельность кавказской администрации, которая, как считало правительство, оставляла регион вне сферы распространения внутренней политики центральных ведомств и учреждений, или, как писали тогда, «высших установлений империи». И хотя мнения по поводу ликвидации Кавказского наместничества разделились, тем не менее, в ноябре 1881 года упраздняется должность Кавказского наместника. Параллельно упразднялись должности помощника наместника, начальника Главного управления и его департамент. Вместе с ними был упразднён и Кавказский комитет, как утративший свои функции, а его дела переданы в компетенцию Комитета министров[340]. Отмена наместничества и учреждение на Кавказе в 1882 году должности главноначальствующего гражданской частью с несколько расширенными по сравнению с генерал-губернаторскими полномочиями не создало, вопреки ожиданиям, условий для ускорения экономических и социальных процессов. Главноначальствующие имели особые права лишь в сфере пресечения нарушений общественного и государственного правопорядка. Они могли только ставить вопросы перед соответствующими ведомствами, и вынуждены были вести сними длительную и, зачастую безнадёжную переписку. Многие проекты, не встречающие понимания в центре, были провалены: например, упразднение военно-народного управления, прекращение обязательных и зависимых отношений крестьян, переустройство сельского управления. Деятельность ведомств, которые не были поставлены в прямую зависимость от главноначальствующего, такие как народное просвещение, земледелие, государственных имуществ совершенно перестало сообразовываться с местными условиями[341].

Итоги периода 1881-1888 гг. для Кавказа были противоречивыми. Если для Закавказья в результате ликвидации наместничества и роспуска Кавказского комитета были установлены общероссийские формы взаимодействия между государственными органами и региональной администрацией, то на Северном Кавказе аналогичные пре-

образования практически зашли в тупик. К концу 1880-х годов весь этот регион вновь оказался под контролем военного ведомства. Таким образом, с точки зрения послевоенной Петербургом установленной задачи унификации по общероссийскому образцу форм взаимодействия северокавказской администрации с центральными государственными органами, произошёл даже определённый откат назад, поскольку было полностью восстановлено значительно ослабленное к началу преобразований влияние военной администрации на коренное население Терской и Кубанской областей[342].

Возникла парадоксальная ситуация: горцы, совершившие своего рода демократическую революцию, введя институт общественного самоуправления, ограничивавшего власть князей и феодалов, после долгих лет борьбы лишились этих завоеваний. Для горцев это было не просто неравноправие – величайшая несправедливость и трагедия, негативно сказавшаяся на их национальном самосознании. Объективная неизбежность злоупотребления властью оборачивалась тем, что нередко горцы весь гнев из-за своего бесправного положения обрушивали не на прямых виновников, а на русских в целом в силу того, что они пользовались большей свободой в решении внутренних проблем. Такое административное неравноправие имело результатом не только ущемление развитого чувства национального достоинства, но и привело к формированию у одних – высокомерного отношения, у других – приниженного. Наслоение несправедливостей на фоне внедрения чуждых норм, регламентировавших каждый жизненный шаг горцев, означало для них постоянное насилие, это был важный морально-психологический момент русско-чеченских отношений[343].

Под воздействием первой русской революции Кавказское наместничество вновь возрождается. Опасаясь новых национальных потрясений в крае, правительство назначило в 1905 году в качестве наместника графа И.И. Воронцова – Дашкова. Новый глава военной и гражданской власти региона сохранил все прежние «объединённые полномочия всех министров на Кавказе». Согласно царскому указу от 26 февраля 1905 года, наместник становился членом Государственного Совета и Комитета министров. Однако парадокс заключался в том, что местные органы власти не были изъяты из подчинения центральных министерств. В то же время глава кавказской администрации наделялся правом по своему усмотрению проводить в жизнь министерские циркуляры и распоряжения или выносить их на рассмотрение в Комитет министров.

Одновременно, по этому же указу, из подчинения наместника изымались учреждения государственного банка и центральных контрольных и судебных инстанций, по отношению к которым он пользовался правами министра юстиции.

В предоктябрьское время, в условиях перехода от абсолютизма к конституционно-монархическому строю, российские наместники лишились представительства в упразднённом Совете министров и Государственном Совете. Вместе с тем наместники (в том числе и Кавказский) сохранили право на карательные и чрезвычайные меры. В случае необходимости они могли наказывать и даже высылать в административном порядке провинившихся[344]. Вызывавшие многочисленные нарекания широкие права генерал – губернаторов отдельных окраинных регионах привели к тому, что с середины XIX века стали предприниматься попытки сузить их компетенцию и таким образом сделать управление окраинами более централизованным. С 1856 по 1881 год было упразднено в Российской империи 8 генерал – губернаторств[345].

В Российской империи в середине XIX в. существование регионов с преобладающим нерусским населением постепенно превращалось в сознании правящей элиты в угрозу сепаратизма и развала империи. В результате правительство всё дальше уходило от прежней политики толерантности и прагматизма в отношении национальных особенностей многочисленных нерусских подданных русского царя[346]. На первый план в государственной идеологии вышла доктрина «официального национализма» с лозунгом «Россия должна принадлежать русским». Суть нового курса, окончательно оформившегося при Александре III, заключалась в политике русификации – целом комплексе мероприятий, направленных на достижение социально-экономической, административно – правовой и культурной интеграции национальных окраин[347].

Уже с 60-х годов правительство пришло к заключению, что муфтияты являются могучим оружием для сплочения мусульман, известного их обособления, а также упрочения ислама и возвеличивания его, в глазах проживающего совместно с мусульманами инородческого мусульманского населения. В соответствии с этим, со стороны правительства принимались известные шаги к возможному ослаблению значения этих институтов. В 1890 и 1891 гг., состоялась отмена выборного порядка замещения должностей Оренбургского и Таврического муфтиев, назначаемых отныне Высочайшей властью по представлению министра внутренних дел. Необходимо при этом отметить, что в Оренбургском округе

и ранее муфтий фактически назначался Высочайшей властью, хотя по действовавшему до 1890 года закону кандидаты на эту должность подлежали избранию самими же магометанами.

В 1894 году Государственный Совет, рассмотрев представление Военного министра о реформировании Управления духовными делами мусульман на Северном Кавказе, признал, что полномочия Духовного собрания в Уфе не распространяются на Терскую и Кубанскую области и Ставропольскую губернию. Но даже после этого решения мнение высшего органа власти так и не было закреплено законодательно, а в Уфу продолжали идти разного рода документы и запросы[348]. В 1913 году, за подписью 39 членов Государственной Думы было внесено законодательное предложение об учреждении муфтията для Северного Кавказа (Кубанская и Терская области и Ставропольская губерния). Министерство внутренних дел принципиально возражало против этого предложения, и Совет министров, на заседании от 23 января 1914 года, признал таковое неприемлемым…[349].

Анализ исторического процесса показывает, что появление всеобщего мусульманского движения явилось следствием нескольких факторов. Во-первых, налицо было сильное недовольство мусульман взятым в 1880-е гг. царским правительством курсом на усиленную их русификацию. Во-вторых, следует учитывать процесс возрождения ислама, происходивший во второй половине XIX в. по всему миру. В результате активной и многогранной деятельности мусульманских просветителей в сфере культуры и образования, доказывавших совместимость ислама с прогрессом, в жизни российских мусульман совершились позитивные сдвиги, которые подталкивали их к более чёткой самоидентификации и этноконфессиональному самоопределению. В-третьих, важные последствия имел процесс европеизации мусульманского мира, включая Россию[350].

Курс на русификацию окраин империи воспринимался в правительственной среде далеко не однозначно. Одним из наиболее последовательных противников политики русификации стал С.Ю. Витте. По ряду вопросов Витте получал поддержку со стороны некоторых министров и членов Государственного Совета: А.С. Ермолова, Н.В. Муравьёва, А.Н. Куломзина, А.А. Половцова, Д.М. Сольского и др. В разговоре с А.Н. Куропаткиным в январе 1902 года С.Ю. Витте чётко определил свою позицию: «Давление, которое мы оказываем на окраины, приведёт нас скорее к революции, чем, если бы мы дали окраинам относительную свободу»[351].

На рубеже XIX – XX вв. министр финансов С.Ю. Витте бесспорно являлся наиболее влиятельной фигурой в правящих кругах Российской империи. Энергичный и широко мыслящий государственный деятель, Витте считал крайне опасным для монархии заметное обострение «национального чувства завоёванных инородцев» и в отличие от большинства царских сановников был сторонником более имперски гибкой этноконфессиональной политики. Позднее, пребывая уже в отставке, он писал по этому поводу: «Вся ошибка нашей многолетней политики – это то, что мы до сих пор ещё не сознали, что со времени Петра Великого и Екатерины Великой нет России, а есть Российская империя. Когда около 35% населения – инородцы, а русские разделяются на великороссов, малороссов и белороссов, то невозможно в XIX и XX веках вести политику, игнорируя этот исторический, капитальной важности факт; игнорируя национальные свойства других национальностей, вошедших в Российскую империю, – их религию, их язык и прочее..»[352]. Витте настаивал на одном из своих главных требований: «Учебные заведения существуют не для целей политических, а должны преследовать задачи педагогические, т.е. получение знаний. При отсутствии преподавания местных языков школа не пользуется популярностью у населения и не выполняет своей главной функции – просвещения народа. На первом месте среди предметов преподавания, конечно, должен оставаться государственный русский язык, необходимый для приобщения к общей жизни страны. Но внимания требует и родной язык ученика как предмет наиболее ценный для каждого сознающего свою принадлежность к известному племени»[353].

Из всех политических требований, выдвигаемых различными партиями и движениями на окраинах империи, наиболее болезненным для правительства было требование национальной автономии. В одной из записок Витте высказался в пользу возможного предоставления ограниченной автономии некоторым из национальных окраин: « Мысль о расчленении всей России на автономные провинции, по счастью, ещё не приобрела популярности, – писал он, – а потому идея государственного единства… может и должна быть громко провозглашена правительством. Идея государственного единства, однако, ничуть не противоречит ни автономия десяти польских губерний, ни, быть может, Грузии и других частей Кавказа в расширенных пределах местного самоуправления» [354].

Сергей Юльевич Витте родился в Тифлисе. Отец Витте оставил о себе память как о человеке чрезвычайно предприимчивом, которому

Кавказ обязан основанием многих фабрично-заводских производств. В Тифлисе Сергей Витте безвыездно провел первые 16 лет своей жизни. Его дядя и отец были своими людьми у А.И. Барятинского: дядя на правах старшего адъютанта, а отец в качестве члена совета Главного управления наместника на Кавказе[355].

Другой видный кавказский деятель Г.Д. Орбелиани, находясь на должности командующего Кавказской армией, ещё в 1861 году писал военному министру Д.А. Милютину: «Война, продолжавшаяся на Северном Кавказе в течение десятков лет, не позволяла нам серьёзно заняться устройством материального быта туземцев; мы разрушили старый порядок владения землями, но не могли ещё создать никакого нового порядка. Затем, по требованию военных обстоятельств, из земель, указанных туземцам, мы нередко отнимали часть под казачьи поселения или укрепления и раз поселённых на новых местах, по требованию этих же обстоятельств снова переселяли, и иногда по несколько раз, с места на место; но и при этом новом поселении земли указывались туземцам только в примерном количестве и для временного пользования. Этот порядок дел, по необходимости продолжавшийся многие годы, никак не мог развить в туземцах осёдлости, а напротив, он поселял к правительству недоверие, заставлял каждого быть в постоянном опасении за будущее и явно вёл к тому, что никто не хотел развивать своего хозяйства и употреблять на возделывание земли, особенный труд, а тем более расходовать на этот предмет капитал, ежели таковой у кого и водился. Этим недостатком обеспеченности прав на землю следует объяснять ту быстроту и лёгкость, с которой целые аулы, а иногда и целые общества бросали указанные им земли и убегали в горы, чтобы усилить число враждовавших с нами, а в последнее время стали выселяться в Турцию»[356].

Подводя итог, можно констатировать, что участившиеся на рубеже веков политические кризисы на окраинах, вызванные противодействием нерусского населения политике русификации, были своего рода предвестниками мощного социально-политического кризиса, охватившего национальные окраины Российской империи в годы Первой русской революции. После издания Манифеста 17 октября Витте путём отдельных уступок стремился оторвать от революционного движения местные национальные элиты, но в условиях острейшего социально-политического кризиса национальная политика его кабинета приобрела непоследовательный и противоречивый характер.

Издание Указа 17 апреля о веротерпимости, допущение в Государственную Думу представителей от национальных окраин, введение в школах «для инородцев» преподавания на родном языке, отмена многих правовых и административных ограничений нерусского населения – все эти преобразования ясно очерчивали контуры нового курса национальной политики. Однако открывавшиеся перспективы решения национального вопроса так и не были использованы[357]. Царский Указ от 18 февраля 1905 г., согласно которому население впервые получило право подавать в высшие инстанции петиции о своих нуждах, очень обнадёжил российских мусульман. Выборы в I Государственную Думу всколыхнули массы мусульман. Сбывались их мечты – иметь своих представителей в законодательном органе России. «Нас зовут управлять Россией», – говорили например, казахи. В их среде, как, впрочем, и у других мусульманских народов, происходили заметные сдвиги в отношении к окружающей действительности[358].

Процесс создания и преобразования органов административного управления шёл непрерывно, по мере занятия той или иной территории, в том числе и в разгар Кавказской войны. Принципы управления народами Северного Кавказа стали предметом рассмотрения и изучения российскими властями еще задолго до завершения Кавказской войны. Эти принципы складывались на основе устанавливавшейся практики отношений с кавказскими народами и находили отражение, как в инструктивных документах высших государственных ведомств, так и в виде отдельных проектов. В 1838 и 1839 гг. свое видение проблемы управления горцами представили Е.А. Головин и П.Х. Граббе, высшие представители военного кавказского командования того периода. Генерал-лейтенант, генерал от инфантерии Евгений Александрович Головин (1782-1858) в 1838-1842 гг. являлся командующим Отдельным Кавказским корпусом, а генерал-лейтенант Павел Христианович Граббе (1789-1875) в 1838-1843 гг. был командующим войсками на Кавказской линии и в Черномории.

При всех различиях содержащихся подходов, большинство предложений Е.А. Головина и П.Х. Граббе объединяет мысль о необходимости перехода еще в условиях нестабильности и военного противостояния на Северном Кавказе к выработке принципа единообразной политики в отношении северокавказских этносоциальных общностей. В «Общих предначертаниях генерал-лейтенанта Головина к покорению Кавказского края» был выдвинут ряд положений

по переустройству кавказского управления. Первое из них касалось принципов и форм управления. При первоначальном введении российского устройства Е.А. Головин предлагал опираться на местных уроженцев: «В землях, которые войска наши проходить будут, устанавливать правление, употребляя преимущественно преданных нам мусульман», но оговаривал, что это касалось «мусульман тех провинций, которые находятся совершенно в нашей власти». Со временам в этих областях он считал необходимым «поставить уже русских чиновников». Второй проблемой, которую поднимал его проект, являлся вопрос о привлечении мусульманского духовенства с целью создания социальной опоры для распространения российского влияния. Он считал необходимым «везде, где только возможно, устраивать школы мусульман, для воспитания духовенства, чрез которое можно действовать на умы народа»[359].

14 октября 1839 года П.Х. Граббе представил военному министру А.И. Чернышеву «Записку». В одном из ее разделов, который имеет название «Меры по управлению горцами», он обращал внимание Петербурга на то, что «первым предметом внимания начальства должно быть устройство правления на прочных и, сколько можно, единообразных началах для всех покорных и покоряющихся племен». Недостаток существовавшего к тому времени российского административного управления Граббе видел в том, что «отношения всех этих племен к нашему правительству были крайне неопределенны и неясны», т.е. выражались в том, что требования властей к местному населению поддерживались «силой оружия», а постоянных и точных письменных или словесных обязательств с их стороны не было и, в конечном счете «все управление ограничивалось предписаниями командующего Сунженской линии». П.Х. Граббе предложил образовать на Левом фланге Кавказской линии три главных приставства: кумыкское, чеченское и лезгинское, разделив их, в свою очередь, на частные приставства. Особое внимание П.Х. Граббе отводил созданию российской администрации в лице приставов. На эти должности должны были назначаться «чиновники благонадежные, знакомые с горцами и испытанной преданности правительству». Анализ представленных документов дает основание сделать вывод о том, что проблема выстраивания отношений с населением Северного Кавказа находилась в центре внимания Кавказских военных властей даже в самый тяжелый для России период Кавказской войны – в конце 30-х гг. XIX века[360].

К началу целенаправленного введения с конца 50-х гг. «военно-народного» управления у «мирных» горцев была установлена так называемая приставская система управления. В функции приставов, назначавшихся в отдельных горских обществах, входило посредничество между народами Кавказа и российской правительственной администрацией. Специальной инструкцией приставы обязывались следить за населением подчинённых аулов и не допускать их сношений с непокорными горцами. Приставы не вмешивались во внутренние дела горских народов и служили более «агентами и поверенными» русской власти, чем «начальниками и распорядителями» горцев [361].

Во главе приставской пирамиды управления на Кавказе стоял главнокомандующий, ему подчинялся командующий Кавказской линией. При штабе командующего линией действовала особая Канцелярия для управления «мирными» горцами (в г. Ставрополе), занимавшаяся текущими делами. Среднее звено административной системы составляли приставы, низшее – старшины. Позитивную роль в динамике приживаемости нового аппарата управления играло стремление российской администрации к широкому привлечению, на первоначальном, послевоенном этапе, вайнахской знати к деятельности в административных и судебных учреждениях низшего, а иногда и среднего звена[362].

В связи с внедрением системы военно-народного управления указом императора были упразднены приставства, введённые в мирных чеченских селениях в ходе войны с Шамилём и являвшиеся основой системы управления народов Северо – Восточного Кавказа[363]. Приставская система была далеко не совершенной. На ее недостатки указывал еще А.П. Ермолов, предложивший в 1822 году в качестве альтернативы для горцев учредить Временный народный суд, наделенный как судебными, так и административными полномочиями. Постепенный отказ от приставского управления начинается в 50-е годы XIX века. Уже в 1852 году для Чечни, большая часть населения которой так и не приняла российских приставов, А.И. Барятинский разработал проект нового устройства, позже получившего название «военно – народного управления». Во главе Чечни А.И. Барятинский поставил российского офицера – «начальника чеченского народа», на нем лежали «заботы главного управления». Управление чеченцами российские власти осуществляли через окружных и сельских старшин, а также через Чеченский народный суд. После назначения А.И. Барятинского на пост наместника на Кавказе, введенная им в Чечне административная система была объявлена образцовой[364]. По-

ложение о военно – народном управлении было высочайше утверждено 18 июля 1860 года. Интересно, что в процессе работы члены комиссии широко изучали иностранный опыт. В конце концов, наиболее приемлемыми для Кавказа были признаны основные принципы управления Алжиром, используемые Францией с 1848 года, где все управление территорией было подчинено военному начальству[365]. В 60-70 – е гг.XIX века административное развитие чеченского управления проходило в русле проводившихся на Кавказе реформ. Их реализации на территории Терской области мешала, по мнению руководства, существовавшая здесь военно – народная система управления. В связи с этим 1 января 1871 года был издан указ об упразднении военно-народного управления, отныне все жители области объединялись в единое управление[366].

Исторический опыт России убеждает, что действительно значимые повороты государственной политики в административной сфере должны неизбежно доходить до уровня местного самоуправления. Наиболее эффективный путь состоит в поэтапном реформировании всей системы управления в режиме «снизу – вверх», а не наоборот, как это часто бывает на практике. Ибо трудно закладывать надежный фундамент, «возводя здание с крыши»[367]. Партнерство власти с населением, в том числе и через органы самоуправления, особенно необходимо в период серьезных государственных и общественных трансформаций, связанных с поиском дальнейшего пути развития общества и государства. При этом необходимо на деле признать право народа на участие во власти. Только при таких условиях создается подлинно демократическое государство, основанное на фундаменте народовластия. Государство берет на себя и действительно исполняет основную обязанность – защиту социальных, национальных, правовых интересов всех своих граждан. Оно обеспечивает гарантию безопасности страны и ее жителей, отстаивая приоритеты Отечества на международной арене, а народ через систему вертикали представительных органов, начиная с самоуправления, и ответственных перед ними исполнительных структур свободно решает, в каком направлении и с какой командой плыть «государственному кораблю» далее. При таком типе демократии институту самоуправления скрепляют всю конструкцию государственности страны[368].

После завершения Кавказской войны веками складывавшаяся общественная система чеченцев вынуждена была адаптироваться к новым условиям, переходить в новые каналы развития. При этом, несмотря на все сложности вхождения в новую общественную систему,

чеченцы смогли сохранить этническую идентичность, став органичной частью российского многонационального государства[369]. На первоначальном этапе царская администрация стремилась адаптировать дороссийские институты самоуправления без резкой, радикальной ломки. О степени развития системы самоуправления у народов Северного Кавказа свидетельствует тот факт, что их властные институты осуществляли, хотя и без четкого институционального разделения, все присущие им функции: законодательную, исполнительную и судебную. Опыт управления Северным Кавказом показал, что в условиях установления колониальной администрации и соответствующего правопорядка северокавказские общественные и судебные институты обнаружили значительную адаптивность к меняющимся историческим реалиям при сохранении целостности основ своей традиционной социальной организации. В русле общероссийской модернизации система самоуправления региона во второй половине XIX века подверглась существенным изменениям. Деятельность сохранившихся горских органов общественной власти стала все более регулироваться кавказской администрацией. Но надо учитывать, что воздействие внешнего фактора в то время не приобрело жесткого, проникающего в их недра характера[370]. Так, например, провозглашённое в 1859 году покорение Чечни в действительности, на первоначальном этапе, таковым не было, т. е. не заключало в себе общеизвестных признаков и последствий покорения страны[371]. Было немало аулов, в которых ни разу после покорения края не были царские чиновники, в некоторых горных обществах Аргунского округа, назначенные российской властью наибы, даже не смели показаться[372].

Накануне присоединения чеченцы и ингуши занимали пространство в 10000 кв. вёрст, из которых почти половина являлась плоскостной территорией[373]. Чечня разделялась рекой Гойтой на Малую и Большую, и та и другая – частью плоская, частью гористая. Чеченская плоскость от Сунжи до подошвы гор имела наибольшую ширину – 20 вёрст[374]. По единогласным отзывам лиц, близко знавших край, горцев в действительности было в начале 70-х годов XIX века значительно больше официальной цифры в 410 тыс. человек, из которых 145 000 приходилось на чеченцев. Чеченский народ считался не только самым многочисленным на Северо – Восточном Кавказе, но и самым отважным и предприимчивым[375]. По некоторым сведениям в начале 60-х годов общее число чечено-ингушского населения могло быть не менее 200 000 человек[376].

После завершения Кавказской войны крепость Грозная насчитывала 9 000 жителей. От Грозной до Петербурга было расстояние в 2404 версты, а до Москвы 1800 вёрст[377]. Средняя температура воздуха в 1885 году, в середине лета в Грозном достигала 28,1 градуса, во Владикавказе 25,4 градуса, в Ведено – 26 градусов[378].

Ведено, одно время, было столицей имамата Шамиля, а в царский период являлось административным центром. Поселившись в Ведено, Шамиль строго запретил людям называть это место по-прежнему, дав ему новое название «Дарго – Ведено», чтобы показать русским, что если они взяли одно Дарго, то у него есть еще много других[379]. Шатой в послевоенный период являлся одним из самых многолюдных населённых пунктов горной Чечни. Он был населён русскими и чеченцами, здесь квартировался батальон пехоты и находились казармы для солдат[380].

Образование и развитие Терской области

16 января 1860 года император Александр II утвердил «Положение», по которому Левое крыло Кавказской линии было переименовано в Терскую область. В рамках ныне существующего административно – территориального деления разрушенная в советское время Терская область включала район Кавказских Минеральных вод, Кабардино-Балкарскую республику, республику Северную Осетию – Аланию, республику Ингушетию, Чеченскую республику, а также равнинные районы на севере нынешней республики Дагестан – Кумыкскую плоскость, устье Терека, междуречье Терека и Кумы, включая Ногайскую степь[381].

В 1860 году из частей Дербентской и Тифлисской губерний была создана Дагестанская область[382]. Хасавюртовский (или Кумыкский) округ был отделен от Дагестанской области и передан в Терскую область; в состав Дагестанской области округ вновь был включен только в 1909 году[383]. В 80-х годах XIX века министром финансов был поднят вопрос о том, чтобы с целью экономии упразднить Дагестанскую область, присоединив ее южные округа к Бакинской губернии, а все остальные – к Терской области. Однако это предположение встретило возражение со стороны Главноначальствующего А.М. Дондукова – Корсакова, отметившего, что из всех местностей Кавказского края именно Дагестанская область удовлетворяет условиям, необходимым для установления самостоятельной административной единицы[384].

Терская область своей южной границей прилегала к главному Кавказскому хребту; восточной – к Каспийскому морю; на юге она граничила с двумя Закавказскими губерниями (Кутаисской и Тифлисской) и с Дагестанской областью, расположенными по южному и частью северному склону главного хребта; на востоке – с Дагестанской областью. Северными соседями Терской области являлись Ставропольская и Астраханская губернии, а на западе она граничила с Кубанской областью. Горское население Терской области в 3 раза превышало казачье[385]. Всё пространство, находившееся к северу от Главного Кавказского хребта и включавшее в себя Терскую и Кубанскую области, а также Ставропольскую губернию, с 15 февраля 1860 года стали именовать Северным Кавказом[386]. В 1868 году Комитет, учреждённый в городе Тифлисе для составления проектов «Положений» о Кубанской и Терской областях, внёс предложение – образовать на Северном Кавказе только две области – Кубанскую и Терскую, а Ставропольскую губернию распределить между ними, включив её территорию в их состав. Однако в управлении наместника Кавказского было принято решение о сохранении существовавшего деления на три административные единицы[387].

Терская область в послевоенный период подвергалась частому изменению своих административных границ, как внешних, так и внутренних. На основании временных штатов военно-народного управления Терской области, высочайше утверждённых 25 декабря 1860 года, область разделили на шесть округов: Кабардинский, Владикавказский, Чеченский, Кумыкский, Ичкеринский и Аргунский[388]. 29 мая 1862 года было принято решение, по которому область разделили уже на восемь округов[389]. Позднее были приняты меры, с помощью которых ликвидировались прежние национальные наименования округов. Так, Кабардинский округ стал именоваться Нальчикским[390].

Летом 1862 года было высочайше утверждено новое разделение Терской области в военном и административном отношении и новые штаты управления – по примеру Дагестана. Область разделили на военные отделы и округа[391]. Определение и изменение границ округов предоставлялось на усмотрение наместника на Кавказе, который о распоряжениях своих доводил до сведения через Кавказский комитет – до императора[392].

Специфика межгосударственных и административных границ на Кавказе состоит в том, что они были созданы в результате территориаль-

ных реформ, проведённых правительством Российской империи. Исследователи, занимающиеся изучением проблем развития и функционирования границ выделяют ряд факторов, среди которых, в контексте данного исследования, наиболее важными представляются: историческая давность границы, её отношение к культурным и этническим рубежам, географический ландшафт, особенность экономических и политических процессов в приграничной зоне.

Наиболее важными линиями разграничения, помимо государственных, являются следующие границы: культурные – пределы распространения влияния культур (христианской, мусульманской и т.п.); этнические – «линии, разделяющие людей по идентификационному принципу "свой" – "чужой" на основе принадлежности к тому или иному этносу. Здесь необходимо отметить, что этнические границы формируются на основе субъективных представлений, имеющих распространение в среде данного этноса, сопредельных и других этнических групп, и в правящих элитах государств, на территории которых находится зона расселения этноса. Административные границы – линии, разделяющие территорию внутри государства на районы, управляемые властными структурами; политические – фактические пределы распространения влияния государства, которые могут не соответствовать границам де-юре. Проблема кавказских границ непосредственно связана с таким понятием, как «разделённые народы», которое так называет те этносы/народы, по территории расселения которых прошла граница. Так, в результате территориально-административных реформ второй половины XIX века часть чеченского народа отошла к Дагестанской области (чеченцы-аккинцы), другая часть вайнахов вошла в состав Тифлисской губернии (кистины). Земельно-территориальные споры царскому правительству не удалось решить даже в начале XX века[393].

В отличие от Закавказья и Дагестана внутренние административные границы в пределах Терской области являются во многом имперской исторической новацией. В строгом смысле, это первые границы в данном регионе, имеющие устойчивую институциональную нагрузку четких территориальных рамок, в которых соответствующие инстанции / лица выполняют рутинные процедуры администрирования, судопроизводства и т.д. В силу относительной новизны таких границ, они более изменчивы и зависимы от меняющихся приоритетов административной политики империи. Существенно то, что этнические границы в Терской

области к началу 1860-х годов также являются в значительной мере результатом имперской военно-поселенческой «инженерии». Конфигурация ареалов расселения этнических групп в Терской области – итог военных действий, вынужденных миграций, организованного расселения казачества и т.п.[394].

В годы Кавказской войны вся Чечня была разделена Шамилем на особые округа, называвшиеся наибствами. Каждым наибством, состоявшим из нескольких аулов, круглым числом около 1000 дворов, управлял наиб. Наибы назначались самим Шамилем и избирались из лиц, представленных имаму. При наибах состояли отряды мюридов, которые содержались за счет жителей наибств. Кадии и старшины избирались народом, но по представлению наибов и утверждались в своих должностях Шамилем. Все население мужского пола разделялось на десятки, члены которых были обязаны наблюдать за поведением друг друга и в случае чего-либо подозрительного сразу доносить наибу. В чеченских селах были поселены семьи подданных Шамилю дагестанцев, которые также были обязаны следить за поведением местного населения[395]. Деятельность российской окружной администрации была в основном направлена на сохранение старых общественно-политических институтов и хозяйственных форм. Окружные и участковые органы власти представляли собой полувоенные институты управления, совмещавшие хозяйственные, административные, судебные, военные и полицейские функции. Такая политика проводилась с целью изоляции горцев от общероссийского общественного движения[396].

Количество чеченцев в начале XVIII в. достигало, по подсчетам В.М. Кабузана, примерно 60,0 тыс. человек, а ингушей – 6,0 тыс. человек. А на рубеже XIX в. на всем Северном Кавказе проживало 262,2 тыс. человек, среди которых оказалось 118 тыс. чеченцев и 11,1 тыс. ингушей. Русское же казачье население составило на землях Чечено-Ингушетии в 20-е годы XVIII в. примерно 5 тыс., в 80-е годы – 5,1 тыс., в начале XIX в. – 16,6 тыс. человек. Таким образом, в начале XVIII в. чеченцы достигали 84,5% (60 тыс. чел.) и ингуши 8,5 (6,0 тыс.), а русские – 7,0% (5 тыс. чел.) всего населения региона. В течение первой половины XIX в. (между 1795 и 1858 гг.) население Чечено-Ингушетии увеличилось на 72,8% (со 145,7 до 260,4 тыс. чел.). Численность чеченцев (с учетом проживающих в отошедшем к Дагестану Хасав-Юртовском округе) увеличилась со 118 до 190 тыс.

человек, хотя их удельный вес и понизился с 81 до 73%. Зато одновременно растет численность и доля ингушей (с 11,1 до 28 тыс. человек, или с 6,7 до 10,8%) и русских (с 16,6 до 42,4 тыс. человек, или с 11,4 до 16,2%).

За рубежами своих административных районов в Терской области, чеченцы жили в Дагестане, в Грузии, в основном в Тионетском и Тушетском округах Тифлисской губернии с 40-х годов XIX в. (50-е годы XIX в. – 2,5 тыс., 1865 г. – 3,1 тыс. и 1897 г. – 2,3 тыс. человек) и, в очень небольшом числе, в Азербайджане[397]. На юге Тушетский хребет отделял Чечню от близкородственных нахоязычных цова-тушин (бацой), входивших в Тушинское общество (Тушети) Грузии. Они, как и грузиноязычные чагма-тушинцы, исторически входили в состав Грузии и исповедывали христианство. К середине XIX века в Панкисском ущелье Кахетии за счет выходцев из верховьев Шаро-Аргуна складывается «кистинская» община[398].

Немного чеченцев-аманатов проживало в России. Важным средством распространения и проведения колониальной политики царизма являлось аманатство или заложничество, возникшее одновременно с соприкосновением России с северокавказскими горцами и вызванное общими мотивами русской ориентации на горскую феодальную и родовую знать. С началом колониальной политики царизма, т.е. с XVII в. аманаты содержались в русских крепостях, и они фактически были заложниками царизма. Выдача своих сыновей, в качестве заложников, стала обязательным условием принятия того или иного владения Дагестана, Чечни, Кабарды и Ингушетии в русское подданство. В крепостях для аманатов открывали школы, где их учили грамоте и русскому языку. Институт аманатов являлся своеобразной «школой», периодически выпускавшей не только сторонников русского царизма, но и хороших агитаторов среди горцев за русскую ориентацию.

Аманатов добровольно давали России все народы Северного Кавказа, за исключением чеченцев. Последние, несмотря на неоднократные требования России дать аманатов, каждый раз отвечали категорическим отказом. В 1764 г. чеченцы писали кизлярскому коменданту Потапову: «Ныне владельцы наши нападками от нас аманаты требуют и мы, все чеченские старшины, собрав все стариков и молодых людей, на совете постановили, что владельцы наши… в российскую сторону от нас в аманаты давать вознамерились, а народ наш не согласился и аманатов дать не может. От владельцев аманатов возьмите, а нас в

покое оставьте…». Больше того, чеченцы заявили, что они над собою не признают ни власти поставленных над ними владельцев, ни власти самой России. «Известно Вам да будет, – заявляли они, – что мы от государыни уклонились»[399].

После завершения войны на Кавказе функционировали три военных отдела, одно отдельное управление и одно городовое управление. Отдельное управление начальника округа Минеральных вод и Владикавказское городовое управление действовали на основании особых, для них составленных «Положений»[400].

Чеченский округ состоял из Большой и Малой Чечни, сюда также вошло Качкалыковское общество. В Аргунский округ входили общества: Шатоевское, Чантинское, Чеберлоевское и Шароевское. Ичкерия вошла в состав Ичкеринского округа. Нагорный округ состоял из обществ: Салатовского, Ауховского и Зандакского. 1 сентября 1862 года вместо существовавших в Чеченском округе наибств, были образованы новые наибства: Ачхоевское, Урус-Мартановское, Аргунское, Автуринское, Надтеречных деревень и Качкалыковское. Кроме существовавших в Аргунском округе трёх наибств: Чантинского, Шатоевского и Чеберлоевского, было создано четвёртое наибство – Шароевское. Нагорный округ был образован 1 октября 1862 года из участков Кумыкского округа: Ауховского, Салатовского и Зандакского[401].

При издании временных штатов военно-народных управлений от 2 сентября 1865 года, Терская область включала в себя следующие военные отделы:

А) Западный; б) Средний отдел, состоящий из округов: Чеченского, с шестью наибствами: Ачхоевским, Урус-Мартановским, Аргунско-Автуринским, Надтеречным и Качкалыковским; Аргунского, из четырёх наибств – Чантинского, Шатоевского; Ичкеринского с двумя наибствами – Даргинским и Веденским; в) Восточный отдел; из округов: Кумыкского и Нагорного, с тремя наибствами – Ауховским, Салатовским и Зандакским[402].

Уже к 1866 году император разрешил закрыть Восточный и Западный отделы, сохранив округа в Терской области. Средний отдел, как гласит документ, «по причине неустановившегося ещё отношения чеченского населения», было принято сохранить[403]. При новом устройстве Терской области (30 декабря 1869 года) было образовано семь округов: Владикавказский, Георгиевский, Веденский, Кизлярский, Хасав-Юртовский, Грозненский и Аргунский. Окружные управления

были сосредоточены в городах: Георгиевске, Владикавказе, Кизляре, крепости Грозной и в укреплениях: Ведено, Шатой и Хасав-Юрт[404].

С 30 декабря 1869 года определение и изменение границ уездов и округов начальники областей и губернаторы представляли наместнику Кавказа, который о своих распоряжениях через Кавказский комитет сообщал императору[405]. 20 февраля 1877 года была изменена граница Кизлярского и Грозненского округов. К Грозненскому округу была причислена станица Червлёная[406]. 14 декабря 1877 года наместник изменил границу Веденского и Хасав-Юртовского округов Терской области. Из ведомства Веденского округа были изъяты аулы Бильты и Галай-Отар, о чём, через Кавказский комитет, сообщалось императору[407]. В 1877 году в состав Хасав-Юртовского округа входила часть горной Чечни. Чеченцы (ауховцы) занимали 6 селений, где проживало 8060 человек. В 15 сёлах чеченцы жили вместе с кумыками. Кумыки составляли 48,3% от общего населения Хасав-Юртовского округа, аварцы –15,8%, чеченцы – 13,9%, ногайцы 13,1% и русские 7,2%[408].

В 1878 году в состав Терской области входило 7 округов: Владикавказский, Кизлярский, Грозненский, Хасав-Юртовский, Моздокский, Аргунский, Веденский и 4 города – Моздок, Георгиевск, Грозный и Владикавказ[409]. После многолетних и многочисленных обсуждений высочайшим Указом от 21 марта 1888 года было утверждено новое территориальное деление и административное управление Терской области[410]. По Указу 1888 года был упразднен национальный признак, лежавший ранее в основе названий округов. Военно-Осетинский округ был переименован во Владикавказский, Чеченский – в Грозненский, Кабардинский – в Нальчикский, Кумыкский – в Хасав-Юртовский, Ингушский – в Назрановский[411]. С 1 мая 1888 года вступал в силу закон, по которому область делилась на три отдела: Кизлярский, Пятигорский, Сунженский и четыре округа – Нальчикский, Владикавказский, Грозненский и Хасав-Юртовский[412]. При этом Веденский и Аргунский округа вошли в состав Грозненского округа взамен отошедших от него станиц: Грозненской, Петропавловской, Ильинской, Ермоловской, Романовской (бывшей Горячеводской), Червлёной, Николаевской, Калиновской, Менанской, Савельевской, Наурской, Ищёрской, Галюгаевской, Стодеревской. Это было сделано, чтобы оградить казачество от «разлагающего» влияния горцев. Учреждения военного и гражданского управления казаками слива-

лись воедино. Решено было сёла и аулы с не казачьим населением оставить в ведении округов, а казачьи станицы передать отделам начальников округов[413]. Чеченские селения, находившиеся на правой стороне реки Терек, которые предполагалось присоединить к Кизлярскому и Пятигорскому отделам, выделялись в особый участок и временно оставлялись в ведении начальника Грозненского округа[414].

Деление Терской области на округа и отделы производилось для того, чтобы ограничить всякое общение между народами. Станицы Кизлярского отдела полностью изолировали северную часть Грозненского округа от его остальной территории[415]. Казачьи станицы Сунженского отдела полностью располагались на территории Владикавказского, Нальчикского, Назрановского, Грозненского и Веденского округов. Очевидно, такое расположение казачьих станиц было одним из ярких проявлений колониальной политики царизма. Оно в большинстве случаев создавало своеобразный казачий клин, рассекая на изолированные части земли одного и того же народа, затрудняя, таким образом, экономические другие связи между этими частями, ибо эти связи было запрещено осуществлять через земли казачьих станиц[416].

Горские округа, согласно новому положению, делились на участки, а казачьи отделы – по признакам комплектования воинских единиц – на сотни и полки[417]. С 1 января 1899 года Терская область была разделена на 4 отдела: Пятигорский, Моздокский, Кизлярский, Сунженский и 4 округа – Владикавказский, Хасав-Юртовский, Нальчикский и Грозненский[418]. Начальник области, являвшийся также наказным атаманом, пользовался правами начальника дивизии и в непосредственном подчинении ему стоял войсковой штаб, а по гражданскому управлению ему принадлежали все права и обязанности, присвоенные губернаторам. Для облегчения работы начальника Терской области в исполнении его обязанностей, при нём состоял помощник, который заведовал местными войсками и в случае отсутствия заменял начальника области[419].

Утверждение России на Северном Кавказе, связанное с военно-казачьей колонизацией края, обусловило главное направление в административном устройстве региона – создание здесь двух крупных казачьих войск: Кубанского и Терского[420]. 19 ноября 1860 года было образовано Терское казачье войско, главное управление которого располагалось в городе Моздоке. Высочайшим приказом от 6 августа 1865 года был образован Кавказский военный округ с военно-окружным управлением, на основании общего «Положения»,

с дополнительными к нему правилами. С введением этого «Положения» и упразднением Главного штаба армии, преобразовали и управление командующих войсками в Терской и Кубанской областях, где полевые войска изъяли из заведования командующих войсками и образовали управление на общих основаниях для дивизий и артиллерийских бригад. Все эти реформы обусловили собой законченность преобразований Кавказской армии, подвели округ под один уровень с округами внутренней России. Терское казачье войско управлялось его наказным атаманом (начальником Терской области) генерал-лейтенантом, с полномочиями, зачастую превышавшими права начальника дивизии[421]. Все важные мероприятия на Северном Кавказе царское правительство проводило, опираясь на социальные верхи горцев. Одним из путей использования их было привлечение на службу в армию и милицию, где их материальное и политическое положение становилось в зависимость от отношения к службе[422].

После завершения Кавказской войны область была буквально переполнена войсками. В 1861 году на 30 тыс. чеченских дворов приходилось 60 тыс. русских войск (по 2 чел. на двор)[423]. Не смотря на это, областное руководство опасалось сокращать воинский контингент и почти каждую весну проводило военные сборы[424]. Даже в 1882 году начальник Терской области докладывал руководству, что «..не смотря на истекшие 20 лет со времени покорения Восточного Кавказа, для обеспечения спокойствия среди горцев требуется содержать в области, при мирных условиях не менее 20-ти батальонов»[425]. Только в 1887 году кавказское руководство решилось сократить общее количество нестроевых нижних чинов и Чири-Юртовскую команду[426]. В Ведено продолжала службу рота пехоты. В конце лета или в начале осени из 12 полевых и горных орудий за слободой производились стрельбы боевыми снарядами, главным образом для того, чтобы «…чеченцы не забывали, что у русских и в горах есть “зелёная арба” (пушка)»[427].

В 1876 году вышел приказ «Об усилении состава областных и уездных полицейских учреждений Терской и Кубанской области». По этому закону на усиление полицейских учреждений Терскому областному руководству ежегодно выделялось 4160 руб. (из государственной казны 3585 руб., из доходов Терского казачьего войска 1195 руб.). Для сравнения, Кубанской области ежегодно выделялось только 1040 рублей[428]. Обвиняя горские народы в «грабежах» и «хищничествах», руководство пыталось получить дополнительные средства из казны и дать моральное

оправдание своим карательным действиям. Но такой тактический приём был малоубедительным. Он вызывал сомнения даже у некоторых правительственных лиц.

После присоединения народов Северного Кавказа к России, царское правительство, достаточно укрепив свои позиции, приступило к установлению колониального режима, к превращению присоединившихся к России районов в колонии[429]. После падения Шамиля в Чеченском округе было введено телесное наказание за самые незначительные преступления. За горцами не признавалось никаких прав. Граф Евдокимов, желая удалить туземное население от Военно-Грузинской дороги и Владикавказа, счёл нужным заселить верховье реки Сунжи казаками[430]. В 1876 году в Терской области насчитывалось 375 676 горцев (61,2%); 129 651 (21%) казаков. В области в это время проходили службу 29 070 военных (4,7%) регулярных и иррегулярных (строевых) войск[431]. В 1887 году количество регулярных войск составило 24 тыс. человек. Горское население насчитывало 63,3%, а казачье 21,6% от всего состава жителей Терской области[432].

Правление первого начальника Терской области генерал-адъютанта Н.И. Евдокимова (1856-1861 гг.), который был одним из главных «покорителей» Кавказа, сопровождалось осложнением обстановки на Северном Кавказе, что в определенной степени было связано с его консервативно-реакционными взглядами на умиротворение горцев только путем применения силы, репрессий и военных экспедиций, которые стали каждодневной действительностью. В 1862 г. в Терской области было расквартировано 49 батальонов пехоты, 9 терских и 10 донских полков казачьих войск, 1 драгунский полк и др., всего более 60 тыс. человек[433].

Геополитическое положение региона способствовало значительно большей по сравнению не только со Ставропольем, но и Кавказом и даже Россией в целом, милитаризации области, то есть расположения здесь многочисленных воинских частей с офицерско – командным составом. В период первой российской революции, в частности, в Чечне размещались Дагестанский, Ширванский пехотные полки и Грозненский резервный батальон. Представительство чинов жандармерии и полиции Терека при всей их малочисленности в геополитических условиях области было на уровне средних по империи и Кавказу, превосходя их долю на Ставрополье[434].

Визитной карточкой Кавказской войны стали самостоятельность генералов и офицеров, а также инициативность солдат. В глазах

русских «кавказцев» Петербург не обладал монополией власти над Кавказом. Ностальгия по «старым, добрым временам», военной поэтике удерживали «кавказскую гвардию» в Чечне, где она привыкла держать себя столь вольготно, что даже игнорировала «окрики» из центра. К.К. Бенкендорф в своих воспоминаниях подметил, что «наши солдаты вздыхали о прелестях Чечни, между тем как там их отовсюду подстреливают и каждый переход по лесу стоит чьей-нибудь жизни. Но там, по крайней мере, есть трава, есть лес, которые все-таки напоминают родину, а в Дагестане одни скалы да камни, камни да скалы.… Не только солдаты, но и офицеры ощущали притяжение со стороны девственной, прекрасной и потому заманчивой, дикой, но поэтичной природой»[435].

После ревизии, проведенной в Кавказской губернии генерал-майором Вердеревским (1810 г.) Комитет министров принял решение о введении существенных льгот для кавказских чиновников. Согласно ему канцелярские служащие и статские чиновники могли быть зачислены на военную службу и продолжать выполнение своих обычных обязанностей. Примечательно, что «все до одного» чиновники пожелали служить в армии, поскольку это улучшало их материальное положение. Вследствие этого администрация на Кавказе стала приобретать военно-бюрократический характер. Специальным указом оговаривались и другие льготы: за приезд на Кавказ присваивался чин коллежского асессора (VIII класс), равный майору в военном табеле о рангах, выдавалось дополнительное денежное вознаграждение, предоставлялось право на получение ордена Св. Владимира 4-й степени, пенсии и т.д.[436].

Доля офицеров среди населения Терской области была довольно высока и составляла порядка 0,34%, что значительно превышало ставропольские (0,05%), общероссийские (),16%) и средние по Кавказу (0,26%) показатели[437]! 11 февраля 1885 г. вышел Указ Александра III «Об утверждении положения о курсе восточных языков, учрежденном для офицеров при Учебном отделении восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел в Санкт – Петербурге – с 1 сентября 1885 г.». Цель курса – подготовка офицеров для службы в «азиатских» военных округах (на Кавказе и в Средней Азии). В программе – арабский, персидский, турецкий языки, «мусульманское право». 25 июня 1904 г. вышел Указ Николая II (Положение Военного совета, высочайше утвержденное) «О статусе выпускников офицерского курса восточных языков»: они приравнивались к выпускникам военных академий[438].

Русское законодательство второй половины XIX – начала XX вв. выдвигало несколько условий для поступления на государственную службу. До Первой русской революции на службу не принимались дети рабочих и крестьян. Они могли получить это право только по образованию, закончив высшее учебное заведение, получив офицерский чин в армии и т.п. По общему правилу к занятию должностей в государственном аппарате иностранные подданные не допускались. Однако с согласия императора исключения делались для ученых, преподавателей, специалистов горного и почтово-телеграфного ведомства. Все 840 статей «Устава о службе по определению от правительства» были адресованы к мужскому полу, хотя категорического запрещения принимать на службу женщин не существовало. Здесь главную роль играла историческая традиция. Лишь в ходе реформ 60-70-х годов XIX века женщин стали принимать «по – найму» в частные учебные и медицинские учреждения, акционерные железнодорожные общества. Затем они появились на службе и в казенных учреждениях. В 1889 году женщинам было разрешено работать на счетно – бухгалтерских и канцелярских должностях.

Законодательство Российской империи устанавливало минимальный возраст для поступления на государственную службу с 14 лет, для занятия некоторых должностей устанавливался минимальный возраст в 21 год, 25 и даже 35 лет. Верхнего предела в гражданской службе не существовало. Лица, желавшие получить работу по должности, требовавшей специальных знаний, должны были сдать дополнительные экзамены (независимо от аттестата учебного заведения) по программе и в порядке, определяемым соответствующим министром или Главноуправляющим на Кавказе. Условием приема на государственную службу была гражданская честь. Лица, запятнавшие себя преступлениями или «порочным поведением», на государственную службу не принимались. С 1874 года условием поступления на службу стало отбывание воинской повинности.

Статья 4 «Устава о службе по определению от правительства» специально подчеркивала, что различие вероисповедания или племени не препятствует определению на службу. Однако на практике через издание ряда подзаконных актов такие ограничения существовали. При вступлении на службу чиновник приносил устную присягу на верность службе. Затем он подписывал ее печатный текст (присяжный лист). Листы из всех учреждений империи направлялись в Правительственный Сенат[439].

В отношении военных и статских служащих имперского государственного аппарата, в случае нарушения или принципа лояльности по отношению к монархии, действовал закон от 7 ноября 1850 года, по которому власти в любой момент могли уволить без права на пенсию и пособия «политически неблагонадежного» чиновника[440].

По мнению С.К. Бердяева, служившего в Чечне и опубликовавшего свои «Воспоминания старого администратора» в Париже, в составе стоящих у власти, в большинстве своем, были люди совершенно неподготовленные и неспособные к несению своих обязанностей, начиная от стражника и кончая губернатором. «Никакой школы, – писал он, – как теоретической, так и практической, не существовало. Никаких знаний о народе, моральных качеств и прочего не требовалось. Для большинства должностей было необходимо: чин, протекция, дворянство. А служащие брались просто с улицы»[441]. По замечанию В. Немирович – Данченко, выросшего на Кавказе «…для управления горцами необходимо было назначать серьезных и умных людей, обладающих сильным характером и громадным тактом, прежде всего, но не господ, которые, называясь «деятелями», на одно только и годны: на поощрение местного виноделия – в качестве потребителей, разумеется…»[442].

Проводимая со времени покорения Кавказа политика привлечения в национальных районах представителей местных народов привела к доминированию горцев среди властной элиты в национальных районах: как в округах, так и в «казачьих» отделах. Так, в Грозненском округе чеченцы имели 91,1% должностей в аппарате управления. Чеченцы Сунженского казачьего отдела занимали 74,7% должностей[443]. И такое положение не должно удивлять. Еще в 1875 году газета «Терские ведомости» в № 31 за 1875 г. критически отзывалась о выборах в атаманы, которые сопровождались «уничтожением огромного количества вина и водки». Официальные газеты региона не выходили за пределы дозволенного в оценках действительности. Всякий более или менее острый взгляд на положение дел во властных структурах пресекался цензурой[444].

Несмотря на представленность во властных структурах горцев, в частности чеченцев и осетин, по положению должности пристава и начальника округа не мог занимать представитель коренной национальности, даже при наличии подготовленных кадров из числа военных. Также горцы не могли занимать штатные должности в окружном суде, быть мировыми судьями, что видно на примере Владикавказского округа. На

этот счет, как указывал историк С.Д. Купов, сохранялись подзаконные ограничения[445]. Сыгравшая позитивную роль практика коренизации управленческой элиты стала вызывать опасения царизма по поводу эффективности административно-полицейских мер и судебных санкций при доминирующей роли горцев во властных структурах. В конце XIX в. власть стала отходить от практики привлечения кавказских народов в административные органы[446].

ГЛАВА III.
ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВОЕННО – НАРОДНОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

Создавая в Кавказском крае наместничество, так называемое военно-народное управление, не разрешая населению иметь земства, не предоставляя Кавказу прав иметь общеимперские судебные органы, ограничивая деятельность городских управ, правительство по существу не управляло Кавказским краем, а продолжало вести себя здесь как в недавно завоёванной стране. В 1927 году А.В. Померанцев писал: «При царской власти Кавказ был всегда на военном положении. Только советская власть освободила Кавказ от военного гнета…»[447]. Лишая народы Кавказа законных прав в области местного самоуправления, царское правительство ставило их в исключительное положение неполноправных граждан страны…[448]. Не отрицая наличия определенной гибкости центральной власти империи в решении проблем управляемости ее национальными окраинами, следует все же подчеркнуть, что на протяжении XIX – начала XX вв. поиски баланса между центростремительными тенденциями в этой политике и учетом национальной специфики, воплощаемой в функционировании органов местного самоуправления, приносили лишь временный эффект. Со второй половины XIX века, опираясь на утверждавшееся как на Западе, так и в России убеждение, что наибольшие потенции развития заложены в национальном государстве, царизм стал последовательно проводить политику более тесного включения окраин в централизованную общероссийскую систему управления. Приходится констатировать тот факт, что руководству империи так в целом и не удалось построить свои отношения с основными социальными силами российского многонационального общества – в том числе и в сфере административного управления – по принципу взаимоприемлемого диалога и скоординированного учета всех интересов[449].

Анализ так называемого «военно-народного» управления представляет для нашего исследования особый интерес, так как именно оно должно было, по мнению целого ряда влиятельных российских политиков середины XIX века, заложить основы политической стабильности на Северном Кавказе, предотвратить распространение шариата и основанного на нём движения мюридизма, как наиболее серьёзной опасности для российского владычества на Кавказе, создать постепенно в регионе

условия для распространения общероссийской правовой системы и «насаждения русской гражданственности» в сознании горцев[450]. Система военно – народного управления являлась специфичной для Северного Кавказа и носила относительно прогрессивный характер. В частности, на первых порах съезды доверенных представителей позволяли населению чувствовать себя защищенными от произвола чиновников[451].

Возникновение «военно-народного» управления

За понятием «военно-народное» управление во второй половине XIX века закрепилось два значения: особой, отличной от общеимперской системы административных органов по управлению горцами Кавказа и принципа управления «туземными» племенами. Сущность этой судебно-административной системы довольно точно и кратко охарактеризовал наместник Кавказа генерал-адъютант граф И.И. Воронцов – Дашков: «Система военно-народного управления, созданная на Кавказе в период борьбы русских войск с местными горцами, – основана на сосредоточении административной власти в руках отдельных офицеров, под высшим руководством главнокомандующего Кавказской армии и на предоставлении населению во внутренних делах ведаться по своим адатам». При этом допускалось привлечение в низшую администрацию и суд «местного, отчасти выборного элемента»[452]. Главные черты военно-народного управления: 1) Единоначалие; 2) Возможность быстрого перемещения и призыва войск; 3) Народный суд[453].

Как правило, активное воплощение в управленческой практике на Северном Кавказе принципов «военно-народного» управления связывается с именами наместников Кавказа М.С. Воронцова (1844-1854) и А.И. Барятинского (1856-1862). Хотя, по мнению кавказского историка, начальника военно-исторического отдела штаба Кавказского военного округа С. Эсадзе, опиравшегося в своих исследованиях на богатый фактический архивный материал «..творца этой системы трудно определить, так как она создавалась во время военных действий и под влиянием военной обстановки»[454]. Действительно, идея создания системы «военно-народного» управления не возникла в одночасье в коридорах кавказских или центральных властей. Военно-народное управление создавалось под влиянием обстоятельств, не терпящих отлагательства, ещё в ходе многолетней Кавказской войны. Несомненно, элементы во-

енно-народного управления внедрялись с самого начала войны и постепенно укоренялись в виде распоряжений военных начальников, в руках которых сосредотачивалась обыкновенно и гражданская власть.

С завершением Кавказской войны назрела необходимость изменить структуру управления краем, которая до этого строилась не по принципу отдельных административных единиц, а подразделялась на территориальные районы военных действий отрядов Кавказской армии (Правое крыло, Левое крыло и т.д.). Возникла необходимость в создании самостоятельных административных единиц (область, наибство) военно-народного управления и центральных учреждений для руководства и регулирования управления подданными[455].

К концу XIX в. все области Российской империи подразделялись на входившие и не входившие в состав генерал – губернаторств. К первой группе относились Терская и Кубанская области. Области, не входившие в состав генерал – губернаторств (Уральская, Область Войска Донского), подчинялись непосредственно министрам. Для областей, входивших в состав Кавказского края, положительным моментом управления являлось совпадение административных границ края и специальных округов (почтового и финансового), что приводило систему, например, финансово – контрольную, в относительную упорядоченность, по сравнению с Сибирью или Степным генерал – губернаторством, где территория одной области могла входить в разные финансовые или горные округа.

Область, в государственном устройстве Российской империи, представляла собой самостоятельное административно – территориальное образование, формируемое в соответствии с региональной политикой государства и создаваемая на присоединенных или приграничных территориях с целью постепенной интеграции последних в общеимперскую систему государственного устройства и местного управления, с сохранением местных особенностей управленческо – регулятивного характера, отражающих специфику геополитического положения, этнического состава населения, а также традиции социального управления и нормативного регулирования общественных отношений[456].

В областном управлении необходимо обозначить одну из основных проблем исследования, которая заключается в отсутствии однообразия и сочетании военного и гражданского начал властвования. Особое значение для оформления милитаризированного характера областного управления имело присутствие регулярных и казачьих войск в преде-

лах административно – территориальных образований. На основании временных положений, местные органы управления совмещали в себе гражданские, военные и военно-административные функции. Итак, в целом, характеризуя местное управление, представляется обоснованным вывод о существовании и закреплении трех степеней в системе государственного регионального властвования: область, округ и город, в зависимости от объекта направленности, при этом, собственно уровней существования два: область и округ, т.к. городское управление еще не до конца оформилось[457].

В специальной исторической литературе вопрос о генезисе, становлении и развитии военно-народного управления остаётся малоизученным. Происхождение этой формы правления, вероятно, связано с воеводской системой, претерпевшей соответствующую трансформацию. Обращает на себя внимание тот факт, что она фиксируется, как правило, на окраинных территориях, присоединённых в результате военных действий. Система военно-народного управления присутствовала в Средней Азии и Казахстане. Несомненно, она имела здесь некоторую специфику. В отличие от Кавказа, где этот термин соотносился в основном с горскими народами, здесь он распространялся преимущественно на кочевое население. Однако сущность этого понятия определялась его ведущим смысловым компонентом, выражавшим объединение функций военной и гражданской власти. Кроме того, в нём отразилось и сохранение традиций местных «народных органов». Под «народными органами» имелось в виду управление по старинным родоплеменным обычаям, базировавшимся на «народных» выборных началах, а также судопроизводство по написанным законам и шариатским нормам.

Рассматриваемая форма административного управления имела свои подвиды. Своеобразным вариантом являлась кантональная система в Башкирии, введённая в конце XVIII в. для перевода служилых башкир и мещеряков в военное сословие. Немалую роль в её зарождении сыграло стремление царских властей ослабить накал социального напряжения в Приуралье. Прежде всего, надо было сбить волну перманентных восстаний башкир, наивысшей точкой которых стало участие их в пугачёвском движении 1773-1775 гг. Согласно Указу от 10 апреля 1798 г. создаётся 11 башкирских и 6 мещерякских кантонов. Эта система, призванная также пополнить малочисленный состав оренбургских и уральских казаков, просуществовала до 1865 года[458].

Военно-комендантская система преимущественно служила формой административного устройства на переходном этапе от временного к стационарному управлению, и поэтому ей был присущ ряд существенных недостатков. Главным образом это выражалось в отсутствии твёрдо установленных правил судопроизводства, норм сбора налогов и контроля за деятельностью администрации. Применительно к Северному Кавказу XIX века военно-окружная система выступала как составная часть военно-народной формы правления[459].

Чеченское управление

В 1852 году, в качестве эксперимента в перешедшей к России части Чечни было создано самостоятельное военно-административное управление, получившее название Чеченского управления. Военно-народная система управления горцами, разработанная А.И. Барятинским, рассматривалась в Петербурге как «временная, краткосрочная мера». Российское правительство имело своё собственное видение вопроса о дальнейшем административном развитии чеченских обществ. Так, в 1852 году военный министр В.А. Долгоруков сообщал главнокомандующему на Кавказе М.С. Воронцову секретное указание Николая I « об окончательном устройстве покорных чеченцев». По мысли императора, наиболее целесообразной формой административного развития Чечни являлось слияние чеченцев с казачьим населением. Для достижения этой цели Николай I предлагал Воронцову «исподволь и постепенно вводить их в круг обязанностей казаков», привлекать к военным действиям «особыми командами при казачьих полках, соблюдать благоразумную осторожность и не оскорблять обычаев их». Николай I даже делал прогнозы возможного причисления аулов Малой Чечни к восьмой казачьей бригаде; что касается Большой Чечни, то её причисление « к бригадному округу», – считал он, – «укажет дальнейший ход дел». Примерно такой же императору виделась перспектива «обустройства» и других горских народов, живших по соседству с Кавказской линией[460]. В «Записке Главного штаба Кавказской армии о преобразовании приставских управлений на Кавказе», составленной в 1858 году, отмечалось, что 4-х летний опыт деятельности Чеченского управления «вполне оправдал цель своего учреждения»[461].

Чеченское управление состояло из начальника и народного суда, т.е. возрождённый прообраз традиционного « Мехк-кхел», ликвидированного во время имамата Шамиля. Начальником Чеченского управления был назначен полковник А.И. Барталомео. В его подчинении находились 2 офицера, помощник и несколько конвоев из милиции. При суде состояло 2 переводчика, главный кадий и 3 старейшины, знавшие правила адата. С учреждением военно-административного аппарата управления на основе «Прокламации Чеченскому народу», обнародованной за подписью главнокомандующего армией Барятинского, был составлен свод законов – «Правила для управления покорёнными чеченцами», которыми должны были руководствоваться власти. Свод был переведён на арабский язык[462].

1 апреля 1858 года было издано «Положение об управлении Кавказской Армией», которое предусматривало включение в состав Главного штаба особого отделения «по горским народам», не вошедшим в состав гражданского управления[463]. Это «Положение» явилось первым законодательным утверждением системы «военно-народного управления», фактически сложившейся по мере завоевания края[464]. Однако в нём не было ни общих, ни частных определений о порядке управления, кроме обозначения штатных должностей. Дальнейшее развитие военно-народного управления, с входящей в его состав судебной частью, последовало не в законодательном, а в инструкционном порядке, и притом с постепенным ограничением участия в нём народного элемента. Введённые князем Барятинским «военно-народные» управления носили преимущественно полицейский характер и могли служить только переходным этапом от военного положения к гражданской жизни. Сами чиновники в неформальной обстановке называли данное управление «военным»[465].

Формально управление Терской и Кубанской областями осуществлялось на основании общих губернских учреждений, но с многочисленными изъятиями и прибавлениями, которые обусловили его полувоенный характер и неограниченную власть начальников области, округа и даже участка над подчинённым горским населением. «Сущность системы военно-народного управления, говорил сенатор Н.М. Рейнке, – состояла в том, что в покорённых землях управление вверялось военачальникам, с привлечением к участию, как в низшей администрации, так и в суде, местного, отчасти выборного элемента»[466]. Порядок административной регламентации, как более гибкий,

представлялся более целесообразным. Местному населению не дано было право самоуправления[467].

В 1860 году «Кавказская линия», потерявшая своё значение как «пограничной кордонной черты», была упразднена[468]. 24 мая 1860 года генерал-фельдмаршал Барятинский издал Приказ о создании при Главном штабе Кавказской Армии «Канцелярии по управлению кавказскими горцами». В 1865 году оно было переименовано в «Кавказское горское управление», а в 1880 году в «Кавказское военно-народное управление»[469]. В 1883 году «Кавказское военно-народное управление» упразднили, а состоявшие в его ведении областные управления были подчинены непосредственно Главноначальствующему гражданской частью на Кавказе. Начальнику Терской области присвоили права Военного губернатора и учредили при нём военную канцелярию[470].

15 марта 1873 года был утвержден герб Терской области: «В черном щите, серебряная волнообразная перевязь вправо. Императорский штандарт на золотом древке. Щит увенчан древней Царской Короной и окружен золотыми дубовыми листьями, соединенными Александровской лентой». Серебряная перевязь символизирует Терек, который долгое время был русской границей на Северном Кавказе. Теперь оба его берега были объединены Императорским штандартом, и Терек стал полностью российским – таков основной смысл этого герба. Проект герба города Грозного был выполнен Б.В. Кене. Он изобразил на лазоревом щите – серебряную гору, сопровождаемую по бокам двумя золотыми морскими лилиями. В правой вольной части – герб Терской области. Гербам присуща такая особенность, как помещение областного герба в их вольной части. Этот прием не противоречит правилам геральдики. Размещение областного герба в вольной части показывает не соподчиненность, а территориальную принадлежность города или области[471].

Уже в первые годы своего существования местные административные органы управления стали пропитываться духом канцелярщины и бюрократизма. Инертность местных органов военно-народного управления и стремление только отписаться от запросов начальства проникло во все дела, которые поэтому и не разрешались не только годами, но даже десятилетиями, как, например, важнейшие земельные дела в Терской области[472]. Русская власть старалась соприкасаться с горцами только тогда, когда с населения нужно было взыскать налог или штраф, посадить в тюрьму или выслать из области. Ограничения в деятельности, невозможность гласного обсуждения своих дел и вынужденные

негласные обращения к власти неминуемо вызывали у населения раздражение. Гласная совместная работа русских и горцев в земствах и административных органах могла бы до известной степени устранить это нежелательное явление[473]. Один из современников той эпохи констатировал : « ..Испытанная долгими годами система административной опеки, кроме горького разочарования, иных результатов не принесла.… Уже и наместник, и передовая часть населения поняли, что если ввести в области земское самоуправление, сами туземцы, сделавшись хозяевами своей судьбы, не замедлят проявить всю свою богатую энергию в области материальной и духовной на пользу не только себе и окружающим, но и общему нашему отечеству – Великой России»[474].

Характеристика администрации «военного типа»

Администрация военного типа, с военными правителями во главе, поддерживаемая силами армии и Терского казачьего войска, не собиралась расширять демократические порядки в регионе, который считала чрезмерно «взрывоопасным»[475]. О том, чтобы администраторы изучали язык коренных жителей Кавказа, их обычаи и понятия не было и речи. Горцам не разрешалось вмешиваться в административные и хозяйственные дела, от которых зачастую зависело не только их благосостояние, но и жизнь[476]. Даже небольшой демократический элемент в военно-народной системе управления резко ограничивался разными условиями, например, выборные представители суда должны были находиться под ведением назначаемого от правительства лица, которое должно было наблюдать за применением адата [477]. Анализ всей имеющейся весьма обширной базы данных показывает, что в основе имперского подхода к осмыслению состояния «чеченского вопроса» и происходивших на Северном Кавказе событий лежали, как архаично – традиционные стереотипы («дикари», «фанатики»), так и новые «фантомы» – страхи перед угрозами крупных восстаний и отделения обширных кавказских территорий от Российской империи[478].

Начальник Военно-исторического отдела Штаба Кавказского военного округа генерал-лейтенант Чернявский, объясняя, почему после покорения Восточного Кавказа здесь пришлось вводить «военно-народное управление», ссылался на то, что «…прошлая история горских племён и неумение оценить милости Царя, предоставившего многим из них собс-

твенных правителей и допустившего у них собственное самоуправление в широком смысле, доказали, что для этих диких народов подобные льготы ещё рановременны. Одного внешнего надзора за горцами недостаточно, так как в этом случае угроза новых возмущений с их стороны остаётся. Здесь нужна сила повелевающая, обуздывающая и управляющая. Военно-народная система, при которой каждый административный начальник являлся в то же время военачальником, имевшим право высылать вредных жителей в административном порядке, а, в случае необходимости, для прекращения беспорядков, употреблять силу оружия, вполне соответствовала данному требованию»[479].

С. Эсадзе указывает на то, что политические и экономические условия, в которых оказался Кавказский край при длительном противостоянии горцев и русских, фактически делали неизбежным формирование особых принципов управления в данном регионе. Военный характер управления покорёнными горцами Эсадзе объясняет достаточно просто. В период ожесточённого противоборства вопросы экономического и гражданского устройства края отодвигались на «задний план», а вопросы безопасности главенствовали во всём[480].

Кавказская война была страшной трагедией для всех вовлеченных в нее сторон – и для горцев, и для русских, в которой зачастую гибли и страдали именно безвинные люди. Массовое уничтожение царскими войсками горских селений привело к ожесточению горцев и психологическому неприятию установившейся власти[481]. В правительстве отдавали себе отчет в том, что без замирения с горским населением Северного Кавказа, без обращения бывших врагов в верноподданных царя и без подчинения их условиям гражданского быта российской государственности, нельзя ни наладить ход мирной жизни в кавказском регионе, ни решить всех иных первостепенных задач по водворению края в состав империи. Правительство отдавало себе отчет и в том, что данная задача потребует много времени, постоянных усилий, поиска способов и особых приемов налаживания мирной жизни и большой осторожности в обращении с местным населением. В зависимости от обстоятельств и реакции различных горских обществ на приход России на Кавказ использовались разнообразные меры[482].

Царские власти включали представителей чеченского этноса в различные имеющиеся в монархии сословия и сословные группы (дворянство, казачество, купечество и т.д.) с распространением на них соответствующих прав и обязанностей. Признавая ислам, как законно

существующую в стране религию, царские администраторы учитывали особенности ислама и мусульманских традиций. Это побуждало власть организовывать особый, с использованием Корана порядок принесения мусульманской воинской и судебной присяги, предоставлять время и место для ежедневной пятикратной молитвы, обеспечивать возможность паломничества желающих верующих по Святым местам. Решая все подобные вопросы в рамках реализации задачи – «минимум», политики империи никогда не забывали о необходимости постараться достичь и другой задачи – «максимум» – оптимально удобно и выгодно для государства интегрировать чеченцев и другие мусульманские народы в состав Российской империи[483].

В ходе проведения многих административных реформ российские чиновники приходили к выводу, что для установления прочной российской власти в Чечне, реального присоединения края к России необходимо более активное использование экономических средств, распространение среди горцев просвещения, установление контактов с умеренной частью духовенства и т.д.[484]. Наиболее непримиримым к России горцам, была предоставлена возможность выселиться в единоверную Османскую империю, с которой у них сложились давние связи во многих сферах жизни, если они не желали принимать условий от «неверных», особенно это было характерно для Западного Кавказа. Кроме того, следует отметить и то обстоятельство, что переселение горцев стало следствием не только прихода России на Кавказ, но также и результатом политики Османской империи и ряда европейских стран в этом стратегически важном регионе[485].

Известный публицист, разрабатывавший теорию колониального господства России в Азии, бывший адъютант наместника Барятинского Р.А. Фадеев, чрезвычайно высоко оценивая преимущества выработанных при фельдмаршале А.И. Барятинском форм «военно-народного» управления горцами, считал, что данное управление является, хотя и в первоначальном виде, образцом управления для новых потенциальных азиатских владений России. Эта, по его мнению, именно та форма правления, которая не отталкивает от себя население и не обращает новые приобретения в бремя для государства[486]. В некотором смысле он был прав, имея в виду, что уже с 60-х годов XIX века весь административный аппарат в Чечне и Ингушетии содержался в основном на средства, собираемые с народа[487]. Административное устройство региона было подчинено интересам фискальной политики царизма[488].

Неудавшаяся попытка реформирования системы военно-народного управления

Военно-народная система представляла большие возможности для злоупотребления чиновников, за что её постоянно критикуют современные учёные-кавказоведы, однако она же обладала рядом важных преимуществ. Военные начальники не были втянуты во внутреннюю борьбу в горских обществах, большие полномочия позволяли им оперативно реагировать на любые чрезвычайные ситуации, – быстро пресекать междоусобицы и мятежи. Участие в управлении представителей населения, использование в судопроизводстве адата и частично шариата позволяло приспосабливать российское управление к обычаям горцев, их складу ума и поведения [489].

Последнее десятилетие имперского управления на Северном Кавказе показало, что военно-народная система управления, созданная для обеспечения покорности горцев и укрепления позиций российских властей в регионе после завершения Кавказской войны, исчерпала свой прежний стабилизирующий потенциал. В новых социально-политических и экономических условиях стало очевидным, что эта система уже не только не способна гарантировать поддержание политической стабильности в крае, но и сама в определенной мере становится причиной данной нестабильности, препятствуя созданию условий для удовлетворения растущих потребностей населения, консервируя устаревшие принципы управления горцами. Среди российских чиновников постепенно крепло мнение о возможности отказа от прежней системы управления горцами, но при этом по-прежнему не предполагалось в полной мере распространять на регион общеимперскую систему управления, предлагались лишь различные компромиссные варианты административно-судебного устройства для горцев[490].

С упразднением наместничества была намечена и ликвидация военно-народного управления путём передачи всех местностей, находящихся в ведении Военного министерства, общей гражданской администрации по линии Министерства внутренних дел. Инициатором здесь выступило как раз Военное министерство, желавшее переложить в принципе не свойственные ему функции по ведению всех административных дел военно-народного управления на других. Разработанный в Петербурге в конце 1881 г. проект реформы административной системы Кавказа характеризовался стремлением приблизить эту систему к общероссий-

ским стандартам и максимально сократить автономию региональной администрации. На замечания Михаила Николаевича относительно необходимости сохранения военно-народного управления Александр III представил следующую резолюцию: «Это всё, конечно, князь Дондуков выяснит на месте. Моё убеждение, что многое можно сократить и упростить». Были отвергнуты доводы наместника о сложности выполнения задачи разоружения кавказских горцев (с резолюцией «По – моему, это только отговорки») и важности поддержания на Кавказе крупного военного контингента. Однако руководство Министерства внутренних дел признало свою неготовность к поддержанию безопасности в занятых коренным населением районах Кавказа [491].

Пока проект рассматривался в петербургских коридорах власти, в 1887 году возник вопрос о необходимости поднятия угасающего на Кавказе духа казачества как оплота империи на южных рубежах. В правительственных кругах пришли к заключению, что Кубанское и Терское казачьи войска потеряли присущие им воинские доблести. Объяснение этому явлению находили в том, что в администрации данных областей преобладает режим гражданский, а не военный. Поэтому было разработано и высочайше утверждено в марте месяце 1888 года новое «Учреждение управления Кубанской и Терской областями и Черноморским округом», по которому управление этими местностями возлагалось на Военное министерство[492]. 16 апреля 1888 года последовал приказ по Военному ведомству, который, не меняя в целом системы управления Терской областью, всё административное и полицейское управление области, за исключением Отдельного корпуса жандармов, в полном объёме, передавал из Министерства внутренних дел в ведение Военного министерства. С этого времени в Терской области был узаконен военно-полицейский режим[493]. Отныне военная и гражданская власть на местах сосредотачивалась в руках казачьей администрации. Военно-казачьей администрации в лице начальника области и атаманов отделов подчинялось не только войсковое, но и иногороднее и горское население. Как первые, так и вторые не были представлены в органах управления на уровне области и отделов[494].

После 1888 г. реформа военно-народной системы была практически похоронена. Передача управления Терской и Кубанской областей под контроль военного ведомства во многом сняла данную задачу с повестки дня. Кроме того, отношение в верхах к этой системе со временем изменилось. В 1895 году Николай II при чтении всеподданнейшей за-

писки преемника Дондукова – Корсакова на должности Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе С.А. Шереметева подчеркнул встретившееся в тексте выражение «военно-народная система» и поставил против них резолюцию «Самая лучшая на Кавказе». Министерство внутренних дел, разумеется, было не в состоянии самостоятельно, без участия представителей кавказской администрации, подготовить новый проект реформы. Дондуков – Корсаков, которого вполне устраивала действовавшая система военно-народного управления, не торопился представлять новый проект реформы, тем более что с формальной точки зрения задачу, поставленную перед ним правительством (подготовка административной реформы на Кавказе) он выполнил. К тому же вскоре представился законный повод к тому, чтобы отозвать подготовленный им проект из Петербурга: преобразование системы управления Терской и Кубанской областей. Главноначальствующий, сославшись на необходимость согласовать свой проект с изданным в 1888 году «Учреждением управления...» этих областей, потребовал от Министерства внутренних дел вернуть ему подготовленные в 1885 году документы. Это требование было выполнено. Неудивительно, что кавказская администрация на запросы министерств о судьбе проекта реформ могла отговориться занятостью.

Устойчивость кавказской «обособленности» на протяжении всей второй половины XIX века, как представляется, обуславливалась далеко не только личными качествами представителей региональной администрации, но и искусством бюрократической интриги администрации, заинтересованной в защите своих интересов на Кавказе. Иначе сложно объяснить, к примеру, столь резкую перемену во взглядах А.А. Шепелева, который буквально за несколько месяцев до своего назначения на Кавказ, предлагал отменить военно-народную систему, а в Тифлисе, превратился в её убеждённого соперника[495].

Паспортная система служила для администрации Терской области излюбленным средством стеснения даже хорошо ей известных лиц[496]. Терские горцы, в случае появления своего за Кубанью или в других частях Российской империи без паспортов, считались бродягами и злоумышленниками и как таковые наказывались[497]. Сложившаяся к началу XX века система административного управления в Кубанской и Терской областях всё заметнее приходит в противоречие с укрепляющимися на Северном Кавказе капиталистическими отношениями. Наиболее уязвимой её частью являлось устранение не войскового населения от

реального участия в управлении[498]. В этих условиях особое значение приобретала гибкость и дальновидность власти, ее умение не столько приспосабливаться к существовавшим в стране этнотерриториальным условиям, сколько повлиять на этнические анклавы посредством опережающих шагов, которые смогли бы удержать в равновесии всю Российскую империю и не допустить ее распада[499].

Неразделённость функций управления отдельными отраслями народной жизни, нередко отсутствие специальных знаний у должностных лиц, невозможность, и иногда и нежелание охватить вниманием все стороны жизнедеятельности населения, наложенные на его инерцию и консерватизм, вызванные различными запретами, становились тормозом в хозяйственном, культурном развитии местностей военно-народного управления. Для улучшения ситуации требовалось внесение изменений в судебное устройство, особенно по части влияния административной власти на судебные решения, но при использовании достоинств народного суда с его представителями от населения и учётом местных обычаев. Ликвидация военно-народного управления должна была повлечь за собой реорганизацию судебной системы. Принципиальным было бы выведение суда из сферы влияния административной власти, а это связывалось с распространением на край Указа от 12 декабря 1904 года, обязывавшего строго соблюдать в судопроизводстве внутренних губерний России принципа разделения административной и судебной властей[500].

После восстановления наместничества генерал-адъютантом И.И. Воронцовым-Дашковым были подвергнуты критике недостатки военно-народного управления[501]. Наместник полагал неуместным до сих пор существовавшее полновластие военного ведомства в Кубанской и Терской областях, где численность гражданского населения даже превышала казачье население. «Военные губернаторы и окружные начальники с их помощниками, – считал наместник, – состоя на службе по военному ведомству, ныне уже являются представителями не армии, а чисто гражданского управления, и функции их не заключают в себе ничего военного, а представляются только объединёнными в руках этих должностных лиц функциями обычных губернских и уездных управлений»[502]. И.И. Воронцов – Дашков внёс предложение о применении к соответствующим местностям системы губернского управления, выработанной для внутренних районов России. А в основу плана реформирования сельского управления мыслилось положить земский принцип, начала действительного самоуправления.

Напомним, что согласно «Положению о губернских и уездных земских учреждениях»(1864), в национальных районах (Польша, Кавказ и др.) земства не вводились[503]. Вопреки распространённому взгляду о неподготовленности Кавказа для восприятия начал земского самоуправления, граф Воронцов – Дашков, наместник Кавказа твёрдо надеялся, что именно с помощью земских учреждений можно быстрее достигнуть умиротворения края. Но реализовать эти планы и предложения не удалось[504]. Введение земства в Терской области означало бы конец самоуправству чиновников. Общероссийское юридическое законодательство полноправно распространилось бы на данный регион. Однако местные бюрократы опасались потери своей абсолютной власти и докладывали в вышестоящие инстанции, что горцы ещё не готовы к принятию земской системы. Однако, по мнению Ю.П. Проценко, именно горцы, как ни какое другое население империи, было готово к самоуправлению. « В умении понимать свои потребности, – писал он, – в сознании необходимости соединять частные усилия на общие цели, например, в прокладке дорог, канав, никакой горец не уступит русскому мужику, в чём свидетельствуюсь своим 19-летним знакомством с кавказскими горцами»[505]. 14 января 1914 года 37 членами Государственной думы было внесено законодательное предложение «О введении земских учреждений в Терской области». По заявлениям депутатов «…Сама система управления горцами как бы нарочно создаёт и закрепляет атмосферу недоверия к власти»[506].

М.Т. Драгоманов, широко образованный человек, с 1876 года бывший политическим эмигрантом за границей, отмечал недостатки системы управления в Российской империи. «Когда мы задались мыслью, что вечно стоять с поднятой палкой неприятно и неудобно для нас, – писал он в своих “Политических сочинениях”, – когда сообразили, что полицейская диктатура есть явление исключительное, а не нормальное, надо было изыскать средства реорганизации страны…Новая система состояла бы в поднятии на окраинах коренных народностей, в уважении к каждой коренной народности в её пределах, в помощи массам каждой народности в экономическом и культурном отношении, – словом, в системе правления симпатий всех масс населения на окраинах мерами, ведущими к материальному и нравственному развитию их сообразно их нуждам и характеру. Так нет, система эта показалась что-то слишком уж необычной и новой»[507].

Противники отмены военно-народной системы на Кавказе, как и прежде, ссылались на то, что, несмотря на желательность данной

меры, ввиду «исключительных свойств населения», осуществлять ее опасно, так как это может вызвать восстание. Департамент полиции, не поддержавший в 1908 г. инициативу наместника, указывал на то, что предварительно необходимо поднять культурный уровень населения в местностях с военно-народным управлением. Таким образом, возникал парадокс: система военно-народного управления, по мнению одних царских чиновников, тормозила культурное развитие населения, ей подведомственного, но для того, чтобы ее упразднить, по мнению других, необходимо было дождаться, когда у этого же населения культурный уровень возрастет[508].

В последний раз перед мировой войной вопрос о военно-народном управлении на Кавказе затрагивался на заседании Государственной думы в августе 1913 года, где было принято решение рекомендовать наместнику разработать проект закона об упразднении «военно-народной системы» и замене её административным устройством на общих основаниях с остальными местностями края. После вступления России в мировую войну какие-либо изменения в системе управления стали возможны только в оборонительных и охранных целях. Таким образом, военно-народное управление просуществовало на Кавказе вплоть до революционных событий 1917 года[509].

ГЛАВА IV.
РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАВКАЗСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ К НАЧАЛУ XX ВЕКА

Кавказское чиновничество

Благонадёжная администрация – это та опора, с помощью которой должно было строиться здание российской административной системы, особенно в русле задач, стоявших перед правительством применительно к Кавказу и вообще к окраинам империи, а именно – приобщение их к общероссийской государственности и гражданственности. Улучшение контингента чиновников – величина константная во всём спектре деятельности Кавказской администрации[510]. Военно-административная власть ощущала недостаток в опытных и благонадёжных чиновниках, которые вполне осознали бы важность своего призвания. Кроме того, возрастала потребность в людях, владеющих местными языками и являющихся соединительным звеном между администрацией и населением. Важно было также создать надёжное чиновничество из высших слоёв коренных жителей.

Проблема коррумпированности властных структур на Кавказе

Русская администрация отличалась «широтой своего размаха». Беспорядок, вымогательство, расхищение казначейства стали почти обыденными явлениями. Злоупотребления властью, взяточничество, незаконное присвоение чужого имущества, вплоть до «грабежей на большой дороге» (этим занимался ещё при Ермолове чеченский пристав Чернов), – всё это было связано с действиями высшей администрации. И верхушка в этом отношении нисколько не уступала низам. Автор « Военных заметок о кавказских горцах», написанных около 1840 года; человек, которого никоим образом нельзя обвинить в сочувствии горцам, отметил хищническое «хозяйничанье» царских администраторов. «Кавказская служба, – писал он, – как дойная корова: кто пришёл, подоил и

ушёл, и клока сена ей не бросил и оттого бедная корова чахнет»[511]. Со временем контингент бюрократии не становился лучше, и главнокомандующий А.П. Ермолов забил тревогу, поставив перед правительством вопрос о составе кавказских чиновников, «…кои почти все без познаний, а многие даже оказались не только не способными к исправлению дел или к переписке набело бумаг, но ещё и с дурным и развратным поведением»[512]. Относительно лихоимства командовавшего Сунженской линией генерала Пулло мы знаем, что он перешёл в этом отношении все пределы возможного даже в условиях николаевской России, даже на окраине этой России. Французский консул в Тифлисе де Кастильон, прямо называет в качестве одного из поводов к Чеченскому восстанию 1840 г. вымогательство генерала Пулло; сбор трофеев, захваченных в экспедициях по Чечне. Но до весны 1840 г. он твёрдо держался на своём месте начальника левого фланга, и только события 1840 г. привели к удалению его с должности под благовидным предлогом.\

Большинство фактов обогащения высшей администрации на Кавказе во время войны, да и после её завершения остаются, разумеется, неизвестными. Но кое-что просочилось даже в историческую литературу. Дело майора Корганова немного приоткрыло завесу, под которой тщательно скрывали гомерические размеры наместнической наживы и её методы. И здесь весь обычный арсенал способов обогащения, пускаемый в ход администрацией, в соединении с расхищением родовых земель и обогащением чеченской администрации, привели в результате к широкому крестьянскому восстанию. Даже чеченцы-приставы нередко грабили вверенное им население с большим усердием, но грабёж этот был лишь небольшой долей того общего грабежа, который проводился царизмом в завоёванных областях. Те из влиятельных чеченских семей, которые сумели присоединиться к пиру завоевателей, получали лишь жалкие крохи с их стола. Ограбление новых подданных царизмом шло в это время колоссальными темпами. У новых граждан империи под предлогом взимания податей и штрафов отбиралось лучшее оружие и другие, совершенно безвредные, но ценные вещи повседневного обихода[513]. Б. Чичерин констатировал следующее: «Допустив беззаконие в свои учреждения, государство привыкло к нему. Чувство права, чувство законности, и без того не слишком сродные русскому человеку, стали совершенно ему чужды. О справедливости в общественных отношениях и установлениях нет и речи. Произвол никого не удивляет и считается, чуть ли не нормальным явлением в обществе. На самые безобразные

установления мы смотрим равнодушными взорами, и каждый хлопочет только о том, чтобы как-нибудь обойти тягостный для него закон»[514].

Качество управления и его эффективность фундаментальным образом зависят не столько от институциональных особенностей политического устройства, сколько от «философии государственности» в данном обществе, от его идеологии развития. Под этой идеологией следует понимать определенное системное видение политической и управленческой элитой перспектив и целей развития страны, а также провозглашение и обоснование этих целей и способов их достижения на уровне официального политического дискурса. Инерция привычек и традиционного сознания снова и снова воспроизводит на новых ветках истории сходные модели управления, одинаковый тип государственных служащих, привычки и психологию государственной бюрократии[515].

Важнейшей характеристикой новой власти после завершения Кавказской войны являлась неуклонная бюрократизация. Поскольку военно – народная система охватывала практически все стороны жизни общества, только разрастание этой военно – бюрократической системы давало возможность контролировать экономику, политику, идеологию, силовые функции и т.д. Комбинация худших качеств бюрократии: ее паразитический характер, практическая бесполезность и пренебрежение не только законностью, но и мнением людей, – рождали глухое недовольство и озлобление в народной среде, подрывали доверие к политике властей.

Чрезвычайно высокая коррумпированность власти, из которой в основном и проистекало стремление бюрократии исключить себя из тесных рамок общегражданского правосудия – одна из характерных особенностей истории государственности в России. Отсутствие механизмов политической демократии неизбежно компенсировалось всевластием чиновничества. Всевластие бюрократии порождало коррупцию, неэффективность управления и т.д. Под самое понятие бюрократии мы подводим различные понятия. Для одних бюрократизм сводится только к канцелярщине, переписке, бумажной волоките. Но это лишь одна сторона бюрократизма, которую можно победить путем внутренней организации работы аппарата. Самая опасная сторона бюрократизма заключается в стремлении чиновников рассматривать себя в качестве главного объекта, вокруг которого и благодаря которому происходят исторические процессы. Отсюда вытекает и формальное отношение к делу, бездумность, ограниченность и т.д. Таким образом, в структуре

взаимоотношений власть – народ ведущее место занимали сложные, неоднозначные отношения жителей с местной властью, с которой люди находились в постоянном контакте и взаимодействии. В недовольстве населения действиями администрации заключалась большая потенциальная опасность для установившегося режима, который был заинтересован в том, чтобы градус негативных и протестных настроений в отношении местной бюрократии не переходил за критические отметки[516].

М.Ю. Лермонтов делил русских на Кавказе на настоящих (офицеры) и не настоящих (гражданские чины). Лермонтов был строгим, взыскательным человеком, а потому его интересовали мотивы, приводящие человека на Кавказ. Чин – вот что привлекало русского статского на окраину империи. Чтобы получить чин VIII класса коллежского асессора, дававшего право на потомственное дворянство, необходимо было иметь университетское образование или специально сдать экзамены за университетский курс. Заветный чин, минуя образовательный ценз, можно было получить лишь в отдаленных краях: на Кавказе, в Сибири.… Этих чиновников так потом и называли: «кавказский асессор», или «сибирский асессор». После получения чина карьеристы старались вернуться в Центральную Россию[517]. Начальник Терской области, князь Д.И. Святополк – Мирский докладывал руководству, что он сталкивается с серьёзными затруднениями при выборе начальствующих лиц. Но правительство так и не сумело выработать каких-либо иных механизмов для привлечения к службе в гражданских ведомствах на окраинах, кроме как предоставления льгот. Произвол, незнание законов и особенностей, вверенных в управление областей, взяточничество были особенно характерными для администрации отдалённых окраин[518].

Материальное положение офицеров и гражданских чиновников, служивших на Кавказе, было выше, чем в Туркестанском округе. На Северном Кавказе, в силу региональной специфики, именно служба, особенно военная в рассматриваемый период открывала дорогу к дворянству. Состав высшего сословия Северного Кавказа отличался от других губерний тем, что значительная его часть (57,7%) была записана во вторую часть дворянской родословной книги, куда относилось дворянство военное. Лучшие земли были дарованы представителям аристократии, крупным российским чиновникам, местной знати. Так, только за 1867-1870 гг. земли получило более чем 200-ти представителей российской администрации. В их числе Н.И. Евдокимов (10 666 дес.), А.П. Карцов (7 637 дес.), М.Т. Лорис – Меликов (2 700 дес.) и др. Земельная собствен-

ность генералов и офицеров автоматически превращалась в помещичье владение. Офицеры и генералы также сохраняли право и на пользование общинными владениями. Однако следует признать, что родовитые дворяне не оставались жить на Северном Кавказе и очень редко посещали свои имения[519].

Образовательный уровень офицерства в основном соответствовал тому, который был характерен для высшего сословия российского общества того времени. Специальное военное образование приобреталось большинством офицеров непосредственно на службе. Элитарное военное образование высшего уровня получали только дворяне. Согласно результатам переписи, на Северном Кавказе было всего 26 человек, которые окончили высшие военные учебные заведения. Больше всего дворян, имевших высшее военное образование, проживало в Терской области (15 человек). Как свидетельствует перепись, в Терской области числилось 703 человека, окончивших средние военные учебные заведения, из них 632 дворянина (90%), что составляло 5,6% от всей численности этой категории военных[520].

Из дневника Н.Н. Муравьёва – Карского мы почерпнули информацию о чиновничьем произволе, царившем на занятых территориях. «Дух и направления, водворившиеся во всех частях управления на Кавказе, – описывал он, – всё для вида, ни в чём прочности и основания. Везде первенствовали личные виды, хождение к начальству и совершенное пренебрежение их к обязанностям и труду, от которого совсем отвыкли, о котором думать перестали и за который никто не помышлял приниматься»[521]. Служба на Кавказе являлась неприятным искусом, скучным прогоном на пути бюрократической карьеры. «Чем короче перегон, тем лучше. Останавливаться на интересах Кавказа нет ни времени, ни охоты» – рассуждали некоторые царские чиновники[522].

За десятилетнее управление Кавказом, при беспрерывных военных действиях с горцами, сопряженных с неимоверными трудностями, Алексею Петровичу Ермолову приходилось постоянно бороться с различными злоупотреблениями, оплошностями и нерадивостью, как военного, так и гражданского ведомства. В таких случаях главнокомандующий не церемонился с подчиненными. С нерадивыми он расправлялся «совсем уж по патриархальному». А.П. Ермолов приглашал провинившихся в кабинет, где «беседовал» с ним с «глазу на глаз». На манер петровской дубинки он пускал в ход нагайку, которая гуляла по спине и плечам приглашенного. Когда же генерал находил достаточ-

ным внушение, то, отпуская своего гостя, при раскрытой двери кабинета завершал беседу самыми ласковыми словами, так что все видели, как дружески расстался главнокомандующий с выходящим от него. Того, кто изведал ермоловскую нагайку, Алексей Петрович называл своим крестником, и эта кличка оставалась за ним навсегда. Некоторые из них впоследствии дослужились до генеральских чинов и, когда они приезжали к Ермолову в Москву, тот неизменно встречал их словами: «А, мой крестник пожаловал!»[523].

Некоторые кавказские чины испытывали психологический дискомфорт. Так, например, князь П.Д. Цицианов пытался выйти из заколдованного круга желания стать «нравственным учителем азиатов» (осуждая свойства их натуры, принципы политики) и …необходимости имитирования «позорных обычаев» («сознавая неизбежность на Востоке азиатских методов борьбы»). Общее представление русского человека, воспитанного в традициях западно – европейской культуры о Кавказе, его отношение к данным землям как к полю для собственной деятельности; наконец, рассуждения о необходимости их для России – составные части огромной важности темы: антитезы и линии взаимодействия Запада и Востока[524].

Бюрократизация региона

Самодовлеющее положение российского чиновничества, система чинопроизводства усиливали влияние бюрократии. Многочисленные служебные ранги и огромное число награждений (орденов), сопровождавших всякое повышение в чине, превращали службу в погоню за чинами, повышениями, наградами, прибавками к содержанию. Как писалось в одном из документов: «Чиномания и крестомания составляют общую хроническую болезнь всех служащих». Кавказ был той окраиной Российской империи, где служба оговаривалась специальными льготами. За приезд сюда давался чин коллежского асессора, равный майору по табелю о рангах. Прослужившему 5 лет в военно-народном управлении прибавлялась четверть оклада, за 10 лет – половина, 15 лет – 3/4 оклада. Если чиновник прослужил 20 лет – его оклад удваивался. При расчёте пенсий служивших в условиях военно-народного управления, 5 лет шли за 7 [525]. 22 июня 1870 года Александр II предоставил наместнику на Кавказе право ежегодно ходатайствовать о денежных наградах чинам Главного

управления наместника и административных учреждений Кавказского и Закавказского края, а также чинам канцелярии судебных учреждений – всего на сумму 14 тыс. рублей[526]. Подчиняясь только царю, наместник мог, пользуясь собственным влиянием, обеспечить карьеру и верность любого офицера армии; в то же время он был в состоянии добиться того, чтобы мнения его советников на местах перевесили мнение столичных властей. Результатом этого стал тот факт, что все чины, служившие на Кавказе, делали карьеру целиком в пределах этого региона и составляли нечто вроде корпорации со своими собственными интересами и традициями, совершенно отличную от прочей Российской армии[527].

С назначением на должность гражданской службы канцелярский служитель или чиновник получал содержание (зарплату), которое состояло из жалованья, столовых денег, квартирных денег или казённой квартиры. Через государственную службу чиновник мог получить потомственное дворянство[528]. В 90-х годах XIX века начальник Терской области получал 7000 рублей в год; начальник округа 2000 рублей; аульный старшина от 120 до 240 рублей[529]. В трёх горских словесных судах: Грозненском, Веденском и Шатоевском работали по 1 кадию, каждый из которых в год получал по 200 рублей жалованья[530].

В рядах кавказского чиновничества первых призывов, по воспоминаниям современников, находились главным образом неудачники и мелкие карьеристы, соблазнившиеся преимуществами службы в крае. «Людьми зелёного цвета» назовёт чиновников В.А. Соллогуб. «Есть на свете особый класс людей, – пишет Саллогуб, – маленькие, пронырливые; они служили когда-то в отдалённых губерниях. Как они служили, и что они делали в отдалённых губерниях, – неизвестно; известно только, что они начали службу с десятью рублями и кончили с полумиллионом»[531]. Н. Семёнов, долго живший среди чеченцев, делится с читателями своими размышлениями на данную тему. «Интересно, – пишет он, – что русских они ещё делят на настоящих и не настоящих. Настоящий русский, – в этом чеченцы сильно убеждены – человек в высшей степени добрый, снисходительный, прямодушный и справедливый; настоящий русский никогда не обижает, а напротив, всем покровительствует. Он всегда богат и живёт роскошно, не жалеет копейки; за заслуги платит щедро и зла никогда не помнит. Но царь ими дорожит и не отпускает их от себя». Н.Семёнов замечает, что чеченцы очень часто обсуждали предполагаемые реформы, различные общественные вопросы, начальство и вообще очень живо интересовались политикой[532].

В первое время после покорения Кавказа русская администрация для проведения тех или других реформ прибегала к содействию самих горцев, собирая представителей кавказских народов на большие народные собрания. Затем в основу управления был положен бюрократический централизм, со своим неизменным спутником – бюрократическим произволом[533]. Горцы, видя возле себя русское население, пользующееся большей самостоятельностью в своих внутренних делах, невольно начинали чувствовать себя в бесправном положении. Вместе с тем и русское население начинало свысока относиться к горцам, как к людям, которым не доверяют власти[534].

Союз царских властей с бывшими противниками из имамата Шамиля

В первые годы после завершения Кавказской войны власть в некоторых районах была предоставлена бывшим шамилёвским наибам и кадиям, которые, перейдя из наибов в поручики и майоры, со службы имаму на службу царю в рамках военно-народного управления, сохранили свои прежние, властные полномочия. Последствием такой политики, кроме чисто военных целей – приобретение союзников в лице бывшей шамилёвской знати для борьбы с имамом; стало относительно беспрепятственное утверждение российской администрации в Чечне и Дагестане, в условиях роста терпимости к русским властям[535]. В 1860 году Глиноецкий, путешествовавший по Дагестану, отметил следующую стадию этой политики : «..почти все лучшие шамилёвские мюриды находятся в настоящее время в милиции, окружающей генерал-майора Лазарева». С первого же момента вступления своего в горную Чечню царизм почувствовал возможность использования руководства имамата в будущем и позаботился о его спасении. Царизм уничтожал власть имама, но он не желал действительного истребления горской верхушки, великолепно сознавая, что с ней сговориться можно и что её необходимо будет ещё использовать для утверждения своего владычества в горах. Вот почему русское командование вдруг стало проявлять исключительную любовь к своим врагам, немедленно начав поиски полезных компромиссов, предоставляя защиту недавним неприятелям[536]. Многие наибы Шамиля, управлявшие в Чечне, запятнали свою репутацию в глазах народа, казня по приказу имама людей. Родствен-

ники убитых обязаны были отомстить им за содеянное. Они начинали преследовать кровников, которые искали убежище у русской власти. В годы правления Шамиля имам привлек на службу в Чечню много выходцев из Дагестана, которые также успели вызвать недовольство местных жителей. В 1858 году Н.И. Евдокимов в одном из своих рапортов сообщал руководству: «Начавшееся в Шатое восстание быстро разлилось до приделов Грузии. Жители устремились с ожесточением на всех и на всё, что олицетворяло в их глазах мюридизм. Во всех обществах, которые могли рассчитывать на поддержку с нашей стороны, народ стал резать без разбора начальников, поставленных от Шамиля, кадиев и мулл, присланных из Тавлии (Дагестан), составляющих большинство мусульманской иерархии у горных чеченцев, и вообще людей тавлинского происхождения, находящихся в их стране»[537].

Царизм закрепил свой союз с верхушкой имамата, официально признав в одном весьма любопытном приказе необходимость её использования: «…Мстить наибам и мазунам за какое-нибудь смертоубийство, совершённое ими по приказанию Шамиля, есть большое преступление перед русским правительством. Поэтому строго воспрещается всему покорившемуся горскому народу, члены которого пострадали через наибов и мазунов от жестокости Шамиля, посягать на жизнь наибов и мазунов или делать им какой-либо вред, и кто поступит против этого, тот, как важный преступник, со всем его семейством будет наказан ссылкой в Сибирь навсегда». Этот приказ, опубликованный 15 мая 1859 года, как нельзя лучше показывает направление политики царизма. И если правительство, которое перед этим почти два десятка лет «кричало» о притеснении наибов, взяло этих же самых наибов под своё покровительство, то это доказывает лишь существование его союза с верхушкой имамата. Из двух слоёв, составлявших население имамата, – аульской верхушки и аульской крестьянской массы – царизм наиболее опасным врагом считал не первую, а вторую и, разумеется, имел для этого вполне достаточные основания[538].

Практика привлечения отошедших от Шамиля видных деятелей мюридизма активно проводилась наместником Барятинским на последнем этапе военного противостояния с горцами. Однако этот военачальник не считал возможным принимать на службу в военно-административный аппарат значительное количество горцев. В одном из своих писем князь А.И. Барятинский писал: «Передать ли управление совершенно в руки туземцев – вопрос: ибо этим мы можем удалиться

от введения в будущем русских порядков, долженствующих служить к слиянию этого народа с Россией»[539]. В 1862 году князь Барятинский докладывал императору: «В Чечне господствует безопасность, и абреки преследуются жителями, и они быстро восстанавливают своё благосостояние»[540].

Общей системой управления Кавказом князя Воронцова было проводить во все управления, по возможности, местных уроженцев. А.П. Карцов, занимавший на Кавказе высокие посты, даже в середине 90-х годов XIX века констатировал, что «..среди горцев мы всё ещё стоим военным лагерем». Тем не менее, он не считал возможным широкое привлечение горцев в административные органы из-за того, что «вышло бы нечто вроде автономии, а русская власть была бы в стороне»[541]. Не смотря на это, А.П. Карцов очень высоко отзывался о чеченцах. «Нельзя не сказать, – писал он, – и о крупных их достоинствах, которые не мешало бы позаимствовать нашей славянской распущенности. Обоюдная помощь и единение – необыкновенные. Трезвость повсеместная, высокая нравственность и бережливость»[542].

Руководство Терской областью осуществляли разные чиновники, зачастую с диаметрально противоположными взглядами на проводимую в крае политику. В связи с этим и той практически неограниченной властью начальника области над горцами, роль личности в истории безусловно была велика, в связи с чем возникает потребность более пристального изучения руководящего состава кавказского региона. 17 октября 1860 года было Высочайше утверждено временное соединение Кубанской и Терской областей под управлением графа Н.И. Евдокимова[543]. Во время Кавказской войны, в 1831 году, он был тяжело ранен – пуля попала под правый глаз и рана не заживала, за что горцы прозвали его «трёхглазым»[544]. Генерал-адъютант Евдокимов, предпочитавший в отношении горцев жёсткие, силовые меры воздействия, в вопросе о возможности привлечения горцев на административную службу проявлял гибкость и прагматизм. Он утверждал: «Мне нужно только убедиться, что у черкеса хорошая голова на плечах, и тогда в управлении над туземцами я дам всегда ему предпочтение перед русскими – это потому, что в жизни туземцев есть неуловимые оттенки в их обычаях для русского ума… Русскому чиновнику, хотя и умному, нужно много прожить между туземцами, чтобы изучить все точности народных обычаев, а до того он сделает много ошибок, чего избегнет умный черкес»[545].

Чеченцы на административных должностях в Терской области: возможности и реальность

В первые годы существования Терской области русские офицеры на должности начальников участков назначались в те округа, где население уже привыкло к русской власти и многие знали русский язык. Там же, где население ещё не было «подготовлено», власти считали более полезным на должности начальников участков привлекать горцев. Подобная мера предусматривалась «Положением об управлении Терской областью» 1862 г., в первую очередь для Чеченского, Аргунского, Ичкеринского и Нагорного округов и рассматривалась как уступка правительства населению, незадолго перед этим признавшего его власть[546]. По свидетельствам управленцев среднего звена, работа горской администрации признавалась удовлетворительной. Если и бывали злоупотребления, то они не вызывали жалоб и не касались правительственной власти.

Одним из главных достоинств «туземной администрации» считалась дешевизна её содержания для государственной казны[547]. Горцы – чиновники, по мнению Ф. Гершельмана, были не только полезны, но, безусловно, необходимы: знание условий края, бытовой стороны и местного языка делали их назначение неизбежным. Однако тут же он оговаривался, что не стоит назначать их на административные должности в их родные районы « из-за их обязательных отношений с родственниками и родовой мести»[548]. В Терской области на многие военно-административные должности стали назначать уроженцев Кавказа, не являвшихся коренными жителями Северо-Кавказского региона[549]. Например, в 1863 году начальником Терской области был назначен М.Т. Лорис – Меликов, тифлисский армянин. Представители властных структур часто любили подчеркивать, что, например, «Лорис-Меликов не армянский генерал, а русский генерал из армян»[550]. Михаил-Тариелович сумел подняться до самого «купола» политической власти в России. Его называли «вице-императором» Российской империи[551]. В 1862 году А.А. Нурид, уроженец Дагестана, стал начальником Ингушевского, а в 1865 году – начальником Кабардинского округа. Ненависть к завоевателям населявшие Кавказ народы перенесли на генералов из местной аристократии, таким образом, смягчался национальный вопрос, устранялось противостояние русский – кавказец, а это как раз то, что так необходимо было царской власти[552].

М.Т. Лорис – Меликов свою работу в Терской области начал с замещения местных уроженцев на должностях наибов (начальников участ-

ков) строевыми офицерами. Окончательное вытеснение горского управления стало уже вопросом времени. Всё более проявлялся антинародный характер «военно-народной» системы. С сентября 1866 года наместнику дано было право на должности наибов, на которые по существовавшим штатам должны были назначаться офицеры из горцев, назначать офицеров регулярных и казачьих войск[553]. В Российской империи, согласно законодательству, запрещалось на гражданские должности, замещаемые по определению правительства, назначать военных. Однако, в виде исключения, военные чины допускались к работе на гражданских должностях в Кавказском крае и Финляндии[554].

С 1874 года условием поступления на государственную службу стало отбывание воинской повинности[555]. Чеченцы никогда не отбывали воинскую повинность и уже в силу этого, им был закрыт доступ к административным должностям. С 1887 года чеченцы, взамен обязательной воинской службы, были привлечены к платежу нового налога, размер его не превышал 22 копеек с «дыма»[556].

Местное начальство не считало возможным предоставить даже право выбора аульных старшин, так как «не находило достаточных ручательств, чтобы оно не повлекло за собой важных неудобств в деле управления горцами»[557]. Основу всей политики администрации в горских районах Северного Кавказа составляли формировавшиеся в течение многих десятилетий представления о неполноценности и наличии варварских наклонностей у горских народов, ставшие идеологической подоплёкой воинствующего национализма, оправданием крайнего произвола и жестоких мер против горских народов[558]. Начальник Терской области – генерал-лейтенант Михеев был не лучшего мнения о кавказских туземцах. Он говорил: «В Терской области, с её разноплемённым и склонным к преступности туземным населением, создаются такие условия, при которых усилия администрации направлены главным образом к беспрестанной борьбе с разбоями и грабежами»[559].

Администрация поощряла казаков на неограниченный произвол в отношении горцев. Более того, такое представление о горцах давало возможность прикрывать казакам и другим русским свои преступления, сваливая их на потенциальных разбойников и грабителей. Коста Хетагуров писал: «…В поголовном разорении сотен и тысяч ни в чём не повинных семейств из-за одного подозрения, что в их среде скрывается несколько негодяев, может истощиться не только туземное, но и истинно христианское терпение»[560]. Административная власть, снабжённая

правом утверждать судебные приговоры, не всегда могла точно и строго определить характер действий, признаваемых наказуемыми, вследствие невольно субъективного отношения к явлению, кажущемуся ей опасным или безопасным по административным соображениям. Граф Воронцов – Дашков считал, что «…среди местного населения найдётся вполне достаточно лиц, могущих с достоинством и на пользу правосудия отправлять обязанности присяжных заседателей по делам общеуголовного характера». Наместник осуждал приёмы русификирования края, практиковавшееся в течение 25 лет и принесшее, по его мнению, противоположные их цели результаты. Он предлагал предоставить региону право свободно развивать свою экономику и духовную сферу на началах самостоятельности, что в свою очередь, по его мнению, должно было привести к теснейшему слиянию Кавказа с центром Российской империи[561].

Организация сельского общественного управления на Кавказе, как она сложилась на практике, совершенно не соответствовала идее самоуправления. Образованное по образцу крестьянского управления во внутренней России, кавказское сельское управление совмещало в себе функции как волостного, так и сельского правления. Данные условия превратили старшин и писарей в начальников, бесконтрольных и независимых от сельских обществ. Таким образом, в сельском управлении беспрепятственно развивались беззакония, произвол, лихоимство, в ещё более широких размерах, чем в волостных управлениях Европейской России[562].

Сельское общество являлось самой низшей территориально-административной единицей в Терской области. Вся жизнь сельской общины регламентировалась «Положением об аульных общинах и горском населении Кубанской и Терской областей и их общественном управлении», согласно которому в 60-70-х годах XIX века была перестроена административно-судебная структура округа[563]. Общинное самоуправление состояло из сельского схода, сельского правления и сельского суда. Количество штатных должностей определялось сельским сходом. Старшины выбирались или назначались сверху. Обычно кандидаты в сельские старшины подбирались начальниками участков и утверждались начальником Терской области. Они допускались к исполнению обязанностей после принятия присяги в окружном управлении. В тексте присяги указывалось на беспрекословное исполнение старшинами всех поручений и требований администрации[564]. Старшине села присваивалось звание урядника, начальнику участка – звание штабс-капитана. Должность

начальника округа соответствовала званию полковника, а начальника области – воинскому чину генерал-лейтенанта[565]. Старшина села назначался на 3 года. Сельские суды оказались всецело в руках полиции при посредстве сельских властей, и перестали удовлетворять действительным потребностям населения[566]. Очень часто важные решения сельского схода по земельному вопросу царская администрация отменяла под предлогом того, что якобы земли, на которых живут горцы, не собственность даже общины, а казённые, переданные им во временное пользование, и подобные решения вправе принимать только царская администрация[567]. Сельские старшины существовали и в имамате Шамиля где они, как и при царской власти либо избирались, либо назначались в порядке очередности. О функциях этих старшин мы, по существу, уже ничего не знаем, кроме того, что на их обязанности лежало наблюдение за исправным отбыванием повинностей[568]. В первые послевоенные годы в помощь участковым начальникам и наибам назначались старшины и их помощники. Старшины обязаны были знать обо всех случившихся происшествиях и отвечать перед начальством за всё, о чём не донесли своевременно. В случаях требования наиба или другого руководства, они должны были явиться на службу вооружёнными. За выполнение этой службы старшины и их помощники, согласно особому расписанию, получали жалованье от 5 до 20 рублей в месяц[569]. Важным мероприятием на пути установления однотипных с Россией порядков было введение назначения старшин. С 1886 года сельские старшины стали преимущественно назначаться и сниматься областной администрацией[570]. Царское правительство поощряло наделение аульных старшин лучшими землями. В Чечне им выделялось по пять частей пашни – 30 десятин, аульные секретари получали до 75 десятин земли[571].

Национально-кадровый вопрос

Положением 1888 г. об управлении Терской и Кубанской областями устанавливалось узко-кастовое военно-казачье управление, без участия в нём не только представителей горских народов, но и не казачьего элемента. Этим положением горцы ставились вне действия общих законов. Даже сельское самоуправление было парализовано институтом назначаемых по усмотрению начальства старшин[572]. Недовольство аульных обществ своими старшинами было почти повсеместно[573]. Сельскими

старшинами руководили участковые начальники, которые в свою очередь подчинялись окружным начальникам. Начальник округа избирался командующим войсками Кавказского военного округа по представлению начальника области из лиц военных штаб-офицерских чинов[574].

Обычно начальник округа назначался в чине полковника или генерал-майора. Окружным (уездным) начальникам присваивались все права и обязанности, принадлежавшие уездным полицейским управлениям. Им подчинялись расположенные в их округах части милиции. На окружных начальников возлагались делопроизводство и счетоводство по земским повинностям[575]. Работу начальников округов часто критиковал с высокой трибуны депутат Гос. думы Н.С. Чхеидзе. «Вся власть в этих округах, – говорил он, – сосредоточена в руках отдельных офицеров, которые, может быть, с грехом пополам могут командовать ротой, но не управлять и не чинить правосудие. Эти люди каждого мужика, не успевшего при встрече с ними выпрямиться и крикнуть «здравие желаем» считают ярым сепаратистом»[576].

Николай Семенович Чхеидзе (псевдоним Карло), являлся депутатом 3-й и 4-й Государственной Думы от Тифлисской губернии. Он окончил Горную академию в Австрии, затем вернулся на родину и поступил на государственную службу. 14 октября его избрали депутатом 3-й Думы. Он входил в Социал-демократическую фракцию. Подписал законопроекты: «Правила приема в высшие учебные заведения», «Об отмене смертной казни». С 1912 года являлся членом Объединенного комитета РСДРП. 20 октября 1912 года Чхеидзе вновь был избран в Государственную Думу. Стал членом Совета старейшин Думы. После одного из его выступлений с трибуны Думы министр внутренних дел вошел в Совет министров с представлением о желательности привлечения Н.С.Чхеидзе к уголовной ответственности, усмотрев в его словах «преступное возбуждение к ниспровержению монархического образа правления». Дело рассматривалось в 1-м департаменте Гос.Совета. Чхеидзе с 1909 года входил в масонскую ложу Союза «Великого Востока народов России», в 1912-1917 гг. являлся членом Верховного Совета «Великого Востока народов России», членом Думской ложи. Он не принял Октябрьскую революцию1917 года. После установления в Грузии советской власти (1921) эмигрировал во Францию. Покончил жизнь самоубийством. Похоронен на кладбище Пер-Лашез в Париже[577].

Служба на Кавказе и управление недавно покорённым краем требовали одновременно гибкости и твёрдости, умения вести тонкую восточную

интригу, руководить сложным хозяйством области; удовлетворять нужды населения и при необходимости силой поддерживать авторитет правительства[578]. Нередко в недостатках администрирования на Кавказе обвиняли русскую власть, хотя она, по мнению А.П. Липранди, таковой по существу и не являлась. В 1911 году Липранди утверждал: «как высшая, так и низшая правительственная власть на Кавказе – в руках инородцев. Высшая власть у немцев, поляков и евреев; низшая у грузин и армян»[579].

Рассмотрим, кто являлся Наказным атаманом Терского казачьего войска на протяжении 30 лет:

1861-1865 Генерал – майор Христофор Егорович Топондопулло.

1865-1875 Генерал – адъютант, генерал-лейтенант Михаил Тариелович Лорис – Меликов.

1875-1883 Генерал-адъютант, генерал-лейтенант Александр Павлович Свистунов.

1883-1887 Генерал-майор Евгений Корнильевич Юрковский.

1887-1889 Генерал-лейтенант Алексей Михайлович Смекалов.

1890 Генерал – лейтенант Семён Васильевич Каханов[580].

В годы правления Терской областью Михаила Тариеловича Лорис – Меликова, его адъютантом являлись Пётр Константинович Рихтер и Авраам Михайлович Ениколопов[581]. Вице – губернаторами у Свистунова Александра Павловича были: Якобсон Густав Христофорович, Гросман Николай Игнатьевич, Бойчевский Николай Владимирович, Красовский Николай Николаевич. Должность коллежского секретаря исполнял Похоцинский Виктор Францевович[582]. Евреи существовали в Российской империи на особом законодательном положении. Чтобы регламентировать их жизнь на Северном Кавказе, 18 июня 1892 года был издан закон «О водворении и временном пребывании евреев в Терской области»[583].

Д.И. Святополк – Мирский

В 1861 году начальником Терской области был назначен князь Дмитрий Иванович Святополк – Мирский (1825-1899) [584]. Он узнал об этом назначении на пути из Петербурга в Ставрополь. В своём письме к Д.А. Милютину он сообщал: «Известие это сильно меня огорчило. Войска расстроены, ничего, что могло успокоить народонаселение и обещать ему сносную будущность – нет. Доверие к нам жителей невероятно уничтожено. Беспорядок повсеместный во всём»[585].

Дмитрий Иванович родился в 1825 году, принимал участие в Кавказской войне. В своём письме к наместнику на Кавказе князь А.И. Барятинский так характеризовал Д.И. Святополк – Мирского: «Князь Мирский после Евдокимова самый опытный и лучший военный генерал на Кавказе, и соединяет, кроме многих других, ещё и то важное достоинство, что умеет вселять в покорных и непокорных доверие к нашему правительству»[586]. В отношении к Терской области Д.И. Святополк – Мирский не соглашался с распространённым в то время мнением, что «буйное своеволие чеченцев может быть искоренено только материальной силой». «Совесть моя возмущается, – говорил он, – против такого мнения людей, не осознавших своих ошибок и приписавших их последствия недостаткам чеченцев»[587]. Своей целью начальник области поставил «основать власть нашу и спокойствие в Терской области на нравственном влиянии и доверии туземцев к Правительству». Он предпринимал меры для уменьшения числа войск, расположенных в крае, и предполагал, что со временем присутствие здесь войск станет лишним. Д.И. Святополк – Мирский считал своим долгом предупреждать переселенцев в Турцию о тех бедах, которые их ожидают во время переселения. В годы его правления поток эмигрантов уменьшился. Его деятельность на посту начальника Терской области основывалась на уважении всех прав и создании права там, где его не существовало[588]. Д.И. Святополк – Мирский сделал неплохую карьеру. В 1863 году его назначают Кутаисским генерал-губернатором, в Терской области его заменил М.Т. Лорис-Меликов. С 1868 года Святополк – Мирский являлся помощником Главнокомандующего Кавказской армии; с 1880 года он становится членом Государственного Совета Российской империи[589].

М.Т. Лорис – Меликов

Михаил Тариелович Лорис – Меликов, сменивший Д.И. Святополк – Мирского, в своих взглядах и действиях, занимая должность начальника Терской области, существенно отличался от своего предшественника. Так, по вопросу о размещении воинских подразделений в Терской области он держал твёрдую позицию, настаивая на том, что именно военные смогут поддерживать условия мира и сокращать их численность не целесообразно[590]. С одной стороны, М.Т. Лорис – Меликов постоянно стремился обеспечить своей деятельности поддержку населения и ак-

тивно привлекал представителей северокавказских народов к работе над проектом реформ. С другой стороны, любые попытки посягательств на государственные интересы в том виде, как сам Лорис – Меликов их понимал, пресекались быстро и безжалостно. Так, для того, чтобы освободить земли и предотвратить угрозу восстания в Чечне он, в 1865 году организовал массовое выселение чеченцев в Турцию. Кто-то назовёт такую линию мудрой, кто-то циничной, но спорить о нравственности в политике можно до бесконечности, а факты остаются фактами[591].

М.Т. Лорис – Меликов принадлежал к поколению российской военной и гражданской бюрократии, сформировавшейся на рубеже середины XIX века, на грани двух эпох в период реформ Александра II. Для него были характерны определённые социально-психологические черты, обусловленные происхождением, семейной обстановкой и спецификой образования (классическое гражданское в Лазаревском институте и военное в школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров)[592]. Рассмотрим биографию этого государственного деятеля, которая поможет понять истоки формирования этой неординарной личности и проследить пути продвижения по служебной лестнице, а также охарактеризует его деятельность в Терской области.

М.Т. Лорис – Меликов родился 19 октября 1824 года в городе Тифлисе[593]. Иногда он называл сам себя «хитрым армяшкой». Друзья также в шутку называли его «грузинским армянином» или «двойным армянином», намекая на то, что он органически впитал в себя лучшие качества грузинского и армянского народов[594]. Один из друзей его юности отзывался о Лорисе, как о человеке « с душой нараспашку»[595]. «Наружность его, вообще, очень чутка к душевным впечатлениям, – описывал в Ницце М.Т. Лорис – Меликова один из его соратников, – и, когда хитрая улыбка появляется иногда на губах, глаза быстро загораются весёлостью и все складки лица смеются. Такие наружности, обыкновенно, вызывают симпатию и дышат умом, в них менее всего грубости и произвола. Он был весьма доступен и прост в обращении; он предпочитал брать людей добром, нежели злом. Говорили, что у Лориса было необыкновенно развито искусство «выходить» из затруднительного положения, придумывать комбинации, чтобы влиять на умы населения. Граф отличался терпимостью к чужим мнениям, не был мелочно обидчив и не считал себя непогрешимым – всегда спокойно и внимательно выслушивал возражения»[596]. Об одном из недостатков Михаила Тариеловича сообщает Р.А. Фадеев в письме И.И. Воронцову-Дашкову от 3 октября 1880 г. писал:

«Эту черту – предлагать и обещать, не взвесив последствий, – я знаю у Лориса давно…»[597].

Хорошо характеризуют Лорис – Меликова записки, сделанные им в 1883 году в Париже: «Никакие усилия не могут дать желанных результатов, – писал он, – если только человек не решится войти, так сказать, в сделку со своей совестью и, заглушив основные понятия о чести, прикидываться все довольным и в большей части случаев говорить совершенно обратное тому, что лежит на душе. При такой обстановке поневоле высохнешь, как сухарь, и только нервы будут свидетельствовать о существовании человека»[598].

Интересную историю происхождения имеет фамилия Михаила Тариеловича Лорис-Меликова. В 1602 году мелик Назар и мелик Дай Лорийские получили от персидского шаха Аббаса фирман, удостоверяющий их старые права владетелей Лори, но в обмен на эту милость братья обязались принять ислам. В последствии Лорис – Меликовы вернулись к христианству и продолжали состоять наследственными приставами Лорийской степи, входившей в состав Грузинского царства[599]. Отец М.Т. Лорис – Меликова, зажиточный армянин Тариель, получал с земли своей на Лорийской степи и с оптовой торговли разными товарами с Лейпцигом, куда нередко ездил и сам, значительные доходы[600]. Располагая хорошими средствами, он позаботился прежде всего о воспитании и образовании своих сыновей – Михаила и Василия. К обоим с раннего детства были приставлены русские воспитатели, оба брата говорили по-русски без малейшего акцента.

Михаил Лорис – Меликов, начав обучение в лучшем тогда Тифлисском пансионе Арзановых, а затем в армянском Нерсесовском училище, рано обнаружил блистательные способности и прилежание. В двенадцатилетнем возрасте говорил на русском, французском и немецком языках, свободно владел армянским, грузинским и татарским языками. В Москве, в Лазаревском институте восточных языков юноша с 1836 по 1841 год изучал арабский и турецкий языки. Воспитанники Лазаревского института изучали общеобразовательные предметы по программе государственной гимназии того времени[601]. И тут произошло важное событие – Лорис – Меликовы были признаны и утверждены дворянами. Дворянское звание открывало Михаилу возможность сделать военную карьеру. Сначала он поступил в С.-Петербургский подготовительный пансион горного инженера – полковника Вержбицкого, а оттуда, в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. В школе гвардейских подпрапорщиков

и кавалерийских юнкеров обучали 2 года. Среди закончивших это военное учебное заведение, – многие известные государственные деятели и военачальники: генерал-фельдмаршал А.И. Барятинский (во время Кавказской войны Михаил Тариелович состоял под его начальством), Д.И. Скобелев и др. [602]. Образование, полученное М.Т. Лорис – Меликовым, повлияло не только на его карьерное движение, но и построило его мировоззрение. Уже на закате своей жизни, в Ницце, Михаил Тариелович вспоминал: «Я воспитывался в военной школе и привык думать, что если меня бьют палкой, то надо вырвать палку из рук. Если неприятель занял выгодную позицию, то надо выбить его именно из этой позиции. Я смотрю на дело практически, не ссылаясь на Европу»[603].

М.Т. Лорис – Меликов не получил высшего гражданского образования, а стал кадровым военным офицером. Л. Пантелеев так описывал свои встречи с графом Лорис – Меликовым: «Я знал, что всё начальное образование Лорис – Меликова не шло дальше Школы гвардейских подпрапорщиков, – констатировал он. Из бесед с Михаилом Тариеловичем вынес, однако, впечатление, что от природы он обладал большим умом и способностью быстро усваивать новые для него идеи. В бытность мою на Кавказе, в 1875-76 гг. я там, в первый раз услышал имя Лорис – Меликова и притом с весьма выгодной стороны. В качестве начальника Терской области он не только сумел поддержать порядок, но в то же время заслужил полное доверие туземцев. В беседах со мной Лорис – Меликов охотно пускался в рассказы о Кавказе, особенно о горцах, о том, как собственно, легко ими управлять, если только бережно относиться к их народным обычаям»[604].

В течение более 20-ти лет (с 1847 по 1879 гг.) судьба М.Т. Лорис – Меликова была связана с Кавказом. Он участвовал в войнах, которые Россия вела в этом регионе. С самых первых дней его появления на Кавказе он стал занимать почётное место как среди бывших кавказских офицеров, так и среди чиновников высшего ранга. Ему, не смотря на молодость, доверялась вся секретная переписка и даже нередко конфиденциальные военные и политические сношения[605]. 27 июля 1847 года М.Т. Лорис – Меликов был назначен состоять для особых поручений при Главнокомандующем Кавказским корпусом генерал-фельдмаршале князе М.С. Воронцове. Маститый наместник Кавказа, Воронцов, человек высокого государственного ума и суровый, но честный и твёрдый в своих убеждениях, и Н.Н. Муравьёв одинаково отмечали способности и высокие душевные качества Михаила Тариеловича[606].

После перехода Хаджи-Мурата на сторону русских в ноябре 1851 г. Лорис-Меликов выполнял особое задание князя Воронцова сопровождать Хаджи-Мурата. Знание восточных языков и личное обаяние помогли ему установить с Хаджи-Муратом отношения доверия. По распоряжению князя М.С. Воронцова ротмистр Лорис-Меликов, со слов Хаджи-Мурата, составил краткое, но содержательное его жизнеописание, названное «Запиской». В январе 1852 года Михаил Тариелович направил письмо князю Воронцову, в котором сообщал, что «…ужасно скучает и горит желанием продолжать ремесло рубаки…». Воронцов просил его еще немного потерпеть, обнадежив тем, что скоро вызовет в отряд на несколько дней[607].

С 1847 по 1855 год М.Т. Лорис – Меликов участвовал в 180 сражениях, и, не смотря на то, не был ни разу не только ранен, но даже контужен. С 18 ноября 1847 года по 18 февраля 1848 года, в продолжение 3-х месяцев Михаил Тариелович «не сходил с боевого коня», воюя в Малой Чечне с горцами. В 1851, 1852 и в начале 1853 года М.Т. Лорис-Меликов воевал в Большой Чечне[608]. За отличия в боях против горцев М.Т.Лорис-Меликов был награждён : орденом Св. Анны 2, 3, 4 степеней, с мечами, бантом и императорской короной. 18 июня 1851 года он получил чин ротмистра, а уже через 3 года – 9 января 1854 года звание полковника[609].

Михаил Тариелович обладал способностью привлекать к себе людей. Его мягкие, вкрадчивые манеры, весёлость очаровывали многих женщин, которые не мало способствовали его быстрому продвижению по службе. Не зря, вероятно, одна из популярных европейских газет назвала Лорис – Меликова «хитрым, гладким, как угорь, армянином»[610]. М.Т. Лорис – Меликов сам себя характеризовал как человека, сделавшего карьеру без протекций и в отсутствии крупных родственных связей, которыми можно было воспользоваться. До того момента, как он женился, это действительно было так. Однако, когда его женой стала княжна Нина Ивановна Аргутинская – Долгорукова, дочь начальника Лорис – Меликова, генерал-адъютанта И.З. Аргутинского – Долгорукова, карьера его стремительно стала нарастать[611].

Наиболее объективную оценку способностей Лорис-Меликова, как военачальника, мог дать только его современник и сослуживец, поэтому ниже мы приводим мнение князя Я.М. Амилахвари: «На мой взгляд, Михаил Тариелович, как умнейший, просвещённый и неутомимо трудолюбивый человек, мог бы оказать неоценимую пользу на войне в

качестве помощника у хорошего главнокомандующего, но чтобы он сам обладал военными качествами последнего, – в этом я сомневаюсь»[612]. Особенно ярко проявился талант М.Т. Лорис – Меликова в войнах России с Турцией, в первую очередь, в войне 1877-78 гг.[613]. В русско-турецкую войну 1877-78 гг. Михаил Тариелович, благодаря своему умению администрирования, прекрасно организовывал продовольственное снабжение армии[614]. Несомненны также заслуги М.Т. Лорис – Меликова в гражданском обустройстве Абхазии, Дагестана и Терской области[615].

Заграничные газеты сравнивали Лорис – Меликова с Мазарини, который сумел управлять Францией в самое смутное время при помощи примирительной и ловкой политики[616]. «Вице – император», «великий визирь», «Мишель Первый», «диктатор», «ближний боярин», «полномочный повелитель» – таков не полный перечень эпитетов, которыми окрестили Михаила Тариеловича высшие сановники Российской империи. Канцлер Германии Отто фон Бисмарк, признававший Лорис – Меликова выдающимся своим современником, считал, что то, что Михаила Тариеловича отстранили от власти после смерти Александра II, не пошло на пользу России. Лорис – Меликов был приглашен в резиденцию германского императора Вильгельма I (дяди Александра II) на обед и имел с ним интересную беседу. В эмиграции Михаила Тариеловича посещали датский король Кристиан IX, отец императрицы России, супруги Александра III Луизы Федерики Дагмары (Марии Федоровны) и греческий король Георг I, а также принц Уэльский – будущий английский король Эдуард VII.

Михаил Тариелович гордился своей работой, проведенной на Кавказе. «Время покажет, кто был прав», – так говорил сам граф, когда речь шла о разработанных им реформах[617]. После завершения Кавказской войны государственная власть преследовала несколько задач, внедряя российское гражданское управление в крае. Прежде всего, нужно было окончательно уничтожить очаг напряжённости, стягивавший значительные военные и материальные ресурсы империи. Здесь необходимо было подготовить административную, судебную, производственную базу для извлечения максимальной прибыли из сырьевых и потребительских ресурсов этого неосвоенного региона. Втягивание Терской области во всероссийский сельскохозяйственный комплекс, производственно-промышленное сообщество, общий торговый рынок сулило России не только покрытие многомиллионных военных расходов, но и приобретение сверхприбыли. Налоговое обложение, дешёвый рынок труда, установ-

ление беспрепятственных сообщений с Закавказьем и Передней Азией – вот лишь некоторые из прогнозировавшихся источников доходов государственной казны.

Для решения этих не простых задач во главе Терской области, более сложной в военно-политическом отношении, чем Кубанская, необходимо было поставить человека решительного, имевшего военный опыт, опыт администратора, умного, дипломатичного, бесконечно преданного интересам России, ради которых он ни перед чем, ни остановится, желательно кавказского уроженца – в виде уступки местному населению. Всем этим условиям и соответствовал М.Т. Лорис – Меликов, на которого в 1863 году и пал выбор наместника Кавказа. В ходе образования Терской области и в самом начале её существования, ею управлял князь Д.И. Святополк – Мирский. Однако его работу с местным населением власти посчитали слишком гуманной и либеральной. Необходимы были более твёрдая рука и жёсткие принципы для ускорения процесса интеграции региона[618]. М.Т. Лорис-Меликов – чиновник, представлял и должен был проводить в жизнь политику национально-ориентированного правительства, на службе у которого он находился. Однако, несмотря на жесткую государственную регламентацию жизни и деятельности чиновничества в целом, система управления, созданная на Кавказе давала реальные возможности для проявления самостоятельности, личной инициативы в эпоху нарождающегося капитализма[619].

28 марта 1863 года Лорис – Меликов был назначен исполняющим должность начальника Терской области и командующего в ней войсками. Меньше месяца понадобилось Михаилу Тариеловичу на то, чтобы его усердную службу на новой должности отлично оценили. 17 апреля 1863 года М.Т. Лорис – Меликова произвели в звание генерал-адъютанта и утвердили в занимаемых должностях[620]. В одном из своих частных писем М.Т. Лорис – Меликов делился своими впечатлениями о положении в крае: «…4 месяца тому назад я принял управление областью, признаваемую всеми, кто только знаком с её делами, самою сложною из отделов Кавказа»[621]. Интересно, что Лорис – Меликов был лично знаком с Александром II и в частном письме жаловался императору на тяжёлые условия работы весной 1863 года на должности начальника Терской области, когда новый административный аппарат только формировался, и приходилось работать в сыром помещении почтового здания, куда постоянно стекались посетители[622].Уже в тот период Михаил Тариелович считал своё здоровье слабым, но принял на себя всю полноту ответс-

твенности по управлению областью[623] Он был предварительно знаком с чрезвычайно сложной обстановкой в регионе, но, будучи человеком военным, принял приказ по назначению к действию[624].

До 30 декабря 1869 года начальник Терской области по гражданскому управлению действовал на правах, предоставленных общими законами генерал-губернаторам. Но с введением нового «Положения» о преобразовании области, некоторые права начальника области утрачивались. Александр II лично предоставил права генерал-губернатора М.Т. Лорис – Меликову по управлению областью. Это говорило о высокой оценке правящими кругами деятельности начальника Терской области и большом доверии к нему[625]. Михаил Тариелович вёл личную переписку с императором, в одном из писем к Александру II он писал: «Вы знаете меня совсем близко..»; он также был одним из немногих лиц, находившихся у постели умирающего императора, о котором был высокого мнения, что не скажешь об отношении его к брату Александра II, великому князю Михаилу Николаевичу, занимавшему должность наместника на Кавказе[626]. Служба М.Т. Лоирис-Меликова давно находилась в поле зрения императора[627]. Уже в 1865 году М.Т. Лорис-Меликов становится генерал-адъютантом. «…Как–то в Ливадии, – вспоминал И.А. Шестаков, – в 1869 году, в весёлом послеобеденном настроении, Государь, дарящий фамильярностью в знак особенного благоволения, обратился к нам, присутствовавшим, с вопросом в шутливом тоне: “ Не странно ли? Лорис – Меликов – генерал-адъютант!” Удивлявший царя Меликов был налицо…» Александр II явно полагал, что Михаил Тариелович достиг большего, чем мог бы рассчитывать[628].

За свою деятельность по благоустройству Терской области Лорис – Меликов неоднократно награждался высшими правительственными наградами. 8 сентября 1871 года начальнику Терской области, генерал-адъютанту, генерал-лейтенанту, наказному атаману Терского казачьего войска, М.Т. Лорис – Меликову, в награду за отличную, усердную и ревностную службу был пожалован Императорский орден Св.Александра Невского, украшенный бриллиантами. Начальнику Дагестанской области, Левану Меликову тоже дали орден А. Невского, но без бриллиантов[629].

Земельная, крестьянская, податная и административно-территориальные реформы были осуществлены в достаточно короткие для преобразований такого масштаба сроки: 6-7 лет и в этом заслуга М.Т. Лорис – Меликова. Цель, которую преследовала российская администрация

– стабилизация обстановки, снижение напряжённости, ликвидация, в определённом смысле, последствий Кавказской войны – была достигнута[630]. В 1865 году наместник с инспекционной поездкой побывал в Терской области. 21 октября он обратился с речью к жителям Аргунского округа: «Два года тому назад я благодарил вас за ваше поведение. Радуюсь, что и в этот приезд могу повторить свою благодарность»[631]. В приказе по округу от 1 ноября 1865 года за № 139 Михаил Николаевич отозвался об управлении областью в самых высоких тонах: «Сохраняя о настоящем положении дел в Терской области приятные впечатления, считаю долгом выразить достойному её начальнику мою глубокую душевную признательность»[632]. Михаил Тариелович, в силу своей скромности, решил разделить это достижение с коллегами: «Никак не ставя исключительно в заслугу себе успехов, достигнутых в последние 2 года по управлению Терской областью и образованию расположенных в ней войсках, выражаю искреннюю признательность как сотрудникам, так и подчинённым»[633]. Высокая оценка деятельности Лорис – Меликова Михаилом Николаевичем была ему особенно дорога, так как они не испытывали особых симпатий друг к другу. Начальник Терской области считал наместника на Кавказе «бесцветной личностью», вокруг которой постоянно плетутся интриги и в частности, против Лорис – Меликова[634]. Тем не менее, когда Михаил Тариелович тяжело заболел туберкулёзом и лечился в Ницце, великий князь Михаил Николаевич часто его навещал, хотя служба его уже к этому не обязывала[635].

Проживая за границей, М.Т. Лорис – Меликов поддерживал отношения с писателем М.Е. Салтыковым-Щедриным. В одном из писем сатирик писал: «Скажу Вам откровенно, я всю жизнь свою избегал соприкосновения с лицами высокопоставленными, и только Вы один победили во мне чувство, вызывающее эту сдержанность. Хотел поблагодарить Ваше Сиятельство за благосклонное внимание, которым Вы почтили меня в Висбадене»[636]. В 1883 году, в мае месяце Михаил Тариелович был уволен в бессрочный отпуск с разрешением присутствовать в Гос.Совете, когда позволит здоровье (с сохранением получаемого содержания); жил он в это время по большей части в Ницце[637]. Первый раз Михаил Тариелович отправился в Европу в 1875 году, когда ушёл с поста начальника Терской области. По замечаниям некоторых его современников, одно из постоянных пристрастий – любовь к кахетинскому вину, которое он возил с собой, привело к расстройству печени, потребовалось лечение за границей[638].

Один из близких Лорис – Меликову людей так охарактеризовал Михаила Тариеловича : «Это был человек, горячо любивший свою кавказскую родину, но любовь эта была отодвинута на второй план в его сердце, первое место занимала Россия, как целое, и графа можно было смело называть русским патриотом в лучшем значении этого слова»[639]. Его деятельность совмещала в себе как положительные результаты в способствовании установления контактных зон вновь приобретённых окраинных регионов России с центром, так и отрицательные, разрушавшие такие связи. Некоторые современники объясняли это недостаточностью административного опыта этого человека, превалированием качеств военачальника[640].

Михаил Тариелович не одинаково относился к различным этническим группам и народам на территории управляемой им области. Русскоязычное население и казачество пользовались его покровительством, приобретая различные льготы. М.Т. Лорис – Меликов был решительным поборником того, чтобы все горцы, кто нарушал общественный порядок, были объявлены абреками. При этом преследовались и лишались всех прав на своих холопов и имущество. То есть предлагалось наказание без судебного разбирательства, что нарушало права коренных жителей[641]. М.Т. Лорис – Меликов выступил инициатором выселения чеченцев с их исконных земель за Терек и в Малую Кабарду. Данный проект был составлен для «очищения» Чёрных гор от чеченцев и расселения казаков в кавказских предгорьях. Конечным же итогом должно было быть создание идеальных условий для успешного администрирования в области и улучшения отчётности перед органами центрального управления[642]. После отклонения этого проекта начальник области решительно взялся за выселение горцев Северо – Восточного Кавказа в Турцию. В своей записке к начальнику Главного штаба Кавказской армии Лорис – Меликов сообщал, что фактически он поставил ультиматум осетинам, кумыкам, кабардинцам и чеченцам. Условия были таковы: если к 1 января 1866 года они не расселятся, как им укажут управляющие органы, и не будут платить правительству подать, то уйдут в Турцию. По мнению Михаила Тариеловича, карабулаки вообще были не способны принять какую-либо гражданственность. В связи с этим им никаких условий не ставилось, они должны были поголовно выселиться в Турцию. Данное требование являлось ультимативным[643].

После окончания Кавказской войны многие российские военные заявляли: «Оккупация Кавказа требует содержания значительных военных

сил на Кавказе». Этого же мнения придерживался и начальник Терской области М.Т. Лорис – Меликов[644]. Не смотря на завершение военных действий, установление «полугражданского» управления в крае, он опасался сокращать численность расквартированной в области армии[645]. Приемник М.Т. Лорис – Меликова на должности начальника области, А.П. Свистунов, неоднократно критиковал Михаила Тариеловича за обилие войск в крае на протяжении всех 12 лет его правления. В 1867 году А.П. Свистунов являлся начальником Штаба лейб-гвардии Конной артиллерии[646]. По свидетельствам Александра Павловича Свистунова, работавшего также в Терской области и под управлением Лорис – Меликова с 1864 по 1867 гг., а затем получившего повышение, с 1867 по 1875 гг. являвшегося начальником окружного Штаба, область неоправданно была переполнена войсками. Каждую весну проходили военные сборы, забиравшие немало средств из казны, для «…предупреждения волнений среди местного населения». Опасения Михаила Тариеловича относительно возникновения волнений среди местного населения не были беспочвенны, но само наличие такого количества военных соединений на небольшой по площади территории провоцировало население на эти выступления и не способствовало нахождению взаимопонимания между центральной властью и местными народами[647].

Необходимо отдать должное деятельности Михаила Тариеловича, он не только отнимал у казны средства на военные нужды, но и с лихвой их возвращал. Ни за горцами, ни за казаками не было никаких налоговых недоимок, и повинности они отрабатывали своевременно. Современники отмечали «глубокую преданность графа интересам казны»[648]. Акцизное управление высоко оценивало деятельность Лорис – Меликова и в 10-летнюю годовщину его правления прислало свои поздравления[649].

Во взглядах на «польский вопрос» Михаил Тариелович высказывал либеральные взгляды: «Я говорил государю, что нельзя оставлять поляков под постоянным режимом исключительных законов, нельзя вести бесконечную борьбу против их национальности и веры». Однако в Терской области он выступал за сохранение военно-полицейского режима и господства «исключительных» законов, урезавших права коренных жителей[650]. Несправедливо было бы упрекнуть Лорис – Меликова в том, что за 12 лет его управления не было сделано ничего для мирного гражданского развития горцев Терской области. Михаил Тариелович способствовал открытию в области городских банков – во Владикавказе, Кизляре, Георгиевске и Грозном. По решению начальника области

проводились новые шоссе и тракты, ремонтировались старые дороги. Именно по инициативе М.Т. Лорис – Меликова, направленной в телеграфный департамент, была проведена телеграфная линия от Владикавказа до Темир-Хан-Шуры, с веткой на Кизляр. Местное население поставляло столбы из обработанных ими деревьев для устройства этих телеграфных линий[651]. В течение 10 лет в области открылось свыше 200 больших и малых заводов, производивших продукции более чем на 1 млн. 300 тыс. рублей. На этих заводах было занято около 4 тыс. рабочих. За время правления областью Лорис-Меликовым численность учащихся поднялась до цифры 4 тыс. мальчиков и девочек. Среди них 53% принадлежали казачьему населению, 28% – городскому и слободскому и 19% – горскому населению. Михаил Тариелович неоднократно заявлял: «Ничего нет опаснее, чем лишить человека права учиться и трудиться, запрещая в то же время праздность и замыслы»[652]. Современники даже иногда упрекали Лорис-Меликова в проявлении излишней «церемониальности» с подвластным населением при проведении реформ[653].

Сам М.Т. Лорис-Меликов в своих записных книжках на первое место достижений в управлении Терской областью ставил: обложение горцев налогами, освобождение среди них рабов, введение судебной реформы, проведение оросительных каналов[654]. Особо Михаил Тариелович гордился проведением земельной реформы только за счёт местных денежных источников области. Он очень экономил государственные средства при управлении областью, был чрезвычайно щепетилен в этом вопросе, что накладывало груз налогов и обязательств на плечи жителей этого края[655]. В 1868 году, например, с горского населения Терской области в виде податного сбора собрали 133 984 рубля 23 копейки. Этот доход полностью покрывал содержание администрации Терской области[656].

В пореформенное сорокалетие царское правительство приняло более полусотни нормативных и не нормативных законодательных актов, имевших отношение к Северному Кавказу, и все они, за небольшим исключением, относились к казачьему и частному землевладению. В то же время не упорядоченные земельные положения горских народов Северного Кавказа, хотя и привлекало внимание царизма, но до серьёзных позитивных мер решения этой животрепещущей проблемы не доходило. За указанный период царское правительство по сути дела утвердило только «Положение» об учреждении Временной комиссии для разбора личных и поземельных прав туземного населения и «По-

ложение» об отмене крепостного права в горских районах Кавказа[657]. Реформа способствовала земельному неравенству между отдельными народами, горными и плоскостными районами, отдельными селениями, сословными группами[658].

У чеченцев, особенно в горных районах, широко распространено было интенсивное освоение земель. Интенсификация представляет собой совокупность рациональных методов, достигающих повышения эффективности общественного производства. Понятие «интенсификация» происходит от латинских слов «intensio» – напряжение и «facio» - делаю[659]. В горной Чечне интенсивный способ производства был вызван малоземельем и естественно-географическими условиями. Путём возведения террас весьма эффективно осваивались склоны гор, почвы предохранялись от эрозии и избыточной влажности. Террасное земледелие являлось свидетельством интенсивного освоения земель[660]. С началом земельной реформы казачеству и в целом русскоязычному населению области стали раздавать большие участки земли, которые новые хозяева даже не в состоянии были сразу обработать. С этим было связано экстенсивное развитие сельскохозяйственного производства. Рост общественного производства происходил путём прибавления новых средств производства к действующим или они заменялись новыми, которые не подвергались техническому перевооружению[661]. Реформы изменили характер землевладения. Верховным собственником земли стало государство, горские феодалы получали землю в форме «пожалованья». В «пожаловании» не указывалось количество удобной и не удобной земли, давалась только её общая площадь[662].

На Кавказе вообще крестьянская реформа носила более грабительский характер, чем в центральных губерниях России[663]. Так, власть отобрала у чеченцев поляны, расчищенные ими из-под леса. Собрание выборных горной Чечни – Грозненского округа – в 1889 году подало просьбу на Высочайшее имя о разрешении их сельским обществам пользоваться лесом для своих домашних нужд из лесов, бывших в исконном владении чеченцев… 8 января 1890 года, по Всеподданнейшему докладу министра государственных имуществ, Александр III повелел: « …до предстоящего поземельного устройства жителей Терской области предоставлять горцам лесные материалы бесплатно, а отобранные лесные поляны вернуть владельцам»[664].

На 7 году областного правления, в частном письме, Михаил Тариелович с полной откровенностью признавался в совершённых админис-

тративных ошибках. Он считал, что свершившаяся реформа привела к антагонизму между гражданским и военным ведомством; медленному механизму управления, апатии начальников, к общему стремлению отписаться, дабы снять с себя ответственность. «Буду счастлив и признателен, – заключал Лорис-Меликов, – если кто выручит меня из Владикавказа»[665]. Деятельность М.Т. Лорис – Меликова по управлению Терской областью очень высоко ценилась в правительственных кругах, однако здоровье его стремительно ухудшалось. В январе 1875 года он, в частной беседе с наместником на Кавказе попросил отставки со своего поста по состоянию здоровья. Михаил Николаевич не хотел её принимать, надеясь, что Лорис-Меликов проведёт ещё одну сложную реформу в области – по введению всеобщей воинской повинности. Но Михаил Тариелович был непреклонен в своём решении[666]. По Указу Правительствующего Сената от 25 апреля 1875 года за № 17344 М.Т. Лорис-Меликов был уволен со своего поста по состоянию здоровья. На его место был назначен А.П. Свистунов, вступивший в управление областью в июне 1875 года[667].

Казалось бы, на карьере, а значит, на свершении великих дел во имя Отечества М.Т. Лорис-Меликову можно было поставить точку. Но…изменяется внешнеполитическая ситуация, Россия силой оружия стремится освободить Балканы и Закавказье от турецкого ига, и руководство страны снова обращает внимание на опытного генерала, прекрасно знающего театр войны, менталитет, языки кавказских народов. Честолюбивого, готового ради победы отдать свою жизнь М.Т. Лорис-Меликова в 1877 году назначают командующим Кавказской армии. Блестящие победы под Карсом, Баязетом, Эрзерумом делают его героем Русско-Турецкой войны 1877-1878 гг. и открывают ему дорогу для стремительного карьерного роста[668].

6 августа 1880 года М.Т. Лорис-Меликов получил назначение на должность министра внутренних дел Российской империи. Восхождение Лорис – Меликова к вершинам государственной власти не было случайным. Оно было обусловлено его административными способностями и несомненным политическим чутьём, проявленным в его годы службы на Кавказе[669]. Уже находясь в отставке и живя за границей М.Т. Лорис – Меликов не избежал искушения, преследующего отставного государственного деятеля, написать мемуары. Но вскоре признался близкому ему человеку в том, что «почувствовал какое – то отвращение к мемуарам, запискам, разного рода воспоминаниям», которые, по его мнению, «…всегда являются своеобразным шантажом других государс-

твенных деятелей и попыткой самооправдания перед современниками и потомками». Михаил Тариелович считал, что ему не в чем оправдываться, поэтому и уничтожил свои записи[670]. Н.А. Белоголовый относился с величайшим сочувствием к деятельности графа и, как и многие другие скорбел по поводу его безвременной кончины: «Россия лишилась в лице его одного из даровитейших, бескорыстнейших и преданнейших сынов своих и можно лишь искренно и не в оскорбление живущим пожелать ей побольше таких»[671].

А.П. Свистунов

Генерал-адъютант, генерал-майор Свистунов Александр Павлович управлял Терской областью и был наказным атаманом Терского казачьего войска с 1875 по 1883 год. При начальнике области работало 2 помощника – старший и младший, должностные лица для особых поручений и канцелярия[672]. Одним из помощников Свистунова являлся Смекалов Алексей Михайлович, управлявший впоследствии Терской областью с 1887 по 1889 год[673]. Интересно, что после работы в Терской области Д.И. Святополк – Мирского в 1863 году назначили Кутаисским генерал-лейтенантом. В то же время генерал-лейтенант А.М. Смекалов, после работы на должности Кутаисского военного губернатора, 11 февраля 1887 года стал начальником Терской области[674]. Однако Алексей Михайлович управлял областью совсем мало. 2 февраля 1890 года, после тяжёлой болезни (воспаления лёгких) А.М. Смекалов скончался[675].

С.В. Каханов

Одиозной, реакционной фигурой являлся начальник Терской области, назначенный на эту должность в 1889 году, генерал-лейтенант С.В. Каханов. Уже через год после вступления на должность, Семён Васильевич распорядился брать под особый надзор полиции всех заподозренных в «дурном» поведении горцев, а в случае совершения ими каких-либо проступков подвергать их телесному наказанию до 100 ударов розгами. В 1890 году начальник Терской области С.В. Каханов писал, что «..из милицейских, состоящих из туземцев, ни один никогда не станет преследовать своего соплеменника, боясь мести. Поэтому

полагаться на милицию, как активную силу нужно с большой осторожностью». Тогда же Каханов был представлен на утверждение командующему Кавказским округом проект «Временного положения о мерах по удержанию туземного населения Терской области от хищничества и, в особенности от всяких насилий против лиц не туземного происхождения». Данный проект был утверждён и получил силу закона в 1894 году и не отменялся до революции. Этот документ узаконил круговую поруку сельского общества за совершённые преступления[676]. Заведённый в 1882 году порядок передачи «особо важных» дел, где в качестве обвиняемых фигурируют горцы, на рассмотрение военно-полевому суду, также не способствовало стабилизации обстановки в крае. Порядок назначения старшин, несомненно, во многом способствовал ухудшению борьбы с преступлениями[677]. В 1893 году с разрешения императора значительная часть уголовных дел, связанных с горским населением, была изъята из общегражданских судебных учреждений[678]. Чины местной администрации получали чрезвычайно большие права, например, арестовывать и ссылать фактически любого представителя местного населения[679]. 19 ноября 1893 года Комитет министров распространил на Кубанскую и Терскую области правила об административной высылке в Восточную Сибирь обвиняемых или подозреваемых в краже лошадей и скота. Следует отметить, что все эти меры принимались под видом «необходимости обеспечения безопасности русского населения области». В 90-х годах XIX века администрация области издала распоряжение, запрещавшее казакам куначество с горцами.

Одновременно с упразднением прежних окружных полицейских управлений распускались и состоявшие при них горские словесные суды, дела которых передавались во вновь образуемые суды при округах и отделах. Исключение составляли Шатоевский и Веденский суды; при многочисленности населения Грозненского округа один Грозненский словесный суд не мог справиться с делами всего округа. Надтеречные чеченцы также подчинялись Грозненскому горскому словесному суду. Всё население отделов и округов, как казачье, так и горское, было подчинено начальнику области. Пределы его власти расширялись, особенно в отношении горского населения.

Начальник области мог наказывать горцев без суда и следствия, подвергать их по личному своему усмотрению или по представлению начальника округа и атамана отдела аресту на срок не больше одного месяца, а при укрывательстве и не выдаче аульными обществами виновных

в преступлениях, налагать на такие общества денежные взыскания (не больше 50 рублей)[680]. Опубликованные 20 декабря 1895 года «Временные правила об изменении и узаконении административной высылки», как известно, ограничили исключительные полномочия административной власти тем, что «…местные власти, убедясь в необходимости удалить из подчинённой им области порочное в том или другом отношении лицо, делают о том представление господину Министру внутренних дел с подробным изложением мотивов»[681].

21 марта 1888 года Александр III подписал Указ правительствующему Сенату и утвердил новое «Учреждение управления Кубанской и Терской областей», сущностью которых являлось сосредоточение военной и гражданской власти на местах в руках казачьей администрации[682]. В 1883 году начала работу специальная комиссия, подготовившая проект реорганизации гражданского управления. Новая администрация должна была быть казачья и в то же время общая для всего населения области. Для этого предполагалось уничтожить черезполосность округлением границ войсковой территории и включением в неё горского населения[683]. В 1888 году вводится новое управление области, получившее в исторической литературе название «военно-казачьего»[684]. Если модель административного устройства, созданная в областях Северного Кавказа после реформы 1869 года, должна была стать переходной ступенью от «старой» военно-народной системы к «новой», общеимперской, то модель административного устройства после реформы 1888 года явилось фактическим возвращением к военному управлению, существовавшему в Предкавказье до 1869 года. При этом особая роль представителей казачества в управлении Терской и Кубанской областей придавала прежнему военно-народному управлению военно-казачий оттенок. Главную причину необходимости сохранения системы военного управления кавказские власти видели в том, что либеральные реформы 60-70-х годов «весьма мало продвинули горцев в гражданском развитии». Экстраординарные меры властей в последнее десятилетие XIX века, направленные на борьбу с преступностью и укреплением порядка, на практике показали слабую результативность. Военно-народная система, в силу иного назначения, не давала средств к разрешению проблемной экономической ситуации в крае, значение которой как фактора нестабильности к концу XIX века было всё более ощутимым. Предпринятые в рамках этой системы чрезвычайные меры 90-х годов для укрепления порядка в крае, носили паллиативный характер[685].

В Терской области, после 1888 года, заведование отделами в полицейском и военном отношениях принадлежало атаманам отделов, которым присваивались все права и обязанности, принадлежавшие по общим законам уездным исправникам и уездным полицейским управлениям. Они также контролировали общественное управление в селениях и горских аулах. Окружным начальникам подчинялись расположенные на территории части горской милиции[686]. «Легко представить себе, – замечает Коста Хетагуров, – каким авторитетом пользуются в туземных аулах казачьи урядники, – в большинстве случаев постоянно пьяные, грубые в действиях и омерзительно непристойные в выражениях»[687].

Одновременно с административно – территориальными изменениями были изданы реакционные законы, усиливавшие регламентацию жизни горцев. Так, в 1884 году специальным постановлением запрещалось ношение огнестрельного оружия в Кавказском крае без особого на то разрешения. Согласно распоряжениям начальника Терской области, изданным в 1892 году, всё оружие, с которым горцы появлялись в русских населённых пунктах, и которое привозилось из Дагестанской области для продаж, конфисковывалось[688]. С 1893 года местным властям предоставлялось право не только в общественных местах отбирать оружие, но также производить обыски в домах[689].

2 июня 1887 года был издан закон «О введении воинской повинности для инородцев Терской области, а через неделю, 9 июня, появился закон, регламентирующий порядок взимания налога с мусульман Терской области, заменяющего исполнение воинской повинности[690]. «Политическая неблагонадёжность» кавказских мусульман заставила власть отказаться от предложения образовывать из них строевые части. С 1886 года, по распоряжению военного министра, новобранцы-туземцы из Терской области распределялись только в войска, расположенные на Кавказе[691].

Царская администрация нередко действовала по древнеримскому принципу «разделяй и властвуй». В 1883 году, с помощью излюбленных провокационных методов, были поссорены между собой ингуши и чеченцы. В июне 1883 года между ними произошла стычка, с каждой стороны было по 10 000 человек. Член Государственной думы Гайдаров, комментируя этот случай, в своей речи отметил, что натравливание одной национальности на другую было характерной чертой управления Кавказским краем[692].

Факты притеснения чеченцев в период реакции

14 мая 1893 года началось выселение горцев из городов и слободок. Русская слобода Шатой была основана в 1860 году, к 1870 году число проживавших здесь семей увеличилось до 50. Это было единственное русское поселение среди горной Чечни. В 1880 году, Указом наместника, «вследствие уменьшения русских в слободе» было приказано выслать из слободы Шатой всех горцев, с запрещением в дальнейшем им здесь поселяться. С 1890 года к Шатою прирезали 514 десятин земли, но они продолжали оставаться в распоряжении Аргунского лесничества и охранялись объездчиками из чеченцев. Часть чеченцев подала прошение императору о разрешении на жительство в слободе на правах купцов и купчих, им было разрешено. Они стали приобретать недвижимость в Шатое. Чтобы приобрести недвижимость в слободе, чеченцы поступали на службу в милицию[693]. Начальник гарнизона укрепления Шатой приказом от 26 августа 1898 года установил порядок, которым запрещал вход в укрепление лицам, не имевшим билета за подписью начальника гарнизона. В результате всё население 5,6,7 участков было лишено возможности посещать почтово-телеграфную контору, сберегательную кассу и участковую аптеку.

18 марта 1901 года были сняты ограничения на проживание горцев в городе Грозном; 27 февраля 1906 года – в слободе Воздвиженской и лишь 10 мая 1916 года – в слободе Ведено и Шатой. Сам начальник области счёл необходимым возбудить ходатайство об отмене закона 14 мая 1893 года как «служащего тормозом к обрусению племён»[694]. «Положение о видах на жительство» 1894 года подтверждало неравноправное положение не привилегированных сословий в отношении паспортного режима и податное значение паспорта для них. Если дворяне, чиновники, почётные граждане, купцы и разночинцы не были ограничены в выборе постоянного места жительства и получали бессрочные паспортные книжки, то приписанные к обществам крестьянам (так же, как мещанам и ремесленникам) в качестве видов на жительство выдавались паспортные книжки на пять лет, паспорта на один год, шесть месяцев и три месяца или бесплатные билеты на отлучку – на срок до одного года. В результате паспортный режим на рубеже XIX – XX вв. продолжал оставаться ещё одним способом подчинения крестьян сельскому обществу, усиливая вместе с тем контроль властей над ними, придавая виду на жительство не только фискальный, но и административный характер. Лишь

Указ 5 октября 1906 года предоставил сельским обывателям свободу избрания места постоянного жительства, на одинаковых основаниях с лицами других сословий[695].

После 1888 года местная жизнь на Северном Кавказе, в эпоху реакции, была «совершенно придушена первобытным военно-казацким режимом». Всем управляла «казацкая знать», при этом наблюдалось бесправие горцев и иногородних. В трудах комиссии, созданной Владикавказской городской Думой для расследования грабежей и разбоев, одной из причин не спокойной обстановки называлось отсутствие местного самоуправления. На одном из заседаний Думы отмечалось: «Никаких забот о народном образовании, здравии и охране имущества населения, проведения горных дорог и вообще поднятия экономического благосостояния населения – казачья администрация не проявляет»[696]. Б.Н. Чичерин называл главной задачей охранительной системы умение подавлять в народе всякое движение и убивать всякую самостоятельность. Но, к счастью, замечал он, этого сделать нельзя. «Народ не сотрёшь с лица земли, и если ему запрещают говорить, если хотят согласие установить силой, он в тайне отходит от правительства и отказывает ему в содействии»[697].

Наступление реакции и политика контрреформ проявились на Тереке в усилении колониального гнёта, русификаторской политики царизма. Новое административно-политическое управление области, получившее в исторической литературе название военно-казачьего, и ряд антинародных законов были направлены на недопущение добрососедских отношений и дружбы между горцами и казаками. Горцы были поставлены вне действия общих законов империи[698]. После появления в Терской области в 1891 г. нового установления «Об общественном управлении станиц казачьих войск» местные власти возбудили ходатайство перед вышестоящими инстанциями о пересмотре действовавшего установления «Об общественном управлении туземных сельских обществ». При этом делалась ссылка на то, что «современное положение туземцев таково, что они…не представляются покоренным народом». Однако, разработанное аульное положение, как и прежде, опиралось на традиционные воззрения горских обществ и коренные начала их обычного права, приспособленного, тем не менее, по мере возможности к «требованиям времени»[699].

Подведем некоторые итоги. В процессе инкорпорирования Кавказа в состав империи власть стремилась унифицировать систему управления, распространяя на край российские административно-правовые институ-

ты. Однако местные особенности, в недостаточное понимание которых она неизменно упиралась, приводили либо к их незавершённости, либо к непредсказуемым последствиям. Хронология административного устройства на Кавказе охватывает несколько периодов. В ходе Кавказской войны в основном действовала приставская система. После завершения войны господствовала военно-народная форма управления. В 70-80-е гг. XIX в. был взят курс на отказ от специальных управленческих институтов, направленный на полное административное слияние Кавказа с Россией. На Северном Кавказе российский административно-судебный аппарат являлся определяющим фактором в процессе модернизации общественного быта горцев. На этом этапе кавказскую управленческую систему следует рассматривать как парадигму, наиболее оптимально отвечавшую российской капиталистической экономике, активно вторгавшейся в общественную жизнь народов Кавказа[700].

Формы подчинения государственным интересам российских «окраин»

Кавказ управлялся в соответствии со сложившейся имперской формулой – «полное слияние окраин с империей», в основе которой лежал геополитический фактор, равно значимый как для самой России, так и для Кавказа. Прецедент подобной модели взаимодействия России с присоединёнными территориями был сформулирован применительно к Польше. После разгрома восстания 1831 года Николай I в своём манифесте, апеллировавшем к общественному сознанию, высказывался за тесное, твёрдое соединение этого края с прочими областями империи. Необходимо характеризовать политику государственной власти России на окраинах империи в целом как лишённую этноцентристских приоритетов. Главным было укрепление общей для империи государственности (этатизм)[701].

Территориальное расширение Российского государства, включение в его состав новых подданных влекло за собой кардинальные перемены в жизни присоединенных народов. Они сталкивались с новой политической системой и экономическим строем, поступали в подчинение русской администрации, обнаруживали на своих землях множество переселенцев – русских во вновь основанных городах и селах. Русская колонизационная (в том числе переселенческая) политика была настоль-

ко же сложной и противоречивой, каким был круг вовлеченных в ее осуществление политических сил, социальных и этнических групп. Она изменялась как во времени, так и по локальным задачам: ее избирательность зависела от категории «оперируемого» населения и конкретных целей, стоящих за его перемещениями. Однако общие принципы колонизационной политики могут быть прослежены за всеми изменениями правительственного курса, пытающегося использовать различные стратегии для одной, главной задачи – укрепления русского государства, присутствия в регионе и прочной привязки Кавказа к России. Сдвиги в административной, культурной или миграционной политики отражают лишь особенности того, какой же представляется политическому классу страны, в частности – в лице ведущих кавказских администраторов, «национальное основание» империи[702].

Как бы историки ни оценивали ход и последствия (позитивные, негативные, прогрессивные и т.п.) вхождения каждого отдельного народа в состав державы, в любом случае это событие оказывалось стрессовым, кризисным, переломным в его судьбе. Привычные жизненные модели только еще формировались и к тому же зачастую вступали в противоречие со старыми. Эти новые подданные сталкивались с необходимостью осмысливать свое новое состояние, адаптироваться к положению подданных русского царя, определиться в отношении России – могущественной государственной системе, частью которой им довелось стать в силу сложившихся исторических обстоятельств[703]. Процесс «врастания» Кавказа в Российское государство был трудным и долговременным. На этом пути не удалось избежать ошибок и просчетов. Однако объективная заинтересованность сторон в тесной интеграции предопределила его положительное завершение. При этом и горцы, и Российская империя сумели лучше понять друг друга и претерпели определенные изменения, учитывавшие особенности своего исторического партнера[704].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Боханов А. Россия дней давно минувших // Российская империя в фотографиях. Конец XIX – начало XX века. – СПб.,2004. – С.3-6.

[2] Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. – М.,1998. – С.73-74., Пивоваров Ю.С. Русская история как «русская идея» // Национальная идея: страны, народы, социумы. – М.,2007. – С.350.

[3] Sidorko C. P. Dschihad im Kaukasus – Wiesbaden,2007 – S.428; Bodenstedt F. Die Volker des Kaukasus und ihre Freiheitskampfe gegen die Russen. – Munster,1995. – S.4.

[4] Козлов С.А. Территориальное расширение Российского государства в XVI – XIX вв. // Санкт-Петербургский международный летний и культурно-исторический университет. 2007. Территориальное расширение России и земельный вопрос. – СПб.,2007. – С.33-37.

[5] Кавказ. – СПб.,1896.

[6] Каррер де Анкос Э. Евразийская империя: История Российской империи с 1552 г. до наших дней. – М.,2007. – С.79-80.

[7] Кантор В.К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. – М.,2008. – С.23,25.

[8] Майоров М. О нравственности и национальных интересах // Международная жизнь. – М.,2007. – № 1-2. – С.6,8.

[9] Журавлев В.В. Заключение // Административные реформы в России: история и современность. – М.,2006. – С.621-622.

[10] Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. – М.,2007. – С.45.

[11] Волхонский М.А. Национальный вопрос во внутренней политике правительства в годы первой русской революции // Отечественная история. №5. – М.,2005. – С.48.

[12] Голованова М.П. Регалии Российской империи. Государственное знамя. – М.,2007. – С.9-10,21-22.

[13] Ивановский В.В. Русское государственное право. Т.1. Вып.3. – Казань,1896-1898. – С.346.

[14] Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война. – СПб.,1860. – С.1.

[15] Никитин Н.И. Национальная политика Российской империи в Сибири // Преподавание истории в школе. – М.,2007. – № 3. – С.5-6.

[16] Шаповалов А.И., Шнайдер В.Г. Северный Кавказ в орбите геополитических интересов России: социокультурные источники имперских интересов // Этнокультурные проблемы Северного Кавказа: социально-исторический аспект. – Армавир,2002. – С.71.

[17] Смирнова С.К. Адаптационные стратегии в контексте политики межэтнических отношений // Конгресс этнографов и антропологов России: доклады и выступления, Саранск,9-14 июля 2007. – Саранск,2007. – С.480.

[18] Галтунг Й. Теория малых групп и теория международных отношений (исследование проблем соответствия) // Социально – политический журнал. – М.,1998. – № 2. – С.243-244.

[19] Повразнюк К.В. Проблема интеграции мусульман в европейское общество. – СПб.,2007. – С.5-6.

[20] Смирнова С.К. Адаптационнные стратегии…. – С.59,61.

[21] Данилин С.А. Образ России и ее политики в англо-американской публицистике конца XIX – начала XX вв. Дис. …канд. ист. наук. – М.,2006. – С.122-123.

[22] Черкасов П.П. Французские дипломаты о подготовке крестьянской реформы в России: 1856-1860 гг. (по фондам архива МИД Франции) // Вестник истории, литературы, искусства. Т.4. – М.,2007. – С.231.

[23] Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. – М.,2007. – С.355,362.

[24] Сурков В. Тексты 97-07. – М.,2008. – С.20-21.

[25] Алафаев А.А., Тетуев А.И. Россия на Северном Кавказе в XVIII – XX в. // Преподавание истории в школе. – М.,2007. – №3. – С.15.

[26] Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – СПб.,1895. – С.37. Дмитриева О. Восприятие феномена Кавказа элитой русского общества начала XX века // Опыты историко – антропологических исследований. – М.,2004. – С.51.

[27] Аббасбейли А. Кавказ в сфере геостратегических реалий // Обозреватель. – М.,2003. – № 11. – С.35.

[28] Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. – М.,2007. – С.41.

[29] Уинстон Леонард Спенсер Черчилль (1874-1965), выдающийся государственный деятель Великобритании, один из величайших политиков XX века.

[30] Черчилль У. Мировой кризис: 1918-1925. – М.,2007. – С.186-187.

[31] А. – Х.А. Султыгов. Этнополитический конфликт в Северной Ирландии: прошлое и настоящее // Новая и новейшая история. – М.,2006. – № 2. – С.168.

[32] Высокая Е.В. Имперское мышление как историко-культурная картина мира: особенности имперской традиции в Великобритании и России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». – М,2007. – Спец.выпуск. № 2. – С.127.

[33] Мадор Ю.П. английская идея // Национальная идея: страны, народы, социумы. – М.,2007. – С.61.

[34] Абдурахманов Д.Б., Гапуров Ш.А. Страны Востока и колониальная политика европейских держав (XVI – середина XIX века). – Грозный,2007. – С.126-127.

[35] Кожинов В.В. О русском национальном сознании. – М.,2004. – С.264-265.

[36] Россия в XVII – начале XX в.: региональные аспекты модернизации. – Екатеринбург,2006. – С.99-105.

[37] Гапуров Ш.А. Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XIX в. Дис. …докт. ист. наук. – М.,2004. – С.434-436.

[38] Паршев А.П. Почему Россия не Америка? – М.,2000. – С.203-204.

[39] Ахмадов Ш.Б. Народно – освободительное движение горцев Северного Кавказа под предводительством Мансура в 1785-1791 годах. Дис. …докт. ист. наук. – Грозный,1992. – С.80.

[40] Гапуров Ш.А. Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XIX в. Дис. …докт. ист. наук. – М.,2004. – С.437

[41] Спенсер Э. Путешествия в Черкессию. – Майкоп,1994. – С.134.

[42] Плешаков И.Н. Император Павел I: «Через Бухарию и Хиву на реку Индус… №. // Военно – исторический журнал. – М.,50.

[43] Зеленева И.В. Геостратегия России на Кавказе в XIX – начале XX веков // Актуальные проблемы современной политической науки. Вып.2. – СПб.,2002. – С.213.

[44] Тадевосян И. Национальный вопрос на Кавказе. – Ереван,2007. – С.5, 42-43.

[45] Hommaire de Hell, Vavier. Les steppes de la mer. Caspienne, Le Caucase, la Crimee et la Russie Meridionnale. Paris.,1845. V.2. – S. 303-304.; Соснина Е.Л. Мог ли М.Ю. Лермонтов участвовать в разведывательных операциях? // Военно-исторический журнал. – М.,2008. – № 6 (578). – С.67.

[46] Попов В. Кавказский узел до сих пор не развязан // Независимое военное обозрение. – М.,2008. – № 23. – С.11.

[47] Баммат Г. Кавказ и русская революция: Политический аспект. – Махачкала,2000. – С.10.

[48] Менщиков И.С. Британские премьер-министры XIX века: Монография. – Курган,2006. – С.108-109.

[49] Зинева Н.С. Роль геополитического фактора в истории российско – кавказских взаимоотношений в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Вестник Ставропольского гос. университета. Вып.49.– Ставрополь,2007. – С.6-7.

[50] Адыгская (черкесская) энциклопедия. – М.,2006. – С.1029.

[51] Менщиков И.С. Указ. соч. – С.112.

[52] Адыгская (черкесская) энциклопедия. – М.,2006. – С.1025.

[53] Зеленева И.В. Геостратегия России на Кавказе в XIX – начале XX веков // Актуальные проблемы современной политической науки. Вып.2. – СПб.,2002. – С.214.

[54] Адыгская (черкессая) энциклопедия. – М.,2006. – С.1029.

[55] Черноус В.В. Северный Кавказ в контексте этноэтатизма и глобализации // Журнал отдела философии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева. – Майкоп, 2006. – № 5. – С.16 -17.

[56] Чирг А.Ю. Дипломатические методы завоевания Черкесии царизмом в XIX веке // Информационно-аналитический вестник. Вып.4. – Майкоп,2001. – С.113.

[57] Сегень А. Окончание бесконечной войны… // Новая книга России. – М.,2004. – № 7 (67).

[58] Спангелис С.В. На рубежах Кавказа // Московский журнал. – М.,2000. – № 6. – С.8.

[59] Литвинов А. «Жизнь чинов пограничной стражи на Кавказе совершенно боевая…» // Пограничник. – М.,2002. – № 7. – С.13.

[60] Исаев С.-А.А. Присоединение Чечни к России (Аграрная политика царизма и народные движения в крае в XIX в.). Дис. …докт. ист. наук. – М.,1998. – С.122-124.

[61] Исаев С-А.А. Присоединенние Чечни к России (Аграрная политика царизма и народные движения в крае в XIX в.). Дис. …докт. ист. наук. – М.,1998. – С.140.

[62] Староверов В. Исторические уроки буржуазного решения аграрного вопроса в России // Диалог. – М.,2000. – № 6. – С.30 -31.

[63] Гапуров Ш.А. Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XIX в. Дис. …докт. ист. наук. – М.,2004. – С.441.

[64] Шапсугов Д.Ю., Свечникова Л.Г., Исмаилов М.А. Обычное право и акты Российского государства на Северном Кавказе (втор. пол. XVIII – первая треть XX века). Хрестоматия. – Р н/ Д.,2008. – С.306.

[65] Арляпова Е.С. Этнополитические процессы в Чечне: 1917-2000 гг. Дис. …канд. полит. наук. – М.,2006. – С.109.

[66] Таштемир Эльжуркаевич Эльдарханов, чеченец, родился в 1870 году в с. Гехи. Окончил ремесленное училище и учительский институт в Тифлисе. В течение 13 лет был учителем – надзирателем в городских школах Кубани и Терской области. Вследствие гонений администрации и учебного начальства, вынужден был оставить педагогическую деятельность, и не был восстановлен в своих правах, несмотря на жалобу в Сенат на министра народного просвещения. В Государственной Думе принадлежал к парламентской трудовой группе. Альбом портретов членов Государственной Думы. Часть 2-я. Европейская Россия. Кавказ и Закавказье. Сибирь и Степной край. – М.,1906. – С.120.

[67] Дарчиева С.В. Первая Государственная Дума и проблемы межнациональных отношений на Северном Кавказе // Кавказоведение: опыт исследований. Материалы международной научной конференции (Владикавказ, 13-14 октября 2005 г.). – Владикавказ,2006. – С.352-353,358.

[68] Арляпова Е.С. Этнополитические процессы в Чечне: 1917-2000 гг. Дис. …канд. полит. наук. – М.,2006. – С.110.

[69] Алексеева Е.В. Территориальная экспансия Российской империи в сравнительно-исторической ретроспективе // Россия в XVII – начале XX в.: региональные аспекты модернизации. – Екатеринбург,2006. – С.86,90.

[70] Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): Сборник материалов. – Сост. и авт. вступ. ст., предисл. и коммент. Д.Ю. Арапов. – М.,2006. – С.82.

[71] Чубарьян А. Тема империй в современной историографии // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей / Под ред. А.И. Миллера. – М.,2004. – С.12.

[72] Тетуев А.И. Межнациональные отношения на Северном Кавказе: эволюция, опыт, тенденции. – Нальчик,2006. – С.50.

[73] Карпачев М.Д. Власть и общество в России на закате империи: истоки конфликта // Власть и общественное движение в России имперского периода. – Воронеж,2005. – С.9.

[74] Айдаева Н.М., Гусаева К.Г. Теоретико-правовые проблемы регулирования межнациональных отношений: Монография. – Махачкала,2006. – С.5,15.

[75] Шаповалов А.И., Шнайдер В.Г. Северный Кавказ в орбите геополитических интересов России: социокультурные источники имперских интересов // Этнокультурные проблемы Северного Кавказа: социально-исторический аспект. – Армавир,2002. – С.78.

[76] Там же. – С.77.

[77] Радьков О.С. Правовой нигилизм в России: Конец XX – начало XXI вв. Дис. …канд. юрид. наук. – Рн/Д.,2005. – С.30.

[78] Цит. по: Изречения и афоризмы Ф. Ницше. Злая мудрость. – М.,2007. – С.265-266.

[79] Шпак А.Н. Создание и совершенствование защиты и охраны государственной границы в Российской империи (1721-1893 гг.). Дис. …канд. ист. наук. – М.,2006. – С.4.

[80] Урланис Б.Ц. Историческая демография: избранные труды. – М.,2007. – С.170-171.

[81] Немирович – Данченко В. Из летней поездки по Кавказу // Северный Кавказ. – Ставрополь,1888. – №27. – С.1.

[82] Пьецух В.А. Дурни и сумасшедшие. Не усвоенные уроки родной истории. – М.,2006. – С.185-186.

[83] Дегоев В., Ибрагимов Р. Северный Кавказ: постсоветские итоги как руководство к действию, или Повестка дня на вчера. – М.,2006. – С.29.

[84] Суни Р. Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теория империи // Ab Imperio. №1-2. – Казань,2001. – С.17,38.

[85] Джанаев А.К. Народы Терека в российской революции 1905-1907 гг. – Орджоникидзе,1988. – С.18,21,61-62.

[86] Бижев А.Х. Социально-экономический строй народов Центрального и Северо-Западного Кавказа в годы Кавказской войны (по материалам российской разведки). – Майкоп,2005. – С.7,19,31.

[87] Шаповалов А.И., Шнайдер В.Г. Северный Кавказ в орбите геополитических интересов России: социокультурные источники имперских интересов // Этнокультурные проблемы Северного Кавказа: социально-исторический аспект. – Армавир,2002. – С.61,69.

[88] Гасанов М.М. Дагестан в составе России. (Проблемы экономического, политического и культурного развития втор. пол. XIX в.) Дис. …докт. ист. наук. –Махачкала,1999. – С.50.

[89] Гордин Я.А. Декабристы и Кавказ. Имперская идеология либералов // Империя и либералы (Материалы международной конференции). Сборник эссе. – СПб.,2001. – С.19-20.

[90] Там же. – С.21.

[91] Солдатов С.В., Худобородов А.Л. «Надо, чтобы кавказец находил для себя столько же пользы принадлежать нам, сколько и мы в его удержании». Князь Г.Г.

Гагарин о политике России на Кавказе. 1884 // Исторический архив. №1. – М.,2004. – С.208.

[92] РГВИА. Ф.38. Оп.7. Д.113. Л.1-12.

[93] Цит. по: Солдатов С.В. Кавказская война 1817-1864 годов в оценке современников. Дис. …канд. ист. наук. – Челябинск,2004. – С.144.

[94] Кутафин О.Е. Российская автономия: монография. – М.,2006. – С.6,10.

[95] Репников А.В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков): Монография. – М.,2006. – С.159-160.

[96] Там же. – С.190.

[97] Хагба Б.А. Этнополитическая стратегия России на Кавказе: (Историко-политологический анализ). Дис. …канд. филос. наук. – М.,1996. – С.58.

[98] Пасько Е.А. Колонизационная политика России: Вторая половина XVIII – первая четверть XIX вв. Дис. …канд. ист. наук. – Р н/Д.,2003. – С.211.

[99] Ячменихин К.М. Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия. – Чернигов,2006. – С.84-88.

[100] Ячменихин К.М. Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия. – Чернигов,2006. – С.93-96.

[101] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области). Дис. …канд. ист. наук. – М.,2004. – С.4.

[102] Современный словарь иностранных слов. – М.,1993. – С.237.

[103] Кондратенко Д.П. Проблемы национальных отношений в программных документах либеральных партий России (кон XIX – февраль1917 г.). Дис. …канд. ист. наук. – М.,1998. – С.5,28.

[104] Суни Р. Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теория империи // Ab Imperio. №1-2. – Казань,2001. – С.44,52.

[105] Березовский Д.В. Права и свободы жителей Российской Империи в период становления и развития капитализма,1861-1905 г. Дис. …канд. юрид. наук. – Самара,2003. – С.62,75.

[106] Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи. – М.,1993. – С.42,50.

[107] Юрьев С.С. Правовой статус национальных меньшинств. – М.,2001. – С.1.

[108] Менщиков И.С. Британские премьер-министры XIX века: Монография. – Курган,2006. – С.196.

[109] Березовский Д.В. Права и свободы жителей Российской Империи в период становления и развития капитализма,1861-1905 г. Дис. …канд. юрид. наук. – Самара,2003. – С.54.

[110] Трепавлов В.В. Особенности и закономерности «национальной политики» в России XVI – XIX вв. // История и историки: историографический очерк / Ин-т российской истории РАН. – М.,2005. – С.172.

[111] Иванов И.Н. Чрезвычайное законодательство: история и современность (Теоретический и историко-правовой аспекты). Дис. …канд. юрид. наук. – СПб.,2002. – С.78.

[112] Градовский А.Д. Начала русского государственного права: в 2 т. Т.2.: Органы управления. – М.,2006. – С.488.

[113] Айбатов М.М. Государственно-правовая мысль народов Северного Кавказа (XIX – XX в.). – М.,2006. – С.308-309.

[114] Чикаева К.С. Дворянство Северного Кавказа в пореформенную эпоху: этнодемографическая и социально – экономическая эволюция (1861-1917 гг.). Дис. …докт. ист. наук. – Славянск – на – Кубани,2006. – С.390-391,399.

[115] Лопухова А.В. Националисты в Государственной Думе Российской империи. Дис. …канд. ист. наук. – Самара,2005. – С.37-38.

[116] Даргичева С.В. Деятельность депутатов Государственной Думы от Северного Кавказа в разрешении национального вопроса (1906-1917 гг.). Автореф. дис. …кад. ист. наук. – Владикавказ,2006. – С.14,17-18,21.

[117] Иванов И.Н. Чрезвычайное законодательство: история и современность (Теоретический и историко– правовой аспекты). Дис. …канд. юрид. наук. – СПб.,2002. – С.81.

[118] Чичерин Б. Курс государственной науки. Ч.1. Общее государственное право. – М.,1894. – С.1,23-24.

[119] Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи. – М.,1993. – С.66-67.

[120] Невская Т.А. Проведение Столыпинской аграрной реформы на Северном Кавказе (1906-1917). Дис. …докт. ист. наук. – СПб.,1998. – С.14.

[121] Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи. – М.,1993. – С.50-51.

[122] Латынина Ю. Идея нации и идея империи // Знание – сила. – М.,1993. – №4. – С.76.

[123] Шотин Ф. Правда о Кавказских горцах // С.-Петербургские ведомости. – СПб.,1900. – №172. – С.1.

[124] Игнатьев Е. Россия и окраины. – СПб.,1906. – С.18,26,34,44.

[125] Дондуков – Корсаков К. Всеподданнейшая записка Главноначальствующего на Кавказе по гражданскому управлению. – СПб.,1883. – С.125.

[126] Чичерин Б. Курс государственной науки. Ч.1. Общее государственное право. – М.,1894. – С.323.

[127] Авторханов А. Революция 1905 года в национальных областях Северного Кавказа // ЧИНИИ. Известия. Т.1. Вып.1. – Грозный, 1936. – С.33.

[128] Правилова Е.А. Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах,1801-1917. – М.,2006. – С.117.

[129] Письма императора Александра II князю А.И. Барятинскому (1857-1864 гг.) // Вопросы истории. – М.,2007. – №2. – С.130.

[130] Захарова Л.Г. Александр II и место России в мире // Новая и новейшая история. – М.,2005. – № 4. – С.137.

[131] Захарова Л.Г. Александр II и место России в мире // Новая и новейшая история. – М.,2005. – № 2. – С.187.

[132] Блиева З.М. А.И. Барятинский: концепция гражданского и военного управления Кавказом // История народов России в исследованиях и документах. Вып.2. – М.,2007. – С.40.

[133] Кудаева С.Г. Огнем и железом. – Майкоп,1998. – С.59.

[134] Захарова Л.Г. Александр II и место России в мире // Новая и новейшая история. – М.,2005. – № 2. – С.178,187. – № 4. – С.147,149.

[135] Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. – СПб.,2008. – С.170-171.

[136] Бантыш-Калинский Д.Н. Российские генералиссимусы и генерал – фельдмаршалы. – М.,2007. – С.525.

[137] Курмаев М.В. Книга в жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: монография. – Самара,2007. – С.71.

[138] Северный Кавказ: история, региональная специфика, проблемы обеспечения безопасности: Монография. – М.,2007. – С.173.

[139] Казачество. Энциклопедия. – М.,2008. – С.46.

[140] Маркелов Н.В. «Все картины военной жизни, которых я был свидетелем…». Боевая судьба М.Ю. Лермонтова // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология: В 2 т. Т.2. – Ставрополь,2007. – С.248,288.

[141] Покорение и заселение Кавказа / Сост. А.К. Шериев. – Пятигорск,2004. – С.593.

[142] Маркелов Н.В. «Все картины военной жизни, которых я был свидетелем…». Боевая судьба М.Ю. Лермонтова // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология: В 2 т. Т.2. – Ставрополь,2007. – С.288-289.

[143] Донного Х.М. Знамена Кавказской войны. – Махачкала,1997. – С.6,99,111..

[144] Празаускас А. Россия и Кавказ: как сбросить груз прошлого? // Российские вести. – 1994. – № 170 – С.2.

[145] Кипкеева З.Б. Народы Северо – Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение (60-у годы XVIII – 60-е годы XIX в.). – М.,2006. – С.275.

[146] Муханов В.М. Полемика о методах покорения Северного Кавказа в середине 1850-х гг. и участие в ней князя А.И. Барятинского // Первые открытые исторические чтения «Молодая наука». Сборник статей. – М.,2003. – С.69.

[147] Голицын Ю. Кнут и пряник Кавказской войны // Наша власть: дела и лица. – М.,2001. – № 3(6). – С.61.

[148] Блиева З.М. А.И. Барятинский: концепция гражданского и военного управления Кавказом // История народов России в исследованиях и документах. Вып.2. – М.,2007. – С.53-54.

[149] Цветкова О.Н. Завершающий этап Кавказской войны 1859-1864 гг. // Вестник молодых ученых: Исторические науки. – СПб.,2004. – № 1. – С.321.

[150] Дадаев Ю.У. Столицы Шамиля – М.,Махачкала,2007. – С.252.

[151] Голицын Ю. Кнут и пряник Кавказской войны // Наша власть: дела и лица. – М.,2001. – № 3 (6). – С.62.

[152] Дадаев Ю.У. Столицы Шамиля. – М.,Махачкала,2007. – С.174-175,180,245,249.

[153] Путеводитель по Терской области. – Тифлис,1871. – С.6.

[154] Лапин В.В. Дезертиры в Кавказской войне XVIII – XIX вв. // Армия и общество в Российской истории XVIII – XX вв.: сборник трудов международной заочной научной конференции. – Тамбов,2007. – С. 67-71.

[155] Литвинов Н.Д., Литвинова А.Н. «Кавказ, далекая страна». – Воронеж,2006. – С.387.

[156] Алексанов И. Северный Кавказ. Экономические очерки из жизни края // Вестник Европы. Т.6. Кн.11. – СПб.,1899. – С.107,115.

[157] Пальм. Кавказские губернаторы о Кавказе (Материалы для истории кавказского мятежа) // Исторический вестник. Год 31-й. Т.121. – СПб.,1910. – С.935.

[158] Бегеулов Р.М. Народы Центрального Кавказа в XVII – первой четверти XIX века (Этнополитические аспекты взаимоотношений). Дис. …докт. ист. наук. – СПб.,2005. – С.314.

[159] Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. – СПб.,2007. – С.367-368.

[160] Военная энциклопедия. Т.10. – СПб.,1912. М.,2007. – С.346.

[161] Салчинкина А.Р. Специфика боевых действий на Кавказе в 1817-1864 гг. глазами офицеров Отдельного Кавказского корпуса // Клио. – СПб.,2007. – № 1 (36). – С.75.

[162] Долгих А.Н. А.П. Ермолов и крестьянский вопрос в России // Тысячелетие развития общественно-политической и исторической мысли в России: материалы Всероссийской научной конференции, 14-16 мая 2008 г. – Н. Новгород,2008. – С.73-74.

[163] Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. – СПб.,1913. – С.3.

[164] Р.Э. Герман. Русские военные деятели и историки XIX века о способах покорения Кавказа // Сборник научных трудов Северо-Кавказского гос. технич. ун-та. Серия «Право». – Ставрополь,2000. – Вып.2. – С.92.

[165] Лапин В.В. Армия России в Кавкакзской войне XVIII – XIX вв. – СПб.,2008. – С.54.

[166] Трошев Г.Н. Чеченский излом: Дневники и воспоминания. – М.,2008. – С.10-11.

[167] Чекалин С.В. Под солнцем юга: Кавказские войны в лицах. – М.,2002. – С.131.

[168] Мальбахов Б.К. Российская демократическая мысль о колониальной войне на Кавказе // Вестник Северо-Осетинского ун-та им. К.Л. Хетагурова. – Владикавказ,2008. – № 3. – С.81-82.

[169] Гаджиев Т.В. Сочинение Гамба «Путешествие в Южную Россию…» как исторический источник по истории народов Северо-Восточного Кавказа. Дис. …канд. ист. наук. – Махачкала,1983. – С.159.

[170] Архиреев М.В. Кавказская война в русской литературе 1820-1830-х годов. Дис. …канд. филол. Наук. – Тверь,2004. – С.121-122.

[171] Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. – СПб.,1913. – С.81.

[172] История горских народов Кавказа. – Нальчик,2004. – С.57.

[173] Военная энциклопедия. Т.10. – СПб.,1912. М.,2007. – С.256.

[174] Куценко И.Я. Кавказская война и проблемы преемственности политики на Кавказе // Черкесия. – Черкесск,2002. – № 1. – С.114.

[175] Хайбулаева Н.М. Образы и стереотипы в русской публицистической литературе о Дагестане XIX века // Международные Ломидзевские чтения. Изучение литератур и фольклора народов России и СНГ: Теория. История. Проблемы современного развития (Материалы Международной научной конференции 28-30 ноября 2005 г., Москва). – М.,2008. – С.201.

[176] Натиев Д. Кавказский военный песенник. – СПб.,1895. – С.159.

[177] Матвеев В.П. Орловская губерния. Летопись Орловского края на старинных открытках. – Орел,2007. – С.367-370.

[178] Лапин В.В. Алексей Петрович Ермолов – покоритель Кавказа (Размышления перед портретом) // Отечественная историческая мысль в России XIX – XX веков: Сборник статей к 75-летию А.Н. Цамутали. – СПб.,2006. – С.439,442.

[179] Архиреев М.В. Кавказская война в русской литературе 1820-1830-х годов. Дис. …канд. филол. Наук. – Тверь,2004. – С.109-110,118-119.

[180] Евангулов Г.Г. Местная реформа на Кавказе. – СПб.,1914. – С.25.

[181] Ванишвили Ш.Н. Закавказье в системе Российского правления, 1864-1917. Дис. …докт. ист. наук. – Тбилиси,1990. – С.373.

[182] Баев Г. О введении земского самоуправления в Терской области // Кавказский вестник. – Тифлис,1901. – №4. – С.86,90,99.

[183] Трепавлов В.В. Присоединение народов к России и установление российского подданства (проблемы методологии изучения) // Этнокультурные взаимодействия в Евразии: в 2 кн. Кн.2. – М.,2006. – С.203.

[184] Шигабудинов Д.М. Россия и Северо – Восточный Кавказ в 20-50 гг. XIX века (Проблема и опыт взаимоотношений в период народно-освободительного движения горцев против царизма). Дис. …докт. ист. наук. – Махачкала,2004. – С.271-273.

[185] Голицын Ю. Кнут и пряник Кавказской войны // Наша власть: дела и лица. – М.,2001. – № 3 (6). – С.58.

[186] Яковлев Г. Покаяние имама // Парламентская газета. – М.,2000. – 30 июня. – С.13.

[187] Ляхов Б., Сухоруков В. Кавказская война XIX века: наместники, генерал – губернаторы, военачальники. – М.,2007. – С.103.

[188] Военная энциклопедия. Т.10. – Спб.,1912. М.,2007. – С.346.

[189] Шишов А.В. Полководцы Кавказской войны. – М. – С.181.

[190] Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. – СПб.,1913. – С.770.

[191] Ермолов Алексей Петрович (1777-1861) // Кто есть кто в мире / Гл. ред. Г.П. Шалаева. – М.,2003. – С.524-526.

[192] Маркелов Н.В. «Все картины военной жизни, которых я был свидетелем…». Боевая судьба М.Ю. Лермонтова // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология: В 2 т. Т.2. – Ставрополь,2007. – С.248.

[193] Русский музей императора Александра III. Т.1. Живопись и скульптура / Сост. Н. Врангель. – СПб.,1904. – С.174.

[194] Парова Л.М. К истории разработки планов покорения Кавказских горцев российским царизмом // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – Р н/Д.,1993. – №3. – С.57.

[195] Добролюбов Н.А. О значении наших последних подвигов на Кавказе // Полное собрание сочинений. Т.4. – М.,1937. – С.154,156.

[196] Военная энциклопедия. Т.10. – СПб.,1912. М.,2007. – С.345.

[197] Василенко В.Г. Состояние здравоохранения на Дону и Северном Кавказе в пореформенный период // Российский исторический журнал. – М.,2006. – № 1 (38). – С.63.

[198] Парова Л.М. К истории разработки планов покорения Кавказских горцев российским царизмом // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – Р н/Д.,1993. – № 3. – С.57.

[199] Захаров В.А. Загадка последней дуэли // Лермонтовский текст. Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология: В 2 т. Т.2. – Ставрополь,2007. – С.112-113.

[200] Венков А.В. Гроза Кавказа. Жизнь и подвиги генерала Бакланова. – М.,2008. – С.175.

[201] Военная энциклопедия. Т.4. – СПб.,1911. М.,2001. – С.347-349.

[202] «Представляется совершенная свобода следовать магометанской или другой какой-либо вере». Генерал А.А. Вельяминов об управлении духовной жизнью горцев Кавказа // Источник. Документы русской истории. – М.,2003. – №5. – С.17-18.

[203] Герман Р.Э. Русские военные деятели и историки XIX века о способах покорения Кавказа // Сборник научных трудов Северо-Кавказского гос. техн. ун-та. Серия «Право». – Ставрополь,2000. Вып. 2. – С.92-93.

[204] Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война. – СПб.,1860. – С.49-50,229.

[205] Маркелов Н.В. Кавказские силуэты. – Пятигорск,2006. – С.78.

[206] Военная энциклопедия. Т.5. – СПб.,1911. М.,2002. – С.291-292.

[207] Маркелов Н.В. Кавказские силуэты. – Пятигорск,2006. – С.74-75.

[208] Маркелов Н.В. «Все картины военной жизни, которых я был свидетелем…». Боевая судьба М.Ю. Лермонтова // Лермонтовский текст: Ставропольские исследо-

ватели о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология: в 2 т. Т.2. – Ставрополь,2007. – С. 266.

[209] Военная энциклопедия. Т.7. – СПб.,1911. М.,2004. – С.43.

[210] Цит. по: Карпенкова Т.В. Политика самодержавия в отношении мусульманского населения России (Вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.) Дис. …докт. ист. наук. – М.,2004. – С.163.

[211] Омаров А.И. Политика России на Северо – Восточном Кавказе в XIX – начале XX века. Дис. …докт. ист. наук. – Махачкала,2004. – С.250.

[212] Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. – СПб.,2008. – С.157-158.

[213] Савельев А.Е. Переговоры и их отражение в воспоминаниях современников // Общество и право. – Краснодар,2007. – № 2 (16). – С.63,70-72.

[214] Галушкин Н.В. Собственный Его Императорского Величества Конвой. – М.,2004. – С.29.

[215] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX начале XX века (на материалах Терской области). Дис. ...канд. ист. наук. – М.,2004. – С.27.

[216] ОРФ СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.43. Л.52.

[217] Черноус В.В. Кавказ – контактная зона цивилизаций и культур // Кавказ: проблемы культурно-цивилизационного развития. – Р н/Д.,2000. – С.30.

[218] РГАЛИ. Ф.46. Оп.2. Д.359. Л.1-5.

[219] Зиссерман А.А. Фельдмаршал кн. А.И. Барятинский (1815-1879). Т.1. – М.,1888. – С.344.

[220] Блиева З.М. Россия и Северный Кавказ: особенности системы управления в конце XVIII – 80-у гг. XIX в. // Управление Россией. Опыт. Традиции. Новации. XVI – XX вв.: коллективная монография. – М.,2007. – С.245-246.

[221] Rhinelander G. H. Russias Imperial Policy. Adminustration of the Caucasus in the Half of the XIX th Century. – Canadian Slavonic Papers. 1975. – Vol.XVII.

[222] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX начале XX века (на материалах Терской области). Дис. …канд. ист.наук. – М.,2004. – С.28.

[223] Лаптева Л.Е. Региональное и местное управление в России (втор. пол. XIX в.). – М.,1998. – С.17.

[224] Агаджанов С.Г. Основные черты системы управления национальных окраин России (Опыт сравнительно-исторического анализа) // Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М.,1998. – С.404.

[225] Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т.1. СПб.,2001. С.186.

[226] Межуев Б.В. Генерал – губернаторство в системе местного управления России // Россия в условиях трансформации: Историко – политологический семинар. Вып.12 – М.,2001. – С.26-27.Журавлев В.В. Заключение // Административные реформы в России: история и современность. – М.,2006. – С.616-617.

[227] Раскин Д.И. Система институтов Российской имперской государственности кон.XVIII – нач. XX вв. Автореф. дис. …докт. ист. наук. – СПб.,2006. – С.7.

[228] Блинов А. Губернаторы. Историко-юридический очерк. – СПб.,1905. – С.42.

[229] Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т.2. Особенная часть. – СПб.,1893. – С.200.

[230] Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т.1. – СПб.,2001. – С.201.

[231] Архив Кавказской Археографической комиссии. Т.XI. – Тифлис. Б.г. – С.2.

[232] Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т.2. – СПб.,2001. – С.201.

[233] Кавказский Военно-исторический музей. Краткий путеводитель по Кавказскому Военно-историческому музею. – Тифлис, 1909. – С.36.

[234] Военная энциклопедия. Т.7. – СПб.,1911. М.,2004. – С.40.

[235] Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I. 1838-1839. – М.,2008. – С.655.

[236] Чекалин С.В. Под солнцем юга: Кавказские войны в лицах. – М.,2002. – С.14.

[237] Лятошинский Н.Л. Кавказ в историческом отношении. – Киев,1901. – С.16.

[238] Успенский И. Проводы М.С. Воронцова на Кавказ. – Ставрополь,1912. – С.4.

[239] Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I. 1838-1839. – М.,2008. – С.44.

[240] Чекалин С.В. Под солнцем юга: Кавказские войны в лицах. – М.,2002. – С.14, 36.

[241] Документальная история образования многонационального государства Российского. В 4-х книгах. Кн.1. Россия и Северный Кавказ в XVI – XIX веках. – М.,1998. – С.64.

[242] Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. – СПб.,2008. – С.168-169.

[243] Gammer M. Muslim resistance to the tsar Shamil and the conquest of Chechnia and Daghestan – London,2005. – S.175.

[244] Сегень А. Окончание бесконечной войны… // Новая книга России. – М.,2004. – № 7 (67). – С.8.

[245] Салахотдинова Г.В. Распространение ислама и его влияние на жизнь горского населения Северо-Западного Кавказа в XIX – начале XX вв. Дис. …канд. ист. наук. – Армавир,2008. – С.134.

[246] Берг Л.С. Всесоюзное Географическое общество за сто лет. – М.,Л.,1946. – С.55.

[247] Натиев Д. Кавказский военный песенник. – СПб.,1895. – С.10.

[248] Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. – СПб.,2008. – С.169.

[249] Шишов А.В. Полководцы кавказских войн. – М..2003. – С.482.

[250] Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. – СПб.,2008. – С.169.

[251] Военная энциклопедия / Под ред К.И. Величко. – СПб.,1914. Т.16. – С.478-479.

[252] Лейьеров И.П. Окончание Большой Кавказской войны // Музеи России: поиски, исследования, опыт работы. Сборник научных трудов. Вып.4. – СПб.,1998. – С.60.

[253] Свт. Игнатий (Брянчанинов). Будущее России в руках Божественного Промысла. Письма к Н.Н. Муравьеву-Карскому. – М.,1998. – С.3,5, 7, 127,140.

[254] Шишов А.В. Полководцы кавказских войн. – М.,2003. – С.480.

[255] Каталог личных фондов отечественных историков. Вып.2. Первая половина XIX века. – М.,2007. – С.362.

[256] Грибоедовские места / Сост. Н.А. Тархова. – М.,2007. – С.262-263,277.

[257] Маркелов Н.В. Кавказские силуэты. – Пятигорск,2006. – С.203,205.

[258] Маркелов Н.В. Кавказские силуэты. – Пятигорск, 2006. – С.206.

[259] Шишов А.В. Полководцы кавказских войн. – М.,2003. – С.449,451.

[260] Аверин М.Б. Особенности управления национальными окраинами России кон.XIX – нач. XX в. (на примере Кавказского края) // Государство и право: проблемы, помехи, решения и предложения. Вып.I. – Ульяновск. 1996. – С.23,25.

[261] Погожев В.П. Кавказские очерки. – СПб.,1910. – С.261,266.

[262] Зайончковский П.А. Военные реформы 1860-1870 г.г. в России. – М.,1952. – С.65.

[263] Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т.1. – СПб.,2001. – С.205.

[264] Аверин М. Б. Особенности управления национальными окраинами России кон. XIX – нач. XX в. (на примере Кавказского края) // Государство и право : проблемы, помехи, решения и предложения. Вып.I. – Ульяновск, 1996. – С.22.

[265] Гатагова Л.С., Исмаил-Заде Д.И. Кавказ // Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М.,1998. – С.275.

[266] Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М.,1968. – С.193.

[267] АВПРИ. Ф. 144 (Персидский стол). Оп.488. Д.1907,1862. Л.2.

[268] Киняпина Н.С. Внешняя политика России втор. пол. XIX в. – М., 1974. – С.13-14.

[269] Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М.,1968. – С.197.

[270] Агаджанов С.Г. Основные черты системы управления национальных окраин России (Опыт сравнительно-исторического анализа) // Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М.,1998. – С.407.

[271] Погожев В.П. Кавказские очерки. – СПб.,1910. – С.133.

[272] Цит. по: Силаев Н.Ю. Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX в.: демографические, экономические, административно-правовые аспекты интеграции. Дис. …канд. ист. наук. – М.,2003. – С.170.

[273] Тетуев А.И. Межнациональные отношения на Северном Кавказе: эволюция, опыт, тенденции. – Нальчик,2006. – С.50.

[274] Гатагова Л.С., Исмаил-Заде Д.И. Кавказ // Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М.,1998. – С.268.

[275] Агаджанов С.Г. Основные черты системы управления национальных окраин России (опыт сравнительно-исторического анализа) // Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М.,1998. – С.407.

[276] Погожев В.П. Кавказские очерки. – СПб.,1910. – С.133.

[277] Сенин А.С. «Требует большого искусства и осмотрительности…» (Из истории управления национальными окраинами Российской империи) // Этнополитический вестник. – М.,1996. – № I (13). – С.219.

[278] Джаншиев Г.А. Эпоха великих реформ. В 2-х т. Т.2. – М.,2008. – С.279-280.

[279] Исмаил-Заде Д.И. И.И. Воронцов-Дашков – администратор, реформатор. – СПб.,2008. – С.13.

[280] Военная энциклопедия. Т.7. – СПб.,1911. М.2004. – С.43.

[281] Княгиня Н.А. Дондукова-Корсакова. – Тифлис,1887. – С.3,7.

[282] Кривенко В.С. В Министерстве двора. Воспоминания. – СПб.,2006. – С.142, 258,292.

[283] Пляскин В.П. Государственная национальная политика России на Кавказе (1864-1917 гг.): военно-исторический аспект. Дис. …докт. ист. наук. – М.,2003. – С.264.

[284] Бахтурина А.Ю. Окраины российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914-1917 гг.). – М.,2004. – С.210.

[285] Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т.1. – СПб.,2001. – С.451.

[286] Keep John L.H. Soldiers of the Tsar. Army and Society in Russia. 1462-1874. – Oxford,2002. – S.356.

[287] Соколов К.Б. Русская интеллигенция XVIII – XX вв.: картина мира и повседневность. – СПб.,2007. – С.286-288.

[288] Ерошкин Н.П. Российское самодержавие. – М.,2006. – С.275,277-278.

[289] Безотосный В.М. Милютин Д.А. Воспоминания. 1865-1867 // Отечественная история. – М.,2008. – № 6. – С.154.

[290] Там же. – С.154.

[291] Мальбахов Б.К. Российская демократическая мысль о колониальной войне на Кавказе // Вестник Северо-Осетинского ун-та им. К.Л. Хетагурова. – Владикавказ,2008. – № 3. – С.82.

[292] Муханов В.М. Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. – М.,2007. – С.74.

[293] Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. – СПб.,2008. – С.174,178.

[294] Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. – СПб.,2008. – С.174.

[295] Герман О.Б. Земельные отношения на Тереке в первой половине XIX – начале XX вв. (историко-правовой аспект) // Гуманитарные и социально-экономические науки. – Р н/Д.,2006. – № 7. – С.19.

[296] Тотоев М.С. К вопросу о переселении кабардинцев в Турцию // Ученые записки Северо-Осетинского гос. пед. ин-та им. К.Л. Хетагурова. Т.XVIII. Вып. «Историко-филологический». – Дзауджикау,1949. – С.77,80.

[297] Военная энциклопедия. Т.9. – Спб.,1912. М.,2007. – С.275-276.

[298] Муханов В.М. Кавказская война через призму персональной истории генерала Н.И. Евдокимова // Российское общество: историческая память и социальные реалии: Материалы межрегиональной научно-практической конференции XIV Адлерские чтения – 2008. – Краснодар,2008. – С.184.

[299] Марченко Л.С. Армянский наследник графа Евдокимова // Армяне Ставрополья и Терека. – Пятигорск,2007. – С.108.

[300] Кузьминов П.А. Причины крестьянской реформы у народов Северного Кавказа // Вестник Кабардино-Балкарского государственного ун-та. Серия Гуманитарные науки. Вып.9. – Нальчик,2004. – С.19.

[301] Валуев П.А. Дневник министра внутренних дел (1861) // Александр II . Воспоминания. Дневники. – СПб.,1995. – С.91.

[302] Конституция графа Лорис – Меликова и его частные письма. Лондон. – СПб. Б.г. – С.6.

[303] Иванов К.В. Редактор газеты «Кавказ» В.В. Стратонов (1910-1911 гг.) // Книжное дело на Северном Кавказе. Вып.3. Сборник статей. – Краснодар,2005. – С.90.

[304] Омаров А.И. Политика России на Северо – Восточном Кавказе в XIX – начале XX века. Дис. …докт. ист. наук. – Махачкала,2004. – С.258.

[305] Вейденбаум Е.Г. Путеводитель по Кавказу. Отдел I. Очерк этнографии Кавказского края. – Тифлис,1888. – С.7.

[306] Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т.1. – СПб.,2001. – С.186.

[307] АВПРИ. Ф.144 (Персидский стол). Оп.488. Д.416,1882. Л.18.

[308] Матвеев В.А. В интересах горцев. О системе управления на Северном Кавказе // Ориентир. – М.,1999. – №11. – С.65.

[309] РГИА. Ф.565. Оп.1. Д.4398. Л.79 об.

[310] Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т.1. – СПб.,2001. – С.213.

[311] Ивановский В.В. Русское государственное право. Т.1. Вып.3. – Казань,1896-1898. – С.347-348.

[312] Там же. – С.218,451.

[313] «Кавказский запрос в Государственной Думе» (Полные речи всех ораторов по официальным стенограммам). – Тифлис,1909. – С.7.

[314] Казачество. Энциклопедия. – М.,2008. – С.165.

[315] Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта гр. Воронцова – Дашкова. – Тифлис,1907. – С.156.

[316] Несмачная С.И. История Кавказа в лицах: Биографический словарь. Т.V. – Ставрополь,2006. – С.198-200.

[317] Волконский Н. Биография А.М. Дондукова-Корсакова. – Тифлис,1883. – С.1.

[318] Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): Сборник материалов. – Сост. и авт. вступ.ст., предисл. и коммент. Д.Ю. Арапов. – М.,2006. – С.120-121.

[319] Мужухоева Э.Д. Административная политика царизма в Чечено-Ингушетии во второй половине XIX – нач.XX в. Автореф. дис. …канд. ист. наук. – М.,1989. – С.21.

[320] Кондрашева А.С. Кавказское Наместничество и его деятельность на Северном Кавказе (2-я половина 40-х гг. XIX – начало XX вв.). Дис. …канд. ист. наук. – Ставрополь,2003. – С.215.

[321]Цит. по: Волхонский М.А. Национальная политика и правительственные круги накануне и в годы первой русской революции. Дис. …канд. ист. наук. – М.,2003. – С.4-5.

[322] Битов А. «У нас есть одно достояние общее… у нас есть русский язык» // Россия и Кавказ на рубеже столетий. – М.,2006. – С.51.

[323] Ортабаев Б.Х. Усиление колониального режима царизма на Северном Кавказе на рубеже XIX – XX вв. // Проблемы истории и культуры народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе,1985. – С.98.

[324] Русские писатели в нашем крае. – Грозный,1958. – С.16.

[325] Линден В. Высшие классы коренного населения Кавказского края и правительственные мероприятия по определению их сословных прав. Исторический очерк. – Тифлис,1917. – С.189.

[326] Оленин В. Кавказские силуэты // Кавказ. – Париж,1938. – № 8-9 (56-57). – С.31.

[327] Несмачная С.И. История Кавказа в лицах: Биографический словарь. Т.IV. – Ставрополь,2000. – С.130.

[328] Казачество. Энциклопедия. – М.,2008. – С.135.

[329] Хоруев Ю.В. Печать Терека и царская цензура. – Орджоникидзе,1971. – С.80.

[330] Волхонский М.А. Первая русская революция и восстановление Наместничества на Кавказе // Кавказский сборник. – Т.3 (35). – М.,2006. – С.91-92.

[331] Крылова Е.Н. Петр Дмитриевич Святополк – Мирский и деятельность Министерства внутренних дел. Дис. …канд. ист. наук. – СПб.,2006. – С.140,175-176.

[332] Волхонский М.А. Первая русская революция… – С.93-95.

[333] Гатагова Л.С., Исмаил-Заде Д.И. Кавказ // Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М.,1998. – С.282-284.

[334] Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта гр. Воронцова – Дашкова. – Тифлис,1907. – С.156.

[335] Шигабудинов М.Ш. Дагестан в начале XX века // История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В 2-х томах. Т.2. История Дагестана в XX веке. – Махачкала,2005. – С.25.

[336] Невский С.А., Карлеба В.А., Яковлева Л.В. Предварительное расследование преступлений в Российском государстве в XVI – начале XX века (уголовно-процессуальные и организационные аспекты): Учебное пособие. – Краснодар,2006. – С.60-61.

[337] Невский С.А. Правовое регулирование оборота оружия на Кавказе в XIX – начале XX века // Военно-исторический архив. – М.,2004. – №9(57). – С.144-145.

[338] Там же. – С.145-148.

[339] Мачукаева Л.Ш. Проблемы политико-административного управления Северным Кавказом (1905-1914) // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. – М.,2005. – С.86-87.

[340] Гатагова Л.С., Исмаил-Заде Д.И. Кавказ // Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М.,1998. – С.281-282.

[341] Малахова Г.Н. Государственное управление Кавказом – история и современность // Вертикаль власти : проблемы оптимизации взаимодействия федерального, регионального и местного уровней власти в современной России. Вып.1. – Р н/Д.,2001. – С.56-57.

[342] Силаев Н.Ю. Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX в.: демографические, экономические, административно-правовые аспекты интеграции. Дис. …канд. ист. наук. – М.,2003. – С.182.

[343] Дармилова Э.Н. Кавказская война и народы Северного Кавказа: прошлое и современность (вторая половина XIX– XX вв.) Дис. …канд. ист. наук. – Черкесск,2003. – С.52.

[344] Агаджанов С.Г. Основные черты системы управления национальных окраин России (опыт сравнительно-исторического анализа) // Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М.,1998. – С.407.

[345] Бахтурина А.Ю. Административные преобразования на окраинах Российской империи XIX – начала XX вв. // Административные реформы в России: история и современность. – М.,2006. – С.324.

[346] Baberowski J. Law, the judicial system and the legal profession // The Cambridge history of Russia. Volume II. Jmperial Russia,1689-1917. – Cambridge, 2006. – С.359.

[347] Волхонский М.А. Национальный вопрос во внутренней политике правительства в годы первой русской революции // Отечественная история. – М.,2005. – №5. – С.48.

[348] Синенко С.Г. мусульманское духовное собрание. Художественно-документальное повествование. – Уфа,2008. – С.127.

[349] Арапов Д.Ю. «Трудностей разрешения мусульманского вопроса не отрицают и сами мусульмане». Материалы Министерства внутренних дел России. 1916 г. // Исторический архив. – М.,2004. – №1. – С.109.

[350] Исхаков С.М. Первая российская революция и мусульманское движение // Отечественная история. – М.,2005. – №5. – С.64.

[351] Волхонский М.А. Национальный вопрос во внутренней политике правительства в годы первой русской революции // Отечественная история. – М.,2005. – №5. – С.48.

[352] «Наша внутренняя политика по мусульманскому вопросу является важным фактором политике внешней». С.Ю. Витте и его позиция в мусульманском вопросе // Источник. Документы русской истории. – М.,2003. – №2(62). – С.24.

[353] Волхонский М.А. Национальный вопрос во внутренней политике правительства в годы первой русской революции // Отечественная история. – М.,2005. – №5. – С.57.

[354] Там же. – С.58.

[355] Ильин С.В. Витте. – М.,2006. – С.7-8,10.

[356] РГИА. Ф.1268. Оп.12. Д.105. Л.74-76.

[357] Волхонский М.А. Национальный вопрос во внутренней политике правительства в годы первой русской революции // Отечественная история. – М.,2005. №5. – С.60.

[358] Исхаков С.М. Первая российская революция и мусульманское движение // Отечественная история. – М.,2005. – № 5. – С.65,71.

[359] Мальцев В.Н. Разработка Е.А. Головиным и П.Х. Граббе принципов отношений с горским населением Северного Кавказа в конце 30-х годов XIX века // Российское общество: историческая память и социальные реалии: Материалы межрегиональной научно-практической конференции XIV Адлерские чтения – 2008. – Краснодар,2008. – С.160,163.

[360] Мальцев В.Н. Разработка Е.А. Головиным и П.Х. Граббе принципов отношений с горским населением Северного Кавказа в конце 30-х годов XIX века // Российское общество: историческая память и социальные реалии: Материалы межрегиональной научно-практической конференции XIV Адлерские чтения – 2008. – Краснодар,2008. – С.161.

[361] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области). Дис. …канд. ист. наук. – М.,2004. – С.33.

[362] Блиева З.М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е годы XIX века. Дис. … докт. ист. наук. – Владикавказ,2004. – С.399,403.

[363] Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси,1988. – С.288.

[364] Блиева З.М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е годы XIX века. Дис. …докт. ист. наук. – Владикавказ,2004. – С.399.

[365] Воронцов С.Л. Военное управление на территории Российской империи в XVIII – начале XX веков // Народ, политика, власть в истории России. – Ярославль,2005. – 46-47.

[366] Блиева З.М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е годы XIX века. Дис. …докт. ист. наук. – Владикавказ,2004. – С.401.

[367] Журавлев В.В. Заключение // Административные реформы в России: история и современность. – М.,2006. – С.628.

[368] Земское самоуправление в России, 1864-1905. – М.,2005. – С.6.

[369] Кудаева С.Г. Адыги (черкесы) Северо – Западного Кавказа: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества (XIX в.). Автореф. …дис. докт. ист. наук. – Махачкала,2006. – С.3.

[370] Муратова Е.Г. Модернизация и традиция в этнических ареалах Северного Кавказа (Исторический и актуальный опыт) // ОНС: Общественные науки и современность. – М.,2006. – № 3. – С.86-87.

[371] РГИА. Ф.932. Оп.1. Д.303. Л.1.

[372] ОРФ СОИГСИ. Ф.2. Оп.1. Д.16. Л.13.

[373] Тавакалян Н.А. Присоединение Чечено-Ингушетии к России и его последствия. Дис. …докт. ист. наук. – Грозный,1971. – С.19.

[374] ГИМ ОПИ. Ф.254. Д.321. Л.49.

[375] Очерк восстания горцев Терской области в 1877 году. – СПб.,1896. – С.12.

[376] Тавакалян Н.А. Присоединение Чечено-Ингушетии к России и его последствия. Дис. … докт. ист. наук. – Грозный, 1971. – С.20.

[377] Дубле Е.О. Всеобщая статистика Российского государства; географическая, административная, финансовая, коммерческая, промышленная. Сборник 500 000 адресов. Год 1878. – М.,1878. – С.657.

[378] Вейденбаум Е.Г. Путеводитель по Кавказу. Отдел I. Очерк этнографии Кавказского края. – Тифлис,1888. – С.216.

[379] Шамиль на Кавказе и в России. – М.,1994. – С.70-71.

[380] Динник Н.Я. По Чечне и Дагестану. – Тифлис,1905. – С.15.

[381] Дунюшкин И.Е. Терское казачество в межнациональных отношениях на Северном Кавказе (1905-1917). Автореф. дис. ….канд. ист. наук. – Екатеринбург,1996. – С.5.

[382] Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. Т.1. – СПб.,2001. – С.205.

[383] Реформы 60-70-х годов XIX века в Дагестане и их влияние на антиколониальную борьбу горцев. Дис. …канд. ист. наук. – Махачкала,2006. – С.57.

[384] Омаров А.И. Политика России на Северо – Восточном Кавказе в XIX – начале XX века. Дис. …докт. ист. наук. – Махачкала,2004. – С.268.

[385] ГА РФ. Ф.677. Оп.1. Д.498. Л.14.

[386] РГИА. Ф.1341. Оп.104. Д.279. Л.1.

[387] РГИА. Ф.733. Оп.193. Д.381. Л.6.

[388] ОРФ СОИГСИ. Ф.2. Оп.1. Д.16. Л.12.

[389] РГИА. Ф.1268. Оп.10. Д.99. Л.110.

[390] Бондаревский Г.Л. Россия и Северный Кавказ в XVI – XIX веках // Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн.1. Россия и Северный Кавказ. – М.,1998. – С.83.

[391] ОРФ СОИГСИ. Ф.2. Оп.1. Д.16. Л.22.

[392] Законы об управлении областей Дальнего востока. – СПб.,1904. – С.109.

[393] Архипова Е.В. Формирование границ на Кавказе в XIX – начале XXI в. (границы между Азербайджаном, Грузией и Россией). Дис. …канд. ист. наук. – Волгоград,2005. – С.3-5.

[394] Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). – М.,2007. – С.20.

[395] Шамиль и Чечня // Военный сборник. – СПб.,1859. – №9. – С.141-143.

[396] Казначеев А. Административные преобразования в Терской области (1860-1905 гг.). – М.,2004. – С.7-8.

[397] Кабузан В.М. Динамика численности и этнического состава населения Чечено-Ингушетии в XVIII – XX веках // Труды Института российской истории / Ин – т российской истории РАН. – М.,1997. Вып.5. – М.,2005. – С.209-210.

[398] Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М.,2005. – С.19.

[399] Мамбетов Г.Х. Институт аманатства и его роль в распространении и изучении русского языка на Сееверном Кавказе // Вестник Кабардино-Балкарского государственного ун-та. Серия Гуманитарные науки. Вып. 8. – Нальчик,2003. – С.14-16.

[400] РГИА. Ф.1268. Оп.10. Д.99. Л.13.

[401] ОРФ СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.8. Л.35.

[402] Зверинский В.В. Указатель изменений в распределении административных единиц и границ империи с 1860 по 1887 г. – СПб.,1887. – С.24.

[403] Ибрагимова З.Х. Чечня после Кавказской войны (1863-75 гг.) (по архивным источникам). – М.,2000. – С.55.

[404] РГИА. Ф.1407. Оп.3. Д.7943. Л.3.

[405] РГИА. Ф.1268. Оп.15. Д.146. Л.25.

[406] Статистический временник Российской империи. Сер.3. Вып.19. Указатель изменений в распределении административных единиц и границ империи с 1860 по 1887 гг. – СПб.,1887. – С.26.

[407] ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. LII (1877). – СПб.,1879. – С.308.

[408] Сборник сведений о Терской области. Вып.1. – Владикавказ,1878. – С.126.

[409] Дубле Е.О. Всеобщая статистика Российского государства; географическая, административная, финансовая, коммерческая, промышленная. Сборник 500 000 адресов. Год1878. – М.,1878. – С.656.

[410] Мужухоева Э.Д. Административно-территориальное деление управления Терской области в 80-90 г. XIX в. // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. – Грозный,1984. – С.67.

[411] Джанаев А.К. Народы Терека в российской революции 1905-1907 гг. – Орджоникидзе,1988. – С.21.

[412] Высочайшие повеления // Терские ведомости. – Владикавказ,1888. – №39. – С.1.

[413] Хоруев Ю.В. Классовая борьба крестьян Терской области на рубеже XIX – XX в. – Орджоникидзе,1978. – С.26.

[414] Мужухоева Э.Д. Административно-территориальное деление управления Терской области в 80-90 г. XIX в. // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. – Грозный,1984. – С.67.

[415] Хоруев Ю.В. Классовая борьба крестьян Терской области на рубеже XIX –XX в. – Орджоникидзе,1978. – С.29.

[416] Ортабаев Б.Х. Социально-экономический строй горских народов Терека накануне Октябрьской революции. – Владикавказ,1992. – С.21.

[417] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области). Дис. …канд. ист. наук. – М.,2004. – С.85.

[418] Терская область. Начальник. Отчёт начальника Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1900 г. – Владикавказ,1901. – С.2.

[419] Законы об управлении областей Дальнего востока. – СПб.,1904. – С.110.

[420] Бороденко В.Е. Административно-церковное управление Предкавказья в XIX в. // Проблемы историографии и истории Кубани. Сборник научных трудов. – Краснодар,1994. – С.147.

[421] Карцов А.П. Письма из губернии. Терская область // Русский вестник. Т.234. – СПб.,1894. – С.293.

[422] Акиев Х.А. Привилегированное сословие горцев Северного Кавказа на службе в царской армии и милиции // Вопросы истории классообразования и

социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI – XX в.). – Грозный,1980. – С.86.

[423] ОРФ СОИГСИ. Ф.2. Оп.1. Д.16. Л.32.

[424] РГИА. Ф.932. Оп.1. Д.303. Л.3.

[425] ГИМ ОПИ. Ф.307. Оп.1. Ед. хр.8. Л.117.

[426] ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т.VII.(1887). – СПб.,1889. – С.21.

[427] Динник Н.Я. По Чечне и Дагестану. – Тифлис,1905. – С.44.

[428] ПСЗ РИ. Собр.2-е. Т.LI. Отд.1. (1876). – СПб.,1878. – С.53.

[429] Блиев М.М. О некоторых вопросах истории взаимоотношений народов Северного Кавказа с Россией в XVI – XIX в. // Северо-Осетинский педагогический институт. Учёные записки. Т.27. Вып.1. – Орджоникидзе,1967. – С.127.

[430] ОРФ СОИГСИ. Ф.2. Оп.1. Д.16. Л.7.

[431] Сборник сведений о Терской области. Т.1.Вып.1. – Владикавказ,1878. – С.146.

[432] Терская область. Статистический комитет. Обзор Терской области за 1887 год. – Владикавказ,1887. – С.11.

[433] Хасбулатов А.И. Административно-территориальные и управленческие преобразования в Чечне во II пол. XIX – нач. XX в. // Кавказ: проблемы культурно – цивилизационного развития. – Р н/Д.,2000. – С.152.

[434] Кемпинский Э.В. Российская интеллигенция: история и судьбы. – М.,2005. – С.95.

[435] Салчинкина А.Р. Кавказская война 1817-1864 гг. и психология комбатанства. Дис. …канд. ист. наук. – Краснодар,2005. – С.90, 165.

[436] Российские военные и гражданские чиновники на Кавказе. XIX век: Справочник / Составитель З.М.Блиева. – Владикавказ, 2003. – С.3.

[437] Кемпинский Э.В. Российская интеллигенция: история и судьбы. – М.,2005. – С.95.

[438] Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. – 1917 г.). – СПб.,1993. – С.329.

[439] Сенин А.С. Государственная служба в России: история и современность. – Одинцово,2007. – С.19-22.

[440] Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): Сборник материалов. – Сост. и автор вступ. ст., предисл. и коммент. Д.Ю. Арапов. – М.,2006. – С.135.

[441] Бердяев С.К. Разбои на Северном Кавказе. Из воспоминаний старого администратора (Период 1907-1915 г.). – Париж,1936. – С.6.

[442] Немирович – Данченко В. Из летней поездки по Кавказу // Северный Кавказ. – Ставрополь,1888. – №27. – С.1.

[443] Кемпинский Э.В. Российская интеллигенция: история и судьбы. – М.,2005. – С.118.

[444] Станько А.И. Журналистика Дона и Северного Кавказа (Допролетарский период). – Р н/Д.,1990. – С.40-41.

[445] Кемпинский Э.В. Российская интеллигенция: история и судьбы. – М.,2005. – С.115.

[446] Там же. – С.118.

[447] Померанцев А.В. Как живут и трудятся народы в горах Кавказа. – М.,Л.,1927. – С.3.

[448] Кузнецов Н.Д. Третья Гос.дума и национальная политика царизма на Кавказе. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – М.,1951. – С.12.

[449] Журавлев В.В. Заключение // Административные реформы в России: история и современность. – М.,2006. – С.618-619.

[450] Зиссерман А.Л. Фельдмаршал кн. А.И. Барятинский (1815-1879). Т.1. – М.,1888. – С.217.

[451] Батукаев М.Э. Особенности исторического развития Чечни и Ингушетии в пореформенный период. Дис. …канд. ист. наук. – Пятигорск,2006. – С.138.

[452] Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края. – СПб.,1912. – С.6.

[453] АВПРИ. Ф.144(Перс. стол). Оп.488. Д.418.,1896-1907,1910. Л.53.

[454] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX –начале XX века (на материалах Терской области) Дис. …канд. ист. наук. – М.,2004. – С.29.

[455] Гасанов М.М. Дагестан в составе России (Проблемы экономического, политического и культурного развития втор. пол.XIX в.). Дис. …докт. ист. наук. – Махачкала,1999. – С.205.

[456] Дамбаева О.П. Область в системе государственного устройства и управления Российской Империи (XVIII – начало XX вв.). Дис. …канд. юрид. наук. – Екатеринбург,2006. – С.92,104-105.

[457] Там же. – С.131.

[458] Асфендияров А.З. Введение кантоной системы управления в Башкирии // Из истории Башкирии. Дореволюционный период. – Уфа,1969. – С.159-164.

[459] Агаджанов С.Г. Основные черты системы управления национальных окраин России (Опыт сравнительно-исторического анализа) // Национальные окраины Российской империи : становление и развитие системы управления. – М.,1998. – С.395-396.

[460] Блиева З.М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е годы XIX века. Дис. …докт. ист. наук. – Владикавказ,2004. – С.328.

[461] Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (кон.XVIII – нач. XX вв.). – Нальчик,1995. – С.12.

[462] Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XX в. – Тбилиси,1988. – С.288.

[463] Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (кон.XVIII – нач.XX в.). – Нальчик,1995. – С.13.

[464] Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края. – СПб.,1912. – С.6.

[465] ГА РФ. Ф.677. Оп.1. Д.511. Л.16.

[466] Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края. – СПб.,1912. – С.7.

[467] Кудашев В. Исторические сведения о кабардинском народе. – Киев,1913. – С.9.

[468] Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (кон.XVIII – нач.XX в.). – Нальчик,1995. – С.13.

[469] Гасанов М.М. Дагестан в составе России (Проблемы экономического, политического и культурного развития втор. пол. XIX в.). Дис. …докт. ист. наук. – Махачкала,1999. – С.205.

[470] ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т.3 (1883). – СПб.,1886. – С.300,354.

[471] Охонько Н.А. Исторические символы Кавказа. – Пятигорск,2006. – С.40-41, 44-45.

[472] Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта гр. Воронцова – Дашкова. – Тифлис,1907. – С.127.

[473] Туманов Г.М. К введению на Кавказе земского самоуправления. Материалы, собранные Тумановым. – Тифлис,1905. – С.9.

[474] Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – нач. XX в.) – . СПб.,1998. – С.550.

[475] Джабоги В.-Г. Революция и гражданская война на Северном Кавказе кон.XIX – нач. XX вв. // Наш Дагестан. –1994. – №167-168. – С.31.

[476] ОР РГБ. Ф.363. К.5. Д.5. Л.25.

[477] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX –начале XX века (на материалах Терской области). Дис. … канд. ист. наук. – М.,2004. – С.31.

[478] Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.). Дис. …докт. ист. наук. – М.,2005. – С.335,340.

[479] Генерал-лейтенант Чернявский. Кавказ в течение 25-летнего царствования императора Александра II , 1855-1880. Исторический очерк. – СПб.,1898. – С.54.

[480] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области). Дис. …канд. ист. наук. – М.,2004. – С.30.

[481] Гапуров Ш.А. Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XIX в. Дис. …докт. ист. наук. – М.,2004. – С.407.

[482] Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864 – 1904 гг.). Дис. …докт. ист. наук. – Пятигорск,2005. – С.416-417.

[483] Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XIII – начало XX вв.). Дис. …докт. ист. наук. – М.,2005. – С.335.

[484] Гапуров Ш.А. Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XIX в. Дис. …докт. ист. наук. – М.,2004. – С.406.

[485] Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.). Дис. …докт. ист. наук. – Пятигорск,2005. – С.417.

[486] Фадеев Р.А. Отрывки из записки генерала Фадеева о Кавказе // Русь. – 1884. – №3. – С.25.

[487] Муталиев Т.Х. Участие чеченцев и ингушей в русско-турецкой войне 1877-78 гг. Дис. …канд. ист. наук. – Махачкала,1979. – С.29.

[488] РГИА. Ф.1152. Оп.8. Д.216. Л.75.

[489] Малахова Г.Н. Государственные реформы 60-80-х годов XIX века как завершающий этап включения Северного Кавказа в административную и экономическую систему России // Система государственной власти и управления в России: история, традиции и современность. – СПб.,2003. – С.174.

[490] Мачукаева Л.Ш. Проблемы политико-административного управления Северным Кавказом (1905-1914) // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. – М.,2005. – С.100.

[491] Силаев Н.Ю. Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX в.: демографические, экономические, административно-правовые аспекты интеграции. Дис. …канд. ист. наук. – М.,2003. – С.177.

[492] Пляскин В.П. Система военно-народного управления на Кавказе (вторая половина XIX – начало XX в.) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки .– 2002. – №2. – С.10.

[493] Мужухоева Э.Д. Административно-территориальное деление управления Терской области в 80-90 г. XIX в. // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. – Грозный,1984. – С.69.

[494] Мальцев В.Н. Административная реформа в казачьих областях Северного Кавказа во второй пол. XIX в. // Проблемы истории казачества. – Волгоград,1995. – С.101.

[495] Силаев Н.Ю. Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX в.: демографические, экономические, административно-правовые аспекты интеграции. Дис. …канд. ист. наук. – М.,2003. – С.181-183.

[496] Туманов Г.М. Земельные вопросы и преступность на Кавказе. – СПб.,1900. – С.67.

[497] Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70-е гг. XIX в.). Сборник архивных документов. – Нальчик,2001. – С.438.

[498] Мальцев В.Н. Административная реформа в казачьих областях Северного Кавказа во второй пол.XIX в. // Проблемы истории казачества. – Волгоград,1995. – С.102.

[499] Ткаченко Д.С. Национальное образование в Российской империи XIX – начала XX в. (на материалах Северо – Кавказского региона). Дис. …докт. ист. наук. – Ставрополь,2006. – С.141.

[500] Гатагова Л.С., Исмаил-Заде Д.И. Кавказ // Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М.,1998. – С.287.

[501] Пляскин В.П. Система военно-народного управления на Кавказе (вторая половина XX в.) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2002. – №2. – С.11.

[502] Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта гр. Воронцова – Дашкова. – Тифлис,1907. – С.123.

[503] Мусульманские депутаты Государственной думы России 1906-1917. Сборник документов и материалов. – Уфа,1998. – С.322.

[504] АВПРИ. Ф.144 (Перс. стол). Оп.488. Д.418,1896-1907,1910. Л.57.

[505] Проценко Ю.П. Записка о производительных силах Кавказского и При-Каспийского края // Кавказский календарь на 1880 г. – Тифлис,1879. – С.95.

[506] Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – нач.XX в.). – СПб.,1998. – С.129.

[507] Драгоманов М.П. Политические сочинения. Т.1. Центр и окраины. – М.,1908. – С.202.

[508] Мачукаева Л.Ш. Проблемы политико-административного управления Северным Кавказом (1905-1914) // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. – М.,2005. – С.92.

[509] Пляскин В.П. Система военно-народного управления на Кавказе (вторая половина XIX – начало XX в.) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2002. – №2. – С.11.

[510] Гатагова Л.С., Исмаил-Заде Д.И. Кавказ // Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М.,1998. – С.127.

[511] Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.,2000. – С.278.

[512] Исмаил-Заде Д.И. Система управления и российская бюрократия // Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. – М.,2003. – С.115.

[513] Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.,2000. – С.278-279.

[514] Размышления о России и русских. «Вторая философия» русского человека. – М.,2006. – С.38-39.

[515] Лившин А.Я. Общественные настроения в Советской России 1917-1929 гг. Дис. …докт. ист. наук. – М.,2004. – С.96,112.

[516] Лившин А.Я. Общественные настроения в Советской России 1917-1929 гг. Дис. …докт. ист. наук. – М.,2004. – С.113-114, 163,167, 174-175.

[517] Ланщиков А. Русские на Кавказе. XIX век // Литературная Россия. – М., 1992. – № 51. – С.4.

[518] Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М.,1978. – С.146-148.

[519] Чикаева К.С. Дворянство Северного Кавказа в пореформенную эпоху: этнодемографическая и социально – экономическая эволюция (1861-1917 г.). Дис. …докт. ист. наук. – Славянск – на – Кубани,2006. – С.133,148-149.

[520] Чикаева К.С. Офицерский корпус Северного Кавказа (1861-1917 гг.): статус, состав и образование // Культурная жизнь Юга России. – Краснодар,2006. – № 3 (17). – С.32-33.

[521] ГИМ ОПИ. Ф.254. Ед.хр.321. Л.57 об.

[522] Погожев В.П. Кавказские очерки. – СПб.,1910. – С.131.

[523] Русева Л. России верные сыны. – М.,2006. – С.370.

[524] Самойлова С.В. Граф М.С. Воронцов в общественно-политической жизни России в первой четверти XIX века. Автореф. дис. ….канд. ист. наук. – М.,1995. – С.13.

[525] РГИА. Ф.1268. Оп.10. Д.42. Л.50.

[526] РГИА. Ф.565. Оп.2. Д.6875. Л.3.

[527] Герберт А. «Развитие ресурсов этой области тормозится существующей системой» (Кавказ глазами английского полковника) // Источник. – 1999. – №5. – С.34.

[528] Сенин А.С. Государственная служба в «Золотой век» Российской империи // История гос.службы в России. XVIII – XX века. – М.,1999. – С.119,125.

[529] РГИА. Ф.932. Оп.1. Д.303. Л.2.

[530] Исторический отдел // Терский календарь на 1896 г. Вып.V. – Владикавказ,1895. – С.200.

[531] Соллогуб В.А. Три повести. – М.,1978. – С.42.

[532] Семёнов Н. Туземцы Северного Кавказа. – СПб.,1895. – С.32-35.

[533] Цаголов Г. Край беспросветной нужды (Заметки о Нагорной полосе Терской области). – Владикавказ,1912. – С.74-75.

[534] Абрамов Я.В. Кавказские горцы. – Краснодар,1927. – С.91.

[535] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области). Дис. …канд. ист. наук. – М.,2004. – С.142.

[536] Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.,2000. – С.475.

[537] Акты Кавказской Археографической комиссии. Т.12. – Тифлис,1904. – С.1111.

[538] Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.,2000. – С.399.

[539] Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь А.И. Барятинский // Русский архив. Кн.1. Вып.1. – М.,1889. – С.123.

[540] РГВИА. Ф.414. Оп.1. Д.303(3). Л.238.

[541] Карцов А.П. Письма из губернии. Терская область // Русский вестник. – 1894. – Т.234. – С.290.

[542] Там же. – С.292.

[543] Приказы и постановления // Кавказский календарь на 1863 г. – Тифлис,1862. – С.198.

[544] Кавказский Военно-исторический музей. Краткий путеводитель по Кавказскому Военно-историческому музею. – Тифлис,1909. – С.83.

[545] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области). Дис. …канд. ист. наук. – М.,2004. – С.142.

[546] РГИА. Ф.1268. Оп.10. Д.99. Л.3 об.

[547] РГИА. Ф.932. Оп.1. Д.322. Л.9,15.

[548] Гершельман Ф.К. Причины неурядиц на Кавказе. – СПб.,1908. – С.63.

[549] ОР РГБ. Ф.363. К.5. Д.5. Л.2.

[550] Орешкова С.Ф., Ульченко Н.Ю. Россия и Турция: проблема формирования границ. – М.,2006. – С.102.

[551] Ростованов А.Е. Военный талант народа. Кавказская война и русско-армянские военно-исторические связи. – Сочи,2002. – С.6-7.

[552] ОРФ СОИГСИ. Ф.33. Оп.1. Д.260. Л.13.

[553] ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп. 5. Д.15. Л.3.

[554] Свод законов Российской империи. Т.3. Кн.2. – СПб.,1896. – С.48.

[555] Сенин А.С. Государственная служба в «Золотой век» Российской империи // История гос. службы в России. XVIII – XX века. – М.,1999. – С.116.

[556] Максимов Е. Чеченцы // Терский сборник. Вып.2. Кн.2. – Владикавказ,1892. – С.94.

[557] РГИА. Ф.1149. Оп.7. Д.112. Л.161.

[558] Ортабаев Б.Х. Социально-экономический строй горских народов Терека накануне Октябрьской революции. – Владикавказ,1992. – С.22.

[559] Пальм. Кавказские губернаторы о Кавказе (Материалы для истории Кавказского мятежа) // Исторический вестник. – 1910. – Т.121. – С.942.

[560] Ортабаев Б.Х. Усиление колониального режима царизма на Северном Кавказе на рубеже XIX – XX вв. // Проблемы истории и культуры народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе,1985. – С.101.

[561] Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютант гр. Воронцова – Дашкова. – Тифлис,1907. – С.135.

[562] Там же. – С.28-29.

[563] РГИА. Ф.573. Оп.6. Д.7608. Л.3.

[564] Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (кон.XVIII – нач.XX вв.). – Нальчик,1995. – С.66.

[565] Ортабаев Б.Х. Социально-экономические отношения у горских народов Терека в кон.XIX – нач.XX в. (1890-1917). Дис. …докт. ист. наук. – Орджоникидзе,1985. – С.22.

[566] Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта гр. Воронцова – Дашкова. – Тифлис,1907. – С.29.

[567] Ортабаев Б.Х. Социально-экономический строй горских народов Терека накануне Октябрьской революции. – Владикавказ,1992. – С.23.

[568] Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.,2000. – С.355.

[569] РГИА. Ф.1268. Оп.10. Д.99. Л.129.

[570] Берозов Б.П. К вопросу об особенностях и формах аграрного движения и классовой борьбы осетинского крестьянства в пореформенный период // Проблемы и культура народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе,1985. – С.142.

[571] Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси,1988. – С.399.

[572] Цаголов Г. Край беспросветной нужды (Заметки о Нагорной полосе Терской области). – Владикавказ,1912. – С.71,75.

[573] Абрамов А. Кавказские горцы (Из летних экскурсий) // Дело. – 1884. – №1. – С.90.

[574] РГИА. Ф.565. Оп.1. Д.4398. Л.35 об.

[575] Законы об управлении областей Дальнего востока. – СПб.,1904. – С.111.

[576] «Кавказский запрос в Государственной Думе» (Полные речи всех ораторов по официальным стенограммам). – Тифлис,1909. – С.68.

[577] Государственнная Дума России: Энциклопедия: В 2-х т. Т.1. Государственная дума Российской империи (1906-1917 гг.). – М.,2006. – С.714.

[578] Мамонов А.В. Граф М.Т. Лорис – Меликов на пути к власти: (XIX в.) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2001. – №4. – С.42.

[579] Липранди А.П. Кавказ и Россия. – Харьков,1911. – С.14.

[580] Ржевусский А. Терцы. Сборник исторических, бытовых и географо-статистических сведений о Терском казачьем войске. – Владикавказ,1888. – С.202.

[581] Общий состав управлений Кавказского военного округа, III часть. – Тифлис,1869. – С.132.

[582][582] Дубле Е.О. Всеобщая статистика Российского государства; географическая, административная, финансовая, коммерческая, промышленная. Сборник 5000 адресов. Год 1878. – М.,1878. – С.656.

[583] Шамрай В.С. Хронология достопримечательных событий, фактов, законоположений. – Екатеринодар,1913. – С.115.

[584] Дневник Д.А. Милютина . 1873-75 г. Т.1. – М.,1947. – С.250.

[585] ОР РГБ. Ф.169. К.74. Д.53. Л.4.

[586] Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский 1815-1879. Т.3. – М.,1891. – С.95.

[587] ОРФ СОИГСИ. Ф.2. Оп.1. Д.16. Л.17.

[588] Там же. Л.20,26.

[589] Дневник Д.А. Милютина. 1873-75 г. Т.1. – М.,1947. – С.250.

[590] РГИА. Ф.932. Оп.1. Д.303. Л.37.

[591] Кузьминов П.А. М.. Лорис – Меликов на Кавказе // Кавказский сборник. Т.2(34). – М.,2005. – С.126.

[592] Даниелян Г.Г. Генерал граф Лорис – Меликов. Его жизнь, военная и государственная деятельность. Автореф. дис. ….канд. ист.наук. – М.,1997. – С.23.

[593] Костанян Ю.Л. Граф Михаил Тариелович Лорис – Меликов (1824-1888). – СПб.,2005. – С.26.

[594] Кузьминов П.А. М.Т. Лорис – Меликов на Кавказе // Кавказский сборник. Т.2(34). – М.,2005. – С.109.

[595] Ковалевский М.М. Конституция гр. Лорис – Меликова и его частные письма. – Берлин,1904. – С.99.

[596] РГАЛИ. Ф.191. Оп.1. Д.2432. Л.5,7,10.

[597] Дубенцов Б.Б. М.Т. Лорис – Меликов и «охранители» в 1880-1881 гг. // Страницы российской истории: Проблемы, события, люди. – СПб.,2003. – С.211.

[598] Ковалевский П.А. М.Т. Лорис – Меликов на Кавказе // Кавказский сборник. Т.2(34). – М.,2005. – С.113.

[599] Кузьминов П.А. М.Т. Лорис – Меликов на Кавказе // Кавказский сборник. Т.2(34). – М.2005. – С.110.

[600] Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802-1917. Библиографический справочник. – СПб.,2001. – С.383.

[601] Костанян Ю.Л. Граф Михаил Тариелович Лорис – Меликов (1824-1888). – СПб.,2005. – С.26.

[602] Костанян Ю.Л. Граф Михаил Тариелович Лорис – Меликов (1824-1888). – СПб.,2005. – С.29.

[603] РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.8. Л.8.

[604] РГАЛИ. Ф.1440. Оп.1. Д.384. Л.7,10.

[605] ГА РФ. Ф.569. Оп.1. Д.117. Л.24.

[606] РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.2. Л.95.

[607] Хаджи-Мурат. Документы. Письма. Очерки. Факты. Сборник. – М.,1999. – С.39,73.

[608] Граф М.Т. Лорис – Меликов, начальник Верховной распорядительной комиссии (Краткий биографический очерк). – СПб.,1880. – С.5-6.

[609] Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802-1917. Библиографический справочник. – СПб.,2001. – С.383-384.

[610] Драгоманов М. Соловья баснями не кормят. – Женева,1880. – С.1.

[611] Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802-1917. Библиографический справочник. – СПб.,2001. – С.383.

[612] Дневник князя Амилахвари // Кавказский сборник. Т.XVIII. – Тифлис,1908. – С.453.

[613] Даниелян Г.Г. Генерал граф Лорис – Меликов. Его жизнь, военная и государственная деятельность. Автореф. дис. …канд. ист.наук. – М.,1997. – С.23.

[614] Мещерский В. Кавказский путевой дневник кн. Мещерского. – СПб.,1878. – С.66.

[615] Von Wesendonk O.G. Aus der kaukasischen welt. – Berlin, 1985. – S.154.

[616] Гроссман Л.Т. Бархатный диктатор. – М.,1933. – С.7.

[617] Бабаян Л.А. Лорис – Меликов. Герой Кавказа – «бархатный диктатор» России. – Ереван,2004. – С.7, 53-54.

[618] ОРФ СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.93. Л.60.

[619] «Совершено повсеместное освобождение холопов во вверенной мне области». Рапорты начальника Терской области М.Т. Лорис – Меликова. 1866-1867 гг. (Ю.Н. Герасимова) // Исторический архив. – М.,2005. – №6. – С.181.

[620] Граф Михаил Тариелович Лорис – Меликов. Биографический очерк. – Тифлис,1889. – С.14.

[621] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.11. Л.39.

[622] ГА РФ. Ф.569. Оп.1. Д.135. Л.1.

[623] ОР РНБ. Ф.520. Д.374. Л.1.

[624] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.11. Л.39.

[625] Правительственный вестник // Русский инвалид. – 1870. – №50. – С.1.

[626] РГАЛИ. Ф.1337. Оп.1. Д.235. Л.30.

[627] Waldron P. The End of Imperial Russia , 1855-1917. – Basingstoke, 1997. – S.16.

[628] Мамонов А.В. Граф М.Т. Лорис – Меликов на пути к власти: (XIX в.) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2001. – №4. – С.42.

[629] РГВИА. Ф.970. Оп.2. Д.1925. Л.72.

[630] Кузьминов П.А. М.Т. Лорис – Меликов на Кавказе // Кавказский сборник. Т.2(34). – М.,2005. – С.123.

[631] Саракаев И.-Б. По трущобам Чечни (Жгучий и наболевший вопрос). Грозный,1991. – Владикавказ,1913. – С.19.

[632] РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.26. Л.4.

[633] Там же. Л.5.

[634] ГА РФ. Ф.569. Оп.1. Д.127. Л.16-17.

[635] РГАЛИ. Ф.191. Оп.1. Д.2432. Л.13.

[636] РГАЛИ. Ф.1337. Оп.1. Д.235. Л.28.

[637] Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802-1917. Библиографический справочник. – СПб.,2001. – С.384.

[638] Кузьминов П.А. М.Т. Лорис – Меликов на Кавказе // Кавказский сборник. Т.2(34). – М.,2005. – С.125.

[639] РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.8. Л.13.

[640] ОР РНБ. Ф.175. Д.3. Л.2.

[641] РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.35. Л.15.

[642] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.21. Л.12.

[643] ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.14. Л.38.

[644] ГА РФ. Ф.109., 4 эксп., Д.255. Л.26.

[645] РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.40. Л.2.

[646] Общий состав управлений Кавказского военного округа, III часть. – Тифлис,1869. – С.132.

[647] РГИА. Ф.932. Оп.1. Д.303. Л.3.

[648] Граф Михаил Тариелович Лорис – Меликов. Биографический очерк. – Тифлис, 1889. – С.19.

[649] РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.3. Л.31.

[650] РГАЛИ. Ф.1440. Оп.1. Д.384. Л.9.

[651] ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.2. Д.238. Л.7.

[652] ОР РНБ. Ф.874. Оп.2. Д.299. Л.3.

[653] РГИА. Ф.932. Оп.1. Д.303. Л.4.

[654] ГА РФ. Ф.569. Оп.1. Д.127. Л.15.

[655] РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.39. Л.16.

[656] РГИА. Ф.1149. Оп.7. Д.112. Л.173.

[657] Ратушняк В.Н. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в кон. XIX – нач.XX в.: К проблеме развития аграрного капитализма. – Р н/Д.,1989. – С.23.

[658] Тройно Ф.П. Поземельные отношения у горских народов Северного Кавказа (с начала пореформенного периода). Дис. …докт. ист.наук. – Белгород,1984. – С.93.

[659] Магомадов М.М. Сущность и факторы интенсификации производства // ЧИНИИИЯ и Л. Т.IX. Ч.4. Вып.1. Известия. – Грозный,1976. – С.128.

[660] Асталов В.А. Материальная культура чеченцев и ингушей в XVIII – XIX вв. (Историко-этнографическое исследование). Автореф. дис. …канд. ист. наук. – Грозный,2004. – С.4.

[661] Магомадоа М.М. Сущность и факторы интенсификации производства // ЧИНИИИ и Л. Т.IX. Ч.4. Вып.1. Известия. – Грозный,1976. – С.132.

[662] ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп.4. Д.12. Л.11.

[663] Дзидзария Г.А. Мухаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми,1975. – С.411.

[664] Баев Г. О введении земского самоуправления в Терской области // Кавказский вестник. – 1901. – №4. – С.97-98.

[665] РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.105. Л.2,4.

[666] ГА РФ. Ф.649. Оп.1. Д.231. Л.12 об.

[667] РГИА. Ф.932. Оп.1. Д.303. Л.5 об.

[668] Кузьминов П.А. Он стоял у истоков модернизации Центрального Кавказа // Исторический вестник. Вып.IV. – Нальчик,2006. – С.545-546.

[669] Даниелян Г.Г. Генерал граф Лорис-Меликов. Его жизнь, военная и государственная деятельность. Автореф. дис. …канд. ист. наук. – М.,1997. – С.23.

[670] Борисов А. Герой войны и победитель чумы // Щит и меч. – М.,1999. – 5 августа (№ 31). – С.7.

[671] Джаншиев Г. Эпоха великих реформ: Исторические справки. Т.2. – М.,2008. – С.406.

[672] Аверин М.Б. Особенности управления национальными окраинами России кон.XIX – нач. XX в. (на примере Кавказского края) // Государство и право: проблемы, помехи, решения и предложения. Вып. I. – Ульяновск,1996. – С.24.

[673] Дубле Е.О. Всеобщая статистика Российского государства, географическая, административная, финансовая, коммерческая, промышленная. Сборник 500 000 адресов. Год 1878. – М.,1878. – С.656.

[674] Отдел официальный // Терские ведомости. – 1887. – №17. – С.1.

[675] Хроника. Скончался Смекалов // Терские ведомости. – 1890. – №11. – С.1.

[676] Ортабаев Б.Х. Усиление колониального режима царизма на Северном Кавказе на рубеже XIX – XX вв. // Проблемы истории и культуры народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе,1985. – С.97,99.

[677] Хетагуров К.Л. Собрание сочинений. Т.3. Публицистика, письма. – М.,1951. – С.108-109.

[678] Ортабаев Б.Х. Усиление колониального режима царизма на Северном Кавказе на рубеже XIX – XX вв. // Проблемы истории и культуры народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе,1985. – С.102.

[679] Мужухоева Э.Д. Административно-территориальное деление Управления Терской области в 80-90 г.XIX в. // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. – Грозный,1984. – С.69.

[680] Там же. С.68,70.

[681] Хетагуров К.Л. Собрание сочинений. Т.3. Публицистика, письма. – М.,1951. – С.113.

[682] Мальцев В.Н. Административная реформа в казачьих областях Северного Кавказа во второй пол. XIX в. // Проблемы истории казачества. – Волгоград,1995. – С.101.

[683] Мужухоева Э.Д. Административная политика царизма в Чечено-Ингушетии во втор. пол. XIX нач.XX в. Автореф. дис. …канд. ист. наук. – М.,1989. – С.21.

[684] Шамрай В.С. Хронология достопримечательных событий, фактов, законоположений. – Екатеринодар,1913. – С.115.

[685] Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области). Дис. ...канд. ист. наук. – М.,2004. – С.94.

[686] Мужухоева Э.Д. Административно-территориальное деление управления Терской области в 80-90 г. XIX в. // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. – Грозный,1984.– С.68.

[687] Хетагуров К.Л. Собрание сочинений. Т.3. Публицистика, письма. – М.,1951. – С.109.

[688] Всеподданнейший отчёт начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1892 год. – Владикавказ,1893. – С.59.

[689] Мужухоева Э.Д. Административно-территориальное деление управления Терской области в 80-90 г. XIX в. // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. – Грозный,1984. – С.69.

[690] Шамрай В.С. Хронология достопримечательных событий, фактов, законоположений. – Екатеринодар,1913. – С.114.

[691] Надеждин П.П. Кавказский край. Природа и люди. – Тула,1895. – С.415.

[692] Мартиросиан Г.К. Социально-экономические основы революционного движения на Тереке // Северо-Кавказский институт краеведения. – Владикавказ,1925. – С.13.

[693] Ткачёв Г.А. Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. Вып.1. – Владикавказ,1911. – С.97,99.

[694] Мужухоева Э.Д. Административно-территориальное деление управления Терской области в 80-90 г. XIX в. // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. – Грозный,1984. – С.71-72.

[695] Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. – М.,2004. – С.120.

[696] Голубева Т.Г. Местное самоуправление: история и современность, теория и практика // Сборник научных статей. Юбилейный выпуск. – Ставрополь,2004. – С.179.

[697] Киреева Р.А. Государственная школа: историческая концепция К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина. – М.,2004. – С.209.

[698] Мужухоева Э.Д. Административно-территориальное деление управления Терской области в 80-90 г.XIX в. // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. – Грозный,1984. – С.73.

[699] Матвеев В.А. Особенности административно-политического обустройства окраин Российской империи (на примере Северного Кавказа) // Известия

ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – Р н/Д.,2006. – №1. – С.13.

[700] Блиева З.М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е годы XIX века. Дис. …докт. ист. наук. – Владикавказ,2004. – С.389,397,402.

[701] Исмаил-Заде Д.И. Граф И. И.Воронцов – Дашков. Наместник Кавказский. – М.,2005. – С.114.

[702] Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). – М.,2006. – С.35.

[703] Особенности и закономерности «национальной политики» в России XVI – XIX вв. // История и историки: историографический вестник / Институт российской истории РАН. – М.,2005. – С.176.

[704] Клычников О.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.). Дис. …докт. ист. наук. – Пятигорск, 2004. – С.57.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ К СЕРИИ “ЦАРСКОЕ ПРОШЛОЕ ЧЕЧЕНЦЕВ”

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Архив внешней политики Российской империи. Историко-документальный департамент МИД РФ (далее АВПРИ).

АВПРИ. Ф.144. Персидский стол. Оп.488.
Д.134,1898 г.;
Д.201,1898 г.;
Д.346,1863 г.;
Д.416, 1882 г.;
Д.417, 1884 г.;
Д.418, 1896-1907,1910 гг.;
Д.1907,1862 г.;
Д.3027,1868 г.

АВПРИ. Ф.149. Турецкий стол (старый). Оп.502 (а).
Д.4462,1870 г.;
Д.4468,1861-70 гг.

АВПРИ. Ф.149. Турецкий стол (новый). Оп.502 (б).
Д.2406,1902 г.;
Д.2419,1897-98 гг.;
Д.2431,1901 г.;
Д.2444,1905 г.;
Д.2448, 1907 г.;
Д.2451,1910 г.;
Д.7659;
Д.3419,1898-1899.

АВПРИ. Ф.161/4. Азиатский департамент. Оп.729/2.
Д.6, 1856-58 гг.

АВПРИ. Ф.180. Посольство в Константинополе. Оп.517/2.
Д.627,1870 г.;
Д.2564,1865 г.;

Д.2565,1866 г.;
Д.2570,1871 г.;
Д.5084,1891-1913 гг.;
Д.5085, 1893-1902 гг.

Архив Востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института Востоковедения РАН (далее АВ СПб. ФИВ РАН.).

АВ СПб. ФИВ РАН. Разр.II. Оп.2.
Д.14; Д.25.

Архив Российской Академии наук (далее АРАН).

АРАН. Ф.624. Личный фонд член-корреспондента РАН С.В. Бахрушина. Оп.1. Д.181.

Архив Российского этнографического музея (далее А РЭМ).

А РЭМ. Ф.1. Оп.2.
Д.183;
Д.234;
Д.303.

А РЭМ. Ф.2. Оп.2.
Д.339.

А РЭМ. Ф.5. Оп.1.
Д.1.

Государственный архив РФ (далее ГА РФ).

ГА РФ. Ф.109. Третье отделение собственной его Императорского Величества
Канцелярии. 1826 -1880 гг. 1 экспедиция.
Д.8 ч.2.

ГА РФ. Ф.109. 4 экс.

Д.255.

ГА РФ. Ф.569. Фонд М.Т. Лорис – Меликова. Оп.1.
Д.117;
Д.127;
Д.135.

ГА РФ. Ф.649. Фонд Романова Михаила Николаевича (1832-1909 гг.), сына Николая I , наместника на Кавказе. 1745-1915 гг. Оп.1.
Д.156;
Д.231;
Д.603.

ГА РФ. Ф.677. Фонд Александра III (1845-1894 гг.). 1845-1896 гг. Оп.1.
Д.498;
Д.511;
Д.517.

ГА РФ. Ф.678. Фонд Александра II (1818-1881 гг.). 1825-1899 гг. Оп.1.
Д.680;
Д.682;
Д.687.

ГА РФ. Ф.730. Фонд Игнатьева Николая Павловича (1832-1908 гг.), директора Азиатского департамента МИД, посла в Турции. 1623-1918 гг. Оп.1. Д.501.

Государственный архив Ставропольского края (далее ГАСК).

ГАСК. Ф.73. Ставропольская гимназия. Оп.1.
Д.447;
Д.897.

ГАСК. Ф.73. Оп.2.
Д.478.

ГАСК. Ф.80. Ставропольский губернский статистический комитет. Оп.1.
Д.15.

ГАСК. Ф.302. Ставропольская контрольная палата. Оп.1.
Д.116;
Д.660.

ГАСК. Ф.459. Ставропольская казенная палата. Оп.1.
Д.1448.

Государственный исторический музей. Отдел письменных источников (далее ГИМ ОПИ).

ГИМ ОПИ. Ф.155. Коллекция по истории армии и флота.
Ед. хр. 122.

ГИМ ОПИ. Ф.208. Фонд Черняева М.Г.
Ед. хр.13.

ГИМ ОПИ. Ф.254. Фонд Н.Н. Муравьёва-Карского (1794-1866 гг.).
Ед. хр. 321.

ГИМ ОПИ. Ф.307. Фонд М.Н. Романова.
Ед. хр. 8;
Ед. хр. 9.

ГИМ ОПИ. Ф.371. Фонд А.П. Зайцева, директора учебных учреждений Терской области.
Ед. хр. 1.

ГИМ ОПИ. Ф.372. Фонд Я.М. Неверова, попечителя Кавказского учебного округа
Ед.хр.15.

ГИМ ОПИ. Ф.437.
Ед. хр.2.

ГИМ ОПИ. Ф.451. Фонд В.Ф. Миллера.
Ед. хр. 1.

Государственный Политехнический музей (архивное отделение, далее ГПМ).

ГПМ. Ф.100.1. Фонд Политехнической выставки 1872 г.
Инв.№ 16174/41;
Инв.№16474/42.

Государственный Центральный музей современной истории России (далее ГЦМСИР).

ГЦМСИР А № 21 804.

Музей антропологии и этнографии им. П. Великого РАН. Отдел Кавказа (далее МАЭ РАН ОК).

МАЭ РАН ОК. Ф.121-105.

МАЭ РАН ОК. Ф.136-22.

МАЭ РАН ОК. Ф.1403-23.

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее ОР РГБ).

ОР РГБ. Ф.169. Фонд Д.А. Милютин. К.44.
Д.33.

ОР РГБ. Ф.169. К.59.
Д.9.

ОР РГБ. Ф.169. К.65.
Д.9;
Д.10.

ОР РГБ. Ф.169. К.74.
Д.53.

ОР РГБ. Ф.363. Фонд М.И. Венюкова. К.1.
Д.14.

ОР РГБ. Ф.363. К.5.
Д.5.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее ОР РНБ).

ОР РНБ. Ф.175. Фонд В.А. Геймана (1823-1878 гг.), генерал-лейтенанта, участника войны на Кавказе. Оп.1.
Д.3;
Д.13.

ОР РНБ. Ф.520. Фонд М.М. и Б.М. Никольских. Оп.1.
Д.374.
ОР РНБ. Ф.874. Фонд А.И. Фаресова. Оп.2. Д.299.

Отдел рукописных фондов Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН и Правительства Республики Северной Осетии – Алании (далее ОРФ СОИГСИ).

ОРФ СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Кн.1.
Д.8;
Д.43;
Д.46;
Д.49;
Д.56;
Д.89;
Д.93;
Д.177;
Д.221;

Д.278.

ОРФ СОИГСИ. Ф.2. Оп.1.
Д.16.

ОРФ СОИГСИ. Ф.16. Оп.1.
Д.13.
ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1.
Д.4;
Д.5;
Д.6;
Д.11;
Д.13;
Д.14;
Д.15;
Д.16;
Д.18;
Д.19;
Д.21.

ОРФ СОИГСИ. Ф.33. Фонд Г.А. Кокиева. Оп.1.
Д.1;
Д.245;
Д.260.

ОРФ СОИГСИ. Ф.37. Фонд Б.В. Скитского. Оп.1.
Д.42;
Д.53;
Д.56;
Д.62;
Д.77.

ОРФ СОИГСИ. Ф.49. Фонд А.А. Гассиева. Оп.1. Д.4.

Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА).

РГАДА. Ф.1274. Фонд Паниных – Блудовых (1768-1901 гг.). Оп.1.
Д.868.

РГАДА. Ф.1295. Канцелярия Главного директора межевого корпуса и управление межевой частью Министерства юстиции (1832-1918). Оп.8. ч.II.

Д.4820.

РГАДА. Ф.1354. Планы дач генерального специального межевания 1765-1917 гг. (коллекция). Оп.1274.

Д. А-4; Д. А-5; Д. А-7; Д. А-8; Д. А-9; Д. А-10; Д. А-11; Д. А-12; Д. А-13; Д. Б-5; Д. Б-6; Д.-7; Д. Б-8; Д. Г-1; Д. Г-3; Д. Г-4; Д. Г-5; Д. Д-2; Д. Д-3; Д. Д-4; Д. И-1; Д. И-2; Д. К.-2; Д. К-3; Д. К-4; Д. М-1; Д. М-2; Д. М-3; Д. М-4; Д. М-5; Д. М-6; Д. Н-6; Д. О-1; Д. О-2; Д. Т-3; Д. Т-4; Д. Т-5; Д. У-1; Д. Х-1; Д. Х-2; Д. Х-3; Д. Х-4; Д. Ц-1; Д. Ч-2; Д. Ч-3; Д. Ч-4; Д. Ш-1; Д. Э-2; Д. Э-3.

РГАДА. Ф.1354. Оп.1276.
Д. А-13;
Д. Т-4.

РГАДА. Ф.1354. Оп.1277.
Д. М-1.

РГАДА. Ф.1354. Оп.1278.
Д. М-1;
Д. Ц-1.

Российский государственный архив кинофотодокументов (далее РГА КФД).

РГА КФД. Ал.568.
Мн.4.5.8.

Российский государственный архив литературы и искусства (далее РГАЛИ).

РГАЛИ. Ф.46. Фонд П.И. Бартенева. Оп.2.
Д.359;
Д.369.

РГАЛИ. Ф.191. Фонд П.А Ефремова. Оп.1.
Д.2432.

РГАЛИ. Ф.195. Фонд П.А. Вяземского. Оп.1.
Д.5313.

РГАЛИ. Ф.1337. Коллекция мемуаров. Оп.1.
Д.235.

РГАЛИ. Ф.1440. Фонд И.А. Данилина. Оп.1.
Д.384.

Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА).

РГВИА. Ф.ВУА. Военно-учётный архив.
Д.6716;
Д.20 579;
Д.20 595;
Д. 20 609.

РГВИА. Ф.55. Оп.1.
Д.140.

РГВИА. Ф.330. Главное управление казачьих войск. Оп.7.
Д.195.

РГВИА. Ф.330. Оп.9.
Д.205.

РГВИА. Ф.330. Оп.11.
Д.32.

РГВИА. Ф.400. Главный Штаб. Оп.17.
Д.20 915;
Д. 22 258;
Д. 29 276.

РГВИА. Ф.414. Статистические, экономические, этнографические сведения о Российской империи. Оп.1.
Д. 303 (3);
Д. 305 (1);
Д. 305 (2).

РГВИА. Ф.485. Русско – Турецкая война 1877-78 гг. Оп.1.
Д. 94 (I);
Д. 117;
Д.152;
Д. 153;
Д. 154.

РГВИА. Ф.644. Командующий войсками Терской области. Оп.1.
Д. 25;
Д. 57;
Д. 101;
Д. 102;
Д. 103;
Д. 105;
Д. 117.

РГВИА. Ф.970. Военно-походная канцелярия Е.И.В. Оп.2.
Д.1925;
Д. 2205.

РГВИА. Ф.970. Оп.3.
Д.195;
Д. 1115;
Д. 1381;
Д.1925;
Д. 2185.

РГВИА. Ф.1329. Войсковое правление Терского казачьего войска. Оп.1.
Д.12.

РГВИА. Ф.2067. Штаб главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. Оп.2.

Д.985 ч.3;
Д. 987 ч.3.

РГВИА. Ф.3640. Чеченский конный полк (1914-1918 гг.). Оп.1.
Д.14.

РГВИА. Ф.14 257. Штаб командующего войсками. Оп. 3.
Д. 389;
Д.538.
Д. 590.

РГВИА. Ф.14 505. Чеченский Конно-Иррегулярный полк. Оп.1.
Д. 1;
Д. 2;
Д. 3;
Д. 5;
Д. 6;
Д. 7;
Д.14;
Д. 21.

РГВИА. Ф.14 505. Оп.3.
Д. 25.

РГВИА. Ф.14 719. Генеральный Штаб. Оп.3.
Д. 756.

РГВИА. Ф.16 096. Списки, истории болезней. Оп.1.
Д. 18.

Российский государственный исторический архив (далее РГИА).

РГИА. Ф.200. Оп.1.
Д. 1430.

РГИА. Ф.219. Оп.1.
Д.7039.

РГИА. Ф.268. Оп.3.
Д. 480.

РГИА. Ф.485. Оп.1.
Д.108.

РГИА. Ф.547. Придворная контора великого князя Михаила Николаевича (1834-1910 гг.). Оп.2.
Д. 1300.

РГИА. Ф.565. Департамент государственного казначейства. Оп.1.
Д.4398.

РГИА. Ф.565. Оп.2.
Д. 6680;
Д.6875;
Д. 7587;
Д. 8023.

РГИА. Ф.573. Оп.6.
Д.7608.

РГИА. Ф.733. Оп.193.
Д. 381.

РГИА. Ф.821. Оп.8.
Д.712;
Д. 791.

РГИА. Ф.866. Фонд М.Т. Лорис – Меликова (1844-1913 гг.). Оп.1.
Д. 2; Д. 3; Д. 8; Д. 16; Д. 26; Д. 30; Д. 32; Д. 35; Д. 36; Д. 39; Д. 40; Д. 44; Д. 45;
Д. 60; Д. 64; Д. 105; Д.120; Д. 129.

РГИА. Ф.932. Оп.1.
Д. 296;
Д. 303;
Д. 309;

Д. 322;
Д. 456.

РГИА. Ф.1149. Департамент законов. Оп.7.
Д. 62;
Д. 84;
Д. 95;
Д. 107;
Д. 112.

РГИА. Ф.1149. Оп.8.
Д. 64.

РГИА. Ф.1152. Департамент экономий. Оп.7.
Д.533.

РГИА. Ф.1152. Оп.8. Д.32;
Д. 88;
Д. 216.

РГИА. Ф.1268. Кавказский комитет (1833-1882 гг.). Оп.10.
Д. 42;
Д. 49;
Д. 99;
Д. 104;
Д. 124.

РГИА. Ф.1268. Оп.12.
Д. 105.

РГИА. Ф.1268. Оп.14.
Д.149.

РГИА. Ф.1268. Оп.15.
Д. 146.

РГИА. Ф.1268. Оп.16.
Д. 125.

РГИА. Ф.1268. Оп.18.
Д.26;
Д. 88;
Д. 150(а);
Д. 185.

РГИА. Ф.1268. Оп.23.
Д. 85.

РГИА. Ф.1268. Оп.25.
Д. 18.

РГИА. Ф.1276. Оп.19.
Д.593.

РГИА. Ф.1276. Оп.20.
Д. 48.

РГИА. Ф.1287. Хозяйственный департамент (1799-1904 гг.). Оп.7.
Д.494.

РГИА. Ф.1290. Центральный статистический комитет МВД. Оп.4.
Д.499.

РГИА. Ф.1341. Первый департамент Сената (1763-1917). Оп. 104.
Д.279.

РГИА. Ф.1407. Благотворительное общество чинов судебного ведомства (1895-1917 гг.). Оп.3.
Д.7943.

Российский Федеральный геологический фонд (далее РГФ).

РГФ. Ед. хр.1.
Отчёт 17 713; 17 778; 18 271; 23 410; 23 542; 48 576; 48 629; 48 663; 48664; 48 666; 48 693; 48 695; 65 213.

РГФ. Ед. хр.2.
Отчёт 17 709.

Северо-Осетинский государственный объединённый музей истории, архитектуры и литературы (далее СОГОМИАЛ).

СОГОМИАЛ. Ф.4. Терское казачье войско. Оп.2.
Д.541.

Центральный государственный архив Республики Северной Осетии-Алании (далее ЦГА РСО-А).

ЦГА РСО-А. Ф.11. Терское областное правление. Оп.4.
Д.12.

ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп.13.
Д. 1019.

ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп.16.
Д. 161.

ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп.52.
Д. 622.

ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп. 65.
Д. 177.

ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.1.
Д. 24;
Д. 343;
Д. 489.

ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.2.
Д.238;
Д. 653;
Д.724;
Д. 965;
Д.1092.

ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.5.
Д. 15;
Д. 26;
Д. 27;
Д. 29;
Д. 30;
Д. 35;
Д. 83;
Д. 86.

ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп. 6. Д. 294; Д. 817.
ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.7.
Д. 4;
Д. 159;
Д. 163;
Д. 263.

ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп. 8.
Д. 27;
Д. 70.

ЦГА РСО-А. Ф.15. Оп.1.
Д. 244.

ЦГА РСО-А. Ф.55. Оп.1.
Д.30;
Д. 134;
Д. 140.

ЦГА РСО-А. Ф.83. Терско – горский конно-иррегулярный полк. Оп.1.
Д. 3.

ЦГА РСО-А. Ф.123. Оп.1.
Д. 37;
Д. 102;
Д. 158;
Д. 185;

Д. 1050;
Д. 1068.

ЦГА РСО-А. Ф.262. Комиссия для разбора сословных прав. Оп.1.
Д.6;
Д. 23.

ЦГА РСО-А. Ф.270. Оп.1.
Д.20.

Центральный исторический архив г. Москвы (далее ЦИАМ).

ЦИАМ. Ф.227. Комитет для устройства в Москве музея прикладных знаний и заведования им. Оп.2.Д. 31.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Нормативно-правовые акты

1. Важнейшие узаконения и распоряжения, относящиеся к Терской области за 1892-93 гг.// Терский календарь на 1894 г. Кн.1. – Владикавказ,1893.
2. Вновь изданные узаконения и распоряжения // Терский календарь на 1892 г. Кн.1. – Владикавказ,1891.
3. Военное законодательство Российской империи. – М.,1996.
4. Выдрин В.И. Отчуждение недвижимых имуществ для государственной и общественной пользы (под железные дороги). Законы и разъяснения. – Чита,1900.
5. Высочайшие повеления // Терские ведомости. – 1877. – № 20.
6. Высочайшие повеления // Терские ведомости. – 1888. – № 39.
7. Главнейшие узаконения и распоряжения за 1892-1893 гг. – СПб.,1894.
8. Дедюлин С.А. Недостатки порядка отчуждения земель на государственные и общественные надобности (Приложение к Сборнику Узаконений по отчуждению земель). – СПб.,1901.
9. Дедюлин С.А. Сборник Узаконений и распоряжений правительства по отчуждению земель и имущества для государственной и общественной пользы. – СПб.,1901.
10. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. – СПб.,1869.
11. Журналы Особого совещания в г. Владикавказе для пересмотра действующих правил передвижения скота. – Владикавказ,1895.
12. Законы о вере и веротерпимости (Составил Я.А. Канторович). – СПб.,1899.
13. Законы об управлении областей Дальнего востока. – СПб.,1904.
14. Ислам в законодательстве России. Сборник законодательных актов, постановлений и распоряжений правительства России (1554-1929). – Уфа,1998.
15. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). – М.,2001.
16. Кавказский учебный округ. Положение о ремесленном отделении. Б.м. Б.г.
17. Кавказский учебный округ. Сборник распоряжений. – Тифлис,1890; Тифлис,1891 .

18. Кануков А.А. Законодательные акты, касающиеся Северного Кавказа и в частности Терской области. – Владикавказ,1914.
19. Кауфман А.А. Свод трудов местных комитетов по Кавказу, области Войска Донского, Сибири, Степному краю и Туркестану. – СПб.,1904.
20. Леонтович Ф.И. Адаты Кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып.1. – Одесса,1882.
21. Материалы к поземельным вопросам Кавказского края. Комиссия по выработке поземельных вопросов. Ч.1. – Тифлис,1908.
22. Настольный хронологический указатель постановлений, относящихся до устройства военносухопутных сил России с 1550 до 1890 г. / Сост. В. Штейнгель. – СПб.,1890.
23. Новейшие узаконения и обязательные правила, относящиеся к Терской области // Терский календарь на 1891 г. – Владикавказ,1890.
24. Отдел официальный. Именной Высочайший указ. // Терские ведомости. – 1887. – № 17.
25. Петров Ф.В. Законы о поземельном устройстве казачьих станиц. Сборник действующих по 1 августа 1911 года узаконений о поземельном устройстве казачьих станиц и проживающих в казачьих поселениях лиц войскового сословия. – Вильна,1911.
26. Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ РИ). Собрание 2-е. Т.41. – СПб.,1866.
27. ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т.45. Отд.3 (1870). – СПб.,1874.
28. ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т.50. Отд.2 (1875). – СПб.,1877.
29. ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т.LI . Отд.1 (1876). – СПб.,1878.
30. ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т.LII (1877). – СПб.,1879.
31. ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т.LV. Отд.1,2; (1880-1881). – СПб.,1884.
32. ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т.3 (1883). – СПб.,1886.
33. ПСЗ РИ. Собр.3-е. Т.5 (1885). – СПб.,1887.
34. ПСЗ РИ. Собр.3-е. Т.6 (1886). – СПб.,1888.
35. ПСЗ РИ. Собр.3-е. Т.7(1887). – СПб.,1889.
36. ПСЗ РИ. Собр.3-е. Т.15 (1895). СПб.,1899.
37. Приказы и постановления // Кавказский календарь на 1863 г. – Тифлис,1862.
38. Россия. Главное управление Наместника Кавказского. Положение об учебной части на Кавказе и за Кавказом. – Тифлис,1867.
39. Россия. Законы и постановления. Положение о заселении предгорий Западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России. – СПб.,1862.

40. Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. 1793 – 1897 гг. Т.1. – Нальчик,2003.
41. Сборник материалов по мусульманству. Т.2. – Ташкент,1900.
42. Сборник распоряжений, напечатанных в циркулярах по управлению Кавказским учебным округом. Т.1 (1867-71). – Тифлис,1891.; Т.3 (1877-1881). – Тифлис,1891; Т.4 (1882-1886). – Тифлис1889.; Т.5 (1887-1891). Ч.1. – Тифлис,1890.
43. Сборник военно-уголовных постановлений, изданных с 1 января 1874 по 1 января 1876 г. в изменение и дополнение ч. VI Свода военных постановлений 1869 г. – СПб.,1876.
44. Свод законов Российской империи. Т.3. Кн.2. Кн.3. – СПб.,1896.
45. Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая I составленный. Т.11. Ч.1. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. СПб.,1896.
46. Уголовно-исполнительное законодательство России XIX – начала XX века. Сборник нормативных актов. – Рязань,1998.
47. Шапсугов Д.Ю., Свечникова Л.Г., Исмаилов М.А. Обычное право и акты Российского государства на Северном Кавказе (втор. пол. XVIII – перв. треть XX века). Хрестоматия. – Р н/Д.,2008.

Опубликованные статистические, архивные и справочно-информационные материалы

1. Акты Кавказской Археографической комиссии. Т.12. Ч.1, 2, 3. – Тифлис,1904.
2. Адыгская (черкесская) энциклопедия. – М.,2006.
3. Айтберов Т.М., Дадаев Ю.У., Омаров Х.А. Восстания дагестанцев и чеченцев в послешамилевскую эпоху и имамат 1877 года (материалы). Кн.1. – Махачкала, 2001.
4. Альбом портретов членов Государственной Думы. Часть 2-я. Европейская Россия. Кавказ и Закавказье. Сибирь и Степной край. – М.,1906.
5. Античная литература и эпиграфика о Кавказе. – Б.м. Б.г.
6. Арабоязычные документы эпохи Шамиля. – М.,2001.
7. Архив Кавказской Археографической комиссии. Т.XI. – Тифлис. Б.г.
8. Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848-1874). Ч.1. – Нальчик, 2001. Ч.2. – Нальчик,2003.

9. Архивы России. Москва и Санкт-Петербург. Справочник-обозрение и библиографический указатель. Русское издание. – М.,1997.
10. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). – М., 2007.
11. Байраков И.А., Болотханов Э.Б., Авторханов А.И., Таймасханов Х.Э., Шахтамиров И.Я. Чеченская Республика: природа, экономика и экология. Учебное пособие. – Грозный, 2006.
12. Барышников М.Н. Деловой мир России. Историко-биографический справочник. – СПб., 1998.
13. Бентковский И.В. Список населенных мест по сведениям 1873 г. – Ставрополь,1874.
14. Бердяев С.К. Разбои на Северном Кавказе: Из воспоминаний старого администратора: (Период 1907-1915 г.). – Париж,1936.
15. Библиография Кабардино-Балкарии, Карачаево – Черкессии и Адыгеи с древнейших времён до 1917 года. Т.I. Ч.1. – Нальчик,1997. Т.II. Ч.1. – Нальчик,1998.Т. III. Ч.1. – Нальчик, 2000.
16. Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. – М., 2005.
17. Богоявленский М. Каталог Краснодарского художественного музея имени А.В. Луначарского. – Краснодар,1953.
18. Боденштедт Ф. Народы Кавказа и их освободительная война против русских. – Б.м.,1859.
19. Братилов Г.Н. Музыкальные инструменты народов мира: Энциклопедический словарь. – М., 2005.
20. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722-1803 г. Т.3. Ч.3. – СПб.,1869.
21. Валуев П.А. Дневник министра внутренних дел (1861 г.) // Александр II. Воспоминания. Дневники. – СПб.,1995.
22. Вернем Грозному музей. Каталог выставки. Сборник материалов. – М., 2002.
23. Весь Грозный и его окрестности. Нефтяные промыслы. Курорт Горячеводск. Курорт Серноводск. – Владикавказ,1914.
24. Витте С.Ю. Воспоминания. Т.1. – М.,1960.
25. Владикавказ. Фотоальбом. – Владикавказ, 2007.
26. Владыкин М. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. Т.1,2. – М.,1874; М.,1885.
27. Военная энциклопедия / Под ред. К.И. Величко. Т.9,10. – СПб.,1912. М., 2007. Т.14,16. – СПб.,1914. Т.18 – СПб.,1915.

28. Военная энциклопедия / Под ред. В.Ф. Новицкого. – Т.I. – СПб.,1911. М.,1998. Т .III – СПб.,1911. М., 2000. T.IV. – СПб.,1911. М.,2001. T.V. – СПб.,1911. М., 2002. T.VI. – СПб.,1911, М., 2001. T.VII. – СПб.,1911. М., 2004.
29. Военно-географическое и статистическое описание Кавказского военного округа. Стратегический очерк. Терско – Дагестанский театр. – Тифлис,1908.
30. Военно-историческая карта Северо – Восточного Кавказа. – Нальчик, 2002.
31. Военно-статистический сборник. Вып.IV. – СПб., 1871.
32. Всемирная выставка. Париж,1900. Русский отдел. Каталог Русского отдела на Всемирной Парижской выставке 1900 г. – СПб. Б. г.
33. Всемирная выставка. Париж. 1900. Русский отдел. Участие России на Всемирной Парижской выставке 1900 г. Отчет генерального комиссара Русского отдела. – СПб.,1901.
34. Всемирная Колумбова выставка 1893 г. в Чикаго. Фабрично-заводская промышленность и торговля России. – СПб.,1893.
35. Всероссийская промышленная и художественная выставка. М.,1882.
36. Иллюстрированный каталог художественного отдела Всероссийской выставке в Москве,1882 г./ Сост. Н.П. Собко. – СПб.,1882.
37. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал – адъютанта гр. Воронцова – Дашкова. – Тифлис,1907.
38. Всеподданнейший отчет наместника Кавказского по Гражданскому Управлению Кавказским и Закавказским краем: 1863-1871 гг. – СПб,1872.
39. Всеподданнейший отчет начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1892 год. – Владикавказ,1893.
40. Всеподданнейший отчет начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1894 год. – Владикавказ,1895.
41. Всеподданнейший отчет начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1897 год. – Владикавказ,1898.
42. Вторая Кавказская выставка продуктов садовых культур в 1898 году. – Тифлис,1898.
43. Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. – Махачкала,1995.

44. Гендерсон Э. Библейские разыскания и странствия по России. – СПб., 2006.
45. Горепекин Ф.И. По горам Терской области. Краткий путеводитель. – Владикавказ,1910.
46. Горцы Северного Кавказа глазами художников (по следам художественно – этнографических экспедиций 1924-1926 гг.). Каталог выставки. – Ставрополь,1997.
47. Горшельт Г. Кавказские походные рисунки. Вып.1-5. – СПб.,1896.
48. Государева Оружейная палата. – СПб., 2002.
49. Государственная Дума России: Энциклопедия: В 2-х т. Т.1. Государственная дума Российской империи (1906-1917 гг.). – М., 2006.
50. Государственная Третьяковская галерея. Русское искусство XVIII – XX века.
51. Живопись, скульптура. Новые поступления. Каталог выставки.– М.,1999.
52. Государственный центральный музей музыкальной культуры имени М.И. Глинки, Москва. Музей-квартира Н.С. Голованова. – М.,2007.
53. Граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов. Биографический очерк. – Тифлис,1889.
54. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. Т.3. – СПб. – М., 1882. М.,1979.
55. Дзагуров Г.А. Переселение горцев в Турцию. Материалы по истории горских народов. – Р н/Д.,1925.
56. Дзидзария Г.А. Труды. Т. III. Из неопубликованного наследия. – Сухум, 2006.
57. Дикая дивизия. Сборник материалов. – М., 2006.
58. Длужневская Г. Мусульманский мир Российской империи в старых фотографиях: Альбом. – СПб., 2006.
59. Дневник Д.А. Милютина 1873-75 г. Т.1. – М.,1947.
60. Добровольский Л.М. Запрещенная книга в России. 1825-1904. Архивно-библиографические разыскания. – М.,1962.
61. Дондуков – Корсаков К. Всеподданнейшая записка Главноначальствующего на Кавказе по гражданскому управлению. – СПб., 1883.
62. Дорожная карта Кавказского края. Составлена и литографирована военно – топографическим отделом Кавказского военного округа в 1870 г. – Тифлис, 1870.

63. Дорожная карта Кавказского края. Составлена и литографирована в военно – топографическом отделе Кавказского военного округа в 1903 г. – Тифлис, 1903.
64. Документальная история образования многонационального государства Российского. В 4-х книгах. Кн.1. Россия и Северный Кавказ в XVI – XIX веках. – М.,1998.
65. Дубле Е.О. Всеобщая статистика Российского государства; географическая, административная, финансовая, коммерческая, промышленная. Сборник 500 000 адресов. Год 1878. – М., 1878.
66. Душенко К.В. Цитаты из русской истории от призвания варягов до наших дней. – М., 2005.
67. Дюма А. Путевые впечатления. В России. В 3 т. Т.3. – М.,1993.
68. Еркерт Р. Кавказ и его народы. Б.м.,1887.
69. Железнодорожный отдел // Весь Кавказ и Донская область на 1908 год. Первый торговый справочник-альманах. – Р н/ Д.,1907.
70. Живопись XVIII – начала XX века (до 1917 года). – М.,1952.
71. Загурский Л.П. Отчёт о состоянии Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. – Тифлис,1883.
72. Записки А.П. Ермолова. 1798-1826 гг. / Сост. В.А. Федорова. – М.,1991.
73. Зверинский В.В. Указатель изменений в распределении административных единиц и границ империи с 1860 по 1887 г. – СПб.,1887.
74. Зеленин Д.К. Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России. 1700-1910 гг. Т.1. – СПб.,1913.
75. «Зеркало Кавказа». Альбом. – М.,1902.
76. Зубов П.П. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. В 4-х ч. СПб.,1835.
77. Свт. Игнатий (Брянчинов). Будущее России в руках Божественного Промысла. Письма к Н.Н. Муравьеву-Карскому. – М.,1998.
78. Из истории русско-кавказской войны. (Документы и материалы) – Нальчик,1991.
79. Из фондов Государственнного Русского музея. Русское искусство XV – XX веков. – Л.,1989.
80. Имперская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): Сборник материалов. – Сост. и автор вступ. ст., предисловия и комментариев Д.Ю. Арапов. – М., 2006.

81. Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып.1. – М.,1998.
82. Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. Т.1. – М., 2006.
83. Исторический обзор Терека, Ставрополья и Кубани. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.XVI. Ч.1. – М., 2008.
84. История Ингушетии: Материалы. – Орджоникидзе, 1933.
85. Итенберг Б.С., Твардовская В.А. Граф М.Т. Лорис-Меликов и его современники. – М., 2004.
86. Кавказ. – СПб., 1896.
87. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб., 2005.
88. Кавказ. Справочная книга сторожила. Т.1. Ч.1. – Тифлис, 1887-1888.
89. Кавказская армия. Т.3. Ч.2. Отдел санитарный. – СПб.,1884.
90. Кавказская выставка предметов сельского хозяйства и промышленности. Т.2. Вып.1. – Тифлис,1890.
91. Кавказский Военно-исторический музей. Краткий путеводитель по Кавказскому Военно-историческому музею. – Тифлис,1909.
92. Кавказский запрос в Государственной Думе (Полные речи всех ораторов по официальным стенограммам). – Тифлис,1909.
93. Кавказский край. Атлас социально – экономический. Статистические данные по гражданскому управлению Кавказского наместничества 1855-1880 г. – Тифлис,1855-1880.
94. Кавказское медицинское общество. Тифлис. Празднование 50-летнего юбилея Императорского Кавказского медицинского общества 20 апреля 1914 года. (1864 -1914 гг.). – Тифлис,1915.
95. Кавказское общество сельского хозяйства (1850-1875). – Тифлис,1875.
96. Казачество. Энциклопедия / Под ред. А.П. Федотова – М., 2008.
97. Казбек Г.Н. Военно-статистическое описание Терской области. Т.2. Ч.1-2. Тифлис,1882.
98. Карта Кавказского края с показанием пути следования их императорского величества по краю в 1888 году. – Тифлис,1888.
99. Карта распространения перемежающихся лихорадок на Кавказе (составлена доктором Н. Тороповым в 1864 г.). – Б.м.,1864.
100. Карта российских владений за Кавказом. Составлена корпусным топографом, поручиком Колоколовым в 1836 году. – СПб.,1836.

101. Карта Терской области. – СПб.,1891.
102. Карта Терской области с показанием местностей тяготеющих к двум направлениям Владикавказской железной дороги. – Б.м., 1870.
103. Карта урожая 1898 г. в 60-ти губерниях Европейской России и Северного Кавказа. – СПб.,1898.
104. Карта урожая 1900 г. в 64-х губерниях Европейской России и Северного Кавказа. – СПб.,1900.
105. Карта учебных заведений Кавказского учебного округа за 1880 год, составленная Р.Шенгером. – Тифлис,1880.
106. Карта учебных заведений Кавказского учебного округа к 1 января 1899 г. – Тифлис,1899.
107. Каталог коллекций Кавказского общества сельского хозяйства. – Тифлис,1876.
108. Каталог личных фондов отечественных историков. Вып.2. Первая половина XIX века. – М., 2007.
109. Каталог педагогически-профессионального отдела Кавказской выставки 1889 г. – Тифлис,1889.
110. Каталог склада Военно-топографического отдела Генерального штаба. Вып.II. – СПб., 1887.
111. Кентманн П. Кавказ. – Б.м. Б.г.
112. Княгиня Н.А. Дондукова – Корсакова. – Тифлис, 1887.
113. Кожевников Г.А. Породы кавказских пчел. Доклад. – СПб., 1900.
114. Коллекции Кавказского музея. Т.5. Археология. – Тифлис, 1902.
115. Комиссия по исследованию современного положения землепользования и земледелия. – Владикавказ, 1908.
116. Кондаков С.Н. Список русских художников к Юбилейному справочнику Императорской Академии художеств. – М., 2002.
117. Коновалов Э.Г. Новый полный биографический словарь русских художников. – М., 2008.
118. Конституция графа Лорис – Меликова и его частные письма. – Лондон; СПб. Б.г.
119. Краткая аннотированная библиография чеченского конфликта / Отв. ред. д.ф.н., профессор А.Д. Яндаров. – М., 2002.
120. Краткий путеводитель Кавказского музея (в Тифлисе). – Тифлис, 1875.
121. Кривенко В.С. В Министерстве двора. Воспоминания. – СПб., 2006.
122. Кто есть кто в мире / Гл. ред. Г.П. Шалаева. – М., 2003.

123. Кузнецов Н, Буш Н., Фомин А. Материалы для флоры Кавказа. – Вып.14. – Юрьев, 1906.
124. Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. – 1917 г.). – СПб., 1993.
125. Культурное строительство в Чечено – Ингушетии (1920 – июнь 1941 г.): Сборник документов и материалов. – Грозный,1979.
126. Кумыков Т.Х. Проблемы Кавказской войны и выселение адыгов в Турцию // Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70-е гг. XIX в.). Сборник архивных документов. – Нальчик, 2000.
127. Лечение аятами Корана и помощь в повседневных нуждах. – СПб., 2007.
128. Литература в лицах. Фотографии русских писателей из собрания Государственного Литературного музея,1850-1916: альбом-каталог. – М., 2008.
129. Мальсагов М.С. Наследие Таргима. Документы. Фотографии. Литературные и научные труды. В 2-х книгах. Кн.1. – М., 2007.
130. Маржерет Ж. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях: (Тексты, комментарии, статьи). – М., 2007.
131. Мартынов Н.Г. Систематическая роспись книг, брошюр, атласов и карт. – СПб.,1911.
132. Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорского
133. Московского Археологического Общества, снаряженные на Высочайше дарованные средства. Вып.1. – М.,1888.
134. Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т.3. Ч.1. – Махачкала,1940.
135. Материалы по истории Осетии. Т.III. – Дзаужикау,1950.
136. Международная тюремная выставка. Отдел – Россия. Губернские и Финляндские тюрьмы. – СПб.,1890.
137. Международная тюремная выставка. Каталог. Отдел – Россия. Пересыльная часть. – СПб.,1890.
138. Мёллер В.И. Отчёт господину Министру Государственных Имуществ о деятельности Управления Горной частью Кавказского края в 1889 году. – Тифлис,1889.
139. Миансаров М. Библиография Кавказа. Опыт справочного системного каталога. Т.1.– Б.м. Б.г.

140. Милютин Д.А. Воспоминания. 1843-1856 гг. / Под ред. Л.Г. Захаровой. – М., 2000.
141. Милютин Д.А. Воспоминания,1863-64 гг. – М., 2003.
142. Милютин Д.А.Воспоминания. 1865 – 1867 гг. – М., 2005.
143. Министерская система в Российской империи: К 200-летию министерств в России. – М., 2007.
144. Министерство финансов. Фабрично-заводская промышленность и торговля России. – СПб.,1896.
145. Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883-1914 гг. Документы и материалы. – М.-Л.,1961.
146. Мусульманские депутаты Государственной Думы России. 1906-1917 гг. Сборник документов и материалов / Сост. Л.А. Ямаева. – Уфа,1998.
147. Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством Шамиля. Сборник документов. – М., 2005.
148. Народы Кавказа: Каталог-указатель этнографической коллекции (Государственный этнографический музей). – Л.,1981.
149. Народы Центрального Кавказа в 40-х – начале 60-х годов XIX века. Сборник документальных материалов. В 2-х т. Т.1. Территория, население и особенности социально – экономических отношений у народов Центрального Кавказа в 40-х – начале 60-х гг. XIX в. / Сост. П.А. Кузьминов, Б.К. Мальбохов. – М., 2005.
150. Несмачная С.И. История Кавказа в лицах: Биографический словарь. Т.III. – Ставрополь, 2000.
151. Несмачная С.И. История Кавказа в лицах: Биографический словарь. Т.IV. – Ставрополь, 2002.
152. Несмачная С.И. История Кавказа в лицах: Биографический словарь. Т.V. – Ставрополь, 2006.
153. Нефть и газ Чечни и Ингушетии: к 100-летию Грозненской нефтяной промышленности. 1893-1993 гг. / Под ред. Л.Х. Ибрагимова. – М.,1993.
154. Обзор Грозненской нефтяной промышленности (Промысловое дело) за 1901 год.Т.2. – Владикавказ,1902.
155. Обзор Минеральных богатств Терской области // Терский сборник. Вып.1. – Владикавказ,1890.
156. Обзор производительных сил Кавказского Наместничества за 1879 г. – Тифлис,1880.

157. Обзор Терской области за 1892 год // Терский календарь на 1894 год. Вып.3. Кн.1. – Владикавказ,1893.
158. Об изъятиях некоторых преступлений, совершаемых в пределах Кавказского края // Терский календарь на 1896 год. Вып.5. – Владикавказ,1895.
159. Об относительных выгодах различных систем внутренних сообщений. Из отчета о путешествии 1837 – 1838 гг. // Железнодорожный транспорт. – М., 2007. – № 9.
160. Общий состав управлений Кавказского военного округа. Ч.III. – Тифлис,1869.
161. Округа Терской области // Сборник сведений о Терской области. – Владикавказ,1878.
162. О некоторых геологических деятелях и явлениях. – Б. м., 1908.
163. Опыт справочного систематического каталога печатных сочинений о Кавказе, Закавказье и племенах, эти края населяющих / Сост. М. Миансароф. – Б.м. Б.г.
164. Оразаев Г.М.-Р. Тюркоязычная деловая переписка на Северном Кавказе XVII – XIX вв.: (Исследования, тексты и комментарии). – Махачкала, 2007.
165. Орлов П.А. Указатель фабрик и заводов окраин России: Царства Польского, Кавказа, Сибири и среднеазиатских владений. – СПб.,1895.
166. О сети Кавказских железных дорог. – Тифлис,1869.
167. Особые журналы Совета Министров царской России. 1909-1917 гг. – М., 2001.
168. Основные положения социальной программы российских мусульман. – Ярославль, 2001.
169. Отчет Кавказского отдела императорского Русского географического общества за 1870 год. – Тифлис,1871.
170. Отчет о вторых краткосрочных курсах гимнастики для учащихся в низших и средних учебных заведениях Кавказского учебного округа, состоявшихся летом 1910 г. – Тифлис,1911.
171. Отчет о деятельности Распорядительного Комитета «Кавказского Мусульманского Благотворительного Общества» за 1909 г. – Тифлис, 1910.
172. Отчёт о Кавказском музее. – Тифлис,1867.
173. Отчет Тифлисского общества покровительства животным за 1901 год. – Тифлис,1902.

174. Первая всеобщая перепись, произведенная 28 января 1897 г. Общий свод. Т.1.Ч.1. – СПб.,1905.
175. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т.2. – СПб.,1905.
176. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Терская область.1905.(4). Т.XVI. – СПб. Б.г.
177. Первый толковый БЭС. – СПб., М., 2006.
178. Перечень художественных произведений Цветковской галереи. – М.,1915.
179. Письма императора Александра II князю А.И. Барятинскому (1857 – 1864 гг.) // Вопросы истории. – М., 2007. – № 2.
180. Письма с Кавказа к Л.Н. Толстому. – Махачкала,1928.
181. Письма Шамиля. – Махачкала,1997.
182. Подробный указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки 1869 г. в Нижнем Новгороде. Отдел II. Коннозаводство и коневодство. – М.,1896.
183. Покорение и заселение Кавказа / Сост. А.К. Шериев. – Пятигорск, 2004.
184. Права народов. Международные документы и российские законодательные акты: Сборник документов / М.И. Аушев, С.А. Глотов, О.О. Миронов, М.П. Фомиченко. – М., 2006.
185. Предстоящий в г. Тифлисе с 16 по 24 июня 1913 г. XIII Съезд Русских естествоиспытателей и врачей. – Тифлис,1912.
186. Приложение к всеподданнейшему отчету // Терская область. Статистический комитет. Обзор Терской области за 1884 год. – Б.м.,1885.
187. Природа и население России. В 4-х частях. Ч.4. Народы Европейской России. Вып. III. Крым и Кавказ. – СПб., 1906.
188. Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70-е гг.XIX в.). Сборник архивных дел. – Нальчик, 2001.
189. Путеводитель по Терской области. – Тифлис,1871.
190. Путешествие в Крым и Кавказ фон Энгельгардта и Фридриха Парота. – Берлин,1815.
191. Река Терек от Шелкозаводской станицы до устья. – СПб.,1863.
192. Розен Р.Ф. Описание народов, принадлежащих правлению начальника войск Левого фланга Кавказской Линии и соседственных, покорных и непокорных. – Б.м.,1830.

193. Российская государственность в терминах: IX – нач. XX в. Словарь. – М., 2001.
194. Российские военные и гражданские чиновники на Кавказе. XIX век: Справочник / Составитель З.М. Блиева. – Владикавказ, 2003.
195. Россия. Кавказский наместник. О высылке с Кавказа мятежных горцев Дагестанской и Терской областей. Сборник материалов. – СПб.,1878.
196. Россия под надзором. Отчеты III отделения. 1827-1869. – М., 2006.
197. Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Т.1. – Нальчик, 2001.
198. Русский музей императора Александра III. Т. I, II. Живопись и скульптура / Сост. Н. Врангель. – СПб.,1904.
199. Русско-чеченские отношения, вторая половина XVI – XVII вв.: Сборник документов. – М.,1997.
200. Сборник материалов по Русско – Турецкой войне 1877-1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре. Т.1. Вып.1. – СПб.,1904.
201. Сборник сведений о железных дорогах в России. 1870-1872 гг. Отд.II. Разные сведения о железных дорогах. – СПб.,1875.
202. Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн кавказско – горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае 1801-1885 / Под ред. В.А. Потто. – Б.м., Б.г.
203. Сборник сведений о Терской области. Т.1.Вып.I. – Владикавказ,1878.
204. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т.1. – СПб.,1902.
205. Сведения по статистике народной нравственности и народного образования // Сборник статистических сведений о Кавказе. Т.1. – Тифлис,1869.
206. Свет священного Корана: разъяснения и толкования. – СПб., 2008.
207. Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам за 1881-1890 гг. генерал – губернаторов, губернаторов, начальников областей и градоначальников. – СПб.,1893.
208. Свод Статистических сведений по учебным заведениям Кавказского учебного округа за двадцатилетний период. 1879-1898 гг. / Сост. Р. Шёнгер. – Тифлис,1899.
209. Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Творения. Дневник. T.IV.,1862. М., 2006.
210. Северный Кавказ – наш общий дом: рекомендательный библиографический указатель / Сост. Т.В.Желтухина. – Ставрополь,2006.

211. Семенов Д. Отечество ведение. Россия по рассказам путешественников и ученым исследованиям. Т.3. Кавказ и Урал. – М.,1879.
212. Семенов П.П. Географическо-статистический словарь Российской империи. В 5 т. Т.2. – СПб., 1862.
213. Сиоран Э.М. Горькие силлогизмы. – М., 2008.
«Следить за нераспространением среди мусульман вредных, нетерпимых правительством учений…». Проект «Положения» об управлении духовной жизнью мусульман Северного Кавказа (1889 г.). (Публикация Д.Ю. Арапова) // Кавказский сборник. Т.3 (35). – М., 2006.
214. Словарь афоризмов русских писателей. – М., 2004.
215. Советская повседневность и массовое сознание. 1939-1945 / Составители А.Я.Лившин, И.Б.Орлов. – М., 2003.
216. Современный словарь иностранных слов. – М.,1993.
217. Сомов А.И. Каталог картинной галереи Императорской Академии художеств. Т.1. Русская живопись. – СПб.,1872.
218. Сочинение Генерального Штаба полковника Ракинта (1862 г.). Краткий исторический очерк христианства кавказских горцев со времён Св. Апостолов до XIX столетия // Сборник Русского исторического общества. Т.2 (150). Россия и Северный Кавказ. – М., 2000.
219. Старая Россия и старая Чечня: не выученные уроки (Изучающим Отечественную историю). – Ярославль, 2006.
220. Статистика Российской империи. Т.XVII. Волости и гмины,1890 год. Издание Центрального Статистического комитета. – СПб.,1892.
221. Статистический временник Российской империи. Сер.3. Вып.19. Указатель изменений в распределении административных единиц и границ империи с 1860 по 1887 гг. – СПб.,1887.
222. Статистический ежегодник // Терский календарь на 1892 год. Кн.1. – Владикавказ,1891.
223. Статистический ежегодник // Терский календарь на 1897 год. Вып.6. – Владикавказ,1896.
224. Статистический обзор современного положения казачьих войск. – СПб.,1903.
225. Статистическое обозрение Российской империи. – СПб.,1874.
226. Студенецкая Е.Н. Народы Кавказа: Каталог-указатель этнографических коллекций. – Л.,1981.
227. Стебницкий И.О. Картографическое обозрение Кавказа и Закавказья. Труды 3-го международного съезда ориенталистов. Т.1. – СПб.,1879.

228. 100 незнакомых картин из фондов Государственного исторического музея. – СПб.,1998.
229. Тамбовская областная картинная галерея. Каталог. Вып.1. Русское искусство XVIII – XX века. – Л.,1976.
230. Терская область // Кавказский календарь на 1877 год. – Тифлис,1876.
231. Терская область. Начальник. Отчёт начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1900 год – Владикавказ,1901.
232. Терская область. Статистический комитет. Обзор Терской области за 1886 год. – Владикавказ,1886; …за 1884 год. – Владикавказ,1884;…за 1887 год. – Владикавказ,1887.
233. Терская Окружная Плановая Комиссия. Терский округ. Очерки по истории, экономики и советскому строительству. Ч.II. – Пятигорск,1927.
234. Терский областной статистический комитет. Исторический очерк Терского областного статистического комитета. – Владикавказ, 1897.
235. Труды I Съезда деятелей кустарной промышленности Кавказа. – Тифлис,1902.
236. Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области. – Владикавказ,1908.
237. Труды комиссии при Императорском Русском Техническом обществе по вопросу о нефтепроводе и мерах к развитию нефтяного дела в России. – СПб.,1885.
238. Труды местных комитетов о нуждах сельского хозяйства и промышленности. Т.52. Кавказский край. – СПб.,1903.
239. Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. – СПб.,1905.
240. Труды Первого съезда служащих врачей гражданского ведомства на Кавказе. Т.1. Вып.1. – Тифлис,1912.
241. Труды Первого съезда кавказских врачей. Холерная эпидемия 1892 года на Кавказе. Т.1. Вып.2. – Тифлис,1893; Т.III. – Тифлис,1894.
242. Труды Первого съезда Терских нефтепромышленников в городе Грозном (с 25 июня по 9 июля 1898 г.). – Грозный,1898.
243. Тульский государственный музей оружия / Сост. Е.Е. Дроздова. – М., 2008.

244. Туманов Г.М. К введению на Кавказе земского самоуправления. Материалы, собранные Тумановым. – Тифлис,1905.
245. Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни // Труды ГИМ. Вып.144. – М., 2005.
246. Указатель Всероссийской промышленно – художественной выставки 1882 года в Москве. – М.,1882.
247. Указатель кратчайших и удобнейших железнодорожных маршрутов от Санкт–Петербурга и обратно. – СПб.,1909.
248. Указатель находящихся в Академии произведений по алфавиту имен художников и предметов / Императорская Академия художеств. – СПб.,1842.
249. Указатель русского отдела Парижской всемирной выставки. – СПб.,1900.
250. Указатель фабрик и заводов окраин. – СПб.,1895.
251. Фадеев Р.А. 60 лет Кавказской войны; Письма с Кавказа; Записки о кавказских делах. – М., 2007.
252. Федотов Г.Я. Большая энциклопедия ремесел. – М., 2008.
253. Френкель А.С. Средства для борьбы с разбоем на Кавказе (Реферат, читанный в Кавказском юридическом обществе). – Тифлис,1898.
254. Хаджи-Мурат. Документы. Письма. Очерки. Факты. Сборник. – М.,1999.
255. Ход учебного дела на Кавказе с 1802 по 1880 год. – Тифлис,1880.
256. Художники народов СССР. Библиографический словарь. В 6-ти томах. Т.1,3. – М.,1970.
257. Художники народов СССР. Биобиблиографический словарь. В 6 т. Т.4. Кн.1. – М.,1983.
258. Царскосельский музей с собранием оружия, принадлежащего Государю императору. – СПб.,1860.
259. Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). – М., 2006.
260. Черных П.Я. Историко – этимологический словарь русского языка. В 2-х томах. Т.1. – М.,1993.
261. Шейх Хаким. Моинуддин Чишти. Суфийское целительство. – СПб., 2007.
262. Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802-1917 гг. Библиографический справочник. – СПб., 2001.

263. Щербов – Нефедович А.О. Доклад о результатах командировки в Терскую область. – СПб.,1902.
264. Эвлия Челяби. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып.1. Земли Молдавии и Украины. – М.,1961.
265. Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): Энциклопедия; в 2 т. Т.1. – М., 2008.
266. Экслибрисы и штемпели частных коллекций. – М., 2001.
267. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т.VI. – СПб.,1892, Т.VII. – СПб.,1892; Т.X. – СПб.,1899; Т.XXI. – СПб.,1897.
268. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. В 82-х томах. Т. 29. – М.,1991; Т.35.; Т.74 – М.,1990; Т.76 – М.,1993.
269. Энциклопедический словарь военной медицины / Под ред. Е.И. Смирнова. В 6 т. – М.,1948.
270. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч.2. – М.,1968.
271. Юбилейный справочник Императорской Академии художеств / Сост. С.Н. Кондаков. – СПб.,1914.
272. Инжил я Делаца бинчу керлачу бартах лаьцна долу тептар (Новый Завет на чеченском языке). – Самара,2007.

Статьи периодических изданий

1. Аббасбейли А. Кавказ в сфере геостратегических реалий // Обозреватель. – М., 2003. – № 11.
2. Абрамов Я. Одна из погрешностей нашей поземельной политики на Кавказе // Терек. – 1883. – № 64, 65.
3. Абрамов А. Кавказские горцы (Из летних экскурсий) // Дело. – 1884. – № 1.
4. Аванесян А.А. Железнодорожное строительство на Северном Кавказе в 70-е годы XIX в. // Молодая наука – 2007: Материалы региональной межвузовской научно – практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Часть VI. – Пятигорск,2007.
5. Азаров В.М.; Марущенко В.В. Кавказ в составе России: История Отечества // Ориентир. – М., 2001. – № 3.
6. Айбатов М.М. Проблема взаимодействия модернизирующих государственно-правовых реформ и этнических государственно-правовых культур горских народов в творчестве просветителей 60-70-х годов XIX века // История государства и права. – М., 2007. – № 7.
7. Айларова С.А. В поисках национальной идентичности // Вестник Северо – Осетинского гос. ун-та им. К.Л. Хетагурова. – Владикавказ, 2008. – № 3.
8. Акаев В.Х. Накшбандийский шейх Дени Арсанов // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – Р н/Д., 2004. – № 1.
9. Акаев В.Х., Керимов М.М. Этнические и региональные составляющие мусульманской культуры народов Северного Кавказа // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – Р н/Д., 2008. – № 2.
10. Акиева Х.М. Изобразительное искусство Чечни и Ингушетии первой половины XIX в. (традиции и новаторство) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – М., 2008. – № 4.
11. Алафаев А.А., Тетуев А.И. Россия на Северном Кавказе в XVIII – начале XX в. /// Преподавание истории в школе. – М., 2007. – № 3.
12. Алексанов И. Северный Кавказ. Экономические очерки из жизни края // Вестник Европы. – СПб.,1899. – Т.6. Кн.11.
13. Алексеева А. «Душа моя на другой планете!» // Комсомольская правда. – М., 2008. – № 123-д (24 150-д).

14. Алексий, Патриарх Московский и всея Руси. Заявление в связи с обострением трагических событий в Чечне // Русская мысль. – Париж,1995. – № 4059.
15. Алиев Б.Г. И.-Гербер о союзах сельских общин Аварии // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – Махачкала, 2005. – № 1.
16. Аликова З.Р. Хирургическая помощь в народной медицине Северного Кавказа // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – М., 2000. – № 3.
17. Алпатов В.М. Языковая политика в России и Франции // Диаспоры. – М., 2003. – № 1.
18. Амирова З.А. Русско-турецкая война 1877-78 гг. (подготовка и начало военных действий на кавказско-малоазиатском театре) // Вестник института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. – Махачкала, 2005. – № 2.
19. Аппаева Ж. Кавказская черкеска // Юный художник. – М., 2002. – № 10.
20. Аракчеев Д.И. Кавказские музыкальные инструменты в музее Московской Консерватории // Русская Музыкальная Газета. – СПб.,1905. – № 12.
21. Арапов Д.Ю., Бобровников В.О. Программа государственных экзаменов для «мусульманского духовенства» Закавказья (1873 г.) // Гуманитарная мысль Юга России. – Краснодар, 2006. – № 2 (03).
22. Арапович Б. О Шамиле на шведском языке // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – Махачкала, 2005. – № 3.
23. Аргиев А. Кавказ и национальная политика центра // Россия XXI. – М.,1998. – № 11-12.
24. Артемов А. Абдурахман Авторханов // Посев. – М.,Франкфурт. – № 4 (1438).
25. Асватуров А.С. Люди Империи: заведующие Восточным отделением Императорской Публичной библиотеки // Библиотековедение. – М., 2007. – № 2.
26. Ахвледиани Б. Торговля в Чечне в прошлом и настоящем // Северокавказский край. – Р н/Д.,1925. – № 1.
27. Ахмадов Я.; Хасмагомадов Э. Чеченское офицерство в процессе формирования национальной элиты во второй половине XIX – начале XX века // Вестник ЛАМ. – Грозный, 2003. – № 4.

28. Ахмедов А.А., Голубев А.Ю. К вопросу о введении института военных имамов в Российской армии // Военная мысль. – М., 2008. – № 2.
29. Ахметов У.Т. Русское Географическое общество и Казахстан // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. – Элиста, 2008. – № 1.
30. Багаев М.Х. Чеченцы XIX века // Вести Республики. – Грозный, 2007. – № 96 (570).
31. Бадаев С.-Э.С. Чеченское мухаджирство второй половины XIX века как следствие политики самодержавия на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. – Р н/Д., 1999. – № 4.
32. Баев Г. О введении земского самоуправления в Терской области // Кавказский вестник. – Тифлис,1901. – № 4.
33. Баранов Е. По Северному Кавказу // Новое обозрение. – М.,1902. – № 6016.
34. Батаева Х.М., Яхьяева З.И. О народной медицине в Чеченской Республике // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – М., 2007. – № 2.
35. Батаева Х.М., Яхъяева З.И. Н.И. Пирогов о народной медицине чеченцев и ингушей // Вопросы гуманитарных наук. – М., 2005. – № 3.
36. Башиева С.К., Геляева А.И. Концепт «мера» (норма) в языковой картине мира народов Кавказа (На материале пословиц и поговорок) // Эльбрус – Нальчик, 2001- 2002 – № 1 (13).
37. Безотосный В.М. Милютин Д.А. Воспоминания. 1865-1867 // Отечественная история. – М., 2008. – № 6.
38. Белобородов А. Землевладение в Терской области // Терские ведомости. – Владикавказ, 1895. – № 107,108,109.
39.Белова Л. Лермонтов и Кавказ // Отечество. – М., 2004. – № 7 (50).
40. Белоглазкин Г. Хранящим Россию // Вечерний Ставрополь. – Ставрополь,1990. – 23 октября.
41. Бендин А.Ю. Веротерпимость и проблемы национальной политики Российской Империи (втор. пол. XIX – начало XX века) // Церковно – исторический вестник. – М., 2004. – № 11.
42.Бердников И. Об управлении духовных дел магометан // Имперское возрождение. – М., 2007. – № 2 (10).
43. Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. – 1882. – Т.33.

44. Бетеева М.М. Церковноприходская школа, как начальный этап развития образования на российском Кавказе // Преподавание истории и обществознания. – М., 2007. – № 3.
45. Блейх Н.О. Становление люмьеризма у северокавказских народов в первой половине XIX в. // Вопросы истории. – М., 2008. – № 11.
46. Блохин В.Ф. О вреде «Вредного направления» // Вестник молодых ученых. Серия: Исторические науки. – СПб., 2006. – № 2.
47. Бойко М. Гяур в поношенном мундире // НГ Ex Libris. – М., 2007. – № 33 (430).
48. Бобровников В.О. Еще раз об исламском образовании на Северном Кавказе (попытка ответить на вопросы Г.Г. Косача к А.А. Ярлыкапову) // Вестник Евразии. – М., 2004. – № 1(24).
49. Борисов А. Герой войны и победитель чумы // Щит и меч. – М.,1999. – 5 августа (№ 31).
50. Боров А.Х. Национальные истории народов Северного Кавказа: проблемы концептуализма // Вестник Кабардино – Балкарского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. Вып.9. – Нальчик, 2004.
51. Бужан Е. Дело табак! // Оракул. – М., 2007. – № 12.
52. Бунькова Ю.В. Культурологический синтез в кавказской политике П.К. Услара // Гуманитарные и социально-экономические науки. – Р н/Д., 2006. – № 4.
53. Бурдина Е. «На их же родном языке, и притом на языке народном…». Система национального образования по Николаю Ильинскому // Родина. – М., 2007. – № 10.
54. Бутов С. Мудрец // Спорт-Экспресс. – М., 2008. – № 187 (47 67).
55. Бухалов И.И. Промышленный травматизм в Грозненской нефтяной промышленности // Известия Научного Общества Чеченской Автономной Области. – Грозный,1930. – № 2.
56. Бызов И. Как начиналось «покорение горских народов» // Чеченское общество сегодня. – М., 2007. – № 7 (15).
57. Бызов И. Мухаджирство или переселение вайнахов на Ближний Восток // Чеченское общество сегодня. – М., 2007. – № 4 (12).
58. Бызов И.Начало формирования «Дикой дивизии» // Чеченское общество сегодня. – М., 2007. – № 4 (12).
59. Быков Ф.А. Исторический ход вопроса о мусульманских законах на Кавказе // Юридическое Обозрение. – Тифлис,1883. – № 111,112.

60. Валькович А. «Рисуй, Орловский!» // Цейхгауз. – М., 2001. – № 2.
61. Вапилин Е.Г. Освещение периодической печатью России жизни армии и флота // Военно-исторический журнал. – М., 2006. – № 8 (556).
62. Василенко В.Г. Состояние здравоохранения на Дону и Северном Кавказе в пореформенный период // Российский исторический журнал. – М., 2006 – № 1 (38).
63.Васильев М. Дагестанский конный полк // Цейхгауз. – М., 2000. – № 1 (10).
64. Великая Н. Трепак и лезгинка // Родина. – М., 2004. – № 5.
65. Вести от горцев-мусульман Терской области // Мусульманская газете. – 1913. – № 11.
66. В защиту горцев // Северный Кавказ. – Ставрополь,1888. – № 14.
67. Виннийчук А.В. Возникновение и становление городских газет в России: середина XIX – начало XX века // Известия высших учебных заведений. Северо – Кавказский регион. Общественные науки. Спецвыпуск «Вопросы филологии» 2006. – Рн/Д., 2006.
68. Висковатов А.А. С Казбека // Русский вестник. – СПб.,1865. – № 12.
69. Владикавказ // Терские ведомости. – Владикавказ,1875. – № 11.
70. Владыченский А.С. Язык научных трудов выдающегося естествоиспытателя России // Московский университет. – М., 2007. – № 17 (4208).
71. Властов. Война в Большой Чечне // Русский инвалид. – СПб.,1856. – № 160,166.
72. Волова Л.В. Межкультурная коммуникация на Северном Кавказе // Новый исторический вестник. – М., 2005. – № 1 (12).
73. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. – СПб.,1876. – Кн. 5,10
74. Волхонский М.А. Национальный вопрос во внутренней политике правительства в годы первой русской революции // Отечественная история. – М., 2005. – № 5.
75. Воронова А.А. Рыбный промысел Каспийского моря и морские торговые связи в XIX – нач.XX вв. // Вестник Ставропольского гос. университета. Вып.40. – Ставрополь, 2005.
76. Воропонов Ф.Ф. Крестьянские переселения // Вестник Европы. – СПб.,1876. – Кн.1.
77. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. Т.33. Б.м.,1882.
78. Высокая Е.В. Историческое мышление как историко-культурная картина мира: особенности имперской традиции в Великобритании и России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России» – М., 2007. – Спец. выпуск № 2.

79.Гаджиев Д. Миссионерская деятельность Православной Церкви на Северном Кавказе в XVIII – XIX вв. // Христианское чтение. – СПб., 2006. – № 26.

80.Гаджиев М.С. Р. Эркерт и Дж. Эберкромби – исследователи «Дагбары» // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – Махачкала, 2005. – № 3.

81. Гаммер М. Шамиль и мусульманские державы: оттоманские турки, каджары и Мехмет Али Египетский // Вестник института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. – Махачкала, 2006. – № 1 (5).

82. Гапуров Ш.А., Товсултанов Р.А. «Погром Чечни» в 1852 году // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – Грозный, 2006. – № 2.

83. Гарасаев А.М. Из чеченского религиозного поэтического наследия: назмы – духовные песнопения в обрядовой практике суфиев // Вестник МГУ. Сер.13, Востоковедение. – М.,1998. – № 4.

84. Гарсаев Л. Технология изготовления вайнахской одежды // Вайнах. – Грозный, 2006. – № 12.

85. Гатагова Л.С. Кавказ после Кавказской войны: этноконфликтный аспект // Вестник Института цивилизаций. – Владикавказ, 2000.– Вып.3.

86. Гатагова Л.С., Трепавлов В.В. Кавказская война // Преподавание истории в школе. – М., 2006. – № 1.

87. Гельдибаев М.Х. Особенности доказывания вины и назначения наказания в мусульманском праве // Ойла («мысль»). – Грозный,1998. – № 1.

88. Георгиев В.А. «В.В. Дегоев. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин». // Отечественная история. – М., 2002. – № 4.

89. Герберт А. «Развитие ресурсов этой области тормозится существующей системой» (Кавказ глазами английского полковника. 1889 г.) // Источник. – М.,1999. – № 5.

90. Герман О.Б. Земельные отношения на Тереке в перв. пол. XIX – нач. XX вв. (историко-правовой аспект) // Гуманитарные и социально-экономические науки. – Р н/Д., 2006. – № 7.

91. Герман О.Б., Кузьменко О.В. Судебные преобразования в различных регионах России во втор. пол. XIX столетия // Гуманитарные и социально-экономические науки. – Р н/Д., 2006. – № 5.

92. Герман Р.Э. Русские военные деятели и историки XIX века о способах покорения Кавказа // Сборник научных трудов Северо-Кавказского го. Техн. Ун-та. Серия «Право». Вып.2. – Ставрополь, 2000.
93. Гнездилова Е. Рубо, похищенный и возрожденный // Век. – М., 2002. – № 23.
94. Голицын Ю. Военные реформы в России и дефицит госбюджета // Наша власть: дела и лица. – М., 2001. – № 2 (5).
95. Голицын Ю. Кнут и пряник Кавказской войны // Наша власть: дела и лица. – М., 2001. – № 3 (6).
96. Головлев А.А. Этапы и факторы формирования населения г. Грозного (1818-1998) // Известия Русского географического общества. – СПб., 2000. – Вып.1.
97. Горбачев С. Северокавказский барьер: (Исторический анализ политики России на Северном Кавказе) // Молодая Гвардия. – М.,1999. – № 11/12.
98. Городецкий Б.М. Литературные и общественные деятели Северного Кавказа // Кубанский сборник на 1913 год. – Екатеринодар,1913. – Т.18.
99. Городницкий Р.А. Учреждения Министерства внутренних дел на Кавказе в 1905- 1917 гг. // Вестник Московского университета. – Сер. 21. Управление. – М., 2004. – № 3.
100. Горожане боятся врачей больше, чем болезней // Московский комсомолец. – М., 2008. – № 168 (24 826).
101. Горячеводск // Целебный Кавказ. – Тифлис,1916. – № 4-5.
102. Горячие минеральные источники кн. Таймазова (Терской области, Грозненского округа) // Новое обозрение. – Тифлис,1890. – № 2273.
103. Градовский Г. Лагерь на Караяле 25 августа // Голос. – СПб.,1877. – № 210.
104. Грачев С.В. Образование нерусских народов Российской империи в геополитическом контексте // Педагогика. – М., 2002. – № 7.
105. Грен А. Два слова по поводу возможности развития литературы у горцев Кавказа // Россия и Азия. – Киев,1899. – № 12.
106. Гриненко Л.О. Письмо графа А.А. Бобринского о древностях Северного Кавказа // Донская археология. – Р н /Д., 2000. – № 3-4 (8-9).

107. Гриценко Н.П. Быт и нравы кавказских горцев и терских казаков: Их взаимное влияние друг на друга // Археолого-этнографический сборник / Чеч.– Ингуш. НИИ ист., языка, и литературы. – Грозный,1969. – Т.III.
108. Гродзицкий А. Инженер – мостостроитель Станислав Кербедз // Культурно – просветительская работа («Встреча») – М., 2007. – № 7.
109. Грозненские известия // Северный Кавказ. – Ставрополь,1888. – № 18.
110. Грозный // Северный Кавказ. – Ставрополь,1888. – № 37.
111. Гульчеев В.А. Некоторые социальные и исторические аспекты развития физической культуры в Осетии // Бюллетень Владикавказского института управления. – Владикавказ, 2005. – № 13.
112. Гусейнов А. Кавказ подо мною // Новая Россия. – М., 2000. – № 1.
113. Данько Т.А. Документы ГИАНО о польской ссылке и римско – католической общине в Новгородской губернии // Новгородский архивный вестник. – Великий Новгород, 2007. – № 6.
114. Дацкевич А.П. Курорты Чечни // Известия Научного Общества Чеченской Автономной Области. – Грозный,1930. – № 2.
115. Джабаги Вассан-Гирей. Революция и гражданская война на Северном Кавказе кон. XIX – нач. XX в. // Наш Дагестан. – Махачкала,1994. – № 167-168.
116. Джабиров И. Чечня и чеченцы в судьбах России и россиян. Судьба Победоносца // Вайнах. – Грозный, 2006. – № 11.
117. Дзидзоев В. Земельные и межнациональные отношения на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX века // Литературная Кабардино-Балкария. – Нальчик,1999. – № 1.
118. Дзидзоев В.Д. Переселение мусульманских народов Кавказа в Турцию 1860-1870 гг. // Вопросы истории. – М., 2008. – № 9.
119. Добаев И.П. Зарождение, развитие и современное состояние ислама на Северном Кавказе // Донской юридический институт: Ученые записки. Т.15. – Р н/Д., 2001.
120.Документальная хроника жизни края // Живая старина. – Нальчик,1993. – № 3.
121. В.В. Докучаев // Нива. – СПб.,1905. – № 45.
122. Дорджиева Е.В. Адаптационно – деятельностные модели культуры традиционной калмыцкой элиты в Российской империи в XVIII – XX вв. // Вестник РУДН. Серия «История России». – М., 2007. – № 1.

123. Дохова В.В. Экологическая культура как модификационный процесс традиционных национальных культур // Вестник Кабардино – Балкарского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. Вып.9. – Нальчик, 2004.
124. Дрибас О.В. Политическое предательство: его моральная и юридическая оценка // Гуманитарные и социально-экономические науки. – Р н/Д., 2000. – № 2.
125. Дубнова Н.В. Лермонтов: идеализация востока до его реального познания // Вестник молодых ученых Дагестана. – Махачкала, 2006. – № 3.
126. Дунюшкин И. В дозоре казаки и чеченцы // Родина. – М., 2004. – № 6.
127. Егорышева И.В. Первые эпидемии холеры в России (1823, 1829-1931 гг.) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – М., 2008. – № 2.
128. Екельн Л. Джекнат и Бока. Чеченская повесть // Отечественные Записки. – 1843. – Т.31. – № 11.
129. Елисеев А.В. Российские исследователи Кавказа // География в школе. – М.,2000. – № 1.
130. Емельянов И. Чемпион из общаги // Советский спорт. – М., 2008. – № 117 (17 599).
131. Емельянов О.Б. Государственная служба и ее влияние на состояние хозяйства терско-гребенского казачества в перв. пол. XIX века // Российский исторический журнал. – М., 2006. – № 1 (38).
132. Ермоленко Л.П. Охрана памятников старины на Северном Кавказе в 1920-1930 –х гг. // Вестник Ставропольского государственного университета. Вып. 48. – Ставрополь, 2007.
133. Жугова Т.Ч., Шомахов А.О., Кимова Л.Ф. Из истории медицины Кабардино- Балкарии // Проблемы социальной гиены, здравоохранения и истории медицины. – М., 2001. – № 6.
134. Журомский К. Романтичееские образы Кавказа в русской бронзовой скульптуре // Антикварное обозрение. – СПб., 2006. – № 1.
135. Захарова Л.Г. Александр II и место России в мире // Новая и новейшая история. – М., 2005. – № 2, 4.
136. Зелькина А. Ислам в Чечне до российского завоевания // Исламская Цивилизация. – Махачкала, 2005. – № 1.
137. Зелькина А. Учение Кунта – Хаджи в записи его мюрида // Этнографическое обозрение. – М., 2006. – № 2.

138. Зинева Н.С. Роль геополитического фактора в истории российско-кавказских взаимоотношений в конце XVIII – первой половины XIX вв. // Вестник Ставропольского государственного университета. Вып.49. – Ставрополь, 2007.
139. Золотое руно. Рассказ чеченца // Русский инвалид. – СПб.,1852. – № 178.
140. Ибрагимбейли Х. – М. Сказать правду о трагедии народной // Политическое обозрение. – М.,1989. – № 4.
141. Иванов А.И. Восстание в Чечне в 1877 г. // Исторические записки. – М.,1941. – № 10.
142. Иванов А.И. Национально-освободительное движение в Чечне и Дагестане в 60-70 гг.XIX века // Исторические записки. – М.,1941. – № 12.
143. Иванов М.А. Верховья реки Гехи // Известия Кавказского Отдела Императорского Русского Географического общества. – 1902. – Т.XV. № 5.
144. Иванов С. О сближении горцев с русскими на Кавказе // Военный сборник. – СПб.,1859. – Т.7. – № 6.
145. Ивахненко А.С. Обмундирование и снаряжение русских регулярных войск в Кавказской войне 1817-1864 гг. // Информационно-аналитический вестник. – Вып.4. – Майкоп, 2001.
146. Известия // Терские ведомости. – Владикавказ,1894. – № 137.
147. Известия // Неделя. – 1899. – № 33.
148. Из города Грозного // Северный Кавказ. – Ставрополь,1888. – № 28.
149. Из Терской области // Казачий вестник. – Новочеркасск,1884. – № 32.
150. Ильясов Л. Исторические области Чечни // Чеченское общество сегодня. – М., 2007. – № 8 (16).
151. Индербаев Г. Наш край в живописи М.Ю. Лермонтова // Вайнах. – Грозный, 2004. – № 7.
152.Ипполитов Г.М. Моральный дух Русской армии: из истории изучения проблемы // Клио. – СПб., 2007. – № 1 (36).
153.Исаев С.-А.А. Неистовый Ума Дуев // Нохчи. – Грозный,1999. – № 1.
154.Исаев Э.А. Вайнахская этика о значении образования // Гуманитарные и социально-экономические науки. – Рн/Д., 2008. – № 1 (38).
155. Исаева Р. Терское отделение Русского технического общества: зарождение и становление (1899 – 1913 гг.) // Вайнах. – Грозный, 2004. – № 4.

156. Исмаилова А.И. К вопросу о причинах восстания горцев Чечни в 1877 – 1878 гг. // Вестник молодых ученых Дагестана. – Махачкала, 2006. – № 2.
157. Исхаков С.М. Международная научная конференция «Национальный вопрос в интеграции и распаде СССР» // Отечественная история. – М., 2005. – № 2.
158. Исхаков С.М. Первая российская революция и мусульманское движение // Отечественная история. – М., 2005. – № 5.
159. Итенберг Б.С. Военачальник и администратор на Кавказе // Отечественная история. – М., 2004. – № 1.
160. Кавказ. Альбом Л.Е. Дмитриева – Кавказского. СПб.,1880 г. Рецензия // Художественный журнал. – СПб.,1881. – № 2.
161. Кавказ и его жители // Вестник Российского Общества Красного креста – 1884. – № 4-7.
162. Кавказов А. Промышленность, о которой мало кто знает // Советский Северный Кавказ. – 1930. – № 1.
163. Кавказские произведения на Парижской выставке // Кавказ. – Тифлис, 1890. – № 302.
164. Кавказские разбои и колонизация // Неделя. – СПб.,1898. – № 44.
165. Калинченко С. История научных организаций Северного Кавказа // Обозреватель. – М., 2006. – № 6 (197).
166. Калоев Б.А. Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей // Советская этнография. – М.,1961. – № 1.
167. Калоев Б.А. А.Ф. Кони о Кавказе // Этнографическое обозрение. – М.,1997. – № 3.
168. Карагезов Р. Коллективная память и «политика памяти» в странах Центрального Кавказа // Центральная Азия и Кавказ. – Швеция, 2005. – № 6 (42).
169. Карапетян О.Т. Краткий очерк развития горного дела на Кавказе // Кавказский вестник. – Тифлис,1901. – № 10-11.
170. Карданова Ю.Х. Конфессиональная политика Российской империи на Северном Кавказе: выбор между православием и исламом (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник Кабардино – Балкарского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. Вып.9. – Нальчик, 2004.
171. Карпов Ф. Нефтяное дело в Терской области // Терский сборник. – Владикавказ,1890. – Вып. 1. Отд.1.

172. Картофель. Как нам помогла Америка // Mens Health. – М., 2007. – сентябрь, 2007 г.
173. Карцов А.П. Письма из губернии. Терская область // Русский вестник. – СПб.,1894. – Т.234.
174. Касумова С.Ю. Из истории христианства в южном Азербайджане // Известия Академии наук Азербайджана. Серия истории, философии и права. – Баку,1991. – № 2-3.
175. Катышева М. Сердца трех // Вайнах. – Грозный, 2006. – № 8.
176. К вопросу о переселении черкесов // Современный листок. – 1864. – № 24.
177. К вопросу о переселенческом движении туземцев Терской области // Донская речь. – Р н/Д.,1902. – № 10.
178. Кемпинский Э.В. Экономическое развитие Ставропольской губернии и Терской области в конце XIX – начале XX вв. // Сборник Русского исторического общества. – М., 2003. – № 6.
179. Киняпина Н.С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX веке // Вопросы истории. – М.,1983. – № 4.
180. Клычников Ю.Ю. Северный Кавказ в истории России // Российский исторический журнал. – М., 2006 – № 1 (38).
181. Кобахидзе Е.И. Межэтническое взаимодействие в процессах интеграции и дезинтеграции народов Северного Кавказа (социокультурный анализ) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – М., 2004. – № 4 (37).
182. Козлов В.А.; Козлова М.Е. Патерналистская утопия и этническая реальность: чеченцы и ингуши в Сталинской ссылке (1944-1953) // Вестник архивиста. – М., 2003. – № 3-4 (75-76).
183. Колесникова М.Е. И.В. Бентковский – краевед и историк Северного Кавказа // Отечественные архивы. – М., 2004. – № 1.
184. Коллесникова М.Е., Маловичко С.И. Новые направления изучения региональной истории: История пограничных областей Северного Кавказа // Вестник Ставропольского гос. пед. ин – та. – Ставрополь, 2004. – Вып.39.
185. Колпачева О.Ю. Деятельность школы по русификации и христианизации коренного населения окраин Российской империи в XIX – начале XX века //Северо-Кавказский гос. техн. ун-т. Сборник научных трудов. Серия «Гуманитарные науки». Вып.7. – Ставрополь, 2002.

186. Комаровский Е.А. Знамена Кавказской гренадерской дивизии в фондах Национального Музея Республики Татарстан // Гербоведъ. – М., 2007. – № 97.
187. Кончин Е. Из-под руин // Культура. – М.,1995.
188. Конюшевский Л.К. Старый Кавказ // Целебный Кавказ – Тифлис,1915. – № 1-2.
189. Коростелев Н.Б. Народная гигиена (историко-медицинская оценка) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – М.,1996. – № 3.
190. Кошев М. Армия в системе российской политики просвещения горцев Северного Кавказа XIX – начала XX вв. (Постановка проблемы) // Литературная Кабардино – Балкария. – Нальчик, 2006. – № 2.
191. К переселению черкесов в Турцию // Весть. – СПб.,1864. – № 23.
192. Кузнецов Б. Вопросы и ответы // Военная быль. – Париж,1969. – № 98.
193. Кузьминов П.А. Причины крестьянской реформы у народов Северного Кавказа // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. Вып.9. – Нальчик, 2004.
194.Кудряшев В.Н. Имперская и этнократическая тенденции в русском национализме конца XIX – начала XX века // Вестник Восточного института экономики, гуманитарных наук, управления и права. История. – Уфа, 2007. – № 31/32.
195. Купцис И.Д. О химическом составе и радиоактивности сернистых вод Горячеводска и Псекупска // Целебный Кавказ. – Тифлис,1915. – № 1-2.
196. Курахви Р. Потитическая организация дагестанских и нахских народов до присоединения к России // Исламская Цивилизация. – Махачкала, 2005. – № 1.
197.Курбанов Г. Суфизм на Северном Кавказе: философия протеста // Центральная Азия и Кавказ. – Швеция, 2003. – № 5 (29).
198. Кусаинова Е.В. Традиции кочевых племен в русском боевом искусстве // Военно-исторический журнал. – М., 2008. – № 3 (575).
199. Куценко И.Я. Кавказская война и проблемы преемственности политики на Кавказе // Черкесия. – Черкесск, 2002. – № 1.
200. Куценко И. «Русские и адыги живут добрососедски, их отношения являют собой образец современного общежития

народов, достойный для подражания не только в России, но и в мире. Однако память о Кавказской войне, затуманенная, сглаженная полуправда описаний наносит ущерб взаимоотношениям между людьми / И. Куценко // Черкесия. – Черкесск, 2004. – № 2.

201. Кушхабиев А.В. К истории переселения черкесов в Сирию и Иорданию (Документы и материалы) // Живая старина. – Нальчик,1991. – № 1.
202. Ланщиков А. Русские на Кавказе. XIX в. // Литературная Россия. – М.,1992. – № 51.
203. Лапин В. Кавказская война XVIII – XIX веков в исторической памяти // Россия XXI. – М., 2007. – № 6.
204. Лапин В.В. Национальные формирования в Кавказской войне // Вестник молодых ученых. Серия: Исторические науки. – СПб.,2006. – № 4.
205. Латынина Ю. Идея нации и идея империи // Знание-сила. – М.,1993. – № 4.
206. Лежиков А. Родина вторая, родина первая // Азия и Африка сегодня. – М.,1991. – № 10.
207. Леонов Н.И. Военная реформа 1874 года в Башкирии // Вестник Восточного института экономики, гуманитарных наук, управления и права. Сер. История. – Уфа, 2000. – № 12/13.
208. Лизунов П. Россия в Европе // Былое. – М.,1995. – № 2.
209. Литвиненко Д.В. Артиллерийская промышленность России во втор. пол. XIX – начале XX века // Военно-исторический журнал. – М., 2008. – № 10 (582).
210. Литвинова А. «Жизнь чинов пограничной стражи на Кавказе совершенно боевая…» // Пограничник. – М., 2002. – № 7.
211. Лысых Л.Д. «Энциклопедия ума и сердца» // Московский журнал. – М., 2008. – № 2.
212. Магометов А.А., Дзидзоев В.Д. Устройство поземельного быта горцев Северного Кавказа и их взаимоотношения с казачеством // Вестник Северо-Осетинского гос. университета. – Владикавказ,1999. – № 1.
213. Майоров М. О нравственности и национальных интересах // Международная жизнь. – М.,2007. – № 1-2.
214. Макаров Н., Ганин А. «А се кони турабиевы…» // Родина. – М., 2008. – № 4.

215. Максаков И. Конец войны, не ставшей миром // Независимая газета. – М.,1999. – 2 июня.
216. Максимович. Статистические сведения о скотоводстве в Терской области // Терские ведомости. – Владикавказ,1875. – № 41.
217. Макунин Ю. Полководец и поэт – основатели газет // Жкрналист. – М., 2002. – № 3.
218. Мальбахов Б.К. Российская демократическая мысль о колониальной войне на Кавказе // Вестник Северо-Осетинского ун-та им. К.Л. Хетагурова. – Владикавказ, 2008. – № 3.
219. Мамбетов Г.Х. Институт аманатства и его роль в распространении и изучении русского языка на Северном Кавказе // Вестник Кабардино-Балкарского гос. ун-та. Серия гуманитарные науки. Вып.8. – Нальчик, 2003.
220. Мамонов А.В. Граф М.Т. Лорис – Меликов на пути к власти: (XIX в.) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – М., 2001. – № 4.
221. Манкиев А.А. Об истоках «чеченского кризиса» // Научная мысль Кавказа. – Р н/Д., 2005. – № 1.
222. Маремкулов А.Н. Инструкции представителей царского самодержавия на Северном Кавказе как нормативные правовые акты (XVIII – XIX вв.) // Отечественные архивы. – М., 2005. – № 5.
223. Маремкулов А.Н. Историко-правовые аспекты изучения политики России на Кавказе // Современные гуманитарные исследования. – М., 2005. – № 1.
224. Маркграф О. Чеченские селения // Терские ведомости. – Владикавказ,1881. – 21 ноября.
225. Маркелов Н. «Завтра я еду в Чечню брать пророка Шамиля…» // Дон. – Р н/Д., 2008. – № 2.
226. Маркович В.В. В лесах Ичкерии. Воспоминание лесничего о чеченском лесе // Записки Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества. – Тифлис,1897. – Кн.19.
227. Маркус Д.С. «Пора сменить средневековый язык вражды в богословии!» // Медина. – Нижний Новгород, 2007. – № 16 (40).
228. Маркусова В.А. Цитируем ость российских публикаций в мировой научной литературе // Вестник Российской академии наук. – М. – Т.73. № 4.
229. Мартиросиан Г.К. Богатство Терского края // Горская мысль. – Владикавказ,1922. – № 2.

230. Мартовицкая А. Убить передвижника или Еще раз об искусстве точечных ударов // Культура. – М., 2000. – № 8.
231. Мартыненко И.В. Служба военных сообщений в Русско – турецкой войне (1877-1878 гг.) // Железнодорожный транспорт. – М., 2007. – № 3.
232. Маслов С. О поездке на Кавказ // Журнал сельского хозяйства и овцеводства. – М.,1848. – № 10.
233. Матвеев В. В интересах горцев. О системе управления на Северном Кавказе // Ориентир. – М.,1999. – № 11.
234. Матвеев В. Кавказская война минувшего века: итоги и уроки // Ориентир. – М.,1998. – № 10.
235. Матвеев В.А. Особенности административно-политического обустройства окраин Российской империи (на примере Северного Кавказа) // Известия ВУЗов. Северо – Кавказский регион. Серия Общественные науки. – Р н/Д.,2006. – № 1.
236. Матвеев В.А. Переселение горцев в Турцию: неучтенные детали трагедии и подлинные интересы России на Кавказе // Научная мысль Кавказа. – 1999. – № 4.
237. Матвеев В.А. «Русские покушались строить мечети…» // Родина. – М., 2004. – № 4.
238. Матвеев В.А. Сепаратизм на Северном Кавказе: Границы явления на рубеже XIX – XX вв. // Известия ВУЗов. Сев.– Кавк. регион. Общественные науки. – Рн/Д., 2001 – .№ 3-4.
239. Матвейчук А. Магистр технологии // Нефть России. – М., 2005. – № 12.
240. Матвейчук А. Российский крез: взлет и падение // Родина. – М., 2008. – № 10.
241. Материалы для статистики Терской области // Терские ведомости. – Владикавказ,1884. – № 9, 85.
242. Матчанова З.Ш. Проблема низкой эффективности мер противодействия террористической деятельности на Северном Кавказе: историко-правовой экскурс // Человек и Закон. – М., 2007. – № 5.
243. Матющенко П.П. Аграрный вопрос в политике царизма на Северном Кавказе (л. XIX – начало XX вв.) // Человек. Сообщество. Управление. Приложение 2006. Актуальные проблемы исторической науки. – Краснодар, 2006.
244. Мачукаева Л.Ш. Российские власти о проблеме привлечения коренного населения Кавказа к имперской гражданской и военной

службе (XIX – начала XX вв.) // Труды Грозненского Государственного нефтяного института им. Академика М.Д. Миллионщикова. Вып.7. – Грозный, 2007.
245. Межиева Р. Художник из Дады – Юрта (190 лет академику живописи П. Захарову) // Вайнах. – Грозный, 2006. – № 9.
246. Мелихов А. Россия и Кавказ – двести лет вместе // Октябрь. – М., 2004. – № 3.
247. Мемуары генерала Мусса-Паши Кундухова // Дарьял. – Владикавказ,1995. – № 1-2.
248. Миронов Б.Н. Преступность в России в XIX – начале XX века // Отечественная история. – М.,1998. – № 1.
249. Митрофанов В.В. Некролог С.Ф. Платонова о графе А.С. Уварове // Российская археология. – М., 2008. – № 4.
250. Мицаев М.М., Мицаева Р.Ш. Сообщение 1. Сибирская язва // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – Грозный, 2006. – № 2.
251. Музаев Т. Тапа // Голос Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1992. – № 76.
252. Муратова Е.Г. Модернизация и традиция в этнических ареалах Северного Кавказа (Исторический и актуальный опыт) // ОНС: Общественные науки и современность. – М., 2006. – № 3.
253. Мусукаев А., Мальбахов К. «Письма с Кавказа и Крыма» // Эльбрус. – Нальчик,1999. – № 1 (10).
254.«Наша внутренняя политика по мусульманскому вопросу является важным фактором политики внешней». С.Ю. Витте и его позиция в мусульманском вопросе // Источник. Документы русской истории. – М., 2003. – № 2.
255. Наши городские банки // Терские ведомости. – Владикавказ, 1879. – № 26.
256. Неверов Я.М. К вопросу об образовании инородцев // Журнал министерства народного просвещения. – СПб.,1869. –Ч.CXLVI.
257. Невский С.А. Из истории борьбы с незаконным оборотом оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ в России // Общество и право. – Краснодар, 2007. – № 2 (16).
258. Невский С.А. Правовое регулирование оборота оружия на Кавказе в XIX – начале XX века // Военно-исторический архив. – М., 2004. – № 9 (57).
259. Некрасова М.Б. Марк Блок // Историки мира. Вып.1-й // Архивно – информационный бюллетень. – М.,1998. – № 4 (20).

260. Некролог. Бентковский И.В. // Новое обозрение. – Тифлис,1890. – № 2300.
261. Немирович – Данченко В. Вдоль Чечни. Из летней поездки по Каспийскому морю // Русские ведомости. – М.,1888. – № 27,32.
262. Никитин Н.И. Национальная политика Российской империи в Сибири // Преподавание истории в школе. – М., 2007. – № 3.
263. Новая мусульманская секта Зикра или Зекир из восточной стороны Кавказа // Московские ведомости. – М.,1864. – № 36.
264. Нунуев С.-Х. Мюридизм в Чечне: исторический аспект // Государственная служба. – М., 2007. – № 3 (47).
265. Обзор журналов артиллерийского коимитета // Артиллерийский журнал. – СПб.,1885. – № 5.
266.Обзор печати // Целебный Кавказ. – Тифлис,1917. – № 2.
267. Общие правила ветеринарного надзора и порядка передвижения скота // Ставропольские губернские ведомости. Приложение к № 28. – Ставрополь,1890. – № 28.
268. Огранович И. Поездка в Ичкерию // Кавказ. – Тифлис,1866. – № 23.
269. Одинцов А. Укрепление Ведено, Грозненского округа // Владикавказские епархиальные ведомости. – Владикавказ,1898. – № 3.
270. Оленин В. Кавказские силуэты // Кавказ. – Париж,1938. – № 8-9 (56-57).
271. Олимах И. Василий Верещагин // Смена. – М., 2008. – № 9.
272. Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год // Русская старина. – М.,1893. – Т.79. № VII.
273. Ом. Кавказская хроника // Кавказский вестник. – Тифлис.,1901. – № 5.
274. О проекте Г. Любанского // Ставропольские губернские ведомости. – Ставрополь,1858. – № 18.
275. О присоединении к православию // Владикавказские епархиальные ведомости. – Владикавказ,1895. – № 9.
276. О присоединении к православию // Владикавказские епархиальные ведомости. – Владикавказ,1896. – № 3.
277. Орфинская Л.В. Краткая тюремная история крепостей Южной Финляндии XIX века // Труды Государственного музея истории Санкт – Петербурга. Вып. 15. Крепости-тюрьмы Северо-Западной России и Южной Финляндии. История и современность. Материалы научной конференции. – СПб.,2007.

278. Оса. Пчеловодство в Терской области // Казбек. – Владикавказ,1896. – № 119.
279. Османов М.О. Обмен и торговля в Дагестане в XIX в. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – Махачкала, 2005. – № 3.
280. Островский О.Б. Эволюция цензурной политики при Александре I (1801-1825) // Вестник молодых ученых. Серия: Исторические науки. – СПб., 2006. – № 2.
281. Отчет Владикавказского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты за 1893-1894-й учебный год // Владикавказские епархиальные ведомости. – Владикавказ,1895. – № 1.
282. Официальная летопись // Кавказ. – Тифлис,1870. – № 57.
283. Павильонов С.П. Кавказские очерки и заметки. Причины, задерживающие образование мусульманского населения на Кавказе // Церковная летопись. –1874.– № 15.
284. Павлов В.Е. Первая Российская железная дорога массового использования // Железнодорожный транспорт. – М., 2007. – № 9.
285. Пальм. Кавказские губернаторы о Кавказе (Материалы для истории Кавказского мятежа) // Исторический вестник. – СПб.,1910. – Т.121. Год 31.
286. Первая народная школа в Чечне // Терские ведомости. – Владикавказ,1897. – № 108.
287. Первая Терская сельскохозяйственная выставка в г. Владикавказе // Терские ведомости. – Владикавказ,1898. – № 113.
288. Перебийнос Ф. Асланбек Шерипов // Советский Северный Кавказ. –1926. – №19-20.
289. Передпольский Г. Несколько слов об учителях городских училищ вообще и на Кавказе в частности // Кавказский вестник. – 1901. – № 3.
290. Першиц А.И.; Смирнова Я.С. Юридический плюрализм народов Северного Кавказа // Общественные науки и современность. – М.,1998. – № 1.
291. Печерин А.И. Сотворение Большого Кавказа // География в школе. – М., 2000. - № 1.
292. Пирожков В.В. Демократическая направленность взглядов передовых кавказских врачей XIX и начала XX века // Советское здравоохранение. – М.,1960. – № 5.

293. Плешаков И.Н. Император Павел I: «Через Бухарию и Хиву на реку Индус…» // Военно-исторический журнал. – М., 2007. – № 12 (572).
294. Пляскин В.П. Русская армия в послевоенном обустройстве Кавказа (втор. пол. XIX –нач. XX в.) // Научная мысль Кавказа. – Р н/Д., 2002. – № 3.
295. Пляскин В.П. Система военно-народного управления на Кавказе (вторая половина XIX – начало XX в.) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – Р н/Д., 2002. – № 2.
296. Подколзина Л. Пейзажи из передвижников. Пейзажи в творчестве Н.А. Ярошенко. К 160-летию художника // Голос Кавказа. – Пятигорск, 2007. – № 1.
297. Понамарева Е.Ю. Возникновение и деятельность общественных организаций Ставропольской губернии как отражение насущных потребностей населения в последней трети XIX – начале XX в. // Вестник СГПИ. Вып.7. – Ставрополь,2006.
298. Попель В.А. Профессиональная и производственная заболеваемость рабочих Грозненской нефтяной промышленности // Известия Научного Общества Чеченской Автономной Области. – Грозный,1930. – № 2.
299. Попов В.В. Горцы честно служили России // Военно-исторический журнал. – М.,1997. – № 2.
300. Попов В. Кавказский узел до сих пор не развязан // Независимое военное обозрение. – М., 2008. – № 23.
301. Портнов А. Великий псевдоним Иосифа Пржевальского // За семью печатями. – М., 2007. – № 1.
302. По Чечне и Дагестану // Справедливость. – М., 2003. – № 3-4 (125-126).
303. Правилова Е. «Цена» империи: центр и окраины в российском бюджете XIX – начала XX вв. // Ab imperio. – Казань, 2002. – № 4.
304. Правительственный вестник // Русский инвалид. – СПб.,1870. – № 50.
305. Празаускас А. Россия и Кавказ: как сбросить груз прошлого? // Российские вести. – М.,1994. – № 170.
306. «Предоставляется совершенная свобода следовать магометанской или другой какой-либо вере». Генерал А.А. Вельяминов об управлении духовной жизнью горцев Кавказа // Источник. Документы русской истории. – М., 2003. – № 5.

307.Преображенский С. Истоки «немалой прибыли» // Наша власть: дела и люди. – М., 2008. – № 3.
308. Преосвященный Иосиф, епископ Владикавказский (1821-1890 гг.) // Владикавказские епархиальные ведомости. – Владикавказ,1903. – № 1.
309. Пржецлавский П. Несколько слов о военном и гражданском устройстве Чечни и Дагестана во время правления имама Шамиля // Кавказ. – Тифлис,1863. – № 64.
310. Приложения // Целебный Кавказ. – Тифлис,1915. – № 1-2, № 3-4.
311. Приложения к мемуарам генерала Мусса-Паши Кундухова // Дарьял. – Владикавказ, 1995. – № 3.
312. Приложения: Список лечебных мест Кавказа // Целебный Кавказ. – Тифлис,1915. – № 5-6.
313. Присоединены к православию в 1898 году // Владикавказские епархиальные ведомости. – Владикавказ,1899. – № 7.
314. Пылков О. «В книгах недостаток, остается играть в карты!» Первые библиотеки на Северо – Западном Кавказе // Родина. – М., 2008. – № 2.
315. Пыхалов И. Северный Кавказ. Причины депортации 1943-1945 гг. // Молодая Гвардия. – М., 2002. – № 10.
316. Разные известия // Владикавказские епархиальные ведомости. – Владикавказ,1895. – № 8.
317. Рашидова Г.Р. О публицистике П.К. Услара // Вестник молодых ученых Дагестана. – Махачкала, 2006. – № 2.
318. Рашковский Е. Ислам в динамике глобальной истории // Мировая экономика имеждународные отношения. – М., 2004. – № 6.
319. Резван Е. В Мекку на разведку // Россия. – М.,1992. – № 37 (9-15 сентября).
320. Решетин Н. Родной язык в туземной школе // Терские ведомости. – Владикавказ,1910. – № 254.
321. Романовский В. Развитие учебного дела на Кавказе и в бывшем царстве Грузинском в XIX веке // Кавказский вестник. – Тифлис,1901. – № 11.
322. Ронин В.К. Россия на Всемирных выставках 1885 и 1894 годов // Славяноведение. – М.,1994. – № 4.
323. Россиков К.Н. Поездка в Чечню и Нагорный Дагестан // Записки Кавказского отделения Русского Географического общества. – Тифлис,1884. – Т.13. № 1.

324. Рощин М.Ю. П.И. Тахнаева. Христианская культура средневековой Аварии (VII -XVI вв.) в контексте реконструкции политической истории // Восток. Афро – азиатские общества: история и современность. – М., 2006. – № 3.
325. Рябушев А. Дудаевцы похитили уникальные музейные экспонаты // Российские вести. – М.,1996. – № 34.
326.Савельев А.Е. Народы Кавказа в русской историографии X – начала XIX в. // Вопросы истории. – М., 2008. – № 11.
327.Савельев А.Е. Переговоры с горцами и их отражение в воспоминаниях современников // Общество и право. – Краснодар, 2007. – № 2 (16).
328. Салчинкина А.Р. Специфика боевых действий на Кавказе в 1817-1864 гг. глазами офицеров Отдельного Кавказского корпуса // Клио. – СПб., 2007. – № 1 (36).
329. Самойлов Л. Грозный – город удивительной судьбы… // Родина – М., 2006. – № 12.
330. Сапожников А.И. Из истории военной цензуры в России: деятельность военно – цензурного комитета (1835 – 1858 гг.) // Клио. – М., 2002. – № 4 (19).
331. Сафонов А. Военные из рода Пушкиных // Щит и меч. – М., 1999. – 22 июня.
332. Северикова Н.М. У истоков русского просвещения // Московский университет. – М., 2005. – № 7 (4112).
333. Северный Кавказ, 28 ноября // Русские ведомости. – М.,1902. – № 336.
334. Сегень А. Окончание бесконечной войны… // Новая книга России. – М., 2004. – № 7 (67).
335. Сельский Л.А. Начало Грозненской Нефтяной Промышленности // Известия Научного Общества Чеченской Автономной Области. – Грозный,1930. – № 2.
336. Семакова И. Кавказская сказка // Родина. – М.,1998. – № 4.
337. Семенов Л.П. Встречи М.Ю. Лермонтова на Кавказе // Ученые записки Северо – Осетинского гос. педагогического института им. К.Л. Хетагурова. Т.XVIII. Выпуск историко-филологический. – Дзауджикау,1949.
338. Сенин А.С. «Требует большого искусства и осмотрительности…» (Из истории управления национальными окраинами Российской империи) // Этнополитический вестник. – М.,1996. –Т.I (13).

339. Серман И. Живой Лермонтов // Русская мысль. – Париж,1995. – № 4084.
340. Серов К., Козин В. Буйвасар Сайтиев поставил себе троечку // Комсомольская правда. – М., 2008. – № 123-д (24 150-д).
341. Сидоренко В. Последний царский министр // Дон. – Рн/Д., 2004. – № 11.
342. Силаев Н.Ю. Миграционная политика российского правительства на Северном Кавказе во втор. пол. XIX в.: практика и результаты // Вестник Московского университета. – М., 2002. – Сер. 8. История. – № 3.
343. Смирнов М. Заметка о необходимости этнографических изысканий на Кавказе // Кавказ. – Тифлис,1874. – № 11,28.
344. «Совершено повсеместное освобождение холопов во вверенной мне области». Рапорты начальника Терской области М.Т. Лорис – Меликова. 1866-1867 гг. (Ю.Н.Герасимова) // Исторический архив. – М., 2005. – № 6.
345. Солдатов С.В.; Худобородов А.Л. «Надо, чтобы кавказец находил для себя столько же пользы принадлежать нам, сколько и мы в его удержании». Князь Г.Г. Гагарин о политике России на Кавказе. 1884. // Исторический архив. – М., 2004. – № 1.
346.Сопов А. Родина казаков: история с географией // Родина. – М., 2008. – № 4.
347. Соснина Е. Л. Кавказ глазами Франции. История одного поиска // Голос Кавказа. – Пятигорск, 2007. – № 1.
348. Соснина Е.Л. Мог ли М.Ю. Лермонтов участвовать в разведывательных операциях? // Военно-исторический журнал. – М., 2008. – № 6 (578).
349. Спангелис С.В. На рубежах Кавказа // Московский журнал. – М., 2000. – № 6.
350. Староверов В. Исторические уроки буржуазного решения аграрного вопроса в России // Диалог. – М., 2000. – № 6.
351. Старовойтова Г. Россия и Чечня: смертельное объятие // Московский комсомолец.– М.,1995. – № 47 (17059).
352. Стефанов А.Т. Архив Крепости Св. Дмитрия Ростовского и его судьба // Северо – Кавказское краевоеобщество археологии, истории и этнографии. Вып.1. Т.III. Кн. 1. Записки. – Р н/Д.,1927.
353. Страхов В.В. Использование внутренних государственных займов в Российскойимперии // Преподаватель XXI век. – М., 2006. – № 4.

354. Султыгов А. – Х.А. Этнополитический конфликт в Северной Ирландии: прошлоеи настоящее // Новая и новейшая история. – М., 2006. – № 2.
355. Суни Р. Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теория империи // Ab Imperio. – Казань, 2001. – № 1-2.
356. Сухов И. Для душевного спокойствия // Время новостей. – М., 2007. – № 122.
357.Тайсаев К.У. Состязания и игры, связанные с общественным и семейным бытом // Эльбрус. – Нальчик,1999. – № 2 (11).
358. Тахо – Годи М.А. Ксавье де Местр и Кавказ // Вестник Северо – Осетинского университета им. К.Хетагурова. – Владикавказ,1999. – № 1.
359. Тедтоев А. К вопросу о переселении части горцев в Турцию // Молодой коммунист. – Дзауджикау,1953. – № 63.
360. Темиров У. Кавказская война и проблемы черкесского этноса // Жизнь национальностей. – М., 2005. – № 3.
361.Тернавский Н.А. Вышли в свет // Новый исторический вестник. – М., 2005. – № 2 (13).
362. Терская область. Безземельный пролетариат среди горского населения // Бакинские известия. – Баку,1903. – № 72.
363. Терская область на Кавказской сельскохозяйственной и промышленной выставке 1889 г. // Терские ведомости. – Владикавказ,1889. – № 98.
364. Тилинина Т.В. Особенности заблуждений в общественных науках // Общество и право. – Краснодар, 2007. – № 2 (16).
365. Тотоев М.С. К вопросу о переселении кабардинцев в Турцию // Ученые записки Северо-Осетинского гос. педагогического института им. К.Л. Хетагурова. Т.XVIII. Выпуск историко-филологический. Дзауджикау,1949.
366. Трембикова А.А. Применение педагогических идей и опыта образовательной деятельности К.П. Яновского на Кавказе в реформировании российской системы образования в конце XIX века // Вестник Ставропольского государственного педагогического института. Вып.10. – Ставрополь, 2007.
367. Фадеев Р.А. Отрывки из записки генерала Фадеева о Кавказе // Русь. – 1884. – № 3.
368. Федорова Е.М. «Возвращение на родину признается еще правомерным…» Ссыльные горцы в Псковской губернии. 1862-1880 // Отечественные архивы. – М., 2004. – № 3.

369.Хаген фон, Макс. Пределы реформы: национализм и русская императорская армия в 1874-1917 годы // Отечественная история. – М., 2004. – № 5.

370. Хасбулатов А.И. Землевладение и землепользование Терского казачества (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Научная мысль Кавказа. – Р н/Д., 2005. – № 4.

371. Хасбулатова З.И. Нравственность – это главное // Этносфера. – М., 2008. – № 5 (116).

372. Хасбулатова З.И. Структура сельской общины и патронимия у чеченцев во второй половине XIX века // Вестник Московского университета. Серия 8. История. № 1.

373. Хасиев С.-М.А. О некоторых орудиях обработки почвы у вайнахов в XIX – XX в. // Советская этнография. – М.,1973. – № 1.

374. Хачетлова С.М. Проблема миграций на Северном Кавказе в конце XVIII – начала XX века // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – Р н/Д., 2008. – № 2.

375. Хизриев Р. Исторические и этнокультурные связи народов Чечни и Дагестана // Вайнах. – Грозный, 2007. – № 4.

376. Хизриева Г. Вирдовые братства на Северо-Восточном Кавказе // Суфизм как социокультурное явление в российской умме. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Казань, 21 ноября 2006 г.). – Нижний Новгород, 2007.

377. Холов И.В. Хранение исторических знамен в рамках Российской Имперской Армии в конце XIX – начале XX в. // Гербовед. – М., 2007. – № 97.

378. Хроника // Целебный Кавказ. – Тифлис,1916. – № 3.

379. Хроника. Скончался Смекалов // Терские ведомости. – Владикавказ,1890. – № 11.

380. Хроника Чеченского восстания 1877 г. // Терский сборник. – Владикавказ,1890. –№ 1.

381. Хубиева З.А. Место и роль духовно-нравственных ценностей в социокультурном пространстве Северного Кавказа // Сборник научных трудов Северо-Кавказского гос. тен. ун-та. Серия «Гуманитарные науки». – Ставрополь, 2005. – № 1.

382. Цветкова О.Н. Завершающий этап Кавказской войны 1859-1864 гг. // Вестник молодых ученых: Исторические науки. – СПб., 2004. – № 1.

383. Цогоев В.Г. Архивное дело в Терской области в 1860-1917 гг. // Отечественные архивы. – М., 2003. – № 2.
384. Чебриков С. Чеченское оружие // Справедливость. – М., 2002. – № 16-17 (117-118).
385. Черноус В.В. Северный Кавказ в контексте этноэтатизма и глобализации // Журнал Отдела философии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева. – Майкоп, 2006. – № 5.
386. Черток С. «Черкесы» Ближнего Востока // Русская мысль. – Париж,1995. – № 4062.
387. Чеснов Я.В. Над чем смеются чеченцы: (Этнологическое исследование) // Знание – сила. – М., 2001. – № 7.
388. Чеучева А.К. Политика Османской империи на Северо – Западном Кавказе // Вопросы истории. – М., 2007. – № 9.
389. Чеченские сказки и легенды // Терские ведомости. – Владикавказ, 1880. – № 43.
390. Чикаева К.С. Офицерский корпус Северного Кавказа (1861-1917 гг.): статус, состав и образование // Культурная жизнь Юга России. – Краснодар, 2006. – № 3 (17).
391. Чирг А.Ю. Дипломатические методы завоевания Черкесии царизмом в XIX веке // Информационно-аналитический вестник. Вып.4. – Майкоп,2001.
392. Чочиев Г.В. Расселение северокавказских иммигрантов в арабских провинциях Османской империи (втор. пол. XIX – нач. XX вв.) // Вестник Северо-Осетинского гос. университета. – Владикавказ,1999. – № 1.
393. Чшиева М.Ч. Из истории деятельности нефтепромышленной фирмы «Ахвердов и К» на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX вв. // Бюллетень Владикавказского института управления. – Владикавказ, 2005. – № 13.
394. Шавлаева Т.М. Древние виды бурок чеченцев // Труды Грозненского Государственного нефтяного института им. академика М.Д. Миллионщикова. Вып.7. – Грозный,2007.
395. Шадур Л.А. Развитие вагоностроения // Железнодорожный транспорт. – М., 2007.– № 9.
396. Шамиль и Чечня // Военный сборник. – СПб.,1859. – № 9.
397. Шаповалов А.П. Предварительный отчет Экспедиции Научного Общества ЧАО по изысканию цементных мергелей и гипса в

нагорной Чечне в 1923 г. // Известия Научного Общества Чеченской Автономной Области. – Грозный,1929. – № 1.

398. Шарманова М.А. Становление и развитие государственности на Северном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX в. // История государства и права. – М., 2007. – № 13.
399. Шашин А. Миссионерская поездка на Кавказ // Братское слово. – М.,1894. – № 13.
400. Шебзухова Т.А. К вопросу об использовании истории опыта развития сельского хозяйства Северного Кавказа в его реформировании на современном этапе // Северо-Кавказский гос. технич. Ун-т. Сборник научных трудов. Серия «Гуманитарные науки». – Вып.7. – Ставрополь, 2002.
401. Шевяков Т. Гвардейцы с Кавказа // Родина. – М., 2000. – № 1-2.
402. Шейнин Л. Малые государства – не выход из положения // Политический класс. – М., 2007. – № 8 (32).
403. Шепелев Л. Гражданские чиновники Военного министерства 1834-1855 // Цейхгауз. – М.,1999. – № 9.
404. Шереметьев Д. Оружие как метафора // Звезда. – СПб., 2003. – № 9.
405. Шотин Ф.Правда о Кавказских горцах // Санкт-Петербургские ведомости. – СПб.,1900. – № 172.
406. Шперлинг В. Строить железную дорогу, создавать имперское пространство:«местность», «край», «Россия», «империя» как политические аргументы в пореформенной России // Ab Imperio. – Казань, 2006. – № 2.
407. Штакельберг Э. Кавказские народы // Русский инвалид. – СПб.,1846. – № 21.
408. Шухова Е. Первый нефтепровод // Былое. – М.,1995. – № 9 (50).
409. Эмин Г. Великий русский почвовед // Смена. – М.,1951. – № 8.
410. Энглези А.И. Знаток Кавказа // Московский журнал. – М., 2005. – № 11.
411. Эстамирова Т. Художник Ясханов, его истанги и ковры // Нохчи. – Грозный,1999. – № 1.
412. Яковлев Г. Покаяние имама // Парламентская газета. – М., 2000. – 30 июня.
413. Яковлев Н. Развитие национальной письменности у восточных народов Советского Союза и зарождение их национальных алфавитов // Революционный Восток. – 1928. – № 3.

414. Якубов А. Чеченская история: за и против…// Голос Чеченской Республики. – Грозный, 2007. – № 9 (21172).
415. Ярлыкапов А. Исламское образование на Северном Кавказе в прошлом и настоящем // Вестник Евразии. – М., 2003. – № 2.
416. Galtung L.E. A.S. Pusjkins forfedre I Tyskland, Skandinavia og Baltikum // Соотечественник. – Берген, 2007. – № 5.
417. Radomir Vlcek: Rusko, Kavkaz a Cecensko v. 19. stoleti (Ke genezi a vyvoji konfliktu) // Slovansky prehled. – Praha, 2000. – № 3.
418. Zeteichvili P.J. Orthodoxie et cecumenisme dans ehistoire religieuse de la Georqie //
419. Символ. – Париж, 2005. – № 48.

V. Монографии. Научные статьи в брошюрах и сборниках

А

Абадиев Б.В. Достойные сыны Отечества. – Магас, 2008.

Абашин С.Н.; Бобровников В.О. «Соблазны культа святых» // Подвижники ислама: Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. – М., 2003.

Абаев А.М. Этнокультурные особенности физического воспитания детей и юношества у народов Северного Кавказа // VII Конгресс этнографов и антропологов России: доклады и выступления. Саранск, 9-14 июля 2007 г. – Саранск, 2007.

Абдуллаева З.А. Кавказ – глазами именитого немецкого художника Теодора Горшельта. – Грозный, 2007.

Абдуллаева Э.Б. Изучение народной музыкальной культуры Дагестана // Фольклор и музыкальная культура Дагестана и Северного Кавказа: Сборник статей. – Махачкала, 2007.

Абдуллаев М.А. Историческая культурно – творческая роль ислама на Северном Кавказе // Ислам на Северном Кавказе: история и современность. Материалы Всероссийской научно – практической конференции. – Махачкала, 2006.

Абдурахманов Д.Б., Гапуров Ш.А. Страны Востока и колониальная политика европейских держав (XVI – середина XIX века). – Грозный, 2007.

Абрамов Я.В. Кавказские горцы. – Краснодар,1927.

Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.) Кн.1 / Сост.: Агуажба Р.Х., Ачугба Т.А. – Сухум, 2005.

Абхазы. – М., 2007.

Авдаков И.Ю. Экспозиции Кавказа и Средней Азии на XVI Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде // Кавказ: история, культура, традиции и языки. – Сухум, 2004.

Аверин М.Б. Особенности управления национальными окраинами России кон.XIX – нач.XX в. (на примере Кавказского края) // Государство и право: проблемы, помехи, решения и предложения. Вып.I. – Ульяновск,1996.

Авксентьев А.В. Ислам на Северном Кавказе. – Ставрополь,1973.

Авксентьев А.В.; Шаповалов В.А. Этносоциальные проблемы России. – Ставрополь,1994.

Авраменко А.М.; Матвеев О.В.; Ратушняк В.Н.; Матющенко П.Н. История России и Кавказа в новейших исторических публикациях // Вопросы отечественной истории. – Краснодар,1995.

Авторханов А.Г. Империя Кремля. – Минск – Москва,1991.

Авторханов А.Г. К основным вопросам истории Чечни (К 10-летию Советской Чечни) – Грозный,1930.

Авторханов А.Г. Краткий историко-культурный и экономический очерк о Чечне. – Р н/Д.,1931.

Авторханов А.Г. Революция 1905 года в национальных областях Северного Кавказа // ЧИНИИ. Известия. Т.1. Вып.1. – Грозный,1936.

Агаджанов С.Г. Основные черты системы управления национальных окраин России (Опыт сравнительно-исторического анализа) // Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М.,1998.

Агаев А.Г. Магомед Ярагский: Мусульманский философ, поборник веры, свободы, нравственности. – Махачкала,1996.

Агишев Н.М.; Бушен В.Д. Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края. – СПб.,1912.

Аджамов Б. Святыни Дагестана. – Махачкала, 2005.

Аджи М. Азиатская Европа. – М., 2006.

Айбатов М.М. Государственно – правовая мысль народов Северного Кавказа (XIX – начало XX в.). – М., 2006.

Айдарова Н.М., Гусаева К.Г. Теоретико-правовые проблемы регулирования межнациональных отношений: Монография. – Махачкала, 2006.

Айдемиров А.А. Хронология истории Чечено-Ингушетии. – Грозный,1991.

Айдемиров А.А. Эстетическая культура народов Северного Кавказа / Ставроп. гос. ун-т. – Ставрополь,1999.

Айдемиров Н.Г. Эстетическая культура народов Северного Кавказа. – Ставрополь,1999.

Айларова С.А. Обновляющийся Северный Кавказ: общественно-политическая мысль 60-90-х гг. XIX в. – Владикавказ, 2002.

Айларова С.А. Северокавказское просветительство 60-70-х гг. XIX века и статья У.Лаудаева «Чеченское племя» // Вопросы политологии, истории и социологии: Сборник научных трудов. Вып.3. – Владикавказ, 2000.

Айналов Д. Кавказ и его древности. – Харьков,1902.

Айрапетов О. Внешняя политика Российской империи (1801-1914). – М., 2006.

Акаев В.Х. Ислам в Чеченской Республике. – М., 2008.

Акаев В.Х. Ислам в Чечне: традиции и современность // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. Москва,19-20 апреля 2005 года. – М., 2006.

Акаев В.Х. Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе. – М.,1999.

Акаев В.Х. Чеченское общество в поисках геополитической и социокультурной идентичности // Современные проблемы геополитики Кавказа. Сборник научных статей. – Р н/Д., 2001.

Акаев В.Х., Вок Г.Б., Керимов М.М. Ислам в Чечне: традиции и современность // Чеченский государственный университет, Независимый институт гуманитарных исследований Чеченской Республики, Чеченское отделение Философского общества России. Серия «Общественная мысль». Вып.3. – Грозный, 2006.

Акиев Х.А. Привилегированное сословие горцев Северного Кавказа на службе в царской армии и милиции // Вопросы истории, классообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI – нач. XX в.). – Грозный,1980.

Акиева Х.М. Орнаментация войлочных ковров чеченцев и ингушей // Искусство народных художественных промыслов Северного Кавказа: вопросы истории и современного развития. Тезисы докладов региональной научно – практическая конференции. 14-16 октября 1986 г. – Махачкала,1986.

Акимова А.И. «Сухарная оказия», или Страница из истории Кавказской войны // Victoria. Gloria. Fama. Материалы международной научной конференции, посвященной 300-летию Военно – исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ч.2. – СПб., 2003.

Акопян В.З. Краткий очерк по истории армянских поселений на Юге России // Армяне Ставрополья и Терека. – Пятигорск, 2007.

Акопян В.Н. Начальник Терской области // Армяне Ставрополья и Терека – Пятигорск, 2007.

Аксютин Ю.М. Проблема идентичности малых этносов в имперской культуре России // Этносы развивающейся России: проблемы и перспективы: материалы межрегиональной научно-практи-

ческой конференции 22-23 сентября 2006 г. г. Абакан. – Абакан, 2006.

Албагачиев Р.Ш. Без прошлого нет будущего // Без прошлого нет будущего. – Нальчик, 2005.

Албагачиев Р.Ш. Путешествие И.А. Гюльденштедта на Кавказ // Без прошлого нет будущего. – Нальчик, 2005.

Албогачиева М.С.-Г. Ингуши в XX веке: этнографические аспекты религиозных практик // Северный Кавказ: Традиционное сельское общество – социальные роли, общественное мнение, властные решения: Сборник статей. – СПб., 2007.

Александров В.А. Отечественная наука XIX – нач.XX вв. об обычном праве в России // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России. – Воронеж,1983.

Алексеев И.Л. Ислам в русском общественном сознании // Человек, этнос, культура в ситуациях общественных переломов. – М., 2001.

Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. – М.,1998.

Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). – М., 2007.

Алексеева Е.В. Европейская культура в имперской России: проникновение, распространение, синтез. – Екатеринбург, 2006.

Алексеева Е.В. Территориальная экспансия Российской империи в сравнительно- исторической ретроспективе // Россия в VII – начале XX в.: региональные аспекты модернизации. – Екатеринбург, 2006.

Алексеева Е.П. Вопросы взаимосвязей народов Северного Кавказа с русскими в X – XV вв. в отечественной исторической науке. – Черкесск,1992.

Алешина Л. Михай Зичи. – М.,1975.

Алиев Б.Г. Свободное узденство феодального Дагестана (XVIII – перв. пол. XIX в.). – Махачкала, 2007.

Алиев Б.Р. Северокавказская диаспора: история и современность (вторая половина XIX – XX вв.). – Махачкала, 2001.

Алиева Н.Э., Наменатов Р.А., Селиванова Н.А. Издания Кавказского статистического комитета как источник по истории книжного дела на Северном Кавказе // Книжное дело на Северном Кавказе. Вып.3. Сборник статей. – Краснодар, 2005.

Аликов В. Очерк положения животноводства в Терской области, составленный по данным обследования, произведенным в 1912 году. – Владикавказ,1914.

Алироев И.Ю. Нахские языки и культура. – Грозный,1978.

Аминева Е.Ю. Заметки о фольклоре Северо-Кавказского региона (Чечня глазами российского солдата) // Кабинет фольклора. Статьи, исследования и материалы: сборник научных трудов. Вып.2. – Саратов, 2005.

Ананичук В.Я. Закавказье и Северный Кавказ: истоки конфликтности и политика России. – М.,1997.

Андриевский Д.И. Население Кавказа как источник комплектования армии. По данным десятилетия 1892-1901 гг. – Тифлис,1906.

Андроников И. Собрание сочинений в 3-х томах. Т.3. – М.,1981.

Антропологическая поездка Анучкина Д.Н. на Кавказ // Отчет Императорского Русского географического общества в 1882 г. – СПб.,1883.

Аракелян Ф.А. Иноэтническая пресса в России. По материалам армянской печати. – СПб., 2004.

Аракелян Ф.А. «Цензурное рассмотрение будет поручено…»: (Цензура армянских сочинений в С. – Петербургском цензурном комитете во втор. пол. XIX – начале XX в.) – СПб.,2003. – Деп. В ИНИОН РАН. 28.07.2003, № 58157.

Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). Составитель и автор вводной статьи, комментариев и приложений Д.Ю. Арапов. – М., 2001.

Арапов Д.Ю. Д.А. Милютин о «мусульманстве» // Актуальные проблемы гуманитарных, социальных, экономических и технических наук: Межвузовский сборник научных и научно-методологических трудов. Т. Вып.2. – М.:МГИУ.,2003.

Ардасенов А.Г. По поводу лесных пожаров. – М.,1902.

Арефьев Б. Солдат империи. – М., 2003.

Арсанукаева М.С. Судопроизводство по частноправовым спорам на основе адата у чеченцев. Конец XVIII – начало XIX века // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. Москва,19-20 апреля 2005 года. – М., 2006.

Архиреев М.В. Кавказ, империя, Европа: большая Кавказская война русской литературы // Историко – литературный сборник: Выпуск 3: К 70-летию профессора М.М. Кедровой. – Тверь, 2002.

Арцишевский А. Условия нашей борьбы с соседями на Кавказе раньше и теперь. – М.,1908.

Асланов Л.А. История России: были и небылицы // Россия державная: В 2-х частях. Ч.1. – М.; Волгоград, 2006.

Аствацатурян Э.Г. Турецкое оружие. – СПб., 2002.

Аствацатурян Э.Г. История оружейного и серебряного производства на Кавказе в XIX – начале XX в. Ч.1. Дагестан и Закавказье. – М.,1977.

Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. – СПб., 2004.

Асфендияров А.З. Введение кантонной системы управления в Башкирии // Из истории Башкирии. Дореволюционный период. – Уфа,1969.

Асхабов И. А.-Р. Искусство оружейных мастеров // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006.

Асхабов И. А. –Р. Чеченское оружие. – М., 2001.

Аталиков В. Наша старина. – Нальчик,1996.

Аталиков В.М. Страницы истории. – Нальчик,1987.

Афанасьев А.И. Начало большого пути. – Грозный,1970.

Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). От прошлого к будущему. – М., 2008.

Ахмадов Х.С. Царская администрация и вопрос о сословиях в Чечено-Ингушском обществе второй пол. XIX – нач. XX вв. // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. – Махачкала,1988.

Ахмадов Ш.Б. Взаимоотношения чеченцев с народами Кавказа и России в прошлом // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. Москва,19-20 апреля 2005 года. – М., 2006.

Ахмадов Ш.Б. Культура чеченцев в XVIII веке // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006.

Ахмадов Ш.Б. Обычаи и традиции чеченцев как непреходящие ценности духовной культуры народов // Юг России: культурно-исторический феномен. Сборник научных статей. – Элиста, 2004.

Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. – М., 2001.

Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М., 2005.

Ахмадов Я.З., Осмаев А.Д. Русско-чеченское этнокультурное и хозяйс-

твенное взаимовлияние на Тереке в XVI – XVIII веках // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006.

Ацаркина Э.Н. Александр Осипович Орловский (1777 – 1832). – М.,1971.

Ашхотов Г. Периодизация изучения музыки – устной традиции адыгов // Фольклор и музыкальная культура Дагестана и Северного Кавказа: Сборник статей. – Махачкала, 2007.

Б

Бабаев Н.А. Межнациональные конфликты (причины возникновения и пути их разрешения) // Этнические проблемы в современной России: Международная научно – практическая конференция. Апрель 2007 г.: Сборник докладов / Под общей ред. Беловой Е.В. – М., 2007.

Бабаян Л.А. Лорис – Меликов. Герой Кавказа – «бархатный диктатор» России. – Ереван, 2004.

Багаев М.Х. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье. VI в. до н.э. – XII в. н.э. – М., 2008.

Багаев М.Х. Роль Российской академии наук в становлении археологии Чечни: состояние и перспективы // Академическая и вузовская наука – народному хозяйству Чеченской Республики: проблемы восстановления и развития. – М., 2004.

Багаев М.Х. Русская и советская историография древней и средневековой материальной и духовной культуры чеченцев // Культура Чечни. – М., 2002.

Багров Л. История русской картографии. – М., 2005.

Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. – М., 2007.

Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX – первая половина XX века). – М., 2001.

Бадяева Т.А. Народное искусство чеченцев и ингушей на современном этапе // Традиции и современность в искусстве народных художественных промыслов Северного Кавказа. – М.,1987.

Бажанов Е. Страна незаходящего солнца. Национальная политика Российской империи и самоназвание русского народа. – Самара, 2006.

Базоркин М.М. История происхождения ингушей. – Нальчик, 2002.

Бакрадзе Д.З. О доисторической археологии вообще и Кавказской в особенности. – Тифлис,1877.

Баландья Ж. Политическая антропология. – М., 2001.
Баммат Г. Кавказ и русская революция: Политический аспект. – Махачкала, 2000
Бантыш – Каменский Д.Н. Российские генералиссимусы и генерал – фельдмаршалы. – М., 2007.
Бараков П. В.В. Докучаев. Биографический очерк. – Варшава,1904.
Барбот де Марни Н.Н. Нефтяные месторождения Северного Кавказа. – СПб.,1893.
Барковская Е.Ю. Ислам и государственное строительство России (вторая половина XVI в. – февраль 1917 г.). – М., 2006.
Барковская Е.Ю. Мусульманское право и правовая культура. – М., 2001.
Баррет Т. Линии неопределенности: северокавказский «фронтир» // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период. Антология. – Самара, 2000.
Барсамов Н.С. Айвазовский в Крыму. – Симферополь,1970.
Барсамов Н.С. Море в русской живописи. – Симферополь,1959.
Бартоломей И. Чеченский букварь. – Тифлис,1866.
Басаргина Е.Ю. Императорская Академия наук на рубеже XIX – XX векрв (Очерки истории). – М., 2008.
Батунский М.А. Россия и ислам. Т.III. – М., 2003.
Батчаева М.К. Трансформация и систематизация правовых документов регулирования пенитенциарных учреждений в 30– 90-х гг. XIX в. // Исторические этюды. Сборник статей. Вып.3. – Карачаевск, 2005.
Бахтурина А.Ю. Окраины российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914-1917 гг.). – М., 2004.
Башилов Б. Миф о русском «сверх империализме». – Буйнос – Айрес,1952.
Башмаков А.А. Борьба с немецким засильем в акционерном деле. – Петроград,1915.
Баязетов И.–М.А. Отношение ислама к науке и к иноверцам. – СПб.,1887.
Баязитов А. Ислам и прогресс. – СПб.,1898.
Беженцы: динамика перемещения: Доклад для Независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. – М.,1989.
Безугольный А.Ю. Народы Кавказа и Красная армия. 1918-1945 годы. – М., 2007.

Бейджент М. Запретная археология. – М., 2006.

Бекмаханова Н.Е. Государственное законодательство и народы России // Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. – М., 2003.

Бекмаханова Н.Е. Национальный (этнический) и конфессиональный состав казачьих войск Российской империи в XIX – нач. XX вв. // Казачество как фактор исторического развития России. – СПб.,1999.

Белгородская Л.В. Образ Российской империи в зеркале англо – американских справочно – энциклопедических изданий XX в.: монография. – Красноярск, 2006.

Белевич К.П. Несколько картин из Кавказской войны и нравов горцев. – СПб.,1910.

Белецкая Е.М. Этническое самосознание гребенского казачества в фольклоре XVI – XIX веков // «Власть и общество: национальная политика и межэтнические отношения (исторический опыт и современность). 1906-2006 г.»: Материалы краевой научно-практической конференции, Адлер, 7-11 октября 2006 г. – Краснодар, 2006.

Белобородова А.А. Цензурное законодательство в России во втор. пол. XIX – начале XX века // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура: 2 т.: сб. научн. Трудов. IV Междун. научн. конференция (г. Белгород, 8 декабря 2006 г.). – Белгород, 2007.

Белогриц – Котляровский Л.С. Преступления государственные. – Киев; СПб.; Харьков,1904.

Белозёров В. Этническая карта Северного Кавказа. – М., 2005.

Белоновская Е.А., Ясный Е.В. Антропогенная трансформация горных экосистем Большого Кавказа //Биота экосистем Большого Кавказа. – М.,1990.

Бентковский И.В. Обзор Ставропольских конских скачек на императорские призы // Сборник сведений о Северном Кавказе. T.VI. – Ставрополь,1910.

Берг Л.С. Всесоюзное Географическое общество за сто лет. – М.,Л.,1946.

Бережная Н.Н., Еремина А.В. Общее и особенное в текстах провинциальных историописателей Северного Кавказа (конец XIX – начало XX века) // Историк в меняющемся пространстве российской культуры: сборник статей. – Челябинск, 2006.

Березгов Б.Н., Кушхабиев А.В., Чочиев Г.В. Черкесы в Турции // Адыгская (черкесская) энциклопедия. – М., 2006.

Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. – Казань,1850.

Берже А. Кавказ в археологическом отношении. – Тифлис,1874.

Берозов Б.П. К вопросу об особенностях и формах аграрного движения и классовой борьбы осетинского крестьянства в пореформенный период // Проблемы и культура народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе,1985.

Бёрбэнк Д. Местные суды, имперское право и гражданство в России // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей / Под ред. А.И. Миллера. – М., 2004.

Бескровная Н.С. История сохранения и возрождения усадьбы художника Н.А. Ярошенко // Наследие Н.А. Ярошенко в движении эпох: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 45-летию основания Мемориального музея-усадьбы художника Н.А. Ярошенко и 100–летию со дня рождения В.В. Селюцкого – основателя и первого директора. – Кисловодск, 2008.

Бесленеев М.С. Роль иностранного капитала в экономике пореформенной России // Исторические этюды. Сборник статей. Вып.3. – Карачаевск, 2005.

Бижев А.Х. Социально-экономический строй народов Центрального иСеверо-Западного Кавказа в годы Кавказской войны (по материалам российскойразведки). – Майкоп, 2005.

Битарова А.Т. Некоторые негативные консервативно-архаичные моменты в этикете общения горцев Северного Кавказа. – Владикавказ, 2002.

Битова А. «У нас есть одно достояние общее…у нас есть русский язык» // Россия и Кавказ на рубеже столетий. – М., 2006.

Блажко А.В. Проблема раннего заселения Кавказа: археологический и палеоантропологический аспекты // Университетсий историк: Альманах. Вып.3. – СПб., 2005.

Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. – М., 2005.

Блиев М.М. О некоторых вопросах истории взаимоотношений народов Северного Кавказа с Россией в XVI – XIX в. // СО Пед. ин-т. Учёные записки. Т.27. Вып.I. – Орджоникидзе,1967.

Блиева З.М. А.И. Барятинский: концепция гражданского и военного управления Кавказом // История народов России в исследованиях и докуументах. Вып. 2. – М., 2007.

Блиева З.М. Россия и Северный Кавказ: особенности системы управления в конце XVIII – 80-е гг. XIX в. // Управление Россией. Опыт. Традиции. Новации. XVI – XX вв.: коллективная монография. – М., 2007.

Блинов А. Губернаторы. Историко-юридический очерк. – СПб.,1905.

Блохин В.Ф. «Блюстители благочиния»: российская цензура и служащие цензурных ведомств 1820-е – 1860-е гг. // Вестник молодых ученых. Серия: исторические науки 1, 2006. – СПб., 2006.

Бобровников В.О. «Горское хищничество» в теории и практике российского ориентализма на Северном Кавказе в XIX в. // Меняющаяся Европа: Проблемы этнокультурного взаимодействия. – М., 2006.

Бобровников В.О. «Малый Дагестан» под Стамбулом: северокавказские суфии и святые места в Турции // Turcica et Ottomanica: сборник статей в честь 70-летия М.С. Мейера. – М., 2006.

Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана.– М., 2002.

Бобровников В.О. Судебная реформа и обычное право в Дагестане (1800-1917) // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. – Р н/Д.,1999.

Богданов М. Птицы Кавказа // Труды общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. Т.VIII. Вып. 4. – Казань,1879.

Богородица. 2000 лет в русском и мировом изобразительном искусстве. – М., 2004.

Божедомов А.И. Земельная рента в капитал нефтедобывающей промышленности. – Грозный,1958.

Божедомов А.И. Откупное нефтяное хозяйство Чечено-Ингушетии в пореформенный период и его место в мировой капитализации нефтяной промышленности // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т.10-11. – Грозный,1977.

Большакова О.В. Власть и политика в России XI – начала XX века: американская историография. – М., 2008.

Большой Кавказ в альпийскую эпоху / Под. Ред. Ю.Г. Леонова. – М., 2007.

Бондарева О.А., Гайдабура И.Г. Административная система, сословный строй и сословное право Северного Кавказа (в источниках и исследованиях отечественных кавказоведов) // Вестник Ставро-

польского государственного университета. Вып.46. Ч.2. – Ставрополь, 2006.

Бондаревский Г.Л. Россия и Северный Кавказ в XVI – XIX веках // Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн.1. Россия и Северный Кавказ. – М.,1998.

Борисенков В.П., Гукаленко О.В., Данилюк А.Я. Поликультурное образовательное пространство России: история, теория, основы проектирования: монография. – М., 2006.

Бороденко В.Е. Административно-церковное управление Предкавказья в XIX в. // Проблемы историографии и истории Кубани. Сборник научных трудов. – Краснодар,1994.

Ботяков Ю.М. Абреки на Кавказе: Социокультурный аспект явления. – СПб., 2004.

Боханов А. Россия дней давно минувших // Российская империя в фотографиях. Конец XIX – начало XX века. – СПб., 2004.

Брежнев В.С. Проблема межэтнических отношений в священных писаниях: Тора, Новый Завет, Коран // Исторические основания взаимодействия культур. Вып.II. Проблемы теории культуры и гуманистики. – Р н/Д.,1991.

Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. – Нальчик,1999.

Бугославский С. М.М. Ипполитов-Иванов. – М.,1936.

Будницкий О. Век эмиграции // Еврейская эмиграция из России. 1881-2005. – М., 2008.

Булгаков М.Б. Экономические взаимосвязи народов // Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. – М., 2003.

Булгаков Ф.И. Наши художники. Т.I – II. – М., 2002.

Бурыкина Л.В. Особенности интеграции Северного Кавказа в государственное пространство России в XIX в. // Российская история в образовательном дискурсе этнонациональных регионов РФ. Материалы всероссийской научно-практической конференции. 3-4 апреля 2008 г. – Улан-Удэ, 2008.

Бурыкина Л.В. Переселенческое движение на Северо – Западный Кавказ в 90-е годы XIX века. – Майкоп, 2002.

Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. – Л.,1939.

Бушуев С.К. Революционное движение в Чечено-Ингушетии в 1905-1917 гг. – Грозный,1941.

Быков А.А. Социальная экология. – Томск, 2007.
Быт и нравы русской армии после 1812 года (По письмам генерала Фези из Польши и с Кавказа). – СПб.,1912.
Бэрзэдж П. Изгнание черкесов (Причины и последствия). – Майкоп,1996.

В

Ваксман А.А. Записки краеведа. – Грозный,1984.
Василенко А.Б. Геополитические аспекты нефтяной политики США и Российской империи во второй половине XIX века // Во славу российской нефти: Материалы научно-исторической конференции «Роль частного предпринимательства в развитии нефтяной промышленности России во второй половине XIX века, 28 февраля 2006 г. – М., 2006.
Василенко В.Г. История здравоохранения медицинского образования на Дону и Северном Кавказе (1800-1940 гг.). – Армавир, 2006.
Васильев А.М. Кавказская война во взглядах и деятельности Д.А. Милютина // Военная реформа в России: история и современность. – Екатеринбург, 2002.
Васильев Я.К. Какими мерами могли-бы частные лесовладельцы Кавказа поднять производительность своих лесов в связи с требованиями лесоохранительного закона. – Тифлис,1890.
Васильчиков А. Землевладение и земледелие в России и древних Европейских государствах. Т.2. – СПб.,1876.
Ватейшвили Д.Л. Русская общественная мысль и печать на Кавказе в первой трети XIX века. – М.,1973.
Введенский Г.Э. Пять веков русского военного мундира. – СПб., 2005.
Вейденбаум Е. Заметки об употреблении камня и металлов у кавказских народов. – Б.м.,1875.
Вейденбаум Е.Г. Путеводитель по Кавказу. Отдел I. Очерк этнографии Кавказского края. – Тифлис,1888.
Вейссенгоф С. Сведения о состоянии орошения на Кавказе по 1883 год. – Тифлис,1883.
Великая Н.Н. К истории взаимоотношений народов восточного Предкавказья в XVIII – XIX вв. – Армавир, 2001.
Величенко С. Численность бюрократии и армии в Российской империи в сравнительной перспективе // Российская империя в зарубеж-

ной историографии. Работы последних лет: Антология. – М., 2005.

Венков А.В. Гроза Кавказа. Жизнь и подвиги генерала Бакланова. – М., 2008.

Вердеревский Е.А., Дункель-Веллинг Н. Шамиль в Париже и Шамиль поближе. – Тифлис,1855.

Верт В.Пол. От «сопротивления» к «подрывной деятельности»: власть империи, противостояние местного населения и взаимозависимость // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. – М., 2005.

Вертепов Г.А. Очерки кустарных промыслов в Терской области // Терский сборник. Вып.4. – Владикавказ,1897.

Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». – М., 2007.

Вивчарь Г.М. Только вместе, только в дружбе. – Майкоп, 2006.

Виноградов В.Б. «Российскость» как парадигма северокавказского историко-культурного единства в составе России // «Российскость» в истории Северного Кавказа. Серия «Вопросы Северокавказской истории». – Армавир, 2002.

Виноградов В.Б. Н.С. Семенов и его очерк «День в ауле» 1869 года. – Армавир, 2002.

Виноградов П.Б. Страницы истории развития здравоохранения Чечено-Ингушетии в 1917-1937 годах. – Тверь, 2003.

Вовк А.С. Регулирование положения иностранного капитала в Российской империи в конце XIX – начале XX в. // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения: ежегодник. Вып.8. – М.,Волгоград, 2006.

Военная постойная повинность в главных государствах Европы. Вып.I. Пруссия. – СПб.,1858.

Войны, сражения, полководцы в произведениях классической живописи. – М., 2002.

Волкова Н.Г. Основные демографические процессы // Культура и быт народов Северного Кавказа. – М.,1968.

Волкова Н.Г. Этнокультурные контакты народов Кавказа в общественном быту (XIX – нач. XX в.) // Кавказский этнографический сборник. Т.IX. Вопросы исторической этнографии Кавказа. – М.,1989.

Волконский Н. Биография А.М. Дондукова-Корсакова. – Тифлис,1883.

Волхонский М.А. Первая русская революция и восстановление Намес-

тничества на Кавказе // Кавказский сборник. – Т.3 (35). – М., 2006.

Вольная Г.Н. Прикладное искусство населения Притеречья середины 1 тысячелетия до н.э. – Владикавказ, 2002.

Воробьёв Б. Земельный вопрос у казаков. – СПб.,1908.

Воронец Е.Н. Нужны ли для России муфтии? – М.,1891.

Воронина О.Г. Из истории изучения национального конфликта (Чечня и развитие российско-чеченских отношений) // Universitas: Наука в контексте современной культуры. Сборник статей. – СПб., 2001.

Воронцов С.Л. Военное управление на территории Российской империи в XVIII – XX веков // Народ, политика, власть в истории России. – Ярославль, 2005.

Воскресенский Е. Кавказ в сочинениях Пушкина и Лермонтова. – М.,1898.

Г

Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г. Мусульманство в истории и культуре народов России: исламская составляющая российской цивилизации. – М., 2007.

Гаджиев В.Г. Мастера отечественного кавказоведения. – Махачкала, 2005.

Гаджиев В.Г., Пикман А.М. Великие русские революционные демократы о борьбе горцев Дагестана и Чечни. – Махачкала,1972.

Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. – М.,1961.

Газданова Е.А., Мадзаева Е.К. Из истории создания Национальной научной библиотеки Республики Северная Осетия – Алания // Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность. Вып.3. – Краснодар,2005.

Гаибов Н.Д. О поземельном устройстве горских племен Терской области. Исторический очерк (составлен на основе официальных документов). – Тифлис,1905.

Гакаев З. Предисловие // Краткая аннотированная библиография чеченского конфликта / Отв. ред. д.ф.н., профессор А.Д. Яндаров. – М., 2002.

Гакаев Д. Д. Он достоин памяти народной (Краткий исторический очерк о Таштемире Эльдерханове). – Грозный,1991.

Гакаев Д.Д. Очерки политической истории Чечни (XX век): В 2 ч. – М.,1997.

Гакаев Д.Д. Развитие гуманитарных наук как фактор политической стабильности // Академическая и вузовская наука – народному хозяйству Чеченской Республики: проблемы восстановления и развития. – М., 2004.

Гакстгаузен А. Фон Август. Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Чёрным и Каспийским морями. – СПб.,1857.

Галушкин Н.В. Собственный Его Императорского Величества Конвой. – М., 2004.

Гальцев В.С. К истории пореформенного развития Северного Кавказа // СОНИИ. Известия. Т.25. – Орджоникидзе,1966.

Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. – М.,1998.

Гамсун К.В Сказочном царстве: Мечты и впечатления о Кавказе. – М., 2005.

Ганич А.А. Черкесы в Иордании: особенности исторического и этнокультурного развития. – М., 2007.

Ганкин Я. Грозненское нефтяное дело за 1894 год. – М.,1895.

Гантемирова Г.К. К вопросу о развитии торгового земледелия в Чечено-Ингушетии // Из истории дореволюционного Дагестана: Сборник научных трудов. – Махачкала,1976.

Гантемирова Ф.А. Общественно-политический строй и обычное право чеченцев и ингушей (XVIII – перв. пол.XIX в.). – М.,1972.

Гапуров Ш.А. Еще раз о горско – казачьих набегах // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской конференции. Москва,19-20 апреля 2005 года. – М., 2006.

Гапуров Ш.А. Россия и Чечня в первой четверти XIX века. – Нальчик, 2003.

Гапуров Ш.А., Израйилов А.М. Зарождение мюридизма – идеологии освободительного движения горцев Северного Кавказа (К вопросу о роли ислама в антиколониальных движениях народов Востока) // Ислам и политика на Северном Кавказе: история и современность / Материалы всероссийской научной конференции, 21-23 сентября 2007 г. – Карачаевск, 2007.

Гапуров Ш.А., Израйилов А.М., Товсултанов Р.А. Чечня на завершающем этапе Кавказской войны (Страницы хроники русско – горской трагедии XIX века): Монография. – Нальчик, 2007.

Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – перв. пол. XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. – Махачкала, 2007.

Гассиев А.А. Избранные произведения. – Владикавказ,1992.

Гатагова Л.С. Северный Кавказ // Русское население национальных окраин России XVII – XX вв. – М., 2000.

Гатагова Л.С., Исмаил-Заде Д.И. Кавказ // Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М.,1998.

Гвоздецкий Н.А., Федчина В.Н., Азатьян А.А., Донцова З.Н. Русские географические исследования Кавказа и Средней Азии в XIX – начале XX вв. – М.,1964.

Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. – М.; Пятигорск,1992.

Геевский В.Н. Возделывание и употребление кукурузы. – Тифлис,1864.

Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей / Переизд. с изд. 1799 г., с испр. и доп. – СПб., 2005.

Гарасимова Г.И. «Известный изобразитель Кавказской жизни». К 15-летию со дня рождения Ф.А. Рубо // Кавказский сборник. – Т.3 (35). – М., 2006.

Гернет М.Н. История царской тюрьмы. В 5 т. Т.2. – М.,1961.

Гернет М.Н. История царской тюрьмы. В 5 т. Т.3. – М.,1961.

Герсеванов М.Н. Кавказские железные дороги. – М.,1874.

Герсеванов М. Программа для действий Кавказского отделения Русского технического общества. – Тифлис,1868.

Герчук Ю. Писатель перед фотографом // Литература в лицаз. Фотографии русских писателей из собрания Государственного Литературного музея,1850-1916: альбом-каталог. – М., 2008.

Гершельман Ф.К. Причины неурядиц на Кавказе. – СПб.,1908.

Гешаев М. Знаменитые чеченцы. Кн.I. – Грозный,1999.

Глеб М.В. Имперская идея в Великобритании (втор. пол. XIX в.). – Минск, 2007.

Глушков В.В. История военной картографии в России (XVIII – начало XX 0в.). – М., 2007.

Голованова М.П. Регалии Российской империи. Государственное знамя. – М., 2007.

Голованова С.А. Казачество на Северном Кавказе: проблема институализации // Этнокультурные проблемы Северного Кавказа: социально-исторический аспект. – Армавир, 2002.

Головлев А.А. Очерки о Чечне (природа, население, новейшая история). Монография. – Ульяновск, 2007.

Голубева Т.Г. Местное самоуправление: история и современность, теория и практика // Сборник научных статей. Юбилейный сборник. – Ставрополь, 2004.

Гольянов А.Л. Железнодорожное дело в период царствования Александра II // Музеи России: поиски, исследования, опыт работы. Сборник научных трудов. Вып.4. – СПб.,1998.

Гонтарева Е.Н. Горские школы в дореволюционной Чечено-Ингушетии // Известия ЧИНИИ истории, языка и литературы. Т.VI. Вып.1. Статьи и материалы по истории Чечено – Ингушетии. – Грозный,1965.

Гонтарева Е.Н. Начальное образование в дореволюционной Чечено-Ингушетии. – Грозный,1965.

Горбунов А.П. «Свое» и «чужое» в истории Кавказской войны и ее отображении: преодоление противостояния // История Северного Кавказа: социально-экономические, национальные и политические процессы. – Пятигорск, 2004.

Гордеев А.А. История казаков со времени царствования Петра Великого до начала великой войны 1914 года. – М.,1992.

Гордин Я.А. Декабристы и Кавказ. Имперская идеология либералов // Империя и либералы (Материалы международной конференции). Сборник эссе. – СПб., 2001.

Гордин Я.А. Зачем был нужен России Кавказ? Иллюзии и реальность // Кавказ и Россия – прошлое и настоящее. – СПб., 2007.

Город Грозный. Популярные очерки истории. – Грозный,1984.

Город Моздок: Исторический очерк / Под ред. А.Г. Кучиева. – Владикавказ,1995.

Городецкий Б.П. К истории издания «Кавказского пленника» // Академия наук СССР. Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Т.2. – М.,1936.

Горчханова Г.А. География экономических связей Чечено-Ингушетии во второй половине XIX века // Вопросы исторической геогра-

фии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. – Грозный,1984.
Градовский А.Д. Начала русского государственного права // Градовский А.Д. Собрание сочинений в 9 томах. Т.7. Ч.1. – СПб.,1907.
Градовский А.Д. Собрание сочинений: В 9 т., Т.1-2. Т.6. – СПб.,1901. Т.9. – СПб.,1908.
Градовский А.Д. Начала русского государственного права: в 2 т. Т.1: О государственном устройстве. – М., 2006.
Градовский А.Д. Начала русского государственного права: в 2 т. Т.2: Органы управления. – М., 2006.
Градовский А.Д. Современное воззрение на государство и национальность. – М.,1872.
Градовский Г.К. Война в Малой Азии в 1877 году. – СПб.,1878.
Гранкин Ю.Ю. Кизляр – политический и экономический центр Северо – Восточного Кавказа в XVIII веке // Российская история: актуальные вопросы (общенациональный и региональный аспекты). Ученые записки. Вып.2. – Пятигорск, 2003.
Гранкин Ю.Ю., Землянский А.В. Северный Кавказ и его колонизация Россией в 30-90 годы XVIII века. Монография. – Пятигорск, 2006.
Грачева О.А. Художественное творчество русских офицеров в XIX веке: монография. – М., 2007.
Грибоедовские места / Сост. Н.А. Тархова. – М., 2007.
Гриневецкий Б.Б. Результаты двух ботанических путешествий на Кавказ в 1900 и 1901 гг. – Юрьев,1903.
Гриценко Н.П. Города Северо – Восточного Кавказа и производительные силы края V – XIX вв. – Р н/Д.,1984.
Гриценко Н.П. Горский аул и казачья станица Терека накануне Великой Октябрьской социалистической революции. – Грозный,1972.
Гриценко Н.П. Землепользование терских казаков и переселенцев // Очерки истории ЧИАССР. Т.1. – Грозный,1967.
Гриценко Н.П. К вопросу о социально-экономических отношениях в Чечено-Ингушетии в пореформенный период // ЧИНИИ. Известия. Т.5. Вып.1. История. – Грозный,1964.
Гриценко Н.П. Рабство и работорговля в Чечено-Ингушетии (XV – первая половина XIX вв.) // Известия ЧИНИИ. Т.X. – Грозный,1976.
Гриценко Н. Русские просветители XIX века среди кавказских народов // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – XX вв. – Грозный,1981.

Гриценко Н.П. Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в порефор-менный период (1861-1900). – Грозный,1963.

Грове Ф. Холодный Кавказ. – СПб.,1879.

Гроссман Л.Т. Бархатный диктатор. – М.,1933.

Губенко О.В. Терское казачье войско в XV – XXI вв. (Влияние госу-дарства на социально-экономические аспекты казачьей жизни). – Ессентуки, 2007.

Гудаков В.В. Северо-Западный Кавказ в системе межэтнических отно-шений с древнейших времен до 60-х годов XIX века. – СПб., 2007.

Гулишамбаров С.И. Краткий очерк развития керасинового производства на Кавказе. – СПб.,1887.

Гумашвили Л.Э. Общетеоретические проблемы и пути возрождения национальной государственности в Чечне // «Восстановление национальной государственности репрессированных народов России и перспективы их развития на современном этапе», Рос-сийская научно-практическая конференция. – Элиста, 2006.

Гусейнов Г.-Р.А.-К, Куркиев А.С. Из истории лингвистических связей народов Чечено-Ингушетии с Россией: (Дооктябрьский период). – Грозный,1992.

Гутнов Ф.Х. Горский феодализм. Ч.1. – Владикавказ, 2007.

Гюберт И.И. Проказа в Терской области и Терская лепрозория. – Влади-кавказ,1911.

Гюльденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 11770-1773 гг. – СПб., 2002

Д

Давидсон А. Наследие имперского прошлого // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей / Под ред. А.И. Миллера. – М., 2004.

Давудов О.М. Дагестан накануне и в период русско-турецкой войны 1877-78 годов. Внутриполитическая обстановка. Обозрение классовой борьбы // История Дагестана с древнейших времен до наших дней. – М., 2004.

Даглат У.Б. Вклад Б.К. Далгата в популяризацию древней обрядово-вер-бальной культуры вайнахов // Культура Чечни: история и совре-менные проблемы. – М., 2006.

Дадаев Ю.У. Столицы Шамиля. – М., Махачкала, 2007.
Дамения И.Х. Историография истории народов Кавказа XIX – нач. XX вв. – СПб.,1996.
Дамения И.Х. Россия. Абхазия: Из истории культурных взаимоотношений в XIX – нач. XX в. – СПб., 1994.
Даниелян Г.Г. Генерал граф Лорис – Меликов. – Шушан – Ереван, 1997.
Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. – М.,1846.
Ланилевский Н. Кавказ и его горские жители. – М.,1851.
Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – СПб.,1895.
Данлоп Д. Россия и Чечня: история противоборства. Корни сепаратистского конфликта. – М., 2001.
Дарчиева С.В. Первая Государственная Дума и проблемы межнациональных отношений на Северном Кавказе // Кавказоведение: опыт исследований. Материалы международной научной конференции (Владикавказ, 12-13 октября 2005 г.). – Владикавказ, 2006.
Дауев С.А. Чечня: коварные таинства истории. – М.,1999.
Дегоев В.В. Генерал Мусса Кундухов: история одной иллюзии. (К проблеме национально-культурного самопожертвования в русско-кавказском мире) // Сборник Русского исторического общества. Т.7(155). Россия и мусульманский мир. – М., 2003.
Дегоев В. Два века и мира на Кавказе // Россия и Чечня: поиски выхода. – СПб., 2003.
Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. – М., 2001.
Дегоев В.В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30-60-х г. XIX века. – Владикавказ,1992.
Дегоев В.В. К возобновлению издания «Кавказских сборников». Т.1(33). – М., 2004.
Дегоев В.В. Об исторических аспектах взаимоотношений «Центр-периферия» в Кавказском контексте // Вестник института цивилизаций. – Владикавказ,1998.
Дегоев В.В. Социально-политические вызовы XXI века и пути развития российского кавказоведения // Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы международной научной конференции. Москва, МГИМО (У) МИД России 16-17 мая 2006 г. – М., 2007.
Дегоев В., Ибрагимов Р. Северный Кавказ: постсоветские итоги как руководство к действию, или Поветка дня на вчера. – М., 2006.

Демин Л. С мольбертом по земному шару. Мир глазами В.В. Верещагина. – М.,1991.

Ден В.Э. Положение России в мировом хозяйстве. Анализ русского экспорта до войны… Статистический очерк. – Петроград,1922.

Денискин В.И. Зерновое хозяйство Терских казаков во втор. пол. XIX в. // ЧИНИИ ИЯЛ Т.9. Ч.3. Вып.1. Известия, статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии. – Грозный,1974.

Денискин В.И. Об условиях и характере развития земледелия у терских казаков в конце XIX в. // К вопросу о революционных преобразованиях на Северном Кавказе за годы советской власти. – Орджоникидзе,1974.

Денисова Н. Роль адыгских просветителей в развитии идеи демократизации образования на Северо – Западном Кавказе (XIX – нач. XX вв.) // История и культура народов Предкавказья и Северного Кавказа: проблемы межэтнических отношений. – Р н/Д.,1999.

Джазаева З.М. Кавказо – европейские экономические связи в конце XIX – начале XX вв. (Северокавказский регион) // Исторические этюды. Вып.2. – Карачаевск, 2002.

Джандаров И. А.-Х. Становление государственности Чечни (земельно – территориальный аспект). – М., 2005.

Джаншиев Г. А. Эпоха великих реформ: Исторические справки. В 2-х томах. Т.2. – М., 2008.

Джапаридзе С.С. Грузия на выставках народного хозяйства в XIX в. – Тбилиси,1985.

Джонсон С. В поисках «города убежища»: Лондонская «еврейская хроника» и российская эмиграция, 1881-1905 годы // Еврейская эмиграция из России. 1881-2005. – М., 2008.

Дзагалов А. Украинские поселения в Центральном Предкавказье в XIX в. // Український історичний збірник – 2005. Випуск 8. – Київ, 2005.

Дзарахова З.М.-Т. Национальное самосознание ингушей: этнокультурные факторы. – Назрань, 2007.

Дзидзоев В.Д. Взаимоотношения землевладельцев и крестьян в Северной Осетии в начале XX в. // Вестник Северо-Осетинского гос. ун-та им. К.Л. Хетагурова. – Владикавказ,2008. – № 3.

Димаев С.У. Становление чеченской профессиональной музыки, место и роль в этом процессе инонациональных композиторов // Культуры Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006.

Дешериев Ю.Д. Роль русского языка и русской культуры в духовном развитии народов Северного Кавказа // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа. – Грозный,1982.

Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. – М., 2006.

Джанаев А.К. Народы Терека в российской революции 1905-1907 гг. – Орджоникидзе,1988.

Джандаров И.А.–Х. Становление государственности Чечни (земельно-территориальный аспект).– М., 2005.

Джафаров К.И., Гареева Т.Б. Очерки истории нефтяных промыслов Северного Кавказа. – Уфа,1998.

Дзамихов К.Ф. Адыги в политике России на Кавказе (1550-е начало 1770-х гг.). – Нальчик, 2001.

Дзарахова З.М. – Т. Национальное самосознание ингушей: этнокультурные факторы. – Назрань,2007.

Дзидзария Г.А. Мухаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми,1975.

Дзидзоев В.Д. Национальная политика: уроки опыта. – Владикавказ,1994.

Дзуцова И.П. Материалы для словаря художников, работавших в Грузии во второй половине XVIII – XIX веке // Музей. Художественные собрания СССР. Вып.7. – М.,1987.

Дибиров М. Дагестанская народная физическая культура. – Махачкала,1975.

Дикаев С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера (криминологическое и уголовно-правовое исследование). – СПб., 2006.

Дингельштет В. Водовладение и ирригация. Ч.1. – Тифлис,1880.

Динник Н.Я. По Чечне и Дагестану. – Тифлис,1905.

Длужневская Г.В. Мусульманский мир Российской империи (по материалам фотоотдела Научного архива Института истории материальной культуры Российской Академии наук) // Россия и тюркский мир. Востоковедение и Африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России и Европы. II Международная научная конференция. 5-7 апреля 2006 г.: Доклады и материалы. – СПб., 2007.

Дмитриев В.А. Геокультурное районирование Кавказа: Западный Кавказ // Кавказ и Россия. Прошлое и настоящее. История. Обычаи. Религия. Сборник. – СПб., 2006.

Дмитриев Е.В. Становление железнодорожной инфраструктуры в контексте экономического развития Ставрополья во второй половине XIX – начале XX вв. // Российская и зарубежная история: социально – экономические и политические проблемы общества и государства. Ученые записки. Вып.VIII. Часть I / Под общей ред. В.П. Ермакова. – Пятигорск, 2007.

Дмитриева О. Восприятие феномена Кавказа элитой русского общества начала XX века // Опыты историко – антропологических исследований. – М., 2004.

Дневник князя Амилахвари // Кавказский сборник / Под ред. Потто. Т.XXVIII. – Тифлис,1908.

Добаев И.П. Северный Кавказ и российский ислам: некоторые историко-политологические проблемы изучения // Наука о Кавказе: проблемы и перспективы. Материалы I съезда ученых-кавказоведов (27-28 августа 1999 г.). – Р н/Д., 2000.

Добролюбов Н.А. О значении наших последних подвигов на Кавказе // Полное собрание сочинений. Т.4. – М.,1937.

Додонов И.Ю. Истоки славянской письменности. – М., 2008.

Долгих А.Н. А.П. Ермолов и крестьянский вопрос в России // Тысячелетие развития общественно-политической и исторической мысли России: материалы Всероссийской научной конференции,14-16 мая 2008 г. – Н. Новгород, 2008.

Доманский Я.В. Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. – М.,1984.

Доного Х.М. Знамена Кавказской войны. – Махачкала,1997.

Дорожкин А.Г. Промышленное и аграрное развитие дореволюционной России: взгляд германоязычных историков XX в. – М., 2004.

Доронченков А.И. Российская эмиграция «первой волны» о национальных проблемах покинутого отечества. – СПб.,1997.

Драгоманов М.П. Политические сочинения. Т.1. Центр и окраины. – М.,1908.

Драгоманов М. Соловья баснями не кормят. – Женева,1880.

Дроздов Н.И., Федорченко В.И. Министерство народного просвещения Российской империи в лицах:1802-1917 годы. – Красноярск, 2005.

Дубенцов Б.Б. М.Т. Лорис – Меликов и «охранители» в 1880-1881 гг. // Страницы российской истории: Проблемы, события, люди. – СПб., 2003.

Дубровин Н.Ф. История войны и владычества на Кавказе. Т.1. Очерк Кавказа и народов его населяющих. Кн.1. Кавказ. – СПб.,1871.

Дударев С.Л. В.Б. Виноградов и судьба концепции добровольного вхождения Чечено – Ингушетии в составе России (рассуждения ученика и современника) // О компоненте добровольности в строительстве Российского Кавказа. – М., Армавир, 2007.

Дудова С. Ислам в Карачаево – Черкесии: от истории к перспективам: монография. – Пятигорск, 2006.

Думанов З.Б. Внутренние миграции на Северо – Западном и Центральном Кавказе в первой половине XIX века // Исторический вестник. Вып. III. – Нальчик, 2006.

Дунюшкин И.Е. Юг России: накануне катастрофы: Борьба органов государственной власти и терского казачества с национал – клерикальным сепаратизмом на Северном Кавказе в начале XX века: Монография. – Екатеринбург, 2003.

Дыбо В.А. Язык – этнос – археологическая культура (Несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы) // Глобализация – этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы: в 2-х кн. Кн.1. – М., 2006.

Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – нач. XX вв.) – СПб.,1998.

Е

Евангулов Г.Г. Местная реформа на Кавказе. – СПб.,1914.

Евреинов Г.А. Национальные вопросы на инородческих окраинах России. Схема политического прогресса. – СПб.,1908.

Евстигнеев Ю.А. Россия: коренные народы и зарубежные диаспоры (краткий этно-исторический справочник). – СПб., 2008.

Емельянова Е.В. К истории организации труда в местах лишения свободы отечественной уголовно-исполнительной системы // Историяотечественной уголовно-исполнительной системы: Сборник статей. – М., 2006.

Емкужева М.М., Темботова Э.Ж. Современное распространение серой крысы на Кавказском перешейке // Проблемы экологии горных территорий. Сборник научных трудов. – М., 2006.

Ермаков В.П., Чекменев С.А. Русская колонизация Степного Предкавказья // Российская история: проблемы, мнения, оценки (федеральных, региональных, социально-экономических и политических процессов). Ученые записки. Вып.3. – Пятигорск, 2004.

Ермаков И.А. Ислам в культуре России. – М., 2001.

Ермолаев И.П. Становление Российского самодержавия. Истоки и условия его формирования: Взгляд на проблему. – Казань, 2004.

Ерохин П.М. Горные курорты Чечни // Северо-Кавказский краевой Горский НИИ. Записки. Т.1. – Р н/Д.,1928.

Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М.,1968.

Ерошкин Н.П. Российское самодержавие. – М., 2006.

Ершов Г.А., Тонконогов П.М., Ермоленко А.П. Чудесный источник: Очерки о нефтяниках Чечено – Ингушетии. – Саратов, 2002.

Ефименко А.Я. История украинского народа. – Киев,1990.

Ефремов Ю.В. В стране горных озер. – Краснодар,1991.

Ж

Желиховская В.П. Кавказ и Закавказье. – М.,1913.

Журавлев В.В. Заключение // Административные реформы в России: история и современность. – М., 2006.

Журавлев В.В. Общество Владикавказской железной дороги и развитие нефтепромыслов на Северном Кавказе // Очерки социально-экономической и политической истории СССР. – М.,1964.

З

Заваров С. Кавказ в сельскохозяйственном отношении в 1899 г. – Тифлис,1900.

Загидуллин И. Архитектурный образ молитвы и центр общественной жизни уммы // Мечети Российской империи: фотоальбом. – Н.Новгород, 2006.

Загурский Л.П. Заметка об исследовании кавказских языков. – М.,1880.

Загурский Л.П. П.К. Услар и его деятельность на Кавказе // Сборник сведений о Кавказских горцах. Вып.X. – Тифлис,1881.

Зайончковский П.А. Военные реформы 1860-1870-х гг. в России. – М.,1952.

Зайончковский П.А. История дореволюционной России в дневниках. Т.1. – М.,1976.

Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. – М.,1968.

Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М.,1978.

Закс А.Б. Северо-Кавказская историко-бытовая экспедиция Государственного Исторического музея 1936-37 гг. // Труды Государственного Исторического музея. Вып.XV. Сборник статей по истории СССР. – М.,1941.

Зарождение и развитие земледелия на Северном Кавказе. – Майкоп, 2001.

Заурбекова Г.В. Сепаратизм в Чечне. – М., 2000.

Захаров В.А. Загадка последней дуэли // Лермонтовский текст. Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология: В 2 т. Т.2. – Ставрополь, 2007.

Захаров В.А. Лермонтов и Кавказ – рождение темы // Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы международной научной конференции. Москва, МГИМО (У) МИД России 16-17 мая 2006 г. – М., 2007.

Захаров В.А., Кравцова Т.Ю. «Кавказский сборник» // Кавказский сборник. Т.1(33). – М., 2004.

Захаров И.С. Николай Иванович Пирогов: реформы и бессмертие. Книга I. 1810-1856 гг. – СПб., 2008.

Зейдлиц Н.К. Очерк южно-каспийских портов и торговли. – Тифлис,1870.

Зеленева И.В. Геостратегия России на Кавказе в XIX – начале XX веков // Актуальные проблемы современной политической науки. Вып.2. – СПб., 2002.

Земское самоуправление в России,1864-1918: в 2 кн. Кн.1: 1864-1905. – М., 2005.

Зинченко Г.Г. Современная советская историография развития промышленности в период капитализма. – Р н/Д.,1980.

Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842-1867). – СПб.,1879.

Зиссерман А.Л. Фельдмаршал кн. А.И. Барятинский (1815-1879). Т.1. – М.,1888.

Зиссерман А.Л. Фельдмаршал кн. А.И. Барятинский // Русский архив. Кн.1. Вып.1. – М.,1889.

Зиссерман А.Л. Фельдмаршал кн. А.И. Барятинский. 1815-1879. Т.3. – М.,1891.

Зубкова Н.Ю. Национальные формирования горцев первой половины XIX в. в контексте российско-северокавказской интеграции // О компоненте добровольности в строительстве Российского Кавказа. – М., Армавир, 2007.

Зуйкина Е.А. К вопросу о роли русских в системе межнациональных отношений на Северном Кавказе // Северный Кавказ: выбор пути национального развития. – Майкоп,1994.

И

Ибрагимов К.Х. История права собственности на землю в России: IX – начало XX в. – Нальчик, 2008.

Ибрагимова З.Х. Восточный Кавказ. – М., 2004.

Ибрагимова З.Х. Индия в планах Германии и Японии в годы Второй мировой войны. – М., 2003.

Ибрагимова З.Х. Мир чеченцев. XIX век. – М., 2007.

Ибрагимова З.Х. Мифы и факты о чеченской истории. – М., 2003.

Ибрагимова З.Х. Северный Кавказ. Время перемен (1860-1880 гг.). – М., 2001.

Ибрагимова З.Х. Чеченская история: Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века. – М., 2002.

Ибрагимова З.Х. Чеченский народ в Российской империи: адаптационный период. – М., 2006.

Ибрагимова З.Х. Чеченцы в зеркале царской статистики (1860-1900). – М., 2006.

Ибрагимова З.Х. Чечня после Кавказской войны (1863-75 гг.) (По архивным источникам). – М., 2000.

Ибрагимова З.Х. Prospekt монографии «Мир чеченцев. XIX век». – М., 2007.

Ибрагимов М., Хатуев И. Чеченская Республика в период Великой Отечественной войны. – Нальчик, 2007.

Иваненков Н.С. Горные чеченцы: (Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области). // Терский сборник. Вып.7. – Владикавказ,1910.

Иванов А.И. Социально-экономическое положение Чечни и Дагестана в 60-70 гг. XIX века // Ростовский Пед. ин.-т. Ист. фак. Ученые записки. Т.1. – Р н/Д.,1941.

Иванов К.В. Редактор газеты «Кавказ» В.В. Стратонов (1910-1911 гг.) // Книжное дело на Северном Кавказе. Вып.3. Сборник статей. – Краснодар, 2005.

Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. – М., 2004.

Иванова Т.А. Религиозно-мистические, социально-психологические и политические причины использования наркотических веществ в первобытном, древнем и средневековом обществах. – Саранск,2003. – Деп. В ИНИОН РАН. 7.08.03, № 58187.

Ивановский В.В. Русское государственное право. Т.1. Вып.3. – Казань,1896-1898.

Игнатьев Е. Россия и окраины. – СПб.,1906.

Известия о бывшем в Кавказе лжепророке Мансуре // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. – СПб., 2001.

Изгоев А.С. Общинное право. – СПб.,1906.

Изречения и афоризмы Ф.Ницше. Злая мудрость. – М., 2007.

Иллерицкая Н.В. Некоторые вопросы истории России в трудах В.И. Сергеевича, А.Д. Градовского и Ф.И. Леонтовича // История и Историки. – М., 2001.

Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи. – М.,1993.

Ильин С.В. Витте. – М., 2006.

Ильясов Л.М. Средневековая чеченская архитектура // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006.

Ильясов Л. Тени Вечности. Чеченцы: архитектура, история, духовные традиции. – М., 2004.

Империя и либералы (Материалы международной конференции). Сборник эссе. – СПб., 2001.

Ингуши. Сборник статей и очерков по истории и культуре ингушского народа. – Саратов,1996.

Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи: В 2 т. / Под ред. В.В. Черкесова. Т.1. – СПб.,2001. Т.2. – СПб., 2003.

Ионин С. Кавказ. По горным дорогам древней земли. – М., 2007.

Ипполитов-Иванов М.М. 50 лет русской музыки в моих воспоминаниях. – М.,1934.

Исаев С.-А.А. Из истории социальных отношений и классовой борьбы в Чечено-Ингушетии в последней четверти XIX в. // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период. – Грозный,1979.

Исаев С.-А. А. Просветительская роль России на Северном Кавказе на примере Чечни и Ингушетии // Чеченцы в истории, поли-

тике, науке и культуре России: исследования и документы. – М., 2008.

Исаева Т.А. К историографии социального развития Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в. // Вопросы истории и исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып.1. – Грозный,1978.

Исаева Т.А. Феодальные владения на территории Чечено-Ингушетии в XVII в. // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. – Грозный,1977.

Ислам на Северном Кавказе: история и современность. Материалы Всероссийской научно – практической конференции. – Махачкала, 2006.

Исмаил-Заде Д.И. И.И. Воронцов-Дашков – администратор, реформатор. – СПб., 2008.

Исмаил-Заде Д.И. Граф И.И. Воронцов – Дашков. Наместник Кавказский. – М., 2005.

Исмаил-Заде Д.И. Система управления и российская бюрократия // Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. – М., 2003.

Исторический отдел // Терский календарь на 1896 год. Вып.V. – Владикавказ,1895.

Исторический очерк Землеустройства казачьих войск. Т.XI. Ч.IV. – СПб.,1911.

Исторический очерк о Терской области. – Б.м., Б.г.

История горских народов Кавказа. – Нальчик, 2004.

История и основные этапы становления государственной границы на юге России и перспективы развития Краснознаменного особого пограничного округа. – Ставрополь,1997.

История Кабарды с древнейших времен до наших дней. Т.1-2. – М.,1967.

История народов Северного Кавказа (кон.XVIII в. – 1917 год). Т.1-2. – М.,1988.

История религий в России. – М.,.2001.

История СССР. Учебник для педагогических институтов. 1861-1917 г. / Под ред. В.Г. Тюкавкина. – М.,1990.

История Чечни (XIX век). – Грозный, 2006.

Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). – М., 2003.

Ицхак Д. История евреев на Кавказе. В 2-х томах. Т.1-2. – Тель – Авив,1989.

Ищенко В.А. Школьное историческое образование в России в конце XIX – начале XX в. // Ищенко В.А., Перковская Г.А., Топчиева В.А., Ушмаева К.А. Историческое образование в России: конец XIX – начало XXI в. – Ставрополь, 2005.

Ищенко В.А., Перковская Г.А., Топчиева В.И., Ушмаева К.А. Историческое образование в России: конец XIX – начало XXI в. – Ставрополь, 2005.

К

Кабузан В.М. Динамика численности и этнического состава населения Чечено-Ингушетии в XVIII – XX веках // Труды Института российской истории / Ин-т Росс. истории РАН. – М.,1997. Вып.5. – М., 2005.

Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX – XX вв. Этностатистическое исследование // Социально-политическая ситуация на Кавказе: история, современность, перспективы. – М., 2001.

Кавказ. – СПб.,1902.

Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы международной научной конференции. Москва, МГИМО (У) МИД России 16-17 мая 2006 г. – М., 2007.

Кавказ в сердце России. – М., 2000.

Кавказ: история, народы, культура, религии. – М., 2007.

Кавказец. Что сделала для Кавказа Россия под скипетром дома Романовых. – Тифлис,1913.

Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб., 2005.

Кагиров С. – Э.Т. Этимологические изыскания чеченского языка: Чеченцы – хранители «праязыка» на современном этапе. – М., 2003.

Кадиев Д.А. Грозный – столица Чеченской Республики. – М., 2003.

Кадиев Д.А. Чеченская Республика глазами созидателя. Т.III. – М., 2007.

Казбеков Г.В. Формирование и развитие рабочего класса в Северной Осетии (1860-1940). – Орджоникидзе,1963.

Казаков А.И. Страницы истории г. Грозного: краеведческие этюды. – Грозный,1989.

Казиев Ш. Имам Шамиль. – М., 2006.

Казиев Ш.М., Карпеев И.В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. – М., 2003.

Казначеев А. Административные преобразования в Терской области (1860-1905 гг.). – М., 2004.

Казначеева Т.П. Эстетическое влияние горской материальной культуры на культуру трудового казачества Северного Кавказа // Ставропольский Пед.ин-т. Ученые записки. Некоторые вопросы кавказоведения. Вып.1. – Ставрополь,1971.

Калантар А. Молочное хозяйство на Кавказе. Т.1. Вып.1. – Тифлис,1901.

Калантар А.А. Состояние скотоводства на Кавказе // Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе. Т.2. – Тифлис,1890.

Калашников Г.В. Проблема биографики военных деятелей России XVIII века // Источниковедческие и методологические проблемы биографических исследований: Сборник материалов научно-практического семинара (Санкт-Петербург, 4-5 июня 2002 г.). – СПб., 2002.

Калмыкова Ж.А. Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX века). – Нальчик, 2007.

Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (кон.XVIII – нач.XX вв.). – Нальчик,1995.

Калмыкова Н.П. Изменения разнообразия наземной биоты Предкавказья с миоцена до голоцена // Проблемы экологии горных территорий. Сборник научных трудов. – М., 2006.

Калоев Б.А. Дневник кавказоведа. – Владикавказ, 2002.

Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М., 1981.

Калоев Б.А. Скотоводство народов Северного Кавказа: С древнейших времен до начала XX в. – М.,1993.

Калоев Б.А. Чеченцы // Народы Кавказа / Под ред. М.О. Косвена и др. Т.1. – М.,1960.

Каменев Е.В., Четвертной Д.В. Человек на войне: культурные практики XIX в. (по мемуарам участников войны 1812 г. и Кавказской войны) // Культура исторической памяти: Материалы Всероссийской научной конференции, Петразаводск, 25-28 апреля 2003 г. – Петразаводск, 2003.

Каминский Л.С., Новосельский С.А. Потери в прошлых войнах (1756-1918). Справочная книга. – М.,1947.

Канода Н.Н. Аграрная политика царизма в Туркменистане (1881-1917 гг.). – Ашхабад,1991.

Кантария М.В. Агрикультурные способы полеводства в Чечено-Ингушетии: (Этнографические данные) // Кавказский этнографический сборник. Вып.VI. Очерки этнографии горной Чечни. – Тбилиси,1986.

Кантор В.К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. – М., 2008.

Канукова З.В. Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование. – Владикавказ, 2008.

Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. – М., 2000.

Караев Т.М. Россия и Кавказ. Проблема культурной ориентации. – М., 2001.

Карапетянц И.В. Геологическая документация и организация геологического фонда. – М.,1991.

Карбелашвили А. Первые телеграфные линии на Кавказе. – Тбилиси,1988.

Каримов А.Э. «Докуда топор и соха ходили»: очерки истории земельного и лесного кадастра в России XVI – нач. XX в. – М., 2007.

Кармовский В.В. Организация библиотек в российских тюрьмах в XIX – начале XX вв. // История отечественной уголовно-исполнительной системы: Сборник статей. – М., 2006.

Карпачев М.Д. Власть и общество в России на закате империи: истоки конфликта // Власть и общественное движение в России имперского периода. – Воронеж, 2005.

Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культры и социальный опыт горцев Дагестана. – СПб., 2007.

Карпов Ю.Ю. Военная организация и социальное развитие союзов сельских общин Северного Кавказа // Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. Вып.1. – М.,1990.

Карпович М.М. Из «Экономической истории Европы с 1870 года» // История и историография России. Из научно – литературного наследия русского зарубежья. Серия «Антология русского зарубежья». Т.III. – М., 2006.

Каррер Анкос Э. Евразийская империя: История Российской империи с 1552 г. до наших дней. – М., 2007.

Карцов А.С. Огородничество на Северном Кавказе. – СПб., 1896.

Касумов А.Х. Разные судьбы. – Нальчик,1967.

Катионов О.Н., Смагин Р.Ю. Система подготовки военных топографов в Российской империи // Пишем времена и случаи: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию кафедры отечественной истории НГПУ (Новосибирск, 25-26 апреля 2008 г.). – Новосибирск, 2008.

Келиматов А. Чечня: в когтях дьявола или на пути самоуничтожения (История, аргументы и факты глазами очевидца). – М., 2003.

Кемпинский Э.В. Первая российская революция и национально-горское движение в Терской области // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. – М., 2005.

Кемпинский Э.В. Российская интеллигенция: история и судьбы (региональное северо – кавказское исследование). – М., 2005.

Кемпинский Э.В. Формирование интеллигенции в условиях полиэтничной Терской области в конце XIX – начале XX в. // Межэтническое взаимодействие на юге России: проблемы и пути решения в условиях социальной трансформации: сборник статей по материалам третьей региональной научно – практической конференции. Ставрополь, 20 июня 2003. – Ставрополь, 2003.

Кеппенен Ф.П. Несколько слов о кавказском музее. – СПб.,1896.

Керимов И.А., Даукаев А.А. История зарождения и развития ГРР и добычи нефти и газа на территории ЧР // Труды Грозненского государственного нефтяного института им. акад. М.Д. Миллионщикова. Вып.5. – Грозный, 2005.

Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI – XIX вв. – Махачкала, 2003.

Киняпина Н.С. Внешняя политика России втор. пол. XIX в. – М., 1974.

Киняпина Н.С. Политика русского самодержавия в области промышленности (20-50-е годы XIX в.). – М.,1968.

Кипкеева З.Б. Народы Северо – Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение (60-е годы XVIII в.– 60-е годы XIX в.) – М., 2006.

Киреев Е.П. К вопросу о хищническом хозяйничании иностранных капиталов в дореволюционной нефтяной промышленности Грозного // Известия Грозненского краеведческого музея. Вып.5. – Грозный,1953.

Киреева Р.А. Государственная школа: историческая концепция К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина. – М., 2004.

Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. – Нальчик, 2008.

Клиер Дж. Д. Контрабанда людей: правительство России и эмиграция из Царствь Польского в 1881-1892 годах // Еврейская эмиграция из России. 1881-2005. – М., 2008.

Ф. фон-Климан. Пятисотлетие русской артиллерии. 1389-1889. – Тифлис,1889.

Климович Л.И. Ислам в царской России. Очерки. – М.,1936.

Клычников Ю.Ю. Сбор российскими офицерами сведений о Северном Кавказе в конце 20-х – начале 30-х годов XIX в. // Актуальные проблемы российской и мировой истории. Ученые записки. Вып.1. – Пятигорск, 2002.

Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (Исторические очерки) / Под ред. Академика В.Б. Виноградова. – Пятигорск, 2006.

Клычникова М.В. Из опыта организации частных учебных заведений на Северном Кавказе в первой половине XIX века // Российская и зарубежная история: социально – экономические и политические проблемы общества и государства. Ученые записки. Вып. VIII. Ч.II. – Пятигорск, 2007.

Клычникова М.В., Клычников Ю.Ю. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777 – 1864 гг.): Монография. – Пятигорск, 2006.

Ключевский В.О. Курс русской истории. Сочинение в 9 томах. Т.1. – М.,1987.

Книга для всех. – М.,1997.

Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т.1-2.

Ковалевский М.М. Конституция гр. Лорис – Меликова и его частные письма. – Берлин,1904.

Ковалевский П.И. Восстание в Чечне и Дагестане в 1877 и 1878 гг. – СПб.,1912.

Ковалевский П.И. Кавказ. Т.1. Народы Кавказа. – СПб.,1914.

Ковалева Н.В. Правовое регулирование промышленного производства Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков. – Кострома, 2007.

Коваленко А.Н. К атрибуции раннего рисунка М.Ю. Лермонтова // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология: В 2. Т.2. – Ставрополь, 2007.

Кодзоев Н.Д. Город Назрань: исторический очерк. – Магас, 2006.

Кодзоев Н.Д. История развития судебной системы Ингушетии. – Назрань, 2006.

Кожинов В.В. О русском национальном сознании. – М., 2004.

Кожинов В. Пятый пункт: Межнациональные противоречия в России. – М., 2005.

Козенкова В.И. Древние основы культурного наследия нахского этноса. К истокам горского менталитета // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006.

Козенкова В.И. У истоков горского менталитета: Могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып.3. – М., 2002.

Козлов С.А. Территориальное расширение Российского государства в XVI – XIX вв. // Санкт-Петербургский международный летний и культурно-исторический университет. 2007. Территориальное расширение России и земельный вопрос. – СПб., 2007.

Козырев В.А. Историческая ретроспектива некоторых экологических последствий хозяйственного освоения территории Предкавказья переселенцами из внутренних губерний России в XVIII – XIX в. // Наука, экология и педагогика в технологическом университете: сборник научных докладов Ежегодной научно – практической конференции в технологическом университете. – Минеральные Воды, 2007.

Козырев В.А. Северный Кавказ: экология, здоровье, народная медицина. – Минеральные Воды, 2007.

Койчуев А.Д. Карачай: вопросы истории, культуры и религии. – Ставрополь, 2006.

Кокиев Г. Крестьянская реформа в Северной Осетии. – Б.м.,1940.

Кокурхаев К.-С. А.-К. Общественно-политический строй и право чеченцев и ингушей (втор. пол.XIX – нач. XX вв.) – Грозный,1989.

Кокурхаев К.А. Правовая система и судопроизводство чеченцев и ингушей (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вопросы истории Чечено-Ингушетии / Чечено-Ингушский ин-т ист., соц. и филол. – Грозный,1977.

Колесникова М.Е. Источниковая база по историческому краеведению Северного Кавказа (нач. период) // Из истории народов Северного Кавказа. Сборник статей. Вып.4. – Ставрополь, 2001.

Колесникова М.Е., Логачева А.В., Охонько Я.Н. Ставропольская губернская архивная комиссия: страницы истории архивного дела Северного Кавказа: Монография. – Ставрополь, 2007.

Колодий М.А. История транспортной милиции: Царицын – Сталинград – Волгоград. – Волгоград, 2007.

Коломиец В.Г. Очерки истории и культуры Терских казаков. – Нальчик,1994.

Колосов Л.Н. Из истории развития капиталистических отношений в Чечено-Ингушетии в эпоху империализма / Развитие промышленности, кредита и торговли накануне Октябрьской революции // ЧИНИИ. Известия. Т.4.Вып.1. История. Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено-Ингушетии. – Грозный,1964.

Колосов Л.Н. О степени изученности Грозненского нефтяного дела // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып.1-2. – Грозный,1978.

Колосов Л.Н. Очерки истории промышленности и революционной борьбы рабочих Грозного против царизма и монополии (1893-1917). – Грозный,1962.

Колосов Л.Н. Первое поколение пролетариата Чечено-Ингушетии (1893-1917). – Грозный,1965.

Коновалов Г. Краткий отчет об экскурсии // Экскурсии учащихся Кавказского Учебного Округа в 1908 году. Вып.1. – Тифлис,1909.

Кононова Л.П. Ссылка участников польского восстания 1863 – 1864 годов (по материалам Архангельской губернии): Монография. – Архангельск, 2004.

Конопка С. Кавказ. – Тифлис,1914.

Константинов О.А. Северный Кавказ (Северо-Кавказский край и Дагестан). – М.;Л.,1930.

Конфессии Северного Кавказа. Конфессиональный диалог-путь к духовному обогащению народов. – Пятигорск, 2004.

Корганов В.Д. Кавказская музыка. Сборник статей. – Тифлис,1908.

Кореневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. – М., 2004.

Коренное население: Глобальное стремление к справедливости: Доклад для независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. – М.,1990.

Корепанова С.А. Промышленные выставки России XIX века: к 120-летию Сибирско – Уральской научно – промышленной выставки 1877 г. – Екатеринбург, 2007.

Коркин А.Л. Кавказские письма Л.Н. Толстого // Литературный процесс: кавказский контекст. Симпозиум XI. Материалы V Международного конгресса «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру». 8-12 октября 2007 г. – Пятигорск, 2007.

Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т.2. Особенная часть. – СПб.,1893.

Корнилова А.В. Григорий Гагарин. Творческий путь. – М., 2001.

Корнилова А. Григорий Гагарин. – М., 2004.

Королев С.А. Конфликт колонизаций. Российская власть и становление независимых социальных пространств. – М., 2001.

Корф С.А. Национальности и государство // Российская политическая наука в 5 т. / Под общ. Ред. А.И. Соловьева. Т.1: XIX – начало XX в. – М., 2008.

Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Ч.II. // Кавказский этнографический сборник. Т.46. – М.,1958.

Костанян Ю.Л. Граф Михаил Тариелович Лорис – Меликов (1824-1888). – СПб., 2005.

Кочекаев Б.– А.Б. Классовая структура ногайского общества в XIX – XX в. – Алма-Ата,1969.

Кошев М.А. Люди, события, факты истории народов Северного Кавказа в очерках, иллюстрациях и документах (конец XIX – XX век). – Майкоп,1999.

Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты. – М., 2008.

Кошубаев Д. От составителя // Мир дому твоему. Избранная проза народов Кавказа. – Нальчик, 2003.

Краг Хелен, Ларс Функ Хансен. Северный Кавказ: народы на перепутье. – СПб.,1996.

Краснов А.Н. Отчет физико-математическому факультету о совершаемых студентами Харьковского университета научно-педагогических, географических экскурсий по Военно-Осетинской дороге // Записки императорского Харьковского университета. Кн.3. – Харьков,1896.

Красножен М. Иноверцы на Руси. – Юрьев,1900.

Краткие сведения о состоянии на Кавказе сельского хозяйства. – Тифлис,1900.

Крейнис З.Л. Очерки истории железных дорог. Два столетия. – М., 2007.

Крестовский В.В. Двадцать месяцев в действующей армии: (1877-78 гг.). Т.1. – СПб.,1878.

Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. – Р н/Д.,1990.

Кривенко В.С. Очерки Кавказа. Поездки на Кавказ осенью 1888 года. – СПб.,1893.

Крикунов В.П. Краткий обзор указателей источников и литературы по истории Дона, Кубани и всего Северного Кавказа. – Отрадная,1999.

Круковкий Б.В., Рамишвили М.Б. Кавказское медицинское общество и его борьба с холерой (кон. XIX – нач.XX века). – М.,1991.

Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. – М.,1960.

Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. – Магас, 2008.

Крымский А. Школа, образованность и литература у российских мусульман. – М.,1905.

Кудаева С.Г. Огнем и железом. – Майкоп,1998.

Кудашев В. Исторические сведения о кабардинском народе. – Киев,1913.

Кузнецов А.А. Об эволюции понятия «инородцы» в российском законодательстве // Образы России в отечественной и мировой словесности, истории и культуре: Материалы Международной научной конференции. – Калининград, 2006.

Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV века. – Пятигорск, 2007.

Кузнецов И.Д. Терские казаки и их рыбные промыслы. – СПб.,1901.

Кузьминов П.А. М.Т.Лорис – Меликов на Кавказе // Кавказский сборник. Т.2(34). – М., 2005.

Кузьминов П.А. Он стоял у истоков модернизации Центрального Кавказа // Исторический вестник. Вып. IV. – Нальчик, 2006.

Кузьминов П.А. Материалы сословно-поземельных комиссий как исторический источник по истории народов Северного Кавказа // De die diem: Памяти А.П. Пронштейна (1919-1998) – Р н/Д., 2004.

Кузьминов П.А. Образование Терской области в 1860 г. // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. – Армавир, 2002.

Кузьминов П.А. Траектории сближения: утверждение России в степном Предкавказье в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Кавказский сборник. Т.4.(36). – М., 2007.

Кукба В.И. Избранные труды / Составление, предисловие и примечания: В.Ш. Авидзба, Л.Х. Саманба. – Сухум, 2007.

Кулешов Ю.А. О позднем защитном вооружении народов Северного Кавказа // Военная археология: Сборник материалов семинара при Государственном Историческом музее. Вып.1. – М., 2008.

Кулова И.Р. Формы, методы и приемы физического и трудового воспитания горской молодежи в прошлом. – Владикавказ, 2003.

Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006.

Кумыков З.Т. Вопрос о выселении адыгов в Турцию в 50-60-х гг. XIX века в историческом кавказоведении. – Нальчик,1998.

Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во Всероссийский рынок в XIX в. (По материалам Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии). – Нальчик,1962.

Кумыков Т.Х., Нагоев М.Б. Исторические реалии народов Северного Кавказа в произведениях деятелей культуры России первой половины XIX в. – Нальчик,1996.

Куприн Д.О. Правительственная политика России в отношении крестьянской эмиграции в конце XIX – начале XX века. – М., 2000. – Деп. В ИНИОН РАН. 20.11.2000, № 56 039.

Куприянов П.С. Образы «дикарей» в записках русских путешественников начала XIX века: абстракция и реальность // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып.3. – М., 2006.

Куприянова Л.В. Города Северного Кавказа во втор. пол. XIX. в.: К проблеме развития капитализма вширь. – М.,1981.

Куприянова Л.В. Новороссийский порт и Владикавказская железная дорога в пореформенный период // Исторические записки. Т.73. – М.,1963.

Куракаев А.Э. Национальные особенности чеченского народа // Вклад спортсменов – чеченцев в развитие спортивной борьбы России. – СПб., 2006.

Куреня О.О. Социологический аспект двуязычия в Ирландии // Судьба языков: вопросы внешней и внутренней истории. – М., 2008.

Курмаев М.В. Книга в жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: монография. – Самара, 2007.

Кусаев А.Д. Писатели Чечни – Грозный, 2005.
Кусаев А. Чечня: годы и люди. – Грозный, 2007.
Кутафин О.Е. Российская автономия: монография. – М., 2006.
Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). – М.,1963.

Л

Лавров Д. Заметки об Осетии и осетинах // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып.3. – Тифлис,1883.
Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. – Л.,1978.
Лавров Л.И. Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924-1978 гг.). – Л.,1982.
Лаза В.Д. Развитие теологического образования и религиозного просвещения как элемента формирования гражданского общества в России // Северный Кавказ в национальной стратегии России. – М., 2008.
Лазновская Г.Ю. Мир Запада глазами русских писателей второй половины XIX в. // Молодая наука – 2007: Материалы региональной межвузовской научно – практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Часть VI. – Пятигорск, 2007.
Лайпанов Х.О. К истории переселения горцев Северного Кавказа в Турцию // Труды Карачаево-Черкесского НИИ. Вып.5. – Ставрополь,1966.
Ланда Л.С. К вопросу о взаимоотношениях горских евреев и мусульман на Восточном Кавказе в XIX – начале XX в. // Третьи Торчиновские чтения. Религиоведение и востоковедение: Материалы научной конференции. С.– Петербург, 15-18 февраля 2006 г. – СПб., 2006.
Ланда Р.Г. Ислам в истории России. – М.,1995.
Ланцапова Л.Ю. Чеченский след в этнокультуре калмыцкого народа. Терские калмыки // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. Москва,19-20 апреля 2005 года. – М., 2006.
Лапидус Н. Николай Самокиш // Николай Самокиш. – М., 2006.
Лапин В.В. Алексей Петрович Ермолов – покоритель Кавказа (Размышления перед портретом) // Отечественная история и историческая мысль в России XIX – XX веков: Сборник статей к 75-летию А.Н. Цамутали. – СПб., 2006.

Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. – СПб., 2008.

Лапин В.В. Дезертиры в Кавказской войне XVIII – XIX вв. // Армия и общество в Российской истории XVIII – XX вв.: сборинк трудов международной заочной научной конференции. – Тамбов, 2007.

Лапин В.В. Кавказская война – война взаимного непонимания // Россия и Кавказ: История. Религия. Культура. – СПб., 2003.

Лапин В.В. К вопросу о хронологических рамках Кавказской войны XVIII – XIX вв. // Страницы российской истории: Проблемы, события, люди. – СПб., 2003.

Лапин В.В. Национальные формирования в Кавказской войне XVIII – XIX вв. // Кавказ и Россия. Прошлое и настоящее. История. Обычаи. Религия. Сборник. – СПб., 2006.

Лапин В.В. «Убедить непокорные племена в превосходстве нашего оружия…» Военные планы покорения Кавказа // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб., 2005.

Лаптева Л.Е. Региональное и местное управление в России (втор. пол.XIX в.). – М.,1998.

Ларина Е.И. Ковроткачество народов Российской империи. – М., 2007.

Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о Кавказских горцах. Вып.6. – Тифлис, 1872.

Лев Феликсович Лагорио / Авторы текста Н.О. Майорова, Г.К. Скоков. – М., 2006.

Левашев Е.М. А.А. Алябьев // Вестник истории, литературы, искусства. Т.4. – М., 2007.

Лейберов И.П. Окончание Большой Кавказской войны // Музеи России: поиски, исследования, опыт работы. Сборник научных трудов. Вып.4. – СПб.,1998.

Лемерль П., Кицикис Д. На перекрестке цивилизаций: Сборник. – М., 2006.

Лермонтов М.Ю. Картины и рисунки поэта. Иллюстрации к его произведениям. – Л.,1964.

Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 1. Стихотворения 1828-1841

Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология: В 2 т. Т. 2. – Ставрополь, 2007.

Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. – М., 2007.

Лилов А. Деятельность Общества Восстановления православного христианства на Кавказе за 1860-70 гг. – Б.м. Б.г.

Линден В. Высшие классы коренного населения Кавказского края и правительственные мероприятия по определению их сословных прав. Исторический очерк. – Тифлис,1917.

Линдквист С. «Уничтожьте всех дикарей». – М., 2007.

Липранди А.П. Кавказ и Россия. – Харьков,1911.

Лисицына Г.Г. Кавказский комитет – высшее государственное учреждение для управления Кавказом (1845-1882) // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. – СПб., 2001.

Листопадов Е. Кавказ // Кавказ. Вечность в камне: Фотоальбом. – Нальчик,1994.

Литвинов М. Окраины России. Военно-географические очерки. Вып.1. Кавказ. – СПб.,1884.

Литвинов Н.Д., Литвинова А.Н. Кавказ, далекая страна. – Воронеж, 2006.

Лихачев Д.С. Избранное: Мысли о жизни, истории, культуре. – М., 2006.

Лобанова Е.В. Российский долг Франции и революционная ментальность (по материалам советского дипломата Х.Г. Раковского, 1920-у годы) // Проблемы экономической истории: mundus o ekonomicus. – М., 2006.

Лобова Г.В. Литература народов Северного Кавказа: Монография. – Славянск – на – Кубани, 2008.

Лосев И.К. О классовом и обще демократичном содержании думских речей Т. Эльдарханова // ЧИНИИ. Известия. Т.III. Вып.1. – Грозный,1963.

Лукеш А. Примерные программы гимнастики и детских игр. – Тифлис,1911.

Лукьянов С.А. Веротерпимость как принцип религиозной политики в России (XVI – XX вв.): Монография. – М., 2007.

Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. – М.,1996.

Любичанковский С.В. Структурно-функциональный подход к истории местного управления Российской империи (1907-1917 гг.). – Оренбург, 2005.

Лятошинский Н.Л. Кавказ в историческом отношении. – Киев,1901.
Ляхов Б.,Сухоруков В. Кавказская война XIX века: наместники, генерал – губернаторы, военачальники. – М., 2007.

М

Магомадов М.М. Сущность и факторы интенсификации производства // ЧИНИИИЯиЛ. Т.IX. Ч.4. Вып.1. Известия. – Грозный,1976.
Магомедов Р. Восстание горцев Дагестана в 1877 г. – Махачкала,1940.
Магометов А.А., Дзидзоев В.Д. Устройство поземельного быта народов Кавказа и их взаимоотношения с казачеством (вторая половина XIX –начало XX вв.) // Вестник Сев.– Осет. гос.ун-та им. К.Л. Хетагурова. Гуманитарные науки. №1.– Владикавказ,1999.
Мадаева З.А. Народные календарные праздники вайнахов. – Грозный,1990.
Мадаева З.А. Новое и традиционное в трудовых праздниках вайнахов // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006.
Мадор Ю.П. Английская идея // Национальная идея: страны, народы, социумы. – М., 2007.
Мазаева Т.А. Инновация в этнокультурной среде. – Нальчик, 2007.
Макарова Н. Экскурсия на Кавказ учениц женской гимназии Э.П. Шаффе в 1910 г. – СПб.,1912.
Макашвили З.А. Смирнов-Кавказский (1847-1891). – Тбилиси,1988.
Максимов Е. Терское казачье войско. Историко-статистический очерк. – Владикавказ,1890.
Максимов Е. Чеченцы // Терский сборник. Вып.2. Кн.2. – Владикавказ,1892.
Максимов Е., Вертепов Г. Туземцы Северного Кавказа. Историко-статистические очерки. Вып.II. Чеченцы. – Владикавказ,1894.
Максимов С. Край крещеного света. Ч.IV. Русские горы и кавказские горцы. – СПб.,1866.
Макшеев А. Военно-статистическое обозрение Российской империи. – СПб.,1867.
Малахова Г.Н. Государственное управление Кавказом – история и современность // Вертикаль власти: проблемы оптимизации взаимодействия федерального, регионального и местного уровней власти в современной России. Вып.1. – Р н/Д., 2001.
Малахова Г.Н. Государственные реформы 60-80-х гг. XIX в. как завершающий этап включения Северного Кавказа в административную

и экономическую систему России // Система государственной власти и управления в России: история, традиции и современность. – СПб., 2003.

Малахова Г.Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII – XIX вв. – Р н/Д., 2001.

Малахова Г.Н. Судопроизводство горских народов в системе российской административной власти на Северном Кавказе (исторический аспект) // Этнос и власть: местное самоуправление и этнические конфликты. – Саратов,1999.

Маловичко С.И., Узденова Э.Б. Операционные возможности исследовательского поля «истории пограничных областей»(«the Borderlands history») и изучение контактных социокультурных зон Северного Кавказа // Кавказ между Западом и Востоком. Межвузовский сборник научных работ. – Карачаевск, 2003.

Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (сер.XVI – кон. XVIII вв.). – Нальчик,1996.

Мальсагова Т.Т. Восстание горцев Чечни в 1877 г. – Грозный,1968.

Мальцев В.Н. Административные реформы в казачьих областях Северного Кавказа во втор. пол. XIX в. // Проблемы истории казачества. – Волгоград,1995.

Мальцев В.Н. Разработка Е.А. Головиным и П.Х. Грабе принципов отношений с горским населением Северного Кавказа в конце 30-х годов XIX века // Российское общество: историческая память и социальные реалии: Материалы межрегиональной научно-практической конференции XIV Адлерские чтения – 2008. – Краснодар, 2008.

Мальцев Г.В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. – Р н/Д.,1999.

Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. – М.,1999.

Мамаев А.М. Из истории физического воспитания чеченских юношей // Вклад спортсменов – чеченцев в развитие спортивной борьбы России. – СПб., 2006.

Мамакаев М.А. Правовой институт тайпизма и процесс его разложения // Известия Чечено-Ингушского НИИ. Т.1(4). Вып.1. – Грозный,1936.

Мамакаев М. Чеченский тейп и процесс его разложения. – Грозный,1962.

Мамакаев М. Шрамы эпохи. – М.,1995.

Мамбетов Г.Х. Крестьянские промыслы в Кабарде и Балкарии во второй половине XIX – нач. XX века. – Нальчик,1962.

Мамедов М. Массовые стереотипы и предрассудки в национальных историях и представлениях о прошлом (на примере «лиц кавказской национальности») // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. – М.,1999.

Манин В.С. Архип Иванович Куинджи и его школа. – Л.,1987.

Мансуров И.И. Физическая культура полиэтнического общества (На примере Северного Кавказа). – Карачаевск, 2001.

Мануйлова В. Утраченные письма Лермонтова // Литературное наследство – М.,1948 – Т.45-46. Ч.2. М.Ю. Лермонтов. – М.,1948.

Марголис А.Д. Тюрьма и ссылка в императорской России. – М.,1995.

Маргошвили Л.Ю. К вопросу о поселении кистов Панкиси // Вопросы истории народов Кавказа. – Тбилиси,1988.

Маргошвили Л.Ю. Культурно-этнические взаимоотношения между Грузией и Чечено-Ингушетией в XIX – и начале XX в.: (Кисты Панкиси). – Тбилиси,1990.

Маргошвили Л.Ю. Мужская одежда вайнахов (в конце XIX – начале XX века) // Кавказский этнографический сборник. Т.VI. Очерки этнографии горной Чечни. – Тбилиси,1986.

Маремкулов А.Н. Юридические формы политики Российской империи на Северном Кавказе в XVIII – XIX вв.: историко-правовой аспект. – Р н/Д., 2005.

Марзоев И.Т. Осетинская феодальная знать в системе взаимодействия этнических элит Северного Кавказа (XVIII – XX вв.): Монография. – Владикавказ, 2008.

Марк фон Хаген. История России как история империи: перспективы федералистского подхода // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. – М., 2005.

Маркграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. – М.,1882.

Маркграф О.В. Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска. – Владикавказ,1881.

Маркелов Н.В. «Все картины военной жизни, которых я был свидетелем…». Боевая судьба М.Ю. Лермонтова // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология: В 2 т. Т.2. – Ставрополь, 2007.

Маркелов Н.В. Кавказские силуэты: история Кавказа в лицах. – Пятигорск, 2006.

Маркелов Н.В. Лермонтов и Северный Кавказ. – Пятигорск, 2008.

Маркелов Н.В. Поговорим о бурных днях Кавказа. – М., 2006.

Марков Е. Общий очерк. Кавказ в его настоящем и прошлом // Живописная Россия. Т.9. Кавказ. – СПб., М.,1893.

Марков Е.Л. Очерки Кавказа. Картины кавказской жизни, природы и истории. – СПб., М.,1887.

Марковин В.И. Башенная архитектура и ее декор – неоценимый источник изучения культуры чеченцев и ингушей // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006.

Маркович В.В. Название, употребление и распространение некоторых более важных в народном быту растений Ичкерии. – Тифлис,1898.

Мартиросиан Г.К. Социально-экономические основы революционного движения на Тереке // Северо-Кавказский институт краеведения. – Владикавказ,1925.

Мартиросиан Г.К. Терская область в революции 1905 года. – Владикавказ,1929.

Мартиросиан Г.К. Фабрично-заводская промышленность на Тереке. – Владикавказ,1924.

Марченко Л.С. Армянский наследник графа Евдокимова // Армяне Ставрополья и Терека. – Пятигорск, 2007.

Марчук Н.И. Кавказ в международно-геополитической системе: XVI – XX вв. // Международное сотрудничество на пороге XXI века. – М.,1999.

Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.) Монография. – Р н/Д., 2006.

Матвеев В.П. Орловская губерния. Летопись Орловского края на старинных открытках. – Орел, 2007.

Матвеева Л.Д. Зарубежная историография национально – государственного строительства в Среднем Поволжье и Приуралье. – Уфа, 2005.

Матвейчук А.А., Фукс И.Г. Истоки российской нефти: Исторические очерки. – М., 2008.

Матиева А.Х. Проблемы национальной политики царской России в исследованиях М.М.Ковалевского // Кавказский сборник. Т.2 (34). – М., 2005.

Махарадзе Н.А. Русская газета на Кавказе в 40-50-е годы XIX века. – Тбилиси,1984.

Мачукаева Л.Ш. Проблемы политико-административного управления Северным Кавказом (1905-1914) // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. – М., 2005.

Мегрелидзе Ш.В. Закавказье в Русско-турецкой войне 1877-1878 гг. – Тбилиси,1972.

Медушевская О.М. Новое знание о человеке // Источниковедческая компаративистика и историческое построение. – М., 2003.

Межуев Б.В. Генерал – губернаторство в системе местного управления России // Россия в условиях трансформации: Историко – политологический семинар. Материалы. Вып.12. – М., 2001.

Мелкадзе Н.В. Библиотека Кавказского отдела Императорского Русского географического общества // История библиотек: исследования, материалы, документы. Вып.6. – СПб., 2006.

Менделеев Д.И. Нефтяная промышленность в Северо-Американском штате Пенсильвания и на Кавказе. – СПб.,1877.

Менщиков И.С. Британские премьер – Министры XIX века: Монография. – Курган, 2006.

Мещерский В. Кавказский путевой дневник кн. Мещерского. – СПб.,1878.

Мёллер В., Денисов М. Полезные ископаемые и минеральные воды Кавказского края. – СПб.,1900.

Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. – М., 2006.

Мильков Ф.Н. А.Н. Краснов – географ и путешественник. – М.,1955.

Милютин Д.А. Курс Военной Географии и Военной Статистики, преподаваемый в Императорской Военной Академии Генерального Штаба Подполковником Милютиным. Кавказский край. – СПб.,1846.

Мининков Н.А. Методология истории. – Р н/Д., 2004.

Мисроков З.Х. Адат и Шариат в российской правовой системе: Исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. – М., 2002.

Михайленко Н.М. Использование правовых обычаев в период пореформенной модернизации // Модернизационные процессы в истории России XVIII – XX вв.: политика, экономика, культура: Сборник статей. – Армавир, 2003.

Михайлов В. «Кавказ – это один из живительных родников русской культуры» // Россия и Кавказ на рубеже столетий. – М., 2006.

Михайлов К.Е. В горах Кавказа. – М., 2001.

Михеев А.П. Правовые основы каторжного приговора и режима содержания каторжных узников в конце XIX – начале XX века // Вестник Новосибирского государственного университета: Серия: История, филология. Т.6, вып.1: История. – Новосибирск, 2007.

Мнацаканян А. Российско-чеченские отношения при «старых режимах»: Историческая справка // Чечня. Жизнь на войне. – М., 2007.

Могильницкий Б.Г. К вопросу о теоретико – методологических основах немарксистской историографии // Современная зарубежная немарксистская историография. Критический анализ. – М.,1989.

Монастыри Кавказской епархии и их роль в культурном развитии Северного Кавказа. – Р н/Д., 2006.

Москвич Г. Кавказ. Географические, этнографические, исторические и экономические очерки. – Одесса,1896.

Мужев И.Ф. Горцы Северного Кавказа в период империализма (Социально-экономический очерк). – Нальчик,1965.

Мужев И.Ф. Развитие капитализма на Северном Кавказе в кон.XIX – нач.XX в. // Сборник статей по истории Кабарды и Балкарии. Вып.6. – Ставрополь,1957.

Мужухоева Э.Д. Административно-территориальное деление управления Терской области в 80-90 гг. XIX в. // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. – Грозный,1984.

Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа,1917 – март 1918 г. – М., 2007.

Мун В.А. Государственно-правовые воззрения Л.Н. Гумилева // Двенадцатая Региональная конференция молодых исследователей Волгоградской области, 13-16 ноября 2007 г. – Вып.2. Право и юриспруденция. – Волгоград, 2008.

Мунаев И., Ахмадов М. О чеченском песенном фольклоре // Чеченская народная поэзия в записях XIX – XX вв. – М., 2005.

Муравьев А.Н. Письма о магометанстве. – Казань,1875.

Мурзаханов Ю. Илья Шеребетович Анисимов // История и этнография горских евреев Кавказа. – Нальчик,1998.

Муртазалиев В.Ю. Роль чеченской диаспоры в возвращении депортированных чеченцев на историческую родину // «Восстановление

национальной государственности репрессированных народов России и перспективы их развития на современном этапе», Российская научно-практическая конференция. – Элиста, 2006.

Мусаев А.Н. Шейх Мансур. – М., 2007.

Мусхаджиев С.Х. Исламский узел Кавказской войны. Идеологические и политические аспекты освободительного движения на Северном Кавказе (кон.XVIII – перв. пол. XIX в.). – Майкоп., 2006.

Мухаметшин Ф.М. Мусульмане России: судьбы, перспективы, надежды. – М., 2001.

Муханов В.М. Кавказская война через призму персональной истории генерала Н.И. Евдокимова // Российское общество: историческая память и социальные реалии: Материалы межрегиональной научно-практической конференции XIV Адлерские чтения – 2008. – Краснодар, 2008.

Муханов В.М. Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. – М., 2007.

Муханов В.М. Полемика о методах покорения Северного Кавказа в середине 1850-х гг. и участие в ней князя А.И. Барятинского // Первые открытые исторические чтения «Молодая гвардия». Сборник статей. – М., 2003.

Мушкетов И.В. Геологическая поездка на Кавказ в 1881 году. – СПб., 1882.

Н

«Навеки вместе» (о добровольном вхождении Чечено-Ингушетии в состав России). – Грозный,1980.

Надеждин П.П. Кавказский край. Природа и люди. – Тула,1895.

Назарова А.Ф. Эволюция человеческих популяций. – М., 2000.

Назарова А.Ф., Алхутов С.М., Кузнецова М.Г. Проблемы родства финно-угорских, славянских и германских популяций по данным антропогенетики, истории и лингвистики // VII Конгресс этнографов и антропологов России: доклады и выступления. Саранск, 9-14 июля 2007. – Саранск, 2007.

Народная медицина Северо – Восточного Кавказа на примере Чеченской Республики / Х.М. Батаев, А.Ж. Хаджиева, З.И. Яхъяева. – Пятигорск, 2006.

Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50 гг. XIX в.: Материалы Всесоюзной научной конференции, 20-22 июня 1989 г. – Махачкала,1989.

Народы Земли. Кавказ. Народы Кавказа. Т.IV. – СПб.,1911.
Народы Кавказа. Кн.1. – М.,1993. Кн.3. – М.,1995. Кн.4. – М.,1995.
Натиев Д. Кавказский военный песенник. – СПб.,1895.
Невская В.П. Сельская община у горских народов Северного Кавказа (кон.XVIII – нач..XX в.) // Проблемы общественной жизни и быта народов Северного Кавказа в дореволюционный период. – Ставрополь,1985.
Невский С.А., Карлеба В.А, Яковлева Л.В. Предварительное расследование преступлений в Российском государстве в XVI – начале XX века (уголовно-процессуальные и организационные аспекты): Учебное пособие. – Краснодар, 2006.
Некрасова М.А. Народное искусство – культура духовная // Народные мастера. Традиции и школы. – М., 2006.
Несмачная С.И. Первое издание архивных документов на Кавказе // Кавказский сборник. Т.2.(34). – М., 2005.
Нефедов С.А. Демографически – структурный анализ социально – экономической истории России. Конец XV – начало XX века. – Екатеринбург, 2005.
Нечитайло Д.А. Международный исламизм на Северном Кавказе. – М., 2006.
Нечитайлов М.В. Реформирование кавказского военного мундира в перв. пол. XIX в. – Ставрополь, 2003. – Деп. ИНИОН РАН 26.05.03., № 58018.
Никерина И.В. Уроки Л.Н. Толстого в кавказском контексте // XIX век в истории России: Современные концепции истории России XIX века и их музейная интерпретация // Труды ГИМ. Вып.163. – М., 2007.
Никитин В. Казачество: Нация или сословие? – М., 2007.
Никитин В.Н. Тюрьма и ссылка. – СПб.,1880.
Никольская Е. «Тифлисский живописец» // Братья Чернецовы. – М., 2002.
Новицкий А.П. Художественная галерея Московского Публичного и Румянцевского музея. – М.,1889.
Новомарьинский Г. Северное Кубанское и Терское предгорье Кавказа // Живописная Россия. Т.9. Кавказ. – СПб.,1893.
Ногманов А.И. Государственно-исламские отношения в России во второй половине XVI – начале XX в. // Пути познания России: новые подходы и интерпретация. – М., 2001.

Носов К.Н., Запорожченко Э.В., Черноморец С.С., Тутубалина О.В. Исследования селевых потоков в России и бывшем СССР: история и перспективы // Сборник научных трудов Северо – Кавказского института по проектированию водохозяйственного и мелиоративного строительства (ОАО «Севкавгипроводхоз»). Вып.17. – Пятигорск, 2007.

Нугис А. Против великодержавного шовинизма и местного национализма. – Хабаровск,1933.

Нунуев С.Х. Нахи и священная история. – Ярославль,1998.

Нуриманов И. Хадж мусульман России. Из прошлого к настоящему // Хадж российских мусульман. – Н. Новгород, 2008.

О

Обертынюк А.Ю. Мемуары Прасковьи Сергеевны Уваровой как исторический источник // Ключевские чтения – 2008. Отечественная история и культура: единое пространство в прошлом, настоящем и будущем: Материалы Межвузовской научной конференции. Сборник научных трудов. – М., 2008.

Оверин А., Ситовский Н. Опыт русско-кавказской флоры в применении к сельскому хозяйству и домашнему быту. Т.1-2. – Тифлис,1858.

Овсянников Г.М. История железных дорог на Кубани: история Краснодарского отделения Северо-Кавказской железной дороги. – Краснодар, 2008.

Олейников Д.И. Теория контактных зон и диалога культур применительно к продвижению России на Северный Кавказ в 1810-1860-е гг. // Actio Nova 2000. – М., 2000.

Оль П.В. Иностранные капиталы в России. – Пг.,1922.

Омаров Х.А. Воспоминания Абдурхзака Согратлинского о восстании 1877 г. // Изучение истории и культуры Дагестана: археографический аспект. – Махачкала,1988.

Омельченко О.А. Традиции и наследие русского права. Очерки и статьи. – М., 2006.

О прикаспийской марене. – Тифлис,1863.

Орешкова С.Ф., Ульченко Н.Ю. Россия и Турция: проблема формирования границ. – М., 2006.

Ортабаев Б.Х. Историография социально-экономических отношений у горских народов Терека в кон.XIX – нач. XX в. – Орджоникидзе, 1988.

Ортабаев Б.Х. Развитие торговли в Терской области в кон.XIX – нач. XX вв. (1890-1917 г.) // Проблемы социально-экономической истории и революционные движения на Дону и Северном Кавказе (XIX – нач.XX вв.). – Р н/Д.,1992.

Ортабаев Б.Х. Социально-экономический строй горских народов Терека накануне Октябрьской революции. – Владикавказ,1992.

Ортабаев Б.Х. Усиление колониального режима царизма на Северном Кавказе на рубеже XIX – XX вв. // Проблемы истории и культуры народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе,1985.

О сети Кавказских железных дорог. – Тифлис,1869.

Осипов К. Звезды олимпийской сборной России. – СПб., 2008.

Осипова М.Н. Великий русский реформатор фельдмаршал Д.А. Милютин. – М., 2005.

Осмаев М.К., Алироев И.Ю. История и культура вайнахов. – М, 2003.

Османов А.М. Мой край Дагестан. – М.,1979.

О социальной концепции русского православия. – М., 2002.

Островитянов К.В. Земельная рента и развитие капитализма в сельском хозяйстве. – М..1955.

О существе национальной индивидуальности и об образовательном значении крупных народных единиц. – Б.м.,1877.

О тех, кого называли абреками. Сборник рассказов, повестей, легенд, сказок, стихотворений и социально-экономических очерков о Чечне и чеченцах. – Грозный,1927.

Охонько Н.А. Исторические символы Кавказа. – Пятигорск, 2006.

Очерк восстания горцев Терской области в 1877 году. – СПб., 1896.

Очерки истории Чечено-Ингушетии. Т.1. – Грозный,1965.

П

Павлихина И. Живописное наследие М.Ю. Лермонтова // Лермонтовский текст в пространстве времени. Материалы межвузовской студенческой научно-практической конференции. – Пятигорск, 2002.

Панеш Э.Х. Некоторые аспекты традиционной социализации у народов Северо-Западного Кавказа // Детство в традиционной культуре народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. – СПб.,1998.

Пантюхов И.И. Антропологические наблюдения на Кавказе. – СПб.,1893.

Парова Л.М. К истории разработки планов покорения Кавказских горцев российским царизмом // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 1993. – № 3.

Паршев А.П. Почему Россия не Америка. – М., 2000.

Патрушева Н.Г. Доклад председателя Тифлисского комитета по делам печати о реорганизации цензурного надзора на Кавказе (1913 г.) // Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность. Вып.3. Сборник статей. – Краснодар, 2005.

Пахомов Н.П. Лермонтов в изобразительном искусстве. – М., 1940.

Педагогические и политико-правовые проблемы образования в России кон.XIX – нач. XX вв. – М., 2002.

Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем I. 1838-1839. – М., 2008.

Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Кн.4. – Цхинвали,1989.

Петин С. Собственный Его Императорского Величества конвой. – СПб.,1899.

Пешехонов А.В. Культурная драма // Старая Россия и старая Чечня: не выученные уроки (Изучающим Отечественную историю). – Ярославль, 2006.

Пешхоев С.-С. С. Оружие вайнахов (чеченцев и ингушей). – М., 2002.

Пивоваров Ю.С. Русская история как «русская идея» // Национальная идея: страны, народы, социумы. – М., 2007.

Пикулев И. Николай Семенович Самокиш (1860-1944). – М.,1954.

Пиралов А.С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. – СПб,1913.

Пирогов Н. Отчет о путешествии по Кавказу. – СПб.,1849.

Пирожков В.В. Вопросы профилактики в деятельности передовых врачей Кавказа XIX и начала XX века // Тезисы докладов 2-го съезда гигиенистов и санитарных врачей Грузинской ССР, 5-8 октября 1960 г. – Тбилиси,1960.

Повразнюк К.В. Проблема интеграции мусульман в европейское общество. – СПб., 2007.

Погожев В.П. Кавказские очерки. – СПб.,1910.

Погошвили Д.Г. Вопросы соц. строя народов Северного Кавказа в грузинской советской историографии // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. – Махачкала,1988.

Подпрятов Н.В. Национальные меньшинства в русской армии в XVIII – начале XX века. – СПб., 2004.

Пожидаев В.П. Горцы Северного Кавказа: ингуши, чеченцы, хевсуры, осетины и кабардинцы. Краткий историко-этнографический очерк. – М.,Л.,1926.

Покоренный Кавказ. Очерки исторического прошлого и современное положение Кавказа. – СПб.,1904.

Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М., 2000.

Полежаев А.И. Стихотворения. Поэмы и повести в стихах. Переводы. Воспоминания современников и критики. – М., 1990.

Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского (епископ Кавказский и Черноморский с 1858 по 1861 г.). – М., 2002.

Поляков В. Ливенцы. Замечательные имена. – Орел, 2007.

Поляков Ю.А. Адаптация и миграция в историческом контексте // Адаптация российских эмигрантов (конец XIX – XX в.). Исторические очерки. – М., 2006.

Померанцев А.В. Как живут и трудятся народы в горах Кавказа. – М.-Л.,1927.

Пономарев Н.В. Обзор Кустарных Промыслов России. – Пг.,1902.

Попов А.В. Лермонтов на Кавказе. – Ставрополь,1954.

Попов А.П. Институт наказания на Кавказе: традиционно-правовой и художественный дискурсы // Вестник Ставропольского государственного университета. Вып.44. – Ставрополь, 2006.

Поспелов Г.Г. Еще раз о рисунках Пушкина // Вестник истории, литературы, искусства. – Т.4. – М., 2007.

Потолов С.И. Начало монополизации Грозненской нефтяной промышленности (1893-1903). // Монополии и иностранный капитал в России. – М.;Л.,1962.

Потто В.А. Два века Терского казачества (1577-1801). Т.1-2. – Владикавказ,1912.

Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. – СПб.,1913.

Правилова Е.А. Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах,1801-1917. – М., 2006.

Православные богословы об исламе. – М., 2006.

Прасолов Д.Н. Адыги в составе царской России во второй половине XIX – начале XX в. // Адыгская (черкесская) энциклопедия / Под ред. проф. М.А. Кумахова. – М., 2006.

Природа этнорелигиозного терроризма. – М., 2008.

Притула А.Ф. Грозненская нефтяная и Терская горная промышленность перед национализацией. – М.;Л.,1925.

Прозоров С.М. Предисловие // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. Т.1. – М., 2006.

Прокопенко Ю.А. Историко-культурное развитие населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. – Ставрополь, 2005.

Прокопенко Ю.А. История северокавказских торговых путей IV в. до н.э. – XI в. н.э. – Ставрополь, 1999.

Прокопенко Ю.А. К вопросу о роли ученых – кавказоведов в изучении нумизматики Центрального и Восточного Предкавказья в дореволюционный период (начало XIX в. – 1917 г.) // Интеллигенция России: история и судьбы: Межвузовский сборник научных статей. – Ставрополь,1999.

Прокудин К.А. Горцы Северного Кавказа в Ставропольской гимназии в XIX веке // ЧелоВЕК: Научный альманах. Вып.1. – Ставрополь, 2005.

Пронштейн П.А., Патракова В.Ф. Советская историческая наука и вопросы изучения кавказского мухаджирства XIX века // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. – Нальчик,1994.

Проценко Ю.П. Записка о производительных силах Кавказского Прикаспийского края // Кавказский календарь на 1880 год. – Тифлис,1879.

Пругавин В.С. Кустарь на выставке 1882 года. Очерки кустарной промышленности России по последним исследованиям частных лиц, земств, комиссий. – М.,1882.

Прытков В. Николай Александрович Ярошенко. – М.,1960.

Псянчик А.В. Материалы к истории отечественной этнической картографии XVIII – XIX вв. (по фондам центральных архивов) // Народы Урало – Поволжья: история, культура, этничность. Материалы межрегиональной научно – практической конференции. Уфа,28 ноября 2003 г. – Уфа, 2003.

Пушкарев С.Г. Россия в XIX веке (1801-1914). – Нью – Йорк, 1956.

Пушкин А.С. Полное собрание художественных произведений. – СПб, 1999.

Пьецух В.А. Дурни и сумасшедшие. Неусвоенные уроки родной истории. – М., 2006.

Пяткова С.Г. Польская политическая ссылка в Западную Сибирь пореформенного периода. – Сургут, 2008.

Р

Рагозин В.И. Русская нефтяная промышленность в 1887 году. – М.,1887.

Радде Г.И. Органический мир Кавказского края. – Тифлис,1877.

Радде Г. Сельское хозяйство и промышленность // Живописная Россия. Т.IX. Кавказ. – СПб.; М.,1883.

Разгонов С.Н. Орлы на башнях: Государственный исторический музей: Люди и годы. – М., 2008.

Раздольский С.А. Новационное воздействие христианства на культуры горских народов (XVI – начало XIX столетий). – Майкоп, 2007.

Размышления о России и русских. «Вторая философия» русского человека. – М., 2006.

Рамазанов Х.Х. Проведение земельной реформы в горских районах Северного Кавказа // Проблемы аграрного развития Северного Кавказа в XIX – нач. XX вв. – Краснодар, 1987.

Ранчинский В.П. Этнические меньшинства общины мусульман Сирии нач. XX в. // Брянский гос. пед. ун-т. Межвузовский сборник трудов. Вып.8. – Брянск.

Рассказы о русском первенстве. – М., 1950.

Ратушняк В.Н. Актуальные проблемы истории и историографии Северного Кавказа. – Краснодар, 2000.

Ратушняк В.Н. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в кон.XIX – нач.XX в.: к проблеме развития аграрного капитализма. – Р н/Д.,1989.

Ратушняк В.Н. Формирование аграрно-капиталистического рынка Северного Кавказа в кон. XIX – нач. XX вв. // Аграрный рынок в его историческом развитии. Тезисы докладов. – М.,1991.

Рент Ю.А. История уголовно-исполнительной системы России. – Рязань, 2006.

Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края. – СПб., 1912.

Реклю Э. Земля и люди. Т.6. Гл.IV. Восточный Кавказ. Чеченцы, дагестанцы. – СПб.,1883.

Репников А.В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков): Монография. – М., 2006.

Ржевуский А. Терцы. Сборник исторических, бытовых и географо-статистических сведений о Терском казачьем войске. – Владикавказ,1888.

Рибер А. Сравнивая континентальные империи // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей / Под ред. А.И. Миллера. – М., 2004.

Робакидзе А.И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. – Махачкала,1988.

Рожкова М.К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. – М.;Л.,1949.

Розенфельд Б.М. Дышу Лермонтовым // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология: В 2 т. Т.2. – Ставрополь, 2007.

Романов Б. Роковые предсказания России. – М., 2006.

Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война. – СПб., 1860.

Российская империя в зарубежной историографии. – М., 2005.

Россия в XVII – начале XX в.: региональные аспекты модернизации. – Екатеринбург, 2006.

Россия и Северный Кавказ: история и современность. – М., 2006.

Ростованов А.Е. Военный талант народа. Кавказская война и русско-армянские военно-исторические связи. – Сочи, 2002.

Рубежи ратной славы Отечества. Вып.5. – М.,1997.

Рунов В.А. Российская газовая империя. – М., 2008.

Русева Л. России верные сыны. – М, 2006.

Русин В.Ф. Моя жизнь с чеченцами и ингушами. – Нальчик, 2008.

Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо – Западного Кавказа. – Нальчик, 2001.

Русские писатели в нашем крае. Сборник статей. – Грозный,1958.

Русское искусство. Очерки о жизни и творчестве художников. Первая половина девятнадцатого века. – М.,1954.

Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России. – Пг.,1917.

Рыбаков Ю.Я. Промышленная статистика России XIX в. Источниковедческое исследование. – М.,1976.

Рыбалко С.Н. Легенды и предания Кавказа. – Ставрополь, 2000.

С

Савенко С.Н., Савенко Е.А. Вклад Пятого Археологического съезда (1881 г.) в дело изучения и сохранения памятников христианства // Прозритилевские чтения: Сборник материалов научно-практической конференции. Выпуск 3. (научное издание). – Ставрополь, 2007.

Савчук В.С. Иван Яковлевич Акинфеев. 1851-1919. – М.,1996.

Садулаев Г. Я – чеченец. – Екатеринбург, 2006.

Саидов И.М. Землевладение и землепользование у чеченцев и ингушей в XVIII – XIX веках // ЧИНИИ. Известия. Т.IV. Вып.1. История. Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено-Ингушетии (1860-1940). – Грозный,1964.

Саидов И.М. Этнографические заметки (досоветский период) // Известия ЧИНИИ истории, языка и литературы. Т.5. Вып.1 (История). – Грозный,1964.

Саидов И.М. Этнографический и фольклорный материал о классовых отношениях у чеченцев и ингушей // Археолого-этнографический сборник. Т.II. – Грозный,1968.

Сакс Г. Работа среди национальных меньшинств. – Л.,1931.

Саламов Б. Горские народы: расцвет и сближение. – Орджоникидзе,1975.

Сало В.М. История фармации в России. – М., 2007.

Салов В.В. Отчуждение недвижимой собственности для государственной и общественной пользы. – СПб.,1902.

Самойлов К. Заметки о Чечне. – М., 2002.

Санакоев М.П. Народы Кавказа и формирование иррегулярных частей в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг. // Юго-Осетинский НИИ. Известия. Вып.22. – Тбилиси,1977.

Саракаев И.-Б. По трущобам Чечни: жгучий и наболевший вопрос. – Грозный1991. Владикавказ,1913.

Сарнова О. О ты, поэзия мольберта. – СПб., 2001.

Сатунин К.А. Обзор исследования млекопитающих Кавказского края. – Тифлис,1903.

Сахаров А.Н. Россия: Народ. Правители. Цивилизация. – М., 2004.

Сахроков В.А.; Шилин К.И. Экософия культуры ислама. Социология будущего. Первая энциклопедия III тысячелетия. Т.5. Ч.3. – М.; Новосибирск, 2001.

Святловский В.В. Очерки и картинки «из Кавказских воспоминаний». – Одесса,1898.

Северный Кавказ в истории России. XIX век. – М., 2004.

Северный Кавказ в составе Российской империи. – М., 2007.

Северный Кавказ: история, региональная специфика, проблемы обеспечения безопасности: Монография. – М., 2007.

Седельщиков В.В. Геологическая экспедиция в Нагорную Чечню осенью 1926 года // Северо-Кавказский краевой Горский НИИ. Записки. Т.II. – Р н/Д.,1929.

Сейранян Б.Г. Эволюция социальной структуры стран Арабского Востока. Земельная аристократия в XIX в.– 60-е годы XX в. – М.,1991.

Секлюцкий В.В. Николай Александрович Ярошенко. – Ставрополь,1963.

Селезнев Ф.А. Конституционные демократы и «нефтяные» дебаты в III Государственной думе // Постигая историю…: сборник научных статей. – Пенза, 2006.

Селиванова Н.А. Библиотеки северокавказских статистических комитетов: организация, фонды, деятельность // Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность. Вып.2. Сборник статей / КГУКИ. – Краснодар, 2004.

Селунская Н.Б. Россия на рубеже XIX – XX веков (в трудах западных историков). – М.,1995.

Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. – М.,1994.

Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. – М., 2006.

Семенов А. Интервью Марка фон Хагена и Ричарда Уортмана о проблеме нового курса по истории России // Ab Imperio. Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. – Казань, 2001.

Семенов Н. Из недавнего прошлого на Кавказе. Рассказы-воспоминания о чеченском восстании в 1877 году // Кавказский сборник. Кн.VI. – Тифлис,1900.

Семенов Н. Туземцы Северо – Восточного Кавказа. – СПб.,1895.

Семенов Тянь-Шанский В.П. Торговля и промышленность Европейской России по районам. Вып.7. Предкавказская полоса. – СПб.,1910.

Сенин А.С. Государственная служба в «Золотой век» Российской империи // История государственной службы в России. XVIII – XX века. – М.,1999.

Сенин А.С. Государственная служба в России: история и современность. – Одинцово, 2007.

Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. – М., 2006.

Сергеева Г.А. Одежда народов Дагестана и Чечни (по материалам Государственного Исторического музея) // Кавказский этнографический сборник. Т.6. – М.,1976.

Серкулидзе С.Д. История взаимоотношений кавказских и закавказских народов. – Владикавказ,1998.

Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. – М.,1997.

Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. Т.II. – М., 2001.

Сидоренко В.Т. Выбранные места из истории Северо-Кавказской железной дороги. – Р н/Д., 2002.

Сидоров В. По России. Т.2. Кавказ. Путевые заметки и впечатления. – СПб.,1897.

Силаев Н.Ю. «Кавказа не станет…» (Владикавказская железная дорога: несколько незамеченных сюжетов) // Кавказский сборник. Т.1(33). – М., 2004.

Симбирцев И. Третье отделение. Первый опыт создания профессиональной спецслужбы в Российской империи. 1826-1880. – М., 2006.

Симонов Л., Мердер И. Лошади. Конские породы. – Париж,1895; М., 2008.

Синенко С.Г. Мусульманское духовное собрание. Художественно-документальное повествование. – Уфа, 2008.

Сиповская Н.В. Фарфор в России XVIII века. – М., 2008.

Ситовский Н. Московская Политехническая выставка 1872 года. – Тифлис,1873.

Ситовский Н.П. Обзор двадцатипятилетней деятельности Кавказского общества сельского хозяйства (1850-1875). – Тифлис,1875.

Ситовский Н. Письма по поводу Парижской Всемирной выставки. – Тифлис,1867.

Скиба К.В. Реформирование войск Отдельного Кавказского корпуса и казачьих частей в 1830-х гг.: к постановке вопроса // Вопросы южнорусской истории. Вып.14. – М.,Армавир, 2008.

Скитский Б.В. К вопросу о феодальных отношениях в истории ингушского народа // Ингуши. – Саратов,1996.

Скоров. Минеральные воды Кавказского наместничества // Кавказский календарь на 1877 год. – Тифлис,1876.

Слуцкий А.И. Материалы по истории книжного дела региона в фондах государственных учреждений дореволюционного Северного Кавказа // Журналистика: историко – литературный контекст. Вып.1. – Краснодар,1999.

Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI – XIX веках. – М.,1958.

Смирнов Ф.А. Иллюстрированная география Кавказа. – СПб.,1912.

Смирнова С.К. Адаптационные стратегии в контексте политики межэтнических отношений // VII Конгресс этнографов и антропологов России: доклады и выступления. Саранск, 9-14 июля 2007. – Саранск, 2007.

Соколов А.Р. Благотворительность в народном образовании и ее роль в трансформации российского общества. – СПб., 2005.

Соколов К.Б. Русская интеллигенция XVIII – начала XX вв.: картина мира и повседневность. – СПб., 2007.

Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. – М.,1998.

Соллогуб В.А. Три повести. – М.,1978.

Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. – СПб., 1891.

Соловьев Е.Т. О необходимости изучения знаков собственности кавказских туземцев и др. племен, населяющих Россию // Труды V Археологического съезда в Тифлисе в 1881 году. – М.,1887.

Сорокин А.Ф. Руководство к расположению и построению временных укреплений на Кавказе. – СПб.,1844.

Соснина Е.Л. Северный Кавказ XVIII – XIX вв. глазами французских художников // Феномен творческой личности в культуре. Материалы II международной конференции. – М., 2006.

Соснина Е.Л. Черный алмаз. – М., 2004.

Соснина Е.Л. Черный алмаз. Лермонтовский сборник статей // Лнрмонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология. В 2 т. Т.2. – Ставрополь, 2007.

Сосунов Г. Еврейские памятники Восточного Кавказа. – Махачкала, 2007.

Сперанский Н.В. Борьба за школу. Из прошлого и настоящего на Западе и в России. – М.,1910.

Ставровский Л.Я. Кавказ. – М.,1895.
Становление Российской Федерации. – М.,1986.
Станько А.И. Журналистика Дона и Северного Кавказа (Допролетарский период). – Р н/Д.,1990.
Старинное оружие. Из собрания Государственного исторического музея. – М.,1993.
Степанчикова И. Черный грецкий орех против рака. – СПб., 2001.
Стейнведел Ч. Создание социальных групп и определение социального статуса индивидуума: идентификация по сословию, вероисповеданию и национальности в конце имперского периода в России // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. – М., 2005.
Сто истин: Песни народов Северного Кавказа. – М.,1984.
Страницы истории России: Сб. научных трудов. – Ур. ГУПС. – № 45 (128). – Екатеринбург, 2005.
Страхов В.В. Внутренние государственные займы Российской империи // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения: ежегодник. Вып.8. – М., Волгоград, 2006.
Стрельбицкий И.А. Земельные приобретения России в царствование Александра II с 1855 по 1881 г. – СПб., 1881.
Струве Г. Материалы для изучения минеральных вод Кавказа. Отдел 3. Кавказские минеральные воды. – Тифлис,1872.
Струков Д.П. Августейший генерал-фельдцейхмейстер вел. кн. Михаил Николаевич. Очерк жизнеописания Е.И.В. – СПб.,1906.
Сулейманов А.С. Топонимия Чечни. – Нальчик,1997.
Султанов Ф. Периодическая печать на Кавказе. – Тифлис,1901.
Сумбат – Заде А.С. Сельское хозяйство Азербайджана в XIX в. – Баку,1958.
Суриков Д.М. Воинская повинность. – М.,1904.
Сурков В.Ю. Основные тенденции и перспективы развития современной России. – М., 2007.
Сурков В.Ю.Тексты 97-07. – М., 2008.
Сусенков Е.И. Русско – монгольская война (1237 – 1241 гг.). – Томск,2006.
Сухоруков В.Д. Историческое описание земли Войска Донского. – Новочеркасск,1903.

Т

Тадевосян И. Национальный вопрос на Кавказе. – Ереван, 2007.

Тайсаев К.У., Портнов А.В. Традиционные физические упражнения и игры народов Северного Кавказа. – М.,1999.

Тамарин А. Мусульмане на Руси. – М.,1917.

Танкиев А.Х. Реликты магического обрядового фольклора у ингушей // Магическая поэзия народов Северного Кавказа. Сборник статей. – Махачкала,1989.

Тарасов Л.М. Василий Федорович Тимм (1820-1895 гг.). – М.,1954.

Тарик А. Столкновение цивилизаций: крестовые походы, джихад и современность. – М., 2006.

Татаев В.А., Шабаньянц Н.Ш. Декоративно – прикладное искусство Чечено – Ингушетии. – Грозный,1974.

Таубэ А.А. Развитие аптечного дела в Москве и губерниях Российской империи в XVIII – XIX столетиях // Международный сборник научных трудов (ноябрь 2006 г.). – СПб., 2006.

Тахнаева П. Махачкала. История другого города. – Махачкала, 2007.

Тезяков К.И. Рынки найма сельских рабочих на Юге России в санитарном отношении и врачебно-продовольственные пункты. Вып. 2. – СПб.,1902.

Текеева С.А. Цветовой канон в одежде народов Северного Кавказа // Алиевские чтения: научная сессия преподавателей и аспирантов университета / Материалы научной сессии в двух частях. – Ч.II. – Карачаевск, 2007.

Темирбулатов И.И. Обычно-правовая система балкарцев и карачаевцев. – Кисловодск, 2007.

Терещенко А.Г. Немцы в борьбе России за Кавказ. – М., 2006.

Тернавский Н.А. Взаимодействие этнических культур Евразии и Кавказа. Историко-этнографический очерк. – Краснодар, 2006.

Тетуев А.И. Межнациональные отношения на Северном Кавказе: эволюция, опыт, тенденции. – Нальчик, 2006.

Тимошенко Е.Н. Кавказский фронт Русско-турецкой войны 1877-78 гг. и переселение абхазов // Россия и тюркский мир. Востоковедение и Африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России и Европы. II Международная научная конференция. 5-7 апреля 2006 г.: Доклады и материалы. – СПб., 2007.

Тихонов А.К. Борьба российских властей с турецкой пропагандой среди мусульман Среднего Поволжья (вторая половина XIX в.) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып.3. – М., 2006.

Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней трети XVIII – начале XX в. – СПб., 2008.

Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. – СПб., 2007.

Тихонов Б.В. Переселения в России во второй половине XIX в. По материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики. – М.,1978.

Ткаченко Д.С. Из истории национально-просветительской политики Российской империи на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX вв. // Наука о Кавказе: проблемы и перспективы: Материалы I Съезда ученых-кавказоведов (27 –28 августа 1999 г.) – Р н/Д., 2000.

Ткачев Г.А. Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. Вып.1. – Владикавказ,1911.

Тлепцок Р.А. Проблема колонизации в российской истории: диалектика понятий // Вопросы теории и методологии истории. Сборник научных трудов. – Вып.5. – Майкоп, 2006.

Томашевский В. Внутренние водные и шоссейные пути Кавказа. – СПб.,1888.

Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII – XX веков: Очерки жизни и творчества. В 2-х томах. Т.2. – М., 2007.

Томпстон С.Р. Российская внешняя торговля XIX – начала XX в.: организация и финансирование. – М., 2008.

Торкунов А.В. Кавказ в истории, политике, сознании: преемственность и современные реалии // Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы международной научной конференции. Москва, МГИМО (У) МИД России 16-17 мая 2006 г. – М., 2007.

Торопов Н.И. Опыт медицинской географии Кавказа относительно перемежающихся лихорадок. – СПб.,1864.

Тотоев М.С. К вопросу о переселении кабардинцев в Турцию / СОНИИ. Т.18. – Орджоникидзе,1949.

Тотоев Ф.В. Развитие рабства и работорговли в Чечне (вторая половина XVIII века – 40-е годы XIX века) // Социальные отношения народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе,1978.

Тотоев Ф.В. Состояние торговли и обмена в Чечне (втор. пол XVIII –40 г. XIX в.) // Известия СОНИИ. Т.25. – Орджоникидзе,1966.

Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов / Сост. С.М. Исхаков. – М., 2005.

Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV – XVIII вв. – М., 2007.

Трепавлов В.В. Введение // Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. – М.,2003.

Трепавлов В.В. Особенности и закономерности «национальной политики» в России XVI – XIX вв. // История и историки: историографический вестник / Ин-т Российской истории РАН. – М., 2005.

Трепавлов В.В. Присоединение народов к России и установление российского подданства (проблемы методологии изучения) // Этнокультурные взаимодействия в Евразии: в 2 кн. Кн.2. – М., 2006.

Тройно Ф.П. Аренда земли под промышленные и торговые заведения у горских народов Северного Кавказа в кон.XIX – нач. XX в. / История горских и кочевых народов Северного Кавказа в XIX – нач. XX в. (проблемы социально-экономического развития). – Ставрополь,1980.

Тройно Ф.П. Арендные отношения у горцев Северного Кавказа. – Р н/Д.,1984.

Тройно Ф.П. Горская молодежь в русских учебных заведениях Северного Кавказа в кон.XIX в. // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып.12-13. – Ставрополь, 1971.

Тройно Ф.П. Документальные источники об арендных отношениях у горцев Северного Кавказа в досоветский период // Источники и историография аграрной истории Северного Кавказа. – Ставрополь,1983.

Трофимов А. Кавказ. – М.,1914.

Трошев Г.Н. Чеченский излом: Дневники и воспоминания. – М., 2008.

Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. – М.,1993.

Труды Института российской истории / Институт российской истории РАН. – М.,1997. Вып.5. – М., 2005.

Туманов Г.М. Земельные вопросы и преступность на Кавказе. – СПб.,1900.

Туманов Г.М. Кавказский университет. – СПб.,1909.

Туманов Г.М. Разбои и реформа суда на Кавказе. – СПб.,1903.
Туманский А.Г. Арабский язык и кавказоведение. – Тифлис,1911.
Тумский К.И. Нефтяная промышленность в Терской области и Грозненская нефть. – М.,1895.
Туркаев Х.В. Жажда неутоленная. – М., 2007.
Туркаев Х.В. Россия и Чечня: аспекты историко-культурных взаимосвязей до 1917 года // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006.
Туркаев Х.В. Жажда неутоленная. – М., 2007.
Туркаев Х.В., Туркаева Р.А. Л.Н. Толстой в Чечне. Новая концепция войны и мира // Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России: исследования и документы. – М., 2008.
Тхоржевский И.И. Отчет о служебной поездке на Кавказ. – Б.м.,1909.

У

Уарзиати В.С. Избранные труды: Этнология. Культурология. Семиотика. – Владикавказ, 2007.
Уварова П.С. Кавказ. Путевые заметки. – М.,1887.
Уварова П.С.В.Ф. Миллер как исследователь Кавказа. – Б.м.,1913.
«Уголки России». Карманная справочная и записная книжка. Вып.1. Северный Кавказ. – Ставрополь,1902.
Умалатов У. Чечня глазами чеченца. – М., 2001.
Уманец Ф.М. Колонизация свободных земель России. – СПб.,1884.
Уманец Ф.М. Проконсул Кавказа. Историческая монография. – СПб., 1912.
Урланис Б.Ц. Историческая демография: избранные труды. – М., 2007.
Услар П.К. Древнейшие сказания о Кавказе // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып.X. – Тифлис,1881.
Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Ч. II. Чеченский язык. – Тифлис,1888.
Усманова Д.М. Мусульманская фракция и проблемы «свободы совести» в Государственной Думе России (1906 – 1917). – Казань,1999.
Усманова Д.М. Мусульманские представители в российском парламенте. 1908-1916. – Казань, 2006.
Успенский И.И. Проводы графа М.С. Воронцова на Кавказ. – Ставрополь,1912.
Успенский Л.Ф. Терское казачье войско и нефть. Вып.1. – Владикавказ,1929.

Устинов А.И., Портнов М.Э., Нацваладзе Ю.А. Холодное оружие. – М.,1994.
Ушаков М.И. Нефтяная промышленность России. – СПб.,1912.

Ф

Фаган Брайан, Де Корс Кристофер. Археология. В начале. – М., 2007.
Фадеев А.В. О некоторых социально-экономических последствиях присоединения Чечено-Ингушетии к России // ЧИНИИ. Известия. Т.2. Вып.1. История. – Грозный,1960.
Фадеев А.В. Россия и Кавказ первой трети XIX века. – М.,1960.
Фадеев А.В. Формирование земледельческого капитализма на Северном Кавказе в пореформенный период // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959. – М.,1961.
Фадеев А.М. Воспоминания (1790-1867). В 2-х томах. Ч.2. – Одесса,1897.
Фадеев Р. Письма с Кавказа к редактору Московских ведомостей Р.Фадеева. – СПб.,1865.
Фадеев Р.А. Собрание сочинений. Т.1. Ч.1. 60 лет Кавказской войны. 2. Записки о Кавказских делах. – СПб.,1889.
Фаизханов Х. Реформа медресе // Реформа образования: татары Нижегородчины и мусульманский мир России: Сборник работ по исламскому образованию. – Нижний Новгород, 2008.
Федорова О. Франц Рубо. – М.,1982.
Федотова А.А. Деятельность ботаников в южной России (конец XIX – и начало XX в.): решение прикладных проблем // Проблемы биологии, экологии и образования: история и современность: Материалы международной научной конференции, 22-24 мая 2006 г. – СПб., 2006.
Фисенко В.Л., Щепотин В.А. Путь в 130 лет (Становление и развитие железнодорожного здравоохранения Северного Кавказа) // Вопросы истории железнодорожной медицины. – М., 2000.
Флуссер Д. Иисус, свидетельствующий о себе. – Челябинск,1998.
Френкель А.С. Средства для борьбы с разбоем на Кавказе. – Тифлис,1898.
Фролов Б.Е. К вопросу о разработке образца шашки и кинжала для кавказских казачьих войск // Древности Кубани и Черноморья. Кн.1. – Краснодар,1993.
Фрэзер Д.Д. Фольклор в Ветхом завете. – М.,1985.

Х

Хаджаминасов Т. Путевые впечатления при поездке в некоторые отдаленные горные места Терской области. – Тифлис,1876.

Хаджи Мурад Доного. Ордена Шамиля. – Махачкала,1995.

Хадикова А.Х. Кавказцы в новейшей истории России: формирование негативного образа // История Северного Кавказа с древнейших времен по настоящее время. – Пятигорск, 2000.

Хайбулаева Н.М. Образы и стереотипы в русской публицистической литературе о Дагестане XIX века // Международные Ломидзевские чтения. Изучение литератур и фольклора народов России и СНГ: Теория, История. Проблемы современного развития (Материалы Международной научной конференции,28-30 ноября 2005 г., Москва). – М., 2008.

Хайд Л. Дар. Как творческий дух преображает мир. – М., 2007.

Халаминский Ю. Франц Алексеевич Рубо (1856 – 1929). – М.,1952.

Харин Ю.Г. Влияние Владикавказской железной дороги на развитие экономики Северо-Кавказского региона в конце XIX – начале XX в. // История Северного Кавказа с древнейших времен по настоящее время. – Пятигорск, 2000.

Харин Ю.Г. Исторический опыт развития транспортной инфраструктуры Северного Кавказа на примере Владикавказской железной дороги (посл. треть XIX – начало XX вв.). – Пятигорск, 2003.

Харичков Х. Кавказская Швейцария. Из путешествия по Чечне и Дагестану // Сборник сведений о Северном Кавказе. – Б.м.,1904. – № 1.

Хасбулатов А.И. Административно-территориальные и управленческие преобразования в Чечне во II пол. XIX в. – нач. XX в. // Кавказ: проблемы культурно – цивилизационного развития. – Р н/Д., 2000.

Хасбулатов А.И. К вопросу о феодальных отношениях в Чечено-Ингушетии // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. – Махачкала,1988.

Хасбулатов А.И. Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Чечено-Ингушетии (кон.XIX – нач.XX. в.). – М.,1994.

Хасбулатов А.И. Сословный характер аграрно-административных реформ 60-х годов XIX века в Чечено-Ингушетии // Вопросы истории классообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI – XX в.). – Грозный,1980.

Хасбулатов А.И. Чечено-Ингушетия накануне первой русской буржуазно-демократической революции. – Грозный,1963.

Хасбулатов А.И. Чечня в начале XX в. // История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Т.II. История Чечни XX и начала XXI веков. – Грозный, 2008.

Хасбулатов А.И.; Хасбулатова З.И. Сельская община чеченцев: формы правления, землепользования и землевладения (XIX – нач.XX) // De die diem: Памяти А.П. Пронштейна (1919-1998). – Р н/Д., 2004.

Хасбулатов Р.И. Размышления о войне и мире. Кремль и российско-чеченская война. – М., 2003.

Хасбулатова З.И. Народные промыслы чеченцев XIX – нач. XX вв. (по этнографическим материалам) // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения: 2000-2001 гг.: Краткое содержание докладов. – СПб., 2002.

Хасиев С.А. Об особенностях развития кустарных промыслов в Чечне в свете вайнахо – дагестанской хозяйственной. Интеграции в дореволюционном прошлом // « Искусство народных художественных промыслов Северного Кавказа: вопросы истории и современного развития», регион. научно– практическая конференция. – Махачкала,1986.

Хасмагомадов Э.Х. Книгоиздание на чеченском языке в первой половине XX века// Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006.

Хасмагомадов Э.Х. Чеченцы во внешних войнах России XIX – начала XX века // Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России: исследования и документы. – М., 2008.

Хатаев Е.Е. Школа, видные просветители и педагоги Северного Кавказа (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Монография. – Владикавказ, 2006.

Хатаев Е.Е.; Кокаева Ф.А. Просветители и педагоги Северного Кавказа (XIX в.). – Владикавказ, 2000.

Хатисов И.С. Ирригация на Кавказе. – СПб.,1881.

Хашхожева Р.Х. Адыгские просветители. Избранные произведения адыгских просветителей. – Нальчик,1980.

Хевролина В.М. Российский дипломат граф Н.П. Игнатьев: личность, программа, тактика // Труды Института российской истории / Ин-т рос. истории РАН. Вып.6. – М., 2006.

Хетагуров К.Л. Собрание сочинений. Т.3. Публицистика, письма. – М.,1951.

Хлебникова О.Н. Проблемы общественного управления России на рубеже XIX – XX веков: Монография. – М., 2007.

Ходжаев С. Каталог коллекций Кавказского общества сельского хозяйства. – Тифлис, 1875.

Хоруев Ю.В. 109 голосов. Справочник периодических изданий на Тереке. – Орджоникидзе, 1966.

Хоруев Ю.В. Классовая борьба крестьян Терской области на рубеже XIX – XX в. – Орджоникидзе,1978.

Хоруев Ю.В. Печать Терека и царская цензура. – Орджоникидзе,1971.

Хотон Б. Великие тайны и загадки истории. – Харьков, Белгород, 2008.

Хубулова С.А. Казачество и горцы Северного Кавказа // Проблемы истории казачества XVI – XX вв. – Р н/Д.,1995.

Ц

Цаголов К.М. Выступление // Наука о Кавказе: проблемы и перспективы. Материалы I Съезда ученых-кавказоведов. – Р н/Д., 2000.

Цаголов Г. Край беспросветной нужды (Заметки о Нагорной полосе Терской области). – Владикавказ,1912.

Цаликов А. Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта. – М.,1913.

Цаллаев Х. О жизни и творческой деятельности Афанасия Гассиева // А.А.Гассиев. Избранные произведения. – Владикавказ,1992.

Цветкова В.Ф. У катастрофы есть начало… Из истории депортации чеченского народа // История России как много конфессионального государства: Материалы 42 Всероссийской заочной конференции / Под. ред. С.Н. Полторака. – СПб., 2006.

Цвижба Л.И. Особенности социокультурной интеграции Кавказа в Россию (XIX – начало XX вв.) // Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы международной научной конференции Москва, МГИМО (У) МИД России 16-17 мая 2006 г. – М., 2007.

Цикушева С.Я. Становление адыгской историографии (перв. пол. XIX в.): Ш. Ногмов и Хан-Гирей. – Майкоп, 2008.

Ч

Чайковский Н.И. Приборы для железнодорожного и вагонного освещения // Сборник технических отчетов экспертной комиссии выставки предметов освещения и нефтяного производства. – СПб,1889.

Чекалин С.В. Под солнцем юга: Кавказские войны в лицах. – М., 2002.

Чекменев С.А. Из истории Кавказской войны // Вестник Пятигорского государственного Лингвистического ун-та. – №1. – Пятигорск,1996.

Чекменев С.А. Из истории переселения горцев в Турцию // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. – Нальчик,1994.

Чентиева М.Дж. История Чечено-Ингушской письменности. – Грозный,1958.

Чентиева М.Д. Устное народное творчество вайнахов. Зарождение литературы // Очерки истории ЧИАССР. Т.1. – Грозный,1967.

Череванский В.П. Мир ислама и его пробуждение. Ч.1-2. – СПб.,1901.

Черкасов А. Легенда о кавказской нефти // Чечня. Жизнь на войне. – М., 2007.

Черкасов П.П. Французские дипломаты о подготовке крестьянской реформы в России: 1856-1860 гг. (по фондам архива МИД Франции) // Вестник истории, литературы, искусства. Т.4. – М., 2007.

Черкесов Ю.Т. Физическая культура и спорт // Адыгская (черкесская) энциклопедия. – М., 2006.

Черноус В.В. Генезис кавказской горской цивилизации // De die diem: Памяти А.П.Пронштейна (1919-1998). – Р н/Д., 2004.

Черноус В.В. Кавказ – контактная зона цивилизаций и культур // Кавказ: проблемы культурно – цивилизационного развития. – Р н/Д., 2000.

Чернышев П.П. Отчет общества организации путешествий учеников Тверской гимназии за 1911-1912 гг. Экскурсия на Кавказ под руководством директора гимназии П.П. Чернышева. – Тверь,1912.

Чернявский. Кавказ в течение 25-летнего царствования Александра II . (1855-1880). Исторический очерк. – СПб.,1898.

Черчилль У. Мировой кризис: 1918-1925. – М., 2007.

Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. Москва,19-20 апреля 2005 года. – М.,2006.

Чеченцы: История и современность. – М., 1996.
Чикаева К.С. Дворянство Северного Кавказа в конце XIX – начале XX веков. – Армавир, 2005.
Чичерин Б. Курс государственной науки. Ч.1. Общее государственное право. – М.,1894.
Чочиев Г.В. Генерал Муса Кундухов: некоторые факты жизни и деятельности в эмиграции // Кавказский сборник. Т.3 (35). – М., 2006.
Чочиев Г.В. Расселение северокавказских иммигрантов в арабских провинциях Османской империи (вторая половина XIX – начало XX веков) // Вестник Северо-Осетинского университета им. К. Хетагурова. – 1999. – № 1.
Чубарьян А. Тема империй в современной историографии // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей / Под ред. А.И. Миллера. – М., 2004.
Чурсин Г.Ф. Культ железа у кавказских народов // Известия Кавказского Историко-археологического института. Т.VI. – Тифлис,1927.
Чхеидзе Н.С. Парламентские речи. – Тифлис,1919.
Чхетия Ш. Промышленность на Кавказе в конце XIX века // Архивное управление НКВД Грузинской СССР. Исторический вестник. – Тбилиси,1945.
Чшиева М.Ч. История нефтяного соперничества иностранного капитала на Кавказе в конце XIX – начале XX вв.: Монография, 2008.

Ш

Шабаньянц Н.Ш. Академик П.З. Захаров – художник из чеченцев (1816-1846) // Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России: исследования и документы. – М., 2008.
Шабаньянц Н.Ш. Грозный. – М.,1964.
Шавлаева Т.М. Орнамент «древо жизни» в пигментной росписи чеченской керамики // Материалы научно – практической конференции «Наука, образование и производство», посвященной 85-летию Грозненского нефтяного института имени академика М.Д. Миллионщикова. Грозный, 24 декабря 2005 г. – Грозный, 2006.
Шавхелишвили А.И. К вопросу о переселении чечено-ингушских племен с гор на равнину // Чечено-Ингушский республиканский краеведческий музей. Вып.10. – Грозный,1961.
Шадже А. Кавказ:взгляд из Бонна. – Майкоп – Бонн, 2002.

Шадже А.Ю., Шеудже Э.А. Северокавказское общество: опыт системного анализа: Монография. – М., Майкоп, 2004.

Шаипов И.А. Таштемир Эльдерханов. – Грозный,1960.

Шалфеев Н. Краткий очерк постановлений важнейших иностранных законов. – СПб.,1872.

Шальнев В.А. Эволюция ландшафтов Северного Кавказа. – Ставрополь,2007.

Шамиль: Иллюстрированная энциклопедия. – М.,1997.

Шамиль на Кавказе и в России. – М.,1994.

Шамрай В.С. Хронология достопримечательных событий, фактов, законоположений. – Екатеринодар,1913.

Шамурзаев А.А. Роль и место Боты Шамурзаева в творчестве М.Ю. Лермонтова. – Грозный, 2004.

Шанаев Г. Кое-что о горцах. – Тифлис,1888.

Шаповалов А.И., Шнайдер В.Г. Народы региона и модернизационные процессы пореформенного периода // Этнокультурные проблемы Северного Кавказа: социально-исторический аспект. – Армавир,2002.

Шаповалов А.И., Шнайдер В.Г. Северный Кавказ в орбите геополитических интересов России: социокультурные источники имперских интересов // Этнокультурные проблемы Северного Кавказа: социально-исторический аспект. – Армавир, 2002.

Шапошников Г. Почта, телеграф, телефон // Россия в конце XIX века. – СПб.,1900.

Шарапов В.В. Межэтнические противоречия и проблема толерантности в межнациональных отношениях: Монография. – Самара, 2005.

Шарафутдинова Р.Ш. Арабоязычные документы Северного Кавказа из Государственного Исторического Музея // Россия и арабский мир. – СПб.,1994.

Шарафутдинова Р.Ш. Введение // Арабоязычные документы эпохи Шамиля. – М., 2001.

Шарафутдинова Р.Ш. А.К. Казем-бек и имам Шамиль // Россия и тюркский мир. Востоковедение и Африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России и Европы. II Международная конференция. 5-7 апреля 2006 г.: Доклады и материалы. – СПб., 2007.

Шахбиев З. Судьба чечено-ингушского народа. – М.,1996.

Шацкий П.А. Пореформенная колонизация Кубанской области и развитие земледелия на Кавказе // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – Рига,1963.

Шацкий П.А.; Шацкая С.П. Обзор архивных источников по истории аграрных отношений Предкавказья в пореформенный период // Источники и историография аграрной истории Северного Кавказа. – Ставрополь,1983.

Шебзухова Ф.Х. Социально-экономические последствия вхождения северо-западных адыгов в состав Российской империи: история и современность // Российская история в образовательном дискурсе этнонациональных регионов РФ: материалы всероссийской научной конференции (3-4 апреля 2008 г.). – Улан-Удэ, 2008.

Шевкуменко Д.А. Межнациональные отношения в России (втор. пол. XVI – нач. XX в.). – Самара,1998.

Шерипов А.Д. Очерк о Чечне. – Грозный,1929.

Шеуджен А.Х., Харитонов Е.М., Бондарева Т.Н. Происхождение, распространение и история возделывания культурных растений Северного Кавказа. – Майкоп, 2001.

Шеуджен Э.А. Зона ли фронтира Северный Кавказ? // Вопросы теории и методологии истории. Сборник научных трудов. Вып.5. – Майкоп,2006.

Шехирев Н. Всесословная воинская повинность. – Ирбит,1875.

Шёнгер Р.К. Свод статистических сведений по учебным заведениям Кавказского учебного округа за двадцатилетний период. 1879-1898. – Тифлис,1899.

Шигабудинов М.Ш. Дагестан в начале XX века // История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В 2-х томах. Т.2. История Дагестана в XX веке. – Махачкала, 2005.

Шигабудинов М.Ш. «Паспортные книги» как источник по проблеме отходничества среди крестьянства Северо – Восточного Кавказа // Источники и историография аграрной истории Северного Кавказа. – Ставрополь,1983.

Шинкуба Б.Б. Народы Западного Кавказа и Османская империя во второй половине XIX – первой четверти XX вв. Махаджирство и его последствие. // Кавказ: история, культура, традиции, языки. – Сухум, 2004.

Шишов А.В. Полководцы Кавказской войны. – М., 2003.

Шнайдер В.Г. Россия и Северный Кавказ в дореволюционный период: особенности интеграционных процессов: Монография. – М., 2005.

Шопен И. Новые заметки на древние истории Кавказа и его обитателей. – СПб.,1866.

Штанько Н.И. Из истории города Грозного в пореформенный период (1869-1893) // Известия Грозненского института и музея краеведения. Вып.2-3. – Грозный,1950.
Штернберг Л. Инородцы. Общий обзор. // Формы национального движения в современных государствах. – СПб.,1910.
Штукенберг Л. Поездка на Кавказ. – Казань,1901.
Щербаков И.В. Германские инвестиции и предприниматели в промышленности Юга России (70-е гг. XIX в. – 1914 г.) // Экономическая история: Ежегодник. 2007. – М., 2008.

Щ

Щербина Ф.А. Общий очерк экономических и торгово-промышленных условий района Владикавказской железной дороги. Хлебная производительность и торговля. – СПб.,1892.
Щетинина Г.И. Вл. Соловьев: исторические взгляды // История и Историки. – М.,1995.

Э

Эйхельман О. Военное занятие неприятельской территории. – Ярославль,1879.
Эглит А. Василий Федорович Тимм. – М.,Л.,1962.
Экскурсии на Кавказ и в Крым учеников Киевской 1-й гимназии. – Киев,1901.
Эльбекян А. Генерал-адъютант М.Т. Лорис – Меликов. – Ереван,1942.
Эрлих В.Р.Северо – Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. – М., 2007.
Эсадзе Б.С. Альбом Картинной галереи Кавказского Военно-Исторического музея. – Тифлис,1899.
Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т.1-2. – Тифлис,1907.
Эшба Е. Асланбек Шерипов. – Сухуми,1990.

Ю

Юнусова В.Н. Ислам – музыкальная культура и современное образование в России: Монография. – М.,1997.

Юрьев С.С. Правовой статус национальных меньшинств. – М., 2001.
Юшкин Е. Обзор Грозненской нефтяной промышленности за 1900 год. Промысловое дело. – Владикавказ,1901.
Юшкин Е.М. Обзор деятельности Терского отделения Императорского Русского технического общества. – Владикавказ,1900.

Я

Яблокова Г.И. У истоков книги. – Грозный,1990.
Яковкина Е.И. Замечательные люди на Кавказских Минеральных Водах. – Ставрополь,1962.
Яковлев Н.Ф. Вопросы изучения чеченцев и ингушей: Лекция, читанная 17 апреля 1927 г. на объединенном собрании чеченских и ингушских землячеств студентов г. Москвы. – Грозный,1927.
Яковлев. Песня, написанная непосредственно после Восстания Ума Хаджи Дуева в 1877 году. – Б.м., Б.г.
Яндаров А.Д. Суфизм и идеология национально-освободительного движения (Из истории развития общественных идей Чечено-Ингушетии в 20-70-е годы XIX века. – Алма-Ата,1975.
Яндаров Х. История чеченской письменности // Северо-Кавказский Краевой Горский НИИ. Записки. Т.II. – Р н/Д.,1929.
Яндиев М.А. Древние общественно – политические институты народов Северного Кавказа. – М., 2007.
Янсон Ю. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. – СПб.,1877.
Янчевский М.Л. Разрушение легенды о казачестве. Краткий очерк истории колониальной политики на Дону в связи с эволюцией аграрных отношений. – Р н/Д., 1931.
Яренгина В.П. Из историографии проблемы генерал – губернаторства в дореволюционной России // Система государственной власти и управления в России: история, традиции и современность. – СПб., 2003.
Яценко В. Религиозный взгляд на встречу и сосуществование народов и культур в современном мире // Мультикультурализм и этнополитические модели XXI века. Материалы научно – практической конференции. Женева, 30 ноября – 2 декабря 2005 г. – М., 2006.
Ячменихин К.М. Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия. – Чернигов, 2006.

Hayri Capraz. Русско-турецкие торговые связи на рубеже XIX – XX веков // Россия и тюркский мир. Востоковедение и Африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России и Европы. II Международная научная конференция. 5-7 апреля 2006 г.: Доклады и материалы. – СПб., 2007.

Авторефераты диссертаций и диссертации

1 Абдуллаев С.М. Вопросы истории Северо – Восточного Кавказа сер. XIX в. в работах Гасана Алкадари: Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – Нальчик, 2001.

2 Абдуллаева М.И. Переселение дагестанцев в Османскую империю во втор. пол. XIX – нач.XX вв. (Причины и последствия): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2000.

3 Абдулаева П.А. Теоретико – исторические аспекты возникновения и развития обычного права народов Дагестана: Дис. …канд. наук; Юридические науки. – Махачкала, 2006.

4 Абдуллин Х.М. Мусульманское духовенство и военное ведомство Российской империи (кон.XVIII – начало XX вв.): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Казань, 2007.

5 Авакян А.Г. Черкесы в системе государственной власти Османской империи и Турции, вторая половина XIX – первая четверть XX вв.: Дис. …докт. наук; Исторические науки. – М., 2002.

6 Аветисян Р.Р. Аталычество как система воспитания горских народов Северного Кавказа: Дис. …канд. наук; Педагогические науки. – Владикавказ, 2004.

7 Адильгереева П.К. Переселенческое движение и аграрный вопрос в политике России на Северо – Восточном Кавказе в первой половине XIX века: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2006.

8 Адухова А.М. Русско – дагестанские педагогические связи: втор. пол. XIX – начало XX вв.: Дис. …канд. наук; Педагогические науки. – Махачкала, 2007.

9 Айларов В.Д. Революционное и социально-демократическое движение в Северной Осетии в период империализма (90-е гг. XIX в. – октябрь 1917 г.): Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – Нальчик,1977.

10 Айларова С.А. Общественно-политические и исторические взгляды передовой Северо-Кавказской интеллигенции (60-90 г.XIX в.): Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – Тбилиси,1989.

11 Акиева П.Х. Становление и развитие духовной культуры вайнахов в контексте исторических изменений (X – XIX в.): Дис. …канд. наук. Исторические науки. – М., 2003.

12 Алати Н.Б. Нормативное и организационно – правовое обеспечение государственной политики России на Северном Кавказе в период XVIII – XX вв. (историко – правовое исследование): Дис. …докт. наук. Юридические науки. – СПб., 2006.

13 Албогачиева М.С.-Г. Этнография ингушского народа в письменных источниках конца XVIII – первой трети XX вв.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – СПб., 2007.

14 Алиев Б.Р. Северокавказская диаспора в странах ближнего и среднего Востока: история и современные процессы (втор. пол.XIX – XX вв.): Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2001.

15 Алиева П.Д. Экологическая культура в мусульманской теологии (Эколого-философский анализ): Дис. …канд. наук; Биологические и философские науки. – Махачкала, 2005.

16 Аликова З.Р. История народной медицины Северного Кавказа: Дис. … докт. наук; Медицинские науки. – М., 2000.

17 Алиханова Р.А. Этнопедагогический потенциал чеченской семьи: Дис. …канд. наук; Педагогические науки. – Грозный, 2004.

18 Алхазуров М.И. Становление и развитие Чеченской Республики: историко – политологический анализ: Дис. …канд. наук; Политологические науки. – М., 2006.

19 Амаева Т.Б. Чеченские малые фольклорные жанры (пословицы, поговорки и загадки): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Тбилиси,1986.

20 Амангулова Р.С. Социально-экономическое развитие и политическое положение ногайцев Дагестана в XIX – начале XX века: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2005.

21 Аравин О.Ф. Становление и развитие профессионального образования на Кубани в досоветский период (XIX – начало XX вв.): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Краснодар, 2007.

22 Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.): Дис. …докт. наук; Исторические науки. – М., 2005.

23 Арляпова Е.С. Этнополитические процессы в Чечне: 1917-2000 гг.: Дис. …канд. наук; Политологические науки. – М., 2006.

24 Архипова Е.В. Формирование границ на Кавказе в XIX – начале XXI в. (границы между Азербайджаном, Грузией и Россией): Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – Волгоград, 2005.

25 Архиреев М.В. Кавказская война в русской литературе 1820-1830-х годов: Дис. …канд. наук; Филологические науки. – Тверь, 2004.

26 Асваров Н.А. История строительства Дагестанского участка Владикавказской железной дороги и его роль в экономическом и социальном развитии Дагестана (кон.XIX – нач. XX в.): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Махачкала,1998.

27 Асталов В.А. Материальная культура чеченцев и ингушей в XVIII – XIX вв. (Историко-этнографическое исследование): Автореф. дис.…канд. наук; Исторические науки. – Грозный, 2004.

28 Асталов В.А. Материальная культура чеченцев и ингушей в XVIII – XIX вв. (Историко-этнографическое исследование): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Грозный, 2004.

29 Аствацатурова М.А. Диаспоры в Российской Федерации, формирование и управление: На материалах Северо-Кавказского региона: Дис. …докт. наук; Политологические науки. – М., 2003.

30 Афаунов А.А. Национальная политика России и проблемы межнациональных отношений на Северном Кавказе: исторический опыт: 1906-1921 гг.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Владикавказ, 2004.

31 Ахмадов Ш.Б. Народно – освободительное движение горцев Северного Кавказа под предводительством Мансура в 1785 – 1791 годах: Дис. …докт. наук; Исторические науки. – Грозный,1992.

32 Ахмедова К.С. История ботанических исследований Чечни и Ингушетии (нач. XVIII-XX вв.): Автореф. дис. …канд. наук; Биологические науки. – М., 2005.

33 Ахмедова К.С. История ботанических исследований Чечни и Ингушетии (нач. XVIII – XX вв.): Дис. …канд. наук; Биологические науки. – М., 2005.

34 Ашинова З.А.Основные этапы вхождения адыгских народов в российскую систему местного самоуправления (вторая половина XIX – начало XXI века): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Майкоп, 2006.

35 Багаев М.Х. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье (VI в. до н.э. – XII в. н.э.): Дис. …докт наук; Исторические науки. – М., 2005.

36 Барнаш А.В. Культура как фактор становления российской государственности на Северном Кавказе в XIX – начале XX вв.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Пятигорск, 2004.

37 Батукаев М.Э. Особенности исторического развития Чечни и Ингушетии в пореформенный период: Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – Пятигорск, 2006.

38. Батукаев М.Э. Особенности исторического развития Чечни и Ингушетии в пореформенный период: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Пятигорск, 2006.

39. Башкатова Н.П. Система патриотического воспитания в народной педагогике казачества: история и современность: Дис. … канд. наук; Педагогические науки. – Владикавказ, 2005.

40. Бегеулов Р.М. Народы Центрального Кавказа в XVII – первой четверти XIX века (Этнополитические аспекты взаимоотношений): Дис. …докт. наук; Исторические науки. – СПб., 2005.

41. Бекоева Т.А. Роль П.К. Услара в развитии школы и просвещения горских народов Северного Кавказа: Дис. …канд. наук; Педагогические науки. – Владикавказ,1998.

42.Белов Ю.С. Правительственная политика по отношению к неправославным вероисповеданиям России в 1905-1917 гг.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – СПб.,1999.

43. Березовский Д.В. Права и свободы жителей Российской Империи в период становления и развития капитализма,1861-1905 г.: Дис. …канд. наук; Юридические науки. – Самара, 2003.

44.Бибиков В.Н. Деятельность государственных и военных органов по подготовке офицерских кадров русской армии в первой половине XIX века: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – М., 2007.

45.Билалова А.М. Духовная жизнь мусульман Северо – Восточного Кавказа (X – XV вв.): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – М., 2005.

46.Бичерова Н.С. История России второй половины XIX -начала XX века в современной американской русистике: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Рязань, 2003.

47. Блиева З.М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е годы XIX века: Дис. …докт. наук. Исторические науки. – Владикавказ, 2004.

48. Бондарева О.А. Сословный строй и сословное право народов Северного Кавказа в XIX веке: Дис. …канд. наук; Юридические науки. – Краснодар, 2006.

49. Борисов А.А. Социальная история якутов в XVII – 50-х гг.XIX в.: общество, право, личность в условиях российской колониза-

ции: Автореф. дис. …докт. наук. Исторические науки. – Якутск, 2004.

50. Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в.: Дис. …докт. наук; Исторические науки. – Тбилиси,1988.
51. Бридня О.П. Деятельность сельскохозяйственных обществ Предкавказья во второй половине XIX в. – 1920 г.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Краснодар, 2003.
52. Бузова З.С. Влияние семейных традиций и обычаев горской семьи народов Северного Кавказа на воспитание подрастающих поколений: Дис. …канд. наук; Педагогические науки. – Владикавказ, 2001.
53. Бунькова Ю.В. Проблемы изучения и просвещения народов Северного Кавказа во взглядах и деятельности П.К. Услара и Н.И. Воронова: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Нальчик, 2007.
54. Бурда Э.В. Терское казачество в системе российского управления со второй половины XVIII –до конца XIX века: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Нальчик, 2006.
55. Ванишвили Ш.Н. Закавказье в системе Российского правления, 1864-1917 гг.: Дис. …докт. наук; Исторические науки. – Тбилиси,1990.
56. Василенко В.Г. История здравоохранения и медицинского образования на Дону и Северном Кавказе (XIX – 1940 г.): Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – Краснодар, 2006.
57. Василенко В.Г. История здравоохранения и медицинского образования на Дону и Северном Кавказе (XIX – 1940 г.): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Армавир, 2006.
58. Васильев А.Д. Взаимоотношения Османской империи и государств Центральной Азии в середине XIX – начале XX вв.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – М., 2007.
59. Великая Н.Н. Политические, социально-экономические, этнокультурные Процессы в Восточном Предкавказье (XVIII – XIX вв.): Дис. …докт. наук. Исторические науки. – Р н/Д., 2001.
60. Вельможко И.Н. Национальный вопрос в деятельности III и IV Государственных дум: Автореф. дис. …канд. наук. Исторические науки. – М.,1998.
61. Вертий М.Ю. Обычное право народов Северного Кавказа как феномен культуры: Дис. …канд. наук; Философские науки. – Р н/Д., 2003.

62. Виноградов Б.В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783 – 1816 гг.: Автореф. дис. …докт. наук. Исторические науки. – Армавир, 2006.
63. Волгина А.П. Обычное право народов Северного Кавказа в системе российского права в XIX – XX вв.: Дис. …канд. наук. Юридические науки. – Ставрополь, 2004.
64. Волкова И.В. Армия, власть и общество: военный фактор в политике Российской империи: Дис. …докт. наук; Исторические науки. – М., 2006.
65.Волхонский М.А. Национальная политика и правительственные круги накануне и в годы первой русской революции: Дис. …канд. наук. Исторические науки. – М., 2003.
66.Воробьева Е.И. Мусульманский вопрос в имперской политики Российского самодержавия: втор. пол. XIX в. – 1917 г.: Дис. …канд. наук. Исторические науки.– СПб., 1999.
67. Гаджиев Т.В. Сочинение Гамба «Путешествие в Южную Россию…» как исторический источник по истории народов Северо-Восточного Кавказа: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Махачкала,1983.
68.Гаджиева Т.Р. Декабристы на Северо – Восточном Кавказе: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Махачкала,1993.
69. Газзаева З.А. Школа, просветительская мысль и общественно-педагогическое движение на Северном Кавказе во второй половине XIX в.: Дис. …канд. наук. Педагогические науки. – Владикавказ, 2004.
70. Гайдабура И.Г. Становление системы административного управления на Северном Кавказе (конец XVIII – XX вв.): Дис. …канд. наук; Юридические науки. – Краснодар, 2007.
71. Гамзаева А.Б. Деятельность депутатов от Северного Кавказа в I и IV Государственных Думах по решению аграрного вопроса (1906-1917 гг.): Дис. …канд. наук. Исторические науки. – Махачкала, 2002.
72.Гамзаева А.Б. Деятельность депутатов от Северного Кавказа в I и IV Государственных Думах по решению аграрного вопроса (1906-1917 гг.): Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2002.
73. Ганич А.А. Черкесская диаспора в Иордании: генезис и современное состояние: Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – М., 2003.

74. Гантемирова Г.А. Вовлечение Чечено-Ингушетии в экономическую систему России: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 1981.
75. Гарипов Н.К. Политика Российского государства в этноконфессиональной сфере вконце XVIII – начале XX вв.: опыт духовного управления мусульман: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Казань, 2003.
76.Гарсаев Л.М. Вайнахская женская одежда (кон.XIX – нач. XX вв.): Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – М.,1992.
77. Гарунова С.Г. Реформы 60-70-х годов XIX в. в Дагестане и их влияние на антиколониальную борьбу горцев: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2006.
78. Гасаналиев А.Ш. Формирование основных институтов административного права – административная правовая мысль России XIX – начала XX веков:Дис. …канд. наук; Юридические науки. – Махачкала,1999.
79. Гасанов М.М. Дагестан в составе России (Проблемы экономического, политического и культурного развития втор. пол.XIX в.): Дис. …докт. наук; Исторические науки. – Махачкала,1999.
80. Гелаева З.А. Социально-экономическое и политическое развитие Надтеречной Чечни в XVIII – XIX вв.: Дис. …канд. наук. Исторические науки. – Махачкала, 2004.
81. Глушков В.В. Становление и развитие военной картографии в России (XVIII–начало XX в.): Дис. …докт. наук; Географические науки. – М., 2003.
82. Голованова С.А. Казачество Терека и Кубани: этнополитические и культурно-исторические особенности становления и эволюции (вторая половина XVI – конец XIX в.): Дис. …докт. наук; Исторические науки. – Армавир, 2005.
83. Головлев А.А. Горные ландшафты Чеченской Республики и особенности их освоения: Дис. …доктора наук; Географические науки. – М., 2005.
84. Гоникишвили М.Г. Поземельно – крестьянская реформа в Терской области: Автореф. дис. …докт. наук; Исторические науки. – Тбилиси,1984.
85. Губаханова Р.А. Предпринимательство в Дагестане (1860 – 1917): к проблеме становления и развития капиталистических отношений: Дис. …докт. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2006.

86. Гудушаури Г.А. Грузино-Северокавказские культурные взаимоотношения в XIX – нач. XX в.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Тбилиси,1985.
87.Гучева А.В. Национальная гармоника в традиционной музыкальной культуре адыгов второй половины XIX – конца XX вв.: Дис. …канд. ист. наук. – Нальчик, 2004.
88. Давитлидзе Г.Г. Общеобразовательная школа Кубани в системе народного просвещения Российской империи: XIX – начало XX в.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Краснодар, 2007.
89. Дадаев Ю.У. Государство Шамиля: социально – экономическое положение, политико – правовая и военно – административная система управления: Дис. …докт. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2006.
90. Дамбаева О.П. Область в системе государственного устройства и управления Российской империи (XVIII – начало XX вв.): Дис. …канд. наук; Юридические науки. – Екатеринбург, 2006.
91.Даниелян Г.Г. Генерал граф Лорис – Меликов. Его жизнь, военная и государственная деятельность: Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – М.,1997.
92. Данилин С.А. Образ России и её политики в Англо-американской публицистике конца XIX – начала XX вв.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – М., 2006.
93. Даргичева С.В. Деятельность депутатов Госуд. Думы от Северного Кавказа в разрешении национального вопроса (1906-1917 гг.): Автореф. …канд. наук; Исторические науки. – Владикавказ, 2006.
94. Дармилова Э.Н. Кавказская война и народы Северного Кавказа: прошлое и современность: (Вторая половина XIX – XX вв.): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Черкесск, 2003.
95. Денискин В.И. Сельское хозяйство терских казаков в пореформенный период.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Грозный,1974.
96. Джабатырова Б.К. Ставропольская классическая гимназия как центр просвещения горских народов (XIX – начало XX вв.): Дис. …канд. наук; Педагогические науки. – Майкоп, 2006.
97. Джамирзаев С.М. Проблемы древней этнической истории Грузии и Кавказа (к древней истории нахских племен III – I тысячелетия до нашей эры): Дис. …докт. наук; Исторические науки. – Тбилиси,1998.

98.Джафаров К.И. История техники и технологии нефтяного дела на Северном Кавказе: Дис. …докт. наук; Технические науки. – М.,1999.
99. Дзамихов К.Ф. Адыги в политике России на Кавказе (1550-е начало 1770-х гг.): Автореф. дис. …канд наук; Исторические науки. – Нальчик, 2001.
100. Дзидзоева М.Г. Становление и развитие системы социальной защиты населения на Северном Кавказе во втор. пол. XIX – нач. XX в.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Владикавказ, 2004.
101. Дикаев С.У. Терроризм: феномен, обусловленность и меры противодействия (уголовно-правовое и криминологическое исследование): Дис. …докт. наук; Юридические науки. – СПб., 2004.
102. Дохова В.В. Экологическая культура народов Терской области в 60-х гг. XIX – нач. XX вв: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Нальчик, 2001.
103. Дробышева Н.В. Социокультурный статус декоративно-прикладного искусства в культуре народов Северного Кавказа: Дис. … канд. наук; Философские науки. – Р н/Д., 2004.
104. Дунаев К.Ю. Правовое регулирование административной ссылки в Российской империи (XIX в.): историко-правовое исследование: Дис. …канд. наук; Юридические науки. – СПб., 2006.
105. Дунюшкин И.Е. Терское казачество в межнациональных отношениях на Северном Кавказе (1905-1917): Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – Екатеринбург,1996.
106. Дунюшкин И.Е. Терское казачество в межнациональных отношениях на Северном Кавказе (1905-1917): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Екатеринбург, 1996.
107. Елютин О.Н. Вопросы железнодорожного строительства в общественном мнении России, 1830-е – 1880-е гг.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – М., 2000.
108. Епанешников Н.В. Политический проект Лорис – Меликова: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Б.м.,1948.
109. Ермоленко Л.П. Развитие археологических исследований памятников эпохи раннего средневековья на Северном Кавказе (20-е гг. XX – начало XXI в.): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Ставрополь, 2007.
110. Есаулов Г.В. Архитектурно-градостроительное наследие Юга России: Его формирование и культурный потенциал. Т.1.: Дис. …докт. наук; Архитектурные науки. – М.,2004.

111. Журавлев В.В. Железные дороги Северного Кавказа в период капитализма: Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – М.,1964.
112. Закриев Б.Б. Чечня в политики России в последней трети XVIII – начале XIX вв.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Грозный, 2005.
113. Заседателева Л.Б. Восточные славяне на Северном Кавказе в сер. XVI – нач. XX в. (динамика этнокультурных процессов): Автореф. дис. …докт. наук; Исторические науки. – М.,1996.
114. Зимницкий А.В. Формирование и распространение динамики приледниковых озер Западного и Центрального Кавказа (в границах России): Дис. …канд. наук; Географические науки. – Краснодар, 2005.
115. Зозуля И.В. История развития судебной системы на Северном Кавказе во втор. пол. XIX – нач. XX в.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Ставрополь,1999.
116. Зольникова Ю.Ф. История исследования и освоения рекрационных ресурсов Северного Кавказа (XVIII – начало XX в.): Дис. …канд. наук; Географические науки. – Ставрополь, 2003.
117. Зубов Е.А. Франц Алексеевич Рубо – художник и педагог: Дис. …канд. наук; Искусствоведческие науки. – СПб., 2007.
118. Иванов Д.В. Формирование военной цензуры России. 1810-1905: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – М., 2000.
119. Иванов И.Н. Чрезвычайное законодательство: история и современность (Теоретический и историко-правовой аспекты): Дис. …канд. наук; Юридические науки. – СПб., 2002.
120. Индербиев М.Т. Здравоохранение и медицинская помощь в Чечено-Ингушской АССР: Дис. …канд. наук; Медицинские науки. – Алма-Ата,1970.
121. Исаев С.-А. А. Аграрное движение в Чечне в 60-70-х гг. XIX в.: Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – М.,1975.
122. Исаев С.-А. А. Присоединение Чечни к России (Аграрная политика царизма и народные движения в крае в XIX в.): Дис. …докт. наук; Исторические науки. – М.,1998.
123.Исамутдинов Д. Географическая среда и этносы Северного Кавказа (Страницы истории и геополитические перспективы): Дис. …канд. наук; Географические науки. – Махачкала,1997.
124. Исмаилова А.И. Восстание горцев Чечни и Дагестана в 1877 – 1878 гг.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Грозный, 2007.

125. Исмаилова М.Ш. Семейный быт чеченцев в прошлом (По данным этнографии): Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – Тбилиси,1971.
126. Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.): Автореф. дис. …докт. наук; Исторические науки. – М., 2003.
127. Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.): Дис. …докт. наук; Исторические науки. – М., 2003.
128. Кабалоева И.М. Отражение вопросов просвещения, воспитания и образования горцев в периодической печати Северного Кавказа в XIX – нач. XX вв.: Дис. …канд. наук; Педагогические науки. – Владикавказ, 2006.
129. Кагазежев Б.С. Традиционная музыкальная культура народов Северного Кавказа: (Народные музыкальные инструменты и проблемы этнокультурных контактов): Дис. …докт. наук; Исторические науки. – Майкоп, 2001.
130. Казиева А.М. Художественные традиции в северокавказской поэзии XIX – XX веков: Этнокультурные факторы и контекст: Дис. …докт. наук; Филологические науки. – Нальчик, 2004.
131. Казначеев А.А. Государственная политика в сфере присуждения ученых степеней в России (1802-1994): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Пятигорск, 2004.
132. Казначеев А.В. История ислама на Северном Кавказе: (Начало XIX – XX вв.): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Пятигорск, 2002.
133. Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.): Дис. …докт. наук; Исторические науки. – Пятигорск, 2005.
134. Калдани А.М. Башенная культура горцев Центрального Кавказа: Дис. …докт. наук; Исторические науки. – Тбилиси,1990.
135. Калинина Г.К. Роль железнодорожного строительства в модернизации Северо- Кавказского региона: вторая половина XIX – начало XX вв. (На примере Владикавказской железной дороги): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Рн/Д., 2004.
136. Карапкова О.Г. Разработка и реализация столыпинской аграрной реформы на Северном Кавказе (1906-1911 гг.): Дис. … канд. наук; Исторические науки. – М., 2007.

137. Карлеба В.А. Исторический опыт формирования и деятельности органов полиции в Кубанской области (1860-1917 гг.): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Краснодар, 2006.
138. Карпенкова Т.В. Политика самодержавия в отношении мусульманского населения России (вторая пол. XIX – февраль 1917 г.): Автореф. дис. … докт. наук; Исторические науки. – М.,2004.
139. Карпов Ю.Ю. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа XIX– нач. XX в.: Автореф. дис. …докт. наук; Исторические науки. – СПб.,1999.
140. Кепель О.В. Деятельность государственных и военных органов по укреплению дисциплины в Российской армии (1874-1914 гг.): Дис. … канд. наук; Исторические науки. – М., 2007.
141. Керимов М.М. Ислам в системе национальной культуры вайнахов: Дис. … канд. наук; Философские науки. – Грозный,1999.
142. Климатова В.В. Правовое воспитание северокавказских горцев в системе обычного права: Дис. …канд. наук; Педагогические науки. – Владикавказ, 2005.
143. Клычников О.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.): Дис. …докт. наук; Исторические науки. – Пятигорск, 2004.
144. Клычникова М.В. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777-1864 гг.): Дис. … канд. наук; Исторические науки. – Пятигорск, 2005.
145. Книевский С.А. Самоуправление Терского казачества в XVI в. – 1917 г.: исторические корни и эволюция: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Ставрополь, 2005.
146. Кобычев В.П. Поселения и жилища на Северном Кавказе (XIX – XX в.): Дис. …докт. наук; Исторические науки. – М.,1984.
147. Колосов Л.Н. Возникновение Грозненской нефтяной промышленности (1893–1903 гг.): Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – М.,1953.
148. Колосов Ю.Б. Восстание на Северо – Восточном Кавказе в 1877 г. и его характеристика: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Б.м.,1954.
149. Коляда И.В. Эрозия почв на вырубках и расчищенных лесных площадях особо охраняемых природных территорий Северо – Западного Кавказа: Дис. … канд. наук; Сельскохозяйственные науки. – Новочеркасск, 2003.

150. Кондратенко Д.П. Проблемы национальных отношений в программных документах либеральных партий России (кон.XIX – февраль 1917 г.): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – М.,1998.
151. Кондрашева А.С. Кавказское Наместничество и его деятельность на Северном Кавказе, вторая половина 40-х гг. XIX в. – начало XX в.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Ставрополь, 2003.
152. Кононова Л.П. Ссылка участников польского восстания 1863-1864 годов (По материалам Архангельской губернии): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Архангельск, 2004.
153. Корепанова С.А. Выставочная деятельность в России в XIX веке (Промышленные и научно-промышленные выставки): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Екатеринбург, 2005.
154. Костоева Л.С. Идеологические течения в общественно-политической мысли Чечнии Ингушетии во II половине XIX века: Автореф. дис. …канд. наук; Философские науки. – Р н/Д.,1971.
155. Кравчук В.Р. Проблема свободы вероисповеданий в русской армии во второй половине XIX – начале XX веков (исторический аспект): Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – СПб., 2005.
156. Крайнюченко П.В. Рыбные промыслы на Юге России во втор. пол. XIX – начале XX века: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Р н/Д.,1998.
157. Крикунов В.П. Социально-экономическое развитие и революционное движение на Дону и Северном Кавказе в 60-х – 90-х годах XIX века.: Автореф. дис. …докт. наук; Исторические науки. – М.,1973.
158. Крылова Е.Н. Петр Дмитриевич Святополк – Мирский и деятельность Министерства внутренних дел: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – СПб., 2006.
159. Кудаева С.Г. Адыги (черкесы) Северо – Западного Кавказа: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества (XIX в.): Автореф. дис. …докт. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2006.
160. Кудаева С.Г. Адыги (черкесы) Северо – Западного Кавказа: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества (XIX в.): Дис. …докт. наук; Исторические науки. – Майкоп,2006.
161. Кузнецов Н.Д. Третья Государственная дума и национальная политика царизма на Кавказе: Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – М.,1951.

162. Кузьменко О.В. Особенности осуществления судебной реформы 1864 года на Юге России и её историко-правовой опыт: Дис. …канд. наук; Юридические науки. – Рн/Д., 2005.
163. Кузьминов П.А. Отечественная историография крестьянской реформы на Северном Кавказе: Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – М.,1988.
164. Кулова И.Р. Идеи и опыт физического воспитания в народной педагогике Северного Кавказа: Дис. …канд. наук; Педагогические науки. – Владикавказ, 2004.
165. Кумпан В.А. Национальная политика самодержавия на Северо – Западном Кавказе в пореформенный период (1864-1917 гг.): Дис. …канд.наук; Исторические науки. – Краснодар, 2000.
166. Курас С.Л. Источники по истории ссылки евреев в Сибирь во второй половине XIX – февраль 1917 г. (на примере Иркутской губернии): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Улан-Удэ, 2006.
167. Курбанов Ш.К. Народно-освободительное движение в 20-50-е годы XIX века на Северо – Восточном Кавказе и накшбандийский тарикат: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2004.
168. Лаврентьев М.В. Пенитенциарная система России (кон. XIX – нач. XX вв.) и Шлиссельбургская политическая тюрьма: Дис. …канд. наук; Юридические науки. – Саратов, 2002.
169. Лактионов А.А. Идея альтернативного общества в философии культуры (на примере О. Шпенгера и евразийства): Дис. … канд. наук; Философские науки. – Р н/Д., 2006.
170. Лебедев Г.Ю. Индустриально – аграрное развитие Северного Кавказа в процессе модернизации российской экономики в 90-е годы XIX в. – XX в. (на материалах Ставрополья и Кубани): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Пятигорск, 2005.
171. Лебедева Е.П. Культурная целостность народов Северного Кавказа: Дис. …канд. наук; Философские науки. – Волгоград, 2006.
172. Левитский В.Ю. Кавказ в творческом наследии М.М. Ковалевского: историко – правовые взгляды: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Владикаваз, 2007.
173. Лившин А.Я. Общественные настроения в Советской России 1917-1929 гг.: Дис. …докт. наук; Исторические науки. – М., 2004.

174. Липский Н.А. Влияние христианства на развитие уголовной политики и судопроизводства в России (Историко-правовой анализ): Дис. …канд. наук; Юридические науки. – СПб., 2003.
175. Литвинов В.П. Мусульманское паломничество в царской России: историко – антропологический аспект (на примере Туркестана 1865 – 1917 гг.): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – М., 2007.
176. Локтев А.Е. Становление и развитие военно-госпитального дела в России (XVII – начало XX вв.): Дис. …канд. наук; Медицинские науки. – Чебаркуль, 2001.
177. Лопухова А.В. Националисты в Государственной Думе Российской империи: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Самара, 2005.
178. Люднева С.А. История финансового капитала в экономическом развитии Северного Кавказа (1861-1914 гг.): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Пятигорск, 2005.
179. Магомедов М.Б. Кавказская война 20 – 50-х годов XIX века: историко-правовые аспекты: Дис. …докт. наук; Исторические науки. – Махачкала,2004.
180. Мадаева З.А. Календарные праздники, обычаи и обряды вайнахов кон.XIX – нач. XX в.: Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – М.,1981.
181. Макаров Г.А. История развития полиции и жандармерии на Северном Кавказе во второй половине XIX-начале XX вв.: На материалах Ставрополья и Кубани: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Пятигорск, 2005.
182. Макоева Л.С. Роль культурно-просветительских и благотворительных обществ в становлении и развитии образования на Северном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX веков): Дис. …канд. наук; Педагогические науки. – Владикавказ, 2006.
183. Мальбахов Б.Х. Декоративно– прикладное искусство адыгов: Дис. …доктора искусствоведения. – Нальчик, 2004.
184. Манкиева Х.М. Генезис правовой культуры народов Северного Кавказа: Дис. канд. наук; Философские науки. – Р н/Д., 2006.
185. Мамбетов Г.М. Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии (втор. пол XIX – 60-е годы XX века): Дис. …докт. наук; Исторические науки. Кн.1. – Б.м.,1971.

186. Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Р н/Д., 2005.
187. Ингушский песенный эпос илли: Дис. …канд. наук; Филологические науки. – Магас, 2004.
188. Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – М., 2004.
189. Месхидзе Д.И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917-1920 годы): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – СПб., 2006.
190. Мисроков З.Х. Адатское и мусульманское право народов Северного Кавказа в российских правовых системах (XIX – XX вв.): Дис. …докт. наук; Юридические науки. – М., 2003.
191. Моников С.Н. История географических исследований Волго – Донского поречья во второй половине XVIII – начале XX вв.: Дис. …канд. наук; Географические науки. – М., 2007.
192. Моренов И.С. Национальные интересы России на Северном Кавказе: Исторический опыт и современная практика обеспечения: Политологический анализ: Дис. …канд. наук; Политологические науки. – М., 2003.
193. Мужухоева Э.Д. Административная политика царизма в Чечено-Ингушетии во второй половине XIX – начале XX века: Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – М.,1989.
194. Муратова Е.Г. Балкарские общества в контексте российской политики на Северном Кавказе (XVII – начало XX века): Дис. …докт. наук; Исторические науки. – Нальчик, 2006.
195. Мусаев М.А. Дагестанское духовенство 60-70-х годов XIX века и восстание 1877 года: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2003.
196. Мусаев М.М. История переселения и социально – экономической адаптации немцев в Дагестане 1864 – 1941 гг.: Дис. … канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2007.
197. Мусаева Х.М. Проблема борьбы с преступностью на Северном Кавказе (региональный аспект): Дис. …канд. наук; Юридические науки. – Краснодар, 2004.

198. Муслимова А.С. Народное образование в Дагестане во второй половине XIX – начале XX веков: Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2002.
199. Мустафин Р.М. Русская литература на кавказскую тему в критике В.Г. Белинского: Дис. …канд. наук; Филологические науки. – Баку,1991.
200. Муталиев Т.Х. Участие чеченцев и ингушей в русско-турецкой войне 1877-78 гг.: Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – Махачкала,1979.
201. Муталиев Т.Х. Участие чеченцев и ингушей в русско-турецкой войне 1877-78 гг.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Махачкала,1979.
202. Муталлапов Н.Г. Становление и развитие системы нефтеснабжения в России: Дис. …канд. наук; Технические науки. – Уфа, 2007.
203. Мутиева О.С. Роль женщины-казачки в жизни населения Нижнего Терека в XIX – начале XX вв.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2004.
204. Муханов В.М. Генерал-фельдмаршал А.И. Барятинский (Жизненный путь, военно административная и общественная деятельность): Дис.…канд. наук; Исторические науки. – М., 2004.
205. Назаров В.О. Становление и развитие футбола на Ставрополье в конце XIX – начале XXI вв. (пути, опыт, проблемы): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Ставрополь, 2007.
206. Наков Ф.Р. Черкесское (адыгское) клинковое оружие: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Нальчик, 2004.
207. Невская Т.А. Проведение Столыпинской аграрной реформы на Северном Кавказе. (1906-1917): Дис. …докт. наук; Исторические науки. – СПб.,1998.
208. Недорубов А.Н. Железные дороги юга России в начале XX века. Государство и частный капитал: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – М., 2003.
209. Нечитайлов М.В. Военно-бытовая повседневность солдат и офицеров Кавказского корпуса (1817-1864 гг.): материальный аспект: Дис…канд. наук; Исторические науки. – Ставрополь, 2005.
210. Николаев Э.А. Культурно – исторические трансформации православия и ислама в общественном дискурсе России (XIX – XXI вв): Дис. …докт. наук; Исторические науки. – Улан – Удэ, 2006.

211. Новиков Д.В. Этнорелигиозный экстремизм на Северном Кавказе: методы противодействия: Политико-правовой аспект. Дис. …канд. наук; Юридические науки. – Р н/Д., 2002.
212. Новиков Е.В. Исторические аспекты деятельности государственных учреждений России на Северном Кавказе в 1864-1917 гг.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Воронеж, 2006.
213. Нурисламов Р.С. Развитие технических средств транспортировки нефти и нефтепродуктов в России и СССР: Дис. …канд. наук; Технические науки. – Уфа, 2006.
214.Олсункаев Х.А. Становление и развити парафинового производства на Грозненских НПЗ: Дис. …канд. наук; Технические науки. – Уфа, 2006.
215. Омаров А.И. Политика России на Северо – Восточном Кавказе в XIX – начале XX века: Дис. …докт. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2004.
216.Ортабаев Б.Х. Социально-экономические отношения у горских народов Терека в кон.XIX – нач. XX вв. (1890-1917): Дис. …докт. наук; Исторические науки. – Орджоникидзе,1985.
217. Павлюк О.М. Автобиографическая литература о Кавказе втор. пол. XX века: Дис. …канд. наук; Филологические науки. – Армавир, 2006.
218.Парова Л.М. Деятельность правительственных учреждений Кавказского края во втор. пол. XIX – нач. XX в.: Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки.– М.,1985.
219. Парова Л.М. Деятельность правительственных учреждений Кавказского края во втор. пол. XIX – нач. XX вв: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – М.,1985.
220. Пасько Е.А. Колонизационная политика России: Вторая половина XVIII – первая четверть XIX вв.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Р н/Д., 2003.
221. Патеев Р.Ф. Политические аспекты мусульманского образования в России: история и современность: Дис. …канд. наук; Политические науки. – Р н/Д., 2006.
222. Плиев Р.С. Нахско-этрусские лирические встречи: Дис. канд. наук; Филологические науки. – Нальчик, 2000.
223. Пляскин В.П. Государственная национальная политика России на Кавказе (1864-1917 гг.): военно-исторический аспект: Дис. …докт. наук; Исторические науки. – М., 2003.

224. Псянчин А.В. История этнической картографии в России (До 30-х гг. XX в.): Дис. …докт. наук; Географические науки. – М., 2004.
225 Пустарнакова И.А. Развитие производительных сил на Северо – Западном Кавказе в условиях рыночной модернизации страны: Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – Пятигорск, 2001.
226. Пушкаренко А.А. Природоохранная деятельность в Области Войска Донского во второй половине XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – Р н/Д., 2000.
227. Радьков О.С. Правовой нигилизм в России: Конец XXI вв.: Дис. …канд. наук; Юридические науки. – Р н/Д., 2005.
228. Раздольский С.А. Миссионерская деятельность православной церкви на Северном Кавказе в XIX – нач. XX в.: Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – Краснодар,1997.
229. Ракачев Д.Н. Местное и пришлое население на Северо – Западном Кавказе в XIX веке: процессы социального взаимодействия: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Краснодар, 2006.
230. Ракачев Д.Н. Местное и пришлое население на Северо – Западном Кавказе в XIX веке: процессы социального взаимодействия: Автореф. …канд. наук; Исторические науки. – Краснодар, 2006.
231. Раскин Д.И. Система институтов Российской имперской государственности кон. XVIII – нач. XX вв: Автореф. дис. …докт. наук; Исторические науки. – СПб., 2006.
232. Раскин Д.И. Система институтов Российской имперской государственности кон. XVIII – нач. XX вв.: Дис. …докт. наук; Исторические науки. – СПб., 2006.
233. Ратушняк В.Н. Развитие капитализма в сельском производстве Северного Кавказа в кон.XIX – нач. XX в.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Краснодар,1988.
234. Романенко С.М. Кавказский миф в русском романтизме и его эволюция в творчестве Я.П. Полонского: Дис. …канд. наук; Филологические науки. - Томск, 2006.
235. Рябиков А.Н. Военно – дипломатический аспект деятельности России на Кавказе в контексте международных отношений в первой трети XIX в.: Дис. …канд. наук; Исторические науки – Армавир, 2007.
236. Сабирова А.И. Новейшая российская историческая периодика (1991-2005) как источник по изучению истории националь-

ных отношений в Российской империи и СССР: Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – Казань, 2006.

237. Савельев А.Е. Северо – Западный Кавказ в российском общественном сознании (конец XVIII – XIX вв.): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Краснодар, 2005.

238. Савинецкий А.Б. История пастбищный экосистем центральной части Северного Кавказа за последние тысячелетия: Дис. …канд. наук; Биологические науки. – М.,1990.

239. Садов Ю.В. Военная и государственная деятельность генерала А.П. Ермолова: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – СПб., 2006.

240.Садыхов А.Ч. Формы управления у народов Северо – Восточного Кавказа в первой половине XIX века: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – СПб., 2003.

241.Садыхов Э.М. Кавказская тематика в журнале «Современник»,1847-1862: Дис. …канд. наук; Филологические науки. – Баку,1989.

242.Саидов И.М. Общественный быт вайнахов XIX – нач. XX в. (Историко-этнографическое исследование): Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – Тбилиси,1972.

243.Саидов И.М. Общественный быт вайнахов XIX и начала XX вв.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Махачкала,1970.

244.Салаходинова Г.В. Распространение ислама и его влияние на жизнь горского населения Северо-Западного Кавказа в XIX – начале XX вв. Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Армавир, 2008.

245.Салчинкина А.Р. Кавказская война 1817-1864 гг. и психология комбатанства: Дис. канд. наук; Исторические науки. – Краснодар, 2005.

246.Сайдумов Д.Х. Обычное право чеченцев: Дис. … канд. наук; Юридические науки. – Махачкала, 2006.

247.Самойлова С.В. Граф М.С. Воронцов в общественно-политической жизни России в первой четверти XIX века: Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – М.,1995.

248.Сатушиева Л.Х. Механизм реализации адата на Северо – Западном и Центральном Кавказе: историко-правовой анализ (XV - начале XX в.): Дис. …канд. наук; Юридические науки. – Н. Новгород, 2003.

249.Свечникова Л.Г. Обычай в праве народов Северного Кавказа в XIX в.: Дис. …докт. наук; Юридические науки. – М., 2004.

250.Селиванова Н.А. Издательская деятельность северокавказских губернских и областных статистических комитетов (1868-1917 гг.): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Краснодар, 2003.

251.Серых Д.В. Всероссийские археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX вв.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Ижевск, 2006.

252.Силаев Н.Ю. Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX в.: демографические, экономические, административно-правовые аспекты интеграции: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – М., 2003.

253.Смирнов С.А. Правовое регулирование иностранного предпринимательства в России во второй половине XIX – начале XX веков: Дис. …канд. наук; Юридические науки. – Волгоград, 2002.

254.Солдатов С.В. Кавказская война 1817-1864 годов в оценке современников: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Челябинск, 2004.

255.Солтамурадов М.Д. Суфизм в культуре народов Северо – Восточного Кавказа (идейно – философская эволюция): Дис. …канд. наук; Философские науки. – Грозный, 2007.

256.Сулименко С.Д. Архитектура в традиционной культуре горских народов Северного Кавказа: Автореф. дис. …докт. наук; Архитектурные науки. – М., 2000.

257.Суркова И.С. Право природопользования Терского казачьего войска (Историко-правовой анализ): Дис. …канд. наук; Юридические науки. – Ставрополь, 2002.

258.Тавакалян Н.А. Присоединение Чечено-Ингушетии к России и его последствия: Дис. …докт. наук; Исторические науки. – Грозный,1971.

259.Тайсаев К.У. Этнография традиционного спорта у народов Северного Кавказа: Дис. …докт. наук; Исторические науки. – М.,1997.

260.Тебиева Л.Т. Хозяйственно-экономические воззрения северокавказских просветителей (конец XVIII – 70-е гг. XIX вв.): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Владикавказ, 2005.

261.Терехин А.А. Ссылка в Пермской губернии в XIX веке: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Пермь, 2003.

262.Тестов В.Н. Политика российского правительства в области железнодорожного транспорта в 80-90-е годы XIX века: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Воронеж, 2004.

263.Тимошевская А.Д. Особенности организации полиции в национальных регионах Российского государства, XIX в.– начало XX в.: Дис. …канд. наук; Юридические науки. – М.,1998.

264.Ткаченко Д.С. Национальное образование в Российской империи XIX – начале XX в. (на материалах Северо – Кавказского региона): Дис. …докт. наук; Исторические науки. – Ставрополь, 2006.

265.Топчиева В.И. Эволюция школьного исторического образования в России (Конец XVIII – XX в.): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Краснодар, 2004.

266.Тройно Ф.П. Поземельные отношения у горских народов Северного Кавказа (с начала пореформенного периода до 1917 г.): Автореф. дис. …докт. наук; Исторические науки. – М.,1984.

267.Туаева Б.В. Общественно-культурные организации в городах Северного Кавказа (вторая половина XIX – начало XX вв.): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Владикавказ, 2004.

268.Тхайцухов М.С. Абазины на Северном Кавказе и в Турции (XVIII – XX вв.): Дис. …докт. наук; Исторические науки. – М., 2005.

269.Тюркер Т. Процесс модернизации в Османской империи и России и его отражение в имперской и националистической идеологии (XIX – начало XX в.): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – М., 2007.

270.Убушаева О.М. Кавказские источники в раннем творчестве Л.Н. Толстого. Дис. …канд. наук; Философские науки. – М., 2008.

271.Усманова Д.М. Мусульманские депутаты в Государственной Думе Российской империи. 1906-1917 г.: Автореф. дис. …докт. наук; Исторические науки. – Казань, 2004.

272.Хагба Б.А. Этнополитическая стратегия России на Кавказе: (Историко- политологический анализ): Дис. …канд. наук; Философские науки. – М.,1996.

273.Хасбулатова З.И. Большая семья и патрономия у чеченцев в кон. XIX – нач. XX в.: Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – М.,1979.

274.Хасиев С.-М.А. Земледелие чеченцев и ингушей в XIX – перв. четв. XX вв: (К проблеме истории земледелия народов Северного Кавказа): Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – М.,1973.

275.Хатагова Е.Р. Экологическая направленность народной педагогике Северного Кавказа и ее использование в воспитании младших школь-

ников: (На примере Республики Северная Осетия – Алания): Дис. …канд. наук; Педагогические науки. – Владикавказ, 2004.

276.Хевсаков В.В. Генезис религиозных воззрений ингушей: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Владикавказ, 2004.

277.Хоруев Ю.В. История печати на Тереке (1863-1907): Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – Махачкала,1966.

278.Хубулова С.А. Крестьянство Северного Кавказа в конце XIX –первой четверти XX в.: этнодемографические и социально-экономические аспекты развития: Автореф. дис. … докт. наук; Исторические науки. – Владикавказ, 2003.

279.Хуранов Ш.И. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Северного Кавказа в пореформенный период (На материале скотоводства): Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – М.,1983.

280.Царуева А.С. Основные направления эволюции промышленного производства России в XIX в.: Дис. …канд. наук; Экономические науки. – Владикавказ, 2005.

281.Цифанова И.В. Польские переселенцы на Северном Кавказе в XIX веке: особенности процесса адаптации: Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – Ставрополь, 2005.

282.Черахчиева А.А. Становление и развитие системы образования в Северо– Кавказском регионе: XIX – начале XX вв.: Дис. …канд. наук; Педагогические науки. – Карачаевск, 2005.

283.Четверикова Е.В. Просветительные общества на юге России в конце XIX – начале XX в. (на материалах Ставрополья, Дона и Кубани): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Ставрополь, 2005.

284.Чжун Се Чжин. Кавказская война и Исламский фактор на Северном Кавказе: (Первая половина XIX века): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – М., 2005.

285.Чикаева К.С. Дворянство Северного Кавказа в пореформенную эпоху: Этнодемографическая и социально-экономическая эволюция (1861-1917 гг.): Дис. …докт. наук; Исторические науки. – Славянск – на – Кубани, 2006.

286. Чиковани Н.И. Развитие русского кавказоведения в XIX веке (С.А. Белокуров): Автореф. дис. …канд. наук; Исторические науки. – Тбилиси,1986.

287. Чшиева М.Ч. Иностранный капитал в нефтяной промышленности Кавказа в конце XIX – начале XX вв.: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Владикавказ, 2005.

288. Шавлаева Т.М. Из истории развития шерстяного промысла чеченцев в XIX – нач. XX вв.: историко – этнографическое исследование: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Грозный, 2006.
289. Шахшаева А.Г. Исламский фактор в политике арабских государств и России: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – М., 2005.
290. Шигабудинов Д.М. Россия и Северо – Восточный Кавказ в 20-50 гг. XIX века (Проблемы и опыт взаимоотношений в период народно-освободительного движения горцев против царизма): Дис. …докт. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2004.
291. Шингарева Н.В. Роль МВД Российской империи в разработке и реализации законодательства о веротерпимости и свободе совести во второй половине XIX – феврале 1917 г. (Историко-правовое исследование): Дис. …канд. наук; Юридические науки. – М., 2006.
292. Шпак А.Н. Создание и совершенствование защиты и охраны государственной границы в Российской империи (1721-1893 гг.): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – М., 2006.
293. Щадрин М.А. Эволюция политико-территориального устройства России в процессе формирования и развития российской государственности (Историко-правовой и теоретико-правовой аспекты): Дис. …канд. наук; Юридические науки. – СПб., 2004.
294. Юрьев С.С. Правовой статус национальных меньшинств (Институциональный и историко-сравнительный анализ): Дис. …докт. наук; Юридические науки. – М., 2000.
295. Яковлев С.Ю. Создание и развитие железнодорожного транспорта на Северном Кавказе (кон.XIX – нач.XX в.): Дис. …канд. наук; Исторические науки. – Армавир,1999.
296. Якубова И.И. Политика России на Северном Кавказе в системе международных отношений в XVIII – первой половине XIX века: Дис. …докт. наук; Исторические науки. – Нальчик, 2004.
297. Янбердин И.Т. Развитие провиантской службы русской армии во второй половине XIX века: Дис. …канд. наук; Исторические науки. – М., 2006.
298. Ярычев Н.У. Межпоколенческие отношения и конфликты в традиционной культуре чеченцев: Дис. …канд. наук; Философские науки. – Грозный, 2007.
299. Яхиев С.-У.Г. Суфизм на Северном Кавказе: история и современность: Дис. …канд. наук; Философские науки. – М.,1996.

Литература на иностранных языках

1. Барзадж Н.Тахджиру аш Щаракиса («Эмиграция черкесов»). – Amman, 1987 (на арабском языке).
2. Хавжока Ш. Абитталь ва абаттыр фи тарихи аш Щаракиса («Герои и императоры в истории черкесов»). – Бейрут,1972 (на арабском языке).
3. Abdurahman Avtorhanonov. The Chechens and the Inguch during the Soviet Period and its Antecedents. – London, 1992.
4. Abercromby J. A trip through the eastern Caucasus with a chapter of the languaqes of the country. With mars and illustrations. – London, 1889.
5. Allen W. Caucasian battlefield. – Cambridge, 1953.
6. Acar K. An examination of Russian imperialism Russian military and intellectual descriptions of the Caucasians during the Russo – Turkish war of 1877-1878 // Nationalities papers. – N.Y., Vol.32. – №1.
7. Atkin M. Russia and Iran 1780-1828. – Minneapolis, 1980.
8. Baberowski J. Law, the judicial system and the legal profession // The Cambridge history of Russia. Volume II. Jmperial Russia, 1689-1917. – Cambridge, 2006.
9. Badde G. Vier vortrage uber den Kaukasus gehalten im Winter 1873/74 in den grosseren stadten deutschlands von Dr. G. Radde. – Gotha, 1874.
10. Baddley I.F. The Russian Conquest of the Caucasus. – L., 1908.
11. Bell Y. Syria. The Desert. The Sown. – London, 1919.
12. Bobrovnikov W. Jslam in the Russian Empire // The Cambridge history of Russia. Volume II. Jmperial Russia, 1689-1917. – Cambridge, 2006.
13. Bodestedt F. Die Volker des Kaukasus und ihre Freiheitskampfe gegen die Russen. – Munster, 1995.
14. Bruce I. Transcaucasia and Mount Ararat. – London, 1877.
15. Culture in Flux: Lower – class values, practices and Resistance in Late Jmperial Russia / Ed. By Stepken Frank and Mark Steinberg. Princeton, 1994.
16. Charachidze G. La memoire indo-europeenne du Caucase. – Paris, 1987.
17. Conflict, cleavage in Centrae Asia and the Caucasus. – Cambridge, 1997.
18. Crews R. Empire and the Confessional State Jslam and Religious Politics in Mineteenth Russia // American Historical. Review, 2003.

19. Cunninqham A. Travels in the Eastern Caucasus, on the Caspian and Black seds, especially in Daghestan, and the frontiers of Persia and Turkey during the summer of 1871. – London, 1872.
20. Dalhoff-Nielsen P. Krudttonden Kaukasus: Konflikter I tidligere sovjetrep. – K., 1992.
21. De Proux. Les Tcherkesses // La Franse Mediterraneene ET Africaine. – Paris, 1938.
22. Die politische und militarische Bedeutung des Kaukasus von Otto Wachs. – Berlin, 1889.
23. Dumas A. Chamil et la resistance tchechene contre les Russes. – Paris, 2001.
24. Eaux minerales du Caucase. – P., 1864.
25. Extending the borders of Russian history. – New York, 2003.
26. Gaspard Armand. Caucase. – Lausanne, 1969.
27. Gammer Moshe. The Lone Wolf and the Bear. Three Centuries of Chechen Defiance of Russian Rule. – University of Pittsburgh Press, 2006.
28. Gammer M. Muslim resistance to the tsar: Shamil and the conquest of Chechnia and Daghestan. – London, 2005.
29. Geraci R. Windowon the East: National and imperial identities in late tsarist Russia.-Ithaca, 2001.
30. Gumppenberg M.-C. Der Kaukasus: Geschichte, Kultur, Politik. – Munchen, 2008.
31. John Lane, A. Vagabond. Graham Sterhen in the Caucasus. – London, 1915.
32. Dr. phie Jschchanian B. Nationaler Bestand, berufsmosige Gruppierung und soziale Gliederung der kaukasischen Volker. – Berlin und Leipzig,1914.
33. Ombres du passé Souvenirs dun Officier du Caucase par Georges WL… off. – Paris.
34. Osmanismus, Nationalismus und der Kaukasus. – Wiesbaden, 2005.
35. Pahl M. Kaukasus. – Paderborn, 2008.
36. Paul B.Henze. Circassian Resistance to Russia //The North Caucasus barrier. The Russian Advance towards the Muslim World. – London, 1992.
37. Pe drumurile caucazului. – Bucuresti, 1990.
38. Reisen im Kaukasus: Ber. aus dem 19 Jh. – Leipzig, 1987.
39. Reineggs J. Allgemeine historisch – topographische Beschreibung des Kaukasus. – St. Petersburg, 1796.

40. Rieber A. The Politics of Autocracy. Letters of Alexander II to Prince A.J.Bariatiski 1857-1864. – Mouton, 1966.
41. Rieber Alfred J. Men of the Borderlands the American Historical Review 2001. Vol. 106. No 5.
42. Rand Mc Nally. Atlas of world histori. – Fourth Printing, 1975.
43. Rhinelander G.H. Russias Imperial Policy. Adminustration of the Caucasus in the Half of the XIX Th. Century. – Canadian Slavonic Papers, 1975.
44. Roskosehny H. Das asiatische Russland. – Leipzig.
45. Rohrbach P. Die russische Weltmacht im Mittelung Westasien. – Leipzig, 1904.
46. Ritter O. Der Kaukasus und seine bedeutung fur Rusland. – Leipzig, 1877.
47. Sakwa R. Jntroduction: Why Chechnya? From Past to Future. – London, 2005.
48. Seelj R. Russo Chechen conflict, 1800-2000: a deadly embrace. – Cass (London), 2001.
49. Seibt W. Die Christi – anisierung des Kaukasus. – Wien, 2002.
50. Seton – Watson H. The Russian empire, 1801-1917. Oxf. Clarendon, 1989.
51. Sidorko C. P. Dschihad im Kaukasus Antikolonialer Widerstand der Dagestand und Tschetschenen gegen das Zarenreich (18. Jahrhundert bis 1859). – Wiesbaden, 2007.
52. Studies in Caucasian linguistics selected papers of the Eighth. Caucasian colloquium. – Leiden, 1999.
53. Susan Layton. Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy. – Cambridge, 1994.
54. Shnirelman V. The polities of a name: Between consolidation and separation in the Northern Caucasus // Acta slavica iaponica. – Sapporo, 2006. – T.23.
55. Souvenirs dun officier du Caukase. – Paris, 1899.
56. Schoner Jorg, Kusnezow A. Im Kaukasus. – Brockhaus, 1981.
57. Schumacher Y. The Jaulan. – London, 1889.
58. Thomas M. Barrett. At the Edge of Empire the Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier, 1700-1860. – Westview Press, 1999.
59. The Caspian Region. Vol. 2. The Caucasus. – New York, 2004.
60. The Nations of to-day A New History of the World Edited by John Bughan.The Baltic and Caucasian states. – London, 1923.

61. The Nations of to-day. A New History of the World Edited by John Bughan. The Baltic and Caucasian states. – London, 1923.
62. The North Caucasus barrier: The Ruse, advance towards the Muslim world. – London, 1992.
63. Thual F. Le Caucase: Armenie, Azerbaidjan, Georgie, Tchetchenie. – Paris, 2001.
64. Hahn C. Neue kaukasisch Reise n und Studien. – Leipzig, 1911.
65. Hill Gillian. Cartographical curiosities. – London, 1978.
66. Hite J. Duscovering history: Tsarist Russia 1801-1917. – Ormskirk: Causeway, 1989.
67. Hommaire de Hell, Vavier. Les steppes de la mer. Caspienne, Le Caucase, la Crime ET la Crimee et la Russie Meridionnale. – Paris, 1845.
68. Horkirk P. The Great Game. On Secret service in High Asia. – Oxford, 1991.
69. Horschelt T. Sein Leben und seine Werke. Spanien, Algier, Kaukasus. – Munchen.
70. Hoffman P. Russland im Zetalter des Absolutismus. – Vaduz, 1988.
71. Ibragimova Z. The Russian – Chechen Relations as a Factor of Boundary Dialogue (19 th Century) // ICCEES Regional European Congress. Programme / Abstracts August 2-4, 2007. Berlin, 2007.
72. Jzzet Aydemir Yoc. – Ankara, 1988.
73. Jgnatieff M. The Russian album. – L.: Chatto, 1987.
74. Kalparana Sahni. C rucifying the Orient. Russian Orientalism and the Colonization of Caucasus and Central Asia. – Bangkok, Oslo, 1997.
75. Karpat K. The Religions and Ethnic Distribution of the Ottoman Population (1830-1914). / Madison / Wisconsin, 1985.
76. Keep John L.H. Soldiers of the Tsar. Army and Society in Russia.1462-1874. – Oxford, 2002.
77. Khairallah K.T. La Syrie. – Paris, 1912.
78. Krisenherd Kaukasus / Uwe Halbach / Andreas Kappeler (Hrsg.). – 1. Aufe. – Baden-Baden, 1995.
79. Kuleba M. Imperium Na kolonach. Woyna w Czeczenii 1994-1996. – Warszawa, 1998.
80. Layton S. Russian literature and empire: conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy. – Cambridge, 1994.
81. Le Caucase pittoresque dessine dapres nature par le prince Gregoire Gagarine. – Paris, 1847.
82. Le Hueroy A. Le conflit tchetchene après la mort d Aslan Maskhadov // Etudes. – P., 2005. – T.403 – № 3.

83. Lewis Norman. Nomads and settlers in Syria and Jordan (1800-1980). – Cambridge, 1987.
84. Fikret A. Osmanismus und der Kaukasus: Muslime und Christen. Turken und Armeier im 19. und 20. Jahrhundert. – Wiesbaden.2005.
85. Magarotto L. I Mito del Caucaso nella Litteratura russa: (Saggi su A. Puskin e L. Tolstoj). – P., 1992.
86. Malsagov A. Caucasian mountain folk. Old ways and new. – Moscow, 1984.
87. Merzbacher G. Aus den Hochregionen des Kaukasus. – Leipzig, 1901.
88. Miller Y.A. Kaukasiske Vaben Fra Eremitage museet, Skt. Peersborg. – Naestved, 2000.
89. Moon D. Peasants and agriculture // The Cambridge history of Russia. Volume II. Jmperial Russia, 1689-1917. – Cambridge, 2006.
90. Mostashari Firouzeh. On the religious frontier: tsarist Russia a. Islam in the Caucasus. – London; New York; Tauris, 2006.
91. Vagabond A. in the Caucasus London. John Lane the bodeey. – Head, 1915.
92. Villari Luigi. Fire and sword in the Caucasus. – London, 1906.
93. O. G. von Wesendonk. Aus der kaukasischen Welt. – Berlin, 1925.
94. Waldron P. The End of Jmperial Russia, 1855-1917. – Basingstoke, 1997.
95. Wierzejski T. Kobierce wschodnie. – Warszawa,1970
96. William C. Fuller jr. The imperial army // The Cambridge history of Russia. Volume II. Jmperial Russia, 1689-1917. – Cambridge, 2006.
97. Weeks T.R. Managing empire: tsarist nationalities policy // The Cambridge history of Russia. Volume II. Jmperial Russia, 1689-1917. – Cambridge, 2006.
98. Mostashari Firouzeh. On the religious frontier: tsarist Russia a. Jslam in the Caucasus. – London, New York, Tauris, 2006.
99. Zabel E. Wereschagin. – Leipzig, 1900.
100. Zeteichvili P. J. Ortodoxie et cecumenisme dans ehistoire religieuse de la Georgie // Символ. – Париж, 2005. – № 48.
101. Galtung L. E. A.S. Pusjkins forfedre I Tyskland, Skandinavia jg Baltikum // Соотечественник. – Берген, 2007. – № 5.
102. Radomir Vlcer. Rusko, Kavkaz a Cecensko v 19. Stoleti (Ke genezia vyvoyi konfliktu) // Slovansky prehled. – Praha, 2000. – № 3.

МУДРОСТЬ

Неуважение к предкам есть первый признак безнравственности.

А.С. Пушкин

Прошедшее нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, не сумело убрать своих последствий.

В.О. Ключевский

Прошлое сидит в нас, оно наша плоть и наш дух, без него нас нет, мы концентрат прошлого.

В.Ф. Тендряков

Подправлять прошлое в угоду кому или чему бы то ни было – дело не только безнадежное, но рискованное.

В.А. Чивилихин

Чтобы согреть Россию, они готовы сжечь ее.

В.О. Ключевский

Я предпочитаю бичевать свою родину, предпочитаю огорчать ее, предпочитаю унижать ее, только бы ее не обманывать.

П.Я. Чаадаев

Книга высвечивает ложь, которая не любит света и предпочитает скрываться в тени.

Ю.В. Бондарев

История... полыхает, как огромный костер, и каждый из нас бросает в него свой хворост.

Ю.В. Трифонов

Человечество понимало историю как ряд битв, потому что до сих пор борьбу оно считало главным в жизни.

А.П. Чехов

У России нет прошедшего; она вся в настоящем и будущем.

М.Ю. Лермонтов

Если мы знаем, что история человеческого общества – это история войн, то, в конечном счете, история народов – это борьба за правду.

Ч. Айтматов

Люди не ангелы, сотканные из одного света, но и не скоты, которых следует гнать в стойло.

В.Г. Короленко

Не знать истории – значит всегда быть ребенком.

Цицерон

Талант историка состоит в том, чтобы создать верное целое из частей, которые верны лишь наполовину.

Э. Ренан

Дружина ученых и писателей, какого бы рода они ни были, всегда впереди во всех набегах просвещения, на всех приступах образованности. Не должно им малодушно негодовать на то, что вечно им определено выносить первые выстрелы и все невзгоды, все опасности.

А.С. Пушкин

Все короли большей частью охотнее занимаются военными делами, чем благими мирными вещами; гораздо более пекутся они о том, как бы правдами и неправдами приобрести себе новые царства, чем о том, как достойно управиться с приобретенными.

Т. Мор

Наш народ миролюбив и незлоблив. Восемьсот лет провел в походах и боях.

Г. Зюганов

Россия – громадная равнина, по которой носится лихой человек.

А.П. Чехов

Государство ломает кости тому, кто перед ним не сгибается или не встречает его с любовью, как невеста жениха. Государство есть сила.

В.В. Розанов

Ежели есть сила, – обстоятельства покорятся.

В.Я. Шишков

Коли два камня друг на друга катятся, становиться между ними нельзя – изувечат.

М. Горький

Быть сильным хорошо,
Быть умным лучше вдвое.

И.А. Крылов

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их надо резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

А.С. Пушкин

Когда у оппонента кончаются аргументы, он начинает уточнять национальность.

А. Давидович

Это просто возмутительно, что наши враги имеют наглость иметь достоинства.

Л. Кумор

Убивали по приказу, а ненавидели, чтобы иметь чистую совесть.

С. Гарчиньский

Несчастна та страна, которая нуждается в героях.

Б. Брехт

Я не верю, что Россия хочет войны. Она хочет плодов войны.

У. Черчиль

Большая империя, как и большой пирог, легче всего объедается с краев.

Б. Франклин

Победа порождает ненависть; побежденный живет в печали. В счастье живет спокойный, отказавшийся от победы и поражения.

Будда

Похоже, все теперь курят трубку мира... Но не все затягиваются

«Пшекруй»

Для воевавших война никогда не кончается.

К. Малапорте

Война не может быть справедливой, потому что воевать справедливо нельзя, даже если воюешь за справедливость.

Т. Катарбиньский

Когда справедливость исчезает, то не остается ничего, что могло бы придать ценность жизни людей.

И. Кант

Всякая истина, о которой умалчивают, чтановится ядовитой.

Ф. Ницше

Правда – очень горькое питье, неприятное на вкус, но зато восстанавливающее здоровье.

О. Бальзак

Страдания правого – приговор неправому.

Э. Золя

Ошибаться – свойство человека, прощать – свойство богов.

А. Пол

Истинное искусство управлять заключается не в строгости, а в том благодушии, которое, в соединении с прямодушием, извлекает дань благодарности из самых черствых и непреклонных, по-видимому, сердец.

М.Е. Салтыков-Щедрин

Нежными словами и добротой можно на волоске вести слона

Саади

Будь внимателен к гостю – пусть он твой враг. Даже лесорубу с топором дерево не отказывает в тени.

Индийская мудрость

Пройдет время, и друг станет врагом, а враг – другом. Ибо собственная выгода сильнее всего.

Индийская мудрость

Добро пытается сделать мир благороднее, нравственнее, мягче, объединяя, а не разъединяя людей.

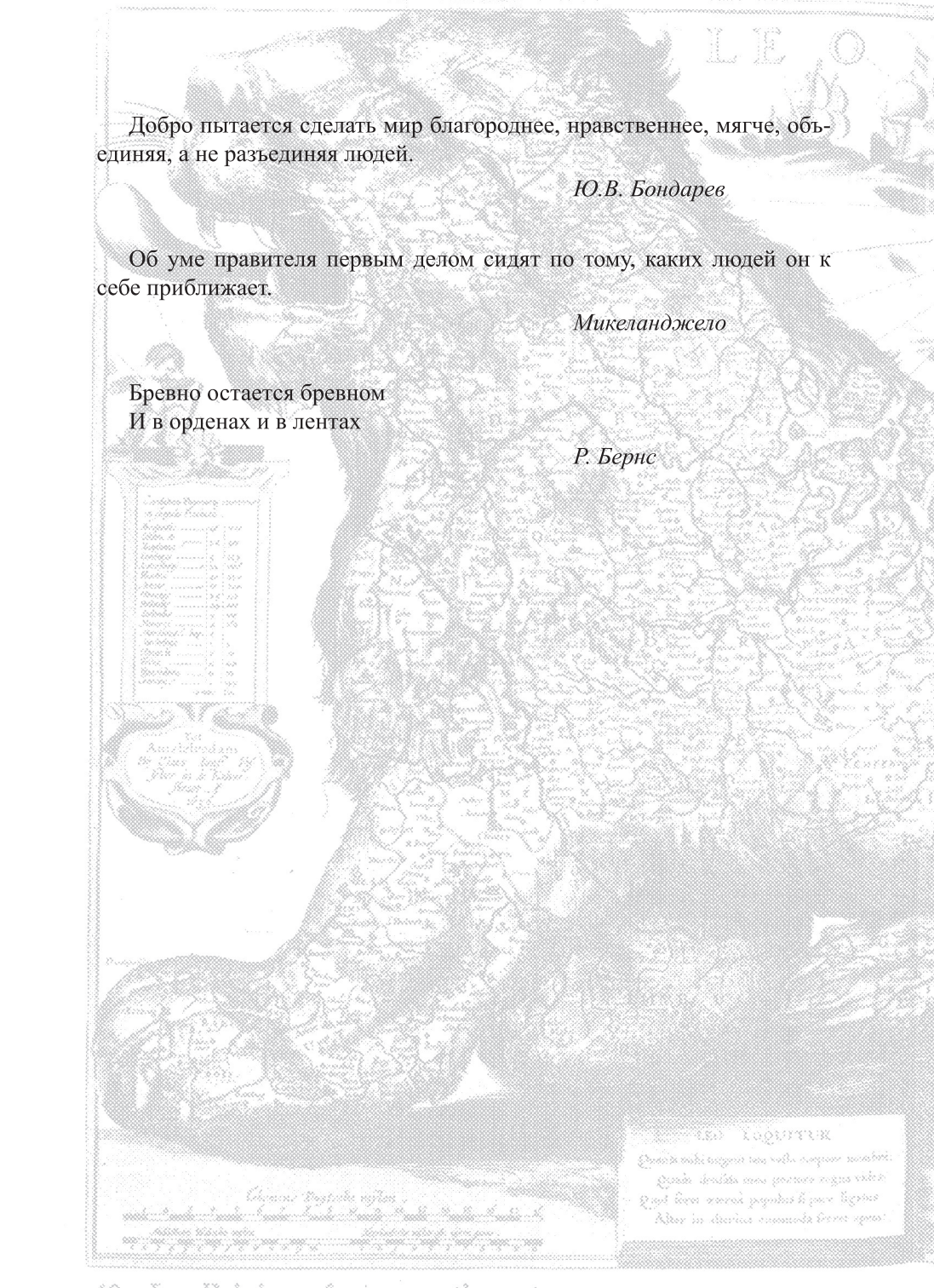
Ю.В. Бондарев

Об уме правителя первым делом сидят по тому, каких людей он к себе приближает.

Микеланджело

Бревно остается бревном
И в орденах и в лентах

Р. Бернс

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5

ГЛАВА I.
ИСТОРИОГРАФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ
НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 11

I. Историография
Евроцентристская и региональная этнография 11
Пересмотр проблем и аспектов отечественной истории 20
Информация о народах Кавказа,
хранящаяся в библиотеках России 29
Формирование отечественной литературы
о горцах в XIX веке 32
Советская историческая школа кавказоведения 60
Возникновение тезиса о «наименьшем зле»
и его влияние на историческую науку 75
Современный этап исследования истории
чеченского народа 93
Исследования зарубежных историков 107
Ориентализм западноевропейских ученых 109
Европейская идея о «русском варварстве» 111
Развитие теории «фронтира» 117
Эмигрантская литература 118
Современные исследования западных ученых 121
II. Источники 123
III. Методология 163
Принципы исследования 165
Научные методы 166

ГЛАВА II.
ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОГО
АДМИНИСТРАТИВНОГО АППАРАТА НА КАВКАЗЕ 199

Расширение Российской империи 199
Политика имперских властей
по отношению к «инородцам» в России и на Западе 204
Кавказ как объект
геостратегических интересов великих держав 210

Присоединение Чечни к Российской империи 217
Проекты интегрирования Кавказского региона
в общеимперскую структуру управления 225
А.И. Барятинский 237
А.П. Ермолов 245
А.А. Вельяминов 256
Наместничество 264
М. С. Воронцов 267
Н. Н. Муравьев-Карский 270
Кавказский комитет 276
И.И. Воронцов-Дашков 278
Военный министр Д.А. Милютин 280
Н.И. Евдокимов 283
Г.С. Голицын 290
Реакционная политика царизма на Кавказе 296
Образование и развитие Терской области 307

ГЛАВА III.
ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВОЕННО – НАРОДНОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ 321

Возникновение «военно-народного» управления 322
Чеченское управление 325
Характеристика администрации «военного типа» 328
Неудавшаяся попытка реформирования
системы военно-народного управления 331

ГЛАВА IV.
РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАВКАЗСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ К НАЧАЛУ XX ВЕКА 337

Кавказское чиновничество 337
Проблема коррумпированности властных структур
на Кавказе 337
Бюрократизация региона 342
Союз царских властей с бывшими противниками
из имамата Шамиля 344

Чеченцы на административных должностях
в Терской области: возможности и реальность 347
Национально-кадровый вопрос 350
Д.И. Святополк – Мирский 352
М.Т. Лорис – Меликов 353
А.П. Свистунов 367
С.В. Каханов 367
Факты притеснения чеченцев в период реакции 371
Формы подчинения государственным интересам
российских «окраин» 373

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 411

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ К СЕРИИ
“ЦАРСКОЕ ПРОШЛОЕ ЧЕЧЕНЦЕВ” 411

БИБЛИОГРАФИЯ 428

I. Нормативно-правовые акты 428
Опубликованные статистические,
архивные и справочно-информационные материалы 430
Статьи периодических изданий 446
V. Монографии. 474
Научные статьи в брошюрах и сборниках 474
А 474
Б 480
В 486
Г 488
Д 493
Е 498
Ж 499
З 499
И 501
К 504
Л 514
М 517
Н 523
О 525
П 527
Р 530

С 532
Т 537
У 540
Ф 541
Х 542
Ц 544
Ч 545
Ш 547
Щ 549
Э 549
Ю 550
Я 550
Авторефераты диссертаций и диссертации 552
Литература на иностранных языках 576

Научное издание

Зарема Хасановна Ибрагимова

ЦАРСКОЕ ПРОШЛОЕ ЧЕЧЕНЦЕВ
ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

Монография “Царское прошлое чеченцев: власть и общество” напечатана по рекомендации Президиума Академии наук Чеченской Республики.

Формат 60x84/16. Печать офсетная.
Объем 34,4 усл. печ.л.
Тираж 500 экз.

ISBN 978–5–98604–149–0

9 785986 041490

Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»
тел. (495) 691-0354 e-mail: probel-2000@mail.ru